947
П490

Петръ Великій.

Рисунокъ дозволенъ цензурою. Москва, 24 марта 1899 г.

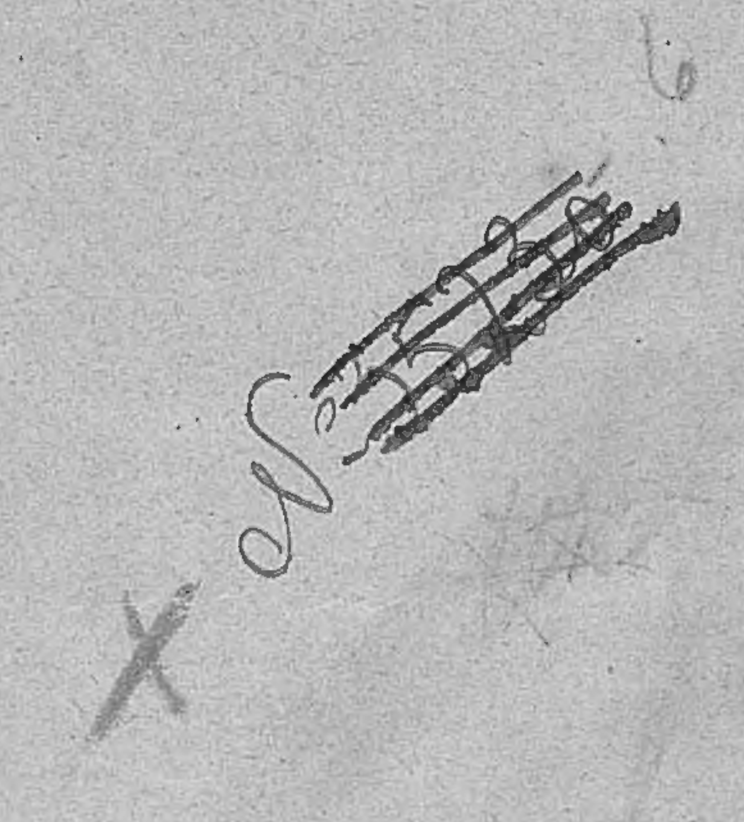
Н. А. Полевой.

ИСТОРІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Печатано съ 1-го изд. включ. въ катал. книгъ одобр. Уч. К. М. Н. Пр. для биб. Сред. Учеб. зав. и для безплат. чит.

МОСКВА.
Изданіе 2-е книгопродавца М. В. Клюкина, Моховая ул., д. Бенкендорфъ.
1899.



Типографія Вильде, Малая Кисловка. собственный домъ.

Родинѣ

Петра Великаго,

первопрестольной Москвѣ.

ЧАСТЬ I.

Разсказъ первый.

Рожденіе.—Дѣтство.—Воцареніе Петра Великаго.—Бунтъ стрѣльцовъ.

1672—1682 гг.

Сей будетъ велій!

Когда въ Европѣ, послѣ волненій реформаціи, наступилъ *вѣкъ Людовика XIV-го*, вѣкъ новыхъ политическихъ переворотовъ, предпослѣдній періодъ новѣйшей Европейской исторіи, время монархіи въ политикѣ, класcицизма въ искусствахъ, опыта и анализа въ наукахъ, и въ Россіи, тогда еще чуждой Европѣ, совершились событія достопамятныя. Въ началѣ XVII вѣка, когда Франція и Императоръ состязались между собою за первенство въ Европейской іерархіи; Голландія и Англія разрушали власть Испаніи въ другихъ частяхъ свѣта; въ сѣверной Германіи созидалось новое царство, Пруссія; Швеція являлась сильнымъ государствомъ на сѣверѣ, укрѣпленная мечемъ Густава Адольфа; Польша жила послѣднимъ дыханіемъ своей политической жизни; Оттоманская имперія истощалась въ безполезныхъ усиліяхъ удержаться на степени великихъ державъ Европейскихъ, въ Россіи прекратилась древняя династія Рюрика и Мономаха смертью Ѳеодора, сына *перваго русскаго царя*, Іоанна. Грознаго Престолъ русскій былъ переданъ злодѣйствомъ и крамолою потомку татарскаго мурзы, первому среди тогдашнихъ бояръ русскихъ, Борису Годунову. Явился самозванецъ, мститель похитителю царскаго вѣнца, погибъ въ кровавой бурѣ междоусобій, увлекъ за собою въ могилу родъ Годунова, погубилъ царя Василія Шуйскаго, схватившаго упавшій съ головы Годунова вѣнецъ, и предалъ взволнованную измѣнами русскую землю вѣроломной жадности сосѣдей. Польша и Швеція устремились на расхищеніе Русской земли. Древній вѣнецъ русскихъ царей былъ отдаваемъ мятежниками на выборъ чужеземнымъ князьямъ—королевичу польскому, принцу шведскому. Но возстало православіе, закипѣла любовь къ родинѣ, явилась на битву сила русская, изгнаны были враги, усмирена Рос-

сія. Любовь и надежда народа возвели на тронъ царскій благодатный родъ Романовыхъ, драгоцѣнный Русской землѣ памятью Анастасіи Романовой, первой супруги Іоанна Грознаго, нѣкогда бывшей ангеломъ хранителемъ царя Россіи и его подданныхъ. Юный царь Михаилъ и мудрый родитель его, патріархъ Филаретъ, обновили и благословили Россію на новую великую судьбу своими добродѣтелями. Имъ наслѣдовалъ царь Алексѣй, и Россія, за пятдесятъ лѣтъ стоявшая на краю погибели, снова явилась сильною и страшною сосѣдямъ, подобно Россіи времени Іоанновъ.

Царь *Алексѣй Михайловичъ* родился въ 1629-мъ году. Въ 1645 году вступилъ онъ на престолъ по кончинѣ родителя и показалъ великія дарованія царскія. Начало его правленія ознаменовалось составленіемъ книги русскихъ законовъ, или *Уложенія*. Принявъ самъ правленіе русскимъ царствомъ, пользующійся совѣтами друга своего, патріарха Никона, онъ освободилъ изъ-подъ ига польскаго области малороссійскихъ казаковъ и вошелъ въ сношенія съ Европою и Азіею. Послы его являлись въ Парижѣ, Мадридѣ, Гагѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, и Пекинѣ. Царь Алексѣй началъ въ Россіи кораблестроеніе; учреждалъ регулярные полки; думалъ о просвѣщеніи народа. Въ 1654 году царь Алексѣй объявилъ войну Польшѣ, оружіемъ возвратилъ Россіи Смоленскъ и Кіевъ и, подкрѣпляемый своими регулярными полками, дружинами казаковъ, Крымомъ и Швеціею, овладѣлъ почти всею Литвою. Но рѣшительности на великіе подвиги не достаточно, если сила генія не крѣпитъ ее и не ручается за совершеніе предположеннаго дѣла. Война, начатая столь славно, кончилась неожиданными послѣдствіями. Казалось, Алексѣй слишкомъ много довѣрилъ силамъ Россіи, еще не укрѣпленной послѣ недавнихъ бѣдствій, ею перенесенныхъ. Отчаяніе оживило поляковъ. Лукавая политика отвлекла Россію отъ союза съ Швеціею. Казаки малороссійские вѣроломно измѣнили царю Алексѣю и возстали противъ Россіи, когда внутреннія смятенія, бунтъ башкировъ и возмущеніе донскихъ казаковъ, расколы, произведенные неумѣренною ревностью Никона, и волненія народныя, причиненныя тягостью войны, начали тревожить Русскую землю. Неудачная война съ Швеціею; потери въ битвахъ съ Польшею; подданство казаковъ султану турецкому и опустошительные набѣги Крымцовъ, принудили Алексѣя примириться съ Швеціею (въ Кардисѣ, въ 1661 году) и съ Польшею (въ Андрусовѣ, въ 1667 году). Царь, какъ будто былъ утомленъ бурнымъ царствованіемъ; въ лѣтахъ, еще далекихъ отъ старости, онъ желалъ мира и спокойствія — оставилъ свои преобразованія; отказался отъ завоеваній, удерживая только Кіевъ и Смоленскъ; отвергъ неукротимаго Никона; не думалъ о своихъ регулярныхъ войскахъ и кораблестроеніи; старался только усмирять бунты и возмущенія, сокрушаясь о несбывшихся надеждахъ на царствованіе болѣе славное, болѣе благоденственное. Прискорбіе царя Алексѣя умножила потеря царицы супруги и царевича старшаго сына, юноши надеждъ великихъ. Грустно было царю видѣть, что кромѣ царевенъ дочерей, у него оставались два сына, царевичи Ѳеодоръ

и Іоаннъ, оба кроткіе и благочестивые, но въ лѣтахъ весьма юныхъ, оба слабые здоровьемъ, чуждые воинскихъ способностей и дарованій необходимыхъ государю, между тѣмъ какъ въ Польшѣ избранъ былъ на престолъ королевскій храбрый полководецъ Іоаннъ Собіескій, въ Швеціи царствовалъ суровый Карлъ XI-й, Оттоманы угрожали войною за казаковъ, предводимые на поляхъ битвъ храбрымъ визиремъ Купругли-пашею. Можно было думать, что снова настаютъ времена сомнительнаго бытія Русскаго царства.

Тогда угодно было судьбамъ Божіимъ послать въ Россію *избранника*, да совершитъ дѣло вѣковъ, исполнитъ, о чемъ едва только помышляли прежніе цари русскіе, и утвердитъ и возвеличитъ Русскую землю: сей избранникъ Божій былъ — Петръ Великій.

Въ числѣ царедворцовъ Алексѣя находился любимецъ его, не знатнаго рода и не чиновный, но храбрый воинъ на поляхъ брани, умный совѣтникъ въ Царской Думѣ, начальникъ царскихъ потѣхъ, *Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ*, почти ровесникъ царю и необыкновенно образованный. Царь любилъ его, не разставался съ нимъ. „Пріѣзжай скорѣе“, писалъ къ нему Алексѣй, когда однажды Матвѣевъ отлучился изъ Москвы на короткое время — „безъ тебя не кому за моими дѣтьми присмотрѣть, а мнѣ посовѣтоваться не съ кѣмъ“. Вопреки строгому чиноположенію и уставу дворцовому, по которымъ не только самъ царь русскій ни къ кому не ѣздилъ, но и предъ *свѣтлыя царскія очи* допускались только немногіе высшіе бояре и ближніе люди, кромѣ дней торжественныхъ, Алексѣй запросто посѣщалъ домъ Матвѣева (бывшій въ Москвѣ въ приходѣ Николы въ Столпахъ, гдѣ нынѣ Армянскій переулокъ), проводилъ съ нимъ вечера въ бесѣдѣ, тѣшился у него музыкою и *нѣмецкою комидіею*, гдѣ иногда представляли, *какъ Юдиѳь отрубила голову Олоферну;* изображали *въ лицахъ* исторію трехъ Вавилонскихъ отроковъ, или повѣсть о Блудномъ сынѣ, и вмѣсто балета, Орфей плясалъ съ двумя пирамидами, проговоря царю привѣтствіе:

Dein Verstand und Heldenmacht
Kann uns zubereiten,
Nach der langen Kriegesnacht,
Guldne Friedenszeiten. *)

Послѣ потери супруги царь Алексѣй особенно часто бывалъ у Матвѣева, какъ будто судьба влекла его, и однажды пожелалъ онъ остаться у него ужинать, безъ чиновъ, съ его семействомъ. Къ ужину вышли жена, сынъ Матвѣева, и незнакомая царю дѣвушка, юная, скромная, прелестная. Царь былъ плѣненъ красавицею Необыкновенно веселый, онъ шутилъ, спрашивалъ объ ней, узналъ, что незнакомая ему дѣвушка была дальняя родня Матвѣева *Наталія*, дочь *Кирилла Нарышкина*, заслуженнаго, но бѣднаго дворянина, и шутя обѣщалъ сыскать ей хорошаго, богатаго жениха. — „Ты не забылъ моего обѣщанія сыскать Наталіи жениха?“ спросилъ царь у Ма-

*) Твоя мудрость и твое геройство могутъ осчастливить насъ, послѣ долгой нощи браней, златымъ мирнымъ временемъ.

твѣева черезъ нѣсколько дней. „Я сдержалъ свое слово и жениха ей нашелъ".—Матвѣевъ спросилъ объ имени избраннаго. „Я женихъ ей", отвѣчалъ царь Матвѣевъ повергся къ ногамъ его, умоляя отмѣнить намѣреніе, и говоря, что враги, и безъ того ищущіе случая погубить его, почтутъ избраніе Наталіи хитрымъ умысломъ его возвыситься надъ всѣми другими царедворцами. Царь успокоилъ своего друга, и желая отвратить всякое подозрѣніе въ своемъ выборѣ, изъявилъ главнымъ вельможамъ своимъ желаніе сочетаться вторымъ бракомъ съ достойною подругою. Приступили къ обыкновенному выбору невѣсты. Со временъ Іоанна Грознаго цари русскіе избирали въ супружество дочерей своихъ подданныхъ. По обычаю собрано было въ Кремлевскій дворецъ *шестдесятъ* красавицъ со всей Москвы, дочерей боярскихъ, и въ числѣ ихъ нѣсколько незнатныхъ дѣвицъ, отличенныхъ красотою и умомъ. Во время угощенія явился среди нихъ царь, любовался собраніемъ невѣстъ своихъ, говорилъ съ ними, узнавая въ разговорѣ ихъ умъ и разумъ; самъ подчивалъ ихъ, и указалъ боярамъ на ту, которую полюбилъ не въ дорогомъ уборѣ и не въ золотѣ—*Наталію Кирилловну Нарышкину*. Она находилась въ числѣ другихъ дѣвицъ, приглашенныхъ въ царскіе чертоги. Гнѣвъ и злоба за выборъ встревожили многихъ, и особенно родственниковъ умершей царицы, бояръ Милославскихъ, бывшихъ до тѣхъ поръ временщиками и первыми вельможами при царскомъ дворѣ. Они предвидѣли, что Матвѣевъ и родственники Наталіи замѣстятъ ихъ, и будутъ отнынѣ болѣе близкими любимцами царя. Но никто не смѣлъ противиться царскому выбору. Свадьбу царскую отпраздновали Января 22-го 1671 года.

Предвидѣнное Милославскими вскорѣ оправдалось на дѣлѣ. Матвѣевъ и родственники молодой Царицы, страстно любимой Царемъ, прекрасной, умной, кроткой, благодѣтельной, сдѣлались первыми сановниками при Дворѣ. Царь, обремененный заботами по государственному правленію и, не смотря на свою тучность и нестарые годы, часто больной, въ семейныхъ радостяхъ находилъ отраду. Его супруга, родитель ея и братья, Матвѣевъ и немногіе друзья ихъ окружали Царя, среди нихъ забывавшаго болѣзнь свою, душевныя скорби и крамолы прежнихъ любимцовъ. Чудныя предвѣщанія возвѣстили царю Алексѣю рожденіе сына. Былъ тогда въ Москвѣ инокъ Симеонъ, выѣхавшій изъ Полоцка, когда русскіе завоевали сей городъ, въ 1656 г. царь узналъ умъ и великую ученость Симеона, и опредѣлилъ его наставникомъ сына своего, царевича Ѳеодора. Симеонъ полоцкій былъ богословъ, піитъ, звѣздочетъ, учился въ Италіи, изведалъ Эллинскую премудрость. Внезапно явился онъ къ царю и предсказалъ ему, что по теченію звѣздъ открылъ рожденіе сына царскаго, воина великаго, государя мудраго; что имя ему будетъ *Петръ*, и слава его высоко взойдетъ звѣздою лучезарною и освѣтитъ весь міръ. Въ Москвѣ жилъ еще тогда нѣкій юродивый мужъ, почитаемый въ народѣ за его благочестіе, презрѣвшій суеты міра, великій провидецъ сокрытаго отъ другихъ. Царь Алексѣй зналъ его, уважалъ, радовался, когда юродивый мурдецъ приходилъ въ его царскіе чер-

тоги. Неожиданно явился юродивый въ царскій теремъ, увидѣлъ вмѣстѣ царя и царицу, и сказалъ царицѣ, что пришелъ привѣтствовать *Царя Великаго*. Наталія указала ему на своего супруга. „Побольше мужа твоего вижу я царя въ утробѣ твоей!" воскликнулъ юродивый — „родится отъ тебя *Пахомъ съ большимъ костылемъ* и всѣ его бояться будутъ!" Такъ явно разсказывали по Москвѣ о всѣхъ сихъ чудесныхъ предвѣщаніяхъ, что жившій тогда въ царской столицѣ, ученый голландецъ Гейнзій писалъ о томъ къ другу своему Гревію въ Утрехтъ, и получилъ въ отвѣтъ, что и голландскіе астрологи, слыша о рожденіи русскаго царевича, предвѣщаютъ въ немъ Россіи царя войнолюбиваго и мудраго.

Мая 30-го 1672 года, рано утромъ, Симеонъ полоцкій пришелъ во дворецъ царскій, засталъ царя въ великой печали и воскликнулъ: „Не унывай, но молись, да продлятся еще мученія и скорби царицы!" — Безумный! — отвѣчалъ ему царь гнѣвно—уже она едва жива! „Молись!" продолжалъ Симеонъ, „и знай, царь православный, что каждый лишній часъ скорби матери прибавитъ лѣта жизни царевичу!" Но царя уже спѣшили обрадовать вѣстью о рожденіи сына. Царь Алексѣй нарекъ новорожденнаго: *Петръ*, по предсказанію Симеона—имя тогда еще небывалое въ царскомъ родѣ. Счастливый отецъ поспѣшилъ къ своей царицѣ и послалъ въ Успенскій соборъ служить молебенъ за здравіе новорожденнаго. Тамъ уже съ самой ночи возносимы были молитвы о спасеніи жизни царицы, и прежде прихода царскаго вѣстника имя *Петра*, по неизвѣстному внушенію, діаконъ произнесъ на ектеніи, вмѣстѣ съ именами царевичей Θеодора и Іоанна. Онъ самъ говорилъ потомъ съ клятвою, что не знаетъ, кто велѣлъ ему молиться о новорожденномъ царевичѣ и назвалъ его по имени Такъ вѣра и надежда народа облекали таинственными предвѣщаніями колыбель Петра Великаго.

Царь всенародно благодарилъ Бога въ первопрестольномъ храмѣ Московскомъ, Успенскомъ соборѣ. Потомъ повелѣлъ призвать во дворецъ своихъ царедворцовъ, военныхъ, гражданскихъ чиновниковъ, почетныхъ гостей торговыхъ, избранныхъ людей изъ всего народа, милостиво и ласково слушалъ привѣты ихъ, подчивалъ ихъ Фряжскими винами и яблоками изъ своихъ царскихъ садовъ. Іюня 28-го крестили новорожденнаго царевича въ Чудовомъ монастырѣ, передъ гробницею Алексія митрополита; воспріемникомъ его былъ царевичъ Θеодоръ, воспріемницею благочестивая царевна, тетка его, Ирина Михайловна. Нянюшка, княгиня Ульяна Ивановна Голицына, „вдова честнаго рода знаменитаго", принесла его къ купели. Радостно пировали на другой день въ царскихъ чертогахъ. Широкіе столы гнулись подъ ста двадцатью золотыми и серебряными блюдами, тяжелыми кружками и братинами, двухъ-пудовыми сахарными лебедями, сахарнымъ городомъ Кремлемъ, хитро сдѣланнымъ, съ пушками и со всякимъ воинскимъ приборомъ. Царь угощалъ, дарилъ своихъ гостей, не забылъ нищихъ и сиротъ, послалъ богатыя подаянія въ темницы и назначилъ великіе дары въ церкви и монастыри.

И началъ подростать царевичъ Петръ на радость отцу и матери, здоровый, прекрасный, съ первыхъ лѣтъ показывая умъ не по возрасту и неукротимую страсть къ воинскимъ забавамъ. Три года было Петру, когда какой-то московскій купецъ поднесъ ему маленькую, красивую саблю. Царевичъ такъ обрадовался подарку, что выпросилъ купцу у родителя своего почетное званіе *гостя*. Духовникъ царскій прочиталъ молитву; царевича препоясали мечемъ, и онъ почти не снималъ грознаго меча своего, нерѣдко засыпалъ съ своею саблею и клалъ ее въ свою колыбель. Царь собралъ ему ровесниковъ на потѣху, одѣлъ ихъ по воински, и царевичъ Петръ безпрестанно воевалъ и сражался съ своими потѣшными, строилъ и бралъ города, давалъ битвы, одерживалъ побѣды. Родитель не могъ нарадоваться на него.

Но, когда безпечно проходило дѣтство Петра, мрачныя тучи страха и сомнѣнія облегали царскій дворъ и тревожили думою всѣхъ царедворцовъ и подданныхъ царя Алексѣя. Еще двѣ дочери родились у царя, царевны Наталія и Ѳеодора, но здоровье его видимо слабѣло и разрушалось, и всѣхъ удручала мысль о томъ: кому быть его преемникомъ? По праву первородства престолъ слѣдовалъ царевичу Ѳеодору. Ему исполнилось 12 лѣтъ и родитель *объявилъ* его народу. Священный обрядъ сей всегда совершался на Царской площади, передъ Успенскимъ соборомъ. Царь возсѣдалъ на тронѣ, среди сонма царедворцовъ своихъ и въ присутствіи народа. Выводили царевича передъ народное собраніе, и послѣ благословенія патріаршаго, сына царскаго представляли царедворцамъ, войску и народу, привѣтствовавшимъ его поклонами, послѣ чего царевичъ являлся уже въ народѣ, сопутствуя родителю своему въ торжественныхъ духовныхъ обрядахъ, посѣщеніи обителей, на охоту, на смотры войскъ. До „объявленія“ рѣдко кто могъ видать царскихъ сыновей, сокрытыхъ въ чертогахъ Кремлевскихъ, гдѣ берегли ихъ дядьки и мамки отъ злаго человѣка и недобраго глаза въ неприступныхъ никому теремахъ, окруженныхъ стражею, и въ заповѣдныхъ садахъ Коломенскаго, Измайловскаго, Преображенскаго, Воробьевскаго дворцовъ, куда царь переѣзжалъ на лѣто. Но „объявленіе“ Ѳеодора не означало еще рѣшенія царскаго. Самодержецъ Россіи могъ учинить наслѣдникомъ своимъ кого было ему угодно, и колебался мыслью: не Петру ли царевичу, сыну любимому, надеждѣ и радости своей, передать престолъ вмѣсто братьевъ его, слабыхъ здоровьемъ и не отличавшихся царственными дарованіями? Кроткій Ѳеодоръ готовъ былъ уступить младшему брату, и еще менѣе могъ противиться волѣ родителя хворый, подслѣповатый царевичъ Іоаннъ. Матвѣевъ соглашался съ мыслью царя; ему хотѣлъ предоставить царь управленіе государствомъ до совершеннолѣтія Петра. Но какъ ни тайно совѣтовался царь Алексѣй съ другомъ своимъ, враги Матвѣева, Милославскіе и прислужники ихъ, проникли тайну цареву, и крамола страшно зашипѣла кругомъ престола царскаго. Представляли царю Алексѣю раздоръ дѣтей и междоусобіе государственное, совѣтовались между собою, хитрили, сговаривались—готовы были даже на злодѣйство! Оттѣсненные отъ царскаго пре-

стола, Милославскіе дѣйствовали сильнѣе другихъ, стараясь увлечь въ свое согласіе патріарха Іоакима, склонявшагося на сторону Петра: онъ опасался сильнаго вліянія Симеона полоцкаго на умъ Ѳеодора. Хитрый и честолюбивый, воспитанникъ іезуитовъ, Симеонъ простиралъ замыслы на власть неограниченную; думалъ учредить въ Россіи папу восточной церкви, возведя въ сей санъ низверженнаго Никона, непокорнаго въ самомъ заточеніи его; хотѣлъ возвысить силу духовенства въ Россіи и овладѣть волею царей русскихъ. Вельможи, желавшіе добра отечеству, полагали, что лучше повиноваться умному и добродѣтельному Матвѣеву, нежели Милославскимъ, отличеннымъ только высокомѣріемъ, корыстолюбіемъ, злобою противъ враговъ, и друзьямъ ихъ: князю Хованскому, прозванному Тарaруемъ за его вздорный, строптивный нравъ; князю Василію Васильевичу Голицыну, молодому честолюбцу; Хитрову, дядькѣ Ѳеодора, умомъ коего управлялъ Языковъ, нѣкогда бѣдный чиновникъ, потомъ ловко и незамѣтно втѣснившійся во дворецъ, и наконецъ Волынскому, бездушному низкопоклоннику, считавшему себя великимъ дипломатомъ!

Когда тайно и скрытно тревожила и волновала Дворъ царскій крамола вельможъ, безмолвно и благоговѣйно являлись всѣ они передъ Царемъ, видимо склонявшимся ко гробу. Въ началѣ 1676 года, царь Алексѣй слегъ въ тяжкой болѣзни и уже не вставалъ съ болѣзненнаго одра. Еще нѣсколько времени длилась надежда на его выздоровленіе — вскорѣ исчезла она. Всѣ нетерпѣливо ждали рѣшенія важнаго вопроса о будущемъ властителѣ Россіи. Одръ умирающаго царя окружили патріархъ и избранные вельможи, но царь Алексѣй молчалъ, и никто не смѣлъ произнесть передъ нимъ слова о наслѣдникѣ престола его, хотя однихъ страшила неизвѣстная будущность отечества, другихъ возмущала жажда власти и величія. Матвѣевъ плакалъ и безмолствовалъ. Могли-ли думать тогда о престолѣ и власти добродѣтельный другъ царскій и кроткая царица Наталія, любившая супруга, уже задолго при жизни его горестно оплакивавшая вдовство свое и сиротство дѣтей, слыша о злобныхъ замыслахъ крамольниковъ, дерзко тѣснившихся къ смертному одру царя Алексѣя? Но если и боялись Милославскіе и друзья ихъ тревожить послѣднія минуты жизни государя, они успѣли между тѣмъ уговорить патріарха Іоакима, согласиться между собою, удалить Матвѣева и царицу Наталію, представить царю гибельныя слѣдствія измѣненія въ порядкѣ наслѣдства. Алексѣй призвалъ царевича Ѳеодора, благословилъ его вѣнцомъ Мономаха, и кончивъ земное дѣло царя, пожелалъ, какъ отецъ и супругъ, проститься съ семействомъ, уже приготовленный къ вѣчной жизни напутствованіемъ св. Тайнъ. Отворили дверь въ чертогъ умирающаго властителя Россіи. Кротко и мудро увѣщевалъ онъ юнаго Ѳеодора, да будетъ царемъ добрымъ, да помнитъ, что Богъ потребуетъ отъ него отчета въ дѣлахъ его, спроситъ отвѣта за каждую слезу подданныхъ его. Онъ умолялъ сына любить и хранить братьевъ и сестеръ, почитать Наталію, какъ родную мать и царицу.—„Будь ему отцомъ“, говорилъ Алексѣй, указывая на

трехъ-лѣтняго Петра; подозвалъ къ себѣ отца Наталіи Кирилла Нарышкина, Ивана Головина и князя Петра Прозоровскаго, назначилъ ихъ надзирателями Петра, приказывалъ имъ, просилъ ихъ беречь его, „яко зѣницу ока своего“. Въ слезахъ поверглась передъ нимъ супруга, держа на рукахъ малолѣтняго Петра. „Что мнѣ и сыну прикажешь ты?“ говорила она. Уже темнѣлъ взоръ, коснѣлъ языкъ царя Алексѣя. Онъ велѣлъ приподнять себя, положилъ руки на голову Петра; слышали, какъ едва внятнымъ голосомъ проговорилъ онъ: „Не плачь—ему суждено быть царемъ!“ Всѣ умолкли, замѣчая, что тихая смерть праведника близилась къ великому повелителю Русской земли Патріархъ началъ читать отходныя молитвы, и вечеромъ января 29-го, 1676 года, не стало царя Алексѣя.

Горестно услышали Москва и Россія печальную вѣсть о кончинѣ Царя, коему повиновались болѣе тридцати лѣтъ, и спѣшили присягнуть юному преемнику его Θеодору. Въ печальномъ платьѣ провожали царь Θеодоръ, братья и сестры его, гробъ родителя въ Архангельскій соборъ, усыпальницу государей Русской земли, гдѣ поучительнымъ укоромъ земному величію являлись ряды гробницъ ихъ, отъ Іоанна Калиты до царя Михаила: здѣсь всѣ они, кромѣ Бориса Годунова, изторгнутаго изъ могилы мстительной рукою Самозванца—всѣ они являлись здѣсь, Димитрій Донской и Іоаннъ Грозный, Василій Шуйскій и Михаилъ Романовъ.

Еще не умолкъ плачъ народа, еще не скинуты были одежды печали, а крамола уже явно буйствовала кругомъ престола, на который возсѣлъ юный, неопытный царь Θеодоръ (ему было только 15-ть лѣтъ). Милославскіе мгновенно явились могущими временщиками, и жадно устремились на гибель самаго опаснаго имъ человѣка—Матвѣева. Немедленно объявили ему волю царя: ѣхать воеводою въ Сибирь. Матвѣевъ повиновался. Горестно простился онъ съ царицею Наталіею, какъ будто предчувствовалъ печальную участь свою, и поѣхалъ. На Волгѣ догнали его услужники Милославскихъ, обобрали у него имѣніе, именемъ царя объявили его лишеннымъ боярскаго сана, и безъ суда и расправы, подъ крѣпкою стражею, увезли его съ семействомъ въ Пустозерскъ, городокъ въ отдаленныхъ сѣверныхъ тундрахъ на берегахъ Печоры, далекій отъ всякихъ жилищъ человѣческихъ, гдѣ съ трудомъ добывали себѣ насущное пропитаніе бѣдные жители, и нерѣдко недоставало имъ даже хлѣба, привозимаго издалека. Не нашлось друга и защитника Матвѣеву. Дома его и имѣніе повсюду расхитили; помѣстья отписали на царя. Гоненіе постигло и Нарышкиныхъ; ихъ выслали изъ Москвы. Страшась изгнанника Никона, перевели его подъ крѣпкую стражу въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь изъ Θерапонтова, гдѣ онъ тогда содержался. Царица Наталія увидѣла себя одинокою, оставленною съ сыномъ и дочерьми въ забытомъ всѣми, уединенномъ ея Кремлевскомъ теремѣ. Всѣ толпились въ золотыхъ палатахъ царя, спѣша искать милости временщиковъ дворскихъ и привѣтствовать Θеодора, торжественно коронованнаго Іюня 16-го 1676 года.

Но допустивъ Милославскихъ погубить Матвѣева, изгнать Нарышкиныхъ, отягчить судьбу Никона, захватить всѣ важнѣйшія и доходныя мѣста въ государствѣ, царь Ѳеодоръ неожиданно изъявилъ свою твердую волю: онъ хотѣлъ исполнить завѣтъ родителя, быть царемъ добрымъ; прекратилъ опалы и ссылки; не смѣя отвергнуть Милославскихъ, искалъ около своего престола болѣе достойнаго совѣтника и руководителя, и нашелъ его, какъ можно было предвидѣть, въ бывшемъ учителѣ своемъ, Симеонѣ Полоцкомъ. Милославскіе вскорѣ перессорились съ своими друзьями за дѣлежъ власти и добычи. Языковъ и князь В. В. Голицынъ вошли въ особенную милость царскую и раздѣлили ее съ Симеономъ. Много другихъ вельможъ и бояръ подкрѣпили ихъ, и царь Ѳеодоръ оказался достойнымъ братомъ Петра. Невзирая на слабость здоровья, онъ самъ началъ присутствовать въ царской Думѣ; принялъ на себя заботы правленія; хотѣлъ чести Россіи и просвѣщенія Русской землѣ. Дѣла его показали желаніе на добро, къ несчастію, при недостаткѣ силъ души и крѣпости тѣла онъ не могъ исполнить свои добрыя намѣренія.

Онъ не хотѣлъ купить униженіемъ мира съ Оттоманами; послалъ войско въ заднѣпровскую область и мужественно выдержалъ первую войну русскихъ противъ Турціи, оставшуюся въ памяти народной подъ именемъ Чигиринскаго похода, ибо русскіе сражались тогда съ турками подъ Чигириномъ. Видя необходимость отказаться отъ владѣнія заднѣпровскими казацкими землями, бывшими причиною спора, царь Ѳеодоръ принялъ предложеніе о мирѣ, ограничивъ предѣлы Россіи къ западу теченіемъ Днѣпра. По Бахчисарайскому договору (1681 года въ январѣ) положено, что заднѣпровская область до польскихъ и турецкихъ границъ останется незаселенною и никому не принадлежащею. Малороссія была такимъ образомъ укрѣплена за Россіею со стороны турокъ. Напрасно король польскій, Іоаннъ Собіескій заводилъ споры и требовалъ обратно Кіевъ. Видя, что у Польши нѣтъ силъ воевать, Ѳеодоръ не уступалъ и принудилъ польскаго короля оставить Кіевъ за Россіею, подтверждая миръ.

Еще замѣчательнѣе были дѣла царя Ѳеодора по внутреннему управленію Русскимъ государствомъ. Онъ заботился о правосудіи въ судахъ, уменьшеніи роскоши въ одеждѣ и экипажахъ, облегченіи тягостей, лежавшихъ на его подданныхъ. Патріархъ Іоакимъ, старецъ упрямый и суевѣрный, даже ужаснулся нововведеній, когда царь Ѳеодоръ, по совѣту Симеона, учредилъ особую типографію въ Кремлевскомъ дворцѣ. Симеонъ началъ печатать въ ней книги безъ патріаршаго разсмотрѣнія, заводилъ въ Москвѣ Латинскую Духовную Академію, вводилъ въ церквахъ партесное пѣніе, вмѣсто столповаго, и хотѣлъ говорить изустныя проповѣди. Милославскихъ, хотя уже и не первыхъ любимцовъ царскихъ, но все еще сильныхъ, болѣе всякихъ нововведеній устрашилъ указъ царскій, по которому опальный Матвѣевъ, тщетно умолявшій тогда о милосердіи, былъ неожиданно переведенъ изъ Пустозерска въ Лухъ, и ему возвращена притомъ часть имѣнія. Еще медлилъ Ѳеодоръ призваніемъ Матвѣева ко Двору, но за то онъ воздалъ неожи-

данную почесть Никону: послалъ къ осудившимъ его Вселенскимъ Патріархамъ просьбу о возвращеніи ему сана патріаршаго, и слыша о тяжкой болѣзни Никона, почтительно просилъ его переѣхать въ устроенный имъ, любимый Воскресенскій монастырь его, иначе называемый Новымъ Іерусалимомъ, ибо сія великолѣпная обитель была воздвигнута Никономъ по образцу Іерусалимской церкви Святаго Гроба. Донынѣ изумляя посѣтителя своимъ величіемъ, еще болѣе изумляетъ она тѣмъ, что въ нее перенесенъ, такъ сказать, снимокъ съ храма, драгоцѣннаго христіанину святыми воспоминаніями о Богочеловѣкѣ, Спасителѣ міра. Благословляя добраго Царя, Никонъ спѣшилъ ѣхать, желалъ хоть умереть въ любезной ему обители, и возвращался въ нее торжественно. Его встрѣчали всюду, какъ великаго первосвятителя и невиннаго страдальца. Онъ не доѣхалъ однакожъ до Москвы и скончался въ Ярославлѣ. Царь Ѳеодоръ со всѣмъ синклитомъ своимъ встрѣтилъ гробъ Никона, несъ его на своихъ рукахъ, самъ пѣлъ при погребеніи архипастыря, и похоронилъ его, какъ патріарха (хотя разрѣшительныя граматы Вселенскихъ Патріарховъ были получены уже впослѣдствіи). Тщетно вопіялъ Іоакимъ, не былъ на погребеніи Никона, даже проклиналъ Симеона, руководителя воли царской. Царь Ѳеодоръ продолжалъ нововведенія, и совершилъ подвигъ, коего не смѣлъ предпринять родитель его во дни славы своей: повелѣніемъ царя Ѳеодора было уничтожено мѣстничество—пагубное зло, губившее Россію и требующее нѣкотораго поясненія, ибо не всѣмъ извѣстны начало и сущность его.

Послѣ разрушенія удѣльной системы и образованія единодержавной власти въ Россіи, уничтожились всѣ прежнія родовыя отличія. Потомки бывшихъ князей, нося титулъ княжескій, являлись равными съ послѣднимъ подданнымъ царя, предстоя передъ трономъ единовластителя и самодержца. Но уже со временъ Іоанна III учреждено было при царскомъ Дворѣ чиноначаліе. Первую степень его составляли бояре, вторую окольничіе, третью стольники. Они получали отъ царя помѣстья, или земли во временное владѣніе, имѣя право покупать ихъ въ отчину, или родовое владѣніе. За услугу обращали имъ также помѣстья въ отчину, и сверхъ того производили имъ оклады, или денежное жалованье. Сіи чиновники образуя собою Дворъ царя, были назначаемы царемъ равно въ военную и гражданскую службу, предводили войсками, засѣдали въ царской Думѣ и приказахъ. Низшее чиноначаліе образовали стряпчіе, дворяне, жильцы, дѣти боярскіе, также получавшіе оклады, помѣстья и отчины. Но всѣ эти званія не были родовыми, не переходили отъ отцовъ къ дѣтямъ. Сынъ боярина долженъ былъ самъ дослуживаться до сана отцовскаго. Царь могъ по волѣ своей лишить перваго боярина чина его, и наградить имъ, кого было ему угодно. Изъ чиноначалія, совершенно подчиненнаго такимъ образомъ волѣ царской, образовалась однакожъ постепенно аристократія особенная. Если не уважались роды, то мѣста сдѣлались отличіемъ. Всѣ должности были расчислены и получили большій или меньшій почетъ; тотъ считалъ себя униженнымъ, кого

подчиняли чиновнику, меньшему его по мѣсту и младшему по службѣ. Отсюда почетъ мѣстъ перешелъ къ дѣтямъ: каждый чиновникъ началъ считать за стыдъ повиновеніе такому товарищу своему, предокъ коего былъ ниже его предка по мѣсту. Цари допустили сей новый родъ счета родовыми заслугами; споры о томъ разбирались въ особенномъ разрядѣ и назывались спорами о мѣстахъ, или мѣстничествомъ. Величайшій безпорядокъ во всѣхъ дѣлахъ всегда производило несчастное мѣстничество, и уже ничто, даже царская воля, не могли обуздать его. Царь воленъ былъ лишить кого угодно званія и жизни, но не принудить къ уступкѣ того, что каждому казалось выше царскихъ милостей и самой жизни, ибо она была безславіемъ, если бы кто уступилъ безспорно другому свой родовой почетъ. Тщетно старались цари прекратить пагубу мѣстъ, не смѣя рѣшительно приступить къ искорененію зла. Царь Өеодоръ не устрашился дѣла опаснаго, созвалъ соборъ и изъявилъ непремѣнную волю свою уничтожить мѣстничество. Никто не смѣлъ противорѣчить. Патріархъ, убѣжденный царемъ, по власти первосвятительской изрекъ проклятіе непослушнымъ. Разрядныя книги были принесены и сожжены въ присутствіи собора. Царь смѣло приступилъ послѣ сего къ новому устройству русскаго войска, желая ограничить видимыя въ немъ своеволія и безпорядки. Только стрѣльцы составляли тогда постоянное русское войско. Всѣ другія воинскія дружины набирались на время военное, конныя изъ дворянъ, жильцовъ, дѣтей боярскихъ; пѣхотные изъ крестьянъ, помѣщичьихъ и государевыхъ, и по окончаніи службы распускались по домамъ. Было еще нѣсколько полковъ, составленныхъ изъ наемныхъ иностранцевъ, и кромѣ нихъ войско русское дополняли дружины казаковъ, татаръ, калмыковъ, башкировъ и другихъ народовъ, покорныхъ русскому царю. Можно вообразить безпорядокъ и невозможность управлять нестройными толпами необученныхъ и произвольно вооруженныхъ воиновъ. Оставляя до времени лучшее распоряженіе всѣми другими воинскими силами Россіи, царь Өеодоръ велѣлъ немедленно преобразовать стрѣлецкіе полки.

Знаменуя себя такими, истинно царскими дѣлами, Өеодоръ показывалъ, что онъ помнитъ и исполняетъ послѣдній завѣтъ родителя: любить, беречь милаго ему, младшаго сына, и чтить царицу Наталію, какъ родную мать. Өеодоръ возвратилъ ко двору Нарышкиныхъ, хотя не давалъ имъ высшихъ мѣстъ; оставилъ при Наталіи весь штатъ ея, прежнее содержаніе, изъявлялъ къ ней почтеніе сыновнее. Царевичъ Петръ радовалъ и веселилъ его удивительною понятливостью, необыкновеннымъ умомъ, пылкимъ нравомъ, прелестью лица, воинскими играми. Пять лѣтъ было Петру, когда положили начать его ученье.

И въ самомъ царскомъ семействѣ, какъ у вельможъ и бояръ, все ученье тогдашнее состояло въ азбукѣ, письмѣ, познаніи св. Писанія, изученіи отечественныхъ законовъ, чтеніи древнихъ лѣтописей и немногихъ историческихъ и географическихъ сочиненій, переведенныхъ на русскій языкъ. Другія знанія вообще почитались какою-то басурманскою, эллинскою пре-

мудростью, не нужными, иныя едвали не вредными православію, другія неприличными людямъ высшихъ званій. Иностраннымъ языкамъ вовсе не учили. Философомъ считался знавшій толкованія и тонкости схоластики. Литературы не было, ибо хотя типографіи были заведены еще въ концѣ XVI вѣка, но въ нихъ печатали только церковныя книги и государственныя бумаги. Поэзія, музыка, пляска считались грѣшною забавою. Ваяніе строго запрещалось, ибо не дозволялись рѣзныя изображенія святыхъ предметовъ, а истуканы идоловъ почитали соблазномъ и грѣхомъ. Живопись состояла только въ иконописаніи. Въ математикѣ видѣли почти колдовство, и астрономъ такъ же смѣшивался въ народномъ понятіи съ астрологомъ (звѣздочетомъ), какъ химикъ съ волшебникомъ. О военныхъ знаніяхъ не было у русскихъ никакого систематическаго понятія. Вообще, если и допускались какія науки и знанія, то онѣ были почитаемы ремесломъ, а не потребностью умственною, не услажденіемъ жизни. Зодчій, какъ наемный работникъ, строилъ дома и церкви. Инженера призывали строить крѣпость, артиллериста управлять пушечнымъ снарядомъ, оружейнаго мастера лить пушки и ковать ружья, руднаго мастера искать руду. Такъ дьякъ долженъ былъ знать и подводить законы судьѣ, а толмачъ переводить граматы, присланныя къ царю отъ бусурманскихъ государей. Въ самыхъ высшихъ званіяхъ были весьма немногіе примѣры людей, знавшихъ языки иностранные и имѣвшихъ нѣкоторыя поверхностныя познанія въ какихъ либо наукахъ. Несчастный предразсудокъ заставлялъ тогда думать, что мірская мудрость отводитъ отъ премудрости божественной. Знатный вельможа отличался великолѣпіемъ житья, милостью царя, но былъ такимъ же невѣждою, какъ простолюдинъ. Умы коснѣли въ лѣности и суевѣріи, хотя примѣры русскихъ людей ума природнаго необыкновеннаго были нерѣдки въ русской землѣ. Наглядная переимчивость русскихъ изумляла иностранновъ. Русскаго дипломата трудно было провести въ переговорахъ, русскаго купца обмануть въ торговлѣ, и русскаго боярина не легко могъ запутать ябедою дьякъ, при малосложности и простотѣ существовавшихъ тогда законовъ. Такъ, выходя въ поле нестройною толпою, русскіе не только одолѣвали числомъ, но часто удивляли враговъ смѣтливостью, храбростью, особенно упорствомъ въ защитѣ лагерей и крѣпостей, и самоотверженіемъ въ битвахъ, хотя сами цари почти никогда не предводили войсками, оставляя Москву и кремлевскіе чертоги свои только для забавы охотою, или поѣздки въ загородные дворы и на богомолье.

Такъ воспитаніе царевича Петра должно было ограничиться, подобно воспитанію другихъ русскихъ, только грамотою, письмомъ, изученіемъ св. Писанія, немногими историческими, географическими, юридическими свѣдѣніями изъ чтенія рукописей и книгъ, и тѣмъ болѣе, что онъ не готовился на царство и путь къ престолу былъ ему загражденъ. Царемъ русскимъ былъ Ѳеодоръ. Онъ могъ вступить въ супружество, имѣть наслѣдниковъ и имъ передать царскій вѣнецъ. Оставался еще старшій братъ, царевичъ Іоаннъ, въ родъ коего переходитъ престолъ, въ случаѣ бездѣтной кончины Ѳеодора.

Но Θеодоръ не хотѣлъ вступать въ супружество, чувствовалъ безнадежность своего здоровья, неспособность больного брата Іоанна, и помня мысль родителя, предполагалъ передать престолъ Петру. Потому хотѣлъ онъ приложить особенное попеченіе воспитать его, какъ единственную будущую надежду Россіи. По волѣ Θеодора искали умнаго наставника, и нашли опытнаго грамотея, дьяка Никиту Моисеевича Зотова. Его призвали къ царю, испытали въ чтеніи, письмѣ и объявили ему о выборѣ его въ учители царевича Петра. Смиренный Зотовъ испугался великой обязанности, умолялъ не возлагать на него бремени тяжкаго, но его скромность тѣмъ скорѣе рѣшила выборъ Θеодора. Марта 12 го 1677 года, въ теремъ царицы Наталіи пришли царь и патріархъ, и привели Зотова, уже облеченнаго въ богатую, пожалованную ему изъ царской казны одежду. Святитель прочиталъ „молитву предъ начатіемъ ученія“ и Петра посадили за азбуку. Зотовъ былъ достоинъ своего назначенія. Онъ легко и скоро научилъ царевича грамотѣ и письму; передалъ ученику своему правила святой вѣры; поучалъ его Закону Божію; читалъ съ нимъ лѣтописи; велѣлъ изобразить на картинкахъ важнѣйшія событія Русской исторіи, машины, корабли, города, крѣпости „европскія“, и въ бесѣдахъ своихъ передавалъ все, что зналъ, видалъ, о чемъ читалъ и слыхалъ самъ. Петръ быстро изучалъ уроки учителя и вскорѣ знаній Зотова уже не доставало удовлетворять жадное любопытство ученика. Царь Θеодоръ приходилъ иногда слушать уроки Зотова, радовался братомъ своимъ, и съ удивленіемъ говорили о Петрѣ старики царедворцы: „Что изъ него будетъ, когда возмужаетъ онъ!“

Но, видя довѣренность царя къ Симеону и любовь къ Петру, проникая мысль Θеодора о передачѣ младшему брату престола, страшась возвращенія Матвѣева ко двору и неизбѣжнаго паденія своего, если воцарится Петръ, снова и дружнѣе прежняго соединились противники Петра, Матвѣева и Нарышкиныхъ. Во главѣ ихъ были: Иванъ Михайловичъ Милославскій, болѣе другихъ сродниковъ своихъ смѣлый и безсовѣстный; Языковъ, уже бояринъ и оружейничій царскій, и князь Василій Васильевичъ Голицынъ, болѣе всѣхъ образованный и ненасытно честолюбивый. Общимъ совѣтомъ положили прежде всего удалить царицу Наталію и царевича Петра отъ царя Θеодора. Языковъ осмѣлился говорить о томъ царицѣ Наталіи, предлагая ей переѣхать изъ Кремлевскаго дворца, гдѣ жила она тогда, въ отдаленный дворецъ въ Преображенской подгородной слободѣ, гдѣ бывало иногда лѣтнее пребываніе царя Алексѣя. Наталія ужаснулась коварнаго замысла, не смѣла объясниться съ Θеодоромъ и плакала. Петръ увидѣлъ слезы матери, узналъ о рѣчахъ Языкова, и не говоря ни кому ни слова, велѣлъ учителю своему проводить его къ брату царю. Горько началъ онъ жаловаться царю Θеодору на Языкова. „Бояринъ твой хочетъ удалить меня отъ тебя, и погубить, какъ Годуновъ погубилъ царевича Димитрія, но гдѣ ты, тамъ и я, и не ужели я не сынъ царскій, что мнѣ въ домѣ отцовскомъ мѣста нѣтъ!“ говорилъ Петръ. Слезы полились изъ глазъ его. Добрый братъ

успокоилъ его и самъ поспѣшилъ къ царицѣ Наталіи, увѣряя, что и не думалъ удалять ее. Онъ отдавалъ ей головою Языкова за его дерзость, и клялся, что никогда не разлучится съ нею и братомъ.

Крамольники смолкли, но не надолго. Вскорѣ Θеодоръ лишился своего друга и наставника Симеона, совѣтомъ коего былъ руководимъ во всѣхъ дѣлахъ. Съ его кончиною слабый и больной Θеодоръ подчинился волѣ Милославскихъ и друзей ихъ. Ничего не говоря объ удаленіи царевича Петра, они уговорили Θеодора вступить въ супружество, надѣясь, что тронъ русскій упрочится послѣ сего въ родѣ его, и Петръ безъ всякихъ усилій будетъ навсегда удаленъ отъ престола, на что менѣе было надежды, еслибы царь Θеодоръ умеръ бездѣтный. Слабое здоровье царевича Іоанна дѣлало сомнительнымъ долговѣчіе его, и слѣдовательно, являло возможность возведенія когда-либо на престолъ Петра, усиленія Нарышкиныхъ и вѣрной гибели Милославскихъ и сообщниковъ ихъ.

Царь Θеодоръ сочетался бракомъ съ юною дѣвицею изъ незнатнаго рода Грушецкихъ (18-го іюля 1680 года). Черезъ годъ былъ онъ обрадованъ рожденіемъ сына. Слабое дитя послѣдовало въ могилу за матерью, умершею послѣ тяжелыхъ родовъ. Тяжко скорбѣлъ Θеодоръ, удручаемый немощами, но крамольники до того овладѣли умомъ его, что уговорили его вступить вторично въ бракъ, и второе супружество царя, съ Марθою Матвѣевною Апраксиною, праздновали въ февралѣ 1682 года. Черезъ два мѣсяца Θеодоръ былъ на одрѣ смертномъ. Недолго болѣлъ, и 27-го апрѣля 1682 года тихо скончался добрый, благочестивый царь Θеодоръ Алексѣевичъ, искренно оплакиваемый подданными, изобразившими на портретѣ его, донынѣ хранимомъ въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ, прекрасныя свойства и мудрыя дѣла его словами: „то было ему любезно, что веселило церковь и умножало въ народѣ миръ, тишину и благополучіе".

Никто не тревожилъ послѣднихъ минутъ жизни царя Θеодора вопросами о наслѣдствѣ. Онъ и не имѣлъ права рѣшить ихъ: престолъ принадлежалъ старшему, шестнадцати-лѣтнему царевичу Іоанну, а не младшему, десяти-лѣтнему царевичу Петру. Окружая одръ умирающаго царя, видя первенство свое между всѣми, Милославскіе уже считали себя властителями русскаго государства, уже обѣщали, можетъ быть, другимъ чины, награды, мѣста, но событіе неожиданное ими поразило ихъ, и горделивое торжество смѣнилось страшнымъ сознаніемъ опалы и гибели.

Едва разнеслась по Москвѣ вѣсть о тяжкой болѣзни царя Θеодора, тихо и безмолвно стеклись въ Кремль многочисленныя толпы народа, благоговѣйно молились въ храмахъ Кремлевскихъ, и все еще ждали радостной вѣсти о любимомъ царѣ. Во дворецъ собрались бояре, царедворцы, чиновники гражданскіе и военные. Въ 5 часовъ пополудни, похоронный звонъ на Иванѣ Великомъ извѣстилъ Москву о кончинѣ царя Θеодора. Всѣ бывшіе во дворцѣ нетерпѣливо хотѣли слышать вѣсть о новомъ царѣ Россіи и порадовать ею опечаленный народъ. Въ Грановитой палатѣ находились знат-

нѣйшіе бояре и почетное духовенство; въ сѣняхъ передъ палатою другіе чиновники; на крыльцахъ дворцовыхъ почетные и военные люди и дьяки; народъ окружалъ дворецъ. Къ изумленію Милославскихъ, патріархъ предсталъ передъ собраніе бояръ, извѣстилъ ихъ о кончинѣ царя Θеодора, и предложилъ вопросъ не ожиданный: „кому быть царемъ Россіи?“ Всѣ безмолвствовали. Милославскіе не смѣли начать слова „Да, будетъ же великое государское дѣло рѣшено самими наслѣдниками!“ возгласилъ святитель, и по слову его введены были въ Грановитую Палату оба царевича. Робко отвѣчалъ Іоаннъ на вопросъ патріарха, что чувствуя свое слабое здоровье и неспособность править царствомъ, онъ желаетъ мирнаго житія, царемъ быть не хочетъ и поступается престоломъ брату, царевичу Петру, тѣмъ болѣе, что у него здравствуетъ мать, царица Наталія Кирилловна. Едва произнесены были Іоанномъ слова сіи, своды палатные огласилъ громкій кликъ: „Да будетъ царемъ Петръ Алексѣевичъ!“ Стоявшіе въ сѣняхъ возлѣ палаты хотѣли знать причину общаго восторга, услышали имя Петра, передали его на крыльца, толпу народную, и Кремль зашумѣлъ кликами: „Да здравствуетъ царь Петръ Алексѣевичъ!“ Поставили налои съ крестами и евангеліями въ Успенскомъ соборѣ и на площади. Бояре, чиновники, народъ присягнули царю Петру. Немедленно послѣ того объявлена царская воля, что до совершеннолѣтія своего царь Петръ Алексѣевичъ передаетъ правленіе государствомъ матери своей царицѣ Наталіи Кирилловнѣ и избраннымъ боярамъ.

Сіи избранные, какъ легко можно было предвидѣть, были враги Милославскихъ и сообщниковъ ихъ. Въ тотъ же день царская дума опредѣлила немедленно вызвать изъ заточенія Матвѣева: ему, благодѣтелю своей юности, испытанному бѣдствіями, хотѣла передать царица Наталія заботы государственныя, сохраняя себѣ только имя правительницы.

Такъ мгновенно пало величіе Милославскихъ. Враги не думали щадить ихъ, не сохранили даже приличій: у Милославскихъ въ тотъ же день отняли всѣ мѣста и доходы. Нарышкины и друзья ихъ возведены были въ главныя государственныя должности, получили почетъ и первыя мѣста. Горшаго могли ожидать Милославскіе — расплаты за все прежнее, за ссылку Матвѣева, за гоненіе царицы Наталіи и ея сына. Всѣ оставили, забыли ихъ, какъ нѣкогда оставили и забыли Матвѣева. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, Языковъ, князья Хованскіе, Долгорукіе, еще недавно друзья, товарищи Милославскихъ, передались врагамъ ихъ. Но безпечность и неосторожность новыхъ правителей, спѣшившихъ только захватать власть и унизить своихъ противниковъ, при неопытности въ управленіи царицы Наталіи, быстро измѣнили дѣла.

Избраніе Петра было слѣдствіемъ общей ненависти противъ Милославскихъ. Ихъ не терпѣли другіе вельможи за непомѣрную гордость и своевластіе; не терпѣли стрѣльцы, приписывая имъ перемѣны въ своемъ воинскомъ устройствѣ; не терпѣлъ патріархъ, не вѣря, что дѣла Симеона Полоцкаго при царѣ Θеодорѣ были производимы безъ ихъ согласія; не терпѣлъ и на-

родъ, имъ приписывая тягости и нововведенія. Не было заговора при избраніи Петра, но оно совершилось по общему желанію и по опасенію всѣхъ о пагубныхъ слѣдствіяхъ усиленной власти Милославскихъ, если воцарится Іоаннъ. Противиться общему голосу не было возможности. Упорствуя противъ всѣхъ, Милославскіе могли погибнуть. Они радовались, что имъ оставляютъ еще жизнь и богатства. Они могли замѣтить, что многіе изъ бояръ и воеводъ, явившихся во дворцѣ, надѣли даже панцыри подъ свои кафтаны, рѣшаясь, въ случаѣ буйнаго сопротивленія, защищать дѣло Петра оружіемъ. И гордые временщики пали—можетъ быть и не возстали бы на пагубу отечества, при всей неосторожности новыхъ правителей государства, еслибы не явилась среди нихъ неожиданная защитница — царевна Софія Алексѣевна.

По кончинѣ царя Өеодора, кромѣ царевича Іоанна, оставалось еще шесть единокровныхъ сестеръ его. Софія была третья по старшинству, но превосходила другихъ сестеръ умомъ и образованностью. Двадцати четырехъ лѣтъ, прекрасная собою, любившая чтеніе и письмо, даже сама писавшая стихи, она не терпѣла затворнической жизни тогдашнихъ дѣвицъ въ теремахъ, хотѣла власти и пріобрѣла ее, имѣя при царѣ Өеодорѣ, въ послѣдніе годы его жизни, сильное вліяніе на дѣла, думала самовластительно править государствомъ при Іоаннѣ, ибо ее хотѣли назначить Милославскіе правительницею, и увидѣла всѣ свои замыслы низпровергнутыми избраніемъ Петра. Непримиримою злобою вспыхнула властолюбивая дочь царя Алексѣя, когда ей оказано было при томъ унизительное невниманіе. При согласіи всѣхъ, при безмолвіи Милославскихъ, она одна осмѣлилась упрекать патріарха и бояръ въ своеволіи, защищать права Іоанна, спорить противъ избранія Петра. Рѣчей ея не хотѣли слушать.

Тогда, укрывшись въ теремѣ своемъ, Софія обдумала кровавый замыселъ, коимъ могла захватить власть въ свои руки и уничтожить безпечныхъ и неосторожныхъ противниковъ. Тайно ночью призвала она къ себѣ И. М. Милославскаго и открыла ему свои предпріятія. Милославскій готовъ былъ помогать Софіи Другіе, Хованскій, Голицынъ, еще колебались. Языковъ уже льстилъ царицѣ Наталіи и раболѣпствовалъ передъ нею. Софія рѣшилась дѣйствовать одна съ Милославскимъ. Онъ не находилъ еще средствъ— Софія уже нашла ихъ: она указала ему на стрѣльцовъ.

Дѣло стрѣльцовъ было само по себѣ не важно. Еще за нѣсколько мѣсяцовъ до кончины Өеодора, стрѣльцы вознегодовали, жалуясь на новое воинское ученье, притѣсненія своихъ полковниковъ, ограниченіе правъ и вольностей. Они подали жалобу Царю. Языкову поручено было изслѣдованіе. Онъ строго наказалъ жалобщиковъ, потомъ испугался дерзкаго негодованія ихъ товарищей, и оказалъ непростительную слабость, осудивъ полковника, на котораго жаловались стрѣльцы. Своевольники ободрены были легкомысленнымъ поступкомъ недостойнаго любимца Өеодорова. Царь былъ тогда уже смертельно боленъ и не вникалъ въ дѣла. Князь Долгорукій, на-

чальствовавшій стрѣлецкимъ приказомъ, вопреки Языкову, думалъ укротить мятежниковъ строгостью и возбудилъ противъ себя сильный ропотъ ихъ. Стрѣльцы начали собираться толпами на своихъ съѣзжихъ, шумѣли, кричали, грозили — только кончина царя Өеодора удержала ихъ отъ дальнѣйшаго буйства. Думая, что новое правительство будетъ снисходительнѣе прежняго, стрѣльцы безпрекословно присягнули Петру, но немедленно послѣ погребенія Өеодора явились въ Кремль съ дерзкою жалобою. Царица Наталія не знала что отвѣчать, обѣщала правосудіе, и по совѣту бояръ, медлила, ожидая пріѣзда Матвѣева. Старались между тѣмъ уговорить непокорныхъ, смѣнили Долгорукаго, отдали Стрѣлецкій Приказъ юному брату царицы, Ивану Кирилловичу Нарышкину. Видя, что бояре только проводятъ обѣщаніями, стрѣльцы увеличили наглость; сходбища ихъ усилились, и робкіе правители рѣшились уступить мятежникамъ. Двадцать полковниковъ стрѣлецкихъ были выданы на судъ и расправу стрѣльцамъ; ихъ жестоко сѣкли батожьемъ, отняли у нихъ имѣніе и раздѣлили его жалобщикамъ. Стрѣльцы торжествовали побѣду, не слушали никого, начали пить и буянить. Но тѣмъ все могло бы кончиться, еслибы хищное властолюбіе и оскорбленная гордость не устыдились сдѣлать орудіемъ своихъ пагубныхъ замысловъ презрѣнной толпы бунтовщиковъ, уже не страшась суда Божія, не боясь запятнать себя кровью ближнихъ, не гнушаясь позора передъ свѣтомъ. Принять власть надъ мятежными стрѣльцами, оклеветать предъ ними новое правительство, представить имъ царевича Іоанна, какъ сироту, гонимаго Нарышкиными, неправедно лишеннаго отцовскаго престола, сѣтующаго о томъ, угрожаемаго опасностью лишиться жизни—польстить злодѣямъ, умоляя ихъ быть защитниками царя законнаго, увлечь ихъ наградами, подкрѣпить буйство ихъ виномъ и деньгами — таковъ былъ замыселъ Софіи. Скрытно, но неукоснительно начали дѣйствовать она и Милославскій. Сообщниками ихъ были люди ничтожные: нѣсколько полковниковъ стрѣлецкихъ, дьякъ Шакловитый, дворянинъ Сунбуловъ, дерзнувшій кричать на площади, что царевичъ Іоаннъ обойденъ неправедно, и оставшійся не наказаннымъ; монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ Симеона Полоцкаго, двое братьевъ Толстые. Постельница Софіи, Өеодора Семенова переносила вѣсти отъ Милославскаго къ царевнѣ и отъ нея къ Милославскому, ибо онъ притворился больнымъ и не выходилъ изъ своего дома.

Забывши упреки совѣсти, не боясь поношенія людей, рѣшаясь устремить на смятеніе отечества стрѣльцовъ, чего хотѣла Софія? что предполагала она? Дѣла гибельныя: погубить своихъ противниковъ, свергнуть Петра, возвести на престолъ Іоанна и во имя его овладѣть правленіемъ государства.

Увлекаемые злыми навѣтами, стрѣльцы становились дерзновеннѣе и буйнѣе, по мѣрѣ того, чѣмъ грубѣе и безстыднѣе были имъ дѣлаемы внушенія. Постепенно увѣряли стрѣльцовъ, что бояре обманываютъ ихъ, и что они ждутъ только Матвѣева, приверженца ересей нѣмецкихъ, и тогда расплатятся съ ними, за данную имъ потачку, головами ихъ. Уже всѣ полки

стрѣлецкіе возмутились и были готовы идти по слову Софіи, кромѣ одного полка Сухаревскаго, оставшагося вѣрнымъ и не соблазнявшагося посулами и наградами. Требовали, ждали знака къ возстанію, но Софіа медлила — она ждала пріѣзда Матвѣева, обрекая его первою жертвою бунта!

Неужели ничего не знали, ничего не замѣчала царица Наталія и ея совѣтники? Нѣтъ! они видѣли, сознавали опасность, если и не проникали кровавой тайны царевны Софіи, но считали опасность еще отдаленною, ожидали пріѣзда Матвѣева, а безъ него царица и всѣ бояре ничего предпринять не смѣли, какъ будто отъ него только зависѣло спасеніе законной власти. Видѣли шумныя скопища стрѣльцовъ, слышали наглыя угрозы ихъ, и — бездѣйствовали, не умѣя придумать никакихъ мѣръ охранительныхъ. Матвѣевъ спѣшилъ въ Москву. На дорогѣ услышалъ онъ о волненіяхъ и смутахъ и не боялся ихъ. „Умру или спасу Царя!" говорилъ Матвѣевъ, предостерегаемый другими объ угрожающей ему опасности. Встрѣченный въ Москвѣ, 10-го мая, какъ вожделѣнный спаситель отечества, онъ съ горькими слезами вошелъ въ свой запустѣлый боярскій домъ, и заплакалъ отъ радости, падая на колѣни предъ Наталіею, нѣкогда сиротою въ его домѣ, а теперь матерью царя и правительницею царства. Время не терпѣло. Приступили къ дѣламъ, но еще три дна прошло въ спорахъ и совѣтахъ.

Дѣятельнѣе и поспѣшнѣе дѣйствовали Софія и Милославскій, не жалѣя клеветъ, денегъ, вина. Говорили, что Матвѣевъ тайно собираетъ холопей и нѣмцовъ, и хочетъ идти съ ними и истребить стрѣльцовъ. Слова сіи подтверждали упреками, какіе позволилъ себѣ Матвѣевъ, когда избранные стрѣльцы пришли поздравить его съ пріѣздомъ. Говорили еще, что Иванъ Кириллович Нарышкинъ положилъ умертвить царевича Іоанна; что онъ ругаетъ и бьетъ старыхъ бояръ, садится на тронъ царскій, примѣриваетъ царскую корону. Переодѣтые люди ѣздили по Москвѣ, забирали стрѣльцовъ, били ихъ, говоря, что они посланы отъ Ивана Нарышкина унимать бунтовщиковъ, и что ихъ не то еще ждетъ впереди. Ярость мятежниковъ превзошла всѣ предѣлы. Въ ночь на 15-е мая Москва трепетала; видѣли пьяныя, шумныя скопища по стрѣлецкимъ съѣзжимъ, слышали барабанный бой. Стрѣльцы готовили оружіе. Утромъ 15 го мая, Толстые, Сунбуловъ и товарищи ихъ поскакали по стрѣлецкимъ съѣзжимъ, крича: „Идите, спѣшите, добрые люди! Иванъ Нарышкинъ убилъ Іоанна! Знайте, что еще открылось злодѣйство проклятое: жидъ лекарь Гаденъ отравилъ Ѳеодора по наущенію Матвѣева! Спасайте царицу Марѳу и царевенъ!" Съ бѣшенымъ ревомъ: „Въ Кремль! Въ Кремль! Смерть измѣнникамъ!" поднялись стрѣльцы. Набатъ, пальба загремѣли повсюду. Стрѣльцы бѣжали толпами, съ знаменами, бердышами, пищалями, даже везли пушки. Рано утромъ, слыша о ночнемъ волненіи стрѣльцовъ, собрались въ Кремлевскомъ дворцѣ бояре, не знали что предпринять и еще спорили, когда набатъ на Иванѣ Великомъ, барабанный бой, неистовые вопли огласили дворецъ и возвѣстили приходъ стрѣльцовъ. Они окружили дворецъ цар-

скій и наполнили собою Кремль, крича: „Отдайте намъ злодѣевъ—Матвѣева, Нарышкиныхъ, Гадена! Они убили царевича Іоанна! Они отравили царя Ѳеодора!“ Царица Наталія, царь Петръ, царевичъ Іоаннъ, Матвѣевъ, патріархъ, бояре вышли на Красное крыльцо, затворенное внизу рѣшеткою. и думали ласковыми словами образумить мятежниковъ. „Я не злодѣй — иду къ вамъ: возьмите мою сѣдую голову, если она вамъ надобна, но не губите неповинныхъ!“ воскликнулъ Матвѣевъ, сошелъ внизъ къ стрѣльцамъ и началъ уговаривать ихъ. Сѣдины старца и кротость его обезоружили мятежниковъ. Они безмолвно слушали рѣчи Матвѣева. Князь Долгорукій, гордый, вспыльчивый и отважный, бывшій начальникъ стрѣльцовъ, неумѣстнымъ гнѣвомъ разрушилъ доброе начало. Онъ сталъ горячо упрекать стрѣльцовъ и раздражилъ ихъ—„Бей!“ заревѣла толпа, и Долгорукій палъ, пронзенный бердышами. Хотѣли вырвать изъ рукъ убійцъ Матвѣева—было поздно — кровь обезумила злодѣевъ. Они бросились на Красное крыльцо, оттолкнули патріарха, крича: „Мы сами знаемъ, кто намъ надобенъ!“ Князь Черкаскій, личный врагъ Матвѣева, въ минуту его смертной опасности забылъ вражду свою, обхватилъ руками, защищалъ его. Отнимая неповинную жертву, на Черкаскомъ изорвали платье, едва не убили его, выхватили изъ рукъ его Матвѣева, сбросили съ Краснаго крыльца, приняли внизу на бердыши и изрубили въ куски, крича: Любо! Любо! — Царица Наталія схватила въ объятія царя Петра и укрылась съ нимъ въ Грановитую палату. Бояре, духовенство, чиновники, всѣ бѣжали, всѣ скрывались, кто гдѣ могъ. Будто лютые звѣри, стрѣльцы ворвались въ неприступный дотолѣ, охраняемый народнымъ благоговѣніемъ царскій дворецъ, всюду искали Нарышкиныхъ, били стекла, ломали двери, вломились даже въ терема царевенъ, обыскивали церкви. Подъ алтаремъ Воскресенской церкви нашли Аѳанасія Кирилловича Нарышкина, младшаго брата царицы, и кровь его обагрила храмъ Божій. Ошибкою, вмѣсто Ивана Кирилловича, убитъ былъ молодой Салтыковъ, оцепѣнѣвшій отъ страха. Боярина Ромодановскаго растерзали подлѣ Чудова монастыря, когда онъ садился въ свою карету, спѣша уѣхать изъ Кремля. „Бей злодѣя! Онъ мучилъ насъ въ Чигиринскомъ походѣ!“ кричали убійцы. Нѣсколько стрѣльцовъ кинулись въ жилище патріарха, вопія: „Выдай намъ измѣнниковъ!“ Архипастырь вышелъ къ нимъ въ своемъ полномъ облаченіи. „У меня нѣтъ измѣнниковъ!“ возгласилъ онъ. „Убейте меня, если руки ваши на меня поднимутся!“ Устыженные словами его, убійцы удалились.

Пока одни свирѣпствовали въ Кремлѣ, другіе стрѣльцы бѣгали по Москвѣ, грабили дома Матвѣева, Нарышкиныхъ, Языкова и другихъ ненавистныхъ имъ людей, забирали деньги, расхищали погреба, пили, пьяные плясали при неистовыхъ вопляхъ. Тѣла убитыхъ волокли на Красную площадь съ дикимъ хохотомъ и позорными насмѣшками. Жены, даже дѣти стрѣльцовъ, не отставали отъ мужей и отцовъ своихъ.

Настала ночь. Смятеніе, набатъ, вопли утихли, но бунтъ не прекра-

щался. Стрѣльцы окружили дворецъ стражею, не вспускали никого въ Кремль и во дворецъ, и не выпускали никого изъ дворца и Кремля. Ночью, тайно, собрались къ царицѣ Наталіи немногіе бояре, совѣтовались и недоумѣвали что предпринять противъ четырнадцати тысячъ вооруженныхъ, разъяренныхъ мятежниковъ. Всю ночь буянили и грабили стрѣльцы по Москвѣ. На другой день утромъ Кремль снова огласился воплями ихъ. Они нашли и убили Языкова въ домѣ священника приходской церкви его, Николы въ Хлыновѣ. Несчастнаго старца, князя Долгорукаго, отца убитаго наканунѣ, бывшаго начальника стрѣльцовъ, погубило неосторожное слово. Убійцы привезли къ нему трупъ сына, извиняясь, что умертвили боярина за обидныя слова, коихъ не могли вынести. Старецъ лежалъ въ постелѣ, больной. „Не плачь“, сказалъ онъ, когда вышли стрѣльцы и невѣстка его со слезами бросилась къ нему — „не плачь! Щука умерла, да зубы у нея остались живы: висѣть имъ, бездѣльникамъ, на висѣлицѣ“. Слова подслушали, передали стрѣльцамъ; они воротились, стащили старца съ постели за сѣдые волосы, убили его, терзали трупъ его и уволокли на Красную площадь. Нагло окружая дворецъ, стрѣльцы упорно требовали обреченныхъ ими на погибель, особливо Ивана Кирилловича Нарышкина, лекаря Гадена и сына Матвѣева; убили лекаря Гутменша; умертвили сына Гаденова и одного изъ родственниковъ царицы Наталіи, Ивана Ѳедоровича Нарышкина. Напрасно хотѣли уговорить ихъ, напрасно говорили имъ, что Гадена и Нарышкиныхъ нѣтъ во дворцѣ. Уже и ночь не прекратила набата и воплей. Насталъ третій ужасный день. Бунтъ свирѣпѣлъ часъ отъ часу болѣе. Стрѣльцы разграбили Холопій приказъ, призывая къ бунту холопей, заводили драки съ народомъ, начали разбивать кабаки. Москва беззащитная предана была безумному сонмищу пьяныхъ бунтовщиковъ, какъ будто не стало правительства, какъ будто не было въ Москвѣ царя! Стрѣльцы грозили зажечь дворецъ, гдѣ въ отчаяніи укрывалась и плакала Наталія, уже не царица, но бѣдная, всѣми оставленная вдова, трепеща за жизнь отца, братьевъ, сына — Царя Россіи...

Тогда, опасаясь дальнѣйшихъ слѣдствій бунта, грозившаго гибельными убійствами и пожаромъ, если не остановить ярости обезумѣвшихъ мятежниковъ, видя, что власть царя Петра уничтожена, увѣренная, что уже никто не осмѣлится сопротивляться ей, явилась Софія. „Что же вы медлите?“ говорила она боярамъ и Наталіи — „унимайте бунтъ!“ Ей представили тщетныя старанія уговорить, убѣдить, усовѣстить злодѣевъ. Злобно насмѣхаясь надъ трусостью бояръ и робостью царицы, Софія вышла къ стрѣльцамъ. Радостными кликами встрѣтили ее. Софія благодарила стрѣльцовъ за усердіе къ царскому дому и уговаривала прекратить смятеніе. „Отдайте намъ Нарышкиныхъ и Гадена!“ вопили убійцы, объясняя, какъ было имъ приказано, что царевичъ Іоаннъ обойденъ царствомъ неправедно; что царь Петръ долженъ уступить ему тронъ; что тогда только, утвердивъ и обезопасивъ на престолѣ законнаго царя и истребивъ злодѣевъ его, они положатъ оружіе.

Софія безстыдно торговалась съ ними; условилась, что имъ выдадутъ Ивана Нарышкина, главнаго злодѣя, и отравителя Ѳеодорова Гадена, но что за то они должны немедленно прекратить бунтъ и передать ей и боярамъ великую обязанность рѣшить въ царской Думѣ государское дѣло. Уже не страшилась Софія показать себя передъ всѣми явною начальницею бунта, но ея мщеніе еще не было удовлетворено, ей надобно было показать еще свою власть, свою силу. Матвѣева уже не было на свѣтѣ, но оставался еще Иванъ Нарышкинъ, юный и смѣлый, и его головы потребовала Софія, говоря царицѣ Наталіи, что безъ того стрѣльцы не уймаются отъ бунта. Трепеща слушала Наталія кровавыя рѣчи Софіи и еще не рѣшалась. Малодушные бояре умоляли ее выдать брата и спасти государство, и она должна была согласиться на добровольную, страшную жертву. Нарышкины, отецъ и братья царицы Наталіи, были скрыты во дворцѣ. Ихъ привели въ церковь Спаса за Золотою Рѣшеткою. Софія объявила Ивану Кирилловичу страшное рѣшеніе судьбы его. „Неужели ты думаешь, царевна, что я боюсь смерти?“ отвѣчалъ онъ. „Иду—пусть только головою моею спасутся головы другихъ!“ Онъ причастился св. Тайнъ, обнялъ отца, рыдавшаго надъ нимъ, какъ надъ мертвецомъ, и взялъ въ руки образъ. Еще медлила Наталія, плакала, хотѣла умолить безчеловѣчную Софію. Ревъ толпы бунтовщиковъ, окружавшихъ дворецъ, проникъ сквозь стѣны святаго храма. Спѣшили узнать причину воплей, и узнали, что въ Кремль привели несчастнаго Гадена. Три дня скрывался онъ, переодѣтый, въ подгородномъ лѣсу, и оттуда хотѣлъ тайно пробраться въ домъ свой, истомясь голодомъ. „Гаденъ теперь у насъ—отдайте Нарышкина!“ вопили злодѣи, присовокупляя къ имени его угрозы и проклятія. „Такъ что жъ ты медлишь, Иванъ?“ говорилъ Ивану Кирилловичу старый, трусливый бояринъ, князь Одоевскій—„ты погубишь всѣхъ насъ, да и тебѣ, государыня царица, не спасти брата—отдавай его скорѣе!“ Наталія сама вывела несчастнаго брата на крыльцо, упала на колѣни предъ кровожадною толпою злодѣевъ — тщетныя мольбы! Брата вырвали изъ рукъ ея, поволокли въ застѣнокъ, пытали, мучили, вмѣстѣ съ Гаденомъ, изрубили ихъ въ куски, бросили окровавленныя останки ихъ на площади, но бунтъ прекратился симъ послѣднимъ злодѣйствомъ. Смолкли вопли, затихъ набатъ, хотя стрѣльцы не оставляли оружія, пируя и славясь побѣдою. Тѣла убитыхъ позволено было убирать съ Красной площади, гдѣ уже три дня заражали они смрадомъ воздухъ. Никто не смѣлъ дотѣхъ поръ прикоснуться къ нимъ. Только одинъ вѣрный рабъ Матвѣева, арабъ Иванъ, не побоялся стражи и оружія злодѣевъ; онъ собралъ въ коверъ куски тѣла своего добраго господина, положилъ ихъ въ гробъ, отвезъ въ церковь Николы въ Столпахъ и похоронилъ ихъ тамъ на погостѣ церковномъ. Какъ милости просилъ онъ потомъ у сына Матвѣева обѣщанія похоронить его подлѣ могилы его добраго боярина Артамона Сергѣевича. Памятникъ, воздвигнутый потомкомъ Матвѣева, означаетъ нынѣ мѣста могилъ любимца Алексѣева, погибшаго за усердіе къ царямъ, дѣтей его, супруги — рядомъ съ ними могила вѣрнаго арапа Ивана.

На другой день, по призыву патріарха и бояръ, собралась въ Кремлѣ земская дума. Софія ожидала безусловной покорности, и изумилась, увидя, что никто не соглашается низвести съ престола Петра и нарушить присягу, ему данную. Она не хотѣла смерти младшаго брата, но сорвать съ главы его царскій вѣнецъ и передать Іоанну положила рѣшительно. Видя единодушное сопротивленіе, даже въ то время, когда стрѣльцы еще не положили оружія, когда кровь избіенныхъ ими дымилась еще на Московскихъ стогнахъ, Софія рѣшилась уступить любви народной къ Петру, предоставляя будущему довершеніе дѣла, и предложила избрать вмѣстѣ на царскій престолъ Іоанна и Петра. Неслыханное предложеніе о двоецарствіи, возмутило думу. Тогда Софія напомнила, что не разсуждать, но повиноваться ей собрала она безразсудныхъ упрямцевъ. Стрѣльцы явились по ея тайному повелѣнію въ Кремль, сказали, что имъ передано извѣстіе о спорѣ бояръ и земской думы противъ законнаго наслѣдника; что они хотятъ снова придти на защиту его, „и пусть тогда отвѣчаютъ за новое кровопролитіе злые бояре, но не винятъ насъ“, прибавили стрѣльцы. Угроза мгновенно рѣшила споръ. Положено объявить вмѣстѣ царями Іоанна и Петра. Рѣшеніе думы передали народу. Зная, что тѣмъ прекращается смятеніе, народъ радостно принялъ вѣсть. Москва присягнула въ вѣрности обоимъ царямъ.

Догадывались, кто будетъ правительницею и не обманулись въ догадкѣ. Вторичный приходъ толпы вооруженныхъ стрѣльцовъ, требовавшихъ, да будетъ до совершеннолѣтія царей правительницею Россіи мудрая сестра ихъ, царевна Софія Алексѣевна, заставилъ земскую думу, бояръ и патріарха молить Софію объ исполненіи просьбы народа. Второй Годуновъ, лицемѣрно представляясь кроткою и смиренною, Софія долго отрекалась, приняла наконецъ предложеніе, и клялась быть правосудною и милостивою, не страшась бремени царскихъ заботъ и государственныхъ дѣлъ, помышляя только о благѣ народа и чести русской земли.

Неужели высокомѣрная царевна дѣйствительно думала, что силъ ея достанетъ, и что она со славою поддержитъ правленіе царствомъ, на которое не доставало опытности мудраго родителя ея и ревности на добро благочестиваго брата ея, царя Өеодора?

Іюня 25-го совершилось въ Успенскомъ соборѣ коронованіе царей Іоанна и Петра. Для сего священнаго обряда приготовили два трона, два вѣнца, два скипетра, двѣ державы, двѣ бармы. Великолѣпные обѣды въ Грановитой палатѣ и милости двору, войску и народу ознаменовали начало тишины. Москва отдохнула. Присяга царямъ совершена была всюду по Россіи, въ Сибири, въ Малороссіи, на Дону, съ благоговѣйною покорностью волѣ Провидѣнія: на Бога надѣялись русскіе, Ему предавали судьбу свою и не обманулись въ упованіи.

Злодѣйство торжествовало. Борьба тайныхъ дворскихъ крамолъ кончилась тревогами бунта и ужасами кровопролитія. Софія, Милославскій, прежніе друзья ихъ, уже не скрывавшіе себя болѣе, уже гордившіеся преданно-

стію къ Софіи и участіемъ въ возведеніи на престолъ царя Іоанна, явились повелителями двора и государства и рѣшили участь униженныхъ противниковъ своихъ. Но торжество злодѣйства не надежно. Оно само себя подкапываетъ, возвышаясь хитростями и казнями; его побѣда уже носитъ въ себѣ зародышъ паденія — и какъ иначе могли бы оправдаться передъ нами благость и правосудіе Божіе?

Разсказъ второй.

Правленіе царевны Софіи.

1682–1689 гг.

Народы міра! вразумитесь,
Зря гордыхъ сокрушаемъ рогъ,
И властолюбія страшитесь—
Власть свыше посылаетъ Богъ!
Державинъ.

Невиданное дотого зрѣлище увидѣла Россія: двухъ царей на одномъ престолѣ и царевну правительницею государства. Были въ русской землѣ примѣры Ольги и Елены, но та и другая были супруги властителей русской земли и обѣ правили по кончинѣ ихъ, во время малолѣтства своихъ сыновей. Никогда прежде русская земля не видала власти государя въ рукахъ дѣвицы, сестры царской. И Софія не довольствовалась только названіемъ; имя ея не для вида только стояло въ царскихъ указахъ послѣ именъ братьевъ: она была полновластною царицею; сама управляла царствомъ, засѣдала въ думѣ боярской, своею думою опредѣляла миръ и войну. Софія не принимала лично пословъ иностранныхъ, но во время аудіенцій, когда юные цари, братья ея, возсѣдали на своемъ двойномъ, великолѣпномъ, серебряномъ тронѣ, нарочно заказанномъ искусному мастеру въ Гамбургѣ, Софія стояла за высокою, узорчатою спинкою трона, невидимая, и подсказывала братьямъ отвѣты. Вокругъ Софіи тѣснились всѣ, кто искалъ богатствъ и почестей. Стихотворцы славили ее въ риѳмахъ, называли ее „Сѣверною Семирамидою“, „Русскою Пульхеріею“, „второю Елисаветою“, паче британской мудрою и великою; выгравировали портретъ ея и обставили на немъ изображеніе Софіи эмблемами всѣхъ добродѣтелей. Царица Наталія, сынъ ея и двѣ дочери казались отчужденными, забытыми среди волненія дворскаго, гдѣ величіе и великолѣпіе умножали еще тогда вдовствовавшая супруга Ѳеодора, царица Марѳа Матвѣевна и царь Іоаннъ. Софія не замедлила сочетать его бракомъ, избравши невѣстою красавицу, Прасковью Ѳеодоровну Сал-

тыкову. Больной, слабый, подслѣповатый Іоаннъ безмолвно повиновался сестрѣ. Три любимца Софіи, Милославскій, Хованскій, Голицынъ, раздѣляли власть съ Софіею, и казались дружными, подѣливъ между собою мѣста: Милославскій взялъ нѣсколько доходныхъ приказовъ; Хованскій Стрѣлецкій приказъ и начальство надъ стрѣльцами; Голицынъ Посольскій приказъ, гдѣ изумлялъ иностранныхъ пословъ гордымъ величіемъ, ловкимъ умомъ, познаніями, хитростію въ переговорахъ.

Но не равныхъ достоинствъ были и не равно были любимы Софіею три временщика. Милославскаго, отличавшагося только честолюбіемъ и жадностью къ прибытку, Софія уважала, какъ родственника и единственнаго помощника при овладѣніи трономъ. Хованскаго-Тараруя, любимаго стрѣльцами и суевѣрами, ограниченнаго умомъ, преданнаго расколу и грубаго, она болѣе боялась, нежели любила. Душею совѣтовъ, другомъ и истиннымъ любимцемъ ея былъ Голицынъ. Честолюбіе неограниченное, при увѣренности въ своихъ воинскихъ и министерскихъ способностяхъ, преобладало Голицынымъ. Онъ не терпѣлъ совѣтниковъ и товарищей — одинъ хотѣлъ власти. Софія уступила ему, и когда вскорѣ потомъ Хованскій поссорился съ нимъ, Голицынъ придумалъ хитрый замыселъ, коимъ могъ уничтожить Хованскаго, и вмѣстѣ съ нимъ прежнихъ помощниковъ своихъ, стрѣльцовъ.

Буйныя дружины стрѣлецкія ожидали наградъ и не ошиблись въ надеждѣ. Не только наградили стрѣлецкіе полки деньгами, но царскою грамотою велѣно считать бунтъ ихъ заслугою и великимъ подвигомъ. Они получили названіе Надворной пѣхоты. Злодѣйскія дѣла ихъ, на память потомству, были описаны съ похвалою, и описаніе поставлено было на каменномъ столбѣ, воздвигнутомъ на Московской Красной площади. Но награждая мятежниковъ, Софія понимала, что на нее падалъ въ глазахъ народа неизгладимый позоръ кроваваго участія въ ихъ злодѣйствѣ. Другія опасенія еще болѣе тревожили Софію. Стрѣльцы возгордились наградами и не уважали ни кого, сдѣлались страшны своею наглостью и силою. Хованскій казался властителемъ Москвы, окруженный стрѣльцами, не слушалъ ничьихъ совѣтовъ, грозилъ управиться со всѣми по своему. И первою заботою Софіи и Голицына послѣ награды стрѣльцовъ была мысль—уничтожить сіе опасное скопище вооруженнаго, буйнаго народа.

Событіе, случившееся вскорѣ послѣ стрѣлецкаго бунта, показало вполнѣ, какъ опасенъ былъ примѣръ ненаказаннаго злодѣйства стрѣльцовъ. Если Софія употребила толпы ихъ средствомъ достигнуть престола, другіе могли также видѣть въ нихъ орудіе преступныхъ замысловъ, и первые рѣшились тѣмъ воспользоваться, при помощи покровителя своего Хованскаго, раскольники, или староверы. Къ числу ихъ принадлежало множество стрѣльцовъ. Лжеучители раскольничьи дотолѣ таились, скрывались въ Москвѣ, но послѣ стрѣлецкаго бунта начали явно разсѣевать свое лжеученіе, думая, что ихъ подкрѣпятъ стрѣльцы оружіемъ, а Хованскій заступленіемъ у престола. Злѣе всѣхъ другихъ изувѣровъ былъ суздальскій распопа Никита, прозван-

ный Пустосвятомъ. Онъ и сообщники его, бѣглые иноки и развратные холопы, прикрываясь личиною святости, увлекали народъ, проповѣдывали на улицахъ и площадяхъ, и наконецъ, собравшись толпами, рѣшились потребовать собора, обѣщая раскольникамъ торжественно оспорить патріарха. Съ зажженными свѣчами, налоями, книгами, при неистовыхъ вопляхъ и духовныхъ пѣсняхъ, пришли они въ Кремль, и стали подлѣ Архангельскаго собора, вызывая патріарха на словопреніе всенародное. Испуганный архипастырь тщетно посылалъ уговаривать изступленныхъ. Думая, что патріархъ и дворъ царскій робѣютъ, Никита провозглашалъ побѣду. Народъ, наполнившій Кремль, не приставалъ къ раскольникамъ, но изъявлялъ недоумѣніе и полагалъ соборъ дѣломъ необходимымъ. Софія была не Наталія. Толпѣ народа и стрѣльцовъ, ободрявшихъ Никиту, она выслала объявить, что соглашается на соборъ, пошла въ Грановитую Палату, призвала патріарха и духовенство, окружила себя боярами и стражею, и велѣла ввести изувѣра Никиту и его сообщниковъ. Они бросились во дворецъ шумною толпою, и остановились изумленные величавымъ спокойствіемъ царевны, безмолвнымъ благолѣпіемъ двора и твердостію духовенства, готоваго состязаться съ ними о правотѣ вѣры. Софія повелительно запретила рѣчь Никитѣ, какъ беззаконнику, лишенному іерейскаго сана. Сообщники его оробѣли и безъ него не знали, что сказать. Но уличаемые въ безуміи своемъ, они разсвирѣпѣли, осмѣлились наконецъ кричать, даже буйствовать и изрыгать ругательства. Никита порывался бить краснорѣчиваго архіерея Архангелогородскаго Аѳанасія. Софія хотѣла немедленно взять подъ стражу Никиту, но ей представили опасность столь смѣлаго поступка, когда народъ окружалъ дворецъ и ждалъ мирнаго рѣшенія спора, хотя Софія видѣла, что между стрѣльцами много остается противниковъ раскола. Она безъ гнѣва отпустила изувѣровъ, обѣщая возобновить на другой день преніе. Ликуя побѣду вышелъ Никита на лобное мѣсто. Народъ въ безмолвіи разошелся изъ Кремля. Ночью, посланные отъ Софіи взяли Никиту и его сообщниковъ. Подъ крѣпкою стражею, изувѣръ былъ выведенъ на площадь, гдѣ прочитали ему осуждавшій его на смертную казнь указъ царскій, и предложили помилованіе, если онъ раскается и оставитъ расколъ. Никита молча перекрестился старымъ крестомъ и легъ на плаху. Народъ видѣлъ казнь его и не заступался за дерзкаго возмутителя.

Явно было, что Хованскій и стрѣльцы участвовали въ бунтѣ Никиты, и только рѣшительность Софіи и недоумѣніе бунтовщиковъ спасли Москву отъ кроваваго смятенія. Софія хотѣла предупредить на будущее время подобныя пагубныя событія, тѣмъ болѣе, что Хованскій становился день ото дня наглѣе и дерзновеннѣе. Онъ требовалъ новыхъ наградъ стрѣльцамъ, и всенародно, не скрывая досады, говорилъ имъ, когда Софія отказала: „Промышляйте сами, дѣти, какъ знаете! Видите, что меня ужъ не слушаютъ“. Съ нимъ продолжали по прежнему обходиться ласково, милостиво, и онъ ничего не подозрѣвалъ, когда въ началѣ сентября 1682 года Софія и весь

дворъ царскій переѣхали въ подгородное село Коломенское. Тамъ, среди обширныхъ садовъ, построены были красивые, раскрашенные, раззолоченные терема царскіе — „игрушка, столь прекрасная, что ей не доставало только (какъ говорилъ одинъ изъ иностранныхъ пословъ, бывшихъ тогда въ Россіи) футляра, въ коемъ можно бы было хранить ее, какъ вещь драгоцѣнную". Хованскій оставленъ былъ начальникомъ Москвы. Неожиданно явились въ Коломенскомъ письма, прибитыя ночью у входа во дворецъ неизвѣстными людьми. Софію извѣщали въ нихъ, что Хованскій готовитъ возмущеніе, хочетъ умертвить обоихъ царей, Софію, царицъ, женить сына своего на одной изъ младшихъ царевенъ и завладѣть престоломъ. Софія притворилась испугавшеюся, поспѣшно собралась, уѣхала со всѣмъ дворомъ въ Звенигородскій Саввинскій монастырь, и оттуда разослала во всѣ ближніе города царскіе грамоты, сзывая народъ и войско на защиту престола. Хованскій все еще ничего не подозрѣвалъ, когда получилъ приглашеніе Софіи пріѣхать къ ней на совѣтъ и праздновать вмѣстѣ съ нею день ея именинъ (сентября 17-го). Дворъ находился тогда на дорогѣ въ Троицко-Сергіевскую лавру, остановясь временно въ селѣ Воздвиженскомъ. Хованскій отправился съ двумя сыновьями и отрядомъ стрѣльцовъ. Его схватили на дорогѣ посланные отъ Софіи воины и привезли въ Воздвиженское. Тамъ уже готовъ былъ смертный приговоръ неосторожному честолюбцу. Напрасно просилъ онъ суда, надѣялся оправдаться; ему не дозволили даже видѣться и говорить съ Софіею, спѣшили казнью его, такъ, что когда не нашлось палача, какой-то стрѣлецъ, по приказанію Софіи, отрубилъ ему голову. Сынъ Хованскаго не хотѣлъ даже и оправдываться, поцѣловалъ трупъ отца и съ молитвою склонилъ голову подъ сѣкиру.

Софія ждала бури. Поспѣшно уѣхала она съ царями и дворомъ въ Троицко-Сергіеву лавру и затворилась въ крѣпкихъ стѣнахъ сей обители. Здѣсь она была безопасна отъ бунтовщиковъ. Обитель Троицкая, воздвигнутая преподобнымъ Сергіемъ, удалившимся нѣкогда въ дремучіе тамошніе лѣса отъ суеты міра, уже болѣе трехъ столѣтій была предметомъ особеннаго благоговѣнія всей Россіи. Къ мощамъ св. Сергія со всѣхъ концовъ земли русской стекались тысячи, и цари русскіе ежегодно, иногда даже по нѣскольку разъ въ годъ, и нерѣдко пѣшкомъ, приходили сюда воздавать поклоненіе мощамъ святаго угодника Божія. Стѣны Троицкой обители спасли ее въ 1610-мъ году во время жестокой, 16-ти мѣсячной осады многочисленными и сильными дружинами поляковъ и измѣнниковъ. Отсюда послышался потомъ голосъ Аврамія Палицына и друга его архимандрита Діонисія, возбудившій дружины Минина и Пожарскаго.

Дѣйствительно: младшій сынъ Хованскаго, спасшійся отъ посланныхъ Софіею, прибѣжалъ въ Москву съ вѣстью о казни отца и возбудилъ опасный мятежъ. Стрѣльцы бросились къ оружію, затворили Москву, подѣлали рогатки по улицамъ, ходили всюду вооруженными отрядами, вопія, что они идутъ въ Троицкую Лавру истребить измѣнниковъ бояръ и отмстить за не-

повинную смерть общаго отца своего, добраго начальника. Но похвальба мятежниковъ затихла и страхъ объялъ ихъ, когда узнали они, что по грамотамъ царскимъ собрались въ Троицкую обитель изъ городовъ тысячи воиновъ; что собранныя войска просятъ позволенія идти въ Москву, истребить стрѣльцовъ, давно ненавистныхъ имъ, и что сами цари хотятъ вести къ столицѣ свои сильныя ополченія. Еще немногіе изъ злодѣевъ кричали, что на встрѣчу врагамъ выставятъ они женъ и дѣтей московскихъ жителей и что только по ихъ трупамъ придутъ царскія войска въ Москву. Не было начальника надъ бунтовщиками. Гибель неотвратимая грозила имъ, и толпою побѣжали они къ патріарху, моля его о заступленіи, раскаяваясь въ бунтѣ, отступаясь отъ Хованскихъ. Прошеніе было передано отъ архипастыря царямъ, но Софія являлась неумолимою, и напрасно убѣждалъ ее патріархъ простить раскаявающихся. Стрѣльцы должны были смириться безусловно, положить оружіе, отправить выборныхъ къ царевнѣ въ Троицкую обитель, и тамъ ожидать ея рѣшенія. Покорные, отчаяваясь въ жизни, явились предъ царевною преступники. Послѣ строгаго выговора Софія объявила милость свою стрѣльцамъ и сопровождаемая войсками торжественно пріѣхала въ Москву съ царями и дворомъ. До самаго Алексѣевскаго села (въ 3-хъ верстахъ отъ Москвы) стрѣльцы стояли на колѣняхъ по дорогѣ, кланялись въ землю и со слезами благодарили за помилованіе. Софія начала тайный розыскъ, казнила самыхъ закоснѣлыхъ мятежниковъ, объявила гнѣвъ свой другимъ, лишила стрѣльцовъ названія Надворной пѣхоты, велѣла разломать похвальный столпъ ихъ на Красной площади, перевела московскихъ стрѣльцовъ въ города, изъ городовъ взяла въ Москву выборныхъ военныхъ людей, уменьшила въ половину число стрѣльцовъ московскихъ, запретила имъ носить оружіе, и — сила стрѣлецкая упала и исчезла навсегда. Стрѣльцы не смѣли даже роптать, ибо жестокое наказаніе положено было за каждое возмутительное слово.

Смерть Хованскаго дала полную свободу князю Вас. Вас. Голицыну. Онъ получилъ великія награды, наименованъ былъ новгородскимъ намѣстникомъ, царской печати и посольскихъ дѣлъ оберегателемъ, ближнимъ воеводою. Безсчетны были богатства въ его московскомъ великолѣпномъ домѣ, покрытомъ, вмѣсто желѣза, мѣдными листами. Золото, серебро, дорогіе уборы изумляли даже иностранцевъ, когда удостоивалъ принимать ихъ въ домѣ своемъ Голицынъ. Милославскій, конечно, недолго оставался бы его соперникомъ. Онъ успѣлъ умереть во-время (черезъ два года послѣ стрѣлецкаго бунта, въ 1684 г.) и спасся отъ униженія и погибели. Голицынъ взялъ себѣ послѣ него управленіе его приказами и роздалъ ихъ своимъ любимцамъ; опредѣлилъ въ Стрѣлецкій приказъ дьяка Шакловитаго; удалилъ изъ Кремлевскихъ чертоговъ царицу Наталію съ ея дѣтьми; отнялъ у царя Петра опредѣленныхъ къ нему отцомъ и братомъ приставниковъ; назначилъ надзирателемъ его близкаго родственника своего, князя Бориса Алексѣевича Голицына, наконецъ—только царскаго титула недоставало любимцу Софіи!

Безопасные отъ внутреннихъ враговъ и злоумышленниковъ, Софія и Голицынъ обратили вниманіе на внѣшнія дѣла государственныя. Они отправили посольства въ Швецію, Данію, Голландію, Бранденбургъ, Англію, Францію, Польшу, къ султану и къ императору, извѣщая о кончинѣ царя Өеодора, воцареніи Іоанна и Петра и желаніи россійскихъ государей поддержать миръ и дружбу съ другими монархами. Всѣ государи почтили привѣтомъ своимъ грамоты и посольства царей. Короли датскій и шведскій прислали въ Москву своихъ пословъ. Король шведскій, боясь, что Россія возобновитъ споры о земляхъ прибалтійскихъ, насильственно отнятыхъ при Михаилѣ и Алексѣѣ, богатыми дарами убѣдилъ Голицына подтвердить Кардисскій миръ. Царь грузинскій Арчилъ, гонимый врагами и мятежниками, просилъ убѣжища въ Россіи, явился въ Москву и униженно кланялся царямъ и Софіи. Дѣти его, грузинскіе царевичи, были приняты въ россійскую службу. Софія заключила торговые договоры съ Англіею, Голландіею и Бранденбургомъ.

Въ правленіе Софіи былъ заключенъ первый трактатъ съ Китайскимъ государствомъ. Почти въ то самое время, когда португальцы отправили первое посольство свое въ Китай, начались сношенія русскихъ съ Китаемъ. До насъ дошло описаніе Китая, составленное русскими гонцами, бывшими въ Пекинѣ въ 1567 году. Подвигаясь на югъ и на востокъ въ Сибири, русскіе построили наконецъ въ 1647 г., крѣпость Албазинъ на рѣкѣ Амурѣ, а въ 1654 г. крѣпость Нерчинскую за Байкаломъ. Явленіе невиданныхъ дотого завоевателей за Байкаломъ и на Амурѣ встревожило китайцевъ; они собрали войско, осадили, взяли Албазинъ, завели переговоры, спорили съ нерчинскими воеводами. Царскіе послы, Байковъ и Спафарій, ѣздили въ Пекинъ въ 1656 и 1673 г. Но строгое чиноположеніе китайскаго двора не допустило Богдыхана принять русскихъ пословъ. Споры продолжались послѣ того безпрерывно. Русскіе снова выстроили Албазинъ. Китайцы осаждали его безуспѣшно. Софія отправила, въ 1686 г., окольничаго Ө. А. Головина, предписавъ ему опредѣлить границы и утвердить дружбу съ китайцами. Китайскіе послы пріѣхали въ Нерчинскъ, съ іезуитами Перепрою и Гербильономъ, и послѣ продолжительныхъ переговоровъ Головинъ назначилъ съ ними предѣлы Россіи за Байкаломъ, уступилъ Албазинъ и Амуръ, и положилъ правила торговлѣ и взаимнымъ торговымъ сношеніямъ.

Гораздо важнѣйшее дѣло Софіи состояло въ опредѣленіи отношеній Россіи къ Польшѣ. Изумительная судьба вела царство Ягеллоновъ къ явной гибели, и храбрый Іоаннъ Собіескій, не только не поддержалъ падавшаго трона польскаго, но двадцати-лѣтнее царствованіе его рѣшительно погубило Польшу. Смѣлые подвиги, добрыя намѣренія, храбрость Собіескаго, все обращалось подданнымъ его во зло и въ гибель. Странную противоположность свойствъ безстрашнаго героя и ничтожнаго политика соединялъ въ себѣ Собіескій, рыцарь на полѣ битвы, рабъ жены своей, тщеславной французской маркизы, орудіе іезуитовъ и жидовъ-откупщиковъ въ дѣлахъ вну-

треннихъ, игралище чуждой дипломатики въ дѣлахъ внѣшнихъ. Супруга Собіескаго и любимцы ея торговали чинами, мѣстами, правосудіемъ, когда Собіескій сражался за чуждыя выгоды съ турками, изумилъ Европу славнымъ освобожденіемъ Вѣны, осажденной оттоманами въ 1683 году, и съ поля битвы едва могъ возвратиться въ Польшу сквозь многочисленныя, разъяренныя побѣдою его полчища турецкія. Но ухищреніе и вѣроломство императора Леопольда не могли отвлечь его отъ *крестоваго союза*, который, при посредствѣ папы Иннокентія XI-го, заключили съ нимъ вновь императоръ и Венеція. Сей союзъ имѣлъ для Польши слѣдствія самыя несчастныя. Пока венеціяне удачно воевали съ турками и покоряли себѣ Морею, подъ начальствомъ храбраго дожа Морозини, а императоръ торжествовалъ побѣды надъ оттоманами въ Венгріи и на Дунаѣ, вся тяжесть мщенія мусульмановъ падала на несчастную Польшу. Собіескій видѣлъ толпы татаръ крымскихъ, безнаказанно грабившія его государство, когда въ одно время его собственные подданные возставали противъ него. Собіескій понималъ пользу союза съ Россіею, ибо Россія могла отвлечь татаръ, но однакожъ три года мучился, терзался несчастный властитель Польши, и не уступалъ своихъ горделивыхъ требованій, не хотѣлъ навсегда утвердить Кіева и Малороссіи за Россіею. Софія презирала его угрозы, не слушала убѣжденій Франціи, Швеціи, папы, Венеціи, императора, присылавшаго нарочно, въ 1684 году, пословъ своихъ (бароновъ Жировскаго и Блюмберга) великолѣпною рѣчью убѣждавшихъ Россію поднять оружіе на враговъ имени христіанскаго. Софія поддерживала дружбу съ султаномъ и Крымомъ, отвергла предложенія молдавскаго господаря, умолявшаго ее о покровительствѣ, и упорство ея наконецъ довело Собіескаго до согласія на всѣ предложенныя ему условія. Въ 1686 г. послы польскіе, Гремультовскій и Огинскій, заключили въ Москвѣ договоръ, коимъ Польша на вѣки уступила Россіи Кіевъ; утвердила за нею Смоленскъ, Малороссію и Запорожскихъ казаковъ (отдѣльно жившихъ за Днѣпровскими порогами, и подобно Мальтійскимъ рыцарямъ, безпрерывно воевавшихъ съ турками и татарами); подтвердила царямъ Россійскимъ титулъ пресвѣтлѣйшихъ, державнѣйшихъ, Кіевскихъ, Смоленскихъ, Черниговскихъ и Малыя Россіи государей. Софія заплатила Польшѣ 150,000 р. за убытки и обѣщала воевать съ Султаномъ. Собіескій плакалъ, подписывая унизительный договоръ. Но тѣмъ горделивѣе были радость и торжество Софіи. Награды Голицыну, производившему переговоры съ Собіескимъ, великолѣпное призваніе подданныхъ къ оружію на врага христіанъ, сборъ многочисленнаго войска и извѣщеніе всѣхъ государей европейскихъ о мирѣ съ Польшею и союзѣ Россіи противъ султана, ознаменовали столь важное государственное событіе. Бояринъ Шереметевъ былъ посланъ въ Вѣну и заключилъ тамъ союзный договоръ съ императоромъ. Князь Я. Ѳ. Долгорукій отправился посломъ къ Людовику XIV-му и предложилъ ему союзъ. Гордый Людовикъ, воевавшій тогда противъ императора, съ негодованіемъ услышалъ о союзѣ съ нимъ русскихъ, и принялъ русскаго посла неучтиво, даже

грубо. „Къ чему полезна намъ дружба Россіи и царя русскаго? Онъ не сосѣдъ нашъ и составляетъ лицо совершенно постороннее въ европейской политикѣ“, говорили министры королевскіе. Думалъ ли Людовикъ XIV-й, что черезъ двадцать пять лѣтъ увидятъ русскаго царя однимъ изъ могущихъ дѣятелей политики европейской, а черезъ сто двадцать лѣтъ потомъ русскіе придутъ въ его великолѣпный Парижъ предписать миръ Франціи, подарить миромъ Европу и возвратить тронъ его потомкамъ! Долгорукій проѣхалъ въ Испанію, гдѣ на его требованія отвѣчалъ только жалобами слабоумный король Карлъ II-й, увѣряя, что у него (обладателя Перу и Мексики) нѣтъ денегъ снарядить войско противъ султана. Оскорбленная отказомъ, Софія прервала всѣ сношенія съ Франціею и Испаніею. Горделиво мечтала она о покореніи Крыма. Голицынъ, считая себя великимъ полководцомъ, спѣшилъ приготовленіями къ войнѣ, и 22-го февраля 1687 г. патріархъ благословилъ полки, собранные въ Москвѣ. Цари вручили Голицыну драгоцѣнную булаву, клейнодъ званія главнаго воеводы. Въ Малороссіи сошлось сильное русское ополченіе. Гетманъ малороссійскій Самойловичъ присоединилъ къ нему своихъ казаковъ, и лѣтомъ 1687 года Голицынъ двинулся въ походъ на Крымъ.

Южные предѣлы Россіи составляла въ то время Малороссія, или земли, бывшія издревле жилищемъ разныхъ кочевыхъ народовъ, хазаръ, половцовъ, печенѣговъ, торковъ. По истребленіи ихъ монголами, съ XIII вѣка земли сіи оставались пустынями, а въ началѣ XVII-го столѣтія заселили ихъ казаки, перешедшіе сюда изъ-за Днѣпра, когда притѣсненія Польши и Турціи заставили сихъ храбрыхъ наѣздниковъ подчиниться Россіи. Казацкія поселенія составляли слободскіе полки, или первое переселеніе казаковъ (въ 1654 году, когда основаны были города: Сумы, Ахтырка, Острогожскъ, Харьковъ и Изіомъ), и Малороссія собственно, управляемая гетманомъ, коего избирали изъ среды своей казаки, но утверждалъ царь. Они составляли 10-ть полковъ: Кіевскій, Прилуцкій, Нѣжинскій, Лубенскій, Миргородскій, Полтавскій, Переяславскій, Стародубскій и Черниговскій. На западъ границу Малороссіи опредѣлялъ Днѣпръ; на югъ отъ Днѣпра до Сѣвернаго Донца протягивался рядъ укрѣпленій, или Украинская линія, начинаясь немного южнѣе Кіева. За сею линіею простирались до береговъ Чернаго моря и Крыма безплодныя, безлѣсныя и безводныя степи, гдѣ только по теченію Днѣпра, за порогами Днѣпровскими, былъ отдѣльный притонъ запорожцовъ, или Запорожская Сѣча. Степи сіи считались турецкимъ владѣніемъ, хотя немногія только крѣпости турецкія, Кизи-Кермень, Исламъ-Кермень и другія, были по теченію Днѣпра и близъ устья Днѣпровскаго, разливъ коего въ устьѣ, или лиманъ, защищала сильная крѣпость Очаковская. Прибрежье Черноморское около Очакова заселяли буджацкіе татары, простираясь до самой Бессарабіи. Крымскіе татары занимали къ западу полуостровъ Крымскій, или древнюю Тавриду. Узкій перешеекъ, соединяющій сей полуостровъ съ материкомъ, единственный проходъ сухимъ путемъ въ Крымъ, былъ отъ Чернаго до Азовскаго моря перекопанъ глубокимъ рвомъ; сія Перекопь за-

щищена была высокимъ валомъ съ крѣпостями, и по имени ея всѣ степи отъ Чернаго моря до Малороссіи именовались Перекопскими. Здѣсь-то было мѣсто безпрерывныхъ битвъ запорожцовъ и казаковъ съ бусурманами. Въ лодкахъ по Днѣпру, на бодрыхъ коняхъ черезъ стери необозримыя, заросшія бурьяномъ, правя путь по вѣтру, звѣздамъ и степнымъ курганамъ, пробирались казацкіе наѣздники къ татарамъ, грабили ихъ селенія, отбивали у нихъ стада, увозили красавицъ татарскихъ. Мстя за обиды, татары переходили черезъ степи, обманывали бдительность казацкой стражи по Украинской линіи, грабили и жгли Малороссію. Напрасно въ мирное время царь запрещалъ набѣги казакамъ, а султанъ хану крымскому. Мира здѣсь не знали. Битвы были безконечны и свирѣпы. Черезъ Перекопскія степи проходили крымцы и въ набѣги свои на Польшу.

По расположенію утвержденному въ совѣтѣ воеводъ, Голицынъ хотѣлъ спуститься съ войскомъ своимъ берегами Днѣпра до Кизи-Кермени (нынѣшняго Бериславля), и отсюда черезъ степи быстро ударить на Перекопь. Огромные запасы военные, тяжелый пушечный снарядъ и безконечный обозъ сопровождали русское войско. Медленно двигалась тяжелая громада русскаго ополченія по Малороссіи, въ началѣ іюня перешла Украинскую линію и продолжала идти по берегамъ Днѣпра и по впадающимъ въ него рѣкамъ. Уже и здѣсь начиналъ оказываться недостатокъ хлѣбнаго запаса, сѣна, дровъ. Непріятель не показывался. Но когда русское войско отошло отъ Днѣпра, русскіе воеводы ужаснулись, увидя неожиданную хитрость крымцовъ: они зажгли траву, и весь необозримый океанъ степей вспыхнулъ и выгорѣлъ отъ Днѣпра до Перекопи. Подъ знойнымъ небомъ, среди опаленной степи, задушаемые дымомъ, смрадомъ, пылью, взвиваемою пустынными вѣтрами, томясь жаждою въ безводныхъ степяхъ, русскіе не могли продолжать далѣе похода. Люди и лошади гибли. Войско уныло, упало духомъ, и съ трепетомъ ожидало внезапнаго нападенія татарскаго.

Самовольно рѣшая всѣ воинскія дѣйствія, Голицынъ велѣлъ отступать, потерялъ при отступленіи много народа, побросалъ пушки и снаряды, лишился болѣе 40,000 воиновъ, хотя русскіе не обмѣнялись ни однимъ выстрѣломъ съ татарами, и весь походъ болѣе нежели сто-тысячнаго ополченія русскаго ограничился ничтожными сшибками казаковъ съ крымскими наѣздниками. Стыдъ неудачи терзалъ гордаго любамца Софіи. Онъ хотѣлъ сложить позоръ свой на другаго, и обрекъ погибели стараго гетмана малороссійскаго.

Уже пятнадцать лѣтъ, мирно покорствуя русскому царю, правилъ малороссійскими казаками гетманъ Самойловичъ, раболѣпно услуживалъ царскимъ воеводамъ, обуздывалъ отвагу и удальство казацкой вольницы, не думалъ спорить за старинныя права, утвержденныя при гетманѣ Хмѣльницкомъ. За то не терпѣли казаки своего гетмана, при раболѣпствѣ русскимъ и щедрости на подарки русскимъ боярамъ, скупаго, корыстолюбиваго и гордаго, хотя всѣ знали, что отецъ его былъ бѣдный священникъ какой-то

сельской церкви. Богатства Самойловича возбуждали жадность любимца Софіи, а многіе изъ подчиненныхъ гетмана завидовали своему начальнику, осыпанному царскими милостями. Завистливѣе, умнѣе и безсовѣстнѣе всѣхъ былъ Иванъ Мазепа, генеральный есаулъ казакцій. Никто не зналъ происхожденія Мазепы. Вообще полагали, что онъ былъ полякъ. Говорили, что онъ находился нѣкогда въ службѣ какого-то богатаго польскаго воеводы пажемъ, и, ловкій и красивый, плѣнилъ молодую жену воеводы. Мстя измѣну жены, разгнѣванный воевода велѣлъ привязать своего молодаго пажа къ дикой лошади и пустилъ ее размыкать кости несчастнаго по чистому полю. Бѣшеная лошадь умчала его въ Украйну и пала отъ изнуренія. Казаки нашли Мазепу. Онъ еще дышалъ, хотя избитый и полумертвый. Долго страдалъ Мазепа, вылѣчился, записался въ казацкія дружины, и отличился удальствомъ и необыкновенными познаніями, ибо зналъ польскій, русскій, латинскій языки, былъ мастеръ читать и писать. Онъ лихо ѣздилъ на лошади, любилъ погулять и не вѣдалъ страха въ битвѣ. Самойловичъ полюбилъ Мазепу, возвелъ въ высшіе чины, посылалъ отъ себя посломъ въ Москву. Низкій угодникъ знатныхъ, буйный товарищъ низшихъ, разгульный, краснорѣчивый, Мазепа успѣлъ понравиться боярамъ, Голицыну, Софіи. Онъ умѣлъ скрывать свои кипящія страсти: былъ въ тайнѣ католикъ—и казался ревностнымъ поборникомъ православія, жадный корыстолюбецъ—и являлся щедрымъ и роскошнымъ, развратникъ—и былъ примѣромъ строгой жизни, едва достигъ высшихъ званій. Когда русское войско такъ безславно воротилось изъ Крымскаго похода, Мазепа увидѣлъ чѣмъ можно было услужить Голицыну, и договорился съ нимъ о гетманскомъ санѣ за погибель своего благодѣтеля.

Войско русское расположилось на отдыхъ въ Малороссіи. Мазепа съ товарищами подалъ Голицыну доносъ, обвиняя Самойловича въ измѣнѣ и неудачѣ похода. Голицынъ принялъ доносъ и послалъ въ Москву. Софія предоставила любимцу своему рѣшеніе столь неожиданнаго дѣла. Голицынъ казался вѣрившимъ клеветѣ. Въ лагерѣ подъ Полтавою тайно велѣлъ онъ захватить гетмана и собрать раду, или совѣтъ казаковъ, въ своемъ великолѣпномъ шатрѣ. Несчастнаго старика гетмана привели передъ беззаконное судилище. Опираясь на свою серебряную булаву, онъ хотѣлъ оправдываться. Голосъ его заглушили буйные клики. Голицынъ самовластно лишилъ Самойловича гетманскаго чина, отправилъ его въ Москву и захватилъ его богатое имѣніе. Іюля 25-го Мазепа избранъ былъ въ гетманы малороссійскіе, щедро одарилъ и роскошно угостилъ воеводъ русскихъ. Вся неудача похода приписана была Самойловичу; его, съ сыномъ и невѣсткою, сослали въ Сибирь, гдѣ скоро оба страдальца, отецъ и сынъ, умерли, а невѣстка питалась милостынею, скитаясь нищею по улицамъ Тобольскимъ. Другой сынъ Самойловича былъ казненъ.

Голицынъ распустилъ войско и спѣшилъ въ Москву. Его встрѣтили, какъ великаго побѣдителя, причли ему въ заслугу сохраненіе войска во

время похода и смѣну измѣнника гетмана, и осыпали его наградами. Кромѣ вотчинъ, помѣстьевъ, бархатнаго на соболяхъ кафтана, Софія наградила Голицына драгоцѣнною медалью, на золотой цѣпи, въ 300 червонцовъ. Кто смѣлъ послѣ сего обвинить и упрекнуть всемогущаго временщика?

И прежде и послѣ Крымскаго похода, когда совѣтовались о томъ: продолжать ли начатую войну, и Софія и Голицынъ не оставляли заботы о другихъ дѣлахъ государственныхъ. Они снова ввели строгое чиноначаліе и благочиніе во дворцѣ, не допускали мѣстничества, запрещали роскошь. Софія воздвигла вновь и обновила многіе ветхіе храмы и обители. Академія, предположенная Ѳеодоромъ, была открыта въ Москвѣ, подъ именемъ Славено-Греко-Латинской, въ Заиконоспаскомъ монастырѣ. Москва была украшена многими зданіями, изъ коихъ всего болѣе изумлялъ современниковъ Каменный мостъ чрезъ Москву рѣку, построенный подлѣ Боровицкихъ Кремлевскихъ воротъ: строителемъ его былъ монахъ, и въ народѣ донынѣ осталось преданіе о томъ, какъ онъ запруживалъ воду, вычерпывалъ ее, и клалъ потомъ мостовые быки, какъ будто на сушѣ. И послѣ казни Никиты Пустосвята церковь возмущалась расколами. Софія жестоко преслѣдовала ихъ. Тысячи изувѣровъ бѣжали тогда на Донъ, въ Польшу и въ Сибирь. На Дону построили они городокъ и отчаянно дрались съ казаками Въ Польшѣ, по рѣкѣ Сожѣ, заселили они обширныя слободы, извѣстныя подъ именемъ Вѣтковскихъ. Въ Сибири, преслѣдуемые царскихъ войскомъ, они сжигались десятками, даже сотнями, думая, что тѣмъ спасаютъ себя отъ вѣчной погибели. Такъ въ 1687 г. 400 человѣкъ затворились тамъ въ деревянной церкви, при пѣніи духовныхъ пѣсенъ зажгли церковь и погибли въ пламени. Преслѣдуя изувѣровъ, Софія оказывала покровительство иновѣрцамъ: дозволила католикамъ построить церковь въ Москвѣ; призывала въ Россію гугенотовъ, бѣжавшихъ изъ Франціи послѣ Нантскаго эдикта. Но строго запрещала она иновѣрцамъ обращать въ свою вѣру православныхъ, и особливо распространять какія либо секты. Примѣръ жестокаго наказанія показанъ былъ надъ несчастнымъ Кульманомъ. Онъ былъ какой-то сумасшедшій мечтатель: изъяснялъ Апокалипсисъ, хотѣлъ основать какую-то новую вѣру, подъ именемъ Іисусовой, говорилъ, что можетъ творить чудеса и ежедневно бесѣдуетъ съ ангелами. Всюду преслѣдовали его. Двухъ учениковъ его сожгли въ Венгріи. Онъ убѣжалъ въ Царьградъ, потомъ въ Лондонъ, и наконецъ пріѣхалъ въ Москву. Здѣсь, когда началъ онъ распространять свое странное ученіе, его взяли, судили и сожгли, вмѣстѣ съ ученикомъ его Нордерманомъ.

Слыша, что императоръ, стѣсненный на Рейнѣ Людовикомъ XIV-мъ, ведетъ переговоры о мирѣ съ султановъ, не думая о своихъ союзникахъ, Софія не рѣшалась на второй походъ противъ Крыма. Сильно возражала она противъ исключенія изъ переговоровъ съ султаномъ Россіи и Польши, и принудила императора пригласить на совѣщанія польскаго и русскаго пословъ. Но условія, предложенныя Софіею султану, были несбыточныя:

Россія требовала на свою долю отдачи Крыма, Азова и всѣхъ земель по Днѣпръ и Черное море. Въ переговорахъ о мирѣ прошелъ 1688 й годъ; они кончились ссорою; надлежало продолжать военныя дѣйствія, и предвидя несогласіе султана, Голицынъ дѣятельно готовился къ войнѣ. Далеко въ степяхъ за Украинскою линіею, на рѣкѣ Самарѣ, русскіе заложили крѣпость Богородицкую. гдѣ могли приготовить запасы и устроить пристанище войску ближе къ Крыму. Походу положено было начаться ранѣе, избѣгая лѣтнихъ жаровъ.

Велерѣчивою граматою объявлено было о новомъ походѣ великаго русскаго воинства. Зимою Голицынъ выѣхалъ изъ Москвы. Въ апрѣлѣ двинулось русское войско, благополучно достигло Кизи-Керменя, и въ половинѣ мая вступило въ безводную степь, простиравшуюся отъ Днѣпра болѣе нежели на 100 верстъ, считая прямою чертою отъ границъ Малороссіи до Перекопи. Татары допустили русскихъ въ самую глубину степей, и здѣсь неожиданно началось прежнее бѣдствіе — степь опять запылала пожаромъ. Но татары уже не скрывались и хотѣли битвы. Ободренные прежнимъ успѣхомъ, тысячами явились они на легкихъ коняхъ своихъ, окружили русскихъ, отбивали людей, жгли обозы; каждый усталый, или отстававшій, не избѣгалъ плѣна или смерти. Наконецъ въ Черной Долинѣ, началась свальная, жестокая битва. Цѣлыя сутки стояли обозомъ русскіе, отбивая непріятеля, прогнали его и дошли до Перекопи. Сто тысячъ татаръ укрывались за крѣпкимъ Перекопскимъ валомъ. Боясь отваги русскихъ, ханъ еще хотѣлъ хитростью ослабить ихъ прежде сраженія, употребилъ коварство, завелъ переговоры, и когда утомленное, измученное русское войско, не получая запасовъ, ибо дорога черезъ степь была перерѣзана татарами, томясь голодомъ и жаждою, приходило въ совершенное отчаяніе, ханъ прекратилъ переговоры и вызывалъ русскихъ на бой. Голицынъ поздно увидѣлъ свою ошибку, не смѣлъ рѣшиться на битву и, скрывая стыдъ и досаду, двинулъ обратно русское войско. Отступленіе было бѣдственно. Татары преслѣдовали русскихъ, и только съ большою потерею людей, лошадей и снарядовъ, русскіе успѣли достигнуть береговъ Днѣпра.

Голицынъ не думалъ о насмѣшкахъ, какими сопровождалъ его отступленіе ханъ крымскій, упрекая трусостью, бѣгствомъ, вѣроломствомъ. Онъ не боялся и того, что Собіескій не повѣритъ его хвастливому описанію бѣдствій неслыханныхъ и робости татаръ, не дерзнувшихъ будто бы сражаться съ русскими. Онъ могъ надѣяться, что Софія опять прикроетъ стыдъ его незаслуженною похвалою. Все сбылось по его ожиданію. Напрасно вопіялъ народъ, не вѣрилъ царскимъ похвальнымъ грамотамъ, громко говорилъ, что Голицынъ былъ подкупленъ ханомъ—великія награды снова были даны ему и войску. Софія величала второй походъ своего любимца паче прежняго. Но Голицынъ трепеталъ, возвращаясь въ Москву: тамъ ожидалъ его судія грозный и неумолимый—царь Петръ, уже возмужавшій, уже готовый на дѣла и подвиги царскіе. И не напрасно трепеталъ любимецъ

Софіи. 1689 годъ былъ послѣднимъ годомъ власти и правленія царевны и ея любимца.

Мы видѣли Петра въ младенчествѣ изумлявшаго всѣхъ, кто только могъ приблизиться къ нему, видѣли, какъ надежды народа лелѣяли колыбель его, какъ десяти лѣтъ былъ онъ нареченъ царемъ, какъ злодѣйство и насиліе исторгли у него царскую власть, и какъ онъ устраненъ былъ потомъ отъ двора и престола, сохранивъ только имя царя. Царица Наталія рада была удалиться съ нимъ, страшась, что честолюбіе Софіи, буйство крамолъ и свирѣпость мятежниковъ подвергаютъ опасности драгоцѣнную жизнь ея милаго сына. Она избрала мѣстомъ пребыванія дворецъ въ подгородной Преображенской слободѣ, за Нѣмецкою слободою, гдѣ вблизи находились царскій хуторъ и великолѣпный дворецъ Измайловскій, и куда царь Алексѣй ѣзжалъ тѣшиться звѣриною и птичьею охотою въ заповѣдныхъ лѣсахъ, простиравшихся отъ Сибирской до Троицкой дороги; здѣсь близко была и его любимая соколиная охота, въ Сокольникахъ. Удаленный изъ Кремлевскаго дворца и отъ двора царскаго, возрасталъ Петръ, оберегаемый нѣжною матерью, рѣдко являясь въ Кремль къ пріему пословъ, и иногда пріѣзжая присутствовать при церковныхъ обрядахъ, смотрѣ полковъ, торжественныхъ царскихъ обѣдахъ.

Въ Преображенскомъ было свободное раздолье юному царю. Когда царь Іоаннъ изнывалъ душею и тѣломъ въ Кремлевскомъ дворцѣ и думалъ только о молитвѣ, и когда Софія самовластительствовала въ Москвѣ и въ думѣ боярской, укрѣплялся въ силахъ, цвѣлъ здоровьемъ и мужалъ въ доблестяхъ юный братъ ихъ. Славный путешественникъ Кемпферъ, видѣвшій Петра на аудіенціи шведскихъ пословъ, думалъ, что въ 1683 году было уже ему 15 лѣтъ, и съ восторгомъ говорилъ онъ потомъ въ своихъ запискахъ объ его красотѣ, живости движеній и выраженіи ума въ его горящихъ, юношескихъ взорахъ. Страсть Петра ко всякому ученью была неутолима, но главнымъ занятіемъ его были однакожъ постоянно воинскія потѣхи, какъ ихъ тогда называли. Дѣти, собранныя нѣкогда родителемъ Петра на забаву сына, подрастали, были неразлучными товарищами юнаго царя, и составили уже отрядъ воинственныхъ юношей, все еще сохраняя названіе потѣшныхъ. Вскорѣ Провидѣніе указало Петру умныхъ и достойныхъ наставниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ Францъ Лефортъ, уроженецъ женевскій, полковникъ нѣмецкаго полка, состоявшаго въ службѣ царской. Другой Джонъ Патрикъ Гордонъ, шотландецъ, потомокъ славныхъ шотландскихъ Гордоновъ и генералъ нѣмецкихъ полковъ въ Россіи. Оба, и Лефортъ и Гордонъ, долго скитались по Европѣ, пріѣхали искать счастья въ Россіи, и волею и неволею оставались въ царской службѣ. Петръ увидѣлъ Лефорта, красиваго, умнаго, краснорѣчиваго, сблизился съ нимъ, полюбилъ его, восхищался, слушая его разсказы, еще болѣе убѣдился бесѣдою съ нимъ въ необходимости науки и сдѣлался ученикомъ его. Лефортъ училъ его нѣмецкому и голландскому языкамъ, познакомилъ съ нимъ Франца Тиммер-

мана, страсбургскаго уроженца, бывшаго инженернымъ офицеромъ въ царской службѣ. Петръ учился у Тиммермана математикѣ, фортификаціи, артиллеріи. Общирное чтеніе укрѣпляло умъ юнаго царя. Лефортъ одѣлъ его потѣшныхъ въ нѣмецкіе мундиры, училъ ихъ правильному строю, и Петръ, восхищенный тѣмъ, хотѣлъ все испытать, все изучить самъ. Онъ записался барабанщикомъ и солдатомъ въ роту Лефорта, билъ въ барабанъ, кидалъ артикулъ ружьемъ, стоялъ на караулѣ, дѣлилъ простую пищу своихъ товарищей, жилъ съ ними въ палаткахъ, самъ возилъ въ тележкѣ землю на построеніе маленькой крѣпости, которую соорудилъ Тиммерманъ на берегу Яузы. Крѣпость назвали Пресбургомъ, и Петръ и его потѣшные осаждали и брали ее при пушечной и ружейной пальбѣ. Иногда Петръ ловкимъ всадникомъ гарцовалъ на лихомъ конѣ передъ конными потѣшными, стрѣлялъ самъ изъ пушекъ на Пушечномъ дворѣ, приготовилъ и жегъ фейерверки и производилъ огненныя увеселенія. Онъ приблизилъ къ себѣ всѣхъ иностранцовъ, бывшихъ въ Москвѣ, безъ различія чиновъ, даже простыхъ ремесленниковъ. Страсть его къ ученью дошла до того, что онъ учился медицинѣ у лѣкарей, столярному, токарному ремеслу, плотничеству, даже самъ ковалъ желѣзо и плелъ мужицкія лапти. Вольное обхожденіе, веселая бесѣда съ каждымъ изъ приближенныхъ къ нему, была непремѣннымъ условіемъ для всѣхъ допускаемыхъ къ юному царю. Часто гулялъ онъ за-просто съ нѣмцами, потѣшными, Лефортомъ, офицерами и ремесленниками безъ различія, угощалъ ихъ во дворцѣ своемъ, посѣщалъ дома и жилища ихъ. Зимою бывали въ Преображенскомъ и въ Нѣмецкой слободѣ шумныя катанья. Петръ съ товарищами его веселья ходилъ о святкахъ въ дома своихъ приближенныхъ славить Христа: иногда запросто гулялъ по улицамъ, по рядамъ торговымъ безъ всякой свиты, ѣздилъ въ своемъ нѣмецкомъ мундирѣ по Москвѣ, въ саняхъ, въ одноколкѣ, ласково говорилъ съ простолюдинами, заходилъ въ дома ихъ, въ нѣмецкія казармы, въ стрѣлецкія съѣзжія, разрушая всѣ прежніе уставы дворскіе и повѣрье народное о недоступности царей русскихъ.

Что думали тогда о Петрѣ, видя неслыханный дотолѣ образъ жизни его? Старики ужасались, слыша о дружбѣ царя съ нѣмцами и съ простыми людьми, боялись, что онъ обусурманится, и осуждали его. Но молодежь восхищалась удалымъ царемъ. Многіе изъ бояръ начали наконецъ представлять царицѣ Наталіи, что опасаются за чистоту вѣры и нравственность ея сына. Говорили, что онъ изнуряетъ здоровье трудами неприличными царю, и губитъ православіе и завѣты отцовъ, дружась съ нехристями. Но царица видѣла Петра цвѣтущаго здоровьемъ, и нѣсколькихъ словъ его достаточно было, чтобы оправдать всѣ дѣла его передъ нѣжною матерью. Не смотря на бусурманское, окружавшее его общество, она видѣла юнаго сына своего всегда благоговѣйно почтительнаго къ ней, благочестиваго, усерднаго къ церкви, вспыльчиваго, горячаго, но добродушнаго, готоваго просить прощенія у всякаго, кого оскорблялъ онъ въ гнѣвѣ, готоваго плакать и радоваться при

каждомъ сильномъ впечатлѣніи на его душу. Уже и тогда Петръ умѣлъ презирать толки и сплетни изувѣровъ и невѣждъ.

Такъ протекло шесть лѣтъ, и слыша о характерѣ, занятіяхъ и дѣлахъ Петра, Софія начинала тревожиться. Дотолѣ она считала его только рѣзвымъ, прихотливымъ, избалованнымъ ребенкомъ. Ослѣпленная властью, видя раболѣпство всѣхъ, унижавшихся предъ нею, она не безпокоилась, какъ будто забыла, что летятъ годы и возрастаетъ грозный мздовоздатель за дѣла ея въ юномъ братѣ. Мы сказали, и разсказы самыхъ враговъ Софіи согласно подтверждаютъ, что при первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, она не думала, по крайней мѣрѣ, не смѣла лишить его жизни, можетъ быть, еще страшась упрековъ совѣсти, трепеща суда Божія за могилою, ужасаясь позора за кровь брата передъ людьми, даже сомнѣваясь, чтобы чья нибудь рука поднялась на державнаго отрока! Но власть постепенно усыпляла совѣсть Софіи. Уже она писала имя свое въ грамотахъ Самодержицею наравнѣ съ братьями, уже не хотѣла выпустить изъ рукъ своихъ скипетра, даже и при совершеннолѣтіи братьемъ, и рѣшилась устранить Петра, объявя царемъ одного Іоанна, а еслибы умеръ онъ, назначая преемникомъ ему сына его, или дочь, и правя именемъ ихъ. Но все еще не думала Софія себѣ присвоить царскій вѣнецъ. Когда доносили ей о разгульной жизни Петра, и преувеличивая истину, изображали его развратнымъ, безбожнымъ юношею, Софія жадно вѣрила, и не только не хотѣла спасать брата своего отъ гибельныхъ сѣтей разврата, но даже старалась сама волновать пылкія страсти его, ибо тѣмъ легче было бы ей свергнуть потомъ съ престола Петра, еслибы онъ обезславилъ себя пороками и буйствомъ. Судьбы Божіи и нѣжная мать были его ангелами хранителями.

Безпокойство и тревога Софіи умножились, когда Петръ началъ являться въ Царской Думѣ, вмѣшиваться въ дѣла, изумляя свѣтлымъ умомъ и необыкновенными познаніями бояръ и оспоривая Софію. Его потѣшные, усиленные сборомъ вольницы, образовали два регулярные полка. Нѣмецкіе полки усердно стояли за него. Всѣ начали замѣчать и говорили, что Петръ недолго будетъ терпѣть опеку Софіи, и при дворѣ образовалась партія его приверженцовъ, еще не смѣвшая объявить себя, но уже замѣтная и сильная. Никто не терпѣлъ гордаго, тщеславнаго Голицына. Лучше хотѣли повиноваться юному, умному царю, нежели рабствовать передъ Софіею, волею и умомъ которой управлялъ надменный любимецъ ея. Однимъ появленіемъ своимъ, однимъ словомъ, однимъ взоромъ Петръ привлекалъ къ себѣ сердца даже самыхъ закоренѣлыхъ староверовъ. Приставленный для надзора за нимъ, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ сердечно полюбилъ своего воспитанника, сдѣлался приверженцомъ, защитникомъ, другомъ его. Долгорукіе, Рѣпнины, Голицыны, Апраксины (братья царицы Марѳы Матвѣевны) записались въ потѣшные полки. Софія недоумѣвала, предвидѣла опасность, но еще ни на что не смѣла рѣшиться.

Послѣ перваго Крымскаго похода Петръ уже не скрывалъ своего не-

годованія противъ Софіи и Голицына, не соглашался на второй походъ, говорилъ, что столь бѣдственная война безславитъ Россію. Въ январѣ 1689 года, царица Наталія избрала сыну своему невѣсту, дѣвицу Евдокію Ѳеодоровну, изъ рода Лопухиныхъ. Еще разъ уступивши Софіи и согласившись на второй походъ Крымскій, Петръ отправилъ съ Голицынымъ Лефорта, узналъ черезъ него подробности безславныхъ поступковъ любимца Софіи, и по возвращеніи войскъ изъ похода изъявилъ сильный гнѣвъ, не допустилъ къ себѣ Голицына, не былъ при раздачѣ наградъ войску. Еще до пріѣзда любимца Софіи въ Москву явная ссора возникла между Софіею и братомъ.

Упорствуя въ самовластіи и не думая уступить брату, Софія осмѣлилась явиться въ церковномъ ходѣ, донынѣ совершаемомъ въ Москвѣ іюля 8-го, изъ Успенскаго въ Казанскій соборъ, воздвигнутый княземъ Пожарскимъ, въ память избавленія Москвы отъ поляковъ въ 1612 году. „Тебѣ не мѣсто здѣсь! Ты не царица!“ воскликнулъ разгнѣванный Петръ, увидя Софію, явившуюся въ полномъ царскомъ облаченіи. Она не слушала словъ его. Петръ затаилъ негодованіе, не желая соблазнить народъ ссорою, но немедленно уѣхалъ въ Преображенское. Софія испугалась столь рѣшительнаго поступка и хотѣла мириться. Петръ былъ непреклоненъ, даже запретилъ говорить себѣ о Софіи и требовалъ ея безусловнаго повиновенія. Царь Іоаннъ осудилъ поступокъ сестры и присталъ къ сторонѣ брата. Недоумѣніе и нерѣшительность продолжались, когда Голицынъ пріѣхалъ въ Москву. Онъ не умѣлъ ничего присовѣтовать Софіи. Бояре и народъ явно одобряли поступокъ Петра.

Тогда со страхомъ увидѣла Софія, какъ ненадежна власть ея. Уже не было сильнаго буйнаго скопища стрѣльцовъ, на которое могла она опереться; она сама разрушила его, а Петра окружали нѣсколько тысячъ преданныхъ ему воиновъ и всѣ нѣмецкіе полки. Уступивши брату прежде, добровольно, Софіи могла сохранить хотя почетъ и величіе двора, но уступая теперь, неволею, она знала, что ея паденіе будетъ постыдно. Надлежало оставить тронъ, отдать власть, преклониться предъ разгнѣваннымъ братомъ, ей, купившей мечту владычества такою страшною, такою неоплатимою ни чѣмъ цѣлою! „Что мнѣ дѣлать?“ говорила Софія Голицыну. Онъ совѣтовалъ ей спастись бѣгствомъ въ Польшу. „И уступить престолъ дерзкому юношѣ—признать себя безсильною и виновною!“ воскликнула Софія—„никогда! Лучше умереть!“ Она рѣшилась, но ея рѣшеніе было ужасно. Софія рѣшилась принесть въ жертву демону властолюбія все - доброе имя, честь, совѣсть, будущую жизнь—низвергнуть Петра, низвергнуть и Іоанна! Говорятъ, что она хотѣла послѣ того отдать руку свою Голицыну и возвести его на тронъ съ собою. Но Петръ не уступилъ бы ей добровольно трона — Софія обрекла его на смерть!

Такъ страсти влекутъ человѣка въ бездну преступленія, если онъ подчинится имъ и забудетъ голосъ совѣсти. Есть предѣлъ, за которымъ возвращеніе къ добру невозможно—говорятъ многіе. Отвергаемъ такую клевету

на сердце человѣка, но какъ однакожъ безъ того изъяснить переходы страстей въ такія преступленія, коихъ невольно содрагается воображеніе наше?

Сестра и дочь царей поднимала ножъ на царя и брата. Голицынъ отвергъ преступную мысль Софіи, не хотѣлъ раздѣлять съ нею умысла цареубійства, какъ нѣкогда не раздѣлялъ съ Софіею и Милославскимъ ихъ кроваваго замысла въ стрѣлецкомъ бунтѣ. Нашлось чудовище — человѣкъ, за почести земныя продавшій Софіи душу свою, Ѳедоръ Шакловитый, начальникъ Стрѣлецкаго приказа, участникъ перваго бунта стрѣлецкаго, любимецъ Софіи, уже возведшей его въ званіе окольничаго изъ ничтожныхъ подьячихъ и обѣщавшей ему боярство за жизнь Петра. Шакловитый отыскалъ въ числѣ оставшихся въ Москвѣ стрѣльцовъ нѣсколько злодѣевъ; ихъ было немного, но тѣмъ рѣшительнѣе были они, хитро умѣли набрать сообщниковъ, не открывая имъ страшной тайны, но обязавъ ихъ клятвою помогать царевнѣ православной противъ царя бусурмана. Положено было собраться всей шайкѣ заговорщиковъ въ Кремлѣ, ночью на 7-е августа. Августа 6-го въ Преображенскомъ былъ храмовой праздникъ. Думали, что послѣ праздничнаго гулянья стража не будетъ неусыпною, хотѣли ночью окружить дворецъ, ворваться въ него, убить Петра, мать его, сестеръ, супругу, главныхъ бояръ и близкихъ людей, и провозгласить Софію царицею.

Съ вечера въ день Преображенія собрались сообщники Шакловитаго въ Кремль. Ихъ поили, раздавали имъ деньги, и полупьяныхъ повелъ ихъ на страшное злодѣйство Шакловитый. Но ангелъ хранитель жизни Петра и счастія Россіи стоялъ недреманнымъ стражемъ близъ помазанника Божія. Двое изъ сообщниковъ Шакловитаго содрогнулись кроваваго преступленія, бѣжали ночью и донесли князю Борису Алексѣевичу Голицыну о злодѣйскомъ умыслѣ. Некогда было медлить, защищаться, собирать войско – Шакловитый, съ тремя стами убійцъ, могъ подоспѣть внезапно и отрѣзать путь. Добродѣтельный Голицынъ поспѣшно разбудилъ Петра и царицу Наталію, объявилъ имъ неожиданную вѣсть, и предложилъ немедленно бѣжать въ Троицко-Сергіевскую лавру, гдѣ нѣкогда укрылась Софія отъ стрѣльцовъ. Тамъ можно было собрать войско, обезопасить себя и призвать на судъ сестру преступницу и изверга Шакловитаго. Петръ одобрилъ совѣтъ и наскоро приготовился къ побѣгу съ своею супругою. Рыдая обняла его царица Наталія, вынула изъ кіота драгоцѣнный, съ святыми мощами, крестъ и благословила имъ Голицына. „Если ты ведешь сына моего на погибель", говорила она — „сей крестъ Божій покараетъ тебя; если спасешь его — онъ будетъ благословеніемъ тебѣ и твоему потомству!". Рано утромъ, Петръ, супруга его, Голицынъ, Лефортъ, и съ ними немногіе потѣшные, уже были въ Троицкой обители. „Спаси царя твоего!" воскликнулъ Петръ, входя въ келью изумленнаго архимандрита Викентія.

Такъ святой обители Сергія суждено было показать примѣръ доблести въ дни бѣдствій Россіи, воззвать отечество на подвигъ спасенія голосомъ Аврамія Палицына, и черезъ семдесятъ лѣтъ потомъ послужить убѣжищемъ

Петру Великому отъ рукъ убійцъ. Всѣ сіи событія начертаны на памятникѣ, воздвигнутомъ въ Троицкой обители, на память потомству, знаменитымъ іерархомъ Россійскимъ, митрополитомъ Платономъ.

Шакловитый прискакалъ въ Преображенское и — руки у него опустились, когда онъ услышалъ о бѣгствѣ Петра Съ отчаяніемъ въ душѣ возвратился онъ къ Софіи. Все погибло для нея — не было надежды не только удержать власть, но — можетъ быть, Софія трепетала даже за самую жизнь свою! Ужасна была ночь на 7-е августа 1689 года для дочери Алексѣя, и со страхомъ услышалъ любимецъ ея Голицынъ страшную вѣсть о злодѣйствѣ и неудачѣ его. Удачею не отрекался воспользоваться малодушный временщикъ - неудача возвѣщала ему неизбѣжную гибель...

Софія думала однакожъ, что добровольною уступкою власти она можетъ еще искупить себя и своего любимца. Когда поутру собрались къ ней бояре, изумленные внезапнымъ бѣгствомъ Петра, Софія притворилась ни чего не знающею, лицемѣрила, просила бояръ примирить ее съ братомъ. Бояринъ Троекуровъ поѣхалъ отъ нея и Боярской Думы въ Троицкую обитель. Возвращеніе его въ Москву обнаружило злодѣйство Софіи. Петръ уже разослалъ граматы въ города, призывая подданныхъ собираться на защиту престола. Потѣшные, нѣмецкіе солдаты, народъ, даже стрѣльцы спѣшили на призывный голосъ Петра. Бояре и царедворцы слѣдовали примѣру ихъ. Не говоря объ участіи Софіи въ злодѣйствѣ, Петръ требовалъ на судъ и казнь Шакловитаго. Пользуясь тѣмъ, что братъ не хотѣлъ безславить имени сестры, объявивъ ее участницею заговора, Софія ободрилась, призвала стрѣльцовъ и выборныхъ изъ народа, говорила съ ними долго, краснорѣчиво, жаловалась на злыхъ людей, которые ссорятъ ее съ братомъ, и не выдавала Шакловитаго. Петръ повторилъ приказъ. Противиться было невозможно. Уже многія тысячи народа и воиновъ окружали Петра, клянясь умереть за него. Истощивъ угрозы, убѣжденія, жалобы, Софія послала просить прощенія у брата, сначала двухъ сестеръ и съ ними патріарха. Петръ былъ неумолимъ—головы Шакловитаго и безмолвной покорности волѣ своей требовалъ онъ. Софія взяла въ руки образъ Спасителя, поѣхала сама въ Троицкую обитель, думая предстать передъ брата съ ликомъ Искупителя и именемъ Его молить пощады. Ее остановили на дорогѣ и велѣли ей воротиться въ Москву. Уже опустѣлъ Кремль; бѣжали изъ чертоговъ царскихъ льстецы и угодники; уѣхали изъ Москвы бояре и знатное духовенство: не въ Кремлѣ, но въ Троицкой лаврѣ были царь Россіи, дворъ, синклитъ, войско его. „Выдай Шакловитаго", говорилъ царь Іоаннъ Софіи. „Даже и за тебя, а не только за такого вора, не захочу я ссориться съ братомъ!" Еще упорствовала Софія. Но явились въ Кремль тѣ, которые нѣкогда помогали злодѣйствомъ Софіи — стрѣльцы. Нагло потребовали они Шакловитаго, говоря, что обыщутъ дворецъ и возьмутъ его насильно, если не отдадутъ имъ его доброю волею по царскому указу. Софія въ отчаяніи удалилась въ свой теремъ и плакала. Шакловитаго, блѣднаго, измученнаго ду-

шевными и тѣлесными страданіями, вывели къ стрѣльцамъ. Онъ зналъ свою участь, готовился на смерть. Два дня не ѣлъ онъ ничего въ тревогѣ душевной, и причастился св. Таинъ. Въ кандалахъ привезли его въ Троицкую обитель и предали суду. „Накормите меня прежде!“ говорилъ онъ, и преданный пыткѣ, открылъ всѣ злодѣйскіе умыслы Софіи. Петръ велѣлъ прекратить розыскъ. Онъ ужасался мысли опозорить сестру свою.

Предупреждая признаніе Шакловитаго, смиренно явился передъ грознаго царя Голицынъ, билъ челомъ и просилъ пощады. Петръ не хотѣлъ его видѣть. Временщику, недавно повелѣвавшему сотнями тысячъ войска и рѣшавшему судьбы милліоновъ, прочитанъ былъ царскій указъ на дворцовомъ крыльцѣ, гдѣ стоялъ онъ среди народа, преступникомъ, безъ шапки, безъ меча. Петръ дарилъ ему жизнь, но лишалъ его чиновъ и имѣнія, осуждая на вѣчную ссылку. Народъ осыпалъ укоризнами и ругательствами падшаго временщика. Ему предлагали оправдаться. „Если нѣтъ милости, мнѣ нельзя оправдаться“, сказалъ Голицынъ и безмолвно слушалъ приговоръ царскій. Немедленно отвезли его съ дѣтьми въ Пустозерскъ, мѣсто, гдѣ нѣкогда томился Матвѣевъ. Сынъ Матвѣева, чудесно спасшійся во время погибели отца въ 1682 году, былъ тогда опредѣленъ воеводою въ Архангельскъ, и подъ его властью находился въ ссылкѣ гордый любимецъ Софіи. Имѣніе Голицына взято было на государя. Кромѣ помѣстьевъ и множества драгоцѣнностей, нашли въ погребахъ дома его спрятанныя деньги и груды золота и серебра. Проклятія народа и радость враговъ сопровождали Голицына въ мѣсто заточенія его. Мазепа, боясь, что преданность его къ Голицыну можетъ быть ему пагубна, спѣшилъ въ Москву, первый отрекся отъ него, клеветалъ на него и билъ челомъ царю объ его притѣсненіяхъ. На другой день послѣ осужденія Голицына совершилась казнь Шакловитаго. Только двое сообщниковъ его были казнены съ нимъ; другихъ послали въ ссылку и разослали по разнымъ городамъ. Голицынъ томился въ Пустозерскѣ болѣе 20 лѣтъ, умеръ тамъ, и былъ погребенъ въ пустынной Краспогорской обители. Дѣтей его возвратили, но они весь вѣкъ свой оставались забытыми отъ царя; одинъ изъ нихъ, старшій, лишился ума въ ссылкѣ и навсегда остался слабоумнымъ.

Участь Софіи была рѣшена въ то же время. Указомъ царя Петра имя ея исключили изъ царскаго титула и Петръ осудилъ ее на вѣчное заточеніе въ монастырь. Обитель Новодѣвичья въ Москвѣ, обогащенная вкладами Софіи, опредѣлена была мѣстомъ ея всегдашняго пребыванія. Петръ назначилъ ей значительное содержаніе и прислугу; ее чтили въ заточеніи, какъ царевну, но недоступная ни кому келья, подъ крѣпкою стражею, была жилищемъ самовластительной дочери Алексѣя до самой смерти ея.

Шесть недѣль продолжалось пребываніе Петра въ Троицкой обители. Распустивъ собравшіяся войска и одаривъ ихъ щедрыми наградами, торжественно отправился онъ послѣ того въ Москву, уже самодержецъ, побѣдитель враговъ, и радостно встрѣтила его Москва. Воздавъ благодареніе

Богу въ Успенскомъ храмѣ, Петръ спѣшилъ во дворецъ. На Красномъ Крыльцѣ ждалъ, и низкимъ поклономъ привѣтствовалъ его добрый царь Іоаннъ. Братья обнялись со слезами. Народъ смотрѣлъ на нихъ и плакалъ отъ умиленія, когда звонъ колоколовъ, пушечная пальба и клики воиновъ возвѣщали ему торжество Петра и начало новаго правленія, начало временъ славы и преобразованія Русскаго царства.

Разсказъ третій.

Начало правленія Петра Великаго.

1689—1695 гг.

Его младенчески забавы
Родили громы наконецъ!
Державинъ.

Безспорно, что уже само собою наступало время необходимаго преобразованія древней Россіи: царь Михаилъ начиналъ учрежденіе регулярныхъ войскъ, основалъ Аптекарскій приказъ, искалъ рудъ; сынъ его, царь Алексѣй продолжалъ устройство регулярныхъ полковъ, приглашалъ иностранцовъ въ Россію, начиналъ кораблестроеніе: царь Ѳеодоръ уничтожилъ мѣстничество, заботился объ устройствѣ войска, заводилъ училища; онъ и родитель его посылали пословъ своихъ въ Европу искать дружбы и союза западныхъ государей, а Софія уже вступила въ первый союзъ съ европейскими монархами. Неоспоримо и то, что Лефортъ, Гордонъ и другіе иностранцы, были изъяснителями европейскаго образованія Петру Великому, показали ему пользу, необходимость измѣненій. Но какъ слабы, медленны, робки были всѣ покушенія предшественниковъ Петра, и какъ безплодны и ничтожны были слѣдствія ихъ усилій! Не учрежденіемъ нѣсколькихъ жалкихъ воинскихъ дружинъ иностранныхъ, не переселеніемъ немногихъ иностранцевъ, большею частію искателей приключеній, корыстолюбивыхъ, нерѣдко безнравственныхъ, не посылкою пословъ, которые казались азіатцами и спорили о царскомъ титулѣ, можно было совершить великое дѣло преобразованія Русскаго царства. Потребно было измѣненіе коренное, полное, надобно было исполински сбросить съ Россіи иго суевѣрія и предразсудковъ, и мощно вдвинуть Россію въ Европу. Постигнуть сіе необъятное дѣло, сознать силы свои, увѣриться, что ихъ достанетъ, и смѣло стать на подвигъ свой—нѣтъ! не предшественникамъ, не Лефорту, не Гордону, не иностранцамъ обязанъ былъ тѣмъ Петръ Великій, а самому себѣ, боже-

ственному генію, одушевлявшему его. Ему одолженъ онъ былъ страстью все узнать, испытать, извѣдать самому; рѣшеніемъ разрушить прежнюю недоступность царей русскихъ, не сидѣть въ Кремлѣ среди сонма бояръ, окружась раболѣпною стражею — явиться и стать среди народа, объѣхать царство свое, узнать, испытать его, быть солдатомъ, плотникомъ, матросомъ; не жалѣя жизни, вести полки свои въ брань; показать примѣръ труда и повиновенія, разрушить тѣмъ всѣ преграды невѣжества и предразсудковъ, создать себѣ помощниковъ, и отважиться на предпріятія, о коихъ прежде помыслить не умѣли.

И казалось, мысль преобразованія явилась изъ главы Петра вполнѣ обдуманная, рѣшенная, начатая съ самыхъ первыхъ общественныхъ отношеній, предпринятая съ самыхъ юныхъ лѣтъ его, явилась, какъ изъ главы Зевеса, по миѳологическому разсказу, явилась Минерва, вполнѣ вооруженная богиня мудрости, съ животворящимъ копьемъ и побѣдительною эгидою.

Но уже и предполагая дѣло великое, Петръ, принявъ сомодержавіе послѣ паденія Софіи, долго еще не измѣнялъ порядка правленія и устройства государственнаго. Царь Іоаннъ не только соглашался уступить ему всю власть, даже просилъ его снять бремя царскихъ заботъ на себя одного, желая посвятить жизнь семейному спокойствію и духовному благочестію. Но Петръ чтилъ его, какъ отца, оставилъ ему титулъ и всѣ права царя, былъ самодержцемъ, но Россія управлялась отъ имени Іоанна и Петра, и оба брата равно предсѣдали въ Царской Думѣ. Какъ различна была притомъ жизнь ихъ! Брату предоставилъ Петръ величіе царскаго сана при великолѣпномъ бездѣйствіи, самъ являя примѣръ жизни и дѣятельности дотолѣ неслыханныхъ въ Русскомъ царствѣ.

Отвергнувъ дворское великолѣпіе, Петръ и по низверженіи Софіи большею частью жилъ въ своемъ Преображенскомъ дворцѣ, окруженный друзьями своими: Лефортомъ, Гордономъ, вѣрными боярами, Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, Алексѣемъ Семеновичемъ Шеинымъ, Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, иностранцами и потѣшными. Бывшій учитель его Зотовъ, князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій (прямодушный приверженецъ Петра), князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій (бывшій посолъ въ Испанію и Францію), Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ (заключавшій миръ съ Китаемъ,), братъ царицы Наталіи, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, братъ царицы Марѳы, Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, родственники супруги Петра, Лопухины, иностранные резиденты: голландскій фонъ-Келлеръ, шведскій фонъ-Кохъ, датскій Горнъ, иностранные гости, офицеры, даже ремесленники, составляли всегдашнее общество царское. Потѣшные раздѣлены были уже на два полка, названные по мѣстамъ ихъ жительствъ, въ слободѣ Преображенской и близъ нея лежащей слободѣ Семеновской. Таково было начало двухъ старшихъ, знаменитыхъ полковъ русской гвардіи. Въ сіи полки вписаны были дѣти знатнѣйшихъ сановниковъ: Долгорукіе, Голицыны, Шереметевы, Прозоровскіе, Рѣпнины, Бутурлины. Число ихъ дополнялось

безъ разбора юношами, коихъ отличалъ Петръ. Такъ въ сихъ полкахъ начали тогда службу люди въ послѣдствіи знаменитые: братья Брюсы, дѣти шотландскаго офицера; Ягужинскій, сынъ учителя при лютеранской церкви въ Москвѣ; братья Толстые, прежніе соумышленники Милославскаго, но потомъ вѣрные слуги царскіе. Петръ увидѣлъ въ домѣ любимца своего Лефорта стройнаго, красиваго юношу, видъ коего понравился ему. Лефортъ взялъ его съ площади, гдѣ бѣднякъ продавалъ пироги и потѣшалъ покупателей остроумными прибаутками. Царь выпросилъ себѣ у Лефорта молодого пирожника, записалъ его въ потѣшные, и — кто онъ былъ потомъ? Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Гуляя однажды по Московскимъ рядамъ, царь замѣтилъ ловкаго юношу въ купеческой лавкѣ, разговорился съ нимъ, узналъ, что ему извѣстны иностранные языки, коимъ выучился онъ у отца своего, переводчика Посольскаго приказа. Царь взялъ его къ себѣ и записалъ въ службу: то былъ въ послѣдствіи министръ царскій, баронъ Петръ Павловичъ Шафировъ.

Такъ собиралъ себѣ помощниковъ Петръ, не различая рода и знатности, цѣня только умъ и охоту учиться. Въ Преображенскомъ, среди юныхъ товарищей и избранныхъ бояръ и царедворцевъ, онъ самъ учился безпрерывно, правилъ царствомъ, и въ то же время былъ капитаномъ въ Преображенскомъ полку, исправлялъ всю солдатскую рядовую службу, своими руками дѣлалъ и жегъ фейерверки, проводилъ цѣлые дни подъ шатрами и въ лагеряхъ. Общество царя гуляло и веселилось съ нимъ въ часы досуга, но нерѣдко съ пира всѣ отправлялись на работу, прерывая работу веселымъ гуляньемъ. Въ такихъ собраніяхъ всѣ были равны, даже для уравненія назывались вымышленными, шуточными именами. Самъ царь именовалъ себя капитаномъ и плотникомъ Петромъ Михайловымъ (потомъ назвался онъ Питеромъ басомъ, т. е. Петромъ корабельнымъ мастеромъ); Зотова звали княземъ папою, Ромодановскаго княземъ кесаремъ, боярина Стрѣшнева Heiliger-Vater, Бутурлина польскимъ королемъ, умнаго царскаго шута Тургенева кіевскимъ полковникомъ и знатнымъ воиномъ, механика англичанина Крефта ракомъ, иныхъ кардиналами, другихъ дьяконами и дьячками. Допуская свободное разгулье и привольное веселье, царь испытывалъ характеры, мнѣнія, способности каждаго, отличалъ все доброе и полезное, но требовалъ неумолимаго отчета въ дѣлахъ. Равно ко всѣмъ былъ онъ правосуденъ, награждая только заслугу. Не было у него временщика. Самъ онъ управлялъ всѣмъ, своимъ умомъ жилъ онъ и дѣйствовалъ, и ни что и никого не могло спасти отъ отчета въ ошибкѣ, дерзости, небрежности.

Уже не смѣя самому Петру изъявлять сомнѣній о новостяхъ, безпрерывно вводимыхъ, не дерзая обнаруживать передъ нимъ опасеній объ опасности обращенія его съ бусурманами, или негодованія на то, что нарушаются всѣ прежніе дворскіе обычаи, нѣкоторые изъ бояръ тайно изъявляли еще страхъ свой царицѣ Наталіи. Они говорили ей, что трудами неприличными юный царь разрушаетъ здоровье свое. Добрая мать передавала

иногда рѣчи ихъ сыну. „Думаю“, отвѣчалъ Петръ, „что никто не говорилъ бы мнѣ ничего, еслибы я предавался соколиной или псовой охотѣ, и за что же осуждаютъ меня? За воинскія упражненія, когда они вездѣ составляютъ занятія государей, когда ими укрѣпляется царство и славится народъ. Гораздо болѣе разрушаютъ здоровье человѣка роскошь и нѣга, нежели трудъ и работа“.—„Все еще довольно проходитъ у меня времени безъ пользы“, отвѣчалъ юный царь патріарху, когда архипастырь также осмѣлился представить ему однажды о сбереженіи здоровья своего и развлеченіи забавами, „а труды, я чувствую, только укрѣпляютъ меня“. — Петръ никогда не терпѣлъ охоты, и подъ веселый часъ задалъ добрый урокъ тѣмъ, кто называлъ сію забаву приличною царямъ. Онъ велѣлъ выѣхать съ собою на охоту боярамъ. „Зачѣмъ же съ нами холопья и псари?“ говорилъ онъ, видя сопровождавшую ихъ толпу псарей и слугъ—„отошлите ихъ, возмите сами собакъ и будемъ охотиться одни“. Принуждены были исполнить приказъ его, и забавное зрѣлище безпорядка явила охота, когда принялись за нее сами господа безъ пособія слугъ; собаки бѣжали куда попало; лошади сбивали сѣдоковъ; никто не умѣлъ ничѣмъ распорядиться. „А вы называете царскою забавою такую забаву, гдѣ псари и холопья руководствуютъ вами, и гдѣ безъ ихъ помощи вы только смѣшите другихъ?“ говорилъ потомъ царь пристыженнымъ охотникамъ. „Война дѣло царя и сановниковъ его, а вы осуждаете меня, что я хочу быть воиномъ и къ войнѣ пріучаю другихъ!“—Однажды говорили ему, что заботы его объ устройствѣ войскъ безполезны, и не нужно ему самому заниматься, но можно другимъ предоставить составлать и обучать полки, ибо уже издавна написаны для того правила и уставы. Петръ возразилъ, что всѣ прежніе уставы надобно дополнить и исправить, ибо самая команда при ученіи войскъ требуетъ исправленія и заключаетъ въ себѣ много безполезнаго и лишняго. Въ самомъ дѣлѣ, воинская команда русскихъ войскъ была тогда чрезвычайно многосложная; пятнадцать темповъ составляли ее при стрѣльбѣ (подыми мушкетъ ко рту! Содми съ полки! Возми пороховой зарядъ! Опусти мушкетъ къ низу! Сыпь порохъ на полку! Поколоти немного мушкетъ! Закрой полку! Стряхни! Содми! Положи пулю въ мушкетъ! Положи пыжъ на пулю! Вынь забойникъ! Добей пульку и пыжъ до пороху! Прикладывайся! Стрѣляй!). Желая доказать пустоту такого многословія, царь призвалъ нѣсколько солдатъ, объяснилъ имъ дѣло и велѣлъ стрѣлять въ три темпа, по командѣ его: заряжай! прикладывайся! пали! Когда выстрѣлено было исправно, спорщики принуждены были согласиться съ царемъ.

Лефортъ являлся душею новаго преобразованія войскъ и былъ неусыпнымъ сотрудникомъ царя во всѣхъ дѣлахъ. Въ день крещенія первороднаго сына царскаго, царевича Алексѣя (онъ родился въ 1690 году) Лефортъ пожалованъ былъ въ генералъ-маіоры, а на другой годъ, при рожденіи царевича Александра (вскорѣ потомъ умершаго), царь возвелъ его въ генералъ лейтенанты. Онъ велѣлъ выстроить любимцу своему великолѣпный домъ

между Нѣмецкою и Преображенскою слободами. Лефортъ поселилъ подлѣ дома своего особливый полкъ потѣшныхъ, и ихъ жилища составили новую слободу, отъ имени дома Лефортова, названнаго Лефортовскимъ дворцомъ, получившую названіе Лефортовской, (или, какъ въ просторѣчіи переиначили ее потомъ, Лафертовской). При устройствѣ войскъ, попеченіе царя обратилось и на приготовленіе пороха, селитры, оружія. Въ Тулѣ издавна уже выдѣлывалось оружіе, но царь усилилъ выдѣлку его, велѣлъ дѣлать ружья по лучшимъ образцамъ, завелъ новые оружейные заводы около Москвы, селитряные заводы на Волгѣ, самъ ѣздилъ въ Тулу, лично узнавалъ и поощрялъ наградами лучшихъ мастеровъ. Здѣсь встрѣтилъ онъ виднаго, ловкаго мастера, Никиту Демидова, бѣдняка, который поднесъ ему оружіе, выработанное лучше даннаго образца. „Молодецъ! я возму тебя въ мою гвардію!“ сказалъ ему царь. Никита испугался и просилъ помиловать отъ службы, ибо онъ одинъ сынъ у бѣдной старухи матери. „Хорошо — помилую“, отвѣчалъ царь смѣясь, „но дѣлай мнѣ такое же славное оружіе, какое теперь ты представилъ мнѣ“. — „Лучше сдѣлаю, государь!“ отвѣчалъ радостно Никита. Царь самъ посѣтилъ его домикъ, выпилъ у него рюмку водки и стаканъ пива, пожаловалъ его землями и крестьянами. Вскорѣ Никита разбогатѣлъ, потому что оружіе требовалось безпрерывно, а царь платилъ щедро, и когда найдены были руды въ Сибири, царь пожаловалъ ихъ Демидову. Никита сдѣлался родоначальникомъ знаменитаго богатствомъ и гражданскими подвигами рода Демидовыхъ. „Счастливымъ почелъ бы я себя, еслибы у меня было полдюжины Демидовыхъ!“ говаривалъ царь. Онъ полюбилъ также дѣятельнаго заводчика, нѣмца Миллера, устроившаго желѣзный заводъ на рѣкѣ Истрѣ близъ Боровска Тамъ открылись тогда марціяльныя (желѣзныя) воды. Царь нерѣдко пріѣзжалъ къ Миллеру, прожилъ у него однажды цѣлый мѣсяцъ, своими руками выковалъ 18 пудовъ прутового желѣза и потребовалъ себѣ заработной платы. Миллеръ хотѣлъ заплатить вѣнценосному кузнецу червонцами. Царь отказался, спросилъ почему платятъ съ пуда другимъ работникамъ, и узнавши, что заработная плата алтынъ съ пуда, взялъ только 18-ть алтынъ.

Начало 1691 года ознаменовалось новымъ занятіемъ царя, вскорѣ, какъ все полезное и великое, сдѣлавшимся у него страстью: говоримъ о кораблестроеніи и мореплаваніи.

Древніе руссы, потомки скандинавскихъ нордманновъ, славились нѣкогда не только отважнымъ плаваніемъ по морямъ, но даже морскими подвигами. Уже давно забыто было сіе время. Съ паденіемъ Новгорода и завладѣніемъ шведами прибалтійскихъ областей, Россія даже лишилась вовсе древней торговли Балтійской. Черное море было недоступно русскимъ. Англичане и голландцы, искавшіе пути въ Индію по Ледовитому морю, завели морскую торговлю въ устьѣ Двины, по Бѣлому морю. Въ XVI-мъ вѣкѣ, при царѣ Іоаннѣ, построенъ былъ тамъ для торговли съ ними городъ Архангельскъ. Но отдаленность и неудобство мѣста были причиною ничтож-

ности и затрудненія торговли. Слабый торгъ производился еще въ Астрахани по Каспійскому морю съ Персіею и Бухаріею. Но русскіе не имѣли своихъ кораблей, а тѣмъ менѣе кораблей военныхъ. Царь Алексій, какъ мы уже упоминали, заводилъ кораблестроеніе въ Россіи. Изъ Голландіи выписаны были тогда мастера и построили на Окѣ, въ селѣ Дѣдновѣ, небольшой корабль. Въ 1669 году сей корабль отведенъ былъ по Окѣ и Волгѣ въ Астрахинь, гдѣ сжегъ его бунтовщикъ Разинъ. Петру, все начавшему въ Россіи, суждено было начать и флотъ русскій.

Замѣчательно, что въ дѣтскихъ лѣтахъ Петръ боялся воды, какъ говорится въ просторѣчіи. Разсказываютъ, что царица Наталія ѣздила съ нимъ на богомолье, когда ему было года четыре, и при переѣздѣ черезъ какой-то ручей, карета царицы едва не опрокинулась. Петръ спалъ на рукахъ матери, проснулся отъ ея крика, и такъ испугался воды, наполнившей карету, что съ тѣхъ поръ видъ рѣки приводилъ его въ невольное содраганіе. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ принудилъ царя побѣдить сію слабость, когда было ему уже лѣтъ четырнадцать. Гуляя съ нимъ верхомъ въ полѣ, неожиданно подъѣхалъ Голицынъ къ рѣкѣ и переѣхалъ черезъ нее въ бродъ. Спутники царя слѣдовали за Голицынымъ, и потомъ начали купаться. Насмѣшки заставили Петра преодолѣть свою рабость и онъ пустился на лошади чрезъ рѣку. Преодолѣвши однажды слабость свою, онъ не остановился на томъ, и вскорѣ сдѣлался такъ же безстрашенъ на водѣ, какъ на землѣ, былъ отважнымъ, ловкимъ пловцомъ, и въ послѣдствіи изумлялъ самыхъ отважныхъ моряковъ мужествомъ среди морскихъ опасностей. Вѣроятно, мысль о флотѣ уже давно таилась въ душѣ юнаго царя, но нечаянный случай ускорилъ ея исполненіе. Онъ осматривалъ въ селѣ Измайловѣ кладовую, гдѣ хранились разныя старыя вещи, и увидѣлъ между ними ветхую лодку необыкновеннаго вида. На вопросъ его, что это за лодка? ему отвѣчали, что она англійскій морской ботикъ. Царь велѣлъ немедленно спустить его на воду, но ботикъ былъ такъ ветхъ, что безъ поправки невозможно было въ немъ плавать. Царь нетерпѣливо желалъ испытать плаваніе въ немъ, и къ счастію, любимый лѣкарь царскій, Іоаннъ Тирмондъ объявилъ царю, что живъ еще и въ Москвѣ находится тотъ, кто строилъ сей ботикъ прадѣду царскому Никитѣ Романову, корабельный мастеръ Карстенъ Брандтъ; что вмѣстѣ съ другими голландцами выписанными царемъ Алексіемъ, Брандтъ отправился послѣ того въ Астрахань; гдѣ во время бунта Разина одни изъ голландцовъ погибли, другіе бѣжали въ Персію. Только Брандтъ, и съ нимъ Тирмондъ, также бывшій въ Астрахани, успѣли бѣжать въ Москву. Немедленно отыскали старика Брандта. Онъ починилъ ботикъ, оснастилъ его, спустилъ на Яузу и началъ плаваніе. Царь стоялъ на берегу, но видя искусные повороты и плаваніе ботика, не вытерпѣлъ, самъ бросился въ него, схватилъ руль, началъ править имъ, долго плавалъ по Яузѣ, велѣлъ перетащить ботикъ на обширный Просяной прудъ въ садахъ Измайловскихъ — плаванію не было конца, а въ душѣ Петра уже создалась новая мысль —

мысль о русскомъ флотѣ. Онъ велѣлъ Брандту заложить и выстроить небольшой корабль, и въ радостной надеждѣ назвалъ ветхій ботикъ Измайловскій Дѣдушкою русскаго флота.

Достопамятный ботикъ сей сохранился донынѣ. Какъ драгоцѣнность, подавшую ему первую мысль о созданіи флота, Петръ приказалъ тщательно хранить его. Увидимъ, что онъ перевезъ его потомъ въ свою новую столицу, встрѣчалъ его торжественно, и Дѣдушка Русскаго флота хранится нынѣ въ Петербургской крѣпости, гдѣ благоговѣйно приходятъ смотрѣть на него даже иностранные моряки. Онъ небольшая морская шлюпка, въ 10 фут. 9 дюйм. длины, 6 ф. 5 д. ширины и 2 ф. 7 д. вышины. На изображеніи его, гравированномъ по приказанію Петра, представленъ былъ голубь, вылетающій изъ плавающаго на морскихъ волнахъ Ковчега, съ надписями: Вожделѣнный вѣстникъ. Дѣтская утѣха родила тріумфъ.

Небольшая корабельная верфь устроена была на Москвѣ рѣкѣ. Брандтъ началъ строить маленькую яхту. Царь былъ ежедневно съ нимъ, самъ работалъ, и Москва опять увидѣла зрѣлище прежде невиданное: морской карабль у древнихъ Кремлевскихъ стѣнъ. Съ пушечною пальбою поплылъ сей первый Русскій корабль по Москвѣ рѣкѣ въ село Коломенское. Но успѣхъ дѣла только возбуждалъ дальнѣйшія желанія нетерпѣливаго царя. Уже мало казалось ему пространства водъ Московскихъ. Онъ розыскивалъ, нѣтъ ли гдѣ близъ Москвы обширнаго озера, и ему донесли о большомъ Клещиномъ озерѣ подлѣ Переяславля. Немедленно хотѣлъ онъ ѣхать туда самъ, но царица Наталія, испуганная отважностью сына, просила его оставить свое новое предпріятіе. Уважая просьбу матери, Петръ невольно согласился, провелъ лѣто на воинскихъ ученьяхъ около Москвы, но осенью, отправясь на богомолье въ Троицкую лавру, поскакалъ въ Переяславль.

Небольшой городъ сей, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи, въ 60-ти верстахъ отъ Троицкой лавры по Ярославской дорогѣ, первый удѣлъ, усилившій бѣдное Московское княжество за 400 лѣтъ до Петра, находится на берегу Переяславскаго, или Клещина озера, простирающагося на восемь верстъ въ длину и на восемь въ ширину. Видъ столь обширнаго воднаго пространства восхитилъ Петра, и уже не слушая ни просьбъ, ни увѣщаній, онъ велѣлъ Брандту строить фрегатъ на Клещинѣ. Старикъ требовалъ помощниковъ. Зимою посланы были царскіе гонцы въ Голландію, приглашать сотрудниковъ Брандту. Къ веснѣ явилось нѣсколько мастеровъ и матросовъ голландскихъ, и мастеръ Арріенъ Метье заложилъ на Клещинѣ два фрегата— одинъ началъ строить Брандтъ, другой самъ царь. Онъ велѣлъ наскоро срубить себѣ на берегу озера, близъ деревни Вѣскозъ, небольшой домъ. Безпрестанно пріѣзжалъ онъ сюда изъ Москвы, самъ работалъ неутомимо, и дѣло кипѣло часами, а не днями. Во время отсутствія его изъ Москвы Лефортъ приготовилъ ему пріятную нечаянность. Тайно отъ царя, голландцы построили нѣсколько военныхъ лодокъ и спустили ихъ на прудъ къ саду Лефортовскаго дворца. Лефортъ пригласилъ Царя на пиръ, по возвращеніи

его весною изъ Переяславля, и послѣ обѣда просилъ прогуляться съ другими гостями по саду. Вдругъ загремѣли выстрѣлы и на пруду началось морское сраженіе. Со слезами восторга обнялъ друга своего Петръ и назвалъ его адмираломъ своего будущаго флота. Въ апрѣлѣ царскій фрегатъ былъ конченъ, и Петръ, Лефортъ, Гордонъ, бояре отправились изъ Москвы. Потѣшные, стрѣльцы, артиллерія шли за ними. Мая 1-го фрегатъ Петра плотника былъ спущенъ въ воду, при громѣ пушечномъ и ружейномъ. Исполнились желанія царя: онъ видѣлъ русскіе корабли, и пальбою привѣтствовало ихъ регулярное русское войско. Царь просилъ свою родительницу пріѣхать въ Переяславль полюбоваться его кораблями. Августа 1-го торжествовали въ Переяславлѣ праздникъ Спаса на озерѣ Клещиномъ. При громѣ пушекъ съ кораблей и лодокъ, и при стрѣльбѣ сухопутнаго войска, совершено было водоосвященіе. Безпрерывно трудясь на верфи и занимаясь въ то же время другими работами, ученіемъ, плаваньемъ по озеру, учрежденіемъ войска, не жалѣя себя въ трудахъ и заботахъ, Петръ до того изнурился, что крѣпкое здоровье его измѣнило ему. Онъ сдѣлался опасно боленъ; отчаявались даже въ его жизни, но едва уговорили его провесть осень въ Москвѣ и успокоиться, пока поправится его здоровье.

И въ самой болѣзни царь не отдыхалъ. Пока на Клещинѣ продолжалось кораблестроеніе, Брандтъ посланъ былъ распорядиться строеніемъ корабля на Бѣломъ морѣ въ Архангельскѣ. Уже туда, въ сіи отдаленныя области устремлялся мыслью Петръ, жаждая увидѣть обширность моря, ознакомиться съ его бурями, посмотрѣть иностранные корабли, узнать иноземныхъ моряковъ, говорить, бесѣдовать съ ними. Напрасно уговаривали его мать, братъ, патріархъ, трепетавшіе за его здоровье и жизнь, страшившіеся отваги его. Онъ остался въ Москвѣ, но дѣятельно провелъ здѣсь зиму, весну и лѣто 1693 года.

Любопытно узнать тогдашнюю жизнь и занятія Петра. Вотъ нѣсколько подробностей, сохраненныхъ современниками: зимою женился одинъ изъ любимцевъ царскихъ, нѣмецъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ. Царь присутствовалъ на свадьбѣ и угощалъ гостей, принявши на себя званіе шафера. На свадьбѣ родственника супруги своей, Лопухина, царь самъ зажигалъ ракеты и спускалъ фейерверкъ, изготовленный его руками Февраля 18 го обѣдалъ и пировалъ онъ у шведскаго резидента Коха, оставилъ Лефорта угощать гостей, а самъ вечеромъ уѣхалъ оканчивать огромный фейерверкъ, который сожгли 20-го февраля на Прѣсненскихъ прудахъ. Царица Наталія подарила въ тотъ день сыну своему сержантскій мундиръ (онъ не получилъ еще тогда офицерскаго чина) и тайно присутствовала на праздникѣ. Пятьдесятъ пушекъ гремѣли на берегахъ Прѣсненскихъ прудовъ, когда царь зажегъ большой щитъ, изображавшій Геркулеса, убивающаго палицею льва. Февраля 22-го сожгли еще фейерверкъ, приготовленный боярами, гдѣ въ разноцвѣтныхъ огняхъ явился храмъ Юпитера Громовержца, среди нѣсколькихъ сотенъ ракетъ, взлетѣвшихъ на воздухъ. Петръ любилъ огненныя потѣхи, не жалѣлъ

на нихъ денегъ, и говорилъ: „Что значитъ мнѣ издержать бездѣлку, когда фейерверками пріучаю и народъ мой къ военному огню!“ На масленицѣ два дня пировалъ царь у дяди своего Нарышкина въ загородномъ домѣ его, въ селѣ Филяхъ. Весною ѣздилъ царь на богомолье въ Воскресенскій монастырь, былъ въ Переяславлѣ, и спустилъ на воду яхту, подъ его собственнымъ надзоромъ построенную русскими мастерами. Пируя съ царемъ своимъ, русскіе мастера жаловались, что голландцамъ платятъ болѣе нежели имъ. „Они искуснѣе васъ, ребята“, отвѣчалъ царь. „Выучитесь, друзья мои, дѣлать такъ же хорошо, какъ дѣлаютъ голландцы, и я стану платить наравнѣ съ ними.“ Еще удерживаясь противорѣчіями матери и брата отъ поѣздки въ Архангельскъ, царь хотѣлъ отыскать пространство водъ обширнѣе Клещина озера. Ему донесли тогда объ озерѣ Кубенскомъ, лежащемъ недалеко отъ Вологоды и простирающемся на 50 верстъ въ длину. Петръ самъ осмотрѣлъ Кубенское озеро, но нашелъ его недостаточнымъ для большихъ судовъ, ибо ширина озера составляла не больше 12-ти верстъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ. Царь всего болѣе думалъ тогда о корабляхъ. „Да, на что вамъ, государь, корабли?“ спросилъ у него Гордонъ—„вѣдь у васъ нѣтъ морей!“—„Только были бы у меня корабли, а моря я найду,“ отвѣчалъ ему Петръ—слова памятныя, показывавшія, что и тогда уже задумывалъ Великій. Начало флота въ Россіи ознаменовалъ онъ въ 1696 году медалью, выбитою въ Москвѣ. На ней, называя себя строителемъ первыхъ рускихъ кораблей (Petrus magnus primus Russicae classis aedificator), онъ помѣстилъ надпись надъ изображеніемъ Нептуна: Считай исполненнымъ, что повелѣно (Facta puta quaecunque jubes) Такъ мыслилъ, такъ поступалъ юный Петръ!

Іюля 4-го, говоря матери, что долженъ исполнить обѣщаніе, данное въ болѣзни, посѣтить Соловецкую обитель, Петръ отправился въ Архангельскъ. Съ нимъ были Лефортъ, Ромодановскій, Шеинъ, Нарышкины, Лопухины. Вся свита царская простиралась до ста человѣкъ. Съ Вологды поплыли по рѣкамъ Сухонѣ и Двинѣ, на приготовленныхъ для того стругахъ, и 28 го іюля загремѣли пушки на Холмогорской крѣпости, едва показался царскій стругъ изъ-за Куроострова, гдѣ черезъ 8-мь лѣтъ потомъ родился пѣвецъ Петра Ломоносовъ, въ бѣдной хижинѣ рыбака. Царя встрѣтилъ и привѣтствовалъ архіепископъ Аѳанасій (о которомъ мы уже говорили, описывая возмущеніе Никиты Пустосвята) Сей пастырь умный и просвѣщенный препроводилъ знаменитаго посѣтителя въ древній городской соборъ, съ иконами и благочестнымъ пѣніемъ. Царь въ тотъ же день осмотрѣлъ мельницу архіерейскую, огороды, заведенія; послѣ ужина долго гулялъ по Двинѣ въ маленькой шнякѣ, и почевалъ на стругѣ своемъ. Іюля 30-го колокольнымъ звономъ и пальбою привѣтствовали царя въ Архангельскѣ. Онъ проплылъ черезъ городъ къ устью Двины, гдѣ находится пристань морская между островами, и остановился въ нарочно выстроенномъ для него, небольшомъ дворцѣ на Моисеевскомъ островѣ.

Широкая, какъ морской заливъ, Двина, иностранные корабли, коихъ

приходило въ Архангельскъ ежегодно до 50-ти, обращеніе съ иностранными шкиперами и купцами, торговая дѣятельность и самый бытъ жителей, измѣненный сильнымъ вліяніемъ всегдашняго обращенія Архангелогородцовъ съ чужеземцами, коихъ уже не считали здѣсь еретиками, и наконецъ, видъ безконечнаго моря, все такъ увлекло и заняло вниманіе царя, что онъ остался въ Архангельскѣ до осени. Ничто не укрылось здѣсь отъ его любопытнаго взора. Онъ посѣтилъ даже лодки, въ коихъ привозили въ Архангельскъ горшки. Переходя чрезъ сіи лодки по легкой доскѣ, царь оступился, переломалъ много скудельнаго товара и щедро наградилъ за убытокъ испуганнаго хозяина. Въ платьѣ голландскаго морехода осматривалъ царь иностранные корабли, остался на нихъ, ознакомился со всѣми шкиперами ихъ, и въ сопровожденіи многихъ иностранныхъ кораблей три раза пускался въ море на яхтѣ, построенной къ пріѣзду его и названной св. Петръ. Царь утвердилъ тогда рисунокъ флага русскаго; образцомъ его избралъ онъ нидерландскій, но только полосы расположены были имъ иначе (красная, синяя и бѣлая). Въ первый разъ возвѣялся тогда на морскихъ волнахъ флагъ Россіи, дотолѣ невиданный. Въ одной изъ морскихъ прогулокъ царь переплылъ черезъ Бѣлое море и достигъ рѣки Попоя на сѣверномъ берегу его. Весело праздновали съ царемъ русскіе и иностранцы дни именинъ матери его, брата и невѣстки, при пушечной и ружейной пальбѣ. Иногда царь слушалъ обѣдню въ ближайшей къ жилищу его, церкви св. Иліи, самъ читалъ Апостолъ, пѣлъ съ дьячками на крылосѣ и послѣ обѣдни заходилъ на водку къ священнику. Нерѣдко угощалъ его архіепископъ Аѳанасій, и изумлялся мудрымъ бесѣдамъ юнаго властителя Россіи, „о бытѣ не только царскомъ и болярскомъ, но и простыхъ людей, работахъ ихъ, строеніи домовъ и заводовъ, путешествіяхъ по рѣкамъ и морямъ и корабельномъ искусствѣ“. Царь встрѣчалъ архипастыря во дворцѣ своемъ съ пальбою, и прощаясь съ нимъ подарилъ ему свою карету и стругъ съ флагами, между коими былъ одинъ съ крестами, названный Іерусалимскимъ. Царь самъ провожалъ Аѳанасія, плылъ за судномъ его въ лодочкѣ, дорогою ловилъ рыбу, показывалъ въ Архангельскѣ приготовленный для потѣхи огненный корабликъ (брандеръ), и зажигалъ ракеты и гранаты, спуская ихъ на Двину съ городскаго моста. Передъ отъѣздомъ изъ Архангельска смѣнилъ онъ Матвѣева съ воеводства и опредѣлилъ воеводою Архангелородскимъ друга своего, брата царицы Марѳы, Ѳедора Матвѣевича Апраксина, предназначеннаго имъ для морской службы. Апраксину приказано было нагрузить товарами корабль и отправить въ Голландію съ надежнымъ человѣкомъ, препоручивъ посланному купить въ Амстердамѣ военный корабль и привести его будущею навигаціею въ Архангелскъ.

Царь выѣхалъ изъ Архангельска 1-го сентября. Изъ Холмогоръ отправилъ онъ свиту свою сухимъ путемъ до Москвы, а самъ съ немногими поплылъ въ карбазѣ до деревни Кочетовой. Осмотрѣвши на пути обширныя пильныя и мучныя мельницы Вавчугскія, гдѣ заготовляли для заморскаго

отпуска муку и доски. Заботясь объ отправкѣ въ Голландію корабля, царь писалъ о томъ Апраксину съ пути, не забывая и ничтожныхъ мелочей: „купи мнѣ лимоновъ, и если будетъ ихъ много, то половину посоли, а другую изготовь съ сахаромъ, на что и образцы посылаю, а если мало ихъ привезутъ, то обрати все въ лимонадъ. Да не забудь о рейнвейнѣ. Больше мнѣ ничего не нужно, развѣ только привезутъ математическіе инструменты, то купи непремѣнно“. „Письмо твое получилъ“, писалъ ему еще царь, „только усомнился о томъ ко мнѣ ли писано, потому что писано съ зѣльными чинами. Ты знаешь, что я чиновъ не люблю, а бывши нашимъ товирищемъ, долженъ ты вѣдать, какъ писать ко мнѣ надобно. Пиши только о дѣлѣ и просто“. Пріѣздъ царя въ Москву ознаменовался важною новостью: на большомъ пирѣ среди мужчинъ явились женщины, жены и дочери иностранцевъ, и были во дворцѣ танцы. Супруга Петра, вопреки закоренѣлому суевѣрію, участвовала въ неслыханномъ прежде увеселеніи.

Въ 1690 году скончался патріархъ Іоакимъ, умоляя даже въ духовной своей граматѣ удалиться отъ бусурманскихъ обычаевъ. Царь избралъ на мѣсто его Чудовскаго архимандрита Адріана, старца добродѣтельнаго и кроткаго, который ни въ чемъ не смѣлъ противиться волѣ царя и не спорилъ противъ его нововведеній. Въ началѣ 1694 года тяжкая скорбь поразила нѣжное сердце Петра: скончалась добродѣтельная мать его, царица Наталія. „Не могу извѣщать подробно, но глухо объявляю печаль мою“, писалъ онъ Апраксину. „Вспомнаю слова апостола Павла: не скорбѣть объ умершихъ, и слова Ездры, что минувшаго не возвратить. Роптать не смѣю, покаряясь тайнѣ непостижимой, и предаю все волѣ Божіей. Будемъ думать о живыхъ, оставя умершихъ, хотя скорбь моя и требовала бы времени и отдыха“.

Не давалъ себѣ отдыха юный царь. Скорбя о кончинѣ матери, тѣмъ болѣе хотѣлъ онъ заглушить ее трудами, уже свободнѣе располагая всѣми своими предпріятіями, отъ коихъ дотолѣ отвлекали его совѣты и просьбы царицы Наталіи. Немедленно распоряжено было второе путешествіе царя въ Архангельскъ, а въ Москвѣ начали готовиться на осень къ большимъ воинскимъ маневрамъ. „Докладывалъ я его величію, князю кесарю“, писалъ Петръ шутливо Апраксину, „спрашивая Его Величіе, когда ему угодно будетъ назначить отъѣздъ свой въ Архангельскъ. И онъ изволилъ сказать, что онъ, человѣкъ смѣлый на войнѣ и къ морскому дѣлу охотникъ, далѣе апрѣля въ Москвѣ не останется. А братецъ его (царь разумѣлъ здѣсь самого себя), какъ аѳинянинъ, страстенъ къ новостямъ и отъ него отстать не захочетъ. Потому спѣши дѣломъ, а паче заботься о кораблѣ. Кланяюсь тебѣ, блочный мастеръ Питеръ съ товарищами“.

Мая 1-го выѣхалъ царь изъ Москвы, проплылъ, не останавливаясь, мимо Холмогоръ, и 18-го былъ въ Архангельскѣ. Сюда явился къ нему архіепископъ Аѳанасій, и долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ царемъ въ Соловецкій монастырь, хотя и боялся морскаго пути. Передъ отъѣздомъ служили молебенъ. Царь пѣлъ звучнымъ басомъ съ пѣвчими, и 29-го мая отплылъ

съ Аѳанасіемъ и свитою на яхтѣ архіепископской, весьма неудобной и неловкой. Къ ужасу спутниковъ царя, едва выплыла яхта на средину Бѣлаго моря, возстала страшная буря. Тщетно убѣждалъ, ободрялъ другихъ царь. Всѣ отъ страха потеряли голову, молились, плакали, прощались одни съ другими. Не унывалъ только Петръ. Душа его, какъ будто радовалась борьбѣ съ раздраженною стихіею. По счастію на яхтѣ нашелся опытный лоцманъ, служитель Соловецкаго монастыря, Антипъ Тимоѳеевъ. Видя, что только Антипъ сохраняетъ присутствіе духа, царь обратился къ нему и совѣтовался съ нимъ. Антипъ сказалъ, что осталось одно средство спастись отъ гибели— направить корабль къ ближейшей гавани, Унскіе Рога. Царь велѣлъ отдать ему руль и команду, но не вытерпѣлъ самъ и началъ вмѣшиваться въ распоряженія. „Поди прочь!“ закричалъ разсерженный Антипъ — „я знаю что дѣлать! Если ты мнѣ отдалъ руль, что же ты мѣшаешься въ мое дѣло?“ Смиренно отошелъ отъ него царь. Антипъ искусно управилъ судно къ берегу и счастливо провелъ его среди опасныхъ каменьевъ, коими усѣянъ входъ въ Унскую гавань. „Помнишь ли, пріятель, какъ ты отпотчивалъ меня на морѣ?“ смѣясь спросилъ тогда царь у Антипа. Испуганный лоцманъ упалъ къ ногамъ его. „Нѣтъ, ты былъ правъ, а я виноватъ, вмѣшиваясь не въ свое дѣло“, отвѣчалъ царь, поцѣловалъ Антипа и подарилъ ему на память свое мокрое дорожное платье. Радостно спѣшили всѣ благодарить Бога въ уединенной Петроминской обители, построенной здѣсь въ XVI-мъ вѣкѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ выкинуло море тѣла двухъ святыхъ Соловецкихъ иноковъ. Съ пѣснями духовными встрѣтили нежданнаго гостя игуменъ и монахи, и изумились простотѣ обращенія своего великаго гостя. Царь пѣлъ съ ними запросто въ церкви, обѣдалъ за ихъ трапезою и при отъѣздѣ щедро одарилъ обитель. Желая оставить здѣсь память своего пребыванія, онъ вырубилъ огромный деревянный крестъ, и самъ вырѣзалъ на немъ надпись голландскую: Dat krus maken kaptein Piter van a. Chr. 1694. (Сей крестъ поставилъ капитанъ Петръ, 1694 года). На плечахъ своихъ, при пособіи другихъ, отнесъ онъ крестъ къ берегу и водрузилъ тамъ. Донынѣ хранится сей памятникъ благочестія и пребыванія царя въ Петроминской обители въ Архангельскѣ, куда перенесли его въ 1802 году.—Буря утихла и 6-го іюня царь пустился въ Соловецкій монастырь.

Сія знаменитая обитель, воздвигнутая въ древнія времена благочестивыми иноками Зосимою и Савватіемъ, бѣжавшими отъ прелестей міра въ глубины сѣверныхъ странъ, издревле была предметомъ благоговѣнія русскихъ царей и ихъ подданныхъ. Усердными приношеніями владыкъ Россіи и людей благочестивыхъ, при неутомимыхъ трудахъ иноковъ, на хладныхъ скалахъ среди пучинъ Бѣломорскихъ, воздвиглись величественныя зданія, церкви, больницы, дома, заселились утесы безплодные. Здѣсь былъ нѣкогда игуменомъ св. Филиппъ митрополитъ, и отсюда мощи его были перенесены патріархомъ Никономъ въ Москву. Въ крѣпкихъ стѣнахъ Соловецкихъ нѣсколько лѣтъ защищались при Алексѣѣ противъ царскихъ войскъ закоре-

нѣлые раскольники. Въ 1694 году настоятелемъ Соловецкимъ былъ архимандритъ Фирсъ. Въ бесѣдѣ съ нимъ, раздѣляя скудную трапезу братіи, и вознося ихъ заздравную чашу, провелъ царь цѣлую недѣлю. И здѣсь оставилъ онъ на память крестъ, хранимый донынѣ въ особой часовнѣ. Щедро одарилъ онъ обитель, и не забылъ добродушнаго Антипа, приказавъ навсегда уволить его отъ работъ, подаривши ему 25 рублей и 5 рублей на одежду. „Я исполнилъ данное мною обѣщаніе поклониться мощамъ угодниковъ, превозлюбленный мой государь, отецъ и братъ!“ писалъ Петръ царю Іоанну.

Нетерпѣливо ожидалъ Петръ прихода корабля, купленнаго по его заказу въ Голландіи. Но время не проходило праздно. Царь рѣшился испытать всю службу сухопутную, и выбралъ въ свои учители искуснаго шкипера голландскаго Виллемсона. Добродушный учитель царскій сначала думалъ, что съ нимъ шутятъ. „Если хочешь учиться, начинай съ должности виббера (каютнаго мальчика), и потомъ будь каютъ-вахтеромъ и матросомъ“, сказалъ Виллемсонъ царю, смѣясь. „А какая виббера должность?“ спрашивалъ царь.— „Вотъ поди набей мнѣ трубку и принеси водки! Надобно учиться служить другимъ, пока не научишься самъ повелѣвать“. — Царь бросился поспѣшно и исполнилъ приказаніе „Хорошо“, сказалъ Виллемсонъ—„теперь полѣзай на мачту!“ и онъ ужаснулся, когда царь отважно началъ взбираться на самый верхъ мачты. Но Петръ требовалъ продолженія уроковъ и прошелъ съ Виллемсономъ всю службу морскую до офицерскаго чина.

Наконецъ прибылъ давно ожиданный корабль. Августа 1-го царь пустился на немъ въ море, сопровождаемый иностранными судами. Всею эскадрою начальствовалъ англійскій шкиперъ Іольсонъ. Царь находился безотлучно при немъ, стоялъ на вахтѣ, изучалъ подробности управленія кораблемъ. Плаваніе простиралось до Святаго Носа, или устья Бѣлаго моря, и продолжалось десять дней. Не одна навигація занимала между тѣмъ царя: во время плаванія составлялъ онъ съ Гордономъ, коего взялъ съ собою въ Архангельскъ, расположеніе маневровъ Московскихъ, распредѣлялъ войско, чертилъ планы. На прощаньи съ моряками царь роскошно угостилъ ихъ на своемъ кораблѣ, и когда всѣ были въ веселомъ разгулѣ, взялъ со всѣхъ нихъ слово исполнить то, что онъ сдѣлаетъ. Получивъ общее обѣщаніе, царь, плавая ловко и безстрашно, бросился съ корабля прямо въ море. Собесѣдники принуждены были слѣдовать его примѣру, не смотря на щегольское платье, въ какое нѣкоторые изъ нихъ нарядились на царскій пиръ. Съ восторгомъ разсказывали потомъ иностранные шкипера объ юномъ, умномъ, веселомъ и отважномъ царѣ русскомъ.

Когда возвратился царь въ Москву, сентября 20 го начались въ Москвѣ маневры. Уже не небольшая, какъ прежде, но обширная крѣпость сооружена была недалеко отъ Симонова монастыря и берега Москвы рѣки, на коломенской дорогѣ. Осаждать и защищать ее собрано было войско изъ городовъ; къ нему присоединены были потѣшные, нѣмецкіе полки, стрѣльцы, подьячіе изъ приказовъ, придворные служители. Все лѣто учились собранныя дружины

ружью и стрѣльбѣ. Соединяя дѣло съ шуткою, царь раздѣлилъ всѣ войска на двѣ арміи, и одну изъ нихъ поручилъ князю кесарю Ромодановскому, а другую польскому королю Бутурлину, людямъ вовсе не военнымъ. Лефортъ и Гордонъ считались полковниками своихъ полковъ, а самъ царь капитаномъ бомбардирской роты Преображенскаго полка. По имени деревни Кожуховой, близъ коей устоена была крѣпость, маневры названы были Кожуховскимъ походомъ.

Сентября 23-го генералиссимусъ Бутурлинъ повелъ свое мужественное войско черезъ Кремль. Впереди шли стрѣльцы, а за ними роты подъчихъ, „все люди храбрые, бывалые въ походахъ съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ Голицынымъ, нещадно бившіе турковъ и татаръ, и только что возвратившіеся въ Москву изъ огня". Такъ сказано было въ шуточномъ описаніи Кожуховскихъ маневровъ, изданномъ по повелѣнію царскому. Генералиссимусъ ѣхалъ верхомъ, въ мундирѣ, на подобіе французскаго кафтана; за нимъ слѣдовали царскіе пѣвчіе, стольники, завоеводчики. Бутурлинъ занялъ крѣпость и расположилъ свои отряды. Черезъ три дня поднялся князь кесарь, и также велъ войско свое черезъ Кремль. Шествіе открывалъ великій воинъ, шутъ царскій Тургеневъ. За тѣмъ шли стрѣльцы и Преображенскій полкъ, съ полковниками Автамономъ Головинымъ и Менгденомъ, и подполковниками княземъ Трубецкимъ и Адамомъ Вейде. Бомбардирскую роту вели капитаны, Петръ Алексѣевичъ (самъ царь), Гумбертъ и князь Троекуровъ. Семеновскій полкъ шелъ съ своимъ полковникомъ Чамберсомъ. Потомъ слѣдовали: отрядъ карлъ, въ красныхъ плащахъ и въ шляпахъ съ перьями; воевода Шеинъ, съ знаменемъ; карета царская, гдѣ сидѣлъ князь папа; роты нахаловъ и налетовъ; стольники, предводимые боярами, и наконецъ самъ князь кесарь, въ богатомъ русскомъ платьи, верхомъ; за нимъ везли пушки, и саперы и минеры маршировали съ лопатами и заступами. Переправа чрезъ Москву рѣку началась при жестокой пальбѣ Князь кесарь сбилъ непріятеля, переправился и расположился лагеремъ. Самъ онъ поселился въ великолѣпной ставкѣ, и не смотря на ненастную погоду, двѣ недѣли продолжалась безпрерывная, хотя и не кровопролитная война, ибо сражались бумажными гранатами и деревянными штыками. Но битвы были однакожъ упорны. По всѣмъ воинскимъ правиламъ осаждали крѣпость, нападали въ открытомъ полѣ, выдумывали засады, хитрости, сражались иногда такъ запальчиво, что многіе бывали ранены. Дѣло кончилось шуткою: крѣпость затопили водою изъ ручныхъ трубъ. Бутурлинъ отступилъ, защищался въ лагерѣ, но былъ окруженъ, сбитъ, взятъ въ плѣнъ и приведенъ къ побѣдителю съ завязанными назадъ руками. Князь кесарь принялъ его гордо, сидя въ своихъ богатыхъ креслахъ. Побѣжденные и побѣдители помирились за роскошнымъ обѣдомъ, при чемъ угостили пивомъ и виномъ все храброе войско и распустили его. Знаменитую побѣду князя кесаря царь велѣлъ передать потомству въ шуточномъ разсказѣ. Великолѣпными словами, начиная съ Троянской войны, изложилъ повѣствователь по приказу царскому описаніе знаменитыхъ подви-

говъ и великой брани, бывшей между изящными господами генералиссимусами, Өедоромъ Юрьевичемъ и Иваномъ Ивановичемъ, и коихъ ради причинъ началась оная сильнѣшая брань Кожуховская.

Послѣ краткаго отдыха новые маневры произведены были подъ селомъ Коломенскимъ. Тамъ построена была также земляная крѣпость, но уже не было ничего шуточнаго. Правильнымъ боемъ Лефортъ бралъ, а Гордонъ защищалъ крѣпость, предводительствуя одинъ потѣшными, другой стрѣльцами. Побѣда Лефорта едва не стала ему слишкомъ дорого: увлеченный, горячимъ характеромъ своимъ, онъ бросился въ огонь, и бумажною гранатою опалило ему лицо, такъ что нѣсколько дней опасались не лишится ли онъ зрѣнія. Тогда увидѣли всю нѣжность чувствъ царя и любовь его къ Лефорту. Царь жилъ безвыѣздно у своего любимца, самъ подавалъ ему лѣкарство, своими руками дѣлалъ примочки, заботился о немъ, какъ о родномъ отцѣ, и когда выздоровѣлъ Лефортъ, на радости произвелъ его въ полные генералы. На пиръ, данный Лефортомъ, по случаю царской милости, Петръ привезъ своего четырехъ-лѣтняго сына, царевича Алексѣя. Лефортъ представилъ царю восьми-лѣтняго сына своего Генриха. Отцы радовались на дѣтей, думая, можетъ быть, что Генрихъ будетъ нѣкогда тѣмъ же для Алексѣя, чѣмъ былъ отецъ его для Петра... Не сбылись надежды...

Послѣ святокъ слѣдовало опять веселье: царскій шутъ Тургеневъ женился, и царь праздновалъ свадьбу его смѣшнымъ маскарадомъ. Онъ, бояре, придворные провожали молодыхъ, одѣтые въ рогожи, въ лыковыхъ и лубочныхъ шляпахъ, въ крашенинныхъ и сермяжныхъ кафтанахъ. Поѣздъ составляли множество саней, запряженныхъ быками, козлами, собаками, свиньями. Женихъ съ невѣстою ѣхали въ богатой царской каретѣ. Свадебный пиръ былъ подъ шатромъ, на морозѣ въ полѣ близъ Преображенскаго.

Такъ прошло пять лѣтъ самодержавнаго правленія царя Петра, пять лѣтъ, не ознаменованныхъ важными государственными событіями, но богатыхъ будущимъ. Въ сіи годы, уже не связываемый волею честолюбивой сестры, въ первомъ цвѣтѣ юности, съ силами неистощимыми, волею непобѣдимою, Петръ довершилъ свое воспитаніе, свыкся съ царскими трудами, узналъ обязанности и заботы своего высокаго сана; началъ два великія дѣла: образованіе войска и созданіе флота; избралъ себѣ помощниковъ и сотрудниковъ; разрушилъ недоступность, окружавшую дотолѣ русскихъ царей, сталъ среди своего народа, обозрѣлъ обширную часть своихъ областей и испыталъ море. Но все еще только потѣхою могли казаться дѣла его. Наставало время прекратить потѣхи, время „младенческимъ забавамъ его родить громы“, по словамъ поэта, время Петру Великому явиться на полѣ битвъ, двинуть русскіе корабли на Черное море, и съ полей брани, гдѣ явился онъ столь же безстрашнымъ воиномъ, сколь неустрашимымъ морякомъ являлся на волнахъ морей, перейдти къ новымъ подвигамъ, показавшимъ въ немъ царя безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ народовъ. Здѣсь—1695-мъ годомъ, кончилась юность Петра Великаго.

Разсказъ четвертый.

Начало преобразованій. Войско и Флотъ. Взятіе Азова.

1695 – 1696 гг.

Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Разсыпалъ вредны Россамъ стѣны?..
Кругомъ его, изъ облаковъ,
Гремящіе перуны блещутъ,
И чувствуя приходъ Петровъ,
Дубравы и поля трепещутъ!..

Ломоносовъ.

Изображая въ общемъ очеркѣ начало великихъ преобразованій, предпринятыхъ Петромъ во внутреннемъ бытіи русскаго царства, мы не говорили о внѣшнихъ сношеніяхъ и государственныхъ дѣлахъ Россіи послѣ низверженія царевны Софіи. Казалось, увлеченный своими потѣшными войсками и флотомъ, Петръ не думалъ о внѣшной политикѣ, какъ равно оставлялъ онъ прежній порядокъ въ управленіи государствомъ — далѣе упомянемъ мы объ его немногихъ внутреннихъ распоряженіяхъ въ сіе время. Важнѣйшимъ изъ внѣшнихъ дѣлъ являлись союзъ съ императоромъ, Польшею и Венецею, и война противъ турковъ. Когда любимецъ Софіи столь безславно воевалъ противъ Крыма, успѣхи и неудачи безпрерывно мѣнялись въ войнѣ союзниковъ Россіи съ султаномъ. Собіескій, больной, умиравшій, безъ войска, безъ денегъ, терзаемый семейными раздорами, своевольствомъ подданныхъ, видя Волынь и Галицію опустошаемыя татарами, не отставалъ однакожъ отъ союза, посылалъ бѣдные, нестройные отряды войскъ въ битвы, и не слушалъ совѣтовъ Людовика XIV-го, воевавшаго противъ императора. Противясь Франціи, соединенною съ Испаніею, Швеціею, Баваріею, Англіею, Бранденбургомъ, Савоіею, императоръ безпрерывно старался заключить миръ съ султаномъ, видѣлъ упорство турковъ, радъ былъ пособію Венеціянъ, воевавшихъ Морею, и уговаривалъ Собіескаго воевать, хотя самъ только поддерживалъ войну на Дунаѣ и готовъ былъ предать Россію, Польшу и Венецію за выгодный миръ. Успѣхи визиря Купругли ободрили турковъ въ

1690 году, но Купругли погибъ въ 1691 г., въ несчастной Саланкенемской битвѣ. Турки не унывали. Султанъ Мустафа, вступившій на престолъ въ 1695 году, рѣшился даже ознаменовать свое правленіе усиленными воинскими дѣйствіями. Гаттишерифомъ своимъ призывалъ онъ къ оружію всѣхъ мусульманъ, предполагая самъ лично идти съ войскомъ. „Хочу мстить исчадію невѣрныхъ и слѣдовать по стопамъ предка моего, великаго Сулеймана!“ возглашалъ Мустафа. Ему представляли труды и опасности военные. „Во имя Бога иду стражаться!“ отвѣчалъ онъ, и многочисленныя войска его съ новыми надеждами двинулись на Дунай.

Во все время, съ 1689 года, союзники старались побудить къ войнѣ юнаго царя русскаго. Петръ не соглашался и не внималъ ихъ увѣщаніямъ и упрекамъ. Россія отвергла миръ, предложенный ханомъ Крымскимъ, но только для вида поддерживала войну, защищая предѣлы Малороссіи и посылая казаковъ въ удалые набѣги. Особенно отличался тогда отвагою наѣздникъ Палей, заднѣпровскій витязь. Переселиться въ Малороссію не допускалъ его завистливый Мазепа, боясь смѣлости его и любви къ нему казаковъ. Въ 1692 году татары напали на Полтаву. Русское войско собралось и выступило въ походъ. Татары не дождались его. Палей ходилъ на Перекопь, на Очаковъ; въ Бессарабію. Въ 1694 году опять собралось русское войско при появленіи татаръ. Татары бѣжали, слыша объ его походѣ. Черезъ степи, на легкихъ коняхъ своихъ, казаки пробрались до Перекопи. взяли и разорили въ расплохъ одну изъ Перекопскихъ башенъ. Донцы отправлялись по Дону на Азовъ и грабили берега Азовскаго моря.

Слыша о сильныхъ приготовленіяхъ султана на 1695 годъ, союзники убѣдительнѣе прежняго просили царя воевать, и онъ рѣшился исполнить ихъ требованіе. Но не просьбы союзниковъ, а обширныя собственныя предположенія заставили его дѣятельнѣе приняться за оружіе, возвѣщая государству своему, что самъ онъ идетъ въ битвы „на окаянныхъ бусурмановъ.“

Помышляя о заведеніи флота, царь личнымъ обозрѣніемъ убѣдился, что сооруженіе его въ льдистыхъ моряхъ сѣверныхъ, еслибы и было возможно, то будетъ безполезно. Онъ обратилъ вниманіе на югъ. Тамъ видѣлъ онъ Донскія области, граничившія съ Азовскимъ моремъ, открывавшимъ путь въ Черное море, страны, расположенныя въ климатѣ южномъ, богатыя, обильныя всѣми благами природы. Донъ, протекая изнутри Россіи, давалъ удобныя средства сообщенія до самаго Азовскаго моря. Завоевать у турковъ Азовъ, ключъ къ морю Азовскому, устроить въ немъ сильную крѣпость и обширную верфъ, держать изъ него въ страхѣ Крымъ, соединить Донъ съ Волгою, тамъ, гдѣ сіи двѣ огромныя рѣки сходятся близко одна къ другой, а также соединить Донъ съ Окою, такимъ образомъ открыть водный путь къ Азову изъ Москвы, проложить пути торговлѣ и внутреннимъ сообщеніямъ, двинуть русскіе корабли на Черное море, и можетъ быть, овладѣть сѣверными берегами его — таковъ былъ обширный планъ Петра, въ слѣдствіе коего положилъ онъ завоевать у турковъ Азовъ.

Задуманное немедленно исполнять—сдѣлалось уже тогда непремѣннымъ правиломъ Петра. Положили выстроить большія суда для осады Азова и спустить ихъ по Дону. Мѣстомъ постройки судовъ избранъ былъ Воронежъ, окруженный лѣсными областями и сообщающійся съ Дономъ рѣкою Воронежемъ, а мѣстомъ постройки мелкихъ судовъ—Брянскъ, откуда суда сіи могли идти къ Азову по Днѣпру. Тысячи народа собраны были въ Воронежъ и Брянскъ, рубить и готовить лѣсъ, возить его и строить суда.

Но пока исполнялись сіи приготовленія, Петръ не вытерпѣлъ и рѣшился попытаться взять Азовъ безъ пособія флота. Велѣно было немедленно собирать войско. Военныя дѣйствія располагались въ огромномъ объемѣ: сильное ополченіе, съ бояриномъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, долженствовало соединиться съ Мазепою, идти по Днѣпру, взять Кизи-Кермень и отвлечь крымцовъ, когда другое войско, подъ начальствомъ боярина Шеина, гдѣ будутъ самъ царь, Лефортъ, Гордонъ, новые полки русскіе и донцы, двинется къ Азову.

Поспѣшно все было распоряжено и исполнено. Весною Шереметевъ явился на Днѣпрѣ. Апрѣля 18-го царь торжественно велъ войска свои по Москвѣ черезъ Кремль. Около прежнихъ, нестройныхъ воинскихъ дружинъ и стрѣльцовъ шли Преображенскій и Семеновскій полки. Въ первомъ велъ свою бомбардирскую роту капитанъ Петръ Алексѣевичъ, или Петръ Михайловъ, какъ еще называлъ себя царь (по имени дѣда своего, царя Михаила Ѳедоровича). Послѣ молебствія, совершеннаго въ Успенскомъ соборѣ патріархомъ Адріаномъ, царь Іоаннъ со слезами облобызалъ своего доблестнаго брата; съ крестами и иконами проводили его до струговъ, на коихъ Петръ отправился по Москвѣ рѣкѣ, при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ. Народъ благословлялъ юнаго царя, орла, расправлявшаго могучія крылья и летѣвшаго на свой первый избранный подвигъ.

Весело, радостно спѣшилъ на битвы неукротимый царь. „Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть ѣдемъ, хоть истинно при той Марсовой потѣхѣ и въ головѣ не было, что она превратится въ настоящее дѣло,“ писалъ онъ Апраксину. „Здравствуй, Ѳедоръ Матвѣевичъ!“ приписали къ царскому письму спутники царя, „а мы за твое здоровье пьемъ медъ и рейнское, а паче пиво.“

Шереметевъ не замедлилъ порадовать царя успѣхами. Встревоженные походомъ русскихъ на Днѣпръ и на Донъ въ одно время, крымцы въ недоумѣніи стали у Перекопи, и дали время Шереметеву обложить и взять Кизи-Кермень.“ Берегите свой Кіевъ и не дерзайте присылать ко мнѣ еще кого нибудь—я велю содрать кожу съ вашего присланнаго!“ отвѣчалъ турецкій коммендантъ на первое предложеніе о сдачѣ. Іюля 30-го русскіе взорвали подкопомъ одну изъ городскихъ башенъ, пошли на приступъ, взяли внѣшній городъ, начали бомбардировать средній и Кизи-Кермень сдался. Три другія крѣпости слѣдовали его примѣру. Турки отдали ихъ безъ боя. Осенью, подорвавши укрѣпленія всѣхъ крѣпостей, кромѣ Кизи-

Керменской, которую возобновили и защитили сильныхъ гарнизономъ, Шереметевъ благополучно возвратился въ Малороссію.

Царь и войско его въ іюнѣ 1695 г, явились у Азова. Донскіе казаки разогнали отряды татаръ и очистили путь.

Рѣка Донъ, верстахъ въ 30-ти отъ моря, раздѣляется на два рукава: на сѣверномъ находилась тогда крѣпость Лютикъ, на южномъ, главномъ логовищѣ Дона, недалеко отъ гирлъ, или устьевъ, заслоненныхъ островами, построена была турками, на мѣстѣ древней Венеціанской Таны, Азовская крѣпость, предметъ безпрерывнаго боя донцовъ, мѣшавшая имъ ходить въ морскіе набѣги на турковъ. Казаки взяли ее въ 1639 году, но не подкрѣпленные царствовавшимъ тогда царемъ Михаиломъ, принуждены были оставить въ 1643 г. Турки снова укрѣпили её, и Азовъ, при сильномъ гарнизонѣ, пособіи съ моря, помощи татаръ изъ Крыма, слылъ твердынею непобѣдимою, одною изъ первыхъ турецкихъ крѣпостей, твердою защитою Чернаго моря отъ русскихъ. Крѣпость Азовскую составлялъ неправильный четыреугольникъ, обнесенный высокими каменными стѣнами, окруженными глубокимъ рвомъ съ землянымъ валомъ. Выше Азова, на обоихъ берегахъ Дона, построены были небольшія каменныя крѣпости, или каланчи, съ земляными валами. Донъ между ними перегороженъ былъ желѣзными цѣпями. Слыша о походѣ русскихъ на Азовъ, султанъ прислалъ туда храбраго пашу Гассана и сильное охранное войско.

Азовцы встрѣтили русскихъ смѣлою вылазкою. Гордонъ отбилъ непріятеля. Русскія войска окружили Азовъ. Лефортъ, съ 500-ми Преображенцовъ, взялъ приступомъ одну каланчу, другую начали бомбардировать и такъ устрашили ея защитниковъ, что они бѣжали ночью, вопреки упорству стараго коммендаита. Положивъ фитиль къ пороху, хладнокровно ждалъ онъ русскихъ, замѣтившихъ побѣги турокъ и бросившихся на приступъ. Во-время успѣли потушить фитиль и безвредно заняли каланчу. Между тѣмъ по Азову производилась безпрерывная пальба. Осажденные не уступали. Напрасно русскія пушки сбили защитниковъ съ земляного вала, бомбы причиняли пожары въ городѣ, вылазки были храбро отбиваемы. Подкрѣпляемые съ моря, азовцы не сдавались. Надобно было начать осадныя работы. Три подкопа повели подъ Азовъ. „Мы близко подошли къ гнѣзду, и шмелей такъ раздразнили, что оно крѣпко кусаются, но и гнѣздо ихъ по-маленьку сыплется“, писалъ царь, увѣренный въ побѣдѣ.

Но гнѣздо не разсыпалось. Неловко и медленно шли осадныя работы при неискусствѣ инженеровъ. Наступала осень Татары явились чрезъ море изъ Крыма и окружили русское войско. Царь еще упорствовалъ. Но Провидѣніе, какъ будто положившее по невѣдомымъ судьбамъ своимъ всюду искушать его терпѣніе и силы души — возмущеніемъ и гоненіемъ при вступленіи на престолъ, смертною опасностью при воспріятіи самодержавія, гибельною бурею при первомъ знакомствѣ съ моремъ—испытало неудачею и первый воинскій подвигъ царя.

Августа 5-го царь, вопреки мнѣнію Гордона, велѣлъ войску идти на приступъ. Русскіе бросились отважно, но были отбиты послѣ упорной битвы. Августа 8-го налетѣли на русскій лагерь татары; ихъ прогнали и начали громить Азовъ съ другого берега рѣки. Сентября 14-го взорвали подкопъ. Взрывъ былъ такъ неудаченъ, что причинилъ вредъ только осаждавшимъ. На другой день русскіе ужаснулись взрыва незамѣченнаго ими подкопа изъ крѣпости, коимъ турки разрушили многія изъ осадныхъ работъ. Зажгли другой подкопъ, и еще неудачнѣе перваго. Въ лагерѣ былъ сильный недостатокъ запасовъ, ибо подрядчики русскіе оказались неисправны, а хищные татары опустошили всю окрестность и не допускали подвозовъ. Наступила мрачная осенняя погода, полились дожди и растворили непроходимыя грязи. Царь собралъ военный совѣтъ. Всѣ соглашались, что надобно отступить. Царь не слушалъ совѣтовъ, хотя голосъ его подкрѣплялъ только одинъ измѣнникъ, голландецъ Янсенъ, любимецъ и крестникъ царя, артиллерійскій офицеръ. Но Янсенъ умышленно потакалъ пылкому царю, замышляя злодѣйство. Негодяй уже нѣсколько разъ перемѣнялъ вѣру, и обольщенный золотомъ турковъ, обиженный въ ссорѣ съ воеводою Шеинымъ, готовилъ пагубу русскимъ. Ночью, заколотивъ пушки на главной баттареѣ, Янсенъ убѣжалъ въ Азовъ, рано утромъ на другой день повелъ осажденныхъ на русскій лагерь, и въ страхѣ отъ неожиданнаго нападенія войско русское побѣжало въ безпорядкѣ. Царь самъ бросился въ битву, остановилъ бѣгущихъ, отбилъ нападеніе и еще не хотѣлъ уступать. Не смѣли зажечь третьяго подкопа. Войско роптало. Сентября 25-го царь велѣлъ идти на свальный приступъ. Битва была жестокая, но поражаемые съ крѣпостныхъ стѣнъ Янсеномъ, окруженные татарами, дѣйствуя безпорядочно, русскіе уступили.

„Умоляю тебя, милый братъ, ходить опасно и беречь себя!" писалъ къ доблестному брату своему царь Іоаннъ. Но не опасаясь ходилъ Петръ: первый былъ онъ въ битвахъ, послѣдній при отступленіи; самъ работалъ на батареяхъ, дѣлилъ труды, опасности, непогоду, недостатки съ другими. Не безразсудная отвага водила его: есть въ душахъ избранниковъ Божіихъ какая-то крѣпкая вѣра въ великую судьбу свою—ручательство за все великое! Истощивъ всѣвозможныя средства, Петръ показалъ не менѣе мужества, великодушія и силы духа, когда убѣдился, что усилія храбрости и терпѣніе безполезны. Онъ положилъ отступить, перенесть стыдъ неудачи, но не оставлять предпріятія, увеличить средства успѣха на будущій годъ и достигнуть предположенной цѣли. Онъ изумлялъ всѣхъ благоразумнымъ, хладнокровнымъ распоряженіемъ отступленія войскъ. Каланчи азовскія были увеличены и укрѣплены. Царь назвалъ ихъ крѣпостями Никоновскою и Сергіевскою, оставилъ въ нихъ 3000 войска, учредилъ сообщеніе ихъ съ Черкаскомъ, главнымъ городомъ донскихъ казаковъ, которые зимою должны были подкрѣплять гарнизонъ людьми и запасами. Русское войско отступило стройно, отбивая нападенія татаръ. Часть его расположилась на зимовку по Дону. До 2-го октября царь прожилъ въ Черкаскѣ, проѣхалъ оттуда въ Воронежъ, и уже

въ концѣ ноября возвратился въ Москву. Онъ самъ ввелъ въ Кремль и провелъ въ Преображенское своихъ потѣшныхъ. Царь Іоаннъ плакалъ, обнимая его, и говорилъ: „слава Богу, что ты возвратился - теперь умру спокойно!“ Здоровье добродѣтельнаго Іоанна ослабѣвало видимо и явно.

Главными средствами для взятія Азова долженствовали быть искусные инженеры и флотъ; ихъ не доставало русскому царю. Приказывая спѣшить строеніемъ кораблей въ Воронежѣ, царь послалъ требовать искусныхъ инженеровъ и артиллеристовъ у императора, въ Голландіи и въ Пруссіи. Императоръ благодарилъ царя за рѣшительность его продолжать войну, и тѣмъ усерднѣе, что дѣйствія его и Собіескаго въ 1695 г. были особенно неудачны. Семьдесятъ тысячъ татаръ опустошили Польшу, надолго оставляя страшные слѣды своего набѣга. Собіескій не могъ даже остановить, не только побѣдить ихъ. Отвлекаемый войною съ Людовикомъ XIV мъ, императоръ не усиливалъ войскъ своихъ на Дунаѣ. Турки, ободряемые султаномъ, воспользовались тѣмъ, и гибель цѣлаго корпуса императорскихъ войскъ, съ храбрымъ генераломъ Ветерани, воспламенила ихъ бодрость, умноженную кромѣ того слухами о неудачѣ русскихъ подъ Азовомъ, разбитіемъ Венеціанскаго флота, отнятіемъ Хіоса у венеціанъ и вторженіемъ турокъ въ занятую венеціанами Морею. Надежды Мустафы на побѣды и выгодный Турціи миръ начинали сбываться. Гордо взывалъ султанъ къ своему народу, грозя выставить противъ всѣхъ враговъ новыя, непобѣдимыя полчища. Опять онъ самъ хотѣлъ идти на Дунай. Храбрый сераскиръ Юссуфъ посланъ былъ въ Польшу. Въ Азовъ прислали мужественнаго кіаю визирскаго Калойликоза-Ахмедъ-пашу. Велѣно было идти туда сильному флоту и многочисленному войску татарскому, съ калгою и сыномъ хана крымскаго.

Но тѣмъ сильнѣе воспламенялся царь желаніемъ расплатиться за неудачу и унизить гордость надменныхъ враговъ. Въ Воронежъ переведены были всѣ корабельные мастера изъ Архангельска. Приглашены были оттуда на службу иностранные матросы и офицеры. Весною самъ царь хотѣлъ поспѣшить въ Воронежъ, а зимою неутомимо готовилъ онъ оружіе и запасы, пока сбирали деньги и заключили вновь трактатъ съ императоромъ. Собіескій, разсерженный упреками царя въ бездѣйствіи, съ горькою насмѣшкою отвѣчалъ, что изнуренная войною Польша, съ больнымъ, старымъ королемъ, конечно, не въ силахъ одерживать такихъ побѣдъ, какія успѣла одержать Россія, бодрая силами и съ царемъ юнымъ. Петръ не оскорбился намекомъ на неудачу подъ Азовомъ, и просилъ только не мириться и продолжать войну.

Въ началѣ 1696 года опечалила Петра кончина добраго брата его, царя Іоанна. И безъ того больной безнадежно, онъ простудился на Іордани 6-го января, страдалъ три недѣли и тихо скончался 29-го января. Горестно рыдалъ Петръ, опуская гробъ Іоанна въ могилу въ Архангельскомъ соборѣ, подлѣ гробницы царя Ѳеодора. Русскіе не забудутъ Іоанна, не прославленнаго подвигами царскими, но многихъ ли Іоанновъ, столь кроткихъ, столь добродѣтельныхъ, столь чуждыхъ всякаго честолюбія, въ такой высокой

степени смиренія человѣка Божія, въ такомъ величіи праведника, представляетъ намъ исторія? Свято почитая память брата, Петръ во всю жизнь свою уважалъ, чтилъ царицу супругу его, и не различалъ дѣтей его отъ своихъ родныхъ. Послѣ Іоанна остались три дочери. царевна Екатерина, царевна Анна (будущая императрица русская) и царевна Прасковія. Имъ было тогда, старшей четыре года, второй два, младшей одинъ годъ.

Москва кипѣла воинскою дѣятельностью. Зимою въ Москву, а потомъ подъ Азовъ, пріѣхали присланные императоромъ артиллеристъ Горгу, инженеры Маваль, Шмидтъ, Урбанъ, Боргсдорфъ, изъ Голландіи артиллерійскій генералъ Шпаррейтеръ, офицеры фанъ-Стаммъ, Гудковъ, Гордесъ, Шмидтъ, изъ Венеціи опытные морскіе офицеры и низшіе служители. Въ Архангельскъ привезли изъ Голландіи запасъ ружей и на почтовыхъ помчали въ Москву. Войско собиралось въ Малороссіи, опять подъ начальствомъ Б. П. Шереметева. Шеинъ также снова назначался главнымъ воеводою подъ Азовъ. Планъ войны принятъ былъ прошлогодній; положено Шереметеву защищать Малороссію и отвлекать татаръ отъ Азова. Пятнадцать казаковъ малороссійскихъ отдѣлялись подъ Азовъ, куда назначалось еще 5,000 донскихъ, 500 яицкихъ казаковъ и 3,000 астраханскихъ калмыковъ. Съ Шеинымъ были генералы Гордонъ и Автамонъ Головинъ; у перваго корпусъ составляли 9,000 солдатъ и 4,500 стрѣльцовъ; у втораго 8,500 солдатъ, 5,000 стрѣльцовъ, 10,000 городоваго войска. Корпусъ Шеина состоялъ изъ 1,333 стольниковъ, 532 дворянъ, 1,401 жильцовъ. Лефортъ, какъ адмиралъ, наименованъ былъ начальникомъ флота, приготовляемаго въ Воронежѣ. Къ нему на суда опредѣлено 29 ротъ солдатъ, составлявшихъ 4,000 человѣкъ; одною изъ сихъ ротъ начальствовалъ капиталъ Петръ Алексѣевичъ; двумя другими полковники, итальянецъ де-Лима и французъ де-Лозье, названные вице адмираломъ и шаутбенахтомъ; одною инженерный капитанъ Адамъ Вейде, двумя инженеры братья Брюсы, и еще двумя князья Трубецкой и Рѣпнинъ. Странную смѣсь стараго устройства съ новымъ образованіемъ представляло все русское войско. Въ немъ были генералъ-адьютантъ и генералъ-профосъ (Регимонтъ и князь Львовъ), генералъ-комиссаръ (Ѳ. А. Головинъ), генералъ-провіантмейстеръ (Кириллъ Алексѣевичъ Нарышкинъ), полковники, подполковники, маіоры, капитаны, и оставались еще хорунжіе, есаулы, завоеводчики, обозные, дозорщики, сторожеставцы, запищики, посыльные и ертаульные воеводы. Артиллеріею начальствовалъ воевода; аптекою управлялъ думный дворянинъ; Н. М. Зотовъ (князь-папа). въ званіи думнаго дьяка, завѣдывалъ дипломатическими дѣлами.

Февраля 18-го былъ смотръ морскимъ ротамъ и Лефортъ угощалъ царя и воеводъ. Гордонъ выѣхалъ изъ Москвы 8-го марта, Шеинъ 15-го, оба прямо въ Воронежъ, гдѣ уже нашли они царя на корабельной верфи, съ топоромъ и аршиномъ въ рукахъ. Онъ выѣхалъ изъ Москвы прежде нихъ, февраля 23-го. Къ маю мѣсяцу готовы были въ Воронежѣ два большіе, 44-хъ пушечные прама, или плоскодонные корабля, 2 галеаса, 23 галеры, 4 бран-

дера. Мая 3-го царь поплылъ по Дону съ судами. Прамы разобрали и везли сухимъ путемъ до устья Дона. Въ Острогожскѣ повергся къ ногамъ царя Мазепа и получилъ приказанія царскія. Мая 15-го царь. Лефортъ и Гордонъ были въ Черкаскѣ.

Зимою татары нападали на Полтаву и Миргородъ. Ихъ разбили, и подъ пикою казака Вечорки погибъ тогда измѣнникъ малороссійскій Петрикъ, бѣжавшій въ Крымъ и водившій на украйну татаръ. На страхъ другимъ, казаки повѣсили трупъ Петрика на границѣ Украинской. Крымцы жестоко отмстили смерть его: захватили Вечорку, рѣзали ему тѣло и жгли глаза его, когда храбрый казакъ еще былъ живъ и дышалъ. Подъ Азовомъ турки бездѣйствовали, нападали только одинъ разъ на Сергіевскую крѣпость, и отбили казаковъ, думавшихъ въ расплохъ захватить Лютикъ. Царь наградилъ донцовъ 5000 рублей и 3500 четвертями хлѣба.

Прибывши къ Азову, царь послалъ храбраго донского атамана Поздѣева развѣдать о турецкомъ флотѣ. Поздѣевъ поплылъ въ море на лодкахъ, съ 250 казаковъ, встрѣтилъ два турецкіе корабля, напалъ на нихъ, прорубилъ имъ бока и потопилъ ихъ. Возвратясь, онъ донесъ царю, что въ морѣ видны были еще 13 кораблей и 26 галеръ и полугалеръ. Царь обрадовался случаю сразиться на морѣ съ врагами. Онъ пустился съ 16 ю галерами и сотнею лодокъ. Галеры не могли пройти въ Донскихъ гирлахъ, ибо вѣтромъ съ берега согнало воду изъ рѣки. Царь пересѣлъ въ казачью лодку; на другія было посажено по 60 казаковъ и солдатъ на каждую. Всѣ лодки укрылись за Канаярскимъ островомъ въ устьѣ Дона. Турки приблизились къ берегу съ девятью кораблями и нѣсколькими галерами, нагрузили запасами и оружіемъ 14 большихъ тумбасовъ и отправили ихъ въ Азовъ. Съ гикомъ вылетѣли тогда изъ засады русскія лодки, отрѣзали тумбасы, захватили девять изъ нихъ, а нѣкоторые уплыли въ Азовъ—другіе бросились къ флоту. Царь преслѣдовалъ бѣгущихъ и напалъ на турецкій флотъ, пока взятые тумбасы были предаваемы огню. Неожиданность нападенія навела такой ужасъ на турковъ, что они не смѣли сражаться и спѣшили бѣжать. Нѣкоторыя изъ турецкихъ галеръ попали на мель у берега. Царь догналъ двѣ галеры въ открытомъ морѣ, завязалъ бой, самъ взошелъ на галеры впереди всѣхъ и взялъ обѣ. Поощряемые примѣромъ царя, казаки овладѣли другими судами. Остальной флотъ турецкій бѣжалъ. Двѣнадцать сожженныхъ и потопленныхъ галеръ, кромѣ 10 большихъ саекъ и 9 тумбасовъ, янычарскій ага и 300 турковъ, уцѣлѣвшихъ въ бою и взятыхъ въ плѣнъ, не считая убитыхъ и утонувшихъ, 70 пушекъ, 500 пикъ, 300 бомбъ, 4,000 гранатъ, 80 боченковъ пороха, были трофеями первой морской побѣды русскихъ. Всю богатую добычу царь отдалъ храбрымъ казакамъ. Возвращаясь побѣдителемъ, онъ встрѣтилъ подъ Азовымъ остальныя русскія суда, пришедшія изъ Воронежа.

Немедленно устроили баттареи на правомъ берегу Дона, соединили оба берега мостомъ и, съ большимъ прежняго искусствомъ возобновили прошло-

годнія осадныя работы, неразрушенныя турками. Пріѣзжіе инженеры повели осаду стройно и правильно. Азовцы не думали сдаваться, хотя замѣчали сильныя приготовленія русскихъ. Насмѣшливо напоминали они осаждавшимъ прошлогоднюю неудачу, и если видѣли себя отрѣзанными съ моря, за то ихъ ободряли сильныя полчища таттръ, ставшія на югъ отъ Азова по рѣкѣ Кагальнику. Измѣнникъ Янсенъ былъ въ Азовѣ. Несчастный не могъ или не хотѣлъ оставить Азова. Онъ уже принялъ тогда магометанскую вѣру, и зная, что казнь ждетъ его, если онъ попадется русскимъ, клялся умереть подъ развалинами крѣпости, не сдавая ея.

Царь самъ размѣривалъ мѣста подъ баттареи и шанцы, презирая пальбу непріятельскую. Его просили беречь драгоцѣнную жизнь свою. „Аще Богъ по насъ, то кто на ны?" возразилъ онъ. „Я долженъ подавать примѣръ моимъ добрымъ товарищамъ — могу ли посылать ихъ въ битвы, если самъ буду прятаться?"

Іюня 17-го осадныя работы были кончены. Въ шатрѣ Шеина отслужили молебенъ и первую бомбу въ Азовъ пустилъ самъ царь. Вслѣдъ за нею загремѣли русскія пушки и мортиры. Весело ходилъ царь по баттареямъ, ободрялъ артиллеристовъ, самъ заряжалъ оружія и палилъ. Скоро Азовскія пушки принуждены были замолчать. Вылазки осажденныхъ прекратились.

Сильную помощь оказали тогда Азову татары, но русскіе уже научились сражаться съ ними Іюня 10-го толпы татаръ буйнымъ натискомъ пробились до самаго лагеря русскаго, Шеинъ отбилъ нападеніе и гналъ непріятеля безпощадно. Только самоотверженіе спасло брата Нураддина султана, предводителя крымцевъ. Татары не сдавались въ плѣнъ и бились на смерть. Едва 183 человѣка плѣнныхъ было схвачено при 4,000 убитыхъ непріятелей. Царь встрѣтилъ побѣдителей за лагеремъ, цѣловалъ, обнималъ воеводъ, самъ перевязывалъ раненыхъ, утѣшалъ ихъ въ страданіяхъ, посылалъ имъ кушанье съ своего царскаго стола. Іюня 17-го крымцы напали ночью, но ихъ ждали и выслали на нихъ казаковъ Татары притворно пустились бѣжать, отрѣзали казацкіе отряды, погнали ихъ, но къ казакамъ спѣшили на помощь и татары были прогнаны съ потерею 2,700 человѣкъ. Прошла недѣля, пока собрались они снова и 4,450 убитыхъ, при упорномъ преслѣдованіи до табора ихъ на Кагальникѣ, были расплатою за новое нападеніе. Царь опять встрѣтилъ за лагеремъ побѣдителей, ухаживалъ за ранеными, утѣшалъ, ободрялъ, ласкалъ ихъ. „Мы забывали раны и болѣзни, видя заботу его объ насъ", говорили они потомъ. Іюля 1-го славный наѣздникъ татарскій, Дулакъ-Мурза повелъ въ бой крымцевъ. Въ богатой бронѣ своей, на лихомъ аргамакѣ, отчаянно мчался онъ, рѣзалъ, билъ противниковъ, но окруженный отважными удальцами палъ въ битвѣ. Надъ трупомъ его загорѣлся красный свальный бой. Считая безчестіемъ уступить врагамъ тѣло богатыря, татары рѣзались отчаянно. Русскіе сбили ихъ, отрубили голову Дулакъ-Мурзѣ, сняли его панцырь, выставили броню и голову его на по-

зоръ въ лагерѣ, и не взяли богатаго выкупа, присланнаго отъ татаръ За то свирѣпо напали крымцы на другой день. Никогда битва съ ними не была такъ упорна и отчаянна. Напрасно встрѣтили ихъ картечью — татары лѣзли въ лагерь. Почти все русское войско выступило противъ нихъ, и татары не устояли, бѣжали стремглавъ и не смѣли нападать болѣе. Они ѣздили, гарцовали кругомъ лагеря, схватывались съ казаками, но не шли на свальную битву.

Азову приходилось худо. Истощивъ всѣ средства защиты, видя безсиліе татаръ, бездѣйствіе флота турецкаго, нѣсколько разъ покушавшагося идти къ Азову и доставить припасы и оружіе, и каждый разъ удалявшагося при неусыпной стражѣ русскаго флота и береговыхъ баттарей, осажденные все еще не сдавались, хотя упорство ихъ было уже дѣйствіемъ только отчаянія. Азовскій коммендантъ зналъ, что за сдачу Азова онъ расплатится головою. Іюня 29-го царь послалъ въ Азовъ письмо. „Сдайте городъ и идите куда угодно, но если допустите до приступа, объявляемъ смерть всѣмъ и мы не будемъ виновны въ крови вашей“, писалъ царь. Азовцы отвѣчали вылазкою. Но русскія бомбы и ядра сыпались и губили защитниковъ, уничтожали жилища ихъ—все ломали и разрушали. Городъ представлялъ груды развалинъ, между коими валялись трупы обгорѣлые и изувѣченные. Оказалось другое страшное бѣдствіе — голодъ. Отъ него начались болѣзни. Русскіе измѣнники проносили въ Азовъ хлѣбъ, продавая тамъ грошевую булку по рублю, но хитрость была открыта — измѣнниковъ казнили, и послѣднее средство пропитанія осажденныхъ погибло. Іюля 17-го назначено было зажечь подкопъ и идти на приступъ. Положили, что взрывъ будетъ произведенъ на самомъ разсвѣтѣ. Войско съ вечера изготовилось и ждало сигнальной ракеты. Вдругъ по лагерю распространилось смятеніе. Говорили, что Азовъ уже взятъ, ибо не дождавшись приказа часть русскаго войска ворвалась въ городъ. Дѣйствительно, донскіе казаки, находясь въ числѣ другихъ осаждающихъ войскъ, не захотѣли дожидаться сигнала, бросились на земляной валъ, овладѣли имъ въ одномъ мѣстѣ, кинулись въ самый городъ, были отбиты, но не сошли съ вала и послали донести о томъ царю, прося помощи. Воеводы русскіе вознегодовали на своевольство. Царь похвалилъ удальцовъ, попотчивалъ присланнаго съ донесеніемъ чарою вина и велѣлъ ожидать общаго приступа. Дѣло замедлилось нападеніемъ татаръ — послѣднимъ, робкимъ и неудачнымъ. И когда татары побѣжали при первомъ ударѣ на нихъ русскихъ, на Азовскихъ стѣнахъ явился старикъ турокъ, махая шапкою и крича, что Азовъ сдается. Его взяли и повели къ Шеину. Турки сдавали городъ. Имъ обѣщали свободный выпускъ, безъ оружія, но обѣ стороны заспорили объ измѣнникѣ Янсенѣ. Царь требовалъ выдачи его. Турки не выдавали. „Идите же обратно—даю вамъ часъ времени одуматься, и обѣщаю, что не будетъ пощады, если не покоритесь!“ сказалъ царь. Не прошло и часа, когда увидѣли выходящій изъ города отрядъ турокъ — они

вели несчастнаго Янсена. „Убейте меня, но не выдавайте русскимъ!“ кричалъ измѣнникъ, окованный цѣпями и влекомый насильно.

Іюля 19-го русское войско выстроилось рядами, и посланный отъ Азовскаго комменданта чиновникъ, преклоняя колѣно, вручилъ Шеину городскіе ключи. По заключенному условію, на 18-ти бударахъ перевезли на Кагальникъ (откуда поспѣшно собирались татары бѣжать въ Крымъ) 3,700 человѣкъ, оставшихся отъ многочисленнаго Азовскаго гарнизона, и 4,000 уцѣлѣвшихъ жителей. Вступивъ въ городъ, побѣдители ужаснулись страшнаго зрѣлища, какое представлялъ Азовъ: стѣны, дома были разрушены, земля сплошь взрыта бомбами и ядрами, хлѣба не оставалось нисколько, трупы наполняли дома и улицы. Царь взялъ себѣ только пушки и оружіе. Вся остальная богатая добыча отдана была войску. Онъ въѣхалъ въ городъ, окруженный воеводами. На площади поставили шатеръ. При громѣ пушекъ воспѣто было „Тебѣ Бога хвалимъ!“ На другой день сдался Лютикъ, безъ боя. Въ Азовѣ найдено было 96 а въ Лютикѣ 36 пушекъ. Въ день Преображенія, храмовой праздникъ Преображенскаго полка, торжествовали первую побѣду Петра, совершая крестный ходъ по Азовскому валу. Двѣ мечети обращены были въ церкви, и въ нихъ возглашены многолѣтія царю русскому и его храброму воинству, и вѣчная память падшимъ въ битвѣ. Флотъ турецкій и татары бѣжали. Русскій флотъ приблизился къ Азову. „И было пированіе великое и изъ пушекъ стрѣляніе многое“, говоритъ современникъ.

„Нынѣ возглашу вамъ: радуйтесь, и паки рѣку: радуйтесь!“ писалъ царь въ Москву. „Богъ благословилъ двухлѣтніе труды и кровь нашу — Азовъ покорился намъ“. Москва сомнительно ждала вѣсти побѣдной. Русскіе уже отвыкли тогда отъ побѣдъ. Помнили неудачное окончаніе войны съ Польшею и Швеціею при царѣ Алексіи, нерѣшительныя битвы съ турками при Ѳеодорѣ, несчастные походы на Крымъ Голицына. Неудача подъ Азовымъ въ 1695 году заставляла считать сію крѣпость непобѣдимою. Тѣмъ живѣе было общее веселье. Кремль зашумѣлъ радостными кликами, когда народу возвѣстили паденіе твердыни Азовской. Патріархъ молебствовалъ въ Успенскомъ соборѣ, и по всему государству промчалась вѣсть о побѣдѣ царя.

Еще 31-го іюля сказанъ былъ обратный походъ войску, щедро одаренному царемъ. Но царь оставался въ Азовѣ до 16-го августа. Онъ объявилъ Азовъ русскимъ городомъ. При немъ очистили его, возобновили и увеличили укрѣпленія; Азовъ сдѣлался послѣ сего недоступенъ туркамъ при сильномъ гарнизонѣ. Донцамъ позволено было селиться въ немъ и въ Лютикѣ. Укрѣпляя себѣ такимъ образомъ владѣніе Азовскимъ моремъ, царь велѣлъ снять карты теченій Дона и моря Азовскаго, и выбрать мѣсто для крѣпостей, которыя заслонили бы Азовъ отъ Крыма, предвигая къ гнѣзду крымскихъ хищниковъ русскую силу. Мѣсто крѣпости выбрано было сначала на Міусскомъ лиманѣ, но потомъ положили строить крѣпость тамъ, гдѣ при обширномъ заливѣ стояла турецкая каланча Таганъ-Рогъ. На мѣстѣ ея заложили Троицкую крѣпость, сблизивъ ее валомъ, на протяженіи

10-ти верстъ, и крѣпостями Черепахою и Павловскою съ Міюсомъ. Съ другой стороны на Днѣпрѣ укрѣпили Кизи-Керменъ и устроили крѣпость на Таванскомъ островѣ. Въ Таганъ-Рогѣ хотѣлъ царь учредить военную гавань.

Паденіе Азова обрадовало императора. Собіескій не дожилъ до тѣхъ поръ радостной вѣсти. Отъ имени рѣчи Посполитой отвѣчали на грамату царскую, поздравляя царя съ побѣдою. Слухъ о взятіи Азова и небываломъ до тѣхъ поръ русскомъ флотѣ встревожилъ султана, и еще болѣе встревожило его извѣстіе о заложеніи Таганрога. Онъ казнилъ бывшихъ подъ Азовомъ пашей, укорялъ въ бездѣйствіи хана крымскаго, велѣлъ на весну идти съ флотомъ и взять Азовъ, а на Кубани заложить новую крѣпость (Атшу), мѣсто соединенія силъ турецкихъ, татарскихъ и калмыцкихъ, ибо многія калмыцкія племена тайно сносились съ ханомъ, какъ равно обѣщали помогать туркамъ разные черкесскіе народы. Царь догналъ войско свое близъ Айдара и тамъ распустилъ его. Повѣсть объ Азовскомъ походѣ осталась на Дону въ преданіи народномъ. Донцы, восхищенные милостями царя, передавали изъ рода въ родъ разсказы объ его удальствѣ и богатырской силѣ. До сихъ поръ сохранились на Дону повѣсти о царѣ Петрѣ и его Азовскихъ подвигахъ. Такъ и нынѣ разсказываютъ тамъ, что плывши подлѣ лѣваго берега рѣки Дона, царь завидѣлъ утку у праваго берега, обратился къ молодому казаку и сказалъ ему: „Что? Застрѣлишь ли?“ Казакъ приложился и убилъ утку съ маху. „Молодецъ!“ сказалъ царь — „и я застрѣлю, да только поцѣлившись!“

Царь пріѣхалъ въ Воронежъ, гдѣ радостно привѣтствовалъ его святой мужъ, епископъ Воронежскій Митрофанъ. Царь любилъ и уважалъ добродѣтельнаго пастыря, свидѣтеля смятеній въ Москвѣ при началѣ царствованія Петра, бывшаго потомъ при коронованіи Іоанна и Петра и присутствовавшаго на состязаніи съ Никитою Пустосвятомъ.

Москва готовилась встрѣтить побѣдителей. Царь хотѣлъ торжествовать побѣду невиданнымъ до тѣхъ поръ образомъ. Знакомя подданныхъ съ новыми понятіями, онъ учредилъ шествіе, похожее на римскіе тріумфы. На Каменномъ мосту устроены были торжественныя врата, съ огромными картинами, гдѣ изображались битвы и побѣды подъ Азовымъ, и съ статуями Геркулеса и Марса. Сентября 30-го изъ села Коломенскаго началось шествіе русскаго войска. Но не себѣ устраивалъ торжество царь. Въ длинную жестяную трубу съ тріумфальныхъ воротъ возглашали въ стихахъ похвалы Шеину и Лефорту, славили мужество и мудрость ихъ *). Они ѣхали въ великолѣпныхъ коле-

---

*) Генералъ-адмиралъ, морскихъ всѣхъ силъ глава,
Пришелъ, узрѣлъ, побѣдилъ прегордаго врага.
Мужествомъ командора турокъ вскорѣ побѣжденъ,
Премногихъ запасовъ и оружій бѣ лишенъ.
Сраженіемъ жестокимъ бусурманы побѣждены,
Корысти ихъ отбиты, корабли запаленны.
Оставшіеся же въ бѣгство ужасно устремиша.
Страхъ велій въ Азовѣ и всюду расшириша...

сницахъ, осѣняемые знаменами, окруженные войскомъ, послѣдуемые плѣнными, и въ ряду простыхъ офицеровъ, пѣшій, велъ роту свою капитанъ Петръ Алексѣевичъ. Черезъ Кремль провелъ онъ ее до Преображенскаго. Пиры и награды вождямъ заключили торжество. Лефортъ получилъ титулъ намѣстника Новгородскаго и президента Военнаго совѣта, соболей, золотую, серебряную посуду и вотчины. Всѣ другія: помѣстья, вотчины, кубки, медали, деньги. Завоеваніе Азова увѣковѣчено было первою въ Россіи медалью съ надписью: „Молніями и водами побѣдитель". Иностранные медальеры поднесли царю медаль съ замысловатою надписью: „Донынѣ авксенское (непріятельское), да будетъ отнынѣ эвксинскимъ (мирнымъ) моремъ (Hisse axenus fiat euxenus). Какой-то хитрецъ придумалъ еще болѣе ловкую лесть царю — представилъ ему камень съ латинскою надписью, найденный будто бы гдѣ то подлѣ Азова и весьма древній. Надпись предвѣщала, что „Сѣверный Орелъ распростретъ крылья свои на Босфоръ и Балтику" (Aquila Borealis extendet alas suas supra Bosphorum et mare Balticum). Царь понялъ поддѣлку, усмѣхнулся и сказалъ: „За доброе желаніе спасибо, а камень поддѣльный" *).

Если нельзя не изумляться, какъ могъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ великій царь постигнуть важность и необходимость преобразованій, не менѣе изумительно, какъ рано умѣлъ онъ сознать и оцѣнить средства Россіи и свои силы, опредѣляя вѣрную систему внутренняго состоянія государства и его внѣшнихъ отношеній. Послѣ покоренія Азова, въ 1697 году, когда едва совершилось ему 24 года отъ рожденія, минуло 14 лѣтъ его царствованія и 8 лѣтъ его самодержавія, казалось, онъ уже все обдумалъ, предположилъ, началъ, и ему оставалось только довершать. Можно подумать, разсматривая дѣла его съ 1697 года, что остальныя тридцать лѣтъ жизни и царствованія его были только вѣрнымъ и постояннымъ развитіемъ мысли, закалившейся одинъ разъ и навсегда въ вулканѣ геніальной души его и переходившей въ великія дѣла и событія.

Онъ убѣдился въ необходимости, повторяемъ, преобразованія Россіи. При семъ убѣжденіи онъ увидѣлъ, что невѣжество было главнымъ препятствіемъ дѣлу, и возненавидѣлъ онъ невѣжество, и положилъ истреблять его во внѣшнемъ и внутреннемъ бытѣ русской земли. Просвѣщеніе было единственнымъ средствомъ успѣха, и къ просвѣщенію устремился онъ душею и сердцемъ, жаждалъ, искалъ его всюду. Обозрѣвши два крайніе предѣла

„Шеину возглашалъ неизвѣстный піита, въ восторгѣ называя его великимъ воеводою, прехрабро побѣдившимъ полки агарянъ".

Гдѣ нынѣ гордость ихъ, иже въ высоту восходила,
И во всѣ части міра пространно ся ширила?
Преполная луна нынѣ ся ущербляетъ,
Взятье бо Азова весьма ее умаляетъ...

Довольно для примѣра.

*) Онъ хранится нынѣ въ кунстъ-камерѣ.

своего царства, югъ и сѣверъ Россіи, живши въ лагерѣ съ солдатомъ, бывши на кораблѣ съ матросомъ, сблизясь со всѣми званіями, отъ боярина до ремесленника, отъ министра до купца, отъ патріарха до сельскаго дьячка, онъ постигъ всю силу царской воли въ Россіи, увидѣлъ и богатство запаса въ свѣжей почвѣ русской земли и тучной нивѣ русской души. Исполняя мысль свою, не только волю свою, какъ царь, но и собственный примѣръ свой употребилъ онъ орудіемъ къ совершенію великаго подвига. Еще не отдавая себѣ отчета въ подробностяхъ, онъ убѣдился, что военная сила государства есть вѣрное ручательство за его крѣпость, и воинъ и морякъ по природѣ, онъ положилъ создать сухопутныя и морскія силы, соотвѣтствующія громадности Россіи. Просвѣщеніе и наука долженствовали обогатить Россію Для того надобно ему было перенести науку и просвѣщеніе въ Россію — завоевать ихъ. Вопросъ, что именно должно было перенесть въ Россію изъ Европы, рѣшилъ царь ѣхать и обозрѣть Европу. Будущія нравственныя завоеванія свои рѣшился онъ сообразить во время путешествія по Европѣ. Какъ до тѣхъ поръ не довольно было ему слышать объ устройствѣ воинскомъ и флотскомъ, о художествахъ и наукахъ, но надобно было самому быть плотникомъ, матросомъ, солдатомъ, бомбардиромъ, офицеромъ, полководцемъ, такъ ни на кого не хотѣлъ онъ положиться въ обозрѣніи Европы, ни на русскихъ, ни на чужеземцевъ, ни на самыхъ близкихъ друзей и товарищей, силы и способности коихъ уже успѣлъ онъ испытать и извѣдать. Ему самому, и только одному ему, пренадлежало вымышлять и исполнять все; другіе могли быть только его помощниками, при исполненіи его велѣній.

Преобразовать Россію, вдвинуть ее въ союзы и политику Европы, уничтожить могущество европейскихъ сосѣдей, распространить вліяніе Россіи на Азію — такова была вѣрная, постигнутая Петромъ цѣль внѣшней политики. Думалъ ли онъ уже и тогда отнять Балтійское море у шведовъ? Кажется, нѣтъ: онъ устремлялъ вниманіе только на Черное море, хотѣлъ даже (какъ говорятъ) перенесть резиденцію свою на черноморскіе береги, хотя личнымъ обозрѣніемъ могъ убѣдиться въ неудобствѣ безлѣсныхъ, пустынныхъ земель южныхъ, невыгодныхъ гаваней азовскихъ и черноморскихъ, и самаго моря, ключъ коего, Дарданеллы и Босфоръ, былъ въ рукахъ Турціи. Но для борьбы съ сосѣдями надобны были силы. Въ томъ уже вполнѣ убѣдился Петръ. Онъ видѣлъ недостатокъ силъ Россіи при тогдашнемъ неустройствѣ войскъ, недостаткѣ флота, и необходимыхъ въ дополненіе всего наукъ, просвѣщенія, богатства народнаго. И онъ рѣшился отложить на время воинскіе подвиги, отправиться въ Европу, послать русскихъ учиться, а между тѣмъ приготовить войско, флотъ, внутреннія сообщенія, и оживлять торговыя сношенія. Вся эта, такая громадная, необозримая мысль мгновенно перешла у него въ дѣло.

Показавъ воинскія способности свои завоеваніемъ Азова, царь уже не хотѣлъ уступать взятаго имъ, но до времени не распространяя далѣе завоеваній, онъ рѣшился опять только поддерживать войну съ Турціею и ста-

раться заключить выгодный миръ. Вслѣдствіе сего вновь подтвердилъ онъ союзъ съ императоромъ, заключивъ съ нимъ и съ Венеціею договоръ черезъ посланника Нефимонова, въ Вѣнѣ, 29-го января 1697 года. Императоръ нетерпѣливо хотѣлъ тогда мира съ Турціею. Людовикъ XIV, утомленный войною, уже склонялся на миръ съ императоромъ. Новый и важный вопросъ о наслѣдствѣ испанскомъ начиналъ волновать умы въ Европѣ. Императоръ и Франція равно не хотѣли упустить богатой добычи, и мирились, готовя отдыхомъ силы на борьбу болѣе упорную. Побѣды Евгенія, принца савойскаго, юнаго, но уже славнаго воинскими дарованіями, ручались императору, что Турція скоро преклонитъ главу, дотолѣ все еще гордѣливую. Престолъ Мустафы колебался отъ смутъ и неудачъ, но Мустафа упорно отклонялъ мирныя предложенія. Надлежало воевать: Стараясь добыть миръ съ султаномъ, царь поутвердилъ до времени миръ съ Швеціею, но Польша уже и тогда сдѣлалась для него важнымъ предметомъ дѣятельной политики. Онъ видѣлъ безполезность вражды съ Польшею и старанія отнять у нея какія-либо области Сдѣлать Польшу орудіемъ своей политики, управлять ею именемъ короля, власть коего подкрѣпитъ онъ противъ своевольныхъ чиновъ и буйныхъ сеймовъ — таковы были дальновидныя предположенія царя касательно Польши, и вслѣдствіе того расположилъ онъ поступки свои при выборѣ преемника Собіескому.

Несчастное царствованіе Собіескаго было послѣдуемо позорнымъ раздоромъ между его вдовою и дѣтьми. Ненавидя своего старшаго сына, принца Іакова, и слыша, что ему думаютъ поляки передать вѣнецъ отцовскій, вдова Собіескаго возстала противъ сына, спорила съ избирателями, проклинала Іакова, собирала на него противниковъ. Принуждены были насильно отнять у нея королевскую корону и изгнать ее изъ Варшавы. Трупъ Собіескаго лежалъ развѣнчанный на парадномъ одрѣ его, и только безполезный мечъ украшалъ гробъ побѣдоноснаго спасителя Вѣны. Королева удалилась въ Данцигъ, гдѣ подкрѣпилъ ее Сапега, гетманъ Литовскій, явно бунтовавшій и даже сражавшійся съ королевскими войсками. Въ маѣ 1697 года собрался въ Варшавѣ избирательный сеймъ. За Іакова принца слабаго, покорнаго императору, оказалось мало заступниковъ, и почти всѣ голоса соединялись въ пользу другого кандидата, предложеннаго королевою, Франциска Людовика Конти, племянника Великому Конде, принца юнаго, храбраго, образованнаго. Не любя принца Конти, дерзнувшаго смѣяться надъ г-жею Ментенонъ, своенравный Людовикъ XIV-й нерадиво подкрѣплялъ выборъ его въ польскіе короли, и оплошностью французской политики воспользовался курфирстъ саксонскій Фридрихъ Августъ, отличившійся храбростью въ войнѣ императора противъ турковъ, прекрасный собою, одаренный необыкновенными тѣлесными силами и умомъ, хотя при столь обольстительныхъ качествахъ легкомысленный, тщеславный, расточительный, преданный сластолюбію и роскоши. Онъ согласился принять католическую вѣру, не щадилъ денегъ на подкупы, обѣщалъ пособіе Польшѣ саксонскимъ войскомъ, и ручался за по-

бѣды надъ турками. Голоса на сеймѣ раздѣлились. Ничего не рѣшая, избиратели спорили — даже доходило до битвы. Приверженцы Конти спѣшили въ церковь, пѣть „Тебѣ Бога хвалимъ“ и провозглашать имя короля Людовика; за ними вторглись въ церковь приверженцы Августа, провозглашая его королемъ, и храмъ едва не сдѣлался мѣстомъ кровопролитной битвы.

Царь сначала подкрѣплялъ сына Собіескаго, но едва узналъ объ Августѣ, то началъ подкрѣплять его, велѣлъ двинуться изъ Новгорода войскамъ, и готовъ былъ вступить съ ними въ Литву, защищая Августа оружіемъ. Разсчетъ царя былъ вѣрный: онъ пріобрѣталъ себѣ вѣрнаго союзника, свободнаго отъ вліянія императора, ибо императоръ защищалъ сына Собіескаго, и только упорное заступленіе русскаго царя заставило его не спорить противъ Августа. Помощью Россіи только могъ и послѣ избранія держаться Августъ на своемъ престолѣ. Царь усвоивалъ себѣ такимъ образомъ право вмѣшиваться въ дѣла Польши, охраняя власть Августа, и при легкомысленномъ характерѣ короля могъ совершенно управлять имъ и Польшею. Заступленіе русскаго царя заставило большинство голосовъ перейти къ Августу. Примасъ королевства, кардиналъ Радзіевскій, вдова Собіескаго и Сапега все еще спорили, провозглашая имя Конти, хотя Августъ уже пріѣхалъ въ Краковъ, и принялъ титулъ короля польскаго, подъ именемъ Августа II-го. Партія Конти могла быть послѣ сего подкрѣплена только оружіемъ. Медленно собирался Людовикъ XIV-й, и дѣло Конти было разрушено безвозвратно.

Всѣ сіи дѣла — продолженіе войны съ турками, подтвержденіе мира съ Швеціею, вмѣшательство въ дѣла Польши, обсуждались уже не въ прежней, нерѣшительной думѣ боярской, но въ царскомъ военномъ совѣтѣ, гдѣ президентомъ считался Лефортъ, но все рѣшалъ самъ царь, и куда иногда только призывались избранные бояре на совѣтъ. Здѣсь утверждалъ царь всѣ свои важнѣйшія внутреннія распоряженія, передавая исполненіе ихъ приказамъ и воеводамъ. Безпрерывно устраивались въ Москвѣ всюду новые полки. Въ 1697 году царь опредѣлилъ строить въ Воронежѣ сильный флотъ изъ 66-ти судовъ, полагая въ то число 35 кораблей отъ 60 до 24 пушекъ, 4 брандера, 7 бомбардирскихъ лодокъ, такъ, что число пушекъ и мортиръ, для флота назначаемыхъ, превосходило 2,500, а число людей опредѣлялось болѣе 17,000. Для облегченія царской казны велѣно было строить суда на счетъ богатѣйшихъ помѣщиковъ, купцовъ, патріарха; только 10 кораблей царь принималъ на свой счетъ. За работу принялись дѣятельно, немедленно, поспѣшно. Ѳ. М. Апраксинъ опредѣленъ былъ начальникомъ воронежской верфи. Князю Б. А. Голицыну препоручилъ царь исполненіе другого важнаго предпріятія: проведеніе канала отъ Дона до Волги, для чего велѣно было собрать 35,000 работниковъ. Между тѣмъ возводились крѣпости въ Азовѣ, Таганрогѣ, Кизи-Кирменѣ. Для переговоровъ о торговлѣ съ Китаемъ отправленъ былъ тогда же въ Пекинъ посланникомъ голландскій купецъ Избрандъ-Идесъ. Въ Персію посланъ былъ съ

этой же цѣлью купецъ Семенъ Маленькій; ему велѣно было проѣхать въ Индію и говорить о торговомъ договорѣ съ Великимъ Моголомъ. Приказано было составить карты Сибири, искать тамъ рудъ, развѣдывать о песочномъ золотѣ въ киргизскихъ степяхъ. Не только не знали тогда, что въ Сибири по золоту ходятъ, но не умѣли даже отыскать драгоцѣнныхъ металловъ, сокрытыхъ въ Уральскихъ и Яблонныхъ горахъ.

Если многіе стародумы ужасались образа жизни и бусурманскихъ обычаевъ, вводимыхъ царемъ, ужасъ такихъ старовѣровъ умножило новое, неожиданное царское повелѣніе — свободно ввозить въ Россію табакъ, употреблять его, нюхать, курить, торговать имъ. При царскомъ дворѣ табакъ былъ уже въ употребленіи, и самъ царь, не боясь грѣха, курилъ проклятую траву, за которую еще такъ недавно, даже при Софіи, подтверждены были жестокія наказанія — велѣно сѣчь кнутомъ, рѣзать носъ тому, кто держитъ въ домѣ, куритъ или нюхаетъ табакъ.

Но каковъ былъ страхъ, каково было изумленіе старовѣровъ, когда въ совѣтѣ царскомъ объявлена была воля Петра объ отправленіи за границу молодыхъ людей, для изученія тамъ знаній, наукъ, художествъ, ремеслъ! „Отправить дѣтей въ земли бусурманскія, гдѣ они могутъ узнать ереси и перенять обычаи еретическіе!" восклицали бояре. Царь доказывалъ имъ пользу, необходимость знанія и ученія. „Гдѣ нашимъ ребятамъ спознать заморскія хитрости! Жили отцы наши безъ нихъ проживемъ и мы!" отвѣчали ему. „Жили!" воскликнулъ пылкій царь и горячо началъ доказывать все зло, всѣ бѣдствія, всю пагубу невѣжества. „Гдѣ намъ научиться! говорите вы"— продолжалъ онъ, „но развѣ не такими же людьми создалъ насъ Богъ? Развѣ Онъ лишилъ насъ ума и дарованій?" Еще осмѣлились спорить упрямцы. „Я самъ ѣду съ вашими дѣтьми — я самъ покажу имъ, чему должно учиться, что должно и чего не должно перенимать!" воскликнулъ царь, и изумленные спорщики умолкли.

Великій царь уже рѣшилъ тогда мысль о поѣздкѣ своей за границу. Онъ могъ оставить на время Россію, могъ поручить образованіе войска, строеніе флота, сооруженіе крѣпостей, рытье каналовъ, попеченію своихъ сотрудниковъ. Ему нетерпѣливо хотѣлось самому скорѣе видѣть плоды просвѣщенія стольких вѣковъ въ Европѣ, бесѣдовать съ царями, заключить съ ними дружескіе союзы, говорить о великихъ предметахъ современной Европейской политики. Онъ положилъ посѣтить Германію, Голландію, Англію, Италію, Польшу; дорогою осмотрѣть прибалтійскія шведскія области; познакомиться съ императоромъ, съ королемъ польскимъ, съ знаменитымъ монархомъ Вильгельмомъ, королемъ англійскимъ, и съ Курфирстомъ Бранденбургскимъ (въ послѣдствіи королемъ прусскимъ), изъявлявшимъ дружбу царю и усердіе къ пользамъ Россіи. Въ Ризвикѣ собирался тогда конгрессъ, долженствовавшій примирить западную Европу, и царь могъ увидѣть тамъ всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ дипломатовъ. Еще прежде того положено было отправить пословъ къ императору, въ Англію, Пруссію, Данію, Вене-

цію, уговаривать всѣ сіи державы вообще воспротивиться возведенію на польскій престолъ французскаго принца и усиленію тѣмъ Людовика XIV-го. Царь положилъ потомъ, что одно великое посольство посѣтитъ Вѣну, Варшаву, Берлинъ, Гагу, Лондонъ, Дрезденъ, Венецію, и при немъ рѣшился отправиться онъ самъ. Бывали примѣры, что цари посѣщали чужеземныя страны, но какъ Петра перваго увидѣли солдатомъ среди войскъ, имъ предводимымъ, такъ первый изъ царей посѣтить иноземныя страны хотѣлъ онъ, не въ видѣ царя, но подъ видомъ неизвѣстнаго дворянина русскаго.

И намъ еще непостижимо величіе сей мысли — и еще болѣе не могли понять и не поняли ея ни современники, ни подданные царя. Но уже никто изъ староверовъ не смѣлъ противиться послѣ того отправленію за границу дѣтей и родственниковъ. Царь самъ назначалъ юношей, и въ январѣ 1697 года послалъ онъ первый отрядъ ихъ, назначая каждому гдѣ и что долженъ онъ изучать, предписывая правила жизни и ученія, приказывая отдавать строгій во всемъ отчетъ. Посланныхъ снабдили содержаніемъ на счетъ царскій, дали имъ рекомендательныя граматы къ европейскимъ государямъ. Мѣстами ученія назначались: Англія, Голландія, Германія, Италія. Предметами ученія были: науки, искусства, художества, ремесла — польза предпочиталась удовольствію. Царь хотѣлъ сперва прямой положительной пользы, а не роскоши просвѣщенія—готовилъ сперва не ученыхъ, не литераторовъ, но мастеровъ корабельныхъ и литейныхъ, механиковъ, лѣкарей, рудокоповъ, инженеровъ, архитекторовъ. Если многіе противились еще волѣ царя, за то многіе, зная, что согласіемъ особенно угодятъ ему, что поѣздка за границу и ученье суть первыя средства къ чинамъ и отличіямъ, спѣшили изъявить свою готовность, сами отдавали царю дѣтей и родныхъ для путешествія, какъ прежде записывали ихъ въ Потѣшные. Всѣхъ болѣе порадовалъ царя Борисъ Петровичъ Шереметевъ, уже бояринъ и воевода при Софіи: онъ просилъ царя позволить ему сложить на время свои высокіе чины, и ѣхать за границу учиться военной наукѣ. Царь обнялъ и облобызалъ его, далъ ему граматы, просилъ для него покровительства другихъ государей. Шереметевъ отправился изъ Москвы въ іюнѣ 1697 года.

Въ посольство съ царемъ назначены были Лефортъ и Головинъ, заключившій трактатъ съ Китаемъ и любимый царемъ за его образованность. Къ нимъ присоединенъ умный, опытный дьякъ П. В. Возницынъ, много разъ бывавшій за границею въ посольствахъ, въ Вѣнѣ, Царьградѣ, Варшавѣ, Амстердамѣ. Свита посольства была многочисленная и блестящая. Царь не щадилъ расходовъ. Онъ хотѣлъ показать своихъ пословъ не полудикими азіятцами, но достойными представителями европейскаго государя. Съ посольствомъ ѣхали 35 юношей для ученья. Въ числѣ ихъ были: Меншиковъ, сынъ Имеретинскаго царя Арчила—Александръ, племянникъ Лефорта, дѣти князей и бояръ, и на ряду съ ними дѣти простыхъ дворянъ.

На время отсутствія своего, царь препоручилъ правленіе государствомъ совѣту. Его составили: Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, князь П. И. Прозо-

ровскій, князь Б. А. Голицынъ и Т. Н. Стрѣшневъ. Собственныя дѣла царскія и Преображенскій приказъ поручались князю-кесарю, Ѳ. Ю. Ромодановскому. Шеинъ объявленъ былъ главнокомандующимъ всѣхъ русскихъ войскъ. Гордонъ назначенъ былъ помощникомъ ему. Въ охраненіе Азова и Кизи-Кермена велѣно было составить двѣ сильныя арміи. Шеинъ долженъ былъ заслонить Азовъ и разрушить крѣпость, заложенную турками на Кубани. Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, съ Мазепою, назначены защищать Малороссію, и имъ предписывалось, если будетъ удобно, идти на Перекопь и Очаковъ. Тѣмъ ограничилъ царь всѣ военныя дѣйствія противъ турковъ.

Спокойствіе царя было нарушено заговоромъ, открывшимся предъ самымъ его отъѣздомъ изъ Россіи. Онъ былъ на пирѣ у Лефорта, когда явились два стрѣльца и тайно донесли ему, что въ домѣ боярина Соковнина собрались заговорщики, полагая въ ту самую ночь приступить къ исполненію ужаснаго замысла—умерщвленію царя. Не тревожа гостей, царь послалъ приказъ капитану Преображенскому, князю Трубецкому, окружить военнымъ отрядомъ домъ Соковнина. Сказавъ Лефорту, что ему надобно не надолго отлучиться, въ саняхъ, съ однимъ деньщикомъ, онъ поскакалъ прямо въ домъ Соковнина, и изумился не найдя тамъ Трубецкого. Царь предвидѣлъ заговоръ и хотѣлъ уничтожить его отважною рѣшительностью. Не останавливаясь ни на минуту, смѣло вошелъ онъ въ домъ и ласково объявилъ хозяину и гостямъ его, что ѣхалъ мимо, увидѣлъ огонь въ окнахъ, и заѣхалъ повеселиться и обогрѣться. Испуганные нежданнымъ посѣщеніемъ, собесѣдники ободрились. Они рѣшились въ ту самую ночь зажечь гдѣ-нибудь домъ и умертвить царя, когда онъ пріѣдетъ на пожаръ. Въ ожиданіи, пока наступитъ условленное время, убійцы подкрѣпляли бодрость пьянствомъ. Царь казался веселъ, спокоенъ, хотя кипѣлъ гнѣвомъ, замѣчая перешептыванья и взаимные знаки злодѣевъ, тихо переговаривавшихся: не убить-ли его теперь, одинокаго, безоружнаго, окруженнаго толпою ихъ? Другіе спорили. „Пора!“ сказалъ наконецъ почти въ слухъ одинъ изъ опьянѣвшихъ злодѣевъ хозяину. „Нѣтъ! еще не пора!“ отвѣчалъ ему въ полголоса Соковнинъ! „Тебѣ не пора — такъ мнѣ пора!“ воскликнулъ царь, вскакивая со стула— ударомъ сильной руки повергъ онъ Соковнина, спѣшилъ вонъ, призывая Трубецкого — въ ярости ударилъ его, думая, что онъ опоздалъ, ибо только въ ту минуту явился онъ съ солдатами. Трубецкой оправдался запискою царя, въ коей самъ царь ошибся назначеніемъ часа. „Прости меня — возьми и перевяжи бездѣльниковъ!“ сказалъ ему царь. Спокойно отправился онъ пировать къ Лефорту, гдѣ многіе даже и не замѣтили его отсутствія, былъ веселъ, шутливъ, и только на другой день узнали о страшной опасности, грозившей ему и разрушенной его изумительною отвагою! Подвергнутые пыткѣ, заговорщики открыли всѣ свои замыслы. Царь увидѣлъ, что здѣсь дѣйствовала только личная противъ него злоба не многихъ. Главнымъ заговорщикомъ былъ Циклеръ, стрѣлецкій полковникъ, одинъ изъ первыхъ

дѣйствователей въ начальномъ стрѣлецкомъ бунтѣ при Софіи, а потомъ предавшій Софію и Голицына при открытіи заговора Шакловитаго. Циклеръ ожидалъ наградъ и почестей. Царь наградилъ и — презрѣлъ его. Циклеръ считалъ себя обиженнымъ, особливо видя явное невниманіе къ себѣ царя, знавшаго его коварную душу и вѣроломство, такъ, что иногда царь называлъ его при всѣхъ внучкомъ Милославскаго. Озлобленный измѣнникъ рѣшился мстить, уговорилъ молодого Пушкина, сестра котораго была въ числѣ невѣстъ царскихъ въ 1689 году, особенно нравилась царю, и не выбрана супругою ему потому только, что царица Наталія противилась выбору. Царь не скрывалъ чувства своего къ красавицѣ, не любя своей супруги, суевѣрной, своенравной, преданной стариннымъ повѣрьямъ. Соковнинъ, за котораго отдали Пушкину, ревновалъ ее къ царю, обходился съ нею жестоко, и Циклеру легко было уговорить его на злодѣйство. Но заговорщики еще сами не знали, что имъ дѣлать, видѣли несогласіе другихъ на бунтъ, сомнѣвались, спорили, и только указъ царя, который подозрѣвая непріязнь къ себѣ Циклера, Пушкина и Соковнина, назначилъ всѣмъ имъ должности въ дальнихъ городахъ, заставилъ ихъ поспѣшить исполненіемъ недозрѣлаго заговора. Только Циклеръ, Пушкинъ, Соковнинъ и трое товарищей ихъ, рядовыхъ стрѣльцовъ, были казнены; другихъ разослали въ ссылку; иныхъ просто перевели на службу въ города. Но опасаясь стрѣльцовъ, которые, хотя были спокойны, но все еще составляли надежду заговорщиковъ, царь принялъ противъ нихъ строгія мѣры. И безъ того многіе полки стрѣлецкіе были уже преобразованы, даже и Сухаревскій полкъ, который любилъ и жаловалъ царь за его преданность. Въ память усердія и вѣрности сего полка, онъ велѣлъ построить на мѣстѣ бывшей съѣзжей его огромное зданіе, извѣстное до нынѣ подъ именемъ Сухаревой башни. Но осѣдлость стрѣльцовъ въ Москвѣ дѣлала пребываніе ихъ въ столицѣ опаснымъ. Предположивъ совершенно новое образованіе всего русскаго войска, царь совершенно уничтожилъ корпусъ стрѣлецкій, выслалъ всѣхъ стрѣльцовъ, съ женами и дѣтьми, изъ Москвы, назначая имъ службу по городамъ. Стрѣльцы принуждены были продавать свои московскіе дома и большую часть имѣнія; ихъ лишили права торговать, оставляя съ достаточнымъ жалованьемъ, но только при одной военной службѣ. Мѣсто ихъ въ Москвѣ замѣнили городовые и новые регулярные полки, безпрерывно умножаемые. Горестно разставаясь съ Москвою, озлобленные стрѣльцы понесли въ сердцахъ сѣмена возмущенія; увидимъ, какіе горькіе плоды принесло впослѣдствіи строгое распоряженіе царя и закоснѣлая злость мятежниковъ.

Распорядившись управленіемъ Россіи въ свое отсутствіе, царь не медлилъ отъѣздомъ. Казнь Циклера и товарищей его совершилась марта 4-го, 1696 года. Марта 2-го царь призывалъ въ Преображенское бояръ и далъ имъ свои послѣднія приказанія. На масляницѣ еще разъ повеселили народъ огненною потѣхою. На Красномъ прудѣ построено было подобіе Азова, и его осаждали и брали на лодкахъ и съ сухого пути, при громѣ пушекъ и хлопаньи

бураковъ и ракетъ. Марта 9-го 1696 г. насталъ достопамятный день царскаго отъѣзда. Кремль наполнился народомъ. Дорожныя кареты стояли подлѣ дворца. Царь, послы: Лефортъ, Головинъ, Возницынъ, и свита ихъ, слушали обѣдню и напутственный молебенъ въ Успенскомъ соборѣ. Принявъ благословеніе патріарха и простившись съ народомъ, царь сѣлъ въ свою дорожную карету и отправился въ далекій путь.

Въ числѣ событій сего времени современники упоминаютъ о жестокихъ буряхъ въ Архангельскѣ и Смоленскѣ. Ихъ ужасала еще комета, явившаяся въ 1697 году. Въ 1698 году умеръ въ помѣстьѣ близъ Москвы, подаренномъ ему царемъ Ѳеодоромъ, Дорошенко, славный въ малороссійскихъ смятеніяхъ до 1676 года. Мы уже упоминали о знаменитомъ путешественникѣ Кемпферѣ. Онъ былъ въ Москвѣ въ 1683 году, и любовался красотою юнаго царя-отрока, представленный ему и царю Іоанну на аудіенціи шведскихъ пословъ. Кемпферъ проѣхалъ потомъ изъ Москвы черезъ Астрахань въ Персію. Въ 1697 г. пріѣхалъ въ Москву славный путешественникъ Тавернье, три раза объѣхавшій Азію, и на старости лѣтъ хотѣвшій видѣть Россію. Онъ умеръ въ Москвѣ. Безвѣстная могила сокрыла прахъ его на московскомъ нѣмецкомъ кладбищѣ въ Марьиной рощѣ. — Замѣтимъ, что въ сіи же годы въ Россіи, за сто лѣтъ до Монгольфьера, осуществлялась мысль летать по воздуху: какой-то русскій мужикъ вызвался летать по птичьему, но только не на аэростатѣ, а на слюденыхъ крыльяхъ. Крылья были ему сдѣланы на казенный счетъ. Летунъ вышелъ на площадь передъ многочисленной толпой народа, съ огромными крыльями на плечахъ, перекрестился, долго махалъ крыльями, старался летѣть и — не полетѣлъ, за что и велѣно было „бити его батоги“.

Разсказъ пятый.

Путешествіе Петра Великаго въ Европу.

1697 — 1698 гг.

Прошелъ землями и морями,
Учился самъ, чтобъ насъ учить;
Искалъ бесѣдовать съ царями,
Чтобъ послѣ всѣхъ ихъ удивить!

Державинъ.

Богъ, пославшій избранника своего Россіи въ лицѣ Петра, при геніальныхъ душевныхъ способностяхъ, одарилъ его и тѣлесными качествами необыкновенными. Иностранцы, во время путешествія Петра по Европѣ, съ удивленіемъ смотрѣли на юнаго, 25-ти лѣтняго русскаго царя, высокаго, статнаго, съ горящими черными очами, орлинымъ взоромъ, живостью, быстротою во всѣхъ движеніяхъ. Петръ, достигнувъ совершенныхъ лѣтъ, былъ ростомъ 2-хъ аршинъ 14-ти вершковъ. Смуглое, но правильное, оживленное умомъ лицо его оттѣнялось густыми, черными, волнистыми волосами, небрежно заброшенными за уши. Небольшіе усы придавали ему видъ воинственный. Голосъ у него былъ чистый, ясный, громкій; рѣчь смѣлая, порывистая; походка величественная, хотя и скорая. Всѣ сильныя впечатлѣнія ярко отражались на лицѣ Петра, выраженіе котораго, всегда веселое, мгновенно вспыхивало грозою при гнѣвѣ и также быстро свѣтлѣло улыбкою. Его тѣлесная сила была изумительна: онъ разгибалъ лошадиную подкову и свертывалъ въ трубку серебряную тарелку. Еще при Софіи онъ рѣдко уже надѣвалъ долгополое русское платье, но чаще всего являлся въ зеленомъ мундирѣ своего любимаго Преображенскаго полка. Принявъ самодержавіе, на аудіенціяхъ пословъ и во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ былъ онъ всегда въ мундирѣ своемъ, иногда только возлагая сверхъ него на рамена порфиру и царскій вѣнецъ на голову свою. На верфяхъ и въ работѣ онъ бывалъ въ простомъ полукафтаньѣ. Въ кабинетѣ своемъ трудился онъ въ простой фуфайкѣ. Во время путешествія надѣвалъ онъ иногда, но весьма рѣдко, французскій кафтанъ и башмаки, вмѣсто своихъ большихъ сапоговъ.

Послы русскіе, сопровождавшіе его, при аудіенціяхъ и торжественныхъ случаяхъ являлись въ великолѣпныхъ русскихъ платьяхъ, всегда занимая богатые экипажи. Царь въ путешествіи ѣхалъ въ простой каретѣ, гдѣ для услугъ его сидѣли съ нимъ два деньщика и карликъ. По городамъ ѣзжалъ онъ въ легкой одноколкѣ, верхомъ, и часто ходилъ пѣшкомъ за-просто.

Путешествіе царя изъ Москвы до Пскова продолжалось 12-ть дней. Марта 11-го царь и послы были въ Твери, 12-го въ Торжкѣ, 14-го въ Вышнемъ-Волочкѣ, 16-го въ Валдаѣ, и вечеромъ того дня въ Новгородѣ. Воображалъ ли тогда царь, что отсюда далѣе на сѣверъ лежитъ дорога къ будущей столицѣ его! Марта 25-го переѣхали шведскую границу и 31-го были въ Ригѣ.

Граматы царскія извѣстили предварительно шведское правительство о проѣздѣ великаго русскаго посольства. Шведы знали, что при посольствѣ будетъ самъ царь, и затруднились въ отданіи ему почестей. Графъ Далбергъ, старый, суровый воинъ, генералъ-губернаторъ лифляндскій, плохо понимавшій условія придворнаго этикета, не думалъ угождать русскому царю, и не только не понималъ величія подвига его, но можетъ быть, подозрѣвалъ даже въ проѣздѣ русскихъ пословъ какія-нибудь хитрости. Онъ не поѣхалъ къ посламъ русскимъ, отговариваясь нездоровьемъ. Царь, разсерженный плохими квартирами и недостаткомъ продовольствія по дорогѣ, еще болѣе разсердился, увидя себя въ Ригѣ почти подъ стражею. Онъ хотѣлъ осмотрѣть рижскую крѣпость, но ему не позволили, и когда не смотря на то онъ пошелъ кругомъ крѣпостныхъ валовъ, часовые угрожали ему съ вала ружьями и принудили его удалиться.—„Хорошо!“—вскричалъ онъ въ гнѣвѣ „Шведы не позволяютъ мнѣ осмотрѣть рижской крѣпости, но я постараюсь осмотрѣть ее безъ ихъ позволенія!“ Оскорбленный шведами, царь велѣлъ посламъ протестовать противъ непріязненныхъ поступковъ Далберга и спѣшилъ переѣхать въ Курляндію.

Великолѣпныя встрѣчи съ самой границы курляндской утѣшили царя за досады въ Лифляндіи. Придворныя кареты присланы были за послами, когда они прибыли въ Митаву, и герцогъ курляндскій встрѣтилъ царя и пословъ на крыльцѣ своего дворца. Не находя ничего особенно замѣчательнаго въ Митавѣ, послѣ дружескаго свиданія съ герцогомъ, царь оставилъ пословъ пировать, и взявъ съ собою юношей, находившихся при посольствѣ для отдачи въ ученье, изъ Либавы отправился моремъ въ Кенигсбергъ. Онъ явился туда въ видѣ простого дворянина, нанялъ домикъ на берегу рѣки Прегеля, посѣщалъ пристань, мастерскія, заводы, фабрики, и только по пріѣздѣ пословъ, черезъ недѣлю, явился съ ними при дворѣ курфирста. Фридрихъ Вильгельмъ, царствовавшій съ 1688 года, любившій пышность и великолѣпіе, и уже предположившій вскорѣ принять королевскій титулъ, встрѣтилъ царскихъ пословъ съ большимъ торжествомъ. Въ аломъ бархатномъ полукафтаньѣ, съ алмазными пуговицами, стоялъ онъ у трона своего и спрашивалъ пословъ о здоровьѣ великаго царя русскаго, скрывавшагося

въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него въ свитѣ посольской. Мая 24-го былъ великолѣпный пиръ у курфирста. Щитъ, горѣвшій передъ дворцомъ, изображалъ взятіе Азова, а на рѣкѣ представлено было морское сраженіе. На другой день была травля дикихъ звѣрей и охота. Пируя, царь и курфирстъ говорили о дѣлахъ и заключили дружескій и торговый трактатъ. Царь нѣсколько разъ бесѣдовалъ наединѣ съ курфирстомъ, другомъ и родственникомъ Вильгельма, штатгальтера Голландіи и короля Англіи. Курфирстъ провожалъ русскихъ пословъ до Пиллау, гдѣ царь праздновалъ день именинъ своихъ и сжегъ приготовленный имъ фейерверкъ. Царь очаровалъ всѣхъ при дворѣ курфирста любезностью, свободою въ обращеніи, умомъ и познаніями. „Для чего не учредите вы здѣсь пристани?“ спросилъ онъ однажды указывая на Прегель. Ему отвѣчали, что мели препятствуютъ тому. „Это мелочи“, отвѣчалъ онъ — „стоитъ прорыть каналъ и запрудить рѣку. Принадлежи Кенигсбергъ мнѣ, я сдѣлалъ бы въ немъ военную гавань“. Любопытство его было таково, что онъ не оставлялъ ничего безъ замѣчанія. Однажды, прогуливаясь, остановилъ онъ на улицѣ даму, снялъ съ нея маленькіе эмалевые часы, разсмотрѣлъ ихъ, и вѣжливо возвратилъ, прося извиненія, что часы ея возбудили его любопытство. Въ другой разъ неожиданно снялъ онъ огромный парикъ съ головы церемоніймейстера Бессера, и подробно разсматривалъ, какъ дѣлаются сіи странныя головныя покрышки, бывшія тогда въ такой великой модѣ, что за Бессеровъ щегольской парикъ заплачено было 300 талеровъ. Музыка придворная такъ понравилась царю, что онъ нанялъ курфирстова капельмейстера обучить нѣсколькихъ русскихъ и не пожалѣлъ за то 1,000 червонцевъ. Щедро дарилъ онъ всѣхъ деньгами, дорогими, рѣдкими тканями и соболями. Обѣдая съ курфирстомъ и его супругою, царь шутя бросилъ ей на тарелку драгоцѣнный рубинъ, которымъ украшенъ былъ впослѣдствіи прусскій королевскій скипетръ. Прелестная супруга курфирста Софія Шарлотта, принцесса ганноверская, плѣнила царя. „Что всего лучше нашли вы въ Пруссіи?“ спросилъ его курфирстъ. „Можете ли спрашивать меня, когда супруга ваша предъ моими глазами!“ отвѣчалъ царь, преклоняясь передъ нею. Курфирстъ, некрасивый собою и малорослый, даже ревновалъ иногда, видя, какъ нѣжно говорилъ и ласково обходился съ его супругою юный красавецъ, царь русскій. Но царь и курфирстъ разстались друзьями — предположили даже весьма важныя предпріятія, какъ увидимъ далѣе. Изъ Пиллау царь переплылъ въ Колбергъ, осмотрѣлъ сію знаменитую крѣпость, отправилъ часть свиты въ Любекъ моремъ и уѣхалъ впередъ въ Берлинъ. Войско прусское славилось тогда артиллеріею. Царь бралъ въ Берлинѣ уроки у лучшихъ прусскихъ артиллеристовъ и требовалъ себѣ отъ нихъ строгаго экзамена и аттестата. Іюля 6-го пріѣхали въ Берлинъ послы и отправились отсюда съ царемъ въ Магдебургъ и Греннингенъ. Царь не забылъ взглянуть дорогою на славную бочку магдебургскую, всходилъ близь Галберштадта на гору Блоксбергъ, осмотрѣлъ въ Илзебургѣ желѣзные рудники, а въ Гильдесгеймѣ пировалъ съ любезнымъ весельчакомъ,

тогдашнимъ владѣтельнымъ гильдесгеймскимъ епископомъ. Пріятная нечаянность ожидала его въ Коппенбригге, увеселительномъ замкѣ близъ Герренгаузена: супруга курфирста, прибывшая туда изъ Кенигсберга, мать ея, курфирстина ганноверская, и братья, пригласили царя на ужинъ. Онъ явился по приглашенію; за ужиномъ сидѣлъ между матерью и дочерью, былъ веселъ, разговорчивъ, удивлялъ остротою и умомъ. Софія Шарлотта пропѣла по просьбѣ его итальянскую арію и спросила: „Любитъ ли онъ музыку?"—„Какъ не любить, когда вы поете, а впрочемъ я не охотникъ до нея", отвѣчалъ онъ. „Мнѣ некогда заниматься музыкой", прибавилъ онъ. „Моя забава фейерверки, и кромѣ того я знаю еще четырнадцать другихъ ремеслъ и все работаю самъ".—„Сами!"—воскликнула курфирстина. „Да, посмотрите на мои руки — съ нихъ не сходятъ мозоли". Онъ помѣнялся съ Софіею Шарлоттою табакерками, развеселившись, плясалъ съ нею послѣ ужина по-русски, и желая приласкать маленькую сестру ея, безъ чиновъ приподнялъ ее за голову кверху и расцѣловалъ, смѣясь, что отъ того измялась ея прическа. Братъ Софіи, Георгъ, принцъ угрюмый и молчаливый, бывшій потомъ королемъ англійскимъ, не понравился царю. Свита царская во время ужина вызвана была на славную попойку, и гофмаршалъ Коппенгеймъ, оставшійся побѣдителемъ, награжденъ былъ отъ царя за храбрость собольей шубою, но самъ царь вовсе не пилъ вина, хотя въ другихъ случаяхъ не отказывался отъ пировъ, тамъ, гдѣ не присутствовали дамы. Недалеко отъ Берлина, въ день имeнинъ курфирста, царь далъ большой обѣдъ свитѣ своей и бранденбургскимъ чиновникамъ. Онъ требовалъ, чтобы каждый изъ гостей осушилъ огромный бокалъ за здоровье именинника. Одинъ изъ гостей, старикъ, чиновникъ курфирста, извиняясь нездоровьемъ, отказывался. Царь настоялъ, разсердился, велѣлъ выйдти упрямцу изъ комнаты, грозя, что онъ напишетъ курфирсту объ его невѣжествѣ. Головы собесѣдниковъ были разгорячены. Лефортъ хотѣлъ удержать царя, началъ съ нимъ спорить, говорить ему, что онъ не правъ. Царь велѣлъ молчать. Лефортъ не унимался. Въ гнѣвѣ выхватилъ царь кортикъ свой. „Убей меня — честь твоя дороже мнѣ моей жизни!" вскричалъ Лефортъ. „Ты раскаешься, но будетъ поздно!"— Слезы брызнули изъ глазъ царя. Онъ обнялъ друга своего, просилъ у него прощенія, извинялся предъ обиженнымъ чиновникомъ, и изумилъ всѣхъ кротостью, съ какою слушалъ потомъ выговоры Лефорта.

Онъ спѣшилъ въ Голландію. Тамъ, уже знакомый съ нравами, обычаями, языкомъ голландцевъ, въ странѣ славной флотами, торговлею, любовью къ отечеству жителей, хотѣлъ онъ продолжать уроки въ навигаціи и кораблестроеніи, начатые въ Переяславлѣ и продолженные въ Архангельскѣ и Воронежѣ. Чрезъ Гамельнъ, Минденъ и Глюкштадтъ достигнувъ Эммериха, царь оставилъ пословъ, и отправился въ небольшомъ суднѣ по Рейну въ Амстердамъ, куда прибылъ 7-го августа. Десять дней прожилъ онъ въ ожиданіи посольства своего, радуясь, что его не тревожатъ обрядами и церемоніями.

На другой день по пріѣздѣ осматривалъ онъ Амстердамъ и поспѣшилъ въ находящійся неподалеку отъ него, небольшой городокъ Сардамъ, родину многихъ мастеровъ, которыхъ зналъ онъ въ Россіи, товарищей своихъ по Переяславлю и Воронежу. Сардамъ славился верфью, множествомъ фабрикъ, заводовъ, мельницъ и дѣятельностью жителей, отличныхъ мореходцевъ на купеческихъ судахъ, посѣщавшихъ тогда всѣ части свѣта. Подплывая къ Сардаму, царь увидѣлъ голландца, ловившаго рыбу и узналъ въ немъ Геррита Киста, кузнеца, бывшаго въ Россіи. Онъ кликнулъ его по имени. Кистъ не вѣрилъ глазамъ своимъ: въ красной байковой курткѣ, холщевыхъ брюкахъ и большой круглой шляпѣ, передъ нимъ стоялъ царь русскій. „Ты ли это, царь московскій?“ воскликнулъ добродушный Кистъ. Царь велѣлъ ему молчать, избралъ его руководителемъ своимъ въ Сардамѣ, и прежде всего вмѣстѣ съ нимъ отправился искать себѣ квартиру. Нашелся маленькій отдѣльный домикъ у самого Киста, гдѣ жила какая-то бѣдная вдова. Она уступила свое жилище царю за 7 гульденовъ прибавки къ платѣ хозяину. Царь обѣдалъ потомъ въ трактирѣ. „Что вы за люди?“ спрашивали собесѣдники царя и его спутниковъ.—„Мы русскіе плотники и пріѣхали сюда учиться“, отвѣчалъ царь, распивая кружку пива по обычаю сардамцевъ. Онъ купилъ себѣ топоръ, пилу, инструменты, записался работникомъ на верфи мастера Рогге и принялся за работу.

Пребываніе царя въ Сардамѣ сдѣлало навсегда достопамятнымъ сей маленькій городокъ Никто не бываетъ нынѣ въ Амстердамѣ безъ того, чтобы не заѣхать въ Сардамъ. До сихъ поръ уцѣлѣлъ тамъ смиренный домикъ, гдѣ жилъ Петръ Великій, и сохраняется въ немъ мебель, имъ самимъ сдѣланная — тесовая кровать его и простой столъ. Домикъ называютъ княжескимъ домомъ, и его сохраняютъ, какъ драгоцѣнность, подъ особымъ каменнымъ навѣсомъ. Онъ принадлежитъ нынѣ королевѣ нидерландской, праправнукѣ великаго царя. Его посѣщали императоръ Іосифъ, король шведскій Густавъ III-й и Наполеонъ. Императоръ Павелъ благоговѣйно разсматривалъ его въ 1782 году. Александръ Благословенный, возвращаясь побѣдителемъ въ отечество, былъ въ Сардамѣ и оставилъ памятникомъ въ домикѣ великаго предка своего надпись, начертанную золотыми буквами на мраморѣ: „Petro Magno, Alexander“ (Петру Великому, Александръ). Надпись надъ входомъ въ домикъ говоритъ посѣтителю: „Ничто не мало великому человѣку“ (Niets is den grooten man te klein). Вспомнимъ, что домику Петра Великаго воздалъ поклоненіе и императоръ Николай I посѣщавшій его вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Въ немъ благодатный наслѣдникъ его, былъ угощаемъ своею августѣйшею теткою въ 1838 году. Онъ написалъ на стѣнѣ домика имя свое, и подъ его именемъ прибавилъ спутникъ его, поэтъ, котораго именовать не нужно (кто не узнаетъ его по мелодическимъ стихамъ?)

Надъ бѣдной хижиною сей
Летаютъ ангелы святые.
Великій князь! благоговѣй:
Здѣсь колыбель имперіи твоей —
Здѣсь родилась великая Россія!

Донынѣ жители Сардама гордятся тѣмъ, что у нихъ жилъ и учился Петръ Великій, и преданіе народное повторяетъ множество разсказовъ объ его сардамскомъ житьѣ-бытьѣ. Такъ, напримѣръ, вспоминаютъ тамъ, какъ отличался онъ искусствомъ между всѣми плотниками и мастерами, и получилъ за то званіе баса, или мастера, какъ онъ работалъ на пильной мельницѣ, въ маслобойнѣ и на бумажной фабрикѣ. Мельница крупчатка, гдѣ обтесалъ онъ доску, донынѣ называется царскою. Посѣтители домика удивляются искусству въ сдѣланныхъ царемъ корабельныхъ моделяхъ, тамъ сохраняемыхъ. Царь самъ носилъ себѣ дрова на кухню, топилъ печку, стряпалъ кушанье. Войдя однажды въ домъ къ знакомому плотнику въ грязныхъ башмакахъ, онъ былъ остановленъ сердитою хозяйкою, смиренно снялъ башмаки, и изъ опасенія замарать чистый полъ, остался въ чулкахъ. Онъ посѣтилъ мать бывшаго въ Россіи мастера Іозіася, запросто завтракалъ съ нею и обѣдалъ у жены другого мастера Ренсеа. „Почему знаешь ты моего мужа? спросила его жена Арріека Метье, отъ котораго царь привезъ ей поклонъ изъ Россіи. — „Мы работали съ нимъ вмѣстѣ у московскаго царя,“ отвѣчалъ Петръ. „Но кто же ты самъ?“ спросила его любопытная голландка. „Я плотникъ,“ отвѣчалъ царь — Идя однажды по улицѣ, царь толкнулъ какого-то мальчишку, не дававшаго ему дороги. Шалунъ разсердился и бросилъ въ лицо царю гнилое яблоко. Царь утерся и сказалъ; „Виноватъ! Я все думаю, что я еще въ Москвѣ!“ Купивши у одного сардамца ботъ, по приглашенію продавца царь долженъ былъ распить съ нимъ въ магарычъ кружку пива. Онъ купилъ себѣ кромѣ бота яхту, самъ отдѣлалъ на нее мачту, прогуливался въ ней по морю, плавалъ нѣсколько разъ въ Амстердамъ, и однажды пустившись въ шлюпкѣ по заливу въ бурное время, едва не утонулъ, когда сильнымъ волненіемъ перекачнуло шлюпку. Бывшіе при царѣ успѣли схватить его. „Мнѣ нужно было окреститься въ Нѣмецкомъ морѣ!“ сказалъ смѣясь царь.

Между тѣмъ въ Амстердамѣ узнали, что русскій царь уже пріѣхалъ, и что онъ находится въ Сардамѣ простымъ работникомъ на верфи. Толпы народа кинулись смотрѣть его. Царь терпѣлъ нѣсколько времени. Наконецъ любопытные не давали ему прохода по улицамъ — работать было невозможно, и онъ тайно уѣхалъ въ Амстердамъ, куда уже прибыли тогда послы его.

Ихъ встрѣтили и угощали великолѣпно. Царь вмѣстѣ съ ними посѣтилъ театръ и любовался великолѣпнымъ фейерверкомъ на рѣкѣ Амстелѣ, но всегда скрытно. Онъ познакомился и подружился съ бургомистромъ Витсеномъ, бывавшимъ въ Россіи, однимъ изъ директоровъ Остъ-Индской ком-

паніи, человѣкомъ ученымъ и необыкновенно образованнымъ. Витсенъ нанялъ ему домикъ близъ адмиралтейства и царь началъ работу на Амстердамской верфи. „Слѣдуя слову Божію, сказанному праотцу нашему Адаму," писалъ онъ въ Россію къ патріарху, „трудимся въ потѣ лица, видитъ Богъ не изъ нужды, но желая блага, дабы искуситься въ наукѣ и быть полезными отечеству."

Не однимъ кораблестроеніемъ и верфями занимался царь въ Голландіи, проживши тамъ до января 1698 года. Упражненія его были разнообразны. Все занимало его, отъ великихъ политическихъ дѣлъ до сученія веревокъ, отъ знакомства съ государями и министрами до соленья рыбы и варенья смолы. Онъ посѣтилъ Гагу съ послами и видѣлся тамъ съ Вильгельмомъ. Два великіе человѣка поняли другъ друга. Петръ дружески и многократно бесѣдовалъ съ Вильгельмомъ, героемъ своего времени, воспитанникомъ славнаго и несчастнаго де-Витте. Вильгельмъ, спаситель Голландіи, двадцать пять лѣтъ выдерживавшій борьбу противъ побѣдоносныхъ силъ Людовика XIV-го, два раза принуждавшій его мириться, наконецъ освободившій Англію отъ недостойныхъ властителей, возвратившій ей права ея и свободу, и возведенный на престолъ единодушнымъ желаніемъ Англійскаго народа, скромный въ величіи, великій въ бѣдствіи, былъ государь по сердцу Петра Великаго. Царь русскій не любилъ Людовика XIV-го, хотя и уважалъ въ немъ монарха мудраго. Вильгельмъ былъ врагъ короля французкаго, и какихъ уроковъ, какихъ изъясненій тайнъ политики европейской не могъ услышать юный царь русскій отъ опытнага воина м мудраго короля Англіи, испытаннаго бѣдствіми, готовившагося въ третій разъ противопоставить оплотъ непомѣрному честолюбію монарха Франціи! Вильгельмъ просилъ царя посѣтить Англію. Царь нѣсколько разъ присутствовалъ въ собраніи дипломатовъ европейскихъ, заключившихъ во время пребываніи его въ Голландіи достопамятный миръ, извѣстный подъ именемъ Ризвикскаго (сентября 20-го 1697 года). Онъ находился и на самыхъ совѣщаніяхъ мирнаго конгресса, гдѣ были трактовавшіе о мирѣ министры императора Франціи, Англіи, Голландіи, Швеціи, Испаніи, Даніи и Бранденбурга. Всѣ сіи дипломаты посѣщали русскихъ пословъ, переговаривавшихъ въ то время о союзѣ и торговлѣ съ Голландіею. Царь видѣлъ наконецъ свою Россію среди европейскихъ государствъ.

Но бесѣдуя съ министрами, съ Вильгельмомъ, съ правителями Нидерландовъ, царь хотѣлъ видѣть и узнать всѣхъ знаменитыхъ тогда, ученыхъ голландцевъ. Онъ подружился съ славнымъ врачемъ Боергавомъ и анатомикомъ Рюйшемъ. Чрезвычайно разнообразны были въ Голландіи занятія царя. Съ примѣрной морской битвы, которую, угождая ему, давали близъ Амстердамскаго залива, причемъ онъ самъ начальствовалъ однимъ изъ кораблей, переходилъ онъ въ мастерскую механика фанъ-Гайдена и бралъ уроки у математика Гартцоккера; отъ обозрѣнія флота и магазиновъ Остъ-Индской компаніи, корабельныхъ доковъ и китоловныхъ судовъ спѣшилъ онъ въ ана-

томическій театръ, слушая тамъ курсъ анатоміи, и въ кабинетъ Левенгука, гдѣ разсматривалъ чудеса природы въ огромный микроскопъ. Въ то же время онъ чертилъ планы съ знаменитымъ Кугорномъ, исчислялъ пропорціи кораблей съ Адамомъ Сило, обозрѣвалъ больницы, воспитательные дома, церкви разныхъ исповѣданій, заключалъ договоры на литье пушекъ и выдѣлку ружей, нанималъ мастеровъ, офицеровъ, матросовъ, пировалъ съ товарищами работъ своихъ на верфи, поправлялъ карты Россіи, составленныя Витсеномъ. Все видѣнное имъ было записано въ его журналъ; всему снята была мѣра, взяты рисунки и модели. Отдавая въ ученье прибывшихъ съ нимъ русскихъ, онъ требовалъ отчета въ ихъ занятіяхъ. Меншиковъ работалъ съ нимъ на верфи; царевичъ Имеретинскій изучалъ артиллерію; двое князей Шаховскихъ отправились на Голландскихъ корабляхъ, одинъ въ Суринамъ, другой въ Батавію; иные изъ русскихъ учились парусному, блочному, мачтовому дѣлу, другіе строенію мельницъ, приготовленію канатовъ и снастей. Царь бралъ уроки даже у зубного лѣкаря. Увидя однажды ловкіе фокусы какого-то фигляра, онъ непремѣнно хотѣлъ узнать тайны его непостижимаго искусства и щедро заплатилъ ему за ихъ открытіе. Посѣщая заводы, фабрики и мастерскія, онъ ковалъ съ кузнецами, мялъ кожи съ кожевниками, ткалъ съ ткачами. Заботясь о размноженіи полезныхъ книгъ въ Россіи, царь договорился съ Амстердамскимъ типографщикомъ Тессингомъ объ отливкѣ русскихъ буквъ и самъ составилъ рисунки особеннаго шрифта ихъ. Въ отличіе отъ славянскаго, которымъ печатались духовныя книги, сей шрифтъ названъ былъ гражданскимъ. Царь изобрѣлъ его примѣняясь къ латинскимъ буквамъ и исключилъ ненужныя буквы славянскія (пси, икъ, отъ, юсъ, ижицу). Тессингъ отлилъ по его рисункамъ буквы и получилъ привиллегію торговать въ Россіи гражданскими книгами. Нашелся какой-то бѣлорусскій урожденецъ, жившій въ Амстердамѣ, ученый Илья Копіевскій, или Копіевичъ. Онъ занялся переводами на русскій языкъ, и въ 1699 году Тессингъ издалъ первую русскую книгу: „краткое введеніе во всеобщую исторію," а въ 1770 году напечаталъ азбуку, грамматику латинскую съ русскимъ, словарь латино-нѣмецко русскій и первый календарь русскій. — Корабль, въ постройкѣ котораго участвовалъ царь на Амстердамской верфи, былъ спущенъ на воду, и Голландское правительство просило царя принять его въ подарокъ. Царь былъ въ восхищеніи, назвалъ корабль: апостолы Петръ и Павелъ, нагрузилъ его всѣмъ, что закупилъ въ Голландіи; 640 человѣкъ нанятыхъ имъ мастеровъ, художниковъ и матросовъ, и два капитана, Стемати и Піаръ, отправились на семъ кораблѣ въ Архангельскъ Тогда же отправлены были въ Россію: Крюйсъ, бывшій потомъ русскимъ адмираломъ; Геннингъ, основатель Екатеринбурга въ Сибири; граверъ Пикаръ; маленькій арапъ, купленный царемъ, котораго крестилъ онъ и назвалъ Ганнибаломъ (предокъ поэта Пушкина и храбрый генералъ русской службы), и еще мальчикъ, португальскій урожденецъ, Дивіеръ (бывшій потомъ графомъ и оберъ-полицемейстеромъ петербургскимъ).

Недовольный тѣмъ, что въ Голландіи не могли ему показать основательно теоріи кораблестроенія, царь рѣшился ѣхать въ Англію, куда дружески приглашалъ его Вильгельмъ. Флотъ Англійскій славился уже и въ то время устройствомъ и морскими побѣдами. Знамемитая Гогская битва 1692 года, гдѣ уничтоженъ былъ англичанами французскій флотъ, утвердила превосходство Англіи передъ другими европейскими государствами на морѣ. Царь хотѣлъ видѣть и разсмотрѣть флотъ побѣдителей Людовика XIV-го, и 8-го января 1698 года, отправился въ Англію, на яхтѣ, нарочно присланной Вильгельмомъ: три англійскіе корабля провожали его, подъ начальствомъ адмирала Мичеля. Великолѣпный домъ назначенъ былъ царю въ Лондонѣ. Онъ отказался отъ него, поселился въ небольшомъ домикѣ въ Дентфортѣ, гдѣ находилось тогда главное англійское адмиралтейство, и здѣсь запросто посѣтили его король Вильгельмъ и наслѣдникъ его, принцъ Георгъ.

Царь прожилъ въ Англіи четыре мѣсяца. Неусыпно работалъ онъ на верфи, и какъ въ Голландіи, не оставилъ ничего безъ обозрѣнія. Англійскіе парламенты, товеръ и монетный дворъ въ Лондонѣ, Виндзоръ, Гамптонкуртъ, Гринвичъ, Оксфортскій университетъ, морской арсеналъ въ Вульвичѣ — все было предметомъ его любопытства и подробныхъ изслѣдованій. Вильгельмъ подарилъ ему великолѣпную яхту, но гораздо большимъ подаркомъ былъ праздникъ, данный царю по приказанію короля въ Порстсмутѣ. При громѣ пушекъ съ крѣпости, нѣсколько линейныхъ кораблей и множество другихъ судовъ выступили изъ гавани. Царь находился на кораблѣ адмирала, командовавшаго эскадрою. Трехъ-дневная прогулка по морю кончилась примѣрною морскою битвою, продолжавшеюся цѣлый день. Царь до того былъ восхищенъ искусствомъ движеній, ловкостью подчиненныхъ и распоряженіями начальниковъ, что въ восторгѣ воскликнулъ: „Еслибы я не былъ русскимъ царемъ, пожелалъ бы быть англійскимъ адмираломъ!“ царь осматривалъ также и въ Англіи заводы, фабрики, мастерскія, все записывалъ, всюду работалъ самъ, накупилъ множество машинъ, моделей, оружія, нанялъ болѣе 300 мастеровыхъ и художниковъ. Онъ принялъ въ службу двухъ отличныхъ корабельныхъ мастеровъ, Дина и Ная, математика Фархварсона, инженера Перри. Въ Лондонѣ съ удивленіемъ смотрѣли, какъ онъ одинъ, съ переводчикомъ, ходилъ пѣшкомъ по улицамъ, входилъ въ лавки, магазины, мастерскія, даже въ таворны, желая видѣть и узнать нравы народные. Умные отвѣты царя, его свобода въ обращеніи, щедрость, тѣлесная сила, безстрашіе на морѣ восхищали англичанъ. „Что особенно понравилось вамъ въ Гринвичѣ?“ спросилъ его Вильгельмъ, когда царь осмотрѣлъ тамъ дворецъ королевскій и знаменитый домъ морскихъ инвалидовъ. „То,“ отвѣчалъ царь, „что дворецъ вашъ походитъ на гошпиталь, а гошпиталь на дворецъ.“ Англія вообще такъ восхитила царя, что онъ называлъ ее прекраснѣйшею и счастливѣйшею изъ всѣхъ земель, видѣнныхъ имъ. Съ королемъ Вильгельмомъ царь разстался дружески. Въ самый день

отъѣзда своего, онъ еще разъ посѣтилъ арсеналъ и адмиралтейство, и на пути въ Ширнессъ снова осмотрѣлъ верфь дентфортскую, мостъ въ Чатамѣ и три огромные корабля, стоявшіе тамъ на рейдѣ. Апрѣля 23-го царь отправился въ Голландію, щедро одаривши всѣхъ находившихся при немъ. Народъ толпами сбѣжался на берегъ смотрѣть на русскаго царя и провожалъ его громкими кликами.

Жестокая буря встрѣтила царя и продолжалась четыре дня. Когда самые моряки изъявляли ему опасеніе — „Чего вы боитесь, господа?“ весело говорилъ имъ царь—„слыханное-ли дѣло, чтобы царь русскій утонулъ въ Нѣмецкомъ морѣ?“ Апрѣля 27-го успѣли достигнуть Гельфутслейса. Царь простился съ пріятелями своими, англійскими моряками, осмотрѣлъ дорогою Дельфтъ, и 29-го прибылъ въ Амстердамъ.

Опять посѣтилъ онъ Сардамъ, дружески прощаясь съ его добродушными, трудолюбивыми жителями. Въ Амстердамѣ прожилъ онъ до 15-го мая. Вечеръ въ день отъѣзда царь провелъ у пріятеля своего, купца Кальфа, и уѣхалъ впередъ, избѣгая торжественныхъ прощаній. Въ Нимвегенѣ дождался онъ своихъ пословъ. Ихъ провожали изъ Голландіи съ большимъ великолѣпіемъ.

Царь ѣхалъ прямо въ Вѣну, чрезъ Клевъ, Гильдесгеймъ, Галберштадтъ, Галле и Лейпцигъ. Не смотря на отказы царя отъ встрѣчъ и угощеній, едва вступилъ онъ въ Саксонію, всюду, по приказанію короля Августа, начались торжественные пріемы, встрѣчи, обѣды, пальба пушечная. Царь внимательно осмотрѣлъ Галльскій и Лейпцигскій университеты, знаменитую Саксонскую крѣпость Кенигштейнъ, а въ Дрезденѣ богатыя собранія картинъ и рѣдкостей. Король Августъ находился тогда въ Польшѣ. Царь посѣтилъ курфирстину, мать его, и отправился въ Вѣну чрезъ Богемію. Въ Прагѣ остановился онъ и осматривалъ устройство стариннаго моста чрезъ рѣку Молдаву.

Не доѣзжая нѣсколькихъ миль до Вѣны послы остановились, затрудняясь переговорами о пріемѣ ихъ при императорскомъ дворѣ. Императорскіе церемоніймейстеры не знали, какъ должно встрѣтить царя. Головы дипломатовъ австрійскихъ ничего не могли придумать, рѣшая столь важный вопросъ. Царь рѣшилъ всѣ сомнѣнія, сказавши, что ему лично никакого пріема не надобно, но требовалъ большой почести посламъ своимъ. Три дня прошли въ недоумѣніяхъ. Царь кончилъ ихъ наконецъ просто. „Хорошо, соглашаюсь на уступку, и пусть принимаютъ насъ здѣсь, какъ имъ угодно, но за то и мы также примемъ ихъ въ Москвѣ“, сказалъ онъ. Торжественный въѣздъ пословъ въ Вѣну происходилъ 16-го іюня. Царь уѣхалъ впередъ.

Вѣна не могла представить ему столькихъ предметовъ изученія, какъ Амстердамъ и Лондонъ, но любопытство его увлекало наблюденіе нравовъ, обычаевъ народныхъ, обрядовъ дворскихъ, устройства воинскаго. Царь осматривалъ заведенія, зданія, памятники вѣнскіе. Онъ ѣздилъ въ Венгрію, осматривалъ Пресбургъ и былъ на минеральныхъ водахъ въ Баденѣ. Уничтожая для себя лично всѣ церемоніи и предоставляя торжественныя аудіен-

ція и переговоры своимъ посламъ, царь запросто посѣтилъ императора Леопольда въ загородномъ дворцѣ его, и тѣмъ принудилъ его пріѣхать къ нему на квартиру также безъ чиновъ. Іюня 29-го послы праздновали день именинъ царскихъ роскошнымъ обѣдомъ, гдѣ присутствовали знатнѣйшіе вельможи и сановники вѣнскаго двора. Именинникъ былъ приглашенъ на вечеръ въ императорскій загородный дворецъ. Здѣсь приготовленъ былъ великолѣпный праздникъ и присутствовала вся знать вѣнская. Послѣ оперы въ придворномъ театрѣ началось гулянье въ саду, превосходно освѣщенномъ. Древній императорскій дворъ явился въ своемъ полномъ блескѣ. Собраніе ослѣпляло красотою дамъ, золотомъ и брилліантами на одеждахъ. На огромномъ щитѣ противъ дворца горѣло имя царское. Хоръ изъ ста восьмидесяти пѣвчихъ и музыкантовъ гремѣлъ въ богатой залѣ, гдѣ начались танцы. По окончаніи праздника царь пригласилъ знатнѣйшихъ гостей къ себѣ и пировалъ съ ними до разсвѣта. Іюля 1-го императоръ угощалъ царя въ маскарадѣ, называемомъ Wirthschaft (по домашнему). Здѣсь всѣ явились безъ чиновъ и переодѣтые. Императоръ и супруга его были въ одеждѣ нѣмецкихъ крестьянъ. Царь былъ одѣтъ фламандскимъ крестьяниномъ. Послѣ танцевъ слѣдовалъ роскошный ужинъ. Держа въ рукѣ кубокъ, императоръ подошелъ къ царю. „Мнѣ сказали, любезный фламандецъ", говорилъ онъ, „будто вамъ знакомъ русскій царь. Скажите ему, что я пилъ за его здоровье, и что я всегда буду другомъ его!"—„Да, я знаю царя русскаго, какъ самого себя", отвѣчалъ Петръ, „и могу увѣрить, что онъ другъ вашъ и врагъ врагамъ вашимъ!" Хозяинъ и гость чокнулись и выпили заздравный кубокъ. „Сохраните эту бездѣлку на память", сказалъ императоръ, отдавая царю свой драгоцѣнный кубокъ. Когда дошло до общихъ тостовъ, царь обратился къ сыну императора, римскому королю Іосифу, говоря: „Уволимъ родителя вашего за его лѣтами, но вы молоды, и можете замѣнить его и потянуться съ нами, осушая кубки за здоровье друзей!" Царь и король роспили полдюжины тостовъ.

Уже собирался царь изъ Вѣны ѣхать въ Италію. Дожъ венеціанскій, папа Иннокентій XII, герцогъ тосканскій, дожъ генуезскій, герцогъ савойскій готовились встрѣчать знаменитаго путешественника. Не знали поѣдетъ-ли онъ во Францію, но Людовикъ XIV-й старался узнать о томъ, и предупредилъ царя, что при дворѣ Версальскомъ окажутъ всѣ приличныя почести его посольству. Извѣстія изъ Москвы разрушили предположенія царя. Онъ принужденъ былъ послать изъ Вѣны назначенныхъ для ученія въ Италію молодыхъ людей однихъ, а самъ долженъ былъ поспѣшить въ Россію. Не излагая еще событій въ Москвѣ во время отсутствія царя, дополнимъ здѣсь разсказъ о путешествіи его по Европѣ.

Въ то время, когда царь пировалъ въ Кенигсбергѣ, Дрезденѣ и Вѣнѣ, работалъ въ Сардамѣ и Дептфордѣ, посылалъ въ Россію цѣлыя колоніи художниковъ, мастеровъ, моряковъ, людей военныхъ, и грузы машинъ, моделей и оружія, политическія отношенія Россіи къ другимъ государствамъ

занимали его безпрерывно. Плотникъ Петръ оставлялъ топоръ и рѣшалъ важные вопросы дипломатическіе. Главными изъ нихъ были тогда утвержденіе короля Августа на польскомъ престолѣ и заключеніе мира съ турками. Людовикъ XIV, заключилъ миръ Ризвикскій, не препятствовалъ ни въ томъ, ни въ другомъ императору, королю Августу и царю. Принцъ Конти, призываемый въ Польшу Сапегою, вдовою Собіескаго, примасомъ королевства польскаго и мятежною шляхтою, явился въ Данцигѣ, 20-го сентября 1697 г., съ шестью французскими фрегатами, но безъ войска и безъ денегъ. Онъ думалъ, что его встрѣтятъ сильныя дружины храбрыхъ приверженцевъ, и увидѣлъ бѣдные отряды несогласныхъ между собою бунтовщиковъ. Сапега полагалъ, что принцъ Конти приведетъ съ собою войско французское и привезетъ милліоны. Принца встрѣтили такъ холодно, что онъ не захотѣлъ даже сойдти съ своего корабля, и когда въ началѣ ноября приверженцы короля Августа разогнали ничтожную конфедерацію друзей Конти подъ Оливою, онъ оставилъ Данцигъ, захвативъ четыре корабля купеческіе, въ вознагражденіе издержекъ, какъ онъ говорилъ. Такое несправедливое дѣло лишило принца Конти остальныхъ друзей въ Польшѣ. Король Августъ короновался въ Краковѣ 18-го сентября, и 12-го января 1698 г. пріѣхалъ въ Варшаву. Примасъ, убѣжденный подарками, призналъ власть его и присягнулъ ему (мая 23-го). Вдову Собіескаго и дѣтей его изгнали изъ Польши. Принцъ Іаковъ получилъ небольшое помѣстье отъ императора въ Силезіи и хотѣлъ въ уединеніи кончить дни свои. Мать его удалилась во Францію и умерла въ городкѣ Блуа, забытая всѣми. Принцъ Конти не думалъ о Польшѣ среди роскоши и великолѣпія двора версальскаго. Только Сапега еще не унимался, но онъ былъ не опасенъ; хотя принуждены были усмирять оружіемъ области литовскія, имъ возмущаемыя. Исполняя обѣщаніе воевать противъ турковъ, король Августъ осадилъ съ своими саксонцами Каменецъ, но безуспѣшно, ибо поляки не дали ему ни денегъ, ни войска, не слушали его, ссорились съ нимъ — доходило почти до битвы.

Царь усердно помогалъ Августу. Онъ просилъ датскаго короля не пропускать чрезъ Зундъ французскихъ кораблей, на которыхъ находился принцъ Конти; при личныхъ свиданіяхъ съ курфирстомъ бранденбургскимъ и королемъ англійскимъ убѣждалъ ихъ не допускать усиленія Франціи въ Европѣ избраніемъ принца Конти на польскій престолъ, писалъ о томъ въ Швецію, угрожалъ Данцигу за пособіе принцу Конти и допущеніе французской эскадры въ данцигскую гавань, и наконецъ велѣлъ князю М. Г. Ромодановскому двинуться съ войскомъ въ Литву по первому требованію короля Августа. Утвердясь на престолѣ, король Августъ писалъ царю, что только пособіемъ Россіи упроченъ вѣнецъ на головѣ его. Въ доказательство благодарности и дружбы, извѣщая о переговорахъ императора и султана о мирѣ, при чемъ императоръ и Венеція вовсе не думали о Польшѣ и Россіи, Августъ увѣрялъ, что не отдѣлитъ пользъ своихъ отъ пользъ царя, и будетъ сражаться, еслибы императоръ и отказался отъ общаго союза. Не думая

воевать, царь искалъ только мира съ Турціею, но мира выгоднаго, и потому сильно возражалъ онъ противъ несправедливости императора, указывая на счастливыя дѣйствія войскъ своихъ, когда императоръ говорилъ ему о недѣятельномъ пособіи со стороны Россіи. Дѣйствительно, русскіе воеводы хорошо исполняли порученіе царя. Въ августѣ 1697 г. Кизи-Кермень и Таванъ выдержали жестокую осаду войска турецкаго и татарскаго, пока Долгорукій и Мазепа шли на помощь осажденнымъ. Турки бѣжали при ихъ приближеніи. Казаки преслѣдовали татаръ до Перекопи. Шеинъ разбилъ 80,000 войско татарское, подходившее къ Азову въ 1697 году, гналъ татаръ за Кагальникъ, прошелъ на Кубань, разорилъ тамъ Атшинскую крѣпость, и принудилъ окрестныхъ черкесовъ и татаръ признать власть царя. Въ бытность свою въ Вѣнѣ, царь убѣдилъ наконецъ императора думать о пользахъ его союзниковъ при начавшихся дѣятельно мирныхъ переговорахъ съ султаномъ.

Нетерпѣливо желалъ тогда царь мира съ турками, ибо къ прежнимъ разсчетамъ его о безполезности войны съ султаномъ присоединилось еще новое, важное и неожиданное обстоятельство.

Карлъ XI-й, король шведскій, умеръ въ апрѣлѣ 1697 года. Мѣсто его заступилъ 15-ти лѣтній юноша, сынъ его, Карлъ XII-й, и Швеція казалась легкою добычею сосѣдей при его малолѣтствѣ. Правленіе Швеціи до совершеннолѣтія юнаго короля ввѣрено было старой королевѣ, бабкѣ его, вдовѣ Карла X. Аристократы шведскіе, оскорбленные Карломъ XI-мъ, отнявшимъ у нихъ помѣстья, волновались. Взятіе помѣстьевъ королемъ особенно возмущало Лифляндію и Эстляндію, ибо тѣмъ нарушались права помѣщиковъ этихъ областей, присоединенныхъ къ Швеціи отъ Польши по Оливскому трактату, въ 1660 году. Депутаты Лифляндіи и Эстляндіи явились въ Стокгольмъ еще при жизни Карла XI-го. „Хорошо", сказалъ онъ, выслушавъ ихъ возраженія. „Вы правы, и говорите, какъ смѣлые и умные люди, но я не хочу слушать рѣчей вашихъ". Депутаты осмѣлились упорствовать; ихъ бросили въ тюрьму. Одинъ изъ нихъ, Іоаннъ Рейнгольдъ Паткуль, успѣлъ убѣжать, явился къ королю Августу, просилъ его защиты, совѣтовалъ воевать, увѣрялъ, что лифляндцы радостно встрѣтятъ своего прежняго властителя. Августъ колебался, не имѣя ни средствъ, ни повода начинать войну. Преслѣдуемый повсюду шведскимъ правительствомъ, Паткуль наполнилъ воплями о несправедливости шведскаго короля всю Европу, писалъ, печаталъ свои протесты, посѣтилъ Парижъ, Римъ, Лондонъ, всюду испрашивая пособія. Смерть Карла XI-го, казалось, могла осуществить надежды Паткуля, тѣмъ болѣе, что безпрерывно притѣсняемые шведами, лифляндцы явно возмущались.

Когда король Августъ думалъ о возвращеніи Ливоніи, курфирстъ бранденбургскій въ свою очередь полагалъ, что можетъ и имѣетъ право усилить себя завоеваніемъ шведской Помераніи. Замыслы свои сообщилъ онъ царю, въ бытность его въ Кенигсбергѣ. Оскорбленный поступками шве-

довъ въ Ригѣ, соображая замыслы Польши и Бранденбурга и волненіе Лифляндіи, царь увидѣлъ возможность, отнять у шведовъ родовыя русскія области, Ингерманландію и Карелію. Онѣ открывали ему путь къ Балтійскому морю, и какъ прежде мысль о Черномъ морѣ увлекла его отъ Архангельска, такъ мысль учредить портъ и верфь на берегахъ балтійскихъ увлекла его отъ Азова и Таганрога. Великія и несравненныя выгоды представляли здѣсь Россіи портъ и флотъ: Россія вступала въ составъ европейскихъ государствъ, даже европейскихъ морскихъ державъ, сближаясь Балтійскимъ моремъ съ Швеціею, Германіею, Даніею, Пруссіею. Русскимъ открывалась дорога въ средину Европы. Могла начаться морская торговля съ Голландіею и Англіею, уже не черезъ отдаленныя сѣверныя моря, но по старой Новгородской дорогѣ, столь извѣстной ганзейцамъ въ древнѣйшія времена. Всѣ сіи обширныя предположенія волновали душу царя, и осуществленіе ихъ тѣмъ болѣе казалось ему возможнымъ, что и датскій король предложилъ ему воевать Швецію въ союзѣ съ нимъ, Польшею и Пруссіею. Кромѣ древней, непримиримой народной ненависти, Данія имѣла особенныя причины на войну съ шведами. Сіи причины составляло владѣніе герцогствомъ Голштейнскимъ, или Голштинскимъ. Когда на датскій тронъ была возведена старшая голштинская линія, младшей предоставлено было владѣніе родовымъ наслѣдствомъ, но на условіяхъ самыхъ запутанныхъ, ибо Голштинія, составляя самобытное княжество, между тѣмъ принадлежала почти равно и датскому королю и герцогу голштинскому. Считаясь самобытнымъ государемъ, герцогъ голштинскій обязывался не измѣнять уставовъ государственныхъ, не могъ ни заключать мира, ни объявлять войны безъ согласія датскихъ королей. Безконечные споры были слѣдствіемъ такой сложной конституціи. Сосѣдніе государи пользовались правомъ вводить войско въ Голштинію и угрожать Даніи, будто бы защищая герцоговъ голштинскихъ отъ притѣсненія датчанъ. Старшая дочь Карла XI-го, Эдвига Элеонора, выдана была за герцога голштинскаго, и король шведскій утвердилъ независимость Голштиніи отъ власти датскихъ королей Альтонскимъ договоромъ 1689 года. Въ исполненіи его поручились герцогу голштинскому Швеція, Англія и Голландія. Старый король датскій, Христіанъ III-й скрылъ безсильную досаду свою, но ссоры его съ зятемъ шведскаго короля, герцогомъ Фридрихомъ IV-мъ, вступившимъ на престолъ голштинскій въ 1695 году, не прекращались и усиливались безпрерывно. Смерть Карла XI-го давала Даніи надежду, что Швеція не въ состояніи будетъ противиться, если король датскій рѣшится разрушить Альтонскій договоръ, и даже присоединить Голштинію къ Даніи. Могла ли отважиться на войну Швеція при сильномъ флотѣ датскомъ, хорошо устроенномъ войскѣ и союзѣ Россіи, Польши и Пруссіи? Заступленіе за Голштинію Англіи и Голландіи было весьма ненадежно. Царь почти не сомнѣвался въ успѣхѣ предполагаемой войны, когда король Августъ предложилъ ему немедленно воевать Швецію. Тайные переговоры съ Пруссіею, Даніею, Польшею начались еще въ Амстердамѣ. Въ іюлѣ 1698 года уже заключенъ

былъ договоръ съ датскимъ королемъ, (нетерпѣливо) желавшимъ начать войну, какъ можно скорѣе.

И тѣмъ прискорбнѣе было царю, когда въ Вѣнѣ получилъ онъ извѣстія изъ Россіи, о которыхъ мы упоминали. Въ то время, когда — властитель Россіи не жалѣлъ трудовъ, здоровья, самой жизни своей для блага подданныхъ, когда онъ обозрѣлъ, собралъ плоды европейскаго просвѣщенія и хотѣлъ подѣлиться ими съ своимъ народомъ, когда открывалась ему новая блестящая будущность могущества и славы русской земли, Россія не оцѣняла, отвергала благодѣянія своего царя, колебалась волненіями, грозила спокойствію, вѣнцу — даже самой жизни царя своего! Но, нѣтъ — царь не могъ обвинять добраго русскаго народа! Народъ, отъ простолюдина до вельможи, всѣ русскіе люди повиновались ему, а возставало только чудовище, которое казалось, было уже задавлено мощною рукою царя, возставало мрачное невѣжество, и представителемъ его были стрѣльцы — мятежная, буйная толпа вооруженной сволочи, недостойной имени воиновъ, толпа, обагрявшая кровью стогны Москвы по волѣ Софіи, помогавшая ей исторгнуть власть изъ рукъ царя, бунтовавшая потомъ противъ самой Софіи и ослабленная ею, но все еще служившая опорою злодѣйскихъ умысловъ Шакловитаго и Циклера! Разскажемъ событія, и они покажутъ намъ опасность послѣдняго, буйнаго покушенія мятежныхъ стрѣльцовъ.

Мы упоминали объ изгнаніи царемъ остатковъ стрѣлецкаго войска изъ Москвы, удаленіи полковъ стрѣлецкихъ въ Астрахань, Сибирь, Азовъ, Малороссію, Псковъ, и преобразованіи другихъ въ полки регулярные. Лишаясь своихъ льготъ, домовъ, имѣній, обращаемые въ рядовую воинскую службу, тяготясь строгою подчиненностью и безпрерывною воинскою обязанностью, вмѣсто прежней временной службы, стрѣльцы дышали злобою, роптали, жаловались, были за то наказываемы, и когда узнали, что царь уѣхалъ изъ Россіи, и что отсутствіе его и слухи о предполагаемыхъ имъ нововведеніяхъ производятъ ропотъ и волненіе въ Москвѣ, они рѣшились воспользоваться случаемъ къ явному бунту. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на бдительность бояръ, управлявшихъ государствомъ, Москва тревожилась нелѣпыми слухами и толками. Одни говорили, что царь умеръ за границею; другіе, что онъ принялъ тамъ нѣмецкую вѣру, предположивъ разрушить православіе; что съ нимъ пріѣдутъ въ Россію проклятые лютеры, папежи и латины; что онъ ввелъ уже въ употребленіе табакъ и хочетъ брить бороды, вводитъ окаянныя дьявольскія потѣхи, казнить старыхъ бояръ, отнимать у староверовъ женъ и дѣтей. Полки стрѣлецкіе, бывшіе съ княземъ Ромодановскимъ на литовской границѣ, первые подняли знамя бунта.

Четыре полка, тамъ находившіеся, нагло отказались отъ повиновенія, прогнали своихъ начальниковъ, забрали пушки и оружіе, и рѣшились своевольно воротиться въ Москву. Слабый Ромодановскій не умѣлъ смирить, не смѣлъ остановить бунтовщиковъ. Мятежники избрали изъ среды своей предводителей, и руководимые изувѣрными попами и раскольниками, выступили

въ походъ. Они шли воинскимъ строемъ, забирали подводы и припасы, разсылали повсюду письма, приглашая всѣхъ православныхъ собираться въ Москву, низвергнуть бусурманское правленіе царя, поддержать церковь, и особенно обращались къ товарищамъ своимъ, припоминая имъ свои обиды и утѣсненія.

Правители государства ужаснулись, скрывали извѣстія о возмущеніи стрѣльцовъ и походѣ ихъ, думали только о томъ, какъ удержать въ повиновеніи Москву, гдѣ начались сильныя волненія при слухѣ о стрѣльцахъ, какъ ни таили донесенія, получаемыя отъ Ромодановскаго. Стрѣльцы шли смѣло и поспѣшно. Толпы ихъ умножались товарищами по городамъ и всякою сволочью. Уже близъ Волоколамска стояли бунтовщики, когда князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ превозмогъ сомнѣнія другихъ бояръ въ совѣтѣ, и убѣдилъ ихъ послать противъ злодѣевъ войско, поручивъ его Шеину и Гордону, возвратившимся тогда изъ азовскаго похода. Робко принялъ начальство Шеинъ Іюня 15-го Гордонъ вывелъ на Ходынку 2,000 преображенскихъ и семеновскихъ солдатъ. Шеинъ выступилъ съ пушками и 8,000 сборнаго войска. Гордонъ убѣдилъ его не стоять подъ Москвою, идти на встрѣчу стрѣльцамъ. Войско двинулось, и 17-го іюня, близъ Воскресенскаго монастыря, на берегу рѣки Истры, увидѣли многочисленныя полчища стрѣлецкія. Бунтовщиковъ было уже болѣе 20,000. Шеинъ началъ съ ними переговоры. Стрѣльцы возгордились, полагая, что царскіе воеводы робѣютъ. Начальники кричали, что все царское войско перейдетъ къ нимъ, и утромъ начали мятежники переправляться черезъ рѣку Истру подъ защитою пушекъ. Шеинъ выстроилъ свои полки, но все еще не смѣлъ начинать битвы. Гордонъ подъѣхалъ къ рядамъ бунтовщиковъ, хотѣлъ говорить съ ними; они грозили стрѣлять въ него. Въ полкахъ стрѣлецкихъ служили между тѣмъ молебенъ; изувѣрные попы кропили ряды злодѣевъ святою водою, заставляя ихъ присягать, что никто изъ нихъ не убоится страха смертнаго за вѣру и православіе, и стрѣльцы яростно ринулись на полки Гордона. Онъ велѣлъ стрѣлять, но щадя несчастныхъ мятежниковъ, направлять выстрѣлы выше головъ ихъ. „Ребята! видите ли? Богъ хранитъ насъ отъ смерти! Ядра не берутъ насъ!“ завопили стрѣльцы и устремились отважнѣе въ бой. Тогда, видя упорство и ослѣпленіе злодѣевъ, Гордонъ велѣлъ стрѣлять картечью. Два залпа смѣшали ряды бунтовщиковъ. Робость овладѣла ими. Преображенцы ударили въ штыки. Стрѣльцы побѣжали, бросали оружіе, сдавались, молили о пощадѣ. Ихъ вязали и забирали въ плѣнъ. Бой между невѣжествомъ и образованіемъ, между суевѣріемъ и просвѣщеніемъ былъ рѣшенъ у стѣнъ знаменитой обители Никона, и — рѣшенъ навсегда.

Обезоруживъ злодѣевъ, по данному полномочію Шеинъ началъ допросъ и судъ. Столь же трусливые и униженные при неудачѣ, сколь буйные прежде, бунтовщики выдали главныхъ зачинщиковъ возмущенія, открыли всѣ свои замыслы и преступныя связи. Желая устрашить строгостью, Шеинъ казнилъ 165 человѣкъ, но онъ не смѣлъ продолжать суда, когда изъ допросовъ на-

чалъ открываться обширный объемъ заговора. Узнали, что царевна Софія возбуждала стрѣльцовъ къ бунту изъ своей кельи; что даже супруга Петра, царица Евдокія участвовала въ заговорѣ, и стрѣльцы готовы были возстать повсюду при удачѣ товарищей въ Москвѣ. Совѣтъ боярскій не смѣлъ ничего рѣшить. Писали къ царю и звали его. Захваченныхъ стрѣльцовъ разослали по ближнимъ къ Москвѣ городамъ и велѣли держать подъ стражею до царскаго указа.

„Другъ мой!“ воскликнулъ царь, въ гнѣвѣ обращаясь къ Лефорту, „поспѣшимъ въ Москву! Согрѣшу ли, если поклянусь именемъ Божіимъ, что не оставлю ни одного изъ злодѣевъ? Смерть всѣмъ!“ Лефортъ успокаивалъ его. Еще изъ Амстердама, получивъ извѣстіе отъ князя кесаря о началѣ мятежа на литовской границѣ, и что потомъ мятежъ сей былъ успокоенъ, царь упрекалъ его, для чего не розыскалъ онъ строже причинъ и начала безпорядка. „Богъ тебѣ судья! Такъ ли приказывалъ я поступать, разставаясь съ тобою!“ писалъ царь. „Откуда на васъ такой бабій страхъ напалъ?“ — „Ты увѣдомляешь“, писалъ онъ къ Ромодановскому изъ Вѣны, 16-го іюля, въ отвѣтъ на извѣстіе о походѣ стрѣльцовъ, „что сѣмя Ивана Михайловича (Милославскаго) сильно растетъ. Будьте крѣпки — ничѣмъ болѣе не утушите сего огня. Я не замедлю, хотя очень жаль, что ради недостойныхъ злодѣевъ должно оставить дѣло полезное отечеству“.

Чего не могъ вообразить себѣ царь, слыша о вооруженномъ возстаніи скопища злодѣевъ, зная наглость и свирѣпость ихъ, робость бояръ и невѣжество народа! Іюля 19-го онъ выѣхалъ изъ Вѣны, оставивъ тамъ для переговоръ о мирѣ посла Возницына. Лефортъ и Головинъ, оставя посольскую свиту и обозъ, поскакали съ царемъ на почтовыхъ безъ отдыха. Царь хотѣлъ только мимоходомъ видѣться лично съ королемъ Августомъ, ожидавшимъ его близъ Варшавы. Іюля 24-го прибылъ онъ въ Краковъ. Здѣсь успокоило его извѣстіе изъ Москвы о разбитіи стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ. Обрадованный тѣмъ, что зло остановлено въ самомъ началѣ, царь предоставилъ себѣ розыскать и искоренить причины его, и уже свободно продолжалъ путь, хотѣлъ было даже возвратиться въ Вѣну и ѣхать въ Италію, но извѣстія изъ Москвы снова встревожили его, когда изслѣдованія показали обширность заговора. Бунтъ могъ вспыхнуть въ другихъ мѣстахъ. Царь рѣшился оставить до другого времени намѣреніе посѣтить Италію. Подробно осмотрѣлъ онъ древнюю столицу королей польскихъ, и отправился въ Величку, славную своими соляными копями. Въ тамошнихъ изумительныхъ подземельяхъ, гдѣ вырублены изъ соляныхъ слоевъ дома и церкви, гдѣ по подземному озеру, въ глубинѣ 150 саженъ, плаваютъ лодки, и гдѣ живетъ цѣлое народонаселеніе, царь ночевалъ, очарованный величіемъ природы. Для него освѣтили всѣ подземелья факелами, огонь которыхъ, отражаясь на соляныхъ кристаллахъ, представлялъ рудникъ волшебнымъ замкомъ какихъ-нибудь подземныхъ гномовъ. Въ мѣстечкѣ Бахніи

царь осмотрѣлъ нѣсколько полковъ саксонскихъ, и въ Равѣ подъ Варшавою съѣхался съ королемъ Августомъ.

Три дня проведено было здѣсь въ пирахъ, смотрѣ войскъ, и особенно въ переговорахъ. Паткуль былъ тайнымъ участникомъ ихъ, Паткуль пылавшій злобою противъ шведовъ, и въ Равѣ положено было тогда между Августомъ и Петромъ, едва кончится война съ Турціею, объявить войну Швеціи. Петръ хотѣлъ отнять Ингерманландію, Августъ Лифляндію. Карловичъ, посолъ короля Августа, и при немъ тайно Паткуль, котораго особенно полюбилъ царь, отправились въ Москву. Тамъ въ ноябрѣ подписали они окончательный договоръ между Россіею и Польшею о немедленной войнѣ съ Шведами.

Царь остановился августа 5-го въ Замостьѣ, у княгини Замойской, и августа 8-го подъ Брестомъ, въ замкѣ гетманши Синявской. Онъ хотѣлъ обласкать гордыхъ пановъ польскихъ, не жалѣлъ имъ подарковъ, дружески пировалъ съ ними, и оставилъ ихъ восхищенными его умомъ, веселостью и щедростью. Августа 19-го переѣхали границу русскую, и царь, съ Лефортомъ, Головинымъ и Карловичемъ, выпили заздравную чашу, стоя на межѣ русской. Почти черезъ полтора года со времени отъѣзда своего изъ Москвы, онъ опять былъ въ Россіи, обогащенный опытами, наблюденіями, волнуемый обширными думами, готовый на великія предпріятія. Августа 20-го царь прибылъ въ Смоленскъ, осмотрѣлъ крѣпость Смоленскую и спѣшилъ въ Москву. Августа 25-го обѣдалъ онъ въ Вязьмѣ у князя Бориса Алексѣевича Голицына. Въ помѣстьѣ Нарышкина - Филяхъ ждали его бояре. Вечеромъ царь скрытно былъ въ Кремлѣ и отправился ночевать въ Преображенское. Долго разговаривалъ онъ тамъ наединѣ съ Гордономъ. На другой день звонъ колоколовъ и пушечная пальба извѣстили Москву о прибытіи царя.

Опишемъ ли громаду впечатлѣній, наблюденій, понятій, мыслей, предположеній, какія тѣснились тогда въ его душѣ, или разговоры его съ своими вѣрными товарищами, передачу имъ мыслей, требованіе отъ нихъ отчетовъ въ исполненіи начатаго имъ? Нѣтъ! можемъ воображать, но исторія не передала намъ подробностей. Замѣнять ихъ вымышленными описаніями, значило бы уничтожать ея достоинство. И для чего? Дѣла говорятъ лучше словъ.

Разсказъ шестой.

Истребленіе стрѣльцовъ. Преобразованія. Миръ съ Турціею и война съ Швеціею.

1698—1700 гг.

Начало славныхъ дѣлъ Петра
Мрачили мятежи и казни,
Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но просвѣтилъ умы наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.

Пушкинъ.

Недовольный слабыми и робкими распоряженіями совѣта бояръ, управлявшаго государствомъ въ его отсутствіе, царь изъявилъ имъ гнѣвъ и негодованіе. Не предупредить возстанія стрѣльцовъ, допустить ихъ дойдти до столицы, и тогда еще сомнѣваться и недоумѣвать, должно ли употребить противъ нихъ оружіе. Потомъ начать изслѣдованіе, видѣть, что не мгновенная, слѣпая ярость руководила бунтовщиковъ, но закоснѣлая злоба созрѣла въ обширномъ заговорѣ, нашедшемъ участниковъ во многихъ мѣстахъ, видѣть, и поспѣшить казнью главныхъ злодѣевъ, оставя изслѣдованіе, ждать царя и самимъ раздѣлять сомнѣніе о продолжительности его отсутствія — что могли произвесть подобныя мѣры и чего могъ ожидать царь отъ своихъ бояръ въ случаѣ тяжкой болѣзни, или смерти своей?

Двѣ отличительныя черты ознаменовали дѣйствія царя по возвращеніи его въ Россію: твердая, рѣшительная воля на преобразованія, и быстрота, съ какою слѣдовали одно за другимъ его новые уставы и распоряженія. Онъ не внималъ уже ни чьимъ противорѣчіямъ требовалъ исполненія воли своей, и не щадилъ ни предразсудковъ, ни суевѣрій, равно подвергая приказу своему знатнѣйшихъ бояръ и грубыхъ простолюдиновъ. Драгоцѣнная стародумамъ борода мгновенно исчезла подъ ножницами и бритвою, и долгополые кафтаны смѣнились европейскою одеждою, когда въ то же время въ обширномъ размѣрѣ набиралось регулярное войско и десятками строились корабли.

Въ одной сторонѣ рыли каналы, въ другой воздвигали крѣпости; при дворѣ открывались балы и танцы, и самое лѣтосчисленіе было измѣнено, сообразно европейскому. И все являлось мѣсяцами, недѣлями, днями. Петръ спѣшилъ — ему надобно было спѣшить, ибо работѣ и труду его конца не было видно, а между тѣмъ, заключая союзы съ европейскими государями, уже готовился онъ начать войну съ непріятелемъ могучимъ.

Строгія изслѣдованія о стрѣлецкомъ бунтѣ начались по пріѣздѣ царя. Всѣ оставшіеся отъ приходившихъ подъ Москву стрѣльцовъ привезены были изъ городовъ въ столицу. Упорство злодѣевъ открыть подробности заговора и бунта, запирательство, противорѣчіе, ложь и ихъ ожесточеніе, принудили царя употребить жестокія истязанія. Съ пытки и съ очныхъ ставокъ выведены были наконецъ безспорныя свидѣтельства, что Софія не только знала о мятежѣ, но возбуждала его своими письмами; что супруга царя, царица Евдокія соглашалась съ нею, и что о немъ вѣдали царевны Марѳа и Марія. Стрѣльцы хотѣли возвести на престолъ Софію, умертвить нѣмцевъ и бояръ, вѣрныхъ царю, а особенно злобились на потѣшныхъ, заступившихъ въ Москвѣ ихъ мѣсто. Они хотѣли вызвать изъ ссылки князя В. В. Голицына, и если царь не умеръ за границею, то ждать его на дорогѣ и умертвить, а въ случаѣ несогласія съ ними московскихъ жителей, зажечь столицу и принудить москвичей соединиться противъ царя. Стрѣлецкіе полки, бывшіе въ разныхъ мѣстахъ Россіи, соглашались подкрѣпить ихъ, и только ждали, чѣмъ кончится дѣло въ Москвѣ. Судъ приговорилъ всѣхъ стрѣльцовъ, захваченныхъ въ бунтѣ, казнить смертью. Царь подтвердилъ приговоръ, раздражаемый нераскаянностью злодѣевъ. Умирая въ пыткахъ, идя на плаху и на висѣлицу, они изрекали богохуленія, произносили ругательства на царя. Онъ не хотѣлъ пощадить даже и Софіи. Тщетно старались убѣдить его на милосердіе. Патріархъ, съ иконою Богоматери въ рукахъ, сопровождаемый духовенствомъ, явился въ Преображенское, говоря: „Государь! Богоматерь пришла къ тебѣ просить помилованія преступникамъ!“ – „Зачѣмъ пришелъ ты сюда съ святою иконою?“ воскликнулъ раздраженный царь, „Я боюсь Бога и чту святую матерь его, но исполненіе долга моего требуетъ казни злодѣямъ, и Богъ накажетъ меня, если я не исполню моей обязанности! Иди — поставь на мѣсто святой образъ и не дерзай противиться неумолимому правосудію!“ — Весь октябрь происходили судъ, приговоры и казни на преображенскомъ полѣ. Осужденныхъ возили туда на тѣлегахъ, въ саванахъ, съ зажженными въ рукахъ свѣчами. Приговоръ каждаго преступника громогласно былъ объявляемъ народу. Все безмолвствовало передъ грознымъ царемъ. Но голосъ одного былъ еще доступенъ сердцу Петра — голосъ друга его Лефорта. Не смотря на ненависть, какую особенно изъявляли противъ сего любимца царскаго всѣ стрѣльцы, назначая его первою жертвою своей свирѣпости, онъ сдѣлался ихъ ходатаемъ, представилъ царю, что долгъ государей преслѣдовать преступленіе, но не ожесточать казнью преступниковъ, оспорилъ всѣ возраженія разгнѣваннаго монарха и царь убѣдился его сло-

вами. Онъ изрекъ помилованіе бунтовщикамъ и прекратилъ казни. Осужденныхъ на казнь мучительную но еще не казненныхъ, сослали въ Сибирь, послѣ тѣлеснаго наказанія. Въ февралѣ 1699 года, когда привезены были въ Москву обвиненные въ злоумышленіи стрѣльцы изъ отдаленныхъ городовъ, судъ и казнь возобновились, но продолжались краткое время, и казнены были только самые закоснѣлые злодѣи.

Событія печальныя — къ несчастію, дошли до потомства въ ложныхъ, нелѣпыхъ разсказахъ иностранцевъ, и въ клеветахъ людей, повторявшихъ преувеличенные разсказы. Многіе утверждали, что десятки тысячъ стрѣльцовъ были казнены; что всѣ стѣны кремлевскія были увѣшаны головами стрѣльцовъ, и будто бы даже — клевета отвратительная — самъ царь рубилъ стрѣльцамъ головы, хвалясь своею силою и своимъ удальствомъ! Справедливо, что Петръ вначалѣ не хотѣлъ никого миловать, и что казни и пытки многихъ стрѣльцовъ были безпощадны, но вспомнимъ духъ вѣка и страшное преступленіе злодѣевъ, требовавшее примѣра строгости. Число казненныхъ стрѣльцовъ нелѣпо увеличено: по всѣмъ соображеніямъ можно полагать, что ихъ казнено было тогда около тысячи. Замѣтимъ еще, что современники не думали осуждать царя за жестокость наказаній; что въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ, Англіи, Франціи, Германіи, казни были тогда безпощадны и свирѣпы, а пытки считались необходимымъ средствомъ узнанія истины. Не оправдаемъ ли вполнѣ грознаго царя, если вспомнимъ, какое гибельное зло долженъ былъ онъ предупредить, и что могло быть при успѣхѣ стрѣльцовъ, когда въ ихъ преступленіи участвовали даже сестры и супруга царя? Увидимъ впослѣдствіи, что и строгость наказаній не истребила окончательно корней зла; что скрываясь въ тайнѣ отъ прозорливости царя, оно погубило потомъ сына его, переданное ему, какъ тлетворная зараза, и что даже въ то время, когда въ Москвѣ падали на плахѣ головы бунтовщиковъ, злодѣи уже составляли заговоры въ другихъ мѣстахъ, и еще долго потомъ тревожили, смущали великаго царя среди его подвиговъ, пользуясь каждымъ случаемъ, каждою возможностью возставать противъ святой воли мудраго помазанника Божія. „Какъ врачи въ антоновомъ огнѣ и другихъ великихъ болѣзняхъ“, говоритъ одинъ изъ современниковъ Петра, очевидецъ казни бунтовщиковъ, „употребляютъ жестокія средства, огонь и желѣзо, для сохраненія здоровыхъ частей тѣла, какъ мореплаватель бросаетъ въ море часть своего нагруженія, дабы избѣжать кораблекрушенія, такъ судья и царь для минованія государственнаго опроверженія долженъ давать въ злобныхъ бунтахъ образцы и приклады казни, дабы смотря на нихъ народы въ покорности содержались“.

Дополнимъ нѣкоторыми подробностями судъ надъ стрѣльцами, и поспѣшимъ опустить завѣсу надъ грустнымъ событіемъ, омрачившимъ свѣтлое надеждами возвращеніе царя въ отечество.

Изрекая помилованіе стрѣльцамъ, царь отвергъ мысль и о наказаніи Софіи. Онъ оставилъ ее по прежнему въ Новодѣвичьемъ московскомъ мона-

стырѣ, хотѣлъ только видѣть ее, хотѣлъ, можетъ быть, упреками пробудить въ ней уснувшую совѣсть, и — простить ее. Лефортъ, опасаясь слѣдствій свиданія, сопровождалъ царя. Софія не думала купить милости смиреніемъ. Она отвѣчала оправданіями, упреками и слезами на слова брата, и до того разгнѣвала его, что онъ схватился за мечъ свой. „Государь!“ воскликнулъ Лефортъ, удерживая его— „вспомни, что она сестра твоя!“—Поспѣшно оставилъ царь келью Софіи. „Какъ она умна и какое у нея злое сердце!“ сказалъ онъ Лефорту, въ задумчивости остановясь у воротъ монастырскихъ. Слезы невольно потекли изъ глазъ его. Но отнимая у Софіи средства вредить впослѣдствіи, царь требовалъ, чтобы она отреклась отъ міра, приняла санъ монашескій, и 21-го октября 1698 года, Софія надѣла покрывало инокини, нареченная именемъ Сусанны. Нѣсколько висѣлицъ поставлено было передъ окнами жилища ея, и преступникамъ, на нихъ повѣшеннымъ, вложены были въ руки просьбы, которыя хотѣли они подать Софіи о принятіи престола.— Царь не хотѣлъ видѣть недостойной супруги своей, расторгъ съ нею бракъ свой, и властью своею, какъ царь, опредѣлилъ ей заточеніе въ монастырѣ. Евдокія была отослана въ Суздальскій Покровскій монастырь, пострижена тамъ и приняла въ монашествѣ имя Елены.— Царевна Марѳа Алексѣевна, смиряя гнѣвъ брата раскаяніемъ, добровольно удалилась въ монастырскую обитель, приняла монашескій чинъ, и скончалась въ 1707 году, подъ именемъ старицы Маргариты. За три года до ея смерти умерла Софія, принявши схиму въ тяжкой болѣзни передъ кончиною. Одинокая гробница ея, урокъ честолюбію, поученіе о суетѣ и превратности міра, находится въ той обители, гдѣ провела она пятнадцать послѣднихъ лѣтъ своей жизни.— Трупы всѣхъ казненныхъ стрѣльцовъ погребены были внѣ Москвы по дорогамъ. Надъ ихъ могилами воздвигнуты были каменные столбы, съ чугунными досками, на которыхъ въ надписяхъ изображены были преступленія бунтовщиковъ и постигшая за то праведная казнь. Всѣ стрѣлецкіе полки велѣно повсюду уничтожить. Люди изъ нихъ поступили въ новые полки и разверстаны по гарнизонамъ. Самое имя стрѣльцовъ было навсегда истреблено. Князь М. Г. Ромодановскій, допустившій своею оплошностью возстаніе стрѣлецкихъ скопищъ, былъ сосланъ въ его помѣстья. Стрѣльцы, находившіеся въ Азовѣ, воспротивились уничтоженію ихъ полковъ. Но безсильные противостать волѣ царской, они смирились послѣ наказанія главныхъ зачинщиковъ смятенія, и не противорѣчили приказу царскому.

Едва дѣло стрѣльцовъ было кончено, осенью 1698 года, царь спѣшилъ осмотрѣть воронежскую верфь, гдѣ нашелъ строеніе кораблей въ надлежащемъ порядкѣ. Грозныя морскія силы готовы были двинуться отсюда по Дону. Соединеніе Дона съ Волгою напротивъ оказалось неудачнымъ. Каналъ начинали рыть тамъ, гдѣ рѣки Иловля и Камышенка, одна впадая въ Донъ, другая въ Волгу, сходятся вершинами. Царю представляли о невозможности исполненія плана, но не вѣря искусству прежняго инженера, онъ отправилъ туда прибывшаго изъ Англія инженера Перри, и самъ посѣтилъ изъ Воро-

нежа Азовъ, гдѣ былъ весьма недоволенъ крѣпостными строеніями. Онъ смѣнилъ управлявшаго работами инженера Лаваля. Посѣтивъ Таганрогъ, онъ велѣлъ садить въ окрестностяхъ его дубовые жолуди и разводить лѣса, а на обратномъ пути осмотрѣлъ войско, собиравшееся, противъ татаръ въ Бѣлгородѣ.

Возобновленіе суда надъ стрѣльцами задержало царя въ Москвѣ въ началѣ 1699 года. Его тревожила также опасная болѣзнь Лефорта. Уже давно, изнуренное трудами и ранами, здоровье сего единственнаго друга царскаго, безпокоило царя, тѣмъ болѣе, что Лефортъ не перемѣнялъ образа жизни, не хотѣлъ ни отдохнуть отъ дѣлъ, ни быть умѣреннѣе въ наслажденіяхъ жизнью. Послѣдній часъ его приближался.

Между тѣмъ съ 15 сентября 1698 года начались переговоры союзниковъ о мирѣ съ турками, и въ перый разъ среди другихъ европейскихъ дипломатовъ явился здѣсь представитель Россіи Возницынъ, уполномоченный царемъ. Онъ не уронилъ достоинства Россіи на конгрессѣ, гдѣ рѣшались запутанные политическіе вопросы. Переговоры происходили въ мѣстечкѣ Карловицѣ близъ Петервардейна. Тутъ были послы императора, султана, Польши, Венеціи, Россіи, и посредники между ними, послы англійскій и голландскій. Споры шли жаркіе и продолжительные. Каждый изъ союзниковъ радъ былъ кончить продолжительную 14 ти лѣтнюю войну, но никто не думалъ уступать. Наконецъ заключено было въ декабрѣ 1698 года перемиріе на два года съ предоставленіемъ каждому изъ договарившихся государствъ говорить отдѣльно о мирѣ болѣе прочномъ. Турція уступала союзникамъ на время всѣ ихъ завоеванія, отказывалась отъ Венгріи, отъ Каменца, отдавала венеціанамъ Морею, Россіи Азовъ. Царь требовалъ еще Керчи, желая имѣть въ рукахъ своихъ ключъ къ Азовскому морю и мѣсто пріюта въ Крыму, но всѣ старанія посла его были тщетны. Союзники худо подкрѣпляли требованія царя, и онъ отказался отъ обладанія Керчью, даже согласился отдать туркамъ крѣпости на Днѣпрѣ, Кизи-Кермень и Таванъ, обладаніе которыми требовало издержекъ и не приносило пользы, если Россія не могла притомъ владѣть устьемъ Днѣпра. Надобно было уступать. И безъ того никогда еще Турція не была унижена въ такой степени. Царь торжествовалъ перемиріе Карловицкое пирами и весельями при дворѣ. Января 6-го, въ день Богоявленія, видѣли его командующимъ войсками на льду Москвы рѣки. Онъ долженъ былъ послѣ сего поспѣшать въ Воронежъ, куда отправился 22-го февраля 1699 года.

Горестно прощался онъ съ Лефортомъ, предчувствуя, что уже не увидится съ нимъ болѣе. Составленіе сильнаго корпуса войскъ въ Бѣлгородѣ, ибо затрудненіе въ окончательномъ и прочномъ мирѣ съ Турціею принуждало царя показать султану готовность свою воевать, и сооруженіе флота въ Воронежѣ, которымъ хотѣлъ онъ подкрѣпить переговоры и обезопасить завоеванія, требовали его личнаго присутствія вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ готовились флотъ и войско. Съ нимъ отправились преображенскій, семеновскій

и бутырскій полки, и поѣхали прусскій, прибывшій тогда въ Москву посланникъ, и посланникъ польскій Карловичъ. Управленіе Москвою оставлено было князю Михаилу Черкаскому, нѣкогда столь смѣло защищавшему Матвѣева отъ рукъ стрѣльцовъ.

Царь велѣлъ ежедневно увѣдомлять себя о здоровьѣ Лефорта, и вскорѣ печальная вѣсть подтвердила ему грустное предчувствіе — Лефортъ скончался марта 12-го, 1699 года. Онъ сохранилъ веселость и присутствіе духа до конца жизни. Чувствуя приближеніе послѣдней минуты, онъ велѣлъ играть тихую мелодію и читать въ слухъ оду Горація къ Делію (Aequam memento rebus in arduis), гдѣ безпечный поэтъ-философъ велитъ наслаждаться жизнью, вспоминаетъ о смерти, и шутя говоритъ:

Пусть смерть зайдетъ къ намъ ненарокомъ,
Какъ добрый, но нежданный другъ!

„Я потерялъ лучшаго друга моего, когда онъ мнѣ всего болѣе былъ надобенъ!“ воскликнулъ царь, заливаясь слезами. Немедленно отправился онъ въ столицу, и 21-го марта Москва увидѣла торжественныя похороны перваго русскаго адмирала, отправленныя по европейски. Траурныя кареты, царь, иностранные послы, бояре и войско въ траурѣ, печальная музыка во время шествія, пушечная пальба при опущеніи гроба въ могилу, изумляли москвитянъ. Царь рыдалъ неутѣшно, велѣлъ еще разъ открыть гробъ друга своего на могилѣ, и еще разъ простился съ нимъ до свиданія въ другомъ лучшемъ мірѣ. Многіе изъ бояръ не могли скрыть своей радости, видя смерть любимца царскаго. „Неблагодарные!“ говорилъ имъ оскорбленный ими царь, „если вы не цѣните заслугъ его Россіи, оцѣните хотя слезы мои!“ Потомство повторитъ слова Петра Великаго. Заслуги друга его Лефорта всегда будутъ въ памяти русскихъ. Лефортъ умеръ 45 ти лѣтъ. Не смотря на богатства, которыхъ не жалѣлъ жаловать ему царь, у Лефорта почти ничего не осталось. При разгульной жизни, онъ дѣлился добромъ своимъ съ кѣмъ только могъ, и не жалѣлъ траты на дѣла полезныя для чести Россіи и славы царя ея. Во всю жизнь свою Петръ не забывалъ Лефорта. Черезъ пять лѣтъ послѣ смерти друга своего писалъ онъ къ Головину: „Въ первый разъ сегодня былъ я такъ веселъ послѣ кончины Лефортовой“. Онъ вызвалъ сына Лефортова изъ Женевы, гдѣ онъ воспитывался, и записалъ его въ свою роту поручикомъ. Юноша подавалъ большія надежды, но къ прискорбію царя, скончался въ 1702 году. на 18 мъ году отъ рожденія. Съ нимъ пресѣкся родъ Лефорта. Двое племянниковъ адмирала отличались заслугами и достигли высшихъ чиновъ въ русской службѣ. Замѣчательно, что намъ неизвѣстна нынѣ могила Лефорта. Знаемъ, что онъ былъ похороненъ на кладбищѣ лютеранской церкви, въ московской нѣмецкой слободѣ, но при перенесеніи старой церкви на другое мѣсто, прежнее мѣсто ея было продано, занято строеніями, и всѣ надгробные памятники исчезли подъ рукою невнимательнаго невѣжества современниковъ! Знаемъ, что царь велѣлъ положить на

могилѣ Лефорта мраморную доску, и въ надписи на ней сказано было, что Лефортъ „на опасной высотѣ счастія стоялъ непоколебимо, былъ Зопиръ въ отечествѣ и Цинеасъ внѣ его, покровитель наукъ, Меценатъ ученыхъ, другъ своего государя, любимый имъ, какъ Эфестіонъ Александромъ. Все чему онъ научилъ Россію своею жизнью, трудомъ и мужествомъ, будетъ незабвенно". „Остерегись прохожій"—заключала надпись—„не попирай ногами сего камня: онъ омоченъ слезами великаго монарха!..." Гдѣ нынѣ сей драгоцѣнный камень?

Немедленно послѣ отданія послѣдней чести Лефорту, царь уѣхалъ въ Воронежъ, куда слѣдовали за нимъ бояре и многіе чиновники. „Трудимся, по слову Божію къ Адаму, и снѣдаемъ хлѣбъ въ потѣ лица", писалъ оттуда царь патріарху. Онъ заложилъ тогда въ Воронежѣ огромный корабль, названный имъ Предопредѣленіе, и работалъ надъ нимъ самъ, управляя всѣми другими работами. Въ Воронежѣ бесѣда съ святымъ архипастыремъ, епископомъ Митрофаномъ, услаждала часы досуга царскаго Благочестивый Митрофанъ душею преданъ былъ царю, постигалъ мудрость дѣлъ его, жертвовалъ ему деньгами, какія получалъ по своему сану, живя самъ, какъ инокъ и постникъ. Разскажемъ здѣсь случай, показавшій благочестіе и смиреніе пастыря и великодушіе царя, истреблявшаго суевѣріе и изувѣрство, но умѣвшаго награждать ревность истинной вѣры и сердечнаго благочестія. Св. Митрофанъ былъ позванъ однажды къ царю и пріѣхалъ къ нему, но увидя при входѣ въ царскій дворецъ статуи миѳологическихъ боговъ, поставленныя для украшенія, воротился домой. Изумленный царь послалъ спросить о причинѣ его внезапнаго удаленія. „Не войду въ домъ, гдѣ находятся истуканы языческіе! Пусть государь велитъ уничтожить ихъ!" отвѣчалъ благочестивый епископъ. Царь разгнѣвался, велѣлъ сказать ему, что его непослушаніе накажетъ онъ смертью. „Да будетъ воля царя!" отвѣчалъ епископъ, приказалъ благовѣстить, отслужилъ всенощную, причастился Св Тайнъ и готовился на кончину. Царь, изумленный доблестію праведника, велѣлъ снять статуи, призвалъ къ себѣ святителя, просилъ у него прощенія въ необдуманномъ гнѣвѣ и еще болѣе началъ съ тѣхъ поръ уважать его. Св. Митрофанъ скончался въ 1703 году. Бывши тогда въ Воронежѣ, царь присутствовалъ при его погребеніи, несъ гробъ его самъ, вмѣстѣ съ другими, и почтилъ память его слезами, говоря: „Не осталось уже у меня болѣе святителей столь благочестивыхъ и столь праведныхъ!" Мощи св. Митрофана, обрѣтенныя нетлѣнными черезъ 130 лѣтъ, просіяли чудесами въ благополучное царствованіе великаго потомка и наслѣдника престола и дѣлъ Петровыхъ.

Желая скорѣе кончить споры съ султаномъ и обезпечить себя прочнымъ миромъ, царь назначилъ въ Царьградъ посла, думнаго дьяка Украинцова. Онъ долженъ былъ обнадежить султана въ миролюбивомъ расположеніи царя и заключить съ Турціею окончательный трактатъ. Въ концѣ іюля царь былъ въ Азовѣ, куда пришли тогда по Дону новопостроенныя суда. Флотъ царскій, состоявшій изъ 10-ти кораблей и многихъ фрегатовъ, галеръ и мел-

кихъ судовъ, нѣсколько дней производилъ морскіе маневры на Азовскомъ морѣ, и потомъ проводилъ до Керченскаго пролива сорока-пушечный фрегатъ Ластку, гдѣ находился посолъ Украинцовъ, съ большою свитою и съ 200 солдатъ преображенскихъ. Турецкій паша, начальствовавшій у Керчи флотомъ турецкимъ, съ почестью встрѣтилъ царя и отрядилъ четыре корабля провожать Ластку до Царьграда. Съ громомъ пушечныхъ выстрѣловъ приблизился тогда въ первый разъ русскій корабль къ стѣнамъ бывшей столицы греческихъ императоровъ, черезъ семь столѣтій послѣ того времени, когда имя руссовъ заставляло здѣсь трепетать императоровъ византійскихъ въ ихъ золотомъ Вукалеонѣ.

Въ Азовъ пріѣхалъ къ царю Возницынъ, возвратившійся въ Россію послѣ Карловицкаго конгресса и вызванный имъ для переговоровъ изъ Москвы Царь прибылъ потомъ въ Москву уже 25-го сентября.

Здѣсь, въ декабрѣ 1699 года, опечалила его новая потеря: скончался товарищъ Лефорта Гордонъ, посвятивъ русской службѣ около сорока лѣтъ, проведенныхъ въ безпрерывныхъ походахъ и трудахъ. Царь провожалъ гробъ Гордона до могилы. Приписывая ему славу взятія Азова и разбитія стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, царь горестно произнесъ на могилѣ его, бросая землю на его гробъ. „Онъ подарилъ меня обширною областью и спасъ мое царство, а я награждаю его только горстью земли!“ Гордонъ былъ не Лефортъ—угрюмый, своенравный, англичанинъ въ душѣ, хотя прожилъ весь вѣкъ въ Россіи, но его умъ, честность, храбрость, опытность въ военной наукѣ, уроки и наставленія царю въ юности, усердіе до конца жизни, стоятъ нашего благодарнаго вспоминанія. И Гордонова могила также неизвѣстна намъ, вѣроятно, замѣшанная среди другихъ могилъ на московскомъ католическомъ кладбищѣ. Старшій сынъ Гордона еще при жизни отца уѣхалъ въ Шотландію. Двое другихъ сыновей служили въ Россіи.

Лефорта и Гордона недолго пережилъ сотрудникъ ихъ въ азовскихъ походахъ, воевода А. С. Шеинъ. Онъ умеръ въ 1700 году (февраля 12 го). „Не дивитесь“, сказано на надгробномъ памятникѣ его въ Троице-Сергіевой лаврѣ, „не дивитесь, если видите мертвымъ сильнаго воеводу: и великіе вожди карталинскіе, Эней и Аннибалъ, уснули сномъ смертнымъ, но они сидятъ въ сѣни смертной, а сей безсмертенъ православіемъ!“ Впрочемъ, открытіе разныхъ злоупотребленій по службѣ и робость при походѣ на стрѣльцовъ, лишили въ послѣдніе годы Шеина довѣренности и дружбы царя.

Въ утратѣ прежнихъ товарищей труда могло утѣшить царя прибытіе Б. П. Шереметева. Въ февралѣ 1699 года возвратился Шереметевъ въ Москву, объѣхавъ Италію, посѣтивши Мальту, гдѣ выходилъ онъ въ море на корабляхъ Мальтійскихъ рыцарей. Принятый въ Вѣнѣ, Венеціи, Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ съ великою почестью, Шереметевъ предсталъ передъ царемъ обритый, во французскомъ кафтанѣ, съ мальтійскимъ крестомъ на груди. Царь расцѣловалъ его при первомъ свиданіи. Шереметевъ нав-

сегда остался другомъ его и близко довѣренною особою, переименованный изъ бояръ въ генералы.

Несмотря на тревоги, причиняемыя судомъ стрѣльцовъ, скорби семейныя, потерю добрыхъ помощниковъ, двукратныя путешествія въ Воронежъ и Азовъ, маневры на Азовскомъ морѣ, заботы о мирѣ съ Турціею. переговоры о войнѣ противъ шведовъ съ Пруссіею, Польшею и Даніею, царь началъ преобразованія, и первымъ изъ нихъ по пріѣздѣ былъ указъ брить бороды и не носить долгополаго стариннаго платья. Спутники его за границу, начиная съ пословъ Головина и Возницына, явились въ Москву уже всѣ одѣтые по иностранному и безъ бородъ. Кромѣ крестьянъ и духовенства, военные и гражданскіе чиновники, купцы, посадскіе, всѣ должны были слѣдовать примѣру ихъ. Большая пеня, преслѣдованіе судомъ, стриженіе бородъ и обрѣзываніе долгополаго платья на улицахъ чрезъ особыхъ приставовъ, угрожали каждому непослушному. Платье взамѣнъ русскихъ кафтановъ сначала назначено было венгерское, а потомъ, по выбору каждаго, нѣмецкое или французское. Всѣ женщины должны были одѣваться по нѣмецки. Пресѣкая роскошь, царь подалъ тому первый примѣръ: отмѣнилъ множество расходовъ по своему двору, и уничтожилъ толпу безполезныхъ царедворцевъ, обративъ ихъ въ военную службу и посылая учиться за границу. Можно судитъ о важности сего преобразованія потому, что изъ денежнаго отпуска на содержаніе собственнаго двора и дворовъ царевича Алексѣя, тетки, сестеръ, невѣстокъ и племянницъ, и до отъѣзда царскаго за границу ограниченнаго уже 55,000-ми рублей, царь убавилъ еще 20,000, приказавъ отпускать только 35,000 рублей. Изгоняя роскошь при дворѣ обращая все что прежде шло на казенный, конюшенный, житенный, хлѣбный, кормовой, сытенной дворы, въ государственный расходъ, царь уничтожилъ по пріѣздѣ своемъ въ Россію цѣлые полки царскихъ стремянныхъ, псарей, ключниковъ, портныхъ, серебрянниковъ, сапожниковъ и прочихъ придворныхъ служителей. Всѣхъ прежнихъ дворцовыхъ стольниковъ, стряпчихъ, дворецкихъ, шатерничихъ, ясельничихъ, чашниковъ, чарошниковъ, замѣнили у него немногіе чиновники, нѣсколько адъютантовъ и опредѣленныхъ для услугъ самому царю деньщиковъ и слугъ. Можно видѣть роскошь царскаго двора до царствованія Петра Великаго изъ того, что на царскихъ конюшняхъ содержалось тогда болѣе 3000 лучшихъ лошадей и 40,000 лошадей рабочихъ; конюшенныхъ царскихъ прислужниковъ было до 600, кухонныхъ болѣе 300, погребныхъ до 300, Каждый день отпускалось съ царской кухни 3000 блюдъ кушанья, и на царскій дворъ привозили ежегодно по 20,000 берковцовъ рыбы изъ Архангельска, кромѣ 400 бочекъ рыбы изъ Новгорода и рыбныхъ запасовъ изъ Астрахани. Хлѣбнаго вина выходило на царскій дворъ ежегодно 120,000 ведеръ, и въ двое болѣе того пива и медовъ. Разрушивъ недоступность царской особы, царь удалилъ отъ дворца многочисленную стражу; оставилъ всѣ прежніе дорогіе царскіе экипажи — ѣздилъ въ маленькой одноколкѣ, съ однимъ

деньщикомъ, и часто ходилъ пѣшкомъ одинъ. Уничтоживъ азіятскій образъ пріема пословъ, изгнавъ царскую стражу и тысячи тунеядцевъ изъ дворца своего, до тѣхъ поръ ограждавшихъ царя, какъ будто недоступною стѣною, царь позволилъ каждому приходить прямо къ нему во дворецъ, подавать ему лично просьбы всюду, гдѣ только его встрѣтятъ. Самъ онъ читалъ всѣ прошенія, самъ писалъ указы и бумаги, когда до него цари не подписывали даже грамотъ къ другимъ государямъ. Еще до отъѣзда за границу отмѣнена была старинная форма царскихъ граматъ, посылаемыхъ къ государямъ. Послы иностранные, не дожидаясь торжественныхъ аудіенцій, являлись теперь прямо по пріѣздѣ своемъ къ царю, иногда подавали ему граматы, не торжественно, не во дворцѣ, но гдѣ нибудь на крѣпостной работѣ, на корабельной верфи, при воинскомъ ученіи. Отмѣнены были всѣ великолѣпные, чинные царскіе обѣды. Царь обѣдалъ запросто, со всѣми безъ различія; приглашалъ къ себѣ всѣхъ, не разбирая чиновъ, на свои простыя, веселыя разгулья; самъ нерѣдко посѣщалъ, не только чиновниковъ, но купцовъ и посадскихъ. Иногда крестилъ онъ дитя у какого нибудь ремесленника, обѣдалъ съ простымъ мужикомъ, заходилъ выпить рюмку водки къ дьячку, или къ своему любимому солдату. Строго воспрещено было становиться на колѣни при встрѣчѣ съ нимъ и кланяться ему въ землю. Возвращая достоинство человѣка своимъ подданнымъ, царь запретилъ подписываться въ просьбахъ полуименемъ (Филька, Ѳедька, Ивашка). Разрушая такимъ образомъ вокругъ себя тяжелое и грубое великолѣпіе и чинность старины, царь требовалъ того же отъ вельможъ и чиновниковъ своихъ; бояре уже не смѣли выѣзжать окруженные толпою своихъ холопей, распустили дворню, уничтожили десятки тысячъ своихъ псарей, приспѣшниковъ, слугъ. Съ введеніемъ простого нѣмецкаго платья исчезли въ одеждѣ золото, драгоцѣнные каменья, дорогіе мѣха, бархаты, все что прежде составляло роскошную принадлежность одѣянія вельможи и богача.

Безпорядокъ въ общественныхъ отношеніяхъ, происходившій отъ произвольнаго писанья разныхъ актовъ, былъ уничтоженъ введеніемъ гербовой бумаги (то есть, бумаги, заклейменной гербомъ царскимъ, съ платою за то въ казну), уничтоженіемъ площадныхъ писцовъ, приказаніемъ писать всѣ акты на установленной гербовой бумагѣ, въ приказахъ, не довольствуясь, какъ прежде, простымъ свидѣтельствомъ частныхъ лицъ. Уложеніе царя Алексія, содержа въ себѣ только главныя формы судоведенія, и нѣкоторыя уголовныя замѣтки, было недостаточно. Его дополняли безчисленнымъ множествомъ царскихъ указовъ, данныхъ разнымъ приказамъ, мѣстными обычаями, толкованіями и приложеніями къ прежнимъ рѣшеніямъ. Можно вообразить всю юридическую путаницу, отъ того происходившую, когда въ рѣшеніяхъ дѣлъ соединялись и извѣстные всѣмъ законы, и частные указы царей, и рѣшенія бояръ по приказамъ и произвольныя истолкованія, если притомъ для обнародованія указовъ и законовъ не было никакой опредѣленной формы и средствъ. Царь приказалъ собрать всѣ указы, рѣшеніи и

статьи приказныя, дополнить ими уложеніе, привесть ихъ въ порядокъ и издать для руководства судей и народа, напечатавъ сіе сводное уложеніе, чтобы всѣ знали его и невѣдѣніемъ закона не отзывались. Для рѣшенія дѣлъ по торговлѣ и завѣдыванія городскими сборами учредилъ онъ ратуши и магистраты. Купцы были объявлены подсудными избраннымъ изъ среды ихъ бургомистрамъ и судьямъ. Въ 1699 году изъ Сибири отправленъ былъ по царскому повелѣнію первый купеческій караванъ въ Пекинъ. Рудознатцы, посланные царемъ въ Сибирь, открыли тамъ пріиски желѣза и другихъ металловъ, и царь велѣлъ устроивать заводы. Желая получить болѣе полныя понятія о безграничныхъ пространствахъ сибирскихъ, онъ велѣлъ составить карту Сибири (въ 1697 г), какъ уже составлены были тогда по его повелѣнію карты рѣки Дона и Азовскаго моря. Въ 1697 г. русскіе открыли Камчатку и передали въ Москву первыя извѣстія о „великомъ царствѣ на островахъ океана“ — Японіи. — По пріѣздѣ изъ Англіи въ Москву математика Фархварсона, царь учредилъ училище для изученія чистой и прикладной математики и навигаціи, подъ названіемъ Навигаторскаго. Мѣстомъ его назначена была Сухарева башня. Здѣсь положено было прочное начало образованію русскихъ ученыхъ инженеровъ, сухопутныхъ и морскихъ офицеровъ. Видя чудныя орудія, глобусы, трубы, циркули въ новомъ заведеніи, народъ думалъ, что математики занимаются на Сухаревой башнѣ колдовствомъ, и простолюдины толковали, что тамъ производится проклятое чернокнижіе. Для мелкихъ разсчетовъ въ народномъ обращенія велѣно бить мѣдную монету. Царь вызвалъ въ Москву нѣмецкихъ актеровъ и разрѣшилъ имъ всенародное представленіе комедій и пантомимъ, въ нарочно выстроенной на Красной площади комедіальной храминѣ. Комедіянты позволили себѣ шутку при самомъ началѣ: объявили, что 1-го апрѣля будетъ представлено зрѣлище дивное и неожиданное. Примѣромъ своимъ поощряя подданныхъ знакомиться съ чуждыми до тѣхъ поръ обычаями, самъ царь пріѣхалъ посмотрѣть обѣщанныхъ диковинокъ. Открылся занавѣсъ, и на транспарантѣ явилась надпись: Первое апрѣля. „Господа посѣтители должны знать;“ объявилъ вышедшій актеръ, „что перваго апрѣля позволено всѣмъ обманывать. Извините, если мы пользуемся общимъ правомъ — болѣе ничего не будетъ! — Царь засмѣялся, сказалъ: „они правы, да только впередъ имъ вѣрить не будутъ — это также обще право!“ и уѣхалъ изъ театра. Тогда же, для ознакомленія съ дѣлами европейскими, царь велѣлъ издавать печатныя вѣдомости, или газеты, обо всѣхъ событіяхъ въ Европѣ и въ другихъ частяхъ свѣта. Съ уничтоженіемъ прежнихъ придворныхъ чиновъ уничтожены были царемъ и прежнія званія бояръ, окольничихъ, стольниковъ, думныхъ дворянъ. Имѣвшіе сіи званія, отставные доживали свой вѣкъ (послѣдній бояринъ, князь И. Ю, Трубецкой, умеръ въ 1750 году), а вновь жалуемыхъ не было. Старинныя названія и отличія замѣнялись новыми, хоть не было еще заведеннаго, непремѣннаго порядка, и чины и названія зависѣли отъ произвола царя. Для награды заслугъ, по примѣру другихъ государствъ,

вмѣсто медалей и награжденій кафтанами и кубками, царь учредилъ первый въ Россіи орденъ св. апостола Андрея, по преданіямъ, перваго благовѣстника христіанской вѣры въ Кіевѣ. Знакъ сего ордена составило ношеніе Андреевскаго, или такъ называвшагося прежде, Бургундскаго креста, съ надписью: за вѣру и вѣрность, на голубой лентѣ, съ праваго на лѣвое плечо, при звѣздѣ восьмиконечной на лѣвой груди. Статутъ и правила орденскія были утверждены вполнѣ гораздо послѣ начала ордена. Первые два кавалера Андреевскіе были Ѳ. К. Головинъ, по кончинѣ Лефорта пожалованный въ адмиралы, и малороссійскій гетманъ Мазепа, „за многія въ воинскихъ трудахъ, знатныя, усерднорадѣтельныя и вѣрныя въ теченіе тринадцати лѣтъ противъ султана турецкаго и хана крымскаго службы.“

Еще въ 1698 году былъ произведенъ обыкновенный нарядъ войска на временную службу, и 40,000 человѣкъ составляли въ Бѣлгородѣ армію, приготовленную на защиту предѣловъ Малороссіи отъ татаръ. Число регулярныхъ полковъ умножалось между тѣмъ наборомъ вольницы и поверстаніемъ многихъ стрѣльцовъ, и всѣхъ уничтоженныхъ придворныхъ чиновниковъ и служителей въ военную службу. Но въ августѣ 1699 г. царь издалъ новое установленіе, положившее основу правильному и постоянному русскому войску: вмѣсто временнаго выхода на службу, опредѣлено набирать людей изъ крестьянъ помѣщичьихъ, духовныхъ и казенныхъ. Они должны были извѣстное число лѣтъ нести безпрерывную военную службу, получая жалованье и содержаніе изъ казны, и по отставкѣ уже не обращались въ прежнее званіе. Тогда явилось въ Россіи названіе рекрута, какъ названы были въ царскомъ указѣ поступавшіе такимъ образомъ въ военную службу люди. Въ первый рекрутскій наборъ опредѣлено было взять по одному человѣку съ 30-ти дворовъ у помѣщиковъ 1-й статьи, со 150 дворовъ 2-й статьи, и съ 30-ти дворовъ монастырскихъ крестьянъ. Такимъ образомъ составилось постоянное войско изъ 32,000 рекрутовъ; ихъ раздѣлили на 29-ть конныхъ и пѣшихъ полковъ, образовавшихъ собою три регулярныя дивизіи, подъ начальствомъ генераловъ: Авт. Мих. Головина, Адама Вейде и князя А. И. Рѣпнина. Царь назначилъ всему новому войску одинаковую форму платья, или мундировъ: у пѣшихъ были они зеленые, у конныхъ синіе, съ красными отворотами и обшлагами, равно пѣхотѣ и конницѣ. Всѣ помѣщики должны были лично поступать въ военную службу, на право владѣнія землями уже не верстаться временною службою, но безпрерывно быть на царской службѣ и служить всю жизнь, пока силы и здоровье позволятъ. Для приведенія въ порядокъ всѣхъ сихъ новыхъ распоряженій о военномъ устройствѣ Россіи повелѣно было произвести новую перепись помѣщиковъ и ихъ помѣстьевъ. Строгое взысканіе опредѣлено съ укрывающихся отъ службы.

Сентября 1-го 1698 г. въ послѣдній разъ праздновали въ Россіи новый годъ по прежнему старинному обычаю. Царь возсѣдалъ на тронѣ предъ Успенскимъ соборомъ, и по совершеніи всенародно особенной церковной службы, принималъ поздравленія патріарха, вельможъ и чиновъ. Но, къ

изумленію всѣхъ, сего празднества уже не было въ 1699 году, а въ декабрѣ того года объявленъ царскій указъ, которымъ повелѣно, по примѣру всѣхъ другихъ христіанскихъ государствъ, считать годы не отъ сотворенія міра, но отъ Рождества Христова, и съ окончаніемъ XVII-го столѣтія начинать, подобно другимъ народамъ, годъ съ 1-го января.

Годомъ ранѣе другихъ европейскихъ государствъ (такъ спѣшилъ всѣми преобразованіями царь), въ 1700 году, въ Москвѣ привѣтствовали новый XVIII-й вѣкъ русскій царь и его подданные. Торжество началось въ полночь 1-го января 1700 года. Объявлено было предварительно о празднованіи новаго года и новаго вѣка. Колоколъ Ивана Великаго возвѣстилъ начало всенощнаго бдѣнія въ Успенскомъ соборѣ. Служба отправлялась новолѣтію. Стефанъ, митрополитъ рязанскій, поздравилъ царя, присутствовавшаго въ соборѣ, съ новымъ годомъ. Къ началу литургіи введены были въ Кремль полки, привезены пушки, и многолѣтіе послѣ молебна сопровождалось громомъ выстрѣловъ. Духовенство, послы, бояре, военные и гражданскіе чиновники обѣдали у царя, сидѣвшаго за столомъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Гости явились также съ женами и дочерьми. Народъ пировалъ на площадяхъ, гдѣ выставили ему ѣствы, вино и пиво. За царскимъ столомъ гремѣла музыка и пѣли пѣвчіе. Вечеромъ трои тріумфальныя врата, главнѣйшія зданія, церкви и дома богачей и знатныхъ были освѣщены и убраны транспарантами, картинами, вѣтвями сосенъ и елокъ; загорѣлись фейерверки и щиты въ разныхъ частяхъ города; всѣ дома освѣтились плошками; на площадяхъ зажгли смоляныя бочки. Въ Кремлѣ шумѣла безпрерывная пушечная пальба. Царь объѣзжалъ главныя московскія улицы, поздравлялъ народъ съ новымъ годомъ, и возвратился во дворецъ, гдѣ гости съѣхались уже на балъ и ужинъ и пировали до утра

Датскій король Христіанъ V-й скончался въ сентябрѣ 1699 года. Юный сынъ его, Фридрихъ IV-й не только не отказался отъ союза, но убѣждалъ союзниковъ скорѣе приниматься за оружіе, не теряя времени. Какъ ни тайно происходили переговоры, какъ ни скрывали приготовленія свои союзники, шведы проникли ихъ, и обратились къ Даніи, Пруссіи, Польшѣ и Россіи съ требованіемъ подтвердить прежніе мирные договоры и объяснить причину всеобщихъ вооруженій. Царь русскій, преобразованія въ Россіи, побѣды надъ турками, флотъ и новыя войска его возбуждали въ Стокгольмѣ особенное опасеніе. Шведское правительство уклончиво отвѣчало на жалобы царя о грубомъ и неприличномъ обхожденіи съ нимъ въ Ригѣ, стараясь извинить Далберга. Желая угодить царю, шведы прислали ему въ подарокъ 300 чугунныхъ пушекъ. Царь отвѣчалъ ласково, благодарилъ за подарокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ отвѣта яснаго и удовлетворительнаго, возобновилъ жалобы на рижскаго губернатора, говорилъ о непріязненныхъ поступкахъ шведскихъ чиновниковъ на границѣ, притѣсненіи ими русскихъ подданныхъ въ Швеціи и въ Ингерманландіи. Для подробныхъ объясненій явилось въ Москву шведское посольство, состоявшее изъ канцлера барона Бор-

тенгіельма, чиновниковъ Андерса Линдгіельма и Самуила Гете. Его встрѣтили съ большою почестью, но царь изъяснилъ посламъ свои требованія и отказался подтвердить прежніе трактаты. О войнѣ все еще ничего не было упомянуто, но присутствіе при царскомъ дворѣ Паткуля, голову котораго требовалъ король шведскій, могло показать шведскимъ посламъ намѣреніе царя. Онъ объявилъ кромѣ того, что шведы должны уступить ему Нарву, или крѣпость въ устьѣ Невы, обнадеживъ русскихъ въ свободной торговлѣ по Балтійскому морю. Для объясненій въ Швецію посланъ былъ отъ царя посломъ князь Хилковъ. Переговоры его въ Стокгольмѣ и шведскихъ пословъ въ Москвѣ только умножили взаимныя неудовольствія и требованія. Шведскіе послы оставили Москву не рѣшивъ споровъ. Впрочемъ, если шведскіе послы и предвидѣли войну, то не замѣчали тщательно скрываемаго намѣренія начать битвы немедленно. Они не знали, что у русскаго царя за рѣшеніемъ мгновенно слѣдовало исполненіе, а онъ еще не рѣшался, ждалъ мира съ Турціею, и отпустивъ шведскихъ пословъ, отправился въ Воронежъ, но вскорѣ поспѣшилъ оттуда въ Москву, ибо Украинцовъ извѣстилъ его изъ Царьграда о мирѣ съ турками.

Іюля 3-го подписанъ былъ желанный миръ. Султанъ отказался отъ обладанія Азовомъ, дозволилъ русскимъ торговлю на Черномъ морѣ, обѣщалъ безопасность русскимъ странникамъ въ Іерусалимъ, запрещеніе крымскимъ татарамъ воевать Россію, и крѣпкое сохраненіе дружбы. Земли по берегу Азовскаго моря, отъ Міюса до Перекопи, и по Днѣпру, отъ Запорожья до Очакова, положено оставить незаселенными. Почесть оказана была русскому послу необычайная. Съ царскою ратификаціею мира поѣхалъ въ Царьградъ князь Д. М. Голицынъ.

Когда еще недоумѣвали въ Москвѣ будетъ ли война съ шведами, грозная война сія уже началась. Датчане первые взялись за оружіе и вошли въ Голштинію. Августъ съ саксонцами немедленно вступилъ въ Лифляндію; русскіе полки выступали изъ Москвы. Суевѣріе предвѣщало, что война будетъ непремѣнно и будетъ кровопролитная. Предвѣщанія выводили изъ того, что солнце гибло на небесахъ; что въ день пріѣзда шведскихъ пословъ въ Москву ужасный пожаръ опустошилъ столицу (выгорѣло до 5,000 домовъ), и наконецъ, что когда давали фейерверкъ при угощеніи ихъ, по неосторожности фейерверкеровъ отъ ракетъ загорѣлся домъ, и сильный огонь былъ остановленъ только присутствіемъ царя, работавшаго лично при тушеніи пожара.

Августа 14-го царь праздновалъ въ Москвѣ заключеніе мира съ турками, а 19-го августа, торжественнымъ чтеніемъ манифеста царскаго въ Успенскомъ соборѣ, объявлена война шведскому королю. Августа 22-го царь выступилъ изъ Москвы съ тремя полками, преображенскимъ, семеновскимъ и бутырскимъ, оставилъ ихъ на дорогѣ и поспѣшно поскакалъ въ Новгородъ. Граматами его объявлено было всѣмъ иностраннымъ государямъ о началѣ войны, причинахъ ея, и о томъ, что царь готовъ примириться, если Швеція удовлетворитъ за обиды въ Ригѣ посольству царскому, уступитъ при томъ

Россіи Нарву, и окажетъ также удовлетвореніе союзникамъ царя, королю датскому и королю польскому, въ ихъ справедливыхъ требованіяхъ. Князю Хилкову велѣно было оставить Стокгольмъ, а шведскому резиденту выѣхать изъ Москвы.

Кто предрекъ бы тогда, что начинается непримиримая двадцати-лѣтняя борьба, въ которой король шведскій, изумивъ свѣтъ мужествомъ, падетъ побѣжденный, и съ нимъ навсегда падетъ величіе Швеціи; что огонь войны сей обниметъ весь сѣверъ, и въ немъ сгоритъ слава Швеціи; что побѣдивъ Данію и Польшу, низложивъ одного короля, возведя на его мѣсто другого, устрашивъ Европу грознымъ мечемъ своимъ, потомокъ Густава Адольфа будетъ искать спасенія въ степяхъ Бессарабіи, и явится оттуда бѣглецомъ, умереть на снѣгахъ Норвегіи! И кто же долженствовалъ быть его побѣдителемъ? Толпы нестройныхъ воиновъ царя, которыхъ уничтожалъ, презиралъ герой шведскій, побѣждая старинныя, искусныя въ брани дружины другихъ европейскихъ государей! Но исторія Петра Великаго — лѣтопись чудесъ!

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ II.

Разсказъ седьмой.

Начало войны съ Швецiею. Нарвская битва. Успѣхъ Карла XII-го и подвиги Петра Великаго.

1700—1701 гг.

Была пора; привелъ къ намъ рати шведъ;
Предъ горстью ихъ бѣжали мы толпами.
Жестка далась наука намъ побѣдъ,
Купили мы ихъ нашими костями—
То трудная была пора!

Жуковскiй.

Наука побѣдъ, дѣйствительно, далась русскимъ опытами тяжелыми, и трудная наставала пора, когда царь думалъ, что ему легко будетъ совершить всѣ свои предположенiя, отнять родовыя, похищенныя шведами области, двинуть Россiю къ европейскому морю. Пруссiя, Данiя, Польша соединялись съ нимъ, и кто былъ противъ него? Юноша, неопытный въ великомъ дѣлѣ государственнаго правленiя, полководецъ, который могъ развѣ играть оружiемъ, а не сражаться имъ противъ враговъ. Но мы уже сказали, что Провидѣнiе искушало бѣдствiями Великаго Петра, и подвергнувъ его испытанiю при вступленiи на престолъ, и при первомъ его воинскомъ подвигѣ подъ Азовымъ, здѣсь готовило ему испытанiе самое тяжелое, и еще не послѣднее. Петръ перенесъ ихъ всѣ, и въ томъ-то и видно изумительное величiе его. Не предпринять только дѣло великое, но совершить его слава истинная. Пасть, достигая высоты, можетъ и слабодушное отчаянiе, но достигнуть ея сквозь бури и бѣдствiя можетъ только величiе истинное.

Многiе старались доказать, что Петръ имѣлъ справедливыя причины начать войну съ Швецiею; другiе опровергали ихъ, говоря, что неудовольствiя, оказанныя ему въ Ригѣ, и выставленныя одною изъ причинъ, не

стоили войны, а прочія требованія состояли въ притязаніяхъ произвольныхъ: Нарва и области ингерманландскія были утверждены за Швеціею трактатами, такъ же, какъ Лифляндія. Еще менѣе справедливо могла Данія воевать Голштинію, и не безсовѣстно ли было союзникамъ пользоваться юностью шведскаго короля, когда они не дерзали воевать прежде, при жизни суроваго отца его? Не приводя здѣсь мелкихъ возраженій на сіи обвиненія, скажемъ одно, что цари и дѣла ихъ не могутъ быть судимы по уставу частной совѣсти, и по закону, постановленному для простого гражданина и его общественныхъ отношеній. Руководимые Провидѣніемъ, цари выше суда человѣческаго, и только мудрость дѣла и успѣхъ предпріятій опредѣляютъ справедливость ихъ. Отнятое нѣкогда насиліемъ и оружіемъ царь всегда имѣлъ право возвратить силою и оружіемъ — вотъ одно и единственное его оправданіе. Если допустить сіе оправданіе, то всѣ средства для того, кромѣ безславныхъ, были ему позволительны. Царь объявлялъ честную, открытую войну, и возлагалъ надежду на Бога, силу своего ума и крѣпость оружія, предлагая и условія на миръ. Принять и не принять ихъ властна была Швеція. Жребіи, брошенные въ урну судьбы, должны были рѣшить споръ двухъ великихъ царствъ.

Изъ всего слѣдуетъ, что для насъ гораздо важнѣе вопросъ о томъ: вѣрно ли взвѣсилъ и сообразилъ силы свои царь, приступая къ войнѣ?

Всѣ разсчеты человѣческой мудрости, казалось, благопріятствовали его рѣшительности. Три монарха европейскіе вступали въ союзъ съ нимъ, царь уже образовалъ тогда сильное русское войско, флотъ и артиллерію, и могъ надѣяться, что берега Ингерманландіи, слабо защищаемые, шведы уступятъ его оружію.

Но царь не сообразилъ, что союзъ его съ Даніею, Пруссіею и Польшею не представлялъ ни единства цѣли, ни единства плана въ войнѣ. Данія была угрожаема при томъ въ дѣйствіяхъ своихъ посредствовавшими державами, Голландіею и Англіею, еслибы Франція и выдала своего союзника Швецію, ибо она увлекалась тогда въ войну за испанское наслѣдство. Политика Пруссіи, возведеніе которой на степень королевства требовало согласія императора, легко могла отвлечь ее отъ союза. Ненадежнѣе всѣхъ союзниковъ была Польша, если выгоды ея были ближе всѣхъ къ выгодамъ Россіи. Поступки поляковъ съ королемъ Августомъ показывали явное пренебреженіе его власти и нелюбовь къ нему. Партія Сапеги не только не усмирялась, но начала войну междоусобную, хотя не отвергая Августа, но требуя разныхъ выгодъ и подкрѣпляя требованіе оружіемъ. Самый характеръ Августа, вѣтреный, тщеславный, его храбрость, не подкрѣпляемая дарованіями полководца, всего менѣе ручались за настойчивость и благоразуміе его дѣйствій. Швеція имѣла собственныя силы огромныя, и при непрочности и изложенныхъ неудобствахъ союза полагаться царю на однѣ свои силы было невозможно. Если онъ и началъ образованіе воинское въ Россіи, если и могъ онъ собрать многочисленное войско, то устройство его было только

что начато; и азовскій походъ показывалъ, какъ трудно будетъ многочисленнымъ силамъ Россіи выдерживать борьбу противъ искусства европейскаго, тѣмъ болѣе противъ войска мужественнаго, привыкшаго къ битвамъ.

Не скрывая слабостей великаго царя, скажемъ, что начало и первые годы царствованія его вообще можно было упрекнуть излишнею пылкостью, довѣрчивою самонадѣянностью и поспѣшностью въ дѣлахъ, отъ чего совершенно отучилъ его впослѣдствіи тяжелый опытъ. Духъ бурный, духъ неукротимый видѣнъ во всѣхъ дѣлахъ его — въ азовскомъ походѣ, въ самомъ внутреннемъ преобразованіи Россіи, видѣнъ и въ началѣ шведской войны. Но совершаются ли безъ того дѣла великія? Не всегда ли на вѣсы разсчетовъ ума, геній кладетъ непонятную другимъ, можетъ быть, и ему самому непостижимую надежду на призывающій, увлекающій его голосъ судьбы? Такъ Александръ шелъ къ предѣламъ Индіи съ горстью грековъ; такъ Цезарь ввѣрялъ жизнь утлой ладьѣ, восклицая: „Чего боишься? Цезаря везешь!" Такъ Фридрихъ Великій отдавалъ жребій царства своего и жизнь свою успѣху одной битвы; такъ, наконецъ, Наполеонъ бросался подъ картечи на Аркольскій мостъ, плылъ изъ Египта среди непріятельскихъ флотовъ и шелъ черезъ Сенъ-Бернаръ по снѣговымъ пучинамъ!

Но чего не могла предвидѣть никакая человѣческая мудрость, то былъ характеръ юнаго шведскаго короля, желѣзнаго героя, мужа въ лѣтахъ едва юношескихъ, когда главная надежда союзниковъ на побѣды заключалась въ его молодости и неопытности.

Карлъ XII-й родился въ 1682 году, и былъ десятью годами моложе Петра. Рано развились его тѣлесныя силы, при занятіяхъ трудныхъ и страстной охотѣ къ военному искусству. Казалось, онъ родился воиномъ. Первою забавою его были охота за медвѣдями, верховая ѣзда, ученье солдатъ. Одинъ, съ рогатиною и ножемъ, пускался онъ на дикаго медвѣдя; опасная охота сія состояла въ томъ, что медвѣдя надобно было добыть живого. Суровый и угрюмый, онъ ненавидѣлъ женщинъ, не терпѣлъ пышности, не любилъ великолѣпія и дворцовой нѣги. Скудный обѣдъ, краткій сонъ, грубую солдатскую одежду, житье подъ шатромъ, перенесеніе голода, холода и трудовъ, съ нѣжной юности поставилъ онъ себѣ правиломъ жизни. Никогда не пилъ онъ вина, замѣтя однажды, что голова его разгорячилась, и всего чаще сухарь и вода составляли пищу его. Не терпя вообще ученія, онъ старался однакожъ изучить все что потребно полководцу, превосходно зналъ военную исторію, прикладную математику, и особенно всѣ части воинскаго искусства. Рѣдко видали, даже въ юности его, чтобы онъ когда-нибудь смѣялся. Жажда славы была его безпрывною мечтою. Къ ней присоединилось упорство въ мнѣніяхъ, переходившее въ упрямство: никогда не отмѣнялъ онъ своего слова и не терпѣлъ никакихъ возраженій. Достигать предположеннаго однажды, не щадя ничего, было его неизмѣннымъ правиломъ, тѣмъ болѣе, что онъ твердо вѣрилъ предопредѣленію, не страшился никакой опасности, не думалъ о жизни, убѣжденный, что предназначеннаго никто не избѣгнетъ,

а что не предопредѣлено, то никогда не случится. Александръ Македонскій былъ идеаломъ его, и онъ всегда возилъ съ собою Квинта-Курція, какъ Александръ Омирову Иліаду. „Вспомните, В. В., что Александръ жилъ только 32 года!“ сказалъ ему учитель его. „Что до того сколько лѣтъ онъ жилъ, если онъ успѣлъ покорить столько царствъ!“ отвѣчалъ съ жаромъ Карлъ XII-й — а ему было тогда только семь лѣтъ! Опасности казались Карлу утѣхою, трудности наслажденіемъ. Пятнадцать лѣтъ было ему, когда восшелъ онъ на престолъ. Совершеннолѣтіе его назначалось по завѣщанію отца въ 18-ть лѣтъ, но уже съ первыхъ дней царствованія увидѣли, что юный король скучаетъ опекою старой бабки своей и пяти старыхъ ея совѣтниковъ. Сдѣлавшись королемъ, Карлъ XII-й не перемѣнялъ образа своей полудикой жизни, не вмѣшивался въ государственныя дѣла, по прежнему билъ медвѣдей, училъ солдатъ, жилъ въ лагерѣ. Пиперъ, любимецъ его, хитрый и честолюбивый придворный, скоро понялъ положеніе короля. „О чемъ вы думаете, В. В.?“ сказалъ онъ ему однажды, когда Карлъ XII-й задумчиво смотрѣлъ на маршированье солдатъ своихъ. „О томъ“, отвѣчалъ король, „что такіе храбрые люди и я, король ихъ, повинуемся старой бабѣ!“ Пиперъ улыбнулся, открылъ королю планъ свой, сказалъ, что общее желаніе давно требуетъ ему полнаго самовластія. Карлъ XII-й препоручилъ Пиперу исполнить предположенный планъ, и чрезъ три дня сенатъ единогласно призналъ Карла XII-го совершеннолѣтнимъ, уничтожилъ опеку старой королевы и вручилъ полную власть юному королю. Всѣ честолюбцы придворные думали, что воспользуются его юностью, но уже при коронованіи, когда архіепископъ упсальскій хотѣлъ возложить на него корону, Карлъ XII-й схватилъ ее, надѣлъ на свою голову и сказалъ громко: „Богъ далъ мнѣ ее, самъ дьяволъ не отниметъ ее у меня!“ Онъ въѣхалъ въ столицу верхомъ, съ короною на головѣ, съ обнаженнымъ мечомъ въ рукѣ, и при первомъ засѣданіи сената отнялъ всѣ надежды у тѣхъ, кто думалъ управлять его волею. Не слушая ничьего мнѣнія, онъ рѣшалъ дѣла самъ, не хотѣлъ ни чьихъ совѣтовъ, и только хитрый Пиперъ, возведенный имъ въ званіе перваго министра, могъ еще отчасти управлять его неукротимымъ характеромъ. Съ трудомъ успѣли уговорить Карла XII-го изъявлять уклончивость въ переговорахъ съ Даніею, Польшею и Россіею, когда они начали изъявлять свои различныя требованія и притязанія. Восемнадцать лѣтъ едва только исполнилось Карлу XII а уже все вокругъ него трепетало передъ его волею, войско любило его, народъ обожалъ, и при такомъ властителѣ Швеція являлась опасною, болѣе нежели при отцѣ его, королѣ угрюмомъ, умномъ, но хладнокровномъ и не воинолюбивомъ. Силы Швеціи были тогда весьма велики. Населенная народомъ крѣпкимъ, мужественнымъ, умѣреннымъ въ жизни, преданнымъ отечеству, она обладала Финляндіею, всѣми восточными областями Балтійскаго моря до Курляндіи, Помераніею, и была въ крѣпкомъ родственномъ союзѣ съ Голштиніею. Казна государственная была обогащена редукціями и экономіею Карла XI-го; сильный флотъ и 60,000 готоваго

войска защищали Швецію, но по военной системѣ, введенной Карломъ XI-мъ съ 1680 года, вдвое болѣе могла поставить Швеція при первомъ призывѣ короля. Швеція была вполнѣ государство воинственное. Двадцатилѣтній миръ усилилъ въ Швеціи просвѣщеніе, образованность, и умножилъ источники народнаго богатства. Словомъ, никогда прежде Швеція не была столь сильна и могущественна. Такое государство, управляемое королемъ, характеръ котораго старались мы изобразить въ краткомъ очеркѣ, долженъ былъ побѣдить Петръ съ своею тогдашнею Россіею. Видимъ, что юность Карла XII-го не только не уменьшала опасностей борьбы, но увеличивала ее, ибо неопытный, славолюбивый, неукротимый, Карлъ XII-й тѣмъ страшнѣе былъ своею непобѣдимою, упрямой волею, которой не находилъ предѣловъ.

Едва только получено было извѣстіе о войнѣ, объявленной Даніею, Карлъ XII-й показалъ необыкновенную радость и велѣлъ немедленно готовиться войску. Онъ хотѣлъ самъ вести его въ битвы. Вскорѣ получено было объявленіе войны Польшею. Карлъ XII-й не думалъ унывать, и когда при объявленіи войны Россіею тревога распространилась между всѣми совѣтниками короля, онъ отвѣчалъ на предложеніе ихъ войдти въ переговоры, мириться и уступить:—„Никогда! Беру мечъ мой, и не положу его, пока не заставлю всѣхъ злобныхъ враговъ моихъ просить у меня мира!“—Ему представляли, что у него нѣтъ союзниковъ.—„Богъ, мечъ мой и любовь народа мои союзники!“ отвѣчалъ онъ. Хотѣли распоряжаться военными дѣйствіями въ одно время въ Лифляндіи и въ Ингерманландіи.—„Не нужно“, отвѣчалъ король—„я иду самъ въ Данію, разобью сперва датчанъ, потомъ пойду на поляковъ и русскихъ, а пока я буду бить однихъ, другіе ничего не успѣютъ сдѣлать“.

Поспѣшно велѣлъ онъ собираться войску въ лагерь на Сканскомъ берегу, объявляя, что принимаетъ надъ нимъ главное начальство. Флотъ и войско свое хотѣлъ онъ вести прямо къ Копенгагену. Датчане вошли уже въ то время въ Голштинію. Герцогъ голштинскій бѣжалъ въ Стокгольмъ. Готторпъ былъ занятъ Датчанами. Тоннингенъ осажденъ ими. Войска саксонское, бранденбургское, гессенъ-кассельское, брауншвейгское соединялись съ датскимъ. Карлъ XII-й отнесся къ Англіи и Голландіи, напоминая симъ державамъ договоры и союзы. Напрасно умоляли его предъ отъѣздомъ изъ Швеціи обезопасить Лифляндію, куда быстро шелъ король Августъ съ своимъ войскомъ. „Успѣю!“ отвѣчалъ Карлъ XII-й. Говорили, что лифляндцы, жалобъ которыхъ не думалъ онъ слушать, передадутся непріятелю.—„Не посмѣютъ!“ былъ отвѣтъ Карла XII-го.

Между тѣмъ царскія войска двинулись изъ Новгорода, вступили въ шведскіе предѣлы и заняли небольшіе города Ямъ, Сыренскъ, Копорье. Планъ войны расположилъ самъ царь. У него не было уже тогда ни Лефорта, ни Гордона. Онъ положилъ идти къ Нарвѣ, осадить сію важную крѣпость, взять ее, открыть сообщеніе къ морю и сблизиться потомъ съ королемъ Августомъ, занявши Ингерманландію и Эстляндію. Сентября 1-го выступилъ

изъ Новгорода князь Трубецкой, съ 6,000 войска, и 9-го обложилъ Нарву; 23-го прибылъ къ Нарвѣ самъ царь, съ 8,000 войска; октября 1-го пришелъ Адамъ Вейде (спутникъ царя подъ Азовомъ и въ путешествіи за границею, уже генералъ въ то время) съ 8,000, а 14-го Ѳ. А. Головинъ съ остальными русскими войсками. Число всего русскаго войска подъ Нарвою, съ отрядами, подошедшими впослѣдствіи, простиралось до 40,000, въ томъ числѣ было 10,000 конницы и до 30,000 пѣхоты; конницу почти всю составляли казаки и нерегулярныя войска. Армія раздѣлялась на три осадные корпуса, подъ командою Головина, Вейде и Трубецкого. Правами главнокомандующаго облеченъ былъ князь Я. Ѳ. Долгорукій, а Б. П. Шереметевъ былъ его помощникомъ, начальствуя коннымъ, охраннымъ корпусомъ. Царевичъ Имеретинскій, Александръ Арчиловичъ, обучавшійся въ Голландіи артиллерійскому искусству, начальствовалъ артиллеріею съ званіемъ фельдцейхмейстера. Всѣ полковники новобранныхъ полковъ были иностранцы. Въ Новгородѣ явился къ царю, съ граматами отъ императора и отъ польскаго короля, герцогъ Карлъ Евгеній Кроп. Знатнаго происхожденія, извѣстный храбростью, онъ искалъ счастія по Европѣ, служилъ Даніи, императору, Польшѣ, и пріѣхалъ наконецъ въ Россію. Краснорѣчивый говорунъ и великій теоретикъ, Кроп увлекъ вниманіе царя, и находился, вмѣстѣ съ генераломъ Аллартомъ, прибывшимъ въ то же время изъ Польши, при особѣ царской.

Нарва, древній городъ, на лѣвомъ берегу рѣки Наровы, въ 12-ти верстахъ отъ него впадающей въ море, съ Иванъ-Городомъ, старинною крѣпостью, построенною русскими на правомъ берегу сей рѣки и уступленною шведамъ при царѣ Михаилѣ, охранялась старымъ и храбрымъ генераломъ Горномъ; у него было только 2,000 человѣкъ гарнизона, но онъ отказался сдать городъ. Съ 20-го октября начали обстрѣливать Нарву изъ 80-ти пушекъ, стрѣляли двѣ недѣли, но Горнъ не думалъ уступать, тѣмъ болѣе, что ждалъ скорой помощи, надѣялся на сильныя укрѣпленія нарвскія и храбрость солдатъ своихъ, видѣлъ неискусство осаждающихъ, безпорядокъ ихъ дѣйствій, и зналъ о недостаткѣ даже пороха и артиллерійскихъ запасовъ въ русскомъ лагерѣ, что открылъ ему измѣнникъ, шведъ Гумортъ, служившій въ царской гвардіи капитаномъ и удостоенный дружбы царя, но оставившій русскіе ряды и бѣжавшій въ Нарву. Ужасная осенняя погода развела грязи и пресѣкла сообщенія. Войско русское терпѣло недостатокъ и роптало. Царь не смѣлъ отважиться на приступъ, хотя ободрялъ войско примѣромъ своимъ, ходилъ подъ выстрѣлами непріятельскими и не унывалъ. „Кто труситъ — ступай въ обозъ!“ отвѣчалъ онъ, когда полковникъ Блюмбергъ представилъ ему объ опасностяхъ, какимъ онъ подвергается. „И апостолъ Павелъ говоритъ: трудящійся, да ястъ!“ сказалъ онъ Алларту, замѣтившему, что царь могъ бы другимъ поручить разводку линій, исполняемую имъ самимъ, при ужасной канонадѣ съ нарвскихъ укрѣпленій.

Вся осада Нарвы могла показать неопытную отвагу царя. Но что дѣлали въ то время болѣе искусные и болѣе опытные союзники его? Одинъ,

король датскій, уже мирился тогда съ Карломъ XII-мъ; другой, король польскій, безъ боя уступалъ побѣду шведскому герою, ознаменовавшему свое первое появленіе на военномъ поприщѣ мужествомъ и дарованіями воинскими необыкновенными; третій, курфирстъ бранденбургскій, даже и не принимался за оружіе, вызвалъ поспѣшно свой отрядъ изъ Голштиніи, едва узналъ, что Швеція воюетъ съ Даніею, и ждалъ чѣмъ кончится война. Англія и Голландія, оскорбленныя своевольными поступками датскаго короля, заступились за Голштинію. Онѣ послали флоты свои къ Зунду. Когда 8,000 шведовъ высажены были на берегъ въ Помераніи и спѣшили защищать Голштинію, куда шли кромѣ того ганноверскіе, брауншвейгъ-цельскіе и голландскіе отряды, мая 8-го 1700 года Карлъ XII-й оставилъ Стокгольмъ, и надолго! Народъ провожалъ его радостными кликами. Восторгъ шведовъ встрѣтилъ его въ Карлскронѣ, гдѣ собранъ былъ сильный шведскій флотъ. Здѣсь Карлъ переправился на огромный 120-ти пушечный корабль: король Карлъ, сопровождаемый 20,000-ми войска, посаженнаго на 42 корабля, поплылъ прямо къ берегамъ Даніи. Датскій король находился въ Голштиніи, не ожидая быстраго рѣшенія юнаго героя шведскаго, поспѣшившаго ударить на Копенгагенъ и захватить столицу Даніи. Однимъ ударомъ хотѣлъ онъ кончить войну, и не ошибся. Датскій флотъ не осмѣлился препятствовать переправѣ шведовъ. Карлъ XII-й присталъ къ берегамъ Даніи у Гумблебека, въ семи миляхъ отъ столицы датской. Датчане хотѣли воспрепятствовать высадкѣ. Карлъ XII-й самъ бросился въ шлюпку, соскочилъ по поясъ въ воду и почти первый вышелъ на датскій берегъ. Пули свистали около него. „Что это такое жужжитъ?“ спросилъ Карлъ XII-й. „Пули, государь!“ отвѣчали ему. „Славная музыка! Она мнѣ такъ нравится, что отнынѣ я отказываюсь отъ всякой другой!“ вскричалъ Карлъ XII-й и подлѣ него, въ ту самую минуту, пали поручикъ и маіоръ. Съ мечемъ въ рукѣ, восклицая: „Съ нами Богъ!“ бросился онъ на датскіе ретраншаменты. Радостно шли за нимъ шведы и ничто не устояло. Датчане уступили, бѣжали. Смотря на бѣгство ихъ, Карлъ XII-й преклонилъ колѣно среди взятаго ретраншамента и благодарилъ Бога за свою первую побѣду.

Слѣдствія отваги Карла XII-го были весьма велики. Едва только шведы начали разставлять баттареи, приближась къ столицѣ датской, Копенгагенъ, беззащитной, оставленной королемъ своимъ, какъ она прислала просить пощады, обѣщая безденежно спабжать войско шведское припасами. Карлъ XII-й принялъ датскихъ депутатовъ передъ строемъ солдатъ своихъ, верхомъ, со шпагою въ рукѣ, потребовалъ съ Копенгагена тяжкой контрибуціи, и обѣщанія заключить немедленно миръ За всѣ припасы жителямъ велѣно было выдавать деньги. „Я воюю съ датскимъ королемъ, а не съ мирными жителями“, говорилъ юный король, и удивилъ датчанъ строгою дисциплиною своихъ войскъ. Каждый день, по утру и вечеромъ, онъ самъ присутствовалъ при молитвѣ, не допускалъ въ лагерь женщинъ, разстрѣлялъ нѣсколько солдатъ, уличенныхъ въ грабежѣ у жителей разныхъ вещей. Никто въ войскѣ

его не смѣлъ пировать и роскошничать. Король ѣлъ обыкновенный солдатскій паекъ, пилъ воду, спалъ въ мундирѣ, не скидавая даже своихъ огромныхъ ботфортовъ. Въ лагерь къ 18-ти-лѣтнему побѣдителю явились министры датскіе, послы французскій, нидерландскій, англійскій, ганноверскій. Король самъ велъ переговоры со всѣми. Пиперъ исполнялъ только его повелѣнія. Спрашивали: чего онъ желаетъ? „Мира и ничего болѣе", отвѣчалъ Карлъ XII-й. Конгрессъ немедленно открылся въ Травендалѣ, и 8-го августа миръ съ Даніею былъ подписанъ: Данія отреклась отъ союза съ Польшею и Россіею, очистила Голштинію, утвердила ея независимость, заплатила издержки и убытки. Думали, что Карлъ XII й возвратится отдыхать въ Швецію, но онъ велѣлъ поспѣшно готовиться къ отбытію въ Лифляндію.

Тамъ съ 14-го февраля саксонскія войска открыли военныя дѣйствія, и овладѣли крѣпостью Кобронъ-шанцомъ, близъ Риги на Двинѣ. Марта 13-го король Августъ хотѣлъ взять приступомъ Динаминдъ, крѣпость при впаденіи Двины въ море. Карловичъ, бывшій посолъ въ Москвѣ, и 1000 человѣкъ саксонцевъ погибли на неудачномъ приступѣ, но вскорѣ крѣпость сдалась. Шведскій генералъ Веллингъ собралъ 10,000 войска и явился отражать саксонцевъ. Тщетно Августъ требовалъ помощи поляковъ. Они отказали ему въ войскѣ и въ деньгахъ, и 15-го іюня Августъ началъ осаждать Ригу только съ своими саксонцами и вольницею польскою. Старикъ Далбергъ защищался мужественно; выжегъ форштадты рижскіе, Рига не сдавалась, храбрость Августа охладѣла. Съ обѣихъ сторонъ только проводили время. Слыша о мирѣ шведовъ съ Даніею и скоромъ прибытіи въ Лифляндію Карла XII-го, Августъ не смѣлъ дожидаться его, снялъ осаду 15-го сентября, и удовольствовался занятіемъ небольшой крѣпости Кокенгузена. Октября 6-го король шведскій вышелъ на Ливонскій берегъ въ Перновѣ. Видя, что Рига свободна, несмотря на осенніе дожди и ужасную грязь, онъ рѣшился немедленно идти и освободить Нарву, гдѣ угрожала шведамъ большая опасность. Прямая дорога въ Нарву черезъ Вейсенштейнъ была непроходима. Карлъ отправился съ войскомъ своимъ черезъ Ревель, куда пришелъ 26 го октября. Ноября 6-го Карлъ XII-й и съ нимъ Виллингъ были въ Вейсенбергѣ.

Царь видѣлъ себя въ то время въ такомъ же затрудненіи, въ какомъ былъ онъ во время перваго Азовскаго похода. Но тамъ оставалось у него сообщеніе съ Россіею по Дону и непріятелями были турки. Здѣсь всѣ средства сообщенія съ Россіею были отняты въ опустошенной, и безъ того бѣдной странѣ, и ему угрожалъ король шведскій, съ войскомъ немногочисленнымъ, но искусными, опытнымъ, и уже побѣдоноснымъ, уже гордымъ славною побѣдою. Тяжко было царю слышать объ униженіи Даніи и безуспѣшной войнѣ короля Августа. Отъ союзниковъ не могъ уже онъ ожидать ничего, когда собственное положеніе его становилось день-ото-дня бѣдственнѣе. У русскихъ недоставало уже ни пороху, ни хлѣба. Октября 29 го Шереметевъ, посланный развѣдывать о Карлѣ XII-мъ, разбилъ небольшой шведскій

отрядъ у Пурца, въ 9-ти миляхъ отъ Нарвы, и прислалъ извѣстіе, что король поспѣшно идетъ на Нарву. Царь послалъ требовать рѣшительной сдачи города. Горнъ встрѣтилъ посланнаго на валу, и насмѣшливо указывая ему на пушку. выпалившую въ то время, сказалъ: „Вотъ изъ этой чернильницы я посылаю вашему царю отвѣтъ!“ Царь рѣшился идти на приступъ къ Иванъ-Городу 7-го ноября, но осажденные сражались храбро и русскіе были отбиты. Карлъ XII-й шелъ между тѣмъ день и ночь, бросивъ обозъ и тяжести въ Вейсенбергѣ, откуда выступилъ 12-го ноября. Царь велѣлъ Шереметеву защищать дефилеи въ 6-ти миляхъ отъ Нарвы, и самъ рѣшился оставить свой лагерь.

Говорили впослѣдствіи, что отъѣздъ царя показывалъ робость его—обвиненіе неосновательное! И прежде и послѣ показывалъ Петръ знакомо ли было ему когда-нибудь чувство страха. Нѣтъ! онъ не пугался прибытія короля шведскаго, но спѣшилъ подкрѣпить снарядами и припасами русское войско, хотѣлъ проѣхать къ Ригѣ, повидаться съ Августомъ, придвинуть 15,000 свѣжаго запаснаго войска, бывшаго подъ начальствомъ Рѣпнина, и условиться въ единствѣ дѣйствій съ польскимъ королемъ. Лагерь русскій былъ укрѣпленъ рвомъ, въ сажень ширины и глубины, и за нимъ валомъ въ сажень вышиною, сильными баттареями, крѣпкими палисадами, рогатками, и 45,000 войска, со 150 пушками и мортирами, казалось, могли защититься въ немъ отъ 10,000 шведовъ, которыхъ велъ съ собою король шведскій. Главное начальство царь ввѣрилъ безъ себя герцогу Кроа и генералу Алларту, надѣясь на ихъ опасность. Наконецъ, не думалъ ли онъ и о томъ, что если его присутствіе могло ободрить войско и содѣйствовать его мужеству, то кто безъ него могъ распорядиться средствами пособія въ случаѣ неудачи? Утромъ 18-го ноября, царь, съ Ѳ. А. Головинымъ, оставилъ лагерь нарвскій и поспѣшно отправился въ Новгородъ.

Но едва уѣхалъ царь, все мгновенно измѣнилось и разстроилось въ лагерѣ русскомъ. Не слушали, явно презирали герцога Кроа.. Въ тотъ же день напился онъ пьянъ, по своему обыкновенію, за обѣдомъ, забылъ даже принять предосторожности на ночь, какъ будто не зная, что Карлъ XII-й былъ уже такъ близко. Жестокая вьюга съ снѣгомъ поднялась ночью. Утромъ 19-го прискакала разстроенная конница Шереметева, не удержавшая дефилей, и распространила тревогу и смятеніе. Какой-то чухонецъ указалъ между тѣмъ шведамъ тропинку по болотамъ, считавшимся непроходимыми, и когда разбуженный врасплохъ, полупьяный Кроа велѣлъ бить сборъ; пушечные выстрѣлы, ружейная пальба и крикъ: „Съ нами Богъ!“ возвѣстили нападеніе шведовъ съ той стороны, откуда вовсе ихъ не ожидали. Карлу XII-му представляли опасность нападенія съ 8,000 шведовъ, которыхъ успѣлъ онъ провести подъ Нарву послѣ труднаго и поспѣшнаго похода, на 80,000 русскихъ, какъ говорили тогда. „Такъ неужели вы думаете, что 8,000 храбрыхъ шведовъ не справятся съ 80,000 московскихъ мужиковъ?“ вскричалъ король—„Впередъ!“ шведы бросились чрезъ ровъ и валъ, захватили

русскія баттареи, оборотили пушки въ лагерь, и подъ прикрытіемъ выстрѣловъ ударили въ штыки. Конница понеслась по лагерю.

Тогда все русское войско представило странное зрѣлище безпорядка. Стѣсненіе войскъ въ лагерѣ, куда съ двухъ сторонъ врѣзались шведы, умножало смятеніе. Никто не повелѣвалъ, никто не слушалъ повелѣній — кто бѣжалъ, кто дрался, кто сдавался! Многіе, крича: „нѣмцы измѣнили намъ!“ бросились къ палаткѣ Кроп, убили его адъютанта, изувѣчили слугъ, гайдуковъ его, и главный полководецъ русскій, съ Аллартомъ, польскимъ посланникомъ, бывшимъ въ лагерѣ, и многими нѣмецкими офицерами спѣшилъ отдаться въ плѣнъ, спасая жизнь свою, шведы гнали русскихъ къ рѣкѣ Наровѣ; бѣгущіе бросились чрезъ рѣку; мостъ обрушился подъ ними; приведенные въ отчаяніе, русскіе бѣглецы остановились. Дѣло могло еще поправиться. Князь Я. Ѳ. Долгорукій успѣлъ возстановить нѣкоторый порядокъ и началъ упорную битву. Съ другой стороны генералъ Вейде успѣлъ собрать и ободрить толпу бѣглецовъ. Но русскіе сражались раздѣльно, почти не имѣли пушекъ, ибо непріятель захватилъ ихъ, и притомъ что могло противиться пылкому Карлу XII-му и воинамъ его, оживленнымъ его примѣромъ! Малочисленность шведовъ замѣнялась артиллеріею, стройностью движеній и храбростью. Король не щадилъ себя и бросался въ огонь. Пуля на излетѣ попала ему въ галстухъ; ядромъ убило подъ нимъ лошадь. „Каковы мужики!“ сказалъ онъ, усмѣхнувшись — „они заставляютъ меня экзерцироваться!“ Въ пылу битвы, онъ потерялъ сапогъ съ одной ноги, но не выходилъ изъ огня, осыпаемый пулями и ядрами. Несмотря ни на что, русскіе выдержали однакожъ нападеніе до самой ночи и думали ночью отступить, поспѣшая наводить мостъ, когда темнота прекратила битву. Шведы провели ночь на полѣ битвы и рано по утру прислали договариваться. Карлъ XII-й отпускалъ русскихъ, съ оружіемъ, отбирая только обозъ и пушки. Видя безнадежность успѣха, Долгорукій и Вейде согласились на условіе. Но едва только двинулись русскіе изъ лагеря, шведы бросились на нихъ, утверждая, что условіе въ чемъ-то не было соблюдено, и всѣ не успѣвшіе перейдти за рѣку, принуждены были сдаться, утомленные, голодные, иззябшіе. Весь русскій лагерь, царская казна, артиллерійскіе снаряды, 145 пушекъ, 28 мортиръ, 153 знамя, 20 штандартовъ, фельдмаршалъ герцогъ Крои, царевичъ Имеретинскій, генералы Аллартъ, Вейде, князь Трубецкой, Бутурлинъ, Авт. Мих. Головинъ, князь Я. Ѳ. Долгорукій, 8 полковниковъ, 30 штабъ и оберъ-офицеровъ были трофеями шведской побѣды. Русскіе, успѣвшіе уйдти, бѣжали безостановочно до Новгорода. Шведы не преслѣдовали ихъ. Шереметевъ съ конницею, при самомъ началѣ сраженія, бросился вплавь черезъ Нарову, погубилъ болѣе тысячи человѣкъ при сей опасной переправѣ, но ушелъ съ остальными. Число убитыхъ, утонувшихъ и замерзшихъ полагали до 7,000, плѣнныхъ было до 15,000. Шведы потеряли 2,000 человѣкъ. Карлъ XII-й торжественно въѣхалъ въ Нарву 20 ноября. Русскіе плѣнные отосланы были въ Ревель и оттуда весною перевезены въ Швецію. Не-

счастный герцогъ Кроп умеръ въ Ревелѣ, 20-го января 1702 года. Тѣло его, похороненное въ ревельской церкви св. Николая, донынѣ показываютъ тамъ уцѣлѣвшее отъ тлѣнія, что произошло отъ особеннаго свойства земли, гдѣ находился погребальный склепъ его. Вынутое неизвѣстно когда, нынѣ лежитъ оно безъ гроба, на катафалкѣ, покрытомъ стекляннымъ футляромъ. Церковный кистеръ показываетъ его за деньги любопытнымъ посѣтителямъ... Когда донесли Карлу XII-му о плѣнномъ царевичѣ Имеретинскомъ — „Какая странная судьба!" сказалъ онъ. — „Грузинскій царевичъ въ плѣну у шведовъ! Вѣдь это все равно, еслибы шведскій принцъ попался въ плѣнъ къ крымскимъ татарамъ!" Могъ ли думать тогда побѣдитель нарвскій, что чрезъ девять лѣтъ самъ онъ будетъ искать спасенія среди татаръ крымскихъ? Горделиво объявилъ манифестомъ своимъ Карлъ XII-й, что Богъ правосудный помогъ ему наказать варвара, безчеловѣчно разорявшаго шведскія земли, клятвопреступнаго русскаго царя, осадившаго Нарву и постыдно бѣжавшаго, оставя сто тысячную армію, которую разбили 10,000 шведовъ. На медали, выбитой по сему случаю, велѣлъ онъ изобразить связанныхъ вмѣстѣ поляка, датчанина и русскаго. На другой сторонѣ медали надъ Геркулесомъ, поражающимъ треглавую идру, написано было: Tres uno contudit ictu. Въ Швеціи едва вѣрили извѣстіямъ о неслыханныхъ побѣдахъ Карла XII-го, и по всей Европѣ съ изумленіемъ говорили объ юномъ героѣ шведскомъ, въ полгода уничтожившемъ союзъ трехъ сильныхъ державъ, едва не взявшемъ столицу одного изъ союзниковъ, и среди болотъ и лѣсовъ, зимою, разбившемъ безчисленную армію другого, въ такой битвѣ, гдѣ на одного шведа приходились десятки москвитянъ. Недоумѣвали, гдѣ дѣвались тогда сила и храбрость царя, еще столь недавно грознаго, могучаго, удивлявшаго Европу своимъ необыкновеннымъ умомъ.

Надобно ли изображать чувства Петра, когда онъ увидѣлъ мгновенно и неожиданно исчезнувшими всѣ мечты, всѣ надежды свои, изображать его униженнаго, оскорбленнаго столь внезапною и грозною побѣдою, лишившею его войскъ, артиллеріи, солдатъ, офицеровъ, генераловъ? А слава? а гордая надежда его?... Нѣтъ! Слова будутъ здѣсь недостаточны. Не будемъ описывать и преувеличенныхъ слуховъ, распространившихся о могуществѣ шведскаго короля, порицаній царя въ бѣгствѣ, въ трусливомъ оставленіи войска своего свирѣпымъ врагамъ, суевѣрныхъ толковъ, вопля невѣждъ, отчаянія всей Россіи! Царь въ Новгородѣ получилъ вѣсть о Нарвской битвѣ. Онъ отправилъ отсюда подъ Нарву снаряды, припасы, 12,000 казаковъ, подъ начальствомъ Рѣпнина, и производилъ строгое изслѣдованіе о причинахъ прекращенія подвоза припасовъ и снарядовъ подъ Нарву. Громовое извѣстіе смутило, поразило, уничтожило великій духъ царя — онъ заперся въ своей комнатѣ, и нѣсколько часовъ никто не смѣлъ приступать къ нему, угрюмому, мрачному, молчаливому. Минуты сіи были ужасны, ужасны и потому, что царь былъ притомъ одинокъ — ему не съ кѣмъ было даже посовѣтоваться, не съ кѣмъ раздѣлить горя! Но недолго продолжа-

лось смущеніе непреодолимаго бѣдствіями героя Петрова. Побѣжденный и непобѣдимый, грозно и величаво возсталъ онъ, воскресъ духомъ. Немедленно и прежде всего послано было отъ него повелѣніе воротить войско, посланное изъ Новгорода подъ Нарву, и другое повелѣніе набирать новые полки; устроеніе ихъ поручилъ онъ въ Москвѣ князю Бор. Алекс. Голицыну. Велѣно было поскорѣе лить пушки, готовить снаряды и запасы. Есть преданіе, будто царь долго затруднялся, не зная, гдѣ взять мѣди для пушекъ, и что къ нему явился тогда какой-то русскій человѣкъ, литейщикъ, говоря, что мѣдъ онъ можетъ ему доставить. Изумленный царь велѣлъ ему объясниться. „Прикажи, государь, сперва дать водки—съ похмѣлья смертно голова болитъ!" отвѣчалъ умный пьяница, опохмѣлился, и указалъ царю на множество колоколовъ въ Москвѣ и по городамъ. „Возьми ихъ и перелей въ пушки." говорилъ онъ, „а когда Господь дастъ, побѣдишь ты врага, такъ изъ его пушекъ вдвое можешь надѣлать колоколовъ" — „Камень, его же небрегоша зиждущій, той бысть во главу угла," сказалъ царь, усмѣхаясь, „и какъ мнѣ это самому не приходило въ голову?" Онъ исполнилъ совѣтъ умнаго русскаго человѣка.

Когда воротился съ войскомъ въ Новгородъ Рѣпнинъ, царь велѣлъ ему охранять и укрѣплять Новгородъ. Шереметевъ первый пришелъ изъ-подъ Нарвы съ остаткомъ конницы. По немногу собрались остальные бѣглецы — ихъ было еще болѣе 20,000 и царь особенно обрадовался, что между ними уцѣлѣли два гвардейскіе полка его, отличившіеся храбростью въ несчастной Нарвской битвѣ. Шереметевъ немедленно отправленъ былъ въ Псковъ. Такимъ образомъ двѣ главныя точки, въ которыхъ опасались непріятельскаго натиска, Новгородъ и Псковъ, были немедленно прикрыты.

Царь могъ бояться быстраго, опаснаго движенія впередъ Карла XII-го, но вскорѣ онъ сообразилъ и убѣдился, что походъ въ Россію зимою, съ малымъ войскомъ, былъ невозможенъ непріятелю. Узнавши, что Шведы выступили изъ Нарвы съ королемъ своимъ и остановились зимовать въ Дерптѣ, царь совершенно успокоенный, поспѣшилъ въ Москву, 12-го декабря. Онъ не думалъ просить мира. Пока цѣлая зима оставалась ему на изготовленіе новыхъ войскъ и новыхъ средствъ защиты, онъ не прекращалъ военныхъ дѣйствій съ тѣми войсками и съ тѣми средствами, какія у него уцѣлѣли. Шереметеву велѣно было посылать отряды казаковъ въ шведскія области. Получивъ сей приказъ Шереметевъ сомнѣвался и робѣлъ. „Развѣ въ несчастіи должно упадать духомъ?" писалъ къ нему царь. „Не дерзай отговариваться, а если ты боленъ лихорадкою, полученною въ бѣгствѣ, знай, что я хорошо умѣю лѣчить отъ нея. Да будетъ надъ тобою Божіе благословеніе — иди и исполняй!"

Въ Москву явился царь уже смѣлымъ бодрымъ среди унылыхъ и безнадежныхъ царедворцовъ и народа. Сердца ожили. Дѣятельность удвоилась. Тысячи рукъ работали. Полки набирались, учились. Царь писалъ королю Августу, что потеря сраженія подъ Нарвою нисколько не разрушаетъ ихъ

союза. Января 12-го царь вновь заключилъ союзъ съ датскимъ королемъ, въ Москвѣ, черезъ посланника его Павла Гейнзія, не думая упрекать слабаго союзника въ заключеніи невольнаго мира Войны, войны жаждалъ царь, готовый загладить униженіе всяческами пожертвованіями. Января 31-го царь отправился въ Смоленскъ. Февраля 17-го онъ былъ въ главной квартирѣ короля Августа, мѣстечкѣ Биржѣ, и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Динаминдскую крѣпость, какъ будто спѣша исполнить свое обѣщаніе. „осмотрѣть Рижскую крѣпость безъ позволенія шведовъ.“ Отсюда царь и король проѣхали въ Митаву, воротились въ Биржу 25-го, и царь поспѣшилъ въ Москву. Августъ изумлялся величію духа своего союзника. Царь уже не думалъ о нарвской потерѣ, обѣщалъ ему прислать 20,000 русскаго войска и 200,000 ефимковъ на военные расходы, просилъ только его не унывать и стоять мужественно. „Пусть бьютъ шведы моихъ русскихъ—они выучатъ насъ бить ихъ, и когда же ученье проходитъ безъ потери и огорченія?“ говорилъ царь. Петръ и Августъ весело пировали въ Биржѣ, и Августъ клялся царю въ вѣчной дружбѣ, въ твердомъ намѣреніи не уступать королю шведскому. Увидимъ, какъ сдержитъ онъ свое слово, а царь умѣлъ держать свои обѣщанія.

Изумительная дѣятельность царя была такъ всемогуща, что къ веснѣ 1701 года, всѣ русскія границы на сѣверѣ уже были прикрыты сильнымъ войскомъ, снабженнымъ артиллеріею и обильными запасами. Шведы нападали зимою на Гдовъ. Ихъ отбили. Русскіе, напротивъ, безнаказанно громили Эстляндію и Ингерманландію, не смотря на то, что въ первой изъ сихъ областей былъ самъ король шведскій съ войскомъ, а вторую охранялъ сильный корпусъ генерала Кроніорта. „Ты пишешь о прибавкѣ войска и пушекъ,“ отвѣчалъ царь Шереметеву“ но я все къ тебѣ послалъ по требованію, теперь тебѣ нечѣмъ отговариваться—пора за дѣло! Мы сами не подъ лапу идемъ къ непріятелю, а въ самый ротъ, но при помощи Божіей ничего не боимся!“ Корпусъ Рѣпнина, состоявшій изъ 20,000, отправился на помощь королю Августу. Шереметеву поручено было начальство надъ охранявшимъ Псковъ и Новгородъ остальнымъ войскомъ, и велѣно, если удалится Карлъ XII-й къ Ригѣ, идти со всѣми бывшими въ Псковѣ войсками и разорять Эстляндію. Двѣнадцать регулярныхъ полковъ было сформировано въ Москвѣ зимою, и съ 250-ю пушками, 12-ю мортирами и 13-ю гаубицами отправлено въ Новгородъ. Слыша о намѣреніи шведовъ разорить Архангельскъ, царь распорядился его защитою. Тридцать тысячъ калмыковъ и татаръ были осмотрѣны царемъ подъ Москвою и отправлены въ Псковъ. Онъ самъ хотѣлъ ѣхать въ армію, но прежде надобно было ему осмотрѣть кораблестроеніе въ Воронежѣ, и 1-го мая онъ отправился туда, какъ будто вовсе забывая о близкомъ, опасномъ сосѣдствѣ непріятеля. Поѣздка царя продолжалась шесть недѣль. Онъ увидѣлъ въ то время неудобство воронежской верфи, велѣлъ перенести ее на устье Воронежа, и заложилъ тамъ новый городъ, Тавровъ. Іюня 19-го царь воротился въ Москву.

Здѣсь огорчило его несчастіе, испытанное древнею столицею: страшный пожаръ опустошилъ Москву; выгорѣло нѣсколько тысячъ домовъ; огонь распространился на Кремль, гдѣ погорѣло тогда множество зданій и церквей, даже попадали колокола съ Ивана Великаго, и едва могли отстоять соборы и дворецъ царскій. Въ началѣ іюля царь спѣшилъ въ Псковъ. Онъ самъ укрѣпилъ тамъ городъ, и Печерскій монастырь, отстоящій въ 30-ти верстахъ отъ Пскова. Царь заложилъ передъ монастыремъ своими руками баттарею, и осенью отправился въ Москву, куда прибылъ 19-го октября, готовый къ предпріятіямъ обширнѣйшимъ. Уже не защищаться только, но возобновить наступательную войну рѣшался царь. Обстоятельства къ тому были благопріятны. Карлъ XII-й оставилъ Россію и увлекся другими предпріятіями.

Недостатокъ квартиръ и продовольствія, нападенія и тревоги русскихъ зимою, и болѣзни, открывшіяся въ шведскомъ войскѣ, препятствовали Карлу XII-му весною выступить въ походъ. Онъ хотѣлъ изгнать короля Августа съ его саксонцами изъ Лифляндіи. Двѣнадцать тысячъ саксонцевъ все еще занимали берега Двины, отъ Кокенгузена до Риги. Оставивъ генерала Шлиппенбаха съ 8000-ми въ Эстляндіи, и подкрѣпивъ его флотиліею на Чудскомъ озерѣ, подъ начальствомъ вице-адмирала Нумерса, снабдивъ Нарву сильнымъ гарнизономъ, и Кроніорту съ 6000 ми препоручивъ охраненіе Ингерманландіи, съ 25,000-ми шведовъ пошелъ Карлъ XII й къ Ригѣ, уже 27-го іюня. Король Августъ принужденъ былъ тогда удалиться изъ своей арміи, повредивъ руку при паденіи съ лошади. Фельдмаршалъ Штенау принялъ вмѣсто него начальство, вмѣстѣ съ курляндскимъ герцогомъ. Король шведскій успѣлъ обмануть искусными маршами Штенау, раздѣлилъ его съ русскимъ корпусомъ Рѣпнина, шедшимъ на помощь, и 8-го іюля при Тассенгольмѣ переправясь черезъ Двину, смѣло ударилъ на саксонское войско. Ему замѣтили опасность высадки на берегъ подъ выстрѣлами непріятеля. „Неужели Двина глубже копенгагенскаго моря?“ отвѣчалъ онъ, „но и тамъ побили мы датчанъ, а здѣсь неужели не побьемъ саксонцевъ?“ Битва была жестокая. Карлъ XII-й опять въ числѣ первыхъ вышелъ на берегъ, и съ своими драбантами, или избранною гвардіею, бросался въ огонь, какъ простой солдатъ. Никакія усилія саксонцовъ не помогли; они были разбиты, потеряли 36 пушекъ, 2 знамя, 2000 человѣкъ убитыми, едва спаслись съ поля битвы, и шведы, раздѣлясь на два корпуса, преслѣдовали въ одно время курляндскаго герцога, отступавшаго къ Ригѣ и Штенау, соединившагося съ Рѣпнинымъ. Почти безъ боя шведы вступили въ Митаву и забрали всѣ мѣста по Двинѣ, до тѣхъ поръ занятыя русскими и саксонцами. Карлъ XII-й поспѣшилъ нанести рѣшительный ударъ Августу. Затрудненный въ продовольствіи, лишенный всякаго пособія, Штенау думалъ только о спасеніи своего войска. Онъ отпустилъ Рѣпнина и отступалъ передъ напиравшимъ на него шведскимъ войскомъ до Ковно. Іюля 13-го Карлъ XII-й находился въ Биржѣ, мѣстѣ бывшей главной квартиры Августа,

и остановился въ томъ самомъ домѣ, гдѣ еще такъ недавно жили нѣсколько дней вмѣстѣ Петръ и Августъ. Когда сказали Карлу XII-му, что здѣсь пировали король польскій и царь московскій, онъ насмѣшливо отвѣчалъ: „Когда узнаютъ храбрые король и царь, что я занялъ теперь ихъ квартиру, вѣроятно, это извѣстіе отобьетъ у нихъ впередъ охоту пировать!" Онъ неутомимо преслѣдовалъ Штенау и вошелъ въ Польшу. Поляки представили Августу, что они не потерпятъ военныхъ дѣйствій на польской землѣ, ибо рѣчь Посполитая не принимала участія въ войнѣ его съ шведами, сохраняя строжайшій нейтралитетъ. Августъ согласился съ ними и саксонцы перешли въ Пруссію. Король шведскій немедленно вывелъ также войско свое изъ Польши въ Курляндію. Онъ обложилъ контрибуціями города курляндскіе, принудилъ герцога отказаться отъ помощи Августу и расположилъ шведовъ въ его владѣніяхъ на зимовку. Изъ Либавы открыто было сообщеніе моремъ съ Швеціею. Крѣпость Динаминдъ сдалась обратно шведамъ 11-го декабря.

Такъ, опять въ одинъ походъ, Карлъ XII-й уничтожилъ третьяго соперника, очистилъ Лифляндію и угрожалъ польскому королю, какъ въ прошломъ году угрожалъ королю датскому и царю русскому. Казалось, побѣда слѣдовала за ними повсюду. Участь Августа была въ рукахъ Карла XII-го. Царя почиталъ онъ рѣшительно уничтоженнымъ, хотя извѣстія объ удаленіи отъ русскихъ предѣловъ Карла XII-го, новыхъ успѣхахъ его и уничтоженіи саксонскихъ войскъ, не только не пугали, но даже радовали царя. Корпусъ Рѣпнина, мало участвовавшій въ битвахъ, благополучно возвратился въ Псковъ. Царь предвидѣлъ, что король шведскій увлечется въ польскія дѣла, особенно когда услышалъ онъ, что гордый побѣдитель поклялся низложить Августа. Такое обѣщаніе непримиримаго непріятеля тѣмъ сильнѣе укрѣпляло ему союзъ короля польскаго. Будущее было передъ Петромъ, и онъ могъ сказать, подобно Карлу V-му: „Противъ одного непріятеля насъ двое—я и время." Царь могъ убѣдиться въ томъ изъ собственнаго своего примѣра, ибо убѣждая Августа не мириться и не уступать, онъ радовался совершенному измѣненію дѣлъ въ собственной борьбѣ своей съ шведами.

Уже не только изглажены были слѣды нарвскаго бѣдствія, но русскіе смѣло начинали битвы, и даже побѣждали шведовъ въ малыхъ сшибкахъ, хотя еще большею частью успѣхъ происходилъ не отъ искусства, но отъ превосходства числомъ. Шлиппенбахъ, охранившій Эстляндію, не имѣлъ возможности остановить опустошительные набѣги русскихъ. Города и селенія эстляндскіе всюду лежали въ пеплѣ. Тысячи плѣнныхъ были уводимы въ Россію, сынъ Шереметева уничтожилъ сильный отрядъ шведовъ, 4-го сентября, при Рапинѣ, правильнымъ боемъ. Но всего болѣе обрадовалъ царя бой Б. П. Шереметева съ Шлиппенбахомъ въ декабрѣ 1701 года. Усыпивъ дѣятельность храбраго шведскаго генерала мнимымъ бездѣйствіемъ, Шереметевъ неожиданно поднялся изъ Пскова съ 13,000-ми войска, быстро

пошелъ на Эррестферъ, близъ Дерпта, гдѣ была тогда главная квартира шведская, разбилъ Шлиппенбаха, преслѣдовалъ его и выжегъ предмѣстіе Дерптское. Изъ 7200 шведовъ убито было 3000; взято въ плѣнъ 369, съ 4-мя пушками и 8-ю знаменами. Русскіе спокойно возвратились въ Псковъ и царь торжествовалъ первую побѣду надъ шведами. Въ тріумфѣ ведены были по Москвѣ плѣнные шведы. Народъ едва вѣрилъ глазамъ своимъ, смотря на пушки и знамена грозныхъ непріятелей, которыхъ суевѣріе называло даже колдунами, не только непобѣдимыми. „Слава Богу," говорилъ царь, „мы дожили до того, что русскіе одерживаютъ побѣды, пока еще сражаясь двое противъ одного, но скоро начнемъ мы побѣждать шведовъ равнымъ числомъ." Онъ послалъ Шереметеву орденъ св. Андрея и произвелъ его въ фельдмаршалы.

Лѣтомъ 1701 года шведы учинили нападеніе на Архангельскъ. Іюля 24-го явились туда семь шведскихъ кораблей. Шведы захватили русскаго рыбака Ивана Рябова и мѣщанина Дмитрія Горожанина, заставляя ихъ показывать путь среди опасныхъ двинскихъ мелей. Жертвуя жизнью, Рябовъ и Воражанинъ посадили на мель шведскія суда. Русскія войска были готовы встрѣтить непріятелей, пустились въ ботахъ и шлюпкахъ, окружили шведовъ и отбили у нихъ два фрегата, остальныя суда едва спаслись бѣгствомъ. Горожанинъ былъ убитъ шведами, разъяренными обманомъ его. Рябовъ, раненый, бросился въ воду и успѣлъ спастись. „Онъ поступилъ, какъ Горацій Коклесъ!" сказалъ царь, услышавъ о поступкѣ рыбака героя; щедро наградилъ онъ его и освободилъ отъ всякихъ податей.

Видимъ, боялись ли уже тогда русскіе шведовъ и ожили ль они духомъ? Европа въ изумленіи слышала о новыхъ побѣдахъ короля шведскаго въ Лифляндіи. Швеція горделиво возглашала, что въ полтора года передъ побѣдоноснымъ львомъ шведскимъ пали датчане, русскіе и саксонцы, и что поля Зеландіи, Ингерманландіи и Ливоніи были оглашены кликомъ побѣды шведовъ надъ тремя народами. Ослѣпленный успѣхами неожиданными, Карлъ XII-й предался чувству гордости неизобразимой. Оскорбляясь тѣмъ, что при одномъ слухѣ о побѣдахъ подъ Копенгагеномъ и Нарвою король Августъ не смирился передъ нимъ, онъ рѣшился низвергнуть его съ польскаго престола. Рѣшеннаго однажды никогда не измѣнять, было его правиломъ. Презрительно выслушалъ Карлъ XII-й, представленіе министровъ своихъ мириться съ польскимъ королемъ и царемъ московскимъ. „Я помирюсь съ ними, но въ Варшавѣ и Москвѣ", отвѣчалъ онъ. Бабка его писала къ нему, напоминая о превратности счастія. „Ей, какъ старой женщинѣ, простительно робѣть", сказалъ Карлъ XII-й. Слыша о неудачныхъ битвахъ шведовъ съ русскими, онъ досадовалъ, что генералы его допускаютъ такую дерзость русскимъ мужикамъ, приказывалъ имъ идти и загладить стыдъ непремѣнными побѣдами. Царю переданы были рѣчи хвастливаго побѣдителя. „Братъ мой Карлъ воображаетъ себя Александромъ", сказалъ онъ. „Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ Александръ, да только я не Дарій".

И не пустая, хвастливая похвальба были слова великаго царя. Послѣ побѣды подъ Эррестферомъ какой-то піита поднесъ царю стихи, гдѣ говорилъ, что гордый левъ хотѣлъ русскаго орла проглотити, лавровъ вѣнокъ на себя возложити, но орелъ умѣетъ когти употребляти, и левъ принужденъ былъ у Дерпта храбрость потеряти".

Европа удивися и рече: „Я есмь прельщена,
И по истинѣ о львовой храбрости лживо извѣщена,

Говорилъ въ заключеніе піита, и не льстилъ и не ошибался, вопреки старинному обычаю поэтовъ. Чего не могла надѣяться Россія при своемъ великомъ царѣ? Уцѣлѣть духомъ, когда все вокругъ него уныло, укрѣпиться въ бѣдствіи, удержать строптивость и страхъ народа, оживить помощниковъ своихъ, замѣнить утраченныхъ новыми, мгновенно восполнить потерю войскъ и оружія, и черезъ годъ послѣ нарвскаго пораженія, не только не страшиться грознаго непріятеля, но уже смѣло идти ему на встрѣчу — таковы были и по 1702 годъ доказательства величія духа и залоги будущихъ побѣдъ царя. Когда Карлъ XII-й кичился успѣхами, тотъ, кто могъ бы тогда проникнуть въ сущность событій, предрекъ бы ему, что подъ Нарвою кончилось его счастіе и начала меркнуть свѣтлая звѣзда его. Блестящіе успѣхи ожидали еще его впереди, но дѣло царя было уже выиграно.

Вотъ любопытныя слова, которыми самъ царь изложилъ впослѣдствіи мнѣніе свое о Нарвской битвѣ.

„Шведы подъ Нарвою надъ нашимъ войскомъ викторію получили, что есть безспорно, но надлежитъ разумѣть надъ какимъ войскомъ оную получили. Только одинъ старый полкъ лефортовскій былъ, а два полка гвардіи только на двухъ аттакахъ у Азова, и тѣ полевыхъ боевъ, а тѣмъ болѣе съ регулярными войсками, никогда не видывали. Прочіе же полки, кромѣ нѣкоторыхъ полковниковъ, какъ офицеры, такъ и рядовые, самые были рекруты, да къ тому же за позднимъ временемъ великій голодъ былъ, понеже за великими грязьми провіанта привозить было невозможно. Единымъ словомъ сказать можно: все то дѣло, яко младенческое играніе было, а искусства ниже вида. Какое же удивленіе старому, обученному, практикованному войску надъ такими неискусными сыскать викторію? Правда, сія побѣда въ то время зѣло печальна была и чувствительна, яко отчаянная всякія впредь надежды и за великій гнѣвъ Божій почитаемая. Но когда о томъ подумать, то воистину не гнѣвъ, но милость Божію должны мы исповѣдать. Ежели бы намъ тогда надъ шведами викторія досталась, бывшимъ въ такомъ неискусствѣ во всѣхъ дѣлахъ, какъ воинскихъ, такъ и политическихъ, то въ какую бѣду послѣ насъ оное счастіе низринуть могло, такъ же, какъ шведовъ, уже давно во всемъ обученныхъ и славныхъ въ Европѣ, которыхъ французы бичемъ нѣмецкимъ называли, подъ Полтавою столь жестоко низринуло, что всю ихъ максиму низомъ кверху оборотило. Но когда мы сіе несчастіе, или лучше сказать великое счастіе подъ Нарвою получили, то неволя лѣность

отогнала и къ трудолюбію и искусству день и ночь прилежать принудила, и войну вести уже съ опасеніемъ и искусствомъ велѣла".

Такъ судитъ самого себя человѣкъ великій, такъ сознается геній въ своихъ ошибкахъ. Дополнимъ здѣсь, что когда царь спѣшилъ начать войну, бился подъ Нарвою, былъ огромленъ неожиданнымъ бѣдствіемъ, въ одну зиму создалъ новое войско, и уговаривалъ Августа не уступать, скакалъ изъ Новгорода въ Москву, Воронежъ, Митаву, Псковъ и готовился вновь съ искусствомъ и опасеніемъ начинать битвы, всѣ другія предпріятія его были въ полномъ дѣйствіи Новые законы и преобразованія, управленіе финансовъ, внутреннее устройство, флотъ — ничто не останавливалось. Но поспѣшимъ за нимъ на поля брани, и въ отдѣльномъ очеркѣ соединимъ потомъ главнѣйшія черты другихъ подробностей царствованія Петра съ 1700-го и въ слѣдующіе года.

Разсказъ восьмой.

Карлъ XII-й въ Польшѣ. Петръ Великій занимаетъ Ингерманландію. Основаніе Петербурга.

1702 — 1703 гг.

. . . И думалъ Онъ:
„Отсель грозить мы будемъ шведу.
Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зло надмѣнному сосѣду.
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно“.

Пушкинъ.

Какъ различенъ былъ отъ Петра соперникъ его Карлъ XII-й! Кто не отдастъ дани удивленія юному, восемнадцатилѣтнему герою шведскому, безстрашно возставшему, когда союзъ трехъ сильныхъ державъ заставлялъ трепетать самыхъ твердыхъ и старыхъ совѣтниковъ его? Скажемъ ли: невольно желаете ему побѣды, когда потомъ видите его на берегу Зеландіи и Ливоніи съ малыми дружинами вѣрныхъ воиновъ, идущаго защищать свое царство. Удивляетесь ему среди его воинскаго стана, взирая на него въ пылу битвъ, безстрашнаго, непоколебимаго, переносящаго труды и опасности, забывающаго нѣгу и роскошь, суроваго, хладнокровнаго среди пуль и ядеръ. Онъ мгновенно уничтожаетъ силы Даніи, Россіи, Польши. Лифляндія не смѣетъ измѣнить ему. Все уступаетъ его воинскимъ дарованіямъ. Но здѣсь предѣлъ великимъ достоинствамъ Карла XII-го и нашему удивленію. Всѣ добрыя свойства короля шведскаго переходятъ за предѣлъ, дѣлаются пороками, и къ нимъ присоединяются недостатки пагубные. Твердость его переходитъ въ упрямство, мужество въ безразсудную отвагу, успѣхи рождаютъ въ немъ самонадѣянность, побѣды производятъ нестерпимую гордость. Ничтожный въ дѣлахъ государственнаго правленія, онъ жертвуетъ своимъ народомъ, его силою, храбростью, богатствами мечтѣ честолюбія, тщеславія, и храбрый воинъ, въ распоряженіяхъ своихъ съ самаго начала своего по-

прища не показываетъ дарованій великаго полководца: быстрота, ударъ, натискъ составляютъ всѣ разсчеты и всѣ средства его. Мечъ его и собственный примѣръ кажутся ему достаточнымъ и единственнымъ ручательствомъ всегдашней побѣды. И посмотрите, какъ постепенно забывается онъ, не думаетъ извлекать выгодъ изъ своихъ успѣховъ, и купивши миръ съ Даніею первою побѣдою, ничего не требовавши тогда отъ Даніи, кромѣ мзды справедливой, не думаетъ уже купить побѣдою выгодный миръ у царя русскаго и короля польскаго. Непримиримая ненависть, недостойная героя и государя, загарается въ его сердцѣ. Въ гордости своей, онъ неумолимъ: онъ хочетъ уничтожить царя и низвергнуть короля польскаго. Безразсудный, онъ не видитъ, какъ мало повредила нарвская побѣда его царю! Онъ думаетъ, что болѣе опасный ему соперникъ король польскій. Онъ не стыдится уже союза съ его мятежными подданными. Такъ впослѣдствіи гордость его, увлекаемая мщеніемъ и упрямствомъ, заставитъ его не гнушаться дружбою отвратительнаго измѣнника Мазепы. И судьба Карла XII-го рѣшена: еще нѣсколько лѣтъ безплодныхъ успѣховъ, и онъ падетъ передъ исполиномъ, который, не уступая ему въ мужествѣ, присоединялъ къ тому дарованія полководца, мудрость царя, смиреніе мудреца и призваніе человѣка геніальнаго. Если слова Вольтера, сказавшаго, что „исторія Карла XII-го занимательна, а исторія Петра Великаго поучительна", и что „Карлъ XII-й былъ достоинъ званія перваго гренадера въ войскѣ Петра" (méritait d'être le premier soldat de Pierre le Grand), если сей судъ остроумнаго историка покажется иному слишкомъ строгимъ и пристрастнымъ, пусть услышатъ судъ другого историка, обожающаго память Карла XII-го, какъ героя и великаго государя своего. Гейеръ, историкъ шведскій, изобразивъ Нарвскую битву, прибавляетъ: „Но сія побѣда, отгрянувшая во всей Европѣ, была пагубна шведскому оружію, ибо она научила Карла XII го презирать своего соперника, и какого соперника? Самаго страшнаго Швеціи. Какъ выше храбрости Карла было великодушіе Петра, основывающаго Петербургъ, когда монархъ шведскій искалъ побѣдъ въ Польшѣ, и какъ превосходила блестящія дарованія шведскаго короля мудрость русскаго государя, умѣвшаго превратить въ полезные уроки всѣ дѣла, всѣ успѣхи, всѣ ошибки своего противника!"

Мы оставили Карла XII-го на зимовкѣ въ Курляндіи, послѣ побѣдъ его надъ королемъ Августомъ. Онъ не объявлялъ еще тогда намѣренія своего низвергнуть Августа, хотя говорилъ полякамъ, что воюетъ не съ Польшею, а съ Августомъ, и потому уважая неприкосновенность земель польской республики, выводитъ войска свои изъ Литвы. Но гдѣ же могъ онъ сражаться съ Августомъ, если не хотѣлъ съ нимъ мириться, и какъ возможно было польскимъ чинамъ согласить требованія Карла XII-го съ обязанностью къ своему королю?

Мириться не хотѣлъ король шведскій. Униженный быстрыми побѣдами шведовъ, король Августъ не думалъ болѣе о союзѣ съ царемъ, не внималъ его обѣщаніямъ и просьбамъ не унывать въ бѣдствіи, и тайно искалъ ми-

лости побѣдителя. Карлъ XII-й отвергъ всѣ предложенія, даже не объявлялъ никакихъ требованій, на которыя, можетъ-быть, согласился бы Августъ, какъ ни тяжки могли быть условія, объявленныя ему. Пиперъ, черезъ котораго сносился Августъ, не смѣлъ ничего говорить своему королю, услышавши рѣшительный отказъ его. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда въ декабрѣ 1701 года, въ Варшавѣ открылся сеймъ.

Мы видѣли, что многіе изъ польскихъ вельможъ противились избранію Августа; что только посредничество царя возвело его на престолъ; что примасъ, обольщенный дарами Августа, едва спорилъ на его сторону, но Сапега все еще противился, бунтовалъ, поддерживалъ междоусобія, лично сражаясь съ гетманомъ Огинскимъ, приверженцемъ Августа. Борьба съ Сапегою не была опасна, но приближеніе побѣдителя страшно заволновало утихавшія страсти, снова перепутало всѣ отношенія, особенно когда Сапега прибѣгнулъ къ покровительству шведскаго короля. Шведы подкрѣпили его. Огинскій невольно началъ битвы съ ними. Примасъ и другіе вельможи еще колебались, думая, что могутъ выиграть многое, посредничествуя между Августомъ и Карломъ. Сеймъ объявилъ, что не допуститъ шведовъ нарушить нейтралитетъ Польши. За то требовалъ онъ, чтобы взаимно Августъ не вводилъ въ Польшу ни саксонскихъ, ни русскихъ войскъ, обязываясь за то отъ лица республики польской ходатайствовать о мирѣ съ королемъ шведскимъ. Августъ видѣлъ, что у него хотятъ отнять послѣднюю власть, но принужденъ былъ смиряться и безмолвно терпѣлъ оскорбленія. Тщетно требовалъ онъ отъ сейма прекращенія междоусобій Сапеги. Всюду встрѣчали Августа явное недоброхотство и наглая измѣна.

Оскорбленный нападеніемъ Огинскаго на шведовъ, Карлъ XII-й почелъ его достаточнымъ предлогомъ начать войну съ Польшею. Въ декабрѣ 1701 года посадилъ онъ въ сани 4,000 человѣкъ своей гвардіи и неожиданно явился съ ними въ Литвѣ. Огинскій узналъ, что король шведскій расположился безъ всякой осторожности въ мѣстечкѣ Тришкахъ, почью напалъ на шведовъ, но былъ разбитъ и преслѣдованъ до Ковно, гдѣ шведы переправились черезъ Вилію подъ огнемъ непріятеля. Огинскій бѣжалъ въ Вильну. Карлъ XII-й воротился въ Курляндію. Варшавскій сеймъ могъ видѣть, какъ мало думаетъ шведскій король уважать нейтралитетъ Польши, и еще болѣе узнали самовластіе Карла XII-го когда въ февралѣ 1702 г. вступилъ онъ со всѣмъ войскомъ своимъ въ Литву. Вишневецкій, хотѣвшій противиться ему, былъ разбитъ. Карлъ XII-й занялъ Вильну и марта 15-го перешелъ за Нѣманъ. Видѣли, что шведы идутъ прямо на Варшаву. Смятеніе сдѣлалось чрезвычайное. Сеймъ разошелся, утвердивъ только одно — отправленіе посольства къ королю шведскому для истребованія объясненій объ его непріязненныхъ поступкахъ. Августъ объявилъ посполитое рушеніе (всеобщее народное вооруженіе), призывая всѣхъ поляковъ къ оружію; его не слушали, ибо сеймъ не утвердилъ его призыва къ общему возстанію. Истощая всякія средства, Августъ послалъ наконецъ въ шведскій лагерь любовницу свою,

графиню Аврору Кенигсмаркъ, дочь храбраго шведскаго генерала и мать знаменитаго впослѣдствіи маршала де-Сакса. Аврора надѣялась, что ея красота и прелесть обращенія заставятъ неукротимаго Карла XII-го согласиться на предложенія Августа по крайней мѣрѣ, объявить условія мира. Пиперъ, обольщенный ею, обѣщалъ ей аудіенцію у короля своего. Карлъ XII-й угрюмо отвѣчалъ ему на требованіе аудіенціи, что съ бабами не хочетъ онъ имѣть никакого дѣла. Аврора еще не отчаявалась. Въ блескѣ красоты и наряда остановилась она на дорогѣ, гдѣ долженъ былъ проѣзжать Карлъ XII-й, вышла изъ своей кареты и ждала его. Увидѣвъ ее, Карлъ XII-й сердито оборотилъ свою лошадь и ускакалъ поспѣшно. Бѣдная графиня принуждена была удалиться и отмстила Карлу XII-му колкою сатирой, гдѣ изобразила бесѣду боговъ; каждый изъ нихъ хвалилъ Карла XII-го, но „только Венера и Вакхъ молчали, когда говорили и хвалили другіе“ (Vénus ni Bacchus n'en dirent pas un mot), говорила разсерженная красавица въ заключеніе своей сатиры. Августъ послалъ послѣ сего въ шведскій лагерь своего каммергера. „Мнѣ не о чемъ говорить съ курфирстомъ саксонскимъ“, отвѣчалъ Карлъ XII-й, и даже арестовалъ посланника, ибо для него забыли истребовать предварительно паспортъ шведскій. Не лучше графини Кенигсмаркъ принято было великолѣпное посольство сейма варшавскаго. Послы хотѣли торжественнаго пріема и встрѣчи придворными королевскими чинами, требовали королевскихъ каретъ. Имъ отвѣчали, что у короля нѣтъ ни каретъ, ни придворныхъ, и что ему некогда толковать объ этикетѣ. Принужденные согласиться на столь важную уступку, послы просто введены были въ солдатскую палатку короля шведскаго и начали свои велегласныя рѣчи. „Господа!“ перебивая возгласы ихъ, сказалъ Карлъ XII-й — „мнѣ нѣтъ времени васъ слушать; я спѣшу въ Варшаву - тамъ переговоримъ обо всемъ“. Онъ вышелъ и оставилъ изумленныхъ пословъ, а мая 15-го шведы вступили въ польскую столицу, откуда поспѣшно бѣжалъ Августъ, и разъѣхались послы иностранные, при немъ бывшіе, и всѣ его сообщники. Король шведскій немедленно обнародовалъ манифестъ, призывая поляковъ соединиться съ нимъ. Но изъясненія о томъ, чего онъ требовалъ, были все еще темны. Примасъ отправился къ королю шведскому, его ввели прямо въ комнату, гдѣ онъ увидѣлъ шведскаго героя, въ его синемъ, застегнутомъ до шеи большими мѣдными пуговицами мундирѣ, въ огромныхъ ботфортахъ и замшевыхъ до локтей перчаткахъ. Опираясь на длинную свою саблю, Карлъ XII-й приподнялъ немного свою шляпу и громко началъ говорить примасу: „Знаю, зачѣмъ вы пріѣхали — вы хотите просить мира?“ — Государь! мы еще не знаемъ условій — отвѣчалъ примасъ. „Если вы еще не догадались, такъ я вамъ скажу ихъ“, поспѣшно перебилъ рѣчь его король — „Польша должна избрать другого короля — безъ того ей нѣтъ мира!“

Аудіенція примаса кончилась въ четверть часа. „Идите и передайте мои слова кому надобно“, сказалъ ему король и указалъ на двери. Рѣшеніе, объявленное Карломъ XII-мъ, встревожило всѣхъ, и друзей и враговъ Авгу-

ста. Онъ рѣшился послѣ сего оспорить волю неумолимаго противника оружіемъ и повелъ къ Варшавѣ войско. У него было 12.000 саксонцевъ и 12,000 поляковъ. Карлъ XII-й только того и желалъ. Онъ спѣшилъ на встрѣчу Августа съ 12,000 шведовъ. Оба короля сами предводительствовали своими войсками. Битва происходила подъ Клишовымъ, 9-го іюля 1702 года. Въ самомъ началѣ пушечное ядро поразило юнаго герцога голштинскаго, супруга любимой сестры короля, за котораго сражался онъ съ датчанами. Герцогъ стоялъ подлѣ Карла XII-го. „Убитъ?" спросилъ хладнокровно Карлъ, и когда ему сказали, что герцогъ убитъ, онъ замолчалъ — только слезы брызнули у него изъ глазъ. „Впередъ!" закричалъ онъ, устремился въ бой и ничто не удержало его бѣшеной ярости. Поляки первые побѣжали въ безпорядкѣ. Августъ также не щадилъ себя. Около 3,000 саксонцевъ было убито и ранено; 48 пушекъ достались побѣдителямъ. Карлъ XII-й занялъ Краковъ.

Но битва Клишовская далеко не рѣшала дѣла. Августъ хотѣлъ сражаться до послѣдней крайности, и многіе поляки не отставали отъ него, надѣясь выгодъ; другіе боялись силы его и войскъ его союзника царя; нѣкоторые не успѣли еще согласиться въ условіяхъ измѣны. Народъ ненавидѣлъ шведовъ. Вельможи польскіе оскорблялись самовластіемъ Карла XII го. Гордость ихъ жестоко страдала, унижаемая имъ. Тяжкія контрибуціи, наложенныя Карломъ XII-мъ, и огромные поборы запасовъ довершали общее неудовольствіе. Карлъ XII-й спѣшилъ за Августомъ, набиравшимъ новыя войска, но нечаянно упалъ съ лошади, переломилъ ногу, принужденъ былъ пролежать шесть недѣль въ постели, даже разнесся слухъ объ его смерти. Августъ воспользовался бездѣйствіемъ соперника, получилъ подкрѣпленіе изъ Саксоніи, занялъ Варшаву и въ Люблинѣ собралъ сеймъ, гдѣ всѣ клялись ему уничтожить мятежнаго Сапегу и воевать, если король шведскій не согласится на миръ. Едва вылѣчился Карлъ XII-й, какъ уже спѣшилъ къ Варшавѣ и устремился на Августа, который не смѣлъ дожидаться его и ушелъ съ войскомъ своимъ въ Торунъ. Король шведскій велѣлъ собираться сейму въ Варшавѣ и объявить Августа низверженнымъ съ престола, а престолъ польскій празднымъ. Осмѣлились представить ему, что война послѣ сего можетъ продолжиться, и тѣмъ болѣе, что между тѣмъ русскіе начинаютъ воевать успѣшно. „Пусть ихъ воюютъ", отвѣчалъ онъ, „а еслибы мнѣ надобно было прожить въ Польшѣ пятьдесятъ лѣтъ, я не пойду изъ нея, пока не уничтожу Августа". Онъ послалъ разорять помѣстья сообщниковъ Августа и устремился на него самого изъ Варшавы. Зимнее время остановило походъ. Января 19-го 1703 года шведы расположились на зимнія квартиры. Карлъ XII-й зимовалъ въ Люблинѣ.

Царь встрѣтилъ новый 1702 годъ въ Москвѣ, праздновалъ эррестфертскую побѣду Шереметева, принялъ посла королевы Анны, вступившей 19-го марта на англійскій престолъ, по кончинѣ супруга ея Вильгельма III-го, и распоряжался охраненіемъ границъ. Корпусъ князя Шаховскаго стоялъ

въ Смоленскѣ, готовый помогать королю Августу. Корпусъ Апраксина былъ въ Ладогѣ противъ Кроніорта. Шереметеву велѣно было дѣйствовать на Эстляндію изъ Пскова. Русскіе начали разбитіемъ на Чудскомъ озерѣ шведской флотиліи, и завладѣли Сыренскомъ и крѣпостью на устьѣ Эмбаха. Лѣтомъ Шереметевъ двинулся въ Эстляндію и 18-го іюля снова разбилъ Шлиппенбаха подъ Гуммельсгофомъ, взялъ 15 пушекъ, 15 знаменъ, 300 плѣнныхъ. Шлиппенбахъ укрылся въ Перновъ. Эстляндія оставалась безъ защиты. Русскіе овладѣли Венденомъ и въ августѣ осадили Маріенбургъ; городъ сдался, но своевольный взрывъ порохового магазина однимъ изъ офицеровъ почтенъ былъ нарушеніемъ капитуляціи и Маріенбургъ отданъ былъ на грабежъ. Города Вольмаръ, Гельметъ, Смилтенъ, Каркусъ, Везенбергъ претерпѣли равную участь. Тысячи жителей были уведены въ Россію. Шведскіе отряды бѣжали отовсюду; одинъ изъ нихъ былъ разбитъ подъ Ригою. Опустошенія являлись въ то время необходимымъ слѣдствіемъ войны и не почитались свирѣпостью. „Борисъ Петровичъ гостилъ въ Лифляндіи изрядно“, писалъ царь Апраксину, „два города нарочитыхъ, да шесть малыхъ взялъ и полону до 12,000, кромѣ служивыхъ“. Шереметевъ доносилъ изъ Маріенбурга, что русскіе отряды семь дней безпрерывно грабили всѣ окрестности, увели 20,000 штукъ скота, выжгли 600 селеній „ѣли всѣми полками, а чего не могли поднять, то попалили и порубили“. Можно судить о добычѣ потому, что въ три года на содержаніе корпуса Шереметева отпущено было изъ царской казны только 40,000 рублей на всѣ расходы; остальное дополнялось насильственными поборами и грабежемъ въ Эстляндіи.

Замѣтимъ, что при разграбленіи Маріенбурга попалась въ плѣнъ русскимъ бѣдная сирота, изъ дворянскаго польскаго рода Скавронскихъ. Воспитанная въ лютеранскомъ законѣ ученымъ, почтеннымъ пасторомъ Гликомъ, за нѣсколько дней до взятія Маріенбурга вышла она за шведскаго офицера, Рабина. Она осталась у своего воспитателя, когда супругъ ея сражался съ русскими и погибъ въ битвѣ. Почтенный пастортъ, видя опустошеніе города, и угрожающую погибель, съ библіею подъ мышкою и съ крестомъ въ рукѣ, съ семействомъ своимъ и юною питомицею явился къ Шереметеву. Русскій полководецъ принялъ его ласково, и услышавъ, что Гликъ знаетъ русскій языкъ и занимается переводами на него, сказалъ, что царю такіе люди надобны. Онъ отправилъ его въ Москву. Увидимъ, какая неожиданная участь предназначена была судьбою юной воспитанницѣ Глика. Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ — она была супругою русскаго царя.

Шереметевъ возвратился въ Псковъ сентября 9-го. Апраксинъ въ августѣ сражался съ Кроніортомъ на рѣкѣ Ижорѣ, сбилъ его отряды и прогналъ до рѣчки Славянки, но всѣ сіи дѣйствія были только преддверіемъ дѣлъ важнѣйшихъ, гдѣ явился самъ царь.

Шведы снова угрожали Архангельску. Царь отправился туда изъ Москвы весною, заложилъ тамъ крѣпость Новодвинскую, спустилъ на воду два новые фрегата, прожилъ въ Архангельскѣ почти все лѣто, и видя, что шведы

не думаютъ нападать на Архангельскъ, рѣшился на отважное предпріятіе. Онъ посѣтилъ Соловецкій монастырь, гдѣ за восемь лѣтъ видѣли его пылкимъ, неопытнымъ юношею. Съ нимъ былъ теперь 13-ти лѣтній царевичъ Алексѣй. По прежнему царь былъ привѣтливъ съ иноками, пѣлъ съ ними на крылосѣ, бесѣдовалъ за ихъ трапезою, но воротился отсюда уже не въ Архангельскъ.

По его повелѣнію сдвигались тогда русскія войска на берега Невы. Царь отплылъ изъ Соловецкой обители, и присталъ, съ 13-ю судами и 4,000 войска съ нимъ бывшаго, въ деревнѣ Нюхчѣ. Тысячи народа собраны были здѣсь, рубили лѣсъ, устилали пути по болотамъ, и царь велѣлъ по настланнымъ мостамъ тянуть съ морскаго берега, переходя изъ рѣки въ рѣку, черезъ болота и озера, двѣ яхты отъ самой Нюхчи до Повѣнца, селенія лежащаго на Онежскомъ озерѣ. Разстояніе составляло около 160 верстъ. Самъ царь былъ тутъ, ѣхалъ, шелъ пѣшкомъ впереди, измѣрялъ, указывалъ, и все разстояніе до Повѣнца пройдено было въ десять дней. Донынѣ показываютъ тамъ слѣды просѣкъ и мостовъ, называя этотъ неслыханный до тѣхъ поръ путь царскимъ. „Флотъ шелъ по суху его велѣніемъ", восклицаетъ Ломоносовъ, описывая походъ Петра—„усердіе русское замѣняло ему вѣтеръ и паруса!" По Онежскому озеру и рѣкою Свирью въ яхтахъ своихъ спустился царь къ Ладожскому озеру, предполагая истребить находившуюся здѣсь шведскую флотилію. Но полковникъ Тыртовъ до прихода его напалъ въ лодкахъ на шведовъ и разогналъ ихъ. Царь проѣхалъ сухимъ путемъ въ Ладогу и достигъ туда 5-го сентября; 22-го пришелъ Шереметевъ съ войскомъ изъ Пскова. Русскіе двинулись къ Нотебургу. Не было лошадей и пушки везли люди. Надобно было шведамъ заградить путь съ моря по Невѣ—изъ Ладожскаго озера перетащили въ Неву, по берегу мимо Нотебургской крѣпости, 50 лодокъ, и 1-го октября началась знаменитая осада Нотебурга.

Сія сильная шведская крѣпость была основана русскими. Нева, вытекая изъ Ладожскаго озера, образуетъ на срединѣ теченія своего при самомъ истокѣ островъ, по овальной фигурѣ издревле названный русскими Орѣшекъ. Видя важность сего мѣста, защищавшаго входъ въ Ладожское озеро, новгородцы еще въ 1324 году заложили на островѣ крѣпость. Шведы завладѣли ею въ 1347 году, потомъ въ 1411 году, и каждый разъ русскіе выгоняли ихъ, пока по Столбовскому миру Орѣшекъ отданъ былъ шведамъ. Они переименовали его Нотебургомъ (то есть, перевели русское названіе: note, орѣхъ), укрѣпили его и держали въ немъ сильный гарнизонъ. Храбрый Шлиппенбахъ былъ тогда начальникомъ Нотебурга, отказался сдать крѣпость, десять дней выдерживалъ сильную осаду, въ продолженіе которой 8000 ядеръ, 4500 гранатъ и 2500 бомбъ было употреблено противъ крѣпости. Царь рѣшился взять Нотебургъ штурмомъ, и велѣлъ идти на приступъ подполковнику преображенскому, князю Мих. Мих. Голицыну. Какъ левъ бросился Голицынъ. Лѣстницы оказались коротки. Русскіе полѣзли на валы на

штыкахъ. Шведы не сдавались. Царь велѣлъ отступать. „Скажите царю, что теперь я ужъ не его, а Божій!“ вскричалъ Голицынъ и снова бросился въ огонь. Шлиппенбахъ, видя непобѣдимую отвагу русскихъ, предложилъ сдачу („ударилъ шамадъ и принужденъ былъ къ договору склониться“, какъ сказано было въ описаніи взятія Нотебурга). Онъ получилъ дозволеніе оставить крѣпость. Шведовъ уцѣлѣло не болѣе 250 чаловѣкъ, и въ томъ числѣ 150 раненыхъ. Русскіе потеряли 1500 убитыми и ранеными. Въ Нотебургѣ найдены 130 пушекъ и большой запасъ ядеръ и пороху. Царь велѣлъ возобновить укрѣпленія, работалъ самъ съ Меншиковымъ, Нарышкинымъ, Зотовымъ, Головинымъ, оставилъ въ крѣпости сильный гарнизонъ и переименовалъ Нотебургъ—Шлиссельбургомъ, то есть, ключемъ-городомъ, говоря, что Шлиссельбургъ отопретъ Россіи Балтійское море. На медали, выбитой по сему случаю изображено было взятіе крѣпости съ надписью: Девяносто лѣтъ находилась у непріятеля. Царь пробылъ въ Шлиссельбургѣ до декабря, распорядилъ войсками, отпустилъ Шереметева въ Псковъ, назначилъ Меншикова коммендантомъ Шлиссельбургскимъ, велѣлъ ему здѣсь и въ Олонцѣ строить суда, и 6 го декабря торжественно ввелъ войска свои въ Москву. Плѣнные шведы, ключи Шлиссельбурга, пушки непріятельскія были украшеніемъ шествія побѣдителей. Зимою русскіе подходили къ Нарвѣ — наступалъ часъ расплатиться за постыдную битву Нарвскую.

Карлъ XII-й все еще презиралъ успѣхи русскихъ. Едва открылась возможность къ походу весною, онъ готовился преслѣдовать Августа. Войско шведское было усилено помощью изъ Швеціи. Посѣтивъ мятежную Варшаву, Карлъ XII й спѣшилъ напасть на остатки саксонскаго войска, переправился черезъ Бугъ и 20-го апрѣля догналъ саксонцовъ подъ Пултускомъ. Они бѣжали при первомъ ударѣ шведовъ. Карлъ XII-й осадилъ Торунъ. Недостатокъ пушекъ задержалъ осаду. Только 9-го сентября шведы начали траншеи. Карлъ XII-й, какъ всегда и вездѣ, не думалъ беречь себя. Рядомъ съ нимъ убитъ былъ на баттареѣ генералъ его Ливенъ, едва только перешелъ на то мѣсто, гдѣ за минуту стоялъ король. Говорили, что это нечаянное событіе еще болѣе усилило упрямую вѣру шведскаго короля въ предопредѣленіе. Октября 3-го Торунъ сдался. Шведы устремились къ Данцигу и обложили контрибуціею сей богатый и торговый городъ. Раздраженный упорствомъ Эльбинга, гдѣ находились большіе запасы саксонцевъ, Карлъ XII-й поклялся истребить упорныхъ жителей его. Едва умолили они пощадить ихъ, стоя на колѣняхъ, когда шведы приблизились 13-го декабря. Тяжкая контрибуція, огромный запасъ артиллерійскій и всѣ магазины взяты были побѣдителями. Карлъ XII-й остался зимовать въ польской Пруссіи, учредивъ главную квартиру свою въ Гейдельсбергѣ.

Казалось, послѣ сего ничто не могло противиться шведскому королю. Войска его, обогащенныя добычею, повелѣвали Польшей. Защитники Августа всюду оставляли его сторону. Самъ Августъ бѣгалъ изъ одного города въ другой отъ шведскихъ отрядовъ, разосланныхъ для преслѣдованія его.

Всюду соединялись голоса избирателей на его низверженіе. Огинскій былъ разбитъ Левенгауптомъ въ битвѣ, гдѣ 1000 шведовъ сражались съ 6000 поляковъ; въ добычу шведамъ досталось здѣсь 11 пушекъ. Два полка русскіе, бывшіе у Огинскаго, легли на мѣстѣ. Карлъ XII-й пожаловалъ за то Левенгаупта генералъ-маіоромъ, графомъ и генералъ-губернаторомъ Курляндіи. Удобство сношеній съ Швеціею, Ливоніею и Помераніею безпрерывно доставляло въ Польшу свѣжее войско и давало средство пересылать въ Швецію добычу.

Но прочно ли было своевластное владычество Карла XII-го? Увидимъ изъ событій. Когда, подобно удалому наѣзднику, король шведскій преслѣдовалъ Августа, твердою стопою сталъ великій соперникъ его на берегахъ балтійскихъ, и силою отнялъ то, чего просилъ до войны въ залогъ мира. Въ 1702 году царь взялъ древнее достояніе Россіи, старинный Орѣшекъ, а въ 1703 году онъ овладѣлъ всею Невою и устроилъ приморскій городъ и крѣпость тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ невѣдома была власть русскаго царя.

Рѣка Нева, выходя изъ Ладожскаго озера, течетъ искривленною дугою на западъ, и протекая около 60 верстъ, впадаетъ въ Финскій заливъ, составляющій углубленіе Балтійскаго моря на востокъ, между берегами Ингерманландіи и Финляндіи. Широкое устье Невы, закрытое островами, свободное плаваніе по Невѣ и водное сообщеніе съ Новгородомъ черезъ Ладожское озеро и Волховъ, сей древній путь ганзеатической торговли въ Россію, подали царю мысль основать городъ и учредить портъ въ устьѣ Невы, откуда свободно могъ онъ дѣйствовать на берегахъ Эстоніи, Ливоніи и Финляндіи. Зимою 1702 года все изготовилось къ этому важному предпріятію.

Недалеко отъ устья Невскаго, тамъ, гдѣ вливается въ Неву рѣчка Охта, еще въ 1300 году шведы построили крѣпость Ландскрону. Новгородцы разорили ее. Делагарди, укрѣпивъ за Швеціею Ингерманландію въ 1611 г., возобновилъ древнюю Ландскрону и основалъ на мѣстѣ ея городъ Ніенъ (то есть, Новгородъ). Крѣпость, защищавшая сей городъ, названа была Ніеншанцомъ. Въ началѣ XVII вѣка выгодное положеніе Ніена привлекло въ него морскую торговлю, такъ, что число приходившихъ сюда кораблей простиралось ежегодно до ста. Начавшаяся въ 1700 году война съ Россіею удалила изъ Ніена не только всю торговлю, но даже и жителей; остатокъ ихъ бѣжалъ послѣ взятія Нотебурга. Предчувствовали что царь русскій скоро явится здѣсь, и не надѣялись защититься отъ его сильныхъ войскъ, особенно, когда охранитель Ингерманландіи Кроніортъ удалился за Неву, а русскіе отряды безпрерывно являлись близъ Ніена. Въ разныхъ мѣстахъ оставались здѣсь только коренные жители ніенскихъ окрестностей, бѣдные чухонцы. Но шведы усилили однакожъ укрѣпленія Ніеншанца, ввели въ него сильный гарнизонъ, и надѣясь на помощь съ моря, не боялись русскихъ.

Царь прожилъ въ Москвѣ до февраля мѣсяца. Изъ Москвы ѣздилъ онъ въ Воронежъ. Съ нимъ была большая свита, и при немъ находился тогда прусскій посланникъ Кейзерлингъ. Путь былъ на Рязань. Царь осмотрѣлъ

соединеніе Дона съ Окою, начатое прежде, и заложилъ близъ Ряжска новый городъ, назвавъ его Раненбургомъ. Увѣдомляя о томъ Меншикова, царь извѣщалъ, что на четырехъ углахъ новаго города онъ и спутники его пили при заложеніи секъ, рейнвейнъ, пиво и медъ. Прусскій посланникъ подписался подъ письмомъ царя стихами, желая распространенія славы его въ цѣломъ свѣтѣ (Gott mache seine Ehre in der ganzen Welt bekannt).—„Отъ сердца опорожнилъ я сегодня много стакановъ“ (Vom Herzen habe ich heute viel Gläser ausgetrunken) подписалъ полковникъ Ренъ. Недолго пробывши въ Воронежѣ, царь отправился въ Новгородъ, и въ концѣ марта пріѣхалъ въ Шлиссельбургъ, осмотрѣлъ окрестности Ніеншанца, посѣтилъ олонецкую верфь, съѣздилъ въ Псковъ. Апрѣля 24-го Шереметевъ двинулся къ Ніеншанцу на лодкахъ по Невѣ, 26-го русскіе окружили крѣпость. Войска русскаго было до 20,000. Сопротивленіе являлось безразсудствомъ, но Ніеншанцскій коммендатъ не сдавался. Началось бомбардированіе и скоро побѣдило его упорство. Мая 1-го 1703 года русскіе вступили въ Ніеншанцъ. Комменданту его, полковнику Аполлову, позволено было удалиться съ гарнизономъ въ Выборгъ. Преображенцы первые вошли въ завоеванную крѣпость.

Пока осаждали Ніеншанцъ, царь проплылъ подъ пушками сей крѣпости по Невѣ, осмотрѣлъ устье рѣки и острова, и воротился къ Ніеншанцу, когда онъ уже покорился. Велѣно было готовить лодки, ибо разнесся слухъ, что къ устью Невы приближается шведская эскадра. Дѣйствительно, мая 2-го раздались въ устьѣ Невы шведскіе сигналы. Тщательно скрыты были всѣ признаки того, что Ніеншанцъ уже находится во власти русскихъ. Два шведскія судна, Астрель о 14-ти, и Геданъ, о 10-ти пушкахъ, вошли въ Неву. Тридцать лодокъ, проплывшихъ по рукаву Невы (нынѣшней Фонтанкѣ), затаились за островкомъ (гдѣ нынѣ деревня Калинкина). Бурный вечеръ скрылъ засаду русскихъ. Самъ царь былъ на лодкахъ. Тихо выплылъ онъ на Неву, перерѣзалъ отступленіе шведамъ, первый приблизился къ шведскимъ судамъ, первый бросился на бортъ Астреля, и послѣ минутнаго, отчаяннаго сопротивленія шведы сдались; изъ 77 человѣкъ было убито и потоплено 58. Съ пальбою повелъ царь взятыя суда къ Ніеншанцу.

Общій голосъ генераловъ и офицеровъ рѣшилъ, что бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ, и помощники его, поручики Меншиковъ и Головкинъ, достойны награды орденомъ св. Андрея. Царь возложилъ его на себя, на Меншикова и Головкина. „Хотя и недостойны, но пожалованы мы отъ фельдмаршала (Шереметева) и адмирала (Головина) кавалерами ордена св. Андрея“, писалъ царь Апраксину. „Поздравляю васъ неслыханною доселѣ викторіею, и истинно могу сказать, что въ битвѣ нашей съ шведскими кораблями насъ не болѣе восьми лодокъ было“. Царь ознаменовалъ свою побѣду медалью, съ надписью: Небываемое бываетъ!

Онъ пробылъ въ Ніеншанцѣ все лѣто и осень. Занятія его были разнообразны, но главное составляло достопамятное заложеніе новаго города на устьѣ Невы. Сначала царь хотѣлъ было распространить Ніеншанцъ, и пере-

именовалъ его Шлотбургомъ, но вскорѣ намѣреніе его измѣнилось. Осматривая берега невскіе, покрытые дремучимъ лѣсомъ и болотами, дикіе, мало заселенные, онъ рѣшилъ произвесть устроеніе города и крѣпости ближе къ невскому устью, и положилъ воздвигнуть городъ обширный, привлечь въ него торговлю, учредить въ немъ большую верфь, крѣпко оградить его съ моря. Положеніе мѣста прельстило царя тѣмъ еще болѣе, что онъ могъ построить городъ въ родѣ памятнаго ему, любимаго имъ Амстердама. Къ самому приморью находился здѣсь обширный островъ Гирвисари, то есть Лосиный (нынѣ Васильевскій); въ право отъ него другой, Койвисари, то есть Березовый (нынѣ Петербургская Сторона), раздѣлявшійся протокомъ отъ острова Корписари (нынѣ Аптекарскаго). Лѣвый берегъ (нынѣшнюю Адмиралтейскую Сторону) прорѣзывали двѣ рѣчки (нынѣ Мойка и Фонтанка). Прибавить къ такому обилію водъ искусственные каналы и осушить ими мѣстоположеніе. На островахъ, далѣе въ заливѣ Финскомъ лежащихъ, устроить морскія пристанища, а на невскихъ островахъ расположить русскій Амстердамъ—такова была мысль царя, и все мгновенно обдумалъ и рѣшилъ онъ: 16-го мая 1703 года, въ Троицынъ день, положено было имъ основаніе Петербурга.

Невозможно предполагать, чтобы въ 1703 году, царь уже думалъ о перенесеніи столицы и резиденціи своей на берега Невы. Вѣроятнѣе, что онъ хотѣлъ только устроить здѣсь обширный торговый городъ и военный портъ, которые дали бы ему средства взять Балтійское море въ обладаніе, сблизиться съ Европою и угрожать Швеціи. Нарва не представляла ему надлежащихъ удобствъ, а обладать Ригою онъ не могъ надѣяться, хотя еще при началѣ войны говорилъ: „Пусть Августъ беретъ Ригу—ей не уйти отъ насъ!“ Но закладывая городъ во имя свое, онъ хотѣлъ однакожъ воздвигнуть его обширный и могущественный—прорубить окно въ Европу, какъ говоритъ остроумный Альгаротти. Оцѣнимъ ли величіе духа того, кто обдумалъ и утвердилъ сіе предпріятіе, когда вся Европа дивилась его противнику, когда отъ власти шведовъ не были еще очищены окрестности Петербурга, не говоря уже о совершенной побѣдѣ надъ горделивымъ врагомъ? Но Петръ былъ провидецъ, ибо геній его, возвышаясь надъ другими людьми, провидѣлъ будущее.

Намъ драгоцѣнны даже малыя подробности основанія нынѣшней великолѣпной столицы русскаго царства.

Точкою начала ея постановилъ царь небольшой островокъ Енисари, на главномъ протокѣ Невы, тамъ, гдѣ раздвигается она на два рукава, Неву и Невку, обтекая островъ Койвисари (Березовый, или Петербургскую Сторону). Енисари отдѣлялся отъ Койвисари небольшимъ протокомъ, и царь назначилъ построить на немъ и на берегу Койвисари крѣпость. Заграждая Неву, она могла защищать городъ, который предполагали расположить на Койвисари. Обтекая Енисари, Нева еще дѣлится на два рукава, Большую и Малую Неву, такъ, что Койвисари и Гирвисари (Лосиный, или Васильев-

скій островъ) составляютъ съ Енисари три мыса вмѣстѣ — Стрѣлку. Здѣсь предположено было устроить охранительныя батареи.

Строеніе Петербурга началось закладкою на Енисари крѣпости, во имя св. апостоловъ Петра и Павла, о шести бастіонахъ; первый былъ начатъ находящійся въ лѣво отъ Петровскихъ воротъ и обращенный лѣвымъ фасомъ къ Петербургской Сторонѣ. Каждый бастіонъ отданъ былъ подъ надзоръ особеннаго надзирателя: одинъ сооружалъ самъ царь, другіе Меншиковъ, Головинъ, Нарышкинъ, Трубецкой и Зотовъ. Половина бывшаго тогда въ Петербургѣ войска, плѣнные шведы, нѣсколько тысячъ крестьянъ, присланныхъ изъ Новгорода и Олонца, и окрестныхъ чухонцевъ, всего до 40,000 человѣкъ, работали неусыпно все лѣто и всю осень, рубили лѣсъ, носили землю, строили дома. Къ осени земляные валы крѣпости были окончены и на Лосиномъ островѣ были устроены охранныя батареи; на нихъ и на крѣпостныхъ валахъ Петро-Павловскихъ поставили до 300 пушекъ. Въ крѣпости сооружена была небольшая церковь, деревянная, во имя св. апостоловъ Петра и Павла, и протянуты четыре линіи домиковъ, покрытыхъ землею и досками, для коменданта и офицеровъ, съ арсеналомъ, магазинами, лютеранскою кирхою и аптекою. На царскомъ бастіонѣ развѣвался флагъ съ изображеніемъ орла, держащаго въ когтяхъ четыре моря (Балтійское, Азовское, Бѣлое и Каспійское). На островѣ Койвисари, внѣ крѣпости, на берегу, построенъ былъ домикъ для пребыванія царя — онъ хранится до нынѣ, сей драгоцѣнный домикъ, на благоговѣніе потомству. Кто изъ насъ не видалъ его? Кто не преклонялъ въ стѣнахъ его колѣнъ? Двѣ небольшія комнаты, раздѣленныя сѣнями, съ кухнею, составляли жилище царя. Домикъ внутри былъ обитъ холстиною и выбѣленъ, а снаружи раскрашенъ въ голландскомъ вкусѣ кирпичиками; на крышѣ его была для украшенія поставлена деревянная мортира; по угламъ видны были деревянныя, крашеныя, пылающія бомбы. (Благоговѣніе народное къ чудотворной иконѣ, поставленной царемъ въ домикѣ и бывавшей съ нимъ въ походахъ его, превратило нынѣ одну изъ комнатъ домика въ часовню, куда во множествѣ собираются благочестивые люди молиться, тамъ, гдѣ великій царь мыслилъ и молился о благѣ русскаго царства). Подлѣ домика выстроили обширный домъ Меншикову. Здѣсь царь давалъ пиры, принималъ пословъ и держалъ совѣты. Тысячи балагановъ, хижинъ и землянокъ — покрывали Петербургскую Сторону, и — вотъ что былъ великолѣпный Петербургъ въ первый годъ существованія его.

Шведы встревожились, слыша о заложеніи новой крѣпости въ устьѣ Невы, но эскадра ихъ, плавая все лѣто по Финскому заливу, не смѣла ничего предпринять. Въ іюлѣ Кроніорту, ушедшему въ Выборгъ, велѣно было идти и разорить Петербургъ. Онъ собралъ 12,000 войска, дошелъ до рѣчки Сестры по финляндскому берегу, и не смѣлъ спуститься далѣе, зная, что сильное войско и самъ царь при немъ охраняютъ новый городъ. Царь не захотѣлъ оставить въ окрестностяхъ Петербурга столь опаснаго сосѣда; самъ повелъ противъ него 6000 гвардіи и драгуновъ, оттѣснилъ шведовъ съ уро

номъ и заставилъ удалиться послѣ небольшой битвы. Въ октябрѣ поѣхалъ онъ осматривать строеніе судовъ въ Олонцѣ и Ладейномъ Полѣ, заложилъ тамъ 6 фрегатовъ и 9 шнявъ, и воротился на фрегатѣ Штандартъ, первомъ русскомъ военномъ кораблѣ, явившемся на волнахъ Балтійскихъ. Шведская эскадра удалилась въ концѣ осени. Царь отправился тогда осмотрѣть окрестные берега Финскаго залива, не смотря на то, что море уже замерзало около береговъ. Самъ онъ промѣрялъ фарватеръ Невы и Финскаго залива, и обрадовался, когда увидѣлъ возможность на островѣ Котлинѣ (по-фински Ретусари), отстоящемъ въ 30 верстахъ отъ Петербурга и въ 7-ми верстахъ отъ ближайшаго берега Ингерманландіи, устроить сильную крѣпость. Зимою велѣно было по льду возить туда лѣсъ, и крѣпость выстроить непремѣнно къ веснѣ, учредивъ сторожевую батарею въ морѣ при самомъ началѣ фарватера. Возвратясь въ Петербургъ, царь распустилъ войско на зимнія квартиры, оставя только четыре полка, назначивъ комендантомъ крѣпости полковника Рена, а губернаторомъ петербургскимъ любимца своего Меншикова. Сей любимецъ царя все еще былъ тогда поручикомъ гвардіи, хотя имѣлъ уже Андреевскій орденъ. Взятый Лефортомъ изъ-за лотка съ пирогами и поступившій въ царскіе денщики и потѣшные, Меншиковъ всюду былъ до сего времени неразлучнымъ спутникомъ Петра Великаго, въ Архангельскѣ, подъ Азовомъ, въ путешествіи по Европѣ, на Сардамской верфи, по возвращеніи въ Москву, въ походѣ подъ Нарву, въ приступѣ къ Шлиссельбургу. Никто лучше его не понималъ воли царя, никто лучше его не умѣлъ исполнять его велѣній. Умъ и храбрость, при дарованіяхъ полководца и министра, неутомимость, страсть къ наукѣ, отличали Меншикова. Когда благодарилъ онъ царя за пожалованіе его въ шлиссельбургскіе коменданты — „Ты не мнѣ, но себѣ обязанъ почестью“ — отвѣчалъ ему царь. — „Знай, мой другъ, что еслибы я нашелъ кого достойнѣе, то его, а не тебя произвелъ бы въ коменданты“. Царь осыпалъ въ то же время любимца своего богатствами, и вскорѣ Меншиковъ вполнѣ заступилъ у него мѣсто Лефорта, до сихъ поръ никѣмъ не занятое, былъ его министромъ, полководцомъ и другомъ. Императоръ Леопольдъ прислалъ Меншикову дипломъ на графское достоинство. Черезъ пять лѣтъ Меншиковъ былъ уже князь и фельдмаршалъ. Но драгоцѣннѣе всѣхъ наградъ были дружба и довѣренность царя. Петръ писалъ къ нему въ письмахъ: „Сердце мое“, называлъ его Алексашей и удостоивалъ безграничной довѣренности. Прибавимъ, что Меншиковъ былъ ровесникъ Петру, прекрасный собою, крѣпкій, неутомимый, сильный, и веселаго, увлекательнаго характера.

Когда царь закладывалъ и охранялъ свою будущую столицу, военныя дѣйствія не прекращались въ Эстляндіи. Шереметевъ, идя въ августѣ съ береговъ Невы, овладѣлъ вновь крѣпостями Копорьемъ и Ямбургомъ. Вторая изъ нихъ важна была, какъ защита Петербурга. Царь велѣлъ укрѣпить ее. Шереметевъ перешелъ рѣку Нарову, и съ 10,000 конницы и полкомъ пѣхоты двинулся на Шлиппенбаха. Но шведскій генералъ уже не смѣлъ сра-

жаться съ нимъ, ушелъ въ Ревель, не препятствовалъ русскимъ вновь опустошать Эстляндію, гдѣ только Нарва, Дерптъ, Перновъ и Ревель не испытали еще губительнаго меча русскаго. „Остаются только цѣлы у непріятеля Ревель, Перновъ и Рига, кромѣ Дерпта и Нарвы", писалъ Шереметевъ царю, „а все остальное опустошено, и не знаю чѣмъ могутъ прокормиться зимою непріятели". На зиму Шереметевъ сталъ во Псковѣ, Апраксинъ былъ въ Ямбургѣ, Рѣпнинъ находился въ Копорьѣ.

Но самъ неутомимо дѣйствуя на сѣверѣ, царь не упускалъ дѣятельнаго надзора за событіями въ Польшѣ. Паткуль, ревностный защитникъ правъ Лифляндіи, уже находился тогда въ царской службѣ, съ чиномъ генералъ-маіора, и былъ при королѣ Августѣ. Какъ будто не зная, что только упрямый отказъ Карла XII-го на всѣ предложенія мира сохранялъ Россіи дружбу Августа, царь заключилъ съ нимъ черезъ Паткуля новый договоръ, обѣщая прибыть самъ въ Польшу, прислать сильное войско и дать денегъ. Еще прежде того утвердилъ онъ отдѣльный договоръ съ Огинскимъ, обѣщая ему денегъ и войска. И не одними обѣщаніями ограничивался царь. Онъ не могъ еще самъ явиться въ Польшу, но отправилъ деньги. Мы видѣли выше, что русское войско было у Огинскаго. По разбитіи его, 15,000 казаковъ, съ полковникомъ Миклашевскимъ, посланы были къ пану Халецкому, осадившему Быховъ, городъ, принадлежавшій Сапегѣ. Ихъ подкрѣпилъ князь Шаховской войскомъ изъ Смоленска, и Быховъ сдался союзникамъ 8-го октября; запасы и богатства Сапеги были расхищены. Между тѣмъ Мазепа, соединенно съ Синявскимъ, воевалъ въ Подоліи. Тамъ, пользуясь смятеніемъ Польши, возстали казаки. Палей и Самусъ, давніе враги Мазепы, подняли знамя бунта противъ Августа, укрѣпились въ Немировѣ и Бѣлой Церкви и сдались только послѣ упорной битвы. Мазепа измѣною захватилъ своевольнаго Палея и царь велѣлъ сослать его въ Сибирь. Въ отдаленномъ Енисейскѣ страдалъ храбрый наѣздникъ болѣе трехъ лѣтъ. Поляки жестоко мстили за возмущеніе казаковъ свирѣпою казнью. Царь убѣдилъ Августа не ожесточать казаковъ, и поручился имъ въ прощеніи, обнародованномъ отъ имени Августа.

Октября 24-го отправился царь изъ Петербурга, и 11-го ноября 1703 года, торжественнымъ вступленіемъ въ Москву съ войсками и трофеями, праздновано было возвращеніе Россіи Ингерманландіи (древней Ижорской земли) и присоединеніе вновь древнихъ новгородскихъ областей, послѣ почти столѣтняго обладанія надъ ними шведовъ. Шереметевъ, Рѣпнинъ и Брюсъ ѣхали въ парадныхъ саняхъ. За ними шелъ пѣшкомъ съ своею ротою, капитанъ Петръ Алексѣевичъ. Въ рядахъ преображенскихъ солдатъ, за великимъ родителемъ своимъ, одѣтый въ солдатскій мундиръ, шелъ царевичъ Алексѣй. Побѣдителей встрѣчали пушечною пальбою, колокольнымъ звономъ и музыкою. Трои торжественныя ворота были устроены въ разныхъ мѣстахъ. На однихъ изъ сихъ воротъ видна была карта Ингерманландіи, съ надписью: „Не чужую землю пріяли, не чужое захватили, но наслѣдіе отцовъ нашихъ,

„неправедно предержанное врагомъ". Пиры и фейерверки въ Преображенскомъ заключили праздникъ, гдѣ среди гостей находились послы: французскій, датскій, польскій, голландскій, прусскій; повѣренные: молдавскій и воложскій, и оставшійся въ Москвѣ резидентъ шведскій Книперъ-Кронъ. Его задержали въ Россіи, когда всѣ русскіе, бывшіе въ Швеціи, и посланникъ царскій, князь Хилковъ, по объявленіи войны были не только тамъ задержаны, но даже заключены въ темницы. Книперъ-Кронъ жилъ въ Москвѣ и пользовался совершенною свободою, даже благосклонностью царя. Увидѣвъ его на пирѣ въ Преображенскомъ, царь сказалъ ему: „Теперь я готовъ мириться съ вашимъ королемъ — свое я взялъ. Но если онъ хочетъ еще продолжать войну, я готовъ воевать, надѣясь на помощь Божію, ибо дѣло мое правое".

Пиры и веселье не останавливали попеченій и заботъ царя. Готовясь на слѣдующій годъ шагнуть далѣе побѣдительною стопою, строя Петербургъ и защищая его, воздвигая крѣпость на Финскомъ заливѣ, сдвигая войска въ Польшу и громя Эстляндію, царь обращалъ непрерывное вниманіе на кораблестроеніе въ Воронежѣ. Ноября 24-го поѣхалъ онъ туда и воротился въ Москву уже 17-го декабря.

Всѣ событія войны царь ознаменовывалъ медалями. Медаль на взятіе Ніеншанца изображала сію крѣпость, съ надписью: „Уступила сильному!" Медаль на заложеніе Петербурга украшалась изображеніями Минервы и Меркурія съ надписью: „Они основали сіи крѣпкія стѣны.—Финляндія! трезубецъ въ рукѣ моей!" говорила надпись медали на основаніе балтійскаго флота; при другой надписи: „Нынѣ плаваніе наше по Балтійскому морю обезопасено".

Разсказъ девятый.

Война въ Польшѣ. Взятіе Дерпта и Нарвы; Низверженіе Августа. Русскіе въ Литвѣ.

1704 – 1705 гг.

И Нарва пала, и орелъ
Крыломъ своимъ могучимъ
Брега Балтійскіе одѣлъ,
И будто громъ сквозь тучи,
Предрекъ грядущихъ счастье дней,
Паденье шведской славы,
И средь Эстоніи полей
Великій день Полтавы!

***

Ни успѣхи русскаго царя на берегахъ Балтійскихъ, ни разореніе Эстоніи, ни опасность Финляндіи, ни заложеніе Петербурга, не могли разсѣять упрямой увѣренности Карла XII го въ его непобѣдимое могущество, безсиліе царя противиться его воинскому счастію, и упорнаго стремленія преслѣдовать и уничтожить короля Августа.

Мы оставили шведскаго короля на зимнихъ квартирахъ послѣ взятія Торуна. Положеніе его казалось блестящимъ и грознымъ, но опытный взоръ и тогда могъ бы проникнуть въ безнадежность основаній силы и могущества его. Правда, Августъ предавался бѣгству при каждомъ приближеніи шведовъ; голоса болѣе и болѣе соединялись противъ него по волѣ Карла XII-го, и хищенія обогащали шведовъ; но съ другой стороны трехъ-лѣтняя, кровопролитная война и необходимость охранять въ одно время Лифляндію, Эстляндію, Финляндію, Померанію и самую Швецію войскомъ уже значительно истощили народонаселеніе Швеціи, а положеніе Августа совсѣмъ не было такъ отчаянно, какъ оно казалось съ перваго взгляда. Не говоря о томъ, что опасность пробудила въ немъ дремавшія прежде силы душевныя, и Августъ не уступалъ своему противнику, не щадя пособій, извлекаемыхъ изъ своей Саксоніи, нанимая, собирая отвсюду войско, самые поляки, бо-

лѣе и болѣе оскорбляемые высокомѣріемъ Карла XII-го, и разоряемые налогами, поборами и постоями, только страшась меча шведовъ повиновались имъ. Августъ не щадилъ ни подарковъ, ни обѣщаній, и однихъ увлекала къ нему щедрость его, другихъ ненависть партій. Не хотѣли Августа, но не могли согласиться выбрать на мѣсто его кого либо другого. Повѣрятъ ли, что Августъ успѣлъ тогда удержать многихъ, возобновивъ старинный польскій орденъ Бѣлаго Орла и награждая имъ своихъ приверженцовъ? Таково бѣдное тщеславіе человѣческое. Карлъ XII-й, казалось, могъ бы видѣть, что едва уходилъ онъ изъ какого либо мѣста, всѣ переходили снова къ Августу, или являлся самъ Августъ и уничтожалъ начатое королемъ шведскимъ. Примасъ хитрилъ и колебался, и даже Сапега, утомленный многолѣтнею борьбою, разоренный, стѣсненный врагами и друзьями, уставалъ духомъ и тѣломъ. Только гордость удерживала еще его и не дозволяла ему смириться. — Что еслибы среди такого положенія дѣлъ, Карлъ XII-й, безпрерывно, при первой сшибкѣ бросавшійся въ огонь и не щадившій себя, погибъ отъ пули или сабли непріятельской? Положеніе шведскаго войска въ Польшѣ, и самой Швеціи, могло сдѣлаться гибельнымъ.

Весь 1704-й годъ проведенъ былъ Карломъ XII-мъ въ безполезной и утомительной борьбѣ съ Августомъ, или лучше сказать, въ преслѣдованіи Августа по всей Польшѣ и стараніи уничтожать силы его. Посылая къ союзнику своему войско и деньги, царь подтверждалъ ему одно—не вступать въ открытую битву, ибо отвага и воинскія дарованія Карла XII-го и его полководцевъ, храбрость и привычка къ битвамъ солдатъ шведскихъ, и страхъ, внушаемый при одномъ имени шведовъ, особенно нестройнымъ дружинамъ польскимъ, всегда угрожали вѣрнымъ пораженіемъ. Стараясь управиться съ шведами на берегахъ Балтійскаго моря, царь обѣщалъ немедленно явиться самъ въ Польшу съ войскомъ многочисленнымъ, едва только обезопаситъ себя на сѣверѣ. Доказательства, что онъ хотѣлъ исполнить обѣщаніе, состояли въ присылкѣ войскъ, уже успѣвшихъ оказать немалыя услуги королю Августу. Надлежало только продлить еще время нерѣшительности, томить нетерпѣливаго, пылкаго Карла XII-го, вести съ нимъ малую войну и не давать ему покоя и отдыха.

Уже въ то время, когда шведы осаждали Торунъ, 15,000 войска саксонскаго приходили на помощь къ осажденнымъ, не посмѣли отважиться на битву, но безопасно отступили къ Кракову и Львову (Лембергу). Зимою Карлъ XII-й соединилъ свои прежнія войска съ новыми, пришедшими изъ Швеціи, и имѣлъ подъ ружьемъ 35,000 человѣкъ (20,000 пѣхоты, 10,000 конницы, 5,000 драгуновъ). Немедленно, упорнѣе прежняго началъ онъ преслѣдовать Августа, думая, что силъ шведскихъ будетъ достаточно съ нимъ управиться. Новый 1704 годъ начался событіемъ важнымъ. Января 14-го примасъ собралъ сеймъ въ Варшавѣ — хотѣли только разсуждать о положеніи дѣлъ — кончили объявленіемъ междуцарствія. Увлеченный ненавистью къ Августу, привязанностью къ дѣтямъ Собіескаго и опасеніемъ шведскаго оружія, При-

масъ явно сбросилъ личину, и объявилъ (6-го февраля) короля Августа врагомъ Польши и неспособнымъ управлять государствомъ. Шведскій генералъ Горнъ, комендантъ Варшавы, нагло управлялъ дѣлами сейма. Надлежало приступить къ избранію короля. Карлъ XII-й назначилъ королемъ Іакова Собіескаго. Всѣ согласились на его выборъ. Рейншильдъ, лучшій изъ генераловъ шведскихъ, посланъ былъ вытѣснить Августа изъ Польши. Къ досадѣ Карла XII-го, вовсе неожиданныя послѣдствія произошли отъ рѣшенія сейма варшавскаго.

До тѣхъ поръ, враждуя взаимно, партіи таились, но когда надлежало объявить мнѣніе свое явно, многіе оробѣли, другіе потребовали разныхъ выгодъ, иные оскорблялись выборомъ слабаго, безсильнаго Іакова, сына короля, несчастную память коего проклинала Польша. Споры о выборѣ Іакова рѣшены были вскорѣ неожиданнымъ поступкомъ Августа. Мы говорили, что Іаковъ Собіескій удалился послѣ избранія Августа во владѣнія императора, подарившаго ему небольшое помѣстье въ Силезіи. Тамъ жилъ въ уединеніи сынъ Собіескаго, не вмѣшиваясь въ политическія дѣла и раздоры Польши. Когда узнали о волѣ шведскаго короля и согласіи сейма избрать его, Августъ послалъ отрядъ саксонскихъ гусаровъ. Они тайно пробрались въ Силезію, подстерегли Іакова, когда онъ выѣхалъ на охоту съ братомъ своимъ Константиномъ, захватили обоихъ принцовъ и увезли ихъ въ Саксонію. Младшій братъ, принцъ Александръ, успѣлъ убѣжать и явился въ Варшаву, съ жалобою на нарушеніе народныхъ правъ и насиліе Августа. Императоръ протестовалъ противъ поступка саксонскаго курфирста. Начались споры. За неимѣніемъ кандидата на лицо, избрать его было нельзя, а между тѣмъ, объявя междуцарствіе, выборомъ мѣшкать не могли. Карлъ XII-й не затруднялся долго. Онъ предложилъ корону польскую Александру Собіескому. Юный принцъ сей благоразумно отклонилъ предложеніе, говоря, что не смѣетъ принять польскаго престола, опасаясь нарушить тѣмъ права старшаго брата. Замѣшательство въ выборѣ сдѣлалось послѣ сего величайшее. Партія знатнаго поляка, князя Любомирскаго, одолѣвала другихъ. Но Карлъ XII-й не терпѣлъ этого знаменитаго вельможи и не согласился на выборъ его.

Пока спорили въ Варшавѣ и не знали кому достанется польская корона, дѣйствія Рейншильда оказывались безуспѣшными. Быстрымъ движеніемъ шведскихъ войскъ едва было не захватилъ онъ Августа, въ деревнѣ Солецъ, но Августъ спасся, ускакавъ поспѣшно, ловкими распоряженіями своихъ войскъ обманулъ Рейншильда, въ началѣ мая остановился въ Сандомирѣ и разбилъ посланные на него шведскіе отряды. Имѣя не болѣе 6.000 человѣкъ войска, Рейншильдъ не смѣлъ начать наступательныхъ дѣйствій. Августъ собралъ въ Сандомирѣ сеймъ. Немногіе явились туда, по одного слова: сеймъ, довольно было чтобы усилить, раздоры и замѣшательство, особенно, когда сеймъ сандомирскій объявилъ сеймъ варшавскій беззаконнымъ, всѣхъ участниковъ его врагами отечества, а примаса лишеннымъ его

сана и достоинства. Голосъ папы подкрѣпилъ всѣ сіи опредѣленія. Налагая проклятіе на сообщниковъ короля-еретика, папа лишилъ примаса кардинальскаго достоинства и требовалъ его и другихъ польскихъ епископовъ въ Римъ къ суду своему.

Несчастный честолюбецъ, примасъ увидѣлъ себя въ затруднительномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что отвергая выборъ Любомирскаго, Карлъ XII-й, оскорбленный буллою папы, велѣлъ изгнать изъ собраній сейма все католическое духовенство, дерзавшее противиться его волѣ, занялъ шведскимъ войскомъ и позволилъ грабить всѣ духовныя имѣнія въ Польшѣ. Нѣсколько времени думалъ король шведскій: не взять ли ему самому польскую корону, какъ совѣтовалъ Пиперъ, хитрый дипломатъ и жаркій противникъ католицизма? Но вскорѣ выборъ Карла XII-го былъ рѣшенъ, и вовсе неожиданно.

Въ числѣ депутатовъ на варшавскомъ сеймѣ былъ Станиславъ, потомокъ знаменитаго рода Лещинскихъ, воевода познанскій. Юный лѣтами (онъ родился въ 1682 году), Станиславъ пользовался общимъ уваженіемъ, былъ одаренъ умомъ обширнымъ и страстью къ наукѣ и ученію. Женатый по любви на красавицѣ Опалинской, отецъ двухъ милыхъ дочерей малютокъ, Станиславъ думалъ посвятить занятіямъ науками и семейному счастію жизнь свою. Судьба, назначившая его игралищемъ своимъ, увлекла кроткаго, благоразумнаго Станислава. Бѣдствія отечества заставили его принять участіе въ тогдашнихъ дѣлахъ. Онъ явился на сеймъ, и тщетно желавши примирить буйныя страсти земляковъ, хотѣлъ умолять Карла XII-го о пощадѣ несчастной Польши. Изумленный благоразумною кротостью, умными рѣчами и благороднымъ видомъ Станислава, Карлъ XII-й выслушалъ его съ удовольствіемъ. „Вотъ человѣкъ достойный моей дружбы,“ сказалъ Карлъ XII-й, смотря на уходившаго отъ него Станислава. Немедленно постарался онъ узнать всѣ подробности о Станиславѣ, былъ восхищенъ разсказами о немъ и предложилъ ему польскую корону. Станиславъ отрекся. Отказъ его еще болѣе восхитилъ Карла XII-го, и какъ говорили тогда, подражая Александру Македонскому, избравшему въ тирскіе цари мудреца Абдолонима, онъ потребовалъ непремѣнно избранія Станислава и — никого болѣе. Долго еще отвергалъ юный мудрецъ тяжкое опредѣленіе возсѣсть на тронъ подъ покровительствомъ врага отчизны, колеблемой мятежами и раздорами, принять бразды правленія, когда у него вовсе не было средствъ управить и усмирить Польшу. Станиславъ надѣялся еще, что сеймъ не согласится и отвергнетъ избраніе его. Любомирскій спѣшилъ въ Варшаву съ войскомъ, надѣясь подкрѣпить голоса въ свою пользу. Грозная воля Карла XII-го уничтожила всѣ препятствія. примасъ хотѣлъ объясниться съ Карломъ XII-мъ. Онъ встрѣтилъ Примаса угрюмымъ вопросомъ: „Почему нѣкоторые изъ членовъ сейма не хотятъ избрать Станислава?“ — „Государь!“ отвѣчалъ примасъ, смѣшавшись — „я не знаю, но главное возраженіе, что онъ очень молодъ.“ — „Кто смѣетъ сказать, что онъ молодъ?“ вскричалъ вспыльчиво

Карлъ XII-й — „онъ ровесникъ мнѣ!“ Не говоря ни слова болѣе, повернулся онъ къ примасу спиною и ушелъ изъ комнаты. Примасъ отказался послѣ сего присутствовать на сеймѣ. Карлъ XII-й самъ пріѣхалъ въ Варшаву, велѣлъ собираться избирателямъ на обыкновенномъ мѣстѣ выборовъ близъ Варшавы и окружилъ ихъ шведскимъ войскомъ. Епископу познанскому велѣно было заступить мѣсто примаса. Приведенные въ отчаяніе насиліемъ, избиратели но неволѣ провозгласили Станислава, хотя клики ненависти прорывались среди принужденныхъ восклицаній радости. Карлъ XII-й торжествовалъ. Станислава умолили принять престолъ. Онъ согласился, и на вѣки простился съ своею мирною жизнью, семейнымъ счастіемъ, душевнымъ спокойствіемъ. Тяжкая, горькая судьба готовилась ему — показать собою примѣръ превратности человѣческаго счастія. Король шведскій встрѣтилъ его съ великими почестями, какъ брата и короля, клялся, что отнынѣ раздѣлитъ съ нимъ участь свою, будетъ ему неизмѣннымъ другомъ. Онъ сдержалъ слово свое до конца жизни, но уже самое начало царствованія Станислава показало, чего нужно было ожидать ему въ послѣдствіи.

Карлъ XII-й хотѣлъ утвердить оружіемъ избраніе Станислава, и немедленно выступилъ самъ противъ Августа, бывшаго въ Сандомирѣ. Августъ ждалъ подкрѣпленія изъ Саксоніи. Къ нему велъ саксонское войско генералъ Шуленбургъ. Изъ Россіи шелъ корпусъ, состоявшій изъ 12,000 русскихъ и 5,000 казаковъ, собранный въ Кіевѣ, подъ начальствомъ князя Д. М. Голицына. Быстрота движеній короля шведскаго принудила Августа оставить Сандомиръ, не дождавшись ни Шуленбурга, ни Голицына. Іюля 26-го шведы заняли Сандомиръ, но Августъ успѣлъ соединиться съ русскими въ Ярославлѣ на Волыни. Шведы преслѣдовали его, заняли и сей городъ, но здѣсь потеряли они слѣды Августа. Шуленбургъ явился въ Польшѣ съ саксонскимъ войскомъ. Августа 12-го онъ смялъ и оттѣснилъ отрядъ шведовъ, предводимый генераломъ Мейерфельдомъ, и обложилъ Познань, угрожая Варшавѣ. Въ то же время искуснымъ фланговымъ маршемъ король Августъ обманулъ Карла XII-го. Пока шведскій король посылалъ отряды искать его въ Галиціи и на Волыни, Августъ быстро повернулъ по теченію Вислы и пошелъ прямо на Варшаву, откуда могъ соединиться съ Шуленбургомъ и Огинскимъ, получившимъ въ пособіе 6,000 человѣкъ русскаго войска изъ Смоленска и снова воевавшимъ въ Литвѣ. Царь также легко могъ сблизиться съ Августомъ въ Лифляндіи.

Все исполнилось по предположенію короля Августа. Съ приближеніемъ его къ Варшавѣ страхъ распространился въ польской столицѣ, гдѣ только 2,000 шведовъ и 6,000 поляковъ составляли весь гарнизонъ. Пока спорили еще тамъ что надобно дѣлать, Августъ былъ уже близко и разбивалъ шведскіе отряды въ окрестностяхъ варшавскихъ. Карлъ XII-й не могъ успѣть на выручку, находясь съ войскомъ въ глубинѣ Галиціи. Оставалось предать Варшаву въ руки оскорбленнаго Августа. Станиславъ едва успѣлъ отослать

мать свою, супругу и дочерей, подъ прикрытіемъ шведовъ, въ Познань, откуда Шуленбургъ спѣшилъ тогда соединиться съ Августомъ въ Варшавѣ. Бѣгство семейства Станиславова было столь поспѣшно, что въ какой-то деревнѣ забыта была кормилица съ младшею дочерью Станислава — будущею королевою французскою, тогда еще дитятею одного года. Самъ Станиславъ, съ небольшимъ отрядомъ, бѣжалъ въ Люблинъ, чрезъ шесть недѣль послѣ избранія своего на престолъ польскій. Бывшіе на сеймѣ разбѣжались, кто куда успѣлъ и могъ. Августъ занялъ Варшаву и явился неумолимымъ: дома примаса (бѣжавшаго въ Данцигъ), епископа познанскаго (укрывшагося въ варшавской цитадели, гдѣ затворился Горнъ съ шведами) и другихъ знатнѣйшихъ людей, враговъ Августа, были разграблены. На Варшаву, недавно заплатившую огромную контрибуцію шведамъ, наложена была снова контрибуція. Августъ осадилъ цитадель, и послѣ двухдневной, упорной осады принудилъ Горна сдаться, торжествуя свою первую побѣду надъ шведами. Епископъ познанскій, осужденный папою, былъ приведенъ солдатами къ Августу и отосланъ въ Саксонію, гдѣ умеръ въ тюрьмѣ. Тогда же въ Данцигѣ умеръ непримиримый врагъ Августа примасъ. Терзаясь разкаяніемъ, онъ писалъ къ Августу на смертномъ одрѣ своемъ, умоляя его о прощеніи. Казалось, Августъ рѣшительно побѣдилъ своего соперника. Онъ отправилъ Шуленбурга осаждать Познань. Имѣя 40,000 войска, Августъ не страшился, услышавъ о походѣ изъ Волыни короля шведскаго. Паткуль, посолъ и генералъ русскаго царя, отправился вмѣсто Шуленбурга осаждать Познань, гдѣ небольшой шведскій гарнизонъ охранялъ семейство Станислава. Октября 4-го началась осада. Надѣялись, что Познань долго не выдержитъ.

И когда такъ мгновенно низпровергнуто было въ Варшавѣ все, что создали сила и воля шведскаго короля, напрасно умолялъ его Станиславъ спѣшить на помощь. Карлъ XII-й послалъ къ нему Рейншильда, и отправился наказать непокорство жителей Лемберга, главнаго города Галиціи, отказавшихся платить контрибуцію и непризнававшихъ Станислава. Задержанный трудностью похода, онъ бросилъ на дорогѣ обозъ и пушки, и въ концѣ августа явился у Лемберга только съ 1,800 шведскихъ драгуновъ. При отказѣ сдать городъ, шведы бросились на городскія стѣны. Неожиданность появленія ихъ, отважность приступа и безпорядокъ въ начальствѣ осажденными сдѣлали то, что Лембергъ, защищаемый крѣпкими стѣнами, 200 пушекъ и 10,000 польскаго войска, взятъ былъ послѣ слабаго защищенія. Удачное, хотя и безразсудное дѣло Карла XII-го напоминало Копенгагенъ и Нарву. Онъ былъ въ восторгѣ, не столько радуясь тому, что могъ захватить богатую добычу и большіе запасы непріятельскіе, сколько тому, что рѣшилъ побѣду личною храбростью, съ горстью шведовъ. Нѣсколько дней промедлилъ еще король шведскій, ожидая прихода сильнаго корпуса казаковъ, шедшихъ съ Мазепою, и надѣясь разбить его, но слыша, что Мазепа воротился въ Малороссію, уже 13-го сентября, по дурнымъ, испорченнымъ, едва проходимымъ дорогамъ выступилъ онъ изъ Лемберга, и только

20-го сентября могъ соединиться въ Замостьѣ съ Рейншильдомъ и Станиславомъ, безполезно потерявъ цѣлое лѣто.

Когда Карлъ XII-й губилъ время въ безпрерывныхъ походахъ, низложеніи Августа и утвержденіи на польскомъ престолѣ Станислава, царь успѣлъ вполнѣ воспользоваться оставленіемъ безъ защиты балтійскихъ областей и совершилъ блистательныя военныя дѣла въ Лифляндіи и Эстляндіи.

Зимнимъ путемъ отправился онъ изъ Москвы и пріѣхалъ въ Олонецъ, гдѣ открылись тогда желѣзныя руды и устроены были заводы. Марта 19-го былъ онъ уже въ Петербургѣ, и съ удовольствіемъ видѣлъ устроеніе морской крѣпости близъ острова Котлина, оконченной зимою; матеріалы возили туда по льду. Царь наименовалъ новую крѣпость Кроншлотомъ (Вѣнецъ-крѣпость), велѣлъ спѣшить окончаніемъ начатыхъ строеній въ Петербургѣ, присутствовалъ при освященіи въ петербургской крѣпости Петропавловскаго собора, и былъ порадованъ приходомъ иностранныхъ торговыхъ кораблей въ свой новый городъ. Пятьсотъ червонцевъ подарено было шкиперу голландцу, который первый прибылъ въ Петербургъ. Царь купилъ у него весь привезенный имъ грузъ, позволилъ ему нагрузить судно лѣсомъ безъ всякой платы, и объявилъ, что 300 червонцевъ награды дано будетъ второму, послѣ него прибывшему, и 150 червонцевъ третьему шкиперу. Дорогихъ гостей угостили роскошно и самъ царь пировалъ съ ними. „Не правда ли", спрашивалъ онъ голландца, „что здѣсь ближе и удобнѣе будетъ вамъ торговать, нежели въ Архангельскѣ?" — „Да", смѣясь отвѣчалъ ему голландецъ „здѣсь все хорошо и не достаетъ только одного". „Чего же?" спросилъ безпокойно царь. „Такихъ аладьевъ, какіе пекутъ въ Архангельскѣ". — На другой день царь подчивалъ его горячими архангельскими аладьями въ своемъ домикѣ. Восхищенные моряки повезли въ Голландію вѣсть о новомъ городѣ русскомъ, и чудесахъ, какія надѣлалъ старый знакомецъ ихъ Питеръ басъ сардамскій. Желая обезопасить Петербургъ, царь хотѣлъ лѣтомъ идти въ Финляндію, взять Выборгъ и Кегсгольмъ, но соображая, что надобно еще очистить Эстляндію, слыша о дѣлахъ шведскаго короля въ Польшѣ, и опасаясь, что шведы могутъ наконецъ оставить Польшу и двинуться къ Ригѣ и Петербургу, онъ рѣшился на дѣло болѣе важное — взятіе Дерпта и Нарвы.

Сначала царь поручилъ было Шереметеву начать сіе предпріятіе, не допуская притомъ вспоможенія Дерпту и Нарвѣ отъ Левенгаупта изъ Риги и отъ Шлиппенбаха изъ Ревеля. Но царскій фельдмаршалъ потерялся въ распоряженіяхъ дѣломъ, хотя царь посылалъ ему подробныя наставленія и подтверждалъ: „Не смѣй переиначивать, толковать, и даже писать ко мнѣ о новыхъ поясненіяхъ, но исполняй, а не то будешь отвѣчать строго и я уже въ томъ не виноватъ буду". Только неусыпная дѣятельность и умъ царя все и повсюду животворили. Въ одно время ему надобно было и созидать полки свои, и снабжать ихъ оружіемъ, и водить въ битву. „Чѣмъ будемъ мы чесать голову, когда у гребня зубы выломаны", писалъ онъ, торопя приходъ войскъ въ Петербургъ изъ Москвы. Недостатокъ въ дѣловыхъ

и опытныхъ людяхъ былъ у него чрезвычайный. Шереметевъ доносилъ ему однажды: не прикажетъ ли онъ передать полкъ князя Никиты Мещерскаго полковнику Вердену, ибо Мещерскій человѣкъ добрый, да не его дѣло, а Вердена на то станетъ. „Не нужно, ибо оба они ничего не смыслятъ“, отвѣчалъ царь. „Какъ смѣете вы подчивать меня вашимъ московскимъ тотчасомъ?“ писалъ царь при неисправной высылкѣ снарядовъ артиллерійскихъ. „Развѣ забыли вы, что расплатитесь за то головами? Лѣкарствъ также мы еще не получаемъ. Берегитесь, чтобы я не былъ принужденъ васъ самихъ за то полѣчить по своему!“ И все являлось, двигалось по слову царя, и кипѣло жизнью тамъ, гдѣ онъ самъ являлся и лично дѣйствовалъ.

Быстро пошли къ Нарвѣ полки, прежде назначенные въ Финляндію. Здѣсь, въ устьѣ Наровы, при впаденіи ея въ море, еще съ весны сталъ Апраксинъ и преградилъ приближеніе помощи и подвозъ припасовъ въ Нарву съ моря. Мая 20-го царь отправился изъ Петербурга и 30-го Нарва была обложена.

Между тѣмъ Шереметевъ, съ 20,000 войска, выступилъ изъ Пскова, и 5-го іюня окружилъ Дерптъ, также отрѣзанный отъ подвозовъ и помощи съ Чудскаго озера. Шведская флотилія, состоявшая изъ 8-ми яхтъ и 5-ти бригантинъ, зимовала въ устьѣ Эмбаха, подъ начальствомъ командора Лешера. Мая 4-го генералъ-маіоръ Верденъ переплылъ изъ Пскова черезъ озеро въ лодкахъ, напалъ на нее и захватилъ всѣ шведскія суда. Видя невозможность противиться русскимъ, Лешеръ не хотѣлъ пережить своего пораженія, взорвалъ бригантину, на которой находился, и погибъ, не сдаваясь. На флотиліи взято было 84 пушки.

Нарву защищалъ прежній комендантъ, старикъ Горнъ, видѣвшій пораженіе русскихъ въ 1700 году. У него было до 5,000 человѣкъ гарнизона, и болѣе 400 пушекъ охраняли Нарву, гордую крѣпкими стѣнами. Горнъ видѣлъ, какъ измѣнились въ пять лѣтъ всѣ отношенія въ войнѣ русскихъ со шведами, но не думалъ сдаваться. Онъ ждалъ помощи отъ Шлиппенбаха, подкрѣпленнаго прибытіемъ войскъ изъ Швеціи. Царь вскорѣ лишилъ его сей надежды. Отрядъ, отправленный на ревельскую дорогу, занялъ ее при Вайварахъ, и когда приблизился Шлиппенбахъ, русскіе храбро устремились на него, обошли его, и только отчаяннымъ боемъ и поспѣшнымъ уходомъ спасся Шлиппенбахъ, ужаснувши жителей Ревеля появленіемъ преслѣдовавшихъ его русскихъ отрядовъ. Ожиданіе помощи Нарвѣ отъ Шлиппенбаха внушило царю мысль устроить военную хитрость. Переодѣтый въ шведскіе мундиры, русскій полкъ явился на ревельской дорогѣ и подалъ въ Нарву условленный сигналъ, о коемъ узнали изъ перехваченнаго письма Горна. Противъ мнимыхъ шведовъ притворно устремились русскіе. Началась пальба. Горнъ выслалъ подкрѣпленіе изъ города; его отрѣзали и шведы едва спаслись бѣгствомъ въ Нарву, потерявъ до 200 человѣкъ. Кто-то изъ бывшихъ при царѣ русскихъ поэтовъ прославилъ удачную хитрость эпиграммою. Вотъ она, примѣръ русскихъ ямбическихъ стиховъ за 25 лѣтъ до Ломоносова:

Римъ хвалится, что бралъ въ игрѣ дѣвицъ Сабиныхъ:
Безсильный бяше полъ, не храбро дѣло бысть.
Здѣсь русскіе игрой мужей имаютъ львиныхъ:
Столь хищна поймать, то большая корысть.

Ночью на 11-е іюня начаты траншеи подъ Нарвою, не смотря на жестокую пальбу изъ города. Вылазку осажденныхъ отбили. Работы пошли дѣятельно. Царь рѣшился между тѣмъ ѣхать самъ въ Дерптъ, видя, что Шереметевъ не умѣетъ распорядиться осадою. Начальство надъ войскомъ подъ Нарвою принялъ фельдмаршалъ-лейтенантъ Огильвій, принятый царемъ въ русскую службу еще въ 1702 г. Онъ отлично служилъ прежде въ войскахъ императора, и въ австрійской службѣ получилъ свой чинъ.

Шереметевъ съ 10-го іюня открылъ подъ Дерптомъ траншеи и 13-го началъ бомбардированіе. Комендантъ, полковникъ Скитте, съ 3,000-ми защищался храбро, ходилъ на вылазки, отбивалъ осаждающихъ. Царь прибылъ подъ Дерптъ и писалъ оттуда Меншикову: „Дѣло здѣсь нашелъ я плохо и принужденъ былъ передѣлать батареи. Все было никуда негодно. Только людей напрасно мучили. Ссылаются другъ на друга. Инженеръ здѣсь хорошъ, но смиренъ—его загоняли. Безъ всякаго толку бросили въ городъ 2,000 бомбъ, когда стѣны ждутъ только приказа, куда имъ велятъ упасть. Наши господа берегли себя и ходили около Дерпта такою же далекою орбитою, какъ Сатурнъ около солнца, но я сдвину ихъ сатурновскую дальность въ меркуріеву близость и надѣюсь черезъ недѣлю все дѣло кончить“. Дерптъ удержался однакожъ до 12-го іюля, хотя еще 9-го числа сдѣланъ былъ пушками проломъ въ стѣнѣ. Вечеромъ 12-го русскіе пошли на приступъ; осажденные дрались всю ночь; разъяренные русскіе воины напали наконецъ такъ упорно, что едва могли ихъ остановить, когда шведы уже трубили сдачу. Гарнизону позволено было выйти, съ оставленіемъ при офицерахъ шпагъ и съ доставленіемъ ихъ въ Ригу, Ревель и Выборгъ. Скитте принужденъ былъ ѣхать съ царемъ къ Нарвѣ, чтобы личнымъ увѣдомленіемъ о паденіи Дерпта убѣдить Горна въ безполезности сопротивленія. Въ Дерптѣ найдено было 84 пушки, 18 мортиръ, 6 гаубицъ. Вся осадная артиллерія русская состояла изъ 46-ти орудій. Жители Дерпта, какъ стариннаго русскаго города, приведены были къ присягѣ царю, и царь увѣдомлялъ о взятіи Дерпта, какъ „о полученіи съ Божіею помощью славнаго отечественнаго града“. Основанный русскими, подъименемъ Юрьева, XI-вѣкѣ онъ завоеванъ былъ ливонскими рыцарями въ XIII-мъ столѣтіи, переходилъ къ шведамъ, полякамъ, русскимъ, и окончательно уступленъ былъ Швеціи по Кардисскому миру.

Оставя гарнизонъ въ Дерптѣ, царь двинулъ Шереметева къ Нарвѣ. Число осаждающихъ войскъ составило здѣсь до 45,000 человѣкъ, съ артиллеріею изъ 66 пушекъ и 30 мортиръ. Горнъ видѣлъ безнадежность защиты, но все еще упорствовалъ, не хотѣлъ даже видѣть Скитте, посланнаго къ нему въ Нарву... Іюля 1-го бомбами взорвали пороховой магазинъ въ крѣпости; только ночью еще могли выходить осажденные, разрушая русскія

осадныя работы. Августа 6-го бастіонъ, называвшійся Гоноръ (честь), обрушился. Открылся широкій проломъ. Горнъ старался задѣлывать его, думалъ еще не отвлечетъ ли вниманіе царя нападеніе шведовъ на Петербургъ. Шведскій вице-адмиралъ Де-Пру дѣйствительно напалъ тогда на островъ Котлинъ и завладѣлъ тамъ двумя ретраншаментами, когда генералъ Майдель, смѣнившій Кроніорта, выступилъ изъ Выборга и дошелъ до береговъ Невы. Но противные вѣтры воспрепятствовали флоту подать ему помощь по Невѣ. Брюсъ, тогдашній комендантъ петербургскій, закрылъ батареями невскіе берега и окружилъ шведовъ казацкими отрядами. Кроншлотъ храбро отбивалъ всѣ нападенія Де-Пру. Слыша, что Меншиковъ поспѣшно идетъ отъ Нарвы къ Петербургу, Майдель спѣшилъ отступить. Флотъ шведскій также удалился отъ Кроншлота. Всѣ надежды Горна разрушились. Августа 7-го царь послалъ въ Нарву окончательное требованіе сдачи, и получивъ отвѣтъ оскорбительный, назначилъ 9-е августа днемъ приступа. Утромъ вся русская армія сдвинулась къ городу, и въ 2 часа пополудни колонны гвардейскихъ полковъ, предводимыя генераломъ Чамберсомъ, пошли въ проломъ на разрушенный бастіонъ Гоноръ; двѣ другія колонны подкрѣпляли ихъ. Горнъ дрался отчаянно, взорвалъ мину, но только раздражилъ осаждавшихъ. Преображенцы первые ворвались въ городъ и ничто не могло удержать побѣдителей. Горнъ ушелъ въ старую цитадель. Русскіе вышибли ворота цитадели. Грабежъ, опустошеніе и отчаянная драка начались въ улицахъ. Самъ царь бросился въ городъ, останавливая разореніе и избіеніе несчастныхъ жителей. Видя неукротимое неистовство солдатъ своихъ, не внимавшихъ его приказу, онъ закололъ даже нѣсколькихъ непослушныхъ хищниковъ. Едва могли утишить смятеніе и безпорядокъ. Съ окровавленною шпагою въ рукѣ царь вошелъ въ нарвскую ратушу, куда укрылись трепещущіе бургомистры съ своими семействами, и гдѣ находился тогда комендантъ Горнъ. Бросивъ шпагу свою на столъ, царь гнѣвно вскричалъ: „Не вашею, но русскою кровью обагрена шпага моя! Спасая васъ, я не щадилъ моихъ подданныхъ!“—„Бездѣльникъ!“—воскликнулъ онъ, обращаясь къ Горну,—„зачѣмъ погубилъ ты упрямствомъ своимъ столько невинныхъ? Ты зналъ, что спасенія не будетъ, если солдаты ворвутся въ городъ!“ Горнъ хотѣлъ оправдываться. „Молчи!“ загремѣлъ царь, ударилъ его и велѣлъ арестовать. Одна изъ лютеранскихъ церквей немедленно обращена была въ православную церковь, и царь благодарилъ въ ней Бога за побѣду. Жителей привели къ присягѣ русскому царю. Иванъ-Городъ сдался чрезъ недѣлю. Щадя жизнь храбрыхъ защитниковъ его, царь позволилъ имъ отправиться въ Ревель, но безъ оружія. Въ Нарвѣ найдено 52 мѣдныхъ и 340 чугунныхъ пушекъ, 29 мортиръ и 2 гаубицы; въ Иванъ-Городѣ 40 пушекъ, 7 мортиръ и 14 гаубицъ. Большіе запасы были въ обѣихъ крѣпостяхъ (80,000 ядеръ, 4,000 зарядовъ картечи, 40,000 гранатъ, 12,000 ружей, 12,000 пудовъ пороху). Изъ гарнизона нарвскаго осталось только 1,800 человѣкъ. Во все время осады выстрѣлено было въ обѣ крѣпости 12,500 ядеръ и брошено до 6,000 бомбъ, а пороху истрачено до 10,000 пудовъ.

Если Россію и царя ея радовало то, что правильною осадою и мужественнымъ приступомъ взята была одна изъ главныхъ и сильныхъ крѣпостей шведскихъ, радость умножала еще болѣе мысль, что сія крѣпость была Нарва — Нарва, свидѣтель позора русскихъ, и тотъ самый комендантъ, который тогда защищалъ ее, гордый, неукротимый, старый воинъ, былъ свидѣтелемъ паденія Нарвы и плѣнникомъ русскимъ. Царь на вѣки установилъ праздновать взятіе Шлиссельбурга и Нарвы, и наша церковь славитъ до нынѣ достопамятные дни августа 9-го и октября 11-го. Награждая храбраго Чамберса, впереди всѣхъ воиновъ вступившаго въ Нарву, онъ снялъ съ себя орденъ Андреевскій и надѣлъ на него. Едва завоевана была Нарва, какъ явился туда датскій купеческій корабль. Ободряя торговлю и стараясь пріучить иностранныхъ моряковъ посѣщать его новыя Балтійскія гавани, царь роскошно угостилъ шкипера и наградилъ 300-ми червонцевъ. Онъ ходилъ по улицамъ нарвскимъ съ хоромъ пѣвчихъ своихъ послѣ молебствія, и самъ пѣлъ съ ними громогласно: „Не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему“.

Завоеваніемъ Дерпта и Нарвы прочно утверждена была власть царя на берегахъ Балтійскаго моря. Оставались еще у непріятеля Рига и Ревель, откуда уже не смѣли выступать шведы. Надлежало еще оградить Петербургъ съ сѣвера взятіемъ Выборга и Кексгольма. Помышляя о завоеваніи сихъ послѣднихъ опоръ непріятеля, царь прекратилъ разореніе Ливоніи и Эстоніи. Жителямъ позволено было возвращаться въ разоренные и опустѣлые города и селенія. Всюду начали оживать прежняя торговля и гражданская дѣятельность. Русскіе гарнизоны охраняли эстляндскіе города. Отрядъ Баура доходилъ до Ревеля и принудилъ Шлиппенбаха запереться въ самомъ городѣ. Уже время было царю обратиться къ непосредственной борьбѣ съ самимъ Карломъ XII-мъ, и казалось, обстоятельства благопріятствовали его дальновиднымъ соображеніямъ. Августъ созналъ выгоды системы медленія въ военныхъ дѣйствіяхъ, предположенной царемъ. Лично на помощь Августу царь не могъ идти осенью 1704 года, и просилъ его продолжать дѣйствовать съ прежнею осторожностью, не тревожась частными неудачами. „Отнюдь не спѣшите оканчивать генеральною битвою“, писалъ онъ, „ибо такая битва есть дѣло весьма опасное, и въ одно мгновеніе можно все потерять. Готовьте войско и вредите частно, а весною, обезопася себя въ Лифляндіи, мы поспѣшимъ къ вамъ на помощь“. Но еще осенью царь послалъ войско въ Польшу, ибо Огинскій успѣлъ уже проиграть, сражаясь противъ храбраго Левенгаупта, охранявшаго Курляндію. Соединясь послѣ сего съ Сапегою, Левенгауптъ оттѣснилъ Вишневецкаго въ Ковно, пошелъ на Биржу, принужденъ былъ отступить при сближеніи русскихъ подкрѣпившихъ Вишневецкаго, но слыша, что Вишневецкій осадилъ Зельбургъ на Двинѣ, вновь наступилъ на него и подъ Якобштадтомъ далъ ему битву 25-го іюля. При первыхъ выстрѣлахъ польское войско бѣжало; 5,000 русскихъ бились упорно до самой ночи и успѣли уйти, потерявъ однакожъ до 3000 человѣкъ Огин-

скій явился послѣ сего къ царю подъ Нарву и вновь требовалъ пособія. Царь видѣлъ необходимость подкрѣпить дѣйствія Огинскаго въ Литвѣ и отправилъ туда Рѣпнина съ 12-ю полками. Пользуясь побѣдою подъ Якобштадтомъ, Левенгауптъ овладѣлъ Биржею. Но когда Рѣпнинъ соединилъ остатки бывшихъ на Двинѣ русскихъ войскъ и сблизился съ Вишневецкимъ, Левенгауптъ, не смѣя сражаться съ нимъ, отступилъ въ Курляндію. Русскіе заняли Полоцкъ и Вильну, уничтожили собранный Сапегою корпусъ, и очистили всю Литву, прежде нежели стали на зимнія квартиры.

Обезопасивъ себя отъ непріятеля со всѣхъ сторонъ, царь отправился лично обозрѣть всѣ главнѣйшія мѣста, гдѣ потребно было усилить въ то время дѣятельность. Августа 19-го былъ онъ въ Дерптѣ, посѣтилъ Псковъ и Новгородъ; изъ Ладоги переправился по Ладожскому озеру въ Ладейное Поле, и вывелъ оттуда 16 кораблей въ Петербургъ; заложилъ въ Петербургѣ адмиралтейство, на лѣвомъ берегу Невы, противъ Петропавловской крѣпости; распорядился защитою Петербурга и Кроншлота, и поручилъ ее Брюсу и вице-адмиралу Крюйсу. Онъ предвидѣлъ, что ему самому долго нельзя будетъ пріѣхать въ Петербургъ. Меншиковъ и Шереметевъ должны были также отлучиться отсюда, ибо царь располагалъ начать весною дѣятельную войну въ Литвѣ и Курляндіи. Ноября 12-го царь прибылъ въ Нарву, занимался новыми укрѣпленіями города и въ началѣ декабря отправился въ Москву. Дорогою осмотрѣлъ онъ устройство канала, предположеннаго въ Вышнемъ Волочкѣ, и декабря 14-го вступилъ въ Москву съ тріумфомъ. Горнъ и плѣнные шведы ведены были въ торжествѣ. Народъ съ удивленіемъ и радостью указывалъ на стараго нарвскаго коменданта, печально шедшаго передъ рядами храбрыхъ товарищей его, защитниковъ Нарвы. Огильвій ѣхалъ въ великолѣпной колесницѣ. Царь смиренно шелъ передъ своею преображенскою ротою. Святки и новый годъ проведены были въ увеселеніяхъ. Царь славилъ Христа, ѣздя по домамъ съ веселою компаніею по своему обыкновенію, жегъ фейерверки, угощалъ въ своемъ дворцѣ. Февраля 17-го выѣхалъ онъ въ Воронежъ, прожилъ тамъ до весны, а на обратномъ пути посѣтилъ Липецкъ, гдѣ учредилъ тогда желѣзные заводы. Въ началѣ мая изъ Москвы (куда возвратился въ апрѣлѣ) царь хотѣлъ отправиться въ Польшу, но жестокая лихорадка задержала его. Присутствіе царя на мѣстѣ военныхъ дѣйствій было необходимо. Генералы его не умѣли сладить съ поляками и распорядиться войскомъ, а король Августъ успѣлъ уже тогда утратить всѣ пріобрѣтенныя противъ шведовъ выгоды, даже принужденъ былъ оставить Польшу и уѣхать въ Саксонію. Отъ сильной арміи Августа едва уцѣлѣли бѣдные, разстроенные отряды. Карлъ XII-й снова торжествовалъ, хотя Августъ не давалъ ни одной общей и рѣшительной битвы.

Не одаренный талантами полководца, казалось, Августъ, какъ равно и генералы его, теряли вовсе разсудокъ при личномъ появленіи своего грознаго противника. Выигрывая тамъ, гдѣ не было короля шведскаго, Августъ

всюду уступалъ, гдѣ являлся Карлъ XII-й, и только тѣмъ можно пояснить мгновенный переворотъ въ дѣлахъ Польши съ половины сентября 1704 г.

Мы видѣли, что сильное войско Августа заслоняло Варшаву, когда Паткуль осаждалъ Познань. Карлъ XII-й и Станиславъ были въ Замостьѣ на пути изъ Волыни къ Варшавѣ. Смѣло уповая на свое счастье, какъ раздраженный левъ ринулся отсюда Карлъ XII-й, надѣясь наградить всѣ безразсудства свои и всѣ удачи противника быстрымъ успѣхомъ. Онъ не ошибся въ надеждѣ.

Карлъ XII-й соединился съ Рейншильдомъ въ Замостьѣ 20-го сентября. Замостье принадлежало князю Замойскому, не принимавшему до сихъ поръ никакого участія въ дѣлахъ, и неприступавшему ни къ сторонѣ Августа, ни къ сторонѣ Станислава. Король шведскій потребовалъ отвѣта рѣшительнаго. Замойскій невольно принялъ сторону Станислава, заплатилъ за свое прежнее медленіе 50,000 ефимковъ контрибуціи и принялъ въ Замостьѣ шведскій гарнизонъ. Поспѣшно пошелъ отсюда Карлъ XII-й прямо на Варшаву. Рейншильдъ составлялъ его лѣвое крыло Шведы продолжали походъ безпрерывно до 10-го октября, разбивая легкіе отряды саксонцевъ, и когда подошли они къ Прагѣ, укрѣпленному зарѣчному предмѣстью варшавскому, 10-го октября, то увидѣли, что Августъ оставилъ Прагу и сосредоточилъ войска свои въ самой Варшавѣ. Онъ не осмѣлился останавливать и тревожить Карла XII-го на походѣ, и думалъ, что успѣетъ защитить переправу черезъ Вислу, по крайней мѣрѣ, затруднитъ ее и дастъ между тѣмъ время Паткулю взять Познань, доведенный осадою до послѣдней крайности. Тогда думалъ онъ отступить, согласно плану условленному съ царемъ, дождаться русскихъ войскъ и поставить такимъ образомъ шведское войско между двухъ огней. Планъ былъ превосходный, но Карлъ XII-й перехитрилъ Августа. Онъ показалъ видъ, что готовится переходить Вислу подъ самою Варшавою, занялъ Августа пустою перестрѣлкою, и 16-го выступилъ къ Карчеву, гдѣ мгновенно навели мостъ (въ 24-хъ верстахъ выше Варшавы). Шведы пушками сбили отрядъ саксонцевъ, тамъ бывшій, и Карлъ XII-й самъ первый началъ переправу. Мостъ разорвало быстрымъ теченіемъ рѣки. Король шведскій, бывшій уже на лѣвомъ берегу Вислы, подвергался величайшей опасности, но саксонцы такъ оробѣли, что не смѣли напасть на сотню шведовъ, успѣвшихъ перейти съ своимъ королемъ, и побѣжали, когда онъ смѣло напалъ на нихъ. Августъ поступилъ еще хуже: услышавъ о переходѣ шведовъ, онъ безъ боя оставилъ Варшаву и началъ поспѣшно отступать. Шведы заняли польскую столицу. Испуганный Августъ послалъ Паткулю приказъ немедленно оставить осаду Познани, когда тотъ уже готовился идти на приступъ. Всѣ дѣйствія Августа и Паткуля послѣ сего совершенно перемѣшались. Августъ поспѣшно шелъ къ Калишу. Паткуль пошелъ туда же, но окольными дорогами, и раздѣлилъ корпусъ свой, боясь встрѣчи съ шведами. Карлъ XII-й шелъ изъ Варшавы на Краковъ, но узнавъ что Августъ отступаетъ на Познань, круто повернулъ вправо. Онъ забиралъ на пути плѣнныхъ,

пушки, обозы, бросаемые Августомъ. Раздѣливъ свое войско и предоставивъ генералу Шуленбургу отступленіе въ виду непріятеля съ главнымъ корпусомъ, самъ Августъ поспѣшилъ въ Краковъ, гдѣ началъ сборъ новаго войска. Шуленбургъ былъ искусный на отступленія генералъ (какъ говаривалъ безсмертный Суворовъ о Моро), и дѣйствительно, онъ успѣлъ обмануть Карла XII-го, бился съ нимъ отдѣльно, отступалъ и принудилъ наконецъ короля шведскаго съ усмѣшкою сказать: „Онъ побѣдилъ меня". Но побѣда отступленіемъ была хуже проигранной битвы. Остатки русскихъ и саксонцевъ, потерявшіе въ бѣгствѣ почти всю артиллерію, обозы, и утратившіе людей болѣе, нежели въ какомъ-нибудь кровопролитномъ сраженіи, разстроенные и обезсиленные едва успѣли перейдти за Одеръ. Изъ корпуса русскихъ 3,500 человѣкъ оставлены были ихъ союзниками и сдѣлались жертвою ярости шведовъ. Не смотря на малочисленность, русскіе дрались отчаянно; часть ихъ погибла въ битвѣ, остальные сгорѣли въ зажженномъ шведами селеніи и потонули въ Одерѣ — шведы не брали въ плѣнъ. Утомленный походомъ, ибо въ одну недѣлю перешелъ онъ съ войскомъ своимъ до 250 верстъ, Карлъ XII-й сталъ на зимнихъ квартирахъ по границамъ Силезіи. Станиславъ спѣшилъ въ Познань видѣться съ семействомъ своимъ, за участь коего трепеталъ, ибо оно едва не досталось въ плѣнъ раздраженному непріятелю. Познань уже готова была сдаться, не имѣя силъ защищаться отъ приступа, которымъ промедлилъ Паткуль до самаго полученія приказа Августа отступить. Разсерженный трусливостью Августа, Паткуль отказался отъ команды войскомъ, и съ тѣхъ поръ началась несчастная ссора его съ Августомъ, впослѣдствіи погубившая Паткуля.

Такъ въ два мѣсяца исчезла 50,000 армія короля польскаго, почти безъ битвы. Разсѣянные остатки собирались безпорядочными толпами въ Краковѣ, Силезіи и Саксоніи, куда поспѣшилъ уѣхать Августъ. Вся Польша по Бугъ и Нѣманъ, и вся Курляндія, были очищены отъ непріятеля и находились въ рукахъ шведовъ, хотя и не были подъ властью Станислава. Съ умноженіемъ успѣховъ Карла XII-го усиливались приверженцы Станислава, но видя съ другой стороны приближеніе сильныхъ войскъ царя и занятіе Литвы русскими, тѣмъ сильнѣйшею междоусобною ненавистью волновались сообщники Августа. Всюду, гдѣ не было шведовъ, начинались возмущенія противъ Станислава и собирались противъ него вооруженные отряды. Такое же возстаніе противъ Августа начиналось вездѣ, гдѣ были шведы. Только свирѣпою казнью могъ отвратить Карлъ XII-й распространеніе папской буллы, изданной противъ Станислава. А чего между тѣмъ стоили ему его блестящіе, но безполезные воинскіе успѣхи!

Еще не оправившись отъ болѣзни, царь уже прибылъ въ Полоцкъ, гдѣ находилась тогда главная квартира Шереметева (12-го іюня). Дѣла противъ шведскаго короля царь началъ изданіемъ манифеста, которымъ призывалъ поляковъ соединиться подъ знамена ихъ законнаго короля, называя беззаконнымъ своеволіемъ немногихъ бунтовщиковъ выборъ Станислава. Указывая на

притѣсненія, грабежи шведовъ, междоусобія, происшедшія отъ ихъ насилія, царь говорилъ, что защищая святыя права законности престола, ничего не требуетъ онъ отъ Польши, кромѣ содержанія русскихъ войскъ и соединенія съ ними, угрожая жестокимъ мщеніемъ дерзающему противиться. „Кто одобритъ дѣло, мерзкое предъ лицомъ Божіимъ, противное всѣмъ человѣческимъ законамъ?“ говорилъ царь. „Можно ли допустить, не только малому числу, но и всѣмъ подданнымъ, безъ всякой причины, по соизволенію только непріятеля, свергать вольно и законно избраннаго государя? Пусть каждый разсудитъ“, заключалъ царь, „какого облегченія, какого мира можно ожидать Польшѣ, когда избраніе Станислава, въ нарушеніе всѣхъ правъ и вольностей Польши, совершилось подъ саблею шведовъ и ведетъ только къ умноженію военнаго пламени и народнаго бѣдствія“.

Надлежало подкрѣпить слова усиленнымъ дѣйствіемъ оружія. Планъ войны, предположенный царемъ, состоялъ въ томъ, чтобы, возбуждая повсюду возстанія поляковъ, избѣгать открытыхъ битвъ со шведами, истреблять ихъ частями, устремляясь на нихъ со всѣхъ сторонъ, и возбуждая къ союзу другихъ государей, которые могли бы диверсіями въ Германіи, Голштиніи и самой Швеціи, удалить непріятеля изъ Польши. По такому плану убѣждалъ онъ поступать Августа и самъ не медля приступилъ къ дѣлу. Пока войско, стоявшее въ Литвѣ подъ начальствомъ Огильвія, угрожало Варшавѣ, Августъ долженъ былъ нападать со стороны Саксоніи и Силезіи, Мазепа съ казаками идти въ Волынь и Галицію, Шереметевъ отрѣзать отъ Риги Левенгаупта и отнять Курляндію. Но планъ царя трудно было исполнить, если бы даже страхъ оружія шведскаго и не останавливалъ другихъ, при разногласіи мнѣній и отдѣльности мѣстъ военныхъ дѣйствій. Поляки думали только о взаимномъ грабежѣ имѣній, разбѣгались при первомъ выстрѣлѣ непріятеля, переходили съ одной стороны на другую. Два примаса были въ одно время объявлены въ Польшѣ, архіепископъ лембергскій, Дзялинскій, утвержденный Станиславомъ, и епископъ куявскій, Шембекъ, утвержденный Августомъ. Оба они взаимно проклинали другъ друга. Августъ не могъ собрать ни денегъ, ни войска въ Саксоніи, откуда, считая съ начала войны со шведами, вывезено было въ Польшу болѣе 800 пушекъ, болѣе двадцати милліоновъ рублей серебромъ денегъ, и — все погибло безвозвратно, не считая 40,000 саксонцевъ и наемныхъ войскъ, высланныхъ во все время въ Польшу, изъ которыхъ оставались немногія тысячи.

Шереметевъ выступилъ изъ Полоцка въ Курляндію по царскому повелѣнію. Левенгауптъ ждалъ его съ 8,000 шведовъ у Митавы, намѣреваясь сражаться, или въ случаѣ превозмогающаго числа непріятелей, отступить къ Ригѣ. Царь двинулся къ Вильнѣ съ остальнымъ войскомъ. Передовые отряды русскіе быстро пронеслись до Митавы, захватили въ расплохъ столицу Курляндіи, но оставили ее, услышавъ о приближеніи Левенгаупта, спѣшившаго на битву съ ними. Послѣ удаленія русскихъ онъ перешелъ обратно въ крѣпкую позицію свою при Гемауертгофѣ. Шереметевъ, съ 2500 пѣхоты,

7,000 драгунъ и 2,000 поляковъ, сблизился туда 15-го іюля. Левенгауптъ не далъ ему построиться, сбилъ его быстрымъ нападеніемъ, отнялъ у него 13 пушекъ и заставилъ въ безпорядкѣ отступить до Биржи. Карлъ XII-й пожаловалъ храбраго Левенгаупта генералъ-лейтенантомъ и губернаторомъ рижскимъ. „Не печалься о своемъ несчастіи", писалъ Шереметеву царь — „всегдашнее счастіе много людей погубило".—Онъ самъ хотѣлъ загладить неудачу и августа 6-го соединился съ Шереметевымъ въ Биржѣ. Левенгауптъ не смѣлъ послѣ сего дожидаться русскихъ, и какъ ни спѣшилъ царь, надѣясь отрѣзать Левенгаупта, шведы успѣли ретироваться въ Ригу. „Самъ чортъ вразумилъ его!" сказалъ царь съ досадою, слыша, что Левенгауптъ умѣлъ уйти. Царь вступилъ въ Курляндію и велѣлъ взять Митаву. Чрезъ двѣ недѣли осады Митава сдалась (2-го сентября). Городъ найденъ былъ разграбленнымъ шведами. Они не пощадили даже герцогскихъ гробницъ. Царь велѣлъ взять свидѣтельство въ томъ, что святотатство учинено было не русскими; 348 орудій досталось русскимъ. Баускъ сдался 14-го сентября, безъ боя. Царь лично осмотрѣлъ укрѣпленія Риги, видѣлъ невозможность заняться осадою сей знаменитой крѣпости, очистилъ Курляндію отъ шведовъ, прикрылъ войскомъ теченіе Двины, и сдвинулся къ Гродно и Тикочину, городу за Нѣманомъ, находясь такимъ образомъ въ готовности идти на Варшаву и отступать въ Литву.

При наступленіи весны Карлъ XII-й велѣлъ генералу Стромбергу вытѣснить войска Августа, остававшіяся въ Польшѣ и занимавшія Краковъ, въ числѣ 5,000. Паткуль, начальствовавшій ими, уступилъ Краковъ безъ боя, перешелъ къ Люблину, потомъ къ Бресту, стараясь прикрыться русскою арміею. Шведскій генералъ Ниротъ преслѣдовалъ его, успѣлъ вымамить на битву, и 3,500 шведовъ разбили 7,000 поляковъ и саксонцевъ (22-го іюля). Несчастный Паткуль попался въ плѣнъ и былъ увезенъ въ Швецію. Карлъ XII-й предалъ его военному суду, обвиняя, какъ уроженца лифляндскаго, въ измѣнѣ. Паткуль думалъ спастись, открывши шведскому правительству тайну дѣлать золото посредствомъ философскаго камня, узнанную будто бы имъ въ бытность его въ Греціи. Карлъ XII-й не уважилъ представленія о томъ и Паткуль былъ казненъ. „Не удивляюсь, что шведскій король не дорожитъ философскимъ камнемъ", сказалъ Августъ, услышавъ о казни Паткуля— „онъ нашелъ тайну добывать золото въ Польшѣ и безъ философскаго камня". Шведы бездѣйствовали послѣ сего въ Польшѣ до конца іюля. Оградивъ границы Силезіи корпусомъ Рейншильда, Карлъ XII-й придвинулся съ войскомъ своимъ къ Варшавѣ, гдѣ съ 1-го іюля созванъ былъ сеймъ для коронованія Станислава. Силы шведовъ увеличилъ 10,000-й корпусъ Потоцкаго, собранный на Волыни. Карлъ XII-й велѣлъ ему прикрыть правый берегъ Вислы, а самъ расположился лагеремъ въ Блонѣ, наблюдая русское войско, стоявшее въ Литвѣ, и движенія Августа изъ Саксоніи. Все лѣто прошло въ ожиданіи союзниками того, что начнетъ Карлъ XII-й, но шведскій король занимался только коронованіемъ Станислава. Оно соверши-

лось великолѣпно 24-го сентября. Къ Тикочину сошлись остатки Паткулева корпуса и отряды Вишневецкаго. Царь осмотрѣлъ ихъ, отправился въ Гродно, оставилъ тамъ Меншикова, и приказалъ ему только тревожить непріятеля, поощряя мелкую войну въ польской Пруссіи, гдѣ саксонцы захватили тогда Маріенбургъ. Карлъ XII й велѣлъ Потоцкому очистить польскую Пруссію. Удаленіе Потоцкаго съ береговъ Вислы открыло Меншикову возможность дѣйствовать на Варшаву. Отважные наѣздники, русскіе полковники Горбовъ и Шенбургъ, и полякъ Синицкій, пробрались изъ Тикочина къ самой Варшавѣ, 13-го октября, захватили тамъ шведскіе караулы, ворвались въ Прагу, гдѣ ихъ вовсе не ожидали, изрубили гвардейскій батальонъ Станислава, взяли 3 пушки, 6 знаменъ, 375 плѣнныхъ, и распространили такой страхъ въ польской столицѣ, что Станиславъ уже собирался бѣжать. Карлъ XII-й встревоженный извѣстіемъ, что русскіе подошли къ Варшавѣ, двинулся со всею своею арміею. На другомъ переходѣ узналъ онъ о ложной тревогѣ и возвратился въ свой Блонскій лагерь.

Царь былъ тогда въ Тикочинѣ и къ нему явился неожиданный гость—король Августъ. Царь звалъ его, желая переговорить и условиться съ нимъ о военныхъ дѣйствіяхъ. Скрытно, подъ видомъ простого офицера, пробрался Августъ, подвергаясь величайшей опасности быть узнаннымъ и захваченнымъ отъ непріятеля. Вся Польша по Вислѣ перешла тогда къ Станиславу. Царь опасался бездѣйствія Карла XII-го, показывавшаго, что онъ готовитъ силы на какое-нибудь новое, смѣлое и отважное предпріятіе. Необходомыя дѣла отзывали царя въ Москву. Онъ все приготовилъ къ отпору непріятеля и подробно изъяснилъ Августу планъ свой, оставляя ему въ полное распоряженіе свои войска. Кромѣ отрядовъ въ Тикочинѣ съ Меншиковымъ, и войскъ, расположенныхъ въ Курляндіи, 30,000 русскихъ находилось въ Гроднѣ съ Огильвіемъ. Мазепа, съ 40,000 казаковъ, прошелъ черезъ Волынь, отнялъ у шведовъ Замостье и стоялъ на правомъ берегу Вислы. Августъ разсыпался въ изъявленіяхъ благодарности и клятвахъ дружбы и союза, извѣщая царя, что 10,000 саксонцевъ и 6,000 русскихъ, остатокъ бывшаго корпуса Паткулева, готовы были вступить въ Польшу. Такимъ образомъ около 100,000 войска снова находилось въ распоряженіяхъ короля Августа. Царь хотѣлъ весною приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ, отрѣзать Карлу XII-му сообщеніе съ Балтійскимъ моремъ, начать войну въ Финляндіи, и даже въ Швеціи, обѣщалъ не замедлить возвратомъ въ Польшу и отправился въ Москву 7-го декабря. Не смотря на жестокій холодъ, Карлъ XII-й постоянно оставался въ своемъ Блонскомъ лагерѣ.

Шведы дѣлали вновь покушенія на Петербургъ лѣтомъ 1705 г. Меншиковъ посланъ былъ изъ Польши отразить ихъ, но воротился съ дороги, извѣщая, что покушеніе непріятеля оказалось безуспѣшно. Майдель являлся изъ Выборга, былъ отбитъ Брюсомъ, обратился къ Шлиссельбургу, и удалился, встрѣтивъ здѣсь сопротивленіе упорное. Флотъ шведскій подходилъ къ Котлину, гдѣ ждалъ его вице-адмиралъ Крюйсъ. Шведы высадили вой-

ско на островъ, были храбро встрѣчены полковникомъ Толбухинымъ, удалились съ потерею 500 человѣкъ, но возобновили нападеніе и подверглись большой опасности при безвѣтріи, когда неосторожно подошли подъ выстрѣлы прибрежныхъ батарей. Имя Толбухина сохранилось съ тѣхъ поръ на одномъ изъ кронштадтскихъ укрѣпленій. Шведскій флотъ удалился въ половинѣ августа. Царь радовался, что милое дитя его, балтійскій флотъ, могъ уже защитить новый городъ его, не боясь сражаться съ старымъ шведскимъ флотомъ.

Царя мало потревожило возмущеніе башкировъ, спокойно кочевавшихъ послѣ усмиренія ихъ въ 1670 году, при царѣ Алексіѣѣ. Притѣсненія и взятки уфимскаго воеводы возмутили башкировъ. Вооруженныя толпы ихъ грабили русскія селенія, подступали къ Уфѣ, Бирску, Мензелинску, являлись даже близъ Казани. Царь послалъ на нихъ войско съ княземъ Хованскимъ. Но несравненно опаснѣе было возмущеніе стрѣльцовъ въ Астрахани. Закоренѣлые злодѣи думали, что настало время отмстить за казнь товарищей въ Москвѣ; что царь занятъ войною и ему некогда о нихъ думать; что ихъ подкрѣпятъ староверы, и 30 го іюля 1705 года они возмутились, убили воеводу астраханскаго, овладѣли Астраханью. Бунтъ разлился по Волгѣ. Царь немедленно отправилъ Шереметева въ Астрахань, думалъ даже самъ ѣхать туда изъ Москвы, получая преувеличенныя извѣстія объ упорствѣ и свирѣпости злодѣевъ. Но ему предстояло дѣло гораздо важнѣе. Едва только удалился онъ съ мѣста военныхъ дѣйствій, тамъ снова все измѣнилось. Карлъ XII-й мгновенно и неожиданно вышелъ изъ своего бездѣйствія. Смѣлыми предпріятіями низпровергъ онъ дальновидные планы царя. Августъ, недостойный союзникъ великаго, показалъ вполнѣ свое малодушіе и вѣроломство. Все уступило воинскимъ дарованіямъ короля шведскаго. Геній его явился въ новомъ блескѣ въ обильныхъ событіями 1706 и 1707 годахъ, и показалъ въ немъ полководца смѣлаго и отважнаго. Никогда прежде не достигалъ Карлъ XII-й столь блестящей степени славы. Онъ напомнилъ Европѣ Густава Адольфа.

Разсказъ десятый.

Карлъ XII-й въ Польшѣ и Саксоніи.—Петръ Великій въ Польшѣ.

1706 — 1707 гг.

. . . Не ему вести войну
Съ самодержавнымъ великаномъ:
Какъ полкъ, вертѣться онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ:
Онъ слѣпъ, горячъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ и кичливъ—
Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ—
Сломить ему свои рога!

Пушкинъ.

Когда царь, удалясь въ Москву, усмирялъ бунтъ астраханскихъ стрѣльцовъ, готовилъ новыя войска и высылалъ ихъ въ Литву и Смоленскъ, а союзникъ его ускорялъ движеніе саксонскаго корпуса, стоявшаго за Одеромъ подъ начальствомъ Шуленбурга, стараясь сблизить дѣйствія его съ дѣйствіями русскихъ отъ Нѣмана и Вислы, Карлъ XII-й, неподвижно пробывшій въ лагерѣ подъ Блономъ съ августа мѣсяца, внезапно двинулся въ походъ 28-го декабря 1700 года, среди жестокихъ морозовъ. Двадцать тысячъ шведовъ, кромѣ польскихъ отрядовъ Потоцкаго и Сапеги, составляли войско его. Не знали, недоумѣвали куда онъ направится, но вскорѣ направленіе черезъ Бугъ показало намѣреніе его напасть на русское войско, занимавшее Гродно, откуда отдѣленія русскихъ простирались къ Тикочину и Пултуску за Нѣманъ. Рухлый ледъ на Бугѣ покрывали соломою и нѣсколько ночей заливали водою, дабы можно было перейти по льду безопаснѣе. Января 4-го 1706 г. шведы были за Бугомъ. 13-го они находились уже въ 5-ти верстахъ отъ Гродно и отрѣзали сообщенія русскихъ войскъ съ Вильною. Огильвій хотѣлъ воспрепятствовать переправѣ шведовъ черезъ Нѣманъ. Самъ Карлъ XII-й повелъ въ битву свое войско. Помня приказъ царя не вступать

въ открытыя сраженія, Огильвій уклонился и заперся въ Гродно; 15-го шведы приблизились къ Гродно, и видя упорство русскихъ не выходить въ бой, Карлъ XII й, не имѣя съ собою сильной артиллеріи, былъ въ недоумѣніи что ему дѣлать, когда осмотрѣлъ сильныя укрѣпленія Гродно и сообразилъ трудность взятія приступомъ города при многочисленности охраннаго войска. Онъ рѣшился запереть русскихъ въ Гродно, прервать подвозы, и тѣмъ принудить Огильвія оставить Гродно, гдѣ стѣсненіе 30,000 войска производило и безъ того недостатки и болѣзни. Тогда Карлъ XII-й надѣялся принудить русскаго полководца къ бою и разбить его. Января 17-го шведское войско отступило на 10-ть верстъ отъ Гродно. Огильвій думалъ, что успѣетъ достать припасы фуражировкою, но шведы и поляки вездѣ стерегли, встрѣчали и били русскихъ фуражировъ. Положеніе русскихъ войскъ сдѣлалось гибельнымъ, особенно при упадкѣ духа въ войскѣ и несогласіи начальниковъ. Меншиковъ ссорился съ Огильвіемъ и наконецъ уѣхалъ отъ него. Король Августъ прежде всѣхъ потерялъ бодрость. Отчаяваясь въ успѣхѣ, онъ рѣшился предать русскихъ судьбѣ ихъ, и говоря Огильвію, что спѣшитъ отвлечь шведовъ, двинувши изъ-за Одера саксонское войско и занявши Варшаву, подъ симъ благовиднымъ предлогомъ ушелъ изъ Гродно съ малымъ отрядомъ. Января 25-го занялъ онъ Варшаву, безъ всякаго сопротивленія, и велѣлъ двинуться въ Польшу Шуленбургу, препоручая Синицкому очистить пути сообщеній съ Гродно отъ войскъ Потоцкаго. Распоряженія его, безотчетно сдѣланныя, ни къ чему не послужили. Карлъ XII-й и Станиславъ не заботились о взятіи столицы польской. Письма Синицкаго къ Августу были перехвачены. Нападеніе Синицкаго предупредили и разбили его отрядъ, а февраля 2-го побѣда Рейншильда надъ Шуленбургомъ лишила Августа послѣдней надежды на спасеніе. Рейншильдъ, оставленный Карломъ XII защищать силезскую границу, узналъ о переходѣ Шуленбурга, съ 18,000 саксонцевъ и русскихъ, черезъ Одеръ, и поспѣшилъ навстрѣчу ему. Шуленбургъ уклонился, надѣясь обойти шведовъ и соединиться съ Августомъ, шедшимъ въ тылъ Рейншильда съ 10,000 русскихъ и поляковъ. Рейншильдъ успѣлъ обмануть своихъ обоихъ противниковъ притворнымъ отступленіемъ. Зная, что у шведовъ вовсе не было пушекъ, Шуленбургъ пошелъ на нихъ съ своими 18,000 и 36 пушками, надѣясь на вѣрную побѣду, и догналъ ихъ у Фрауштадта. У Рейншильда не было и 12,000, но самъ онъ смѣло началъ битву, и саксонская конница первая дрогнула при мужественномъ ударѣ шведской пѣхоты въ штыки. Пѣхота Шуленбурга смѣшалась и дѣло было мгновенно рѣшено; одни бѣжали, другіе сдавались. Шведы убили до 7,000 непріятелей, взяли въ плѣнъ гораздо болѣе, захватили всѣ пушки, знамена, обозъ—едва спасся самъ Шуленбургъ и собралъ тысячи двѣ бѣглецовъ уже за Одеромъ. Августъ находился въ нѣсколькихъ верстахъ, слышалъ пальбу, но не рѣшился идти на помощь. Узнавъ о разбитіи Шуленбурга, онъ бѣжалъ въ Краковъ. Положеніе русскихъ въ Гродно сдѣлалось послѣ того безнадежнымъ и отчаяннымъ.

При первомъ извѣстіи о походѣ Карла XII-го, царь бросилъ всѣ дѣла свои въ Москвѣ, отправился въ Литву, скакалъ день и ночь, и 26-го января былъ уже въ Дубровнѣ. Здѣсь встрѣтилъ его Меншиковъ. Путь въ Гродно былъ отрѣзанъ шведами. Лучшее войско русское и сильная артиллерія были съ Огильвіемъ. „О, зѣло я печаленъ, что не могъ къ вамъ пробраться, и только Богъ видитъ въ какое сомнѣніе и какую скорбь повергаетъ меня неизвѣстность вашего положенія“, писалъ царь Огильвію. Но онъ не унывалъ. Поспѣшно началъ онъ сдвигать войска. Шведы уже заняли Вильну, угрожая отрѣзать русскій корпусъ, занимавшій Курляндію и поставленный между двухъ огней, ибо Левенгауптъ угрожалъ ему изъ Риги. Въ началѣ февраля царь собралъ уже въ Оршѣ около 10,000 войска, угрожалъ нападеніемъ на Карла XII-го и сближался къ Двинѣ, когда Мазепа съ казаками поспѣшно шелъ отъ Кіева къ Пинску. „Фундаментъ всему—поспѣшать и поспѣшать“, писалъ къ нему царь. Отвлекая такимъ образомъ съ двухъ сторонъ вниманіе короля шведскаго отъ Гродно, царь не думалъ сражаться, но хотѣлъ только дать средство Огильвію оставить Гродно, строго приказывая ему пользоваться первымъ случаемъ перейти за Нѣманъ, затруднить шведамъ переходъ, и сколько можно поспѣшнѣе отступать и идти черезъ Пинскъ и Брестъ на Волынь. Огильвій спорилъ, утверждалъ, что гораздо лучше дождаться Августа съ его войсками, и что Гродно превосходное мѣсто развить военныя дѣйствія. Августъ жаловался, что царь велитъ русскимъ отступать. Царь старался вразумить Августа, что сперва надобно спасти войско, а потомъ думать о побѣдахъ. „Гродно мѣсто очень хорошее“, писалъ онъ, „да только для ангеловъ, которымъ хлѣба не надобно, а не для людей, которые привыкли каждый день ѣсть и безъ того жить не могутъ“. Августъ говорилъ, что царю нечего опасаться похода шведовъ въ Россію, пока Польша еще не побѣждена „Но если однакожъ шведы вздумаютъ идти на Москву“, отвѣчалъ царь, „то заставятъ насъ плясать поневолѣ, и я не ручаюсь, что къ нимъ, можетъ быть, пристанутъ и другіе музыканты“. „На саксонцевъ надѣяться нечего“, писалъ онъ Огильвію. „Если они и придутъ, такъ опять убѣгутъ и насъ оставятъ. Спасайте войско мое. Бросьте пушки, бросьте все - сохраните мнѣ только людей, а паче всего не оставляйте больныхъ, и вывозите ихъ хоть на быкахъ, но только отнюдь не отдавайте непріятелю“. Самъ онъ находился въ Минскѣ, въ средоточіи всѣхъ дѣйствій, распоряжаясь въ одно время выходомъ войска изъ Гродно, выводомъ русскаго корпуса изъ Курляндіи, сближеніемъ новыхъ войскъ отъ Смоленска, Пскова, Кіева и казаковъ изъ Малороссіи, готовя мосты Огильвію черезъ Днѣпръ въ Оршѣ, Могилевѣ, Быховѣ, и думая о томъ, что предприметъ Карлъ XII й, когда увидитъ спасенное отъ него войско русское. Не рѣшится ли онъ послѣ того идти прямо въ Россію, а если пойдетъ, гдѣ надобно ожидать его? Царь ждалъ его всюду. Планъ войны при вторженіи шведовъ въ Россію былъ у него давно готовъ. Онъ провелъ военную линію отъ Пскова до Смоленска, Могилева и Кіева. Полагая Днѣпръ линіею опоры для рус-

скихъ, царь приготовлялъ сильное войско, которое могло бы заступать мѣсто шведовъ въ Литвѣ и Польшѣ, по мѣрѣ приближенія ихъ къ Днѣпру, дало средства королю Августу собраться съ силами, и прервало сообщенія шведовъ съ Лифляндіею и Балтійскимъ моремъ, когда между тѣмъ еще болѣе сильнѣйшее войско должно было занять всю оборонительную линію, уступать шведамъ, увлекать ихъ, пользоваться каждымъ случаемъ вредить имъ, опустошать всѣ мѣста, которыми пойдутъ они, и не вступая въ битвы рѣшительныя, истреблять непріятеля постепенно и частями.

Превосходство сего плана, совершенно сходнаго съ тѣмъ, которымъ черезъ столѣтіе потомъ спасена была Россія отъ Наполеона, показываетъ обширность геніальныхъ военныхъ способностей царя. Всюду дѣйствовали и работали для исполненія сего плана, по точному распоряженію его, тысячи рукъ, когда онъ занимался спасеніемъ войска, бывшаго въ Гродно. Отъ Пскова до Кіева, а въ другую сторону отъ Смоленска до Брянска, по русской границѣ дѣлали засѣки, насыпали валы, рыли рвы, воздвигали люнеты и насыпи. Смоленскъ укрѣпляли. Въ Кіевѣ возобновляли старинныя укрѣпленія.

Огильвій убѣдился въ вѣрности предположеній царя, узнавши о разбитіи Шуленбурга и бѣгствѣ Августа. Онъ успѣшно исполнилъ послѣ сего мысль царя. Карлъ XII-й, угрожая русскому войску, самъ находился въ положеніи весьма тягостномъ, терпѣлъ отъ холода, нуждался въ продовольствіи, угрожаемый царемъ, и какъ всегда бывало, начавши дѣятельно, онъ не имѣлъ терпѣнія кончить свои распоряженія. Онъ не посмѣлъ (въ первый разъ въ жизни) напасть на Гродно зимою, немедленно по переходѣ за Нѣманъ, удалился потомъ отъ главной цѣли предпріятія, и опасаясь движенія русскихъ отъ Полоцка и Минска, былъ въ томительномъ бездѣйствіи. Такъ прошла вся зима. Ранняя весна растворила непроходимыя грязи и болота. Опасаясь только соединенія русскихъ, находившихся въ Гродно, съ царемъ, Карлъ XII-й не догадался о планѣ отступленія, царемъ предписаннаго, думалъ о томъ, какъ отрѣзать Огильвія отъ Минска, и потому строилъ мостъ на Нѣманѣ въ Орлѣ, занялъ Несвижъ, готовился стать здѣсь съ своею арміею, когда Огильвій, 30-го марта, едва взломало ледъ на Нѣманѣ, перешелъ поспѣшно на лѣвый берегъ сей рѣки; 6-го апрѣля былъ уже въ Бѣльскѣ, а 10-го въ Брестѣ. Русскіе также удачно успѣли уйти изъ Курляндіи, подорвавши укрѣпленія Митавы и Бауска. Они спутали притомъ всѣ соображенія Карла XII-го движеніемъ своимъ на Минскъ. Узнавши ошибку, Карлъ XII-й бросился за Огильвіемъ, былъ остановленъ льдомъ на Нѣманѣ, ударилъ въ перерѣзъ пути по недоступнымъ болотамъ на Пинскъ, но когда утопая въ тамошнихъ непроходимыхъ лѣсахъ, занимая крѣпостцы Забиржъ, Ляховичи, Несвижъ, затрудненный при переправѣ черезъ Яцельду, гдѣ думалъ сражаться съ цѣлою арміею русскихъ, послѣ невѣроятныхъ трудовъ онъ прошелъ къ Пинску мая 1-го, Огильвій, принявъ путь гораздо лѣвѣе, на Ковель, 19-го апрѣля достигъ сего города. Король

шведскій убѣдился въ невозможности догнать его и рѣшился дать отдыхъ своему войску, изнуренному зимнимъ переходомъ, стоянкою во время зимы и поспѣшнымъ походомъ отъ Гродно до Пинска. Казалось, Карлъ XII-й былъ тогда въ раздумьѣ, что должно начать. Онъ оставался въ Пинскѣ до 23-го мая, и потомъ медленно выступилъ на Волынь, гдѣ остановился между Дубномъ и Луцкомъ. Шведы и поляки грабили и разоряли здѣсь помѣстья пановъ, державшихся стороны Августа, когда тѣмъ же платили Свинарскій, Смигельскій, Поцей и Вишневецкій за Вислою сообщникамъ Станислава. Всѣ прежнія частныя обиды были тогда отплачиваемы взаимно, подъ видомъ мщенія за королей Августа и Станислава. Потоцкій, Сапега и Рейншильдъ тщетно старались истребить отчаянныхъ польскихъ партизановъ. Огильвій изъ Ковеля безопасно прошелъ на Кіевъ. Всѣ оставляемыя шведами мѣста были немедленно занимаемы русскими, и всѣ плоды смѣлаго и труднаго зимняго похода шведовъ были потеряны безъ всякой пользы.

Царь оставилъ мѣста военныхъ дѣйствій, едва только Огильвій двинулся изъ Гродно. Онъ спѣшилъ осмотрѣть укрѣпленія Смоленска и Пскова, проѣхалъ въ Нарву и посѣтилъ Петербургъ, гдѣ не былъ съ декабря 1704 года. Восхищенный быстро возникавшимъ, новымъ городомъ своимъ, сильною крѣпостью его, обширною верфью, укрѣпленіями на Котлинѣ островѣ, онъ писалъ Меншикову: „Я живу здѣсь, какъ въ раю, ибо все въ здѣшнемъ парадизѣ нашелъ я исправно, и одно только мучитъ меня, что у васъ дѣлается. Но человѣческія средства, кажется, всѣ придуманы и взяты— будемъ надѣяться на милость Божію.“ Царь заложилъ тогда каменныя стѣны Петербургской крѣпости, вмѣсто земляныхъ валовъ, и испыталъ наслажденіе въ первый разъ прогуляться по морю съ своимъ корабельнымъ флотомъ. Нѣсколько шведскихъ крейсеровъ, наблюдавшихъ Котлинъ, поспѣшно удалились при появленіи русскаго флота.

Но царю некогда было долго оставаться въ своемъ парадизѣ. Грозною тучею стоялъ на Волыни Карлъ XII-й. Царь ожидалъ, что онъ двинется теперь въ предѣлы Россіи. Полководцы царскіе опять спорили, ссорились между собою, и не понимали предписаній, данныхъ имъ. Упрямый Огильвій измѣнилъ по своему планъ царя, и безъ всякой надобности перешелъ изъ Кіева къ Гомелю. Царь оставилъ Петербургъ 1-го іюня, доѣхалъ до Гдова, отправился отсюда по Чудскому озеру въ Псковъ, осмотрѣлъ войско въ Оршѣ и Могилевѣ, проѣхалъ въ Гомель, откуда Огильвій отправилъ уже войска по его приказу обратно въ Кіевъ. Іюля 8-го древній Кіевъ въ первый разъ увидѣлъ русскаго царя въ стѣнахъ своихъ. Благоговѣйно посѣтивъ святыню Кіева, соборы, церкви, Печерскую обитель, царь увидѣлъ невыгодное положеніе кіевской крѣпости, и велѣлъ по собственноручному плану перенесть ее къ Печерскому монастырю. Неутомимыми трудами царя все уже было приготовлено начать войну наступательную, если Карлъ XII-й будетъ еще медлить, и обороняться, если онъ начнетъ наступать; планы были глубоко обдуманы и рѣшены, средства готовы: 100,000 русскаго войска и казаковъ

прикрывали предѣлы Россіи и занимали протяженіе земель отъ Курляндіи и Двины къ Смоленску, переходя за Нѣманъ и протягиваясь до Кіева и Житомира. Въ Петербургѣ готовилась экспедиція въ Финляндію. Упрямый характеръ Огильвія заставилъ царя уволить изъ русской службы сего опытнаго, но своенравнаго генерала. Препоручая потомъ приглашать въ русскую службу иностранныхъ генераловъ, онъ говаривалъ: „Смотрите только, чтобы они на Огильвія не походили.“ Шереметевъ прибылъ въ Кіевъ и получилъ главное начальство надъ войсками. Бунтъ астраханскій былъ укрощенъ рѣшительными дѣйствіями Шереметева и милосердіемъ царя. Шереметевъ осадилъ Астрахань, разбилъ бунтовщиковъ, обѣщалъ имъ помилованіе, и они покорились, выдали Носова, главнаго злодѣя и зачинщика бунта, и до 300 его сообщниковъ. Около ста бунтовщиковъ изъ сего числа были казнены по военному суду. Довольный распоряженіями Шереметева — „Богъ заплатитъ вамъ за труды и мы не забудемъ ихъ,“ писалъ къ нему царь. „Вижу Божій промыслъ въ усмиреніи закоренѣлыхъ двадцати пяти лѣтними злодѣйствами преступниковъ, и приписываю все только единой волѣ всеблагаго промысла, милующей насъ среди нынѣшнихъ тяжкихъ трудовъ,“ говорилъ царь, извѣщая Апраксина объ усмиреніи бунта. Шереметевъ получилъ титулъ графа—новое достоинство, введенное царемъ, вмѣсто прежнихъ.

Августъ имѣлъ время опомниться, собрать 15,000 изъ остатковъ своего войска и приблизиться къ Вислѣ. Но онъ не смѣлъ напасть на шведскаго генерала Мейерфельда, стоявшаго съ 9·000-ми шведовъ въ Брестѣ, и потянулся чрезъ Тикочинъ, сближаясь съ русскими, ибо царь, оставляя главное войско близъ Кіева, отрядилъ Меншикова, съ 20,000 человѣкъ, наблюдать движенія шведскаго короля, а генерала Вердена съ 8,000-ми въ Полоцкъ удерживать Левенгаупта.

Въ началѣ іюля главное шведское войско двинулось съ мѣста. Сначала не угадывали цѣли его внезапнаго движенія, но вскорѣ царь убѣдился, что Карлъ XII й идетъ за Вислу. Онъ быстро проникъ намѣреніе своего противника и не ошибся: король шведскій отлагалъ на время походъ въ Россію. Онъ хотѣлъ прежде принудить короля Августа рѣшительно отказаться отъ правъ его на Польшу, дать средства отдохнуть шведамъ въ обильной, не разоренной землѣ, и — онъ не смѣлъ уже тогда презирать царя — приготовить силы къ нападенію на Россію. Іюля 6-го Карлъ XII-й выступилъ въ походъ. Въ началѣ августа соединился онъ съ Рейншильдомъ; 20-го Августа сталъ на границахъ Силезіи, съ 25,000 ми шведовъ перешелъ за Одеръ, и 25-го августа вошелъ въ Саксонію. Онъ не оставлялъ Польши безъ защиты во власть царя и его союзника; генералъ Мардефельдъ остался въ Польшѣ, и кромѣ сильнаго гарнизона въ Познани, шведскіе отряды соединились съ войсками Потоцкаго и Сапеги за Вислою.

Едва только двинулся Карлъ XII-й, царь распорядился дѣйствіями сообразно новымъ обстоятельствамъ войны. Меншиковъ долженъ былъ слѣдо-

вать за шведскою арміею, ведя впереди конницу, и отдаляя отъ нея пѣхоту, дабы, если походъ шведовъ былъ только средствомъ ослабить бдительность русскихъ, немедленно можно было отступить и примкнуть къ главному русскому войску. Но если Карлъ XII-й дѣйствительно пойдетъ въ Саксонію, Меншиковъ долженъ былъ стремительно занимать Польшу, и уничтожать въ ней охранное войско шведское, стараясь истреблять приверженцевъ Станислава.

Въ августѣ мѣсяцѣ умеръ въ Глуховѣ вѣрный слуга царскій, Ѳед. Алекс. Головинъ. Царь возвелъ въ достоинство великаго адмирала друга своего, Ѳед. Матв. Апраксина, и располагая главное устройство морскихъ силъ въ Петербургѣ, устремляя вниманіе уже не на Черное, но на Балтійское море, вызвалъ Апраксина изъ Воронежа въ Петербургъ, куда и самъ поспѣшилъ пріѣхать изъ Кіева, августа 20-го. Предъ отъѣздомъ изъ арміи царю поднесли чинъ полковника. Бомбардирскій капитанъ Петръ Алексѣевичъ былъ достоинъ такого повышенія за службу свою въ теченіе десяти послѣднихъ лѣтъ. „Милость не по заслугамъ,“ писалъ царь князю кесарю, „и я причитаю ее только щедротѣ Вашего Величія, обѣщая и впредь служить усердно.“

Казалось, судьба хотѣла тогда обольстить Карла XII-го самыми увлекательными посулами славы и величія. Вступивъ въ Саксонію, онъ выдвинулся на позорище европейской политики. Побѣдитель Даніи и Россіи, властитель Польши, низвергнувшій съ престола одного, возведшій на престолъ другого короля, онъ ужаснулъ Августа своимъ походомъ, и могъ сдѣлаться рѣшителемъ важныхъ европейскихъ вопросовъ, какъ увидимъ далѣе. Никто въ Европѣ не постигалъ тогда величія и сущности дѣлъ и предпріятій царя, и блестящей, но неосновательной и непрочной славы короля шведскаго. И безъ того уже нѣсколько лѣтъ искавшій всѣми средствами мира съ королемъ шведскимъ, Августъ спѣшилъ теперь купить у него миръ всякими пожертвованіями. Уже давно утратилъ онъ передъ могучимъ соперникомъ свое мужество, уже давно Карлъ XII-й сорвалъ съ него корону — оставалось отнять у него честь, заставить его быть жалкимъ орудіемъ прихотей своенравнаго побѣдителя, вѣроломнымъ нарушителемъ обязанностей къ союзнику и всѣхъ народныхъ правъ. Все, чего потребовалъ Карлъ XII-й, Августъ не поколебался уступить ему за спасеніе Саксоніи.

Видя короля шведскаго, устремившагося за Одеръ, Августъ протестовалъ противъ нарушенія неприкосновенности родовыхъ земель его, какъ курфирстъ и членъ имперіи, и требовалъ заступленія и помощи императора и имперскаго сейма. Никто не являлся къ нему на помощь. Карлъ XII-й не думалъ уважать безсильные протесты, и въ лагерь шведскаго короля пріѣхалъ министръ Августа умолять о пощадѣ, съ полномочіемъ заключить миръ на условіяхъ, какія угодно будетъ побѣдителю предписать. Саксонія была беззащитна, ибо ее охраняли только остатки Шуленбургова корпуса, отъ которыхъ поспѣшно отдѣлились остатки русскихъ, боясь преда-

тельства. Шуленбургъ не смѣлъ сражаться со шведами, уходилъ и сдавалъ безъ боя города и крѣпости, особено, кода Карлъ XII-й объявилъ, что всякое сопротивленіе будетъ наказано разореніемъ земли, и напротивъ имѣніе и жизнь каждаго саксонца будутъ уважены, если войско и жители не окажутъ сопротивленія и снабдятъ шведовъ припасами. Онъ не хотѣлъ еще говорить о мирѣ, не хотѣлъ даже видѣть посла Августова. Надлежало повиноваться. Сентября 4-го шведы перешли Эльбу; 8-го заняли Лейпцигъ, и Карлъ XII-й сталъ лагеремъ въ Альтранштадтѣ близъ Люцена. Шуленбургъ отступилъ къ Рейну. Русскіе, отдѣлясь отъ него, перешли во владѣнія императора. Шведы обложили Дрезденъ, откуда поспѣшно бѣжало семейство Августа. Тогда, вполнѣ обладая Саксоніею, Карлъ XII-й обложилъ ее контрибуціями. Саксонія должна была взносить ежемѣсячно по 625,000 талеровъ, во все время пребыванія въ ней шведовъ, и сверхъ того давать каждому шведскому солдату ежедневно по 2 фунта хлѣба. по 2 фунта мяса, по 2 кружки пива, по 25 коп. деньгами, не считая квартиры и сѣна и овса лошадямъ. Карлъ XII-й рѣшился послѣ сего говорить о мирѣ. Онъ согласился принять Имгофа и Фингштейна, министровъ Августа. Оба предстали съ раболѣпнымъ изъявленіемъ покорности. „Вы хотите мира?“ угрюмо спросилъ ихъ Карлъ XII-й, и не дождавшись отвѣта, прибавилъ: „Я сейчасъ напишу вамъ отвѣтъ.“ Онъ ушелъ въ кабинетъ свой. Черезъ полчаса Пиперъ вынесъ бумагу, на которой было рукою короля написано:

„Соглашаюсь мириться на слѣдующихъ условіяхъ, изъ которыхъ ничего не уступлю и не перемѣню:

1. Король Августъ отказывается отъ польской короны, признаетъ королемъ польскимъ Станислава, и обѣщаетъ никогда не помышлять о престолѣ польскомъ, даже и по кончинѣ Станислава.

2. Отрекается отъ всякихъ союзовъ, особенно съ царемъ московскимъ.

3. Съ почестью возвращаетъ мнѣ принцовъ Собіескихъ и всѣхъ плѣнныхъ.

4. Выдаетъ всѣхъ бѣглецовъ, перешедшихъ въ его службу, и особенно Паткуля, обязываясь прекратить всякое преслѣдованіе противъ перешедшихъ въ шведскую службу своихъ подданныхъ.“

Министры Августа замѣтили, что условія тяжелы. „Мой государь никогда не перемѣняетъ своего рѣшенія,“ хладнокровно отвѣчалъ имъ Пиперъ. Спорить не смѣли. Спѣшили заключить перемиріе, надѣясь убѣдить послѣ того побѣдителя на какія нибудь уступки.

Положеніе Августа было въ то время самое странное. Умоляя Карла XII-го о мирѣ, трепеща за участь Саксоніи, между тѣмъ по неволѣ долженъ былъ онъ воевать противъ шведовъ, ибо, исполняя предписанія царя, Меншиковъ быстро занималъ Польшу по мѣрѣ выступленія изъ нея шведовъ. Царь подозрѣвалъ измѣну Августа. Онъ уже не вѣрилъ храбрости его послѣ гродненскаго побѣга, испыталъ и вѣроломство его, особенно, когда Августъ, еще въ декабрѣ 1705 года, арестовалъ Паткуля, не уважая его

званія царскаго посла. Царь требовалъ объясненій. Августъ увѣрялъ, что Паткуль измѣнникъ, хочетъ поссорить его съ царемъ и сносится съ непріятелями. Царь не вѣрилъ обвиненію, но Августъ обѣщалъ доказать слова свои и заключилъ Паткуля въ Кенигштейнской крѣпости. Вся вина несчастнаго Паткуля состояла въ томъ, что онъ проникъ тайныя искательства Августа о мирѣ со шведами, обличалъ безразсудство военныхъ распоряженій Августа и Шуленбурга, и хотѣлъ передать царю доказательства небрежнаго обхожденія и невнимательности Августа къ находившимся у него русскимъ войскамъ. Русскіе сражались за Августа и гибли, худо содержимые, но между тѣмъ выставляемые впередъ во всѣхъ опасныхъ мѣстахъ. Меншиковъ получилъ строгія предписанія не упускать изъ вида поступковъ Августа. Несчастный Августъ сдѣлался плѣнникомъ русскаго полководца, не смѣя ни въ чемъ ему противорѣчить, а тѣмъ болѣе открыть свои тайные переговоры о мирѣ со шведами. По требованію Меншикова Августъ соединился съ нимъ въ Люблинѣ, 16-го сентября, и долженъ былъ идти на Мардефельда, не имѣя возможности даже предостеречь шведскаго генерала отъ нападенія русскихъ, хотя и покушался на такое вѣроломство неоднократно. Октября 2-го русскіе напали на Потоцкаго; 13-ти тысячный корпусъ его разбѣжался при первыхъ пушечныхъ выстрѣлахъ. Неосторожный Мардефельдъ осмѣлился идти на встрѣчу русскимъ. Потоцкій ручался ему за легкую побѣду. Предостерегательныя письма Августа не доходили до Мардефельда; увѣдомленіямъ изъ Саксоніи о началѣ переговоровъ и мирѣ онъ не вѣрилъ, и когда получилъ повелѣніе Карла XII-го не сражаться противъ Августа, было уже поздно. Меншиковъ быстро аттаковалъ его подъ Калишемъ, 12-го октября. Тщетно Августъ медлилъ, хитрилъ, даже старался измѣною вырвать побѣду у русскихъ и спасти шведовъ. Русскіе показали, что они уже не таковы, каковы были подъ Нарвою. Совершенное истребленіе корпуса шведскаго, не смотря на храбрую защиту Мардефельда, ознаменовало калишскую битву. Пушки, знамена, обозъ, самъ Мардефельдъ, 2,500 плѣнныхъ и болѣе 4000 убитыхъ шведовъ, доказывали полное торжество русскихъ. Потоцкій сдался безъ боя съ нѣсколькими тысячами поляковъ. Вся Польша была послѣ того во власти Августа, кромѣ Познани, гдѣ еще оставался шведскій гарнизонъ. Меншиковъ проникъ вѣроломство Августа, но какъ будто въ насмѣшку ему, увлекъ его съ собою въ Варшаву, принудивъ принимать поздравленія и пѣть молебны о побѣдѣ, когда Августъ трепеталъ слѣдствій своего опаснаго торжества: еще 10-го октября подписалъ онъ постыдный миръ, соглашаясь на всѣ условія Карла XII-го. Что могъ подумать о калишской битвѣ и чего не могъ сдѣлать раздражительный, гордый король шведскій, услышавъ о гибели своихъ войскъ? Спасая Саксонію, Августъ не постыдился, увѣряя въ дружбѣ царя, даже требуя отъ него въ пособіе денегъ, писать покорное, просительное письмо Карлу XII-му, гдѣ объяснялъ ему необходимость сражаться, въ какую онъ былъ поставленъ насиліемъ русскихъ, и умолялъ простить невольную ка-

лишскую побѣду. Онъ выпросилъ себѣ у Меншикова плѣнныхъ шведовъ, обѣщая обмѣнять ихъ, но отпустилъ безъ всякаго выкупа, и едва только успѣлъ найти случай отдѣлить остатки саксонцовъ, отводя зимнія квартиры Меншикову, какъ поспѣшно перевелъ ихъ въ Краковъ, вырвался изъ Варшавы и ускакалъ въ Саксонію. Мѣшкать болѣе было невозможно. Карлъ XII-й не хотѣлъ вѣрить словамъ Августа, и чтобы отнять всѣ поводы къ притворству, объявилъ о мирѣ съ нимъ, угрожая, что если еще продолжатся сомнительныя, двойныя отношенія Августа, онъ уничтожитъ миръ и начнетъ въ Саксоніи военныя дѣйствія. Августъ смиренно явился въ лагерь къ грозному рѣшителю судьбы его. Карлъ XII-й насладился наконецъ удовольствіемъ видѣть Августа лишеннымъ короны, добровольно отрекающимся отъ нея и униженно умоляющимъ о пощадѣ. Первое свиданіе Карла XII-го и Августа было въ Гутерсдорфѣ. Съ изумленіемъ смотрѣлъ Августъ на своего побѣдителя, неуклонно суроваго, одѣтаго въ синій мундиръ изъ толстаго сукна, съ мѣдными пуговицами, съ длинною шпагою, въ огромныхъ ботфортахъ. „Я не скидаю ихъ уже шесть лѣтъ,“ сказалъ ему Карлъ XII-й,“ указывая на свои ботфорты, „а эта шпага была на мнѣ подъ Нарвою.“ Августъ два раза принужденъ былъ участвовать въ солдатскомъ обѣдѣ Карла XII-го, льстилъ ему, унижался передъ нимъ. Казалось, побѣдитель нарочно хотѣлъ уничтожить побѣжденнаго суровою ласкою, оставаясь притомъ неумолимымъ. Августъ долженъ былъ отослать Станиславу всѣ коронныя польскія драгоцѣнности и архивы, даже написать къ нему письмо называя его королемъ польскимъ. „Исполняя желаніе Е. В. короля шведскаго“, писалъ Августъ Станиславу, „приношу В. В. поздравленіе со вступленіемъ на польскій престолъ, желая, чтобы подданные ваши были вамъ вѣрнѣе, нежели были мнѣ. Неблагодарностью заплатили они за всѣ мои попеченія объ ихъ благѣ, и споспѣшествовали моему несчастію болѣе, нежели всѣ другія обстоятельства. Да не приведетъ васъ никогда Провидѣніе испытать подобныя бѣдствія.“

Никакія пожертвованія Августа не могли однакожъ удалить Карла XII-го изъ Саксоніи. Онъ расположился тамъ на зимнія квартиры, и съ наступленіемъ весны началъ дополнять и формировать свои войска, не говоря о выходѣ изъ владѣній Августа, не смѣвшаго напомнить о томъ, и принужденнаго унижаться, терпѣть и молчать.

И что могъ онъ тогда предпринять? Шесть лѣтъ тяжкаго опыта заставили его вѣрить непобѣдимости Карла XII-го, столько разъ разрушавшаго всѣ усилія его и планы царя, столько разъ въ одну недѣлю уничтожавшаго соображенія цѣлаго года. И что могъ теперь сдѣлать царь? Августъ вѣрилъ несомнѣнной и близкой погибели своего бывшаго союзника, вѣрилъ, когда Карлъ XII-й съ злобнымъ презрѣніемъ отзывался о царѣ и хотѣлъ предписать ему уничижительныя условія въ Москвѣ, какъ предписывалъ ихъ другимъ въ Копенгагенѣ, Варшавѣ и Дрезденѣ. И не одинъ Августъ, но всѣ европейскіе государи преклонились тогда передъ Карломъ XII-мъ.

Война, начавшаяся на западѣ Европы, въ одно время съ сѣверною войною, страшно свирѣпствовала на Рейнѣ, во Фландріи, Италіи и Испаніи. Дѣло шло объ испанскомъ наслѣдствѣ. Слабоумный король испанскій, Карлъ II-й, умирая (въ 1700 году) передалъ престолъ внуку Людовика XIV-го. Желаніе короля французскаго исполнилось. „Сынъ мой! Пиренеи уже не отдѣляютъ Испаніи отъ Франціи!" говорилъ онъ, посылая Филиппа V-го въ Мадритъ. Но императоръ Леопольдъ, у коего хитрая политика Франціи успѣла исторгнуть добычу столь богатую, возсталъ за права на испанскій престолъ своего брата, эрцъ-герцога Карла. Людовикъ XIV-й, думая, что у него достанетъ силъ бороться съ императоромъ, горделиво оскорбилъ въ то же время Анну, королеву англійскую, вдову Вильгельма III-го, признавъ права на престолъ Англіи изгнаннаго племянника ея, Стюарта, и обѣщая ему помощь. Голландія и Англія подкрѣпили императора. Имперскіе чины не смѣли нарушить своихъ обязательствъ и дали императору свои войска. Саксонія посылала участокъ войскъ на Рейнъ въ то время, когда король Августъ сражался за свою польскую корону. Союзъ усилился присоединеніемъ къ нему Португаліи, Пруссіи, въ 1702 году, возведенной съ 1701 года на степень королевства, и Савоіи, въ 1703 году. Людовикъ XIV-й, уже приближавшійся къ могилѣ, могъ еще надѣяться на побѣды, когда Венгрія тревожила императора, являя поборникомъ правъ своихъ, вмѣсто несчастнаго Текелли, мужественнаго Рагоція. Политика ратпенсіонарія нидерландскаго Геинція, управлявшаго Голландіею послѣ смерти Вильгельма, и явленіе двухъ великихъ полководцевъ, принца Евгенія Савойскаго, предводительствовавшаго императорскими войсками и герцога Марлборуга, полководца англійскихъ войскъ, рѣшили судьбу союза. Ни усилія, ни храбрость не спасли Франціи. Когда эрцъ-герцогъ Карлъ изгонялъ изъ Мадрита короля Филиппа съ помощью англичанъ, битвы Кремонская и Луццарская въ Италіи (1702) передали союзникамъ Италію, а Гохштедская (1704 года) Баварію, единственную союзницу Франціи. Смерть императора Леопольда (въ 1705 году) не разрушила союза. Іосифъ, преемникъ его, еще болѣе усилилъ военныя дѣйствія: 1706-й годъ былъ временемъ рѣшительнаго уничиженія Франціи. Битва Гамильская (23-го мая) отдала границы Франціи во власть союзниковъ со стороны Нидерландовъ; битва Туринская (7-го сентября) упрочила власть ихъ въ Италіи, когда въ то же время завоеваны были союзниками Неаполь и Гибралтаръ, и дважды осаждаемъ былъ Тулонъ. Людовикъ XIV-й смирился, но тщетно просилъ онъ мира. Казалось, съ нимъ хотѣли расплатиться за всѣ прежніе успѣхи его и за первенство въ Европѣ въ теченіе сорока лѣтъ.

Въ такое-то рѣшительное время, когда Испанія, Италія, Франція, Германія и отдаленныя части свѣта оглашались громами битвъ и кликами войны, явился въ Саксоніи Карлъ XII-й, сѣверный Александръ, съ своимъ непобѣдимымъ войскомъ. Европейская политика была встревожена. Не хотѣли вѣрить, чтобы желаніе безплоднаго мщенія Августу привело Карла

XII го въ Германію. Думали, что подобно Густаву Адольфу, онъ пришелъ рѣшить участіемъ своимъ судьбу войны за испанское наслѣдство. Союзъ его съ тою или другою стороною могъ дать рѣшительный перевѣсъ, могъ спасти или погубить Людовика XIV-го. Заключивъ миръ съ Россіею, Карлъ XII-й могъ бы даже увлечь съ собою царя, и на берегахъ Рейна могли явиться русскіе подъ его начальствомъ. Готовый на борьбу послѣднюю, царь охотно согласился бы на миръ — можетъ быть, потребовалъ бы себѣ только небольшого участка земель на Балтійскомъ приморьѣ, снова уступая шведамъ Нарву и Дерптъ и утверждая Станислава на польскомъ престолѣ. Но Карлъ XII-й не измѣнилъ себѣ. Непримиримый въ ненависти, упрямый въ предпріятіи однажды начатомъ, онъ не хотѣлъ слышать о мирѣ съ царемъ, а тѣмъ болѣе о какой либо уступкѣ царю: унизить и уничтожить его, какъ унизилъ и уничтожилъ онъ Августа, хотѣлъ Карлъ XII-й; въ дикую Московію, въ Москву хотѣлъ онъ идти и отказался отъ всякаго участія въ дѣлахъ западной Европы.

Но ни Франція, ни союзники долго не хотѣли вѣрить такому странному рѣшенію, не вѣрили, чтобы юный, честолюбивый герой шведскій промѣнялъ славу дѣятеля въ политикѣ европейской на походъ въ глубину лѣсовъ и снѣговъ Московіи. Остановка Карла XII-го въ Саксоніи удостовѣряла ихъ въ томъ, и послы Голландіи, Англіи, Испаніи, Людовика XIV-го, императора Іосифа, всѣхъ другихъ государей европейскихъ, явились въ его альтранштадтскій лагерь. Карлъ XII-й былъ неизмѣняемъ — являлся передъ великолѣпными европейскими дипломатами въ своей грубой воинской простотѣ, отвѣчалъ отрывисто на хитрыя рѣчи, отрекался отъ всякихъ переговоровъ, былъ равно гордъ со всѣми. Дипломаты толпились въ передней Пипера, ласкали, дарили корыстолюбиваго министра, и удалялись, не разрѣшивъ загадки. Самъ Марлборугъ, имя котораго славилось тогда во всей Европѣ, полководецъ, который „бралъ всѣ города, какіе осаждалъ, и выигрывалъ всѣ битвы, въ коихъ участвовалъ,“ какъ говорили о немъ тогда, рѣшился пріѣхать къ Карлу XII-му. Казалось, суровый Карлъ могъ бы порадоваться пріѣзду героя и найти съ нимъ предметъ разговора, но онъ такъ же холодно и грубо встрѣтилъ его, какъ и всѣхъ другихъ. Марлборугъ заговорилъ по-французски. Карлъ XII-й, хорошо зная сей языкъ, отвѣчалъ ему по-шведски и велъ разговоръ черезъ переводчика. Столь же искусный дипломатъ, сколько и храбрый воинъ, Марлборугъ не оскорбился грубымъ пріемомъ, остался въ шведскомъ лагерѣ, успѣлъ замѣтить нелюбовь короля шведскаго къ Людовику XIV-му, видѣлъ на столѣ шведскаго короля карту Россіи, и щедрыми подарками вывѣдалъ наконецъ отъ Пипера, что Карлъ XII-й рѣшительно не вступитъ въ союзъ съ Франціею. Убѣжденные въ томъ, союзники успокоились, но тѣмъ не менѣе всѣ льстили королю шведскому — признали Станислава королемъ польскимъ по его требованію, увѣряли его къ дружбѣ, унижались передъ нимъ. Посолъ шведскій, находившійся въ Вѣнѣ, далъ пощечину графу Забору, знатному венгерцу, когда тотъ отка-

зался пить за здоровье Карла XII-го, и имѣлъ дерзость требовать послѣ сего наказанія оскорбителю его короля Карлъ XII-й подкрѣпилъ нелѣпое требованіе. Императоръ прислалъ Забора въ Альтранштадтъ извиняться. Карлъ XII-й былъ недоволенъ, велѣлъ арестовать Забора, посадить въ крѣпость и императоръ не спорилъ. Король шведскій сдѣлался дерзновеннѣе, потребовалъ отъ императора выдачи русскихъ, перешедшихъ въ его владѣнія изъ Саксоніи. Только доказательствами, что бѣглецы давно уже препровождены въ Россію, могли успокоить Карла XII-го. Новое требованіе — свободы вѣроисповѣданію протестантовъ въ Силезіи чрезвычайно затруднило императора. Папа протестовалъ, но императоръ медлилъ рѣшеніемъ Карлъ XII-й повторилъ требованіе и все было исполнено по его волѣ. Императорскій посолъ извинялся, что причиною медленности былъ споръ папы. „Напомните вашему папѣ, что предки шведовъ бывали въ Римѣ, и что потомки ихъ еще не выродились послѣ того!“ отвѣчалъ вспыльчиво Карлъ XII-й. „Онъ забываетъ, что долженъ еще разсчеться со мною за наслѣдство королевы Христины, которымъ завладѣлъ.“ Когда папскій нунцій упрекалъ императора въ уступкѣ королю-еретику — „Хорошо, что онъ не потребовалъ у меня самого перемѣны католической вѣры на лютеранскую, — право, я не зналъ бы тогда, что ему отвѣчать!“ сказалъ императоръ нунцію съ досадою.

Приводимъ сіи подробности, желая показать на какой степени величія стоялъ тогда соперникъ царя. Гордость его была выше всякой мѣры. Когда спросили его мнѣнія о Марлборугѣ — „Да, онъ дерется изрядно,“ отвѣчалъ хладнокровно Карлъ XII-й. — „Но каковъ показался онъ В. В.?“ — „Слишкомъ чопорно одѣтъ и много болтаетъ,“ съ презрѣніемъ сказалъ Карлъ. Есть достовѣрныя извѣстія, что въ тайныхъ бесѣдахъ съ Рейншильдомъ Карлъ XII-й открылъ ему свои отдаленныя намѣренія, состоявшія въ томъ, что послѣ низложенія царя московскаго хотѣлъ онъ идти въ Царьградъ и изгнать оттомановъ изъ Европы, освободить гробъ Христовъ, уничтожить потомъ могущество Людовика XIV-го и возвратить англійскій престолъ Стюартамъ. Онъ посылалъ шведскихъ инженеровъ въ Турцію, приказывая имъ тайно осматривать дороги и крѣпости. Въ Саксоніи велѣлъ онъ подать себѣ маршруты во всѣ европейскія столицы. Какъ будто желая напомнить, что пора прекратить рыцарское кочеванье на чужбинѣ, Паперъ поставилъ въ росписѣ прежде всего: дорога изъ Дрездена въ Стокгольмъ. Карлъ XII-й улыбнулся. „Вотъ дорога по которой мы еще не скоро пойдемъ,“ сказалъ онъ. Вѣримъ романическимъ мечтамъ Карла XII-го; мы видѣли его дѣла — увидимъ ихъ далѣе, увидимъ, какъ изъ паладина Роланда сдѣлался онъ наконецъ донъ Кихотомъ и погибъ жертвою своей безразсудной отваги. Осматривая Люценское поле въ Саксоніи, гдѣ палъ Густавъ Адольфъ — „Великій человѣкъ!“ воскликнулъ онъ — „я стараюсь идти по слѣдамъ твоимъ, и неужели не приведетъ меня Богъ умереть такою же, какъ твоя, славною смертью!“ — Во все время бытности своей въ Саксоніи Карлъ XII-й постоянно жилъ въ лагерѣ, не принималъ никакого участія въ празд-

никахъ саксонскаго двора, одного изъ роскошнѣйшихъ въ Европѣ, ни съ кѣмъ не бесѣдовалъ, ни съ кѣмъ не дружился. Всегда вставая въ четыре часа утра, онъ самъ училъ солдатъ каждый день, прогуливался верхомъ, сидѣлъ за военными картами и планами, оканчивалъ обѣдъ свой въ четверть часа, никогда не пилъ вина, и утромъ и вечеромъ молился въ лагерѣ наряду съ солдатами. Строжайшій порядокъ и дисциплина наблюдались въ шведскомъ войскѣ. Кромѣ положенной порціи, фуража и платы деньгами, никто не смѣлъ ничего болѣе требовать отъ жителей. Одинъ изъ шведовъ насильно отнялъ у своего хозяина поселянина индѣйку. Поселянинъ пожаловался Карлу XII-му. — „Какъ ты смѣлъ грабить хозяина твоего?“ грозно спросилъ Карлъ XII-й у виноватаго. „Помилуйте, В. В., велика ли важность, что я взялъ у него индѣйку, когда вы взяли у короля его цѣлое королевство и онъ не жалуется!“ отвѣчалъ солдатъ. — „Любезный другъ! я вѣдь не себѣ взялъ, а отдалъ другому,“ сказалъ ласково король, далъ поселянину червонецъ, и простивъ на тотъ разъ солдата за ловкій отвѣтъ, сказалъ однакожъ, что впредь за подобный поступокъ онъ велитъ его разстрѣлять.

Но злобный и мстительный нравъ Карла XII-го проявился въ поступкѣ его съ несчастнымъ Паткулемъ, дѣлѣ, потемняющемъ всѣ добрыя свойства короля шведскаго и неизгладимо постыдномъ для памяти Августа. Мы видѣли, что въ числѣ непремѣнныхъ условій мира его съ Карломъ XII мъ была выдача Паткуля. Забывая и честь государя и права народныя, Августъ выдалъ Паткуля, 26-го марта 1707 года. Карлъ XII-й велѣлъ заковать его въ кандалы, томилъ въ тюрьмѣ полгода, и 30-го сентября Паткуль, обвиняемый въ измѣнѣ противъ законнаго государя и въ службѣ врагамъ его, былъ осужденъ на мучительную казнь. Когда, читая приговоръ, произнесли слова: „измѣнникъ отечества“ — „Нѣтъ“ сказалъ Паткуль — „смерть моя доказательство, какъ вѣрно служилъ я ему!“ Паткуля колесовали, рубили на части, ломали ему руки и ноги. Обезображенные члены его выставлены были на столбахъ по большимъ дорогамъ — дѣло достойное Тамерлана, а не европейскаго государя XVIII-го столѣтія, кичившагося славою героя великодушнаго!

Пока совершались всѣ описанныя нами событія, царь неусыпно пользовался временемъ. Дѣятельно продолжали у него защиту русскихъ предѣловъ, и когда Меншиковъ заставлялъ короля Августа невольно торжествовать побѣду въ Польшѣ, царь хотѣлъ оградить Петербургъ завоеваніемъ Выборга. Октября 4-го, Брюсъ съ 20,000 войска, и самъ царь, отправились изъ Петербурга. Октября 12-го обложили Выборгъ. Майдель не сдавался. Позднее время года не позволило обложить городъ съ моря флотомъ и подвозить припасы на корабляхъ, когда грязи помѣшали привозу изъ Петербурга осадной артиллеріи. Царь принужденъ былъ отложить свое предпріятіе. Шведы не смѣли препятствовать отступленію русскихъ, начавшемуся 26-го октября. „Досадно на тѣхъ, кто по сосѣдству здѣсь жили, а

дѣла приготовить надлежащимъ образомъ не умѣли, и даже положенія мѣста хорошо не узнали,“ писалъ царь Меншикову. „Истинно ни на кого положиться не можно. Все самъ дѣлаю!“ Царь прожилъ въ Петербургѣ до 10-го декабря и отправился черезъ Нарву и Псковъ въ Москву. Въ Нарвѣ получилъ онъ извѣстіе объ Альтранштадтскомъ мирѣ, и принужденъ былъ отложить свою поѣздку въ древнюю столицу.

Сколько обрадовало царя извѣстіе Меншикова о Калишской побѣдѣ, столько огорчила вѣсть о вѣроломствѣ короля Августа, и оскорбленіи, нанесенномъ Россіи въ лицѣ Паткуля. Нельзя было сомнѣваться болѣе, что Карлъ XII-й устремится теперь на борьбу съ царемъ, и царь спѣшилъ еще разъ лично повѣрить и скорѣе окончить всѣ приготовленія, ничего и нигдѣ не оставляя счастью и случаю. Можно было полагать, что Польша безпрекословно подчинится Станиславу послѣ собственнаго отреченія Августа, и даже соединитъ силы свои со шведами. Самые ревностные защитники короля Августа начали отставать отъ него, ибо заступленіе за него не имѣло уже никакой цѣли и не прикрывалось никакимъ предлогомъ.

Но царь хорошо зналъ состояніе Польши, характеръ поляковъ, ослѣпленіе партій, и надѣялся извлечь еще большую пользу въ предстоявшей ему тяжкой борьбѣ съ Карломъ XII-мъ. Онъ поспѣшилъ прежде всего въ Польшу. Корпуса Меншикова и Шереметева стояли тамъ въ Жолкіевѣ и въ Острогѣ на Волыни Въ Могилевѣ и въ Полоцкѣ были генералы Аллартъ (размѣненный въ 1704 году на шведскаго генерала Горна), Верденъ и Чамберсъ. Они держали въ страхѣ Левенгаупта. Разбивши осенью 1706 года отрядъ Вишневецкаго въ Курляндіи и преслѣдуя его, онъ едва не былъ отхваченъ русскими отъ Риги. Царь посѣтилъ Смоленскъ и Кіевъ, осмотрѣлъ войска въ Жолкіевѣ и 27 го декабря прибылъ въ Острогъ.

Здѣсь начались его дальновидныя политическія дѣйствія. Держа мечъ въ рукахъ, обольщая щедрыми подарками, захвативъ Станиславова примаса въ плѣнъ, побуждая къ дѣйствію другого примаса, Шембека, подкрѣпляя пирами разгулье и посулами честолюбіе польскихъ пановъ, царь успѣлъ возстановить новую сильную партію. Онъ предложилъ не признавать Станислава и объявить междуцарствіе, ибо хотя король Августъ отрекся отъ престола, но Польша безъ оскорбленія правъ своихъ не можетъ признать королемъ немногими, своевольно и насильно избраннаго по шведскому принужденію Станислава. Дѣйствія царя были такъ успѣшны, что примасъ собралъ наконецъ сеймъ въ Лембергѣ, гдѣ положено было въ маѣ собраться въ Люблинѣ, объявить междуцарствіе и приступить къ избранію новаго короля. Оставалось назначить кандидатовъ. Царь обратилъ вниманіе на знаменитаго принца Евгенія Савойскаго, завелъ переговоры съ сыномъ Собіескаго, принцомъ Іаковомъ, и съ княземъ Рагоціемъ, предлагавшимъ царю возвести на венгерскій престолъ царевича Алексѣя. Венгрія возмущалась тогда противъ императора и Рагоцій предводилъ возмущеніемъ. Страхъ оружія шведскаго и непрочность власти въ Польшѣ отвлекли Евгенія и Іакова:

одинъ предпочелъ польской коронѣ честь императорскаго полководца, другой скромную тишину уединенія, а поляки не согласились избрать Рагоція. За то являлись изъ числа польскихъ пановъ многіе охотники на званіе короля. Царь переговаривалъ съ ними. Сеймъ открылся въ Люблинѣ 3-го іюня и представлялъ странную смѣсь хвастовства и робости, дерзости и трусости. Царь присутствовалъ на сеймѣ, и если избиратели боялись Карла XII-го, опасеніе царскаго оружія причиняло имъ не менѣе тревоги. Наказаніе Вишневецкаго и Синицкаго показало, какъ строго преслѣдуетъ царь своихъ противниковъ. Узнавъ, что Синицкій и Вишневецкій присоединились къ Станиславу, царь объявилъ обоихъ измѣнниками отечеству и велѣлъ захватить ихъ. Синицкій заперся въ Быховѣ. Царскія войска осадили его, принудили сдаться, и онъ съ 3000-ми плѣнныхъ поляковъ былъ отосланъ въ Россію. Меншиковъ посылалъ между тѣмъ отряды по всей Польшѣ разорять помѣстья Станиславовыхъ друзей, и стараясь затруднить будущій походъ шведовъ, портилъ дороги, уничтожалъ укрѣпленія, забиралъ и жегъ запасы Въ Люблинъ пришли остатки русскаго корпуса, посланнаго въ 1704-мъ году для соединенія съ королемъ Августомъ, и перешедшіе, какъ мы упоминали, изъ Саксоніи въ земли императора — отъ 12,000 осталось не болѣе 1300 человѣкъ. Царь оставилъ наконецъ безтолковый люблинскій сеймъ, и 11-го іюля прибылъ въ Варшаву, распоряжался здѣсь, какъ самовластный повелитель Польши. Станиславъ былъ тогда съ Карломъ XII-мъ въ Саксоніи, и не смѣлъ подумать о возвращеніи въ Польшу безъ защиты шведовъ.

Говоря объ избраніи короля и собирая сеймъ избирателей, царь не хотѣлъ однакожъ дѣйствительно поставить новаго соперника Августу и Станиславу, ибо ему трудно было бы поддержать такое избраніе: ему надобно было только не давать покоя Станиславу, тревожить междоусобіями Польшу, заставляя ее забыть о вмѣшательствѣ въ чужія дѣла. Августъ уже сносился тайно съ царемъ, извинялся необходимостью въ прошедшемъ, снова просилъ пособія, обѣщалъ союзъ и помощь, едва освободится отъ власти Карла XII-го. Царь не отвергалъ его. Еще болѣе: готовясь стать на крѣпкое ратоборство съ Карломъ XII-мъ и не страшась впаденія шведовъ въ Россію, онъ хотѣлъ мира съ шведскимъ королемъ и предлагалъ посредничество о мирѣ Англіи, Голландіи, Франціи и Пруссія. Для достиженія сей цѣли, возставляя на шведовъ императора и папу, онъ стращалъ одного дружбою съ Рагоціемъ, другому льстилъ надеждою на соборъ о соединеніи церквей восточной и западной. Такъ всѣ возможныя мѣры политики употреблялъ царь. Карлъ XII-й упорно отвергъ еще разъ предложенія о мирѣ и повторялъ одно, что будетъ мириться съ царемъ въ Москвѣ. Въ горделивыхъ мечтахъ своихъ онъ говорилъ, что хочетъ рѣшительно уничтожить Россію, раздѣлить ее на нѣсколько княжествъ, и такъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ, что даже обѣщалъ любимцу своему Спарру губернаторство въ Москвѣ. Пора было исполнить ему обѣщанія, столь давно данныя, и король шведскій не хотѣлъ уже болѣе медлить:

онъ двинулся изъ Альтранштадта 21-го августа 1707 года. На походѣ вздумалось ему еще разъ изумить чѣмъ-нибудь Августа передъ отъѣздомъ изъ Саксоніи. Онъ придумалъ къ тому странное средство: когда шведы уже переправились черезъ Эльбу, Карлъ XII-й, проѣзжая мимо Дрездена, захотѣлъ проститься съ Августомъ. Взявъ съ собою пять шведскихъ офицеровъ, онъ поскакалъ прямо въ саксонскую столицу, сказалъ на городской заставѣ, что онъ шведскій драбантъ, посланный къ курфирсту, и велѣлъ вести себя прямо въ королевскій дворецъ. Августъ былъ нездоровъ и едва успѣлъ сбросить свой шлафрокъ, когда Карлъ XII-й, стуча длинною шпагою, вошелъ въ его спальню. „Я пріѣхалъ съ вами проститься", сказалъ онъ, спокойно сѣлъ, разговаривалъ съ Августомъ, завтракалъ у него, отправился вмѣстѣ съ нимъ осматривать дрезденскія укрѣпленія, и прежде нежели Августъ успѣлъ опомниться, пожалъ ему руку въ послѣдній разъ и ускакалъ въ свой лагерь. Здѣсь всѣ тревожились объ участи короля, не зная куда онъ дѣвался, и когда узнали о странной прогулкѣ его въ Дрезденъ, думали уже о томъ, какъ приступить къ поспѣшной осадѣ Дрездена, если король Августъ задержитъ своего нежданнаго гостя. Слушая упреки своихъ вѣрныхъ товарищей— „неужели вы думаете, что осмѣлились бы задержать меня?" спросилъ ихъ Карлъ XII-й, улыбаясь. „Я не отдался бы живой!" прибавилъ онъ. „А что было бы тогда съ нами?" возразилъ Рейншильдъ. Слёзы навернулись у него на глазахъ. „Да, правда," отвѣчалъ король немного задумавшись, „но я вѣрю въ мое счастье!" воскликнулъ онъ.—„И право, любопытно и забавно было смотрѣть, какія длинныя лица были у Августа и его придворныхъ, и какъ они не знали, что со мною дѣлать! „Сентября 7-го шведская армія переправилась черезъ Одеръ; 10-го вступила въ польскіе предѣлы; 17-го, переправясь черезъ рѣку Варту, Карлъ XII-й остановился между Познанью и Слупцомъ.

Здѣсь начался второй періодъ войны русскаго царя съ могущимъ и непримиримымъ соперникомъ, періодъ личной борьбы двухъ полководцевъ великихъ, любопытный во всѣхъ отношеніяхъ, примѣръ того, что можетъ геній, и какъ ничтожна слѣпая вѣра въ счастье передъ мудростью, ничего не довѣряющею обстоятельствамъ и слѣпой удачѣ.

Едва услышалъ царь о походѣ короля шведскаго, все привелъ онъ въ движеніе. Громады русскихъ силъ восколебались отъ предѣловъ Ингерманландіи до Волыни, отъ Варшавы до Москвы и Кіева. Всюду загремѣлъ русскій барабанъ. Разсыпавъ отряды до самой Силезской границы, царь передвинулъ пѣхоту Меншикова за Вислу, а Шереметевъ перешелъ въ Минскъ. Генералъ Бауръ сталъ у Друи, сближая сообщенія съ корпусомъ Апраксина въ Петербургѣ, а генералъ Шведенъ былъ въ Себежѣ, сообщаясь отсюда съ Меншиковымъ и Шереметевымъ. Видя, что Карлъ XII-й остановился, царь почелъ кампанію сего года оконченной. Изъ Волыни отправился онъ въ Меречь, гдѣ видѣлся и условился въ дѣйствіяхъ съ княземъ Меншиковымъ. Сей любимецъ Петра былъ уже тогда осыпанъ великими наградами, и бывши

первымъ помощникомъ царскимъ, имѣлъ чины генералъ-поручика, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, подполковника Преображенскаго полка, званія князя Римской имперіи, князя Ижорскаго, генералъ-губернатора Ингерманландіи, русскій орденъ св. Андрея и польскій орденъ Бѣлаго Орла. Октября 21-го царь прибылъ въ Петербургъ, проѣхавши туда черезъ Новгородъ, Ладогу и Шлиссельбургъ.

Самымъ замѣчательнымъ событіемъ въ тогдашнюю бытность въ Петербургѣ царя было бракосочетаніе его съ бѣдною сиротою, о которой упоминали мы, описывая взятіе Маріенбурга. Гликъ уже не возвратился въ Эстляндію; онъ жилъ въ Москвѣ, милостиво принятый царемъ, посвятивъ себя ученымъ трудамъ и учрежденію нѣмецкой школы. Воспитанница его, Скавронская находилась нѣсколько времени въ домѣ Шереметева, а потомъ жила въ домѣ Меншикова. Здѣсь увидѣлъ ее царь и плѣнился ея необыкновенною красотою. Скавронская приняла православную вѣру, была наименована Екатериною, и по имени воспріемника, царевича Алексѣя, Алексѣевною. Необыкновенный умъ и любовь ея скоро увлекли царя, такъ, что онъ отдалъ руку свою той, которая за нѣсколько лѣтъ прежде бѣдною, безпріютною плѣнницею вывезена была въ Москву изъ развалинъ родного города. Бракъ царя съ Екатериною Алексѣевною совершился тайно въ концѣ октября 1707 года. Только коммендантъ петербургскій Брюсъ былъ свидѣтелемъ сего священнаго обряда, совершившагося, какъ полагаютъ, въ деревянной церкви св. Екатерины близъ Калинкина моста. Октября 26-го родилась у царя дочь, названная Екатериною. Онъ проводилъ тогда время въ Петербургѣ необыкновенно весело. Тогда-то написалъ онъ Меншикову, что въ день его ангела „еще въ первый разъ послѣ смерти Лефорта веселились искренно.“ — „Откормите моего Даниловича,“ писалъ царь женѣ Меншикова, „и смотрите, чтобы онъ не такой сухопарый былъ, какъ при послѣднемъ свиданіи моемъ съ нимъ.“ Приведемъ еще здѣсь шуточное письмо царя, писанное послѣ прогулки его по морю къ весельчаку Головину, прозванному басомъ, потому, что посланный учиться караблестроенію, онъ выучился играть на басѣ и отдѣлался отъ царя шуткою. „Сватъ люли, будь здоровъ!“ писалъ ему царь. „Жаль, что тебя съ нами не было, а вѣтеръ былъ сильный и славно бы пропѣть люли! Ты пишешь, что замерзли корабли, и врешь: замерзла вода, да и та не вся. А здѣсь всѣ тебѣ кланяются, и особенно Шаховской — посылаетъ тебѣ въ подарокъ превеликую.... Когда пріѣду въ Москву, непремѣнно куплю сватьѣ поняву полосатую.“ — Веселись и отдыхай, человѣкъ великій — наступаетъ тяжкое время!

Декабря 1-го царь отправился въ Москву. Сильный пожаръ опустошилъ тогда древнюю столицу. Пособія царя щедро розданы были погорѣвшимъ. И здѣсь весело праздновали святки, какъ будто вовсе не думая, что Карлъ XII-й уже стоитъ мрачною, чреватою громами и молніями тучею на предѣлахъ Россіи. Зорко слѣдилъ за каждымъ движеніемъ врага своего царь. Карлъ XII-й надѣялся застать противника своего въ расплохъ, остановившись, и потомъ неожиданно и быстро двинувшись отъ Познани въ жестокіе

зимніе холода. Онъ думалъ обмануть тѣмъ бдительность царя, и поставить его въ такое же затрудненіе, въ какое привелъ уже его однажды, зимою 1705 года. Но тамъ были противъ него Ольгивій и Августъ, а теперь ждали его Меншиковъ и самъ царь. По первому извѣстію о походѣ шведовъ, онъ помчался въ среду своихъ ратныхъ товарищей. Января 6-го царь еще славилъ Христа въ Москвѣ, а 7-го января онъ былъ уже на пути въ Польшу.

Не приступая къ изложенію многочисленныхъ и великихъ событій 1708 и 1709 годовъ, мы должны обозрѣть другія дѣла царя съ 1700-го года, въ теченіе семи лѣтъ, ибо увлекаясь исторіею брани, столь ярко горѣвшей во всѣ сіи годы, мы не могли исчислять ихъ, дабы не прерывать нити нашего повѣствованія. Нѣкоторыя изъ нихъ были весьма важны.

Такими можно почесть распоряженія царя по управленію духовными дѣлами. Патріархъ Адріанъ скончался 15-го октября 1700 года. Ожидали назначенія преемника ему, и не удивлялись, когда среди смятеній войны и заботъ государственныхъ, царь объявилъ, что отлагаетъ избраніе патріарха на нѣкоторое время. Дабы не оставить церкви безъ пастыря, царь назначилъ временно блюстителя патріаршаго престола, долженствовавшаго управлять всѣми церковными дѣлами, но не имѣя ни правъ, ни власти патріарха, и раздѣляя управленіе съ другими духовными сановниками, составлявшими патріаршій приказъ. Въ званіе блюстителя царь назначилъ Трифиллія, митрополита сарскаго и подонскаго, а по кончинѣ его, въ 1702 г., ученаго и благочестиваго пастыря Стефана Яворскаго, знаменитаго краснорѣчіемъ, бывшаго префектомъ кіевской академіи, изъ игуменовъ возведеннаго прямо въ митрополиты рязанскіе. Кромѣ титула блюстителя, царь назвалъ его патріаршимъ администраторомъ, экзархомъ и викаріемъ, совершенно ограничивъ власть его. Устраняя такимъ образомъ толки суевѣровъ, царь еще ни кому не открывалъ тайной мысли своей: онъ положилъ уничтожить патріарховъ въ Россіи и Адріанъ былъ послѣднимъ архипастыремъ русскимъ сего высокаго сана.—Церковь россійская славилась въ царствованіе Петра ученостью и благочестіемъ многихъ духовныхъ пастырей, каковы были Ѳеофанъ Прокоповичъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій, Стефанъ Яворскій, Иннокентій Кульчицкій, Аѳанасій, архіепископъ архангелогородскій, Питиримъ нижегородскій, Димитрій ростовскій, Митрофанъ воронежскій, но устраняя вліяніе на умы народа пастырей суевѣрныхъ и приверженныхъ къ старинѣ, и вообще ограничивая власть и самое число духовенства, царь въ 1701 г. опредѣлилъ число монаховъ по монастырямъ, запретилъ заводить новые монастыри, поступать въ иночество ранѣе 50-ти лѣтъ отъ роду и переходить изъ одной обители въ другую безъ разсмотрѣнія архіереевъ. Доходы съ церковныхъ имѣній велѣно было взять отъ архіереевъ и начальниковъ обителей и вѣдать ихъ монастырскому приказу; въ монастыряхъ заведены были богадѣльни для инвалидовъ; инокамъ приказано заниматься полезными ремеслами, обработкою садовъ и земель и строго запрещено проводить время праздно. Академія кіевская и московская были распространены, и повелѣно тщательно стараться замѣщать мѣста священниковъ людьми воспитанными въ сихъ училищахъ.—

Въ 1704 г. царь отмѣнилъ смертную казнь за преступленія, кромѣ государственной измѣны и убійства, и замѣнилъ ее ссылкою въ Сибирь.—Зло неопредѣленныхъ доносовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *слова и дѣла государева*, уменьшено было жестокимъ наказаніемъ доносчиковъ, если извѣтъ ихъ оказывался несправедливымъ по строгому изслѣдованію.—Замѣчателенъ указъ, которымъ опредѣлена была смертная казнь за ложную присягу въ судѣ.—Попеченіе о народномъ здоровьѣ заставляло царя вызывать въ Россію искусныхъ врачей, учредить главную аптеку въ Москвѣ, аптекарскіе сады въ Москвѣ и въ Лубнахъ въ Малороссіи, полевыя аптеки въ войскѣ, позволяя учреждать всюду вольныя аптеки людямъ опытнымъ. Въ Москвѣ построили обширную военную госпиталь на берегу Яузы. Опредѣлена была правильная выписка лѣкарствъ, и введено вообще систематическое управленіе врачебными пособіями учрежденіемъ медицинской коллегіи въ Москвѣ, которой строго велѣно преслѣдовать знахарей и обманщиковъ, занимавшихся лѣченіемъ въ простомъ народѣ.—Не смотря на строгія повелѣнія царя, находились люди, готовые лучше умереть, нежели разстаться съ бородою и надѣть на себя бусурманское платье. Снисходя къ закоснѣлому упрямству невѣждъ, царь позволилъ имъ откупать бороды и ношеніе стариннаго платья взносомъ пошлины, которая и была называема бородовою. Вмѣсто росписокъ въ полученіи ея выдавался мѣдный жетонъ, съ изображеніемъ бороды и надписью: Дань заплачена. Пошлина сія была весьма значительна: дворяне вносили по 60-ти, гости и купцы отъ 30-ти до 100 рублей, и за всѣмъ тѣмъ охотниковъ платить бородовую пошлину находилось множество. Такъ, когда царь велѣлъ нашивать для отличія цвѣтные козыри на платье староверамъ, многіе стали даже гордиться такимъ знакомъ различія отъ бусурмановъ и табашниковъ.—Въ 1702 г. выплавлено было первое серебро въ Нерчинскѣ. Въ 1704 г. выбиты первые рубли въ Россіи, для избѣжанія затрудненій, происходившихъ отъ мелкой монеты въ народномъ обращеніи.—Царь неусыпно поощрялъ заводы и фабрики, самъ заводилъ ихъ, отдавалъ, дарилъ умнымъ и расторопнымъ хозяевамъ и не щадилъ денегъ на пособіе. „Я сдѣлалъ себѣ кафтанъ изъ русскаго сукна, и Богъ даетъ зѣло изрядный плодъ изъ нашего объ сукнахъ попеченія,“ писалъ онъ Меншикову въ 1705 году.—Выдѣлка оружія была уже доведена до того, что вмѣсто 12-ти и 15-ти рублей, чего стоило каждое выписное изъ-заграницы ружье, они обходились въ Россіи по 3 рубля. Никита Демидовъ не удовольствовался даже и тѣмъ, и въ 1702 году обязался поставлять ружья по 1 р. 80 коп.—Но мы увлеклись бы за предѣлы нашихъ очерковъ, еслибы захотѣли исчислить всѣ любопытныя подробности, какія представлялъ бытъ Россіи въ первые годы шведской войны, когда, казалось, царь, увлеченный заботами воинскими, едва могъ бы имѣть время и возможность думать о чемъ-либо другомъ. Обо всемъ думалъ онъ, хотя и отлагалъ до времени важнѣйшія государственныя измѣненія, мысль которыхъ зрѣла въ великой душѣ его среди бранныхъ тревогъ, какъ будто въ мирное, спокойное время.

Разсказъ одиннадцатый.

Походъ Карла XII-го въ Россію. Битва подъ Лѣснымъ.

1708 годъ.

Пришлецъ и бунтовщикъ лукавый
Хвалились вырвать знамя славы
Изъ рукъ могучаго Петра...

Жуковскій.

Мы сказали, что 1708-мъ годомъ начался второй періодъ войны между Петромъ Великимъ и Карломъ XII-мъ. Первый, продолжаясь отъ сраженія подъ Нарвою, кончился движеніемъ шведскаго короля въ Россію. Здѣсь переломъ и измѣненіе событій, продолжавшихся послѣ того два года и заключенныхъ Полтавскою битвою. Какъ обильны были достопамятными событіями протекшія семь лѣтъ! Вспомнимъ, что при началѣ, въ 1700 году, грозный Карлъ XII-й уничтожилъ подъ Нарвою, не только войско, но, казалось, даже всѣ средства борьбы съ нимъ. Не будемъ сравнивать тогдашняго состоянія двухъ соперниковъ. Карлу XII-му оставалось только пользоваться побѣдою. Петру надлежало созидать вновь все, едва только созданное до тѣхъ поръ его неусыпными трудами въ теченіе многихъ лѣтъ—собрать войско, снабдить его новою артиллеріею, сыскать и деньги, и запасы и предводителей, вмѣсто утраченныхъ имъ, учиться воевать самому, учить воевать другихъ. Не будемъ говорить о томъ, что въ то время когда Карлъ XII-й являлъ въ себѣ только военачальника, Петръ былъ и пересоздателемъ, и законодателемъ Россіи, укротителемъ смятеній, дипломатомъ, политикомъ: здѣсь между ними нѣтъ никакого сравненія. Разсмотримъ двухъ великихъ противниковъ, только, какъ предводителей войскъ, какъ полководцевъ. И въ этомъ отношеніи несравненно выше Карла XII-го является Петръ Великій! Одинъ изъ нихъ—воинъ храбрый, безстрашный, умѣющій придумывать предпріятія смѣлыя, неожиданныя, но часто отважный до безразсудности и никогда не умѣвшій окончить ни одного начатаго имъ дѣла; другой—воинъ не менѣе мужественный, съ самоотверженіемъ не менѣе своего соперника,

но далеко превосходившій его, не только умѣньемъ разрушить всякое предпріятіе противника, но извлечь изъ каждаго счастливое для себя послѣдствіе и вновь запутать своего врага, неотступно и вѣрно слѣдуя къ своей цѣли. Одинъ все довѣряетъ счастью; другой ничего ему не довѣряетъ. Одинъ теряетъ плоды даже нечаянной удачи и робости, или недоразумѣнія своихъ соперниковъ; другой изъ самаго бѣдствія извлекаетъ выгоду, и самую храбрость противника обращаетъ въ свою пользу. Дѣла Карла XII-го съ 1700 года—удальство наѣздника; дѣла Петра—подвиги полководца.

Посмотрите, какъ безъ всякой пользы Карлъ XII-й проводитъ въ Эстляндіи зиму послѣ Нарвской битвы, и только на другой годъ устремляется на Августа. Петръ не теряетъ минуты времени, укрѣпляетъ предѣлы, устраиваетъ войско и начинаетъ разорять шведскія земли, лишая тѣмъ непріятеля средствъ для движенія его воинскихъ силъ и готовя способы для своихъ дѣйствій. Карлъ XII-й разбиваетъ короля Августа въ 1701-мъ году, очищаетъ Ливонію и безполезно остается зимовать въ Курляндіи. Петръ оканчиваетъ устройство своего войска, начинаетъ битвы, бьетъ шведовъ подъ Эррестферомъ, уничтожаетъ ихъ покушенія на Архангельскъ, вводитъ русское войско въ Польшу. Карлъ XII-й устремляется въ Польшу въ 1702 году, отвергаетъ миръ, силится свергнуть Августа, поражаетъ его подъ Клишовомъ, преслѣдуетъ—опять безъ пользы, ибо Августъ укрѣпляется въ Варшавѣ, и самое малое промедленіе Карла въ Краковѣ возвращаетъ Августу силу, когда въ то же время Петръ уничтожаетъ охранныя шведскія войска по Балтійскимъ берегамъ и начинаетъ завоеванія, беретъ Петербургъ, останавливается тамъ, укрѣпляется прочно и усиливается въ Польшѣ. Въ 1703 году Карлъ XII-й продолжаетъ безполезное преслѣдованіе Августа, снова разбиваетъ его, и опять все забываетъ, осаждая Торунъ, занимая Данцигъ, Элбингъ, пока Петръ продолжаетъ неотступно завоеванія—беретъ Ніеншанцъ, основываетъ Петербургъ. Все отъ Риги до Выборга очищено имъ отъ непріятелей. Шведы держатся здѣсь только въ немногихъ городахъ, и Петръ располагаетъ планъ войны въ Польшѣ, усиливая тѣмъ затрудненіе непріятеля, и безъ того безсильнаго управиться съ поляками. Въ 1704-мъ году Карлъ XII-й достигаетъ наконецъ своей цѣли послѣ двухлѣтнихъ усилій: Августъ свергнутъ, Станиславъ избранъ. Но пока шведскій король преслѣдуетъ соперника и рыцарствуетъ въ Галиціи, дѣло Станислава едва не потеряно и Августъ опять въ Варшавѣ. Смѣлый походъ шведовъ поправляетъ ошибку, но въ 1705 году Карлъ XII-й старается только короновать Станислава, и не думаетъ, что Петръ въ 1704 году взялъ Дерптъ и Нарву, кончилъ дѣло въ Балтійскихъ областяхъ, двинулся въ Польшу, занялъ Курляндію, угрожаетъ шведамъ сильною борьбою. Карлъ XII-й готовитъ ему бой рѣшительный: зимою съ 1705-го на 1706 годъ смѣлый походъ шведовъ едва не передаетъ въ руки ихъ русское войско. Но Карлъ XII-й не умѣетъ окончить начатаго дѣла, а Петръ спасаетъ войско свое, готовится къ упорной защитѣ, уже загладивши всѣ прежнія потери, нападая на Финляндію,

уничтожая нападенія шведовъ на Петербургъ. Карлъ XII-й опять, какъ будто забываетъ о своей потерѣ, идетъ въ 1706 г. въ Саксонію, не думаетъ пользоваться тамъ выгодами своего положенія, и между тѣмъ отвергаетъ выгодный миръ, упорно хочетъ уничтожить Петра, заставляетъ Августа отречься отъ Польши и союза съ Россіею, и—медлитъ. Польша въ рукахъ Петра. Онъ истребилъ тамъ всѣ пособія, какія шведы могли извлечь. Скажутъ, что Карлъ XII-й набиралъ въ Саксоніи новыя силы. Слѣдственно, онъ уже понялъ, что далъ средства непріятелю, не только изгладить пагубу прежнихъ его потерь, но несравненно усилиться, сдѣлать Польшу союзницею безполезною, даже тягостною шведамъ. Такимъ образомъ, черезъ семь лѣтъ, послѣ подвиговъ блестящихъ и предпріятій неосновательныхъ, король шведскій все опять довѣряетъ удачѣ, случаю, побѣдѣ, уже не вѣрной, какъ прежде, но сомнительной, уже требующей всѣхъ средствъ, всѣхъ силъ Швеціи. Онъ долженъ идти черезъ разоренную Польшу и Литву, углубиться въ сѣверъ, удалиться отъ Швеціи, гдѣ забралъ онъ послѣднія силы—послѣднія, говоримъ, ибо мы увидимъ далѣе, что, погубивъ бывшее съ нимъ въ Россіи войско, Карлъ XII-й предалъ Швецію беззащитною непріятелямъ. Побѣды и походы его стоили ему многихъ тысячъ храбрыхъ воиновъ, а добыча, отнятая имъ у непріятелей, обогатила не Швецію, но солдатъ его, взявшихъ и погубившихъ ее на чужбинѣ.

Если послѣ всего изъясненнаго здѣсь станемъ соображать будущее, почти навѣрное сказать можно, что въ началѣ 1708 года ручательствъ за побѣду болѣе было на сторонѣ Петра Великаго, нежели Карла XII-го. Но, да не подумаетъ однакожъ кто-либо, что подвигъ Петру предлежалъ маловажный. Нѣтъ! Если у него было уже войско многочисленное и болѣе прежняго опытное, если раскрылись уже воинскія дарованія въ его генералахъ, можно ли было сравнить шведское, побѣдоносное, гордое, закаленное въ бояхъ войско съ тогдашними русскими, и, кромѣ Меншикова, всѣхъ другихъ русскихъ генераловъ съ Рейншильдомъ, Левенгауптомъ и другими шведскими полководцами? Кромѣ того, самая числительная сила шведской арміи была громадна. Уже не съ 10,000-ми, какъ прежде подъ Нарву, шелъ король шведскій, но совокупивъ всѣ средства. Дополняя сколько можно войско свое поляками, даже саксонцами и плѣнными французами, онъ имѣлъ его около 120,000. Изъ сего числа генералъ Крассовъ оставался въ Польшѣ съ 10,000, Левенгауптъ былъ въ Ригѣ съ 15,000, Либекеръ въ Финляндіи съ 15,000. Въ Ревелѣ, Перновѣ и другихъ мѣстахъ соединилось 10,000; Померанію и Цвейбрикъ охраняли 10,000; въ Швеціи было готово до 20,000, а главная армія, подъ предводительствомъ самого короля шведскаго, состояла изъ 40,000 человѣкъ, грозившихъ изгнать „русскую каналью изъ Европы плетьми безъ оружія." Обогащенное добычею въ Польшѣ и Саксоніи, прежде закованное въ желѣзо, войско шведское обогатилось золотомъ, хотя и не измѣнилось въ мужествѣ, гордясь славою столькихъ лѣтъ. Рѣдкій изъ шведскихъ солдатъ не имѣлъ съ собою 25-ти червонцевъ. И такимъ войскомъ предводилъ Карлъ XII-й,

военачальникъ, котораго страшилась Европа, презрительно отзывавшійся о Марлборугѣ, первомъ полководцѣ своего времени. И этотъ самовластный предводитель и государь хотѣлъ истощить всѣ усилія своего генія на побѣду Россіи.

Если, какъ говорилъ Петръ, все было имъ предуготовлено, о чемъ только могла помышлять мудрость человѣческая, надежный на себя, могъ ли онъ предвидѣть, что измѣна и неожиданныя смятенія возмутятъ спокойствіе Россіи въ то время, когда ему надлежало управляться съ своимъ непримиримымъ врагомъ? И все надобно было ему превозмочь, и все умѣлъ превозмочь великій царь.

Планъ вторженія Карла XII-го въ Россію былъ обдуманъ превосходно. Остановясь въ Познани, сколько для отдыха послѣ похода изъ Саксоніи, столько и для обмана непріятеля, онъ хотѣлъ повторить маневръ, употребленный имъ въ 1705 и 1706 годахъ подъ Гродно – ударить неожиданно, быстро, разбить русскую армію, или разрѣзать ее и уничтожить отдѣльными частями. Но распоряженія царя, опустошившаго Польшу до того, что на походѣ къ Познани шведы не могли даже найти чистой воды и терпѣли неслыханныя затрудненія отъ разрушенія мостовъ, гатей и дорогъ, уже разстроили въ началѣ предпріятіе Карла XII-го. Съ утомленными войсками поднялся онъ однакожъ въ началѣ ноября и смѣло пошелъ въ Литву, но принужденъ былъ опять медлить на Вислѣ до 17-го декабря, —и только 29-го перешелъ за Вислу, уже въ жестокіе холода. Страсть побѣждать трудности и здѣсь увлекла Карла XII-го: онъ двинулся черезъ Мазовію, гдѣ сражался съ тамошними непокорными Станиславу жителями, и едва могъ пройти лѣса и болота мазовецкія къ 15-му январю. Когда приближался онъ къ Гродно, царь былъ уже тамъ (21-го января 1708 года). Опустошая за собою всю страну, по которой шелъ за ними непріятель, стройно отступали русскіе. Досадуя, что нигдѣ не находилъ непріятеля, съ легкимъ отрядомъ, изъ 800 человѣкъ, Карлъ XII-й самъ бросился впередъ къ Гродно и едва не попался въ плѣнъ при своемъ неосторожномъ наѣздѣ. Только оплошность, или измѣна посланнаго въ Гродно бригадира Мюленфельда спасла шведскаго короля. Царь велѣлъ строго судить Мюленфельда и судъ приговорилъ его къ смерти, но дѣло было невознаградимо. Января 27-го шведы заняли Гродно. Царь перешелъ въ Вильну. Карлъ XII-й показывалъ видъ, что обращается на Псковъ. Русскіе сосредоточились въ Полоцкѣ, гдѣ были у нихъ обильные магазины. Карлъ XII-й неожиданно двинулся къ Минску. Царь перешелъ въ Чашники, откуда могъ идти на Полоцкъ и отступать за рѣку Березину. Здѣсь магазины были у него заготовлены въ Копысѣ. Меншиковъ съ конницею заслонялъ Минскъ. Неутомимо, выступивъ 29-го января изъ Гродно, шли шведы семь дней до Лепнишки, отдыхали тамъ три дня, и 11-го февраля достигли Сморгони. Здѣсь—въ мѣстѣ достопамятномъ тѣмъ, что отсюда, черезъ сто лѣтъ послѣ Карла XII-го, помчался Наполеонъ обратно въ Парижъ, оставя гибнуть безъ начальства несчастные остатки своей великой

арміи въ 1812 году—принужденъ былъ остановиться Карлъ XII-й, ибо походъ его отъ Альтранштадта до Сморгони, въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, по опустошеннымъ лѣснымъ, болотистымъ странамъ, и особенно осенью и зимою, совершенно изнурилъ его мужественное войско, когда русскіе, сытые, хорошо одѣтые, отступали далѣе и далѣе, останавливаясь при каждой задержкѣ непріятеля, всегда готовые двинуться впередъ. Когда Карлъ XII-й былъ въ Сморгонахъ, царь съ войскомъ находился въ Бѣшенковичахъ. Березина (столь достопамятная въ исторіи 1812 года) раздѣляла два враждебныя войска. Царь праздновалъ здѣсь, на рубежѣ славы Карла XII-го и Наполеона, рожденіе дочери своей, великой княжны Анны Петровны, незабвенной для Россіи прародительницы нынѣ благополучно царствующихъ монарховъ русскихъ. Сближеніе обстоятельствъ замѣчательное! Видя необходимую остановку для отдыха короля шведскаго, царь препоручилъ здѣсь войско Шереметеву и Меншикову, и 12-го марта поскакалъ въ Петербургъ, куда прибылъ 27 марта, осмотрѣвши дорогою Великія Луки, Псковъ, Дерптъ и Нарву.

Такимъ образомъ первый планъ Карла XII-го былъ разрушенъ царемъ. Онъ не засталъ русскихъ въ расплохъ. Надлежало составить новый планъ, и опять Карлъ XII-й придумалъ его превосходно. Цѣлью похода шведовъ была Москва. Въ нее предлежали имъ три пути: одинъ черезъ Новгородъ и Тверь, другой черезъ Смоленскъ, а третій южнѣе, черезъ Сѣверскую область и Калугу, или Орелъ и Тулу. Король шведскій избралъ послѣдній, хотя и дальнѣйшій путь. Причины предпочтенія были весьма важны. Если первый путь давалъ средства соединить силы на сѣверѣ, за то онъ велъ по лѣсистымъ и неудобнымъ областямъ; второй заслонялся Смоленскою крѣпостью, и непріятель отступая имѣлъ всѣ удобства защищаться въ лѣсахъ и болотахъ, когда вся страна до Москвы не представляла непріятелю средствъ имѣть запасы. Третій путь велъ шведовъ въ хлѣбородныя русскія области, опустошеніе которыхъ наносило важный вредъ самимъ русскимъ, но главное, что всего менѣе готовъ былъ встрѣтить тамъ шведовъ царь, когда напротивъ Карлъ XII-й надѣялся найти тамъ сильное подкрѣпленіе: Мазепа, престарѣлый гетманъ малороссійскій, предавалъ ему судьбу свою, обѣщалъ ему возстановить противъ царя Малороссію и продовольствовать шведовъ припасами, извѣщая о согласіи на бунтъ донскихъ казаковъ, запорожцевъ, калмыковъ, и готовности всѣхъ казаковъ малороссійскихъ соединиться со шведами. Шведы могли оттуда двинуться на Москву, особенно развлекая силы непріятелей возстаніемъ южной Россіи. И въ то время, когда русская армія и царь будутъ отвлечены къ югу, Либекеръ свободно могъ вступить въ Ингерманландію, соединить войска изъ Ревеля и Риги, взять Петербургъ и Новгородъ, и идти съ другой стороны къ Москвѣ. Скрывая свои обширныя намѣренія, Карлъ XII-й хотѣлъ сперва показать видъ, будто идетъ на Смоленскъ, дать тѣмъ средства соединиться съ нимъ Левенгаупту изъ Риги, быстрымъ маршемъ по удобной для походовъ землѣ перейти въ Малороссію,

открыть сообщеніе черезъ Волынь съ Польшею и поспѣшить въ Москву, или зазимовать въ обильномъ югѣ Россіи. Расположивъ такимъ образомъ военныя дѣйствія, король шведскій ожидалъ весны.

Царь имѣлъ удовольствіе встрѣтить въ Петербургѣ дорогихъ гостей: онъ вызвалъ въ новый городъ своихъ сестеръ, царевенъ Наталію, Марію и Ѳеодосію, и царицу Прасковью Ѳеодоровну съ тремя дочерьми ея, ѣздилъ встрѣчать ихъ въ Шлиссельбургъ и гулялъ съ ними по морю до Кроншлота. Онъ посылалъ тогда двѣ эскадры разорять Финляндскіе берега, желая держать въ страхѣ Либекера. Храбрый Толбухинъ и шаутбенахтъ Боцисъ удачно исполнили препорученіе царя, разорили Борго, сожгли тамъ запасы лѣсовъ и напугали шведовъ. Въ началѣ апрѣля царь получилъ извѣстіе о возстаніи донскихъ казаковъ. Онъ ждалъ его, ибо искра бунта тлѣлась тамъ уже давно, но преувеличенные слухи говорили, что весь Донъ возмутился, что посланный на Донъ, князь Юрій Долгорукій былъ убитъ, и буйныя толпы казаковъ стремятся къ Воронежу и Азову. Царь трепеталъ за свой азовскій флотъ и тавровскую верфь, куда переведено было кораблестроеніе изъ Воронежа. Нѣсколько времени думалъ онъ даже, не ѣхать ли ему самому на Донъ. Но Карлъ XII-й уже успѣлъ пріобрѣсть верхъ надъ русскими, и сокрушаясь сердцемъ, царь спѣшилъ въ армію. Онъ жестоко простудился въ то время и мучился лихорадкою и скорбутомъ, но ничто не могло удержать неутомимаго царя. „Знаю, что безъ меня у васъ не обойдется,“ писалъ онъ Меншикову, „но позовите меня только въ самой крайней нуждѣ. Богъ видитъ, что мочи нѣтъ, а безъ здоровья и силы служить невозможно.“ Меншиковъ звалъ его, умолялъ пріѣхать, и онъ забылъ все. Исполненіе долга своего почиталъ онъ службою. На Донъ отправилъ онъ князя Василія Долгорукаго, и желая придать ему болѣе важности, отпустилъ съ нимъ юнаго царевича Алексѣя. Полномочіе дано было Долгорукому на казнь и милость. Нѣсколько полковъ изъ Петербурга и Кіева поспѣшно отправились на Донъ. Царь спѣшилъ въ армію, въ концѣ іюня былъ въ Нарвѣ, и отсюда отправился къ Смоленску.

Ненастная погода воспрепятствовала королю шведскому начать дѣйствія ранѣе половины мая. Ожидая, что онъ пойдетъ за Двину, русскіе слабо прикрыли Березинскую переправу. Войско русское растягивалось отъ Лукомля до Пскова. Изъ Сморгонъ Станиславъ отправился въ Варшаву. До тѣхъ поръ онъ сопровождалъ шведское войско и своего друга и покровителя; здѣсь разстался онъ съ нимъ, и разстался надолго. Въ другомъ мѣстѣ, и въ другихъ обстоятельствахъ должны были они увидѣться! Сапега остался въ Литвѣ. Карла XII-й 5-го іюня двинулся, съ запасами на три мѣсяца, въ Городокъ, и 7-го іюня безъ боя занялъ Минскъ. Пока отрядъ шведовъ угрожалъ Борисову, Карлъ XII-й 9-го іюня былъ уже въ Игуменѣ и 14-го на берегахъ Березины. Онъ переправился черезъ сію рѣку и спѣшилъ отрѣзать русскихъ отъ Днѣпра, стараясь выиграть у нихъ время для похода на югъ. Русскіе предупредили однакожъ его, быстро занимая Шкловъ и Могилевъ и

охраняя Копысъ. Они стали за рѣкою Бабичемъ, укрѣпились окопами и хотѣли удержать непріятеля своею, какъ имъ казалось, недоступною позиціею. Карлъ XII-й обрадовался, что русскіе остановились наконецъ, и стремительно напалъ онъ на нихъ іюля 2-го. Центръ русской арміи прикрывали непроходимыя болота. Шереметевъ составлялъ правое, князь А. И. Рѣпнинъ лѣвое крыло. Карлъ XII-й увидѣлъ возможность пройти по болотамъ, и прикрываясь сильною пушечною канонадою, самъ повелъ свои войска. Ночь и туманъ скрыли его движеніе. Король шведскій и воины его брели черезъ рѣку по грудь въ водѣ, увязали въ болотахъ, но достигли своей цѣли. Рѣпнинъ, не ожидавшій съ сей стороны нападенія, отступилъ въ лѣсъ, смѣшался, и наконецъ предался бѣгству. Шереметевъ спѣшилъ отступить на Шкловъ; туда укрылся и разбитый корпусъ Рѣпнина. Дѣло происходило при мѣстечкѣ Головчинѣ. Удача при первой встрѣчѣ съ русскими напомнила о непобѣдимости Карла XII-го. Русскіе потеряли 350 убитыми, до 700 ранеными и до 700 плѣнными; 5 пушекъ досталось шведамъ. Побѣда стоила имъ 250 убитыми и 1300 ранеными. Генералъ Врангель былъ убитъ. Съ русской стороны палъ въ битвѣ генералъ-маіоръ Сведенъ Такъ уже измѣнились и въ то время прежнія отношенія, что Карлъ XII-й торжествовалъ Головчинскій выигрышъ, какъ знаменитую побѣду. Онъ гордился, что битва выиграна его личною отвагою, велѣлъ выбить медаль съ надписью, въ которой хвалился побѣдою лѣсовъ, болотъ, укрѣпленій и непріятелей (Silvae, paludes, aggeres, hostes victi), и говорилъ горделиво: Victrices copias alium laturus in orbem (Фарсалія Лукана, V., 238). Царь не испугался мнимой великой побѣды шведовъ. „Радуюсь," говорилъ онъ, „что мои русскіе до большой битвы обожглись на шведскомъ огнѣ." Но онъ оскорблялся дѣломъ Головчинскимъ и приказалъ строго изслѣдовать поведеніе Рѣпнина, ибо „многіе полки въ томъ дѣлѣ," говорилъ царь въ приказѣ своемъ, „въ конфузію пришли, не исправили должности, покинули пушки, непорядочно отступили, иные и не бившись, а которые и бились, то не солдатскимъ, а казацкимъ боемъ." Рѣпнинъ по военному суду былъ разжалованъ въ солдаты, не смотря на всѣ свои прежнія заслуги, и поступилъ въ дѣйствительную строевую службу.

Но всѣ дѣйствія Карла XII-го ограничились послѣ сего въ теченіе трехъ мѣсяцевъ только движеніями, малыми схватками, стараніемъ отрѣзывать отряды русскихъ, и нигдѣ рѣшительно, ни одинъ шагъ не былъ проигрынъ русскими непріятелю. Удивляться ли? Самъ царь былъ въ войскѣ и распоряжался всѣми движеніями. Шведы вскорѣ увидѣли себя въ положеніи бѣдственномъ. Между тѣмъ блестящіе успѣхи ознаменовывали распоряженія царя. Карлъ XII-й забылъ о наступательныхъ движеніяхъ и думалъ только о спасеніи войска своего, отовсюду окруженнаго и отрѣзаннаго.

Августа 4-го шведы переправились черезъ Днѣпръ и направились къ Пропойску. Русскіе заслонили имъ путь на Смоленскъ, думая, что они идутъ туда. Царь находился въ Мстиславлѣ. Карлъ XII-й неожиданно повернулъ къ рѣкѣ Сожѣ и 20-го августа занялъ Чириковъ. Царь приблизился къ

нему отъ Климовичей. Карлъ XII-й ударилъ на Мстиславль. Онъ нетерпѣливо ждалъ къ себѣ въ то время Левенгаупта, шедшаго изъ Риги, съ 15,000 войска, и потому до перехода черезъ рѣку Сожу старался онъ охранить переправу на Днѣпръ, чтобы легче было соединиться съ Левенгауптомъ. Царь слѣдовалъ за нимъ по теченію Сожи, перешелъ къ Смоленску и сталъ въ Добромъ на рѣчкѣ Напѣ. Августа 28-го Карлъ XII-й неосторожно растянулъ войско въ болотистыхъ мѣстахъ. Царь замѣтилъ невыгодное положеніе шведовъ, и 29-го августа князь М. М. Голицынъ напалъ на шведскаго генерала Рооса, сбилъ его и погналъ. Карлъ XII-й услышалъ пальбу и самъ спѣшилъ на помощь. Русскіе отступили. Шведы потеряли убитыми до 2000. Русскіе утратили 200 убитыми, 1200 ранеными, и взяли у непріятеля 6 знаменъ и 3 пушки. Удача подъ Добрымъ заплатила за неудачу Головчинскую. Царь радовался и писалъ Апраксину, что „какъ началъ онъ служить, то такого порядочнаго огня и дѣйствія отъ своихъ солдатъ не видалъ, и король шведскій могъ видѣть, что мы, русскіе, уже не прежніе.“ Карлъ XII-й видѣлъ и сознавалъ невольно превосходство распоряженій и храбрость русскихъ, въ гнѣвѣ восклицая: Москвитяне побѣждаютъ насъ! Онъ забылъ всѣ свои планы и разсчеты, хотѣлъ мстить и пошелъ прямо на русскихъ. Царь уклонился, оставилъ Мстиславль, шелъ далѣе, и 7-го сентября стоялъ уже на русской границѣ около Смоленска. Карлъ XII-й преслѣдовалъ его горячо, раздраженный неудачею до такой степени, что даже забылъ свое мѣсто и назначеніе полководца. Когда 9-го сентября конный отрядъ генерала Баура напалъ на шведскій отставшій отрядъ, самъ Карлъ XII-й бросился съ ротою шведовъ на выручку, сбилъ русскихъ и едва не погибъ, ибо русскіе были подкрѣплены. Рота солдатъ, окружавшая короля, была изрублена и только немногіе изъ вѣрныхъ драбантовъ защитили короля; лошадь была убита подъ нимъ; онъ дрался пѣшій съ нѣсколькими солдатами противъ толпы непріятелей, пока подоспѣли на его выручку. Сентября 10-го подошелъ онъ въ Сторожахъ къ русской границѣ. Но положеніе его было тогда уже гибельное. Непріятель не показывался; кругомъ лежали опустошенныя поля; отъ сообщеній съ Левенгауптомъ шведы удалились; запасовъ у нихъ не было; голодъ страшно угрожалъ всей арміи. Карлъ XII-й рѣшился отступать, перейти Сожу, вступить въ Сѣверскую область, гдѣ надѣялся найти припасы по увѣренію Мазепы, и тамъ ожидать Левенгаупта, полагая, что движеніе главной шведской арміи увлечетъ за нею царя и дастъ средства пробраться Левенгаупту. Такъ безполезно было потеряно время въ движеніи на Смоленскъ. Забывая всѣ прежніе планы, сентября 18-го шведы поспѣшно перешли Сожу въ Кричевѣ, слѣдуя къ рѣкѣ Ипути. Здѣсь вошли они въ лѣсъ, простиравшійся на 80 верстъ, потеряли въ немъ дорогу, едва достигли границы Сѣверской области уже 22-го, переправились черезъ Ипуть и вступили въ Малороссію, но въ какомъ положеніи: на походѣ отъ Сожи шведское войско питалось лошадинымъ мясомъ, не имѣя ни хлѣба, ни соли; солдаты

умирали отъ жажды, ибо вода на пути ихъ была не годная для питья. А между тѣмъ царь уже угадалъ и предупредилъ движеніе Карла XII-го.

Сентября 10-го, едва только двинулись шведы, русскіе отряды быстро полетѣли отъ Смоленска впередъ, обошли, перегнали шведовъ и заняли Стародубъ. Шереметевъ пошелъ рядомъ со шведами; Бауръ преслѣдовалъ ихъ и не давалъ имъ покоя. Но всѣ сіи событія были только началомъ бѣдствій: ударъ страшный и неожиданный ожидалъ Карла XII-го, и сей ударъ нанесъ ему лично самъ царь.

Мы говорили, что Карлъ XII-й медлилъ около Смоленска, думая соединиться здѣсь съ Левенгауптомъ. Кромѣ помощи свѣжими войсками, сближеніе съ Левенгауптомъ было особенно важно тѣмъ, что онъ везъ огромные запасы хлѣба. Но обозъ, состоявшій изъ 8000 телѣгъ, затруднялъ путь его по опустошенной Литвѣ, испорченными дорогами, гдѣ русскіе тревожили между тѣмъ шведовъ со всѣхъ сторонъ. Когда царь увѣрился въ походѣ Карла XII-й за Сожу, онъ увидѣлъ, что Карлъ XII-й предоставляетъ Левенгаупта собственнымъ его средствамъ, уже не имѣя силы помогать ему. Царь вполнѣ постигъ важность соединенія Левенгауптова корпуса со шведскою арміею, и съ тѣмъ вмѣстѣ постигъ и возможность дѣйствовать отдѣльно противъ Левенгаупта. Надобно было для того отважиться на открытую битву, опасную и жестокую, какъ можно было полагать, судя по военнымъ дарованіямъ Левенгаупта, до тѣхъ поръ побѣждавшаго русскихъ при каждой встрѣчѣ, когда Левенгауптъ зналъ при томъ, что соединеніе его съ Карломъ XII-мъ возстановитъ силы шведовъ. Царь не посмѣлъ ввѣрить дѣла столь важнаго ни кому изъ своихъ полководцевъ Предоставляя имъ надзоръ за Карломъ XII-мъ, потому что здѣсь должно было только продолжать прежнюю систему дѣйствій, онъ самъ принялъ начальство надъ 12,000-мъ корпусомъ, взялъ съ собою Меншикова и князя М. М. Голицына, и 15-го сентября выступилъ въ походъ къ Днѣпру.

Левенгауптъ находился 1-го сентября въ верховьяхъ Виліи, и только 19-го успѣлъ перейти подъ Шкловомъ черезъ Днѣпръ. Слыша о движеніи на него царя и всячески избѣгая сраженія, онъ подослалъ подкупленнаго проводника, увѣрившаго русскихъ, что Левенгауптъ еще далеко за Днѣпромъ. Трудно было обмануть великаго предводителя русскихъ. Когда шведы приближались къ Пропойску, царь узналъ ошибку свою, велѣлъ повѣсить измѣнника проводника, мгновенно повернулъ войско, и какъ ни спѣшилъ Левенгауптъ, русскіе нагнали его 25-го сентября. Здѣсь узналъ царь, что силы Левенгаупта состояли не изъ 10-ти, какъ до тѣхъ поръ предполагали, но изъ 16,000 человѣкъ. Надлежало рѣшить важный вопросъ: должно ли было нападать съ меньшимъ числомъ? Царь рѣшилъ его приказомъ Бауру поспѣшать отъ Сожи къ Пропойску, но положилъ, если онъ не придетъ въ теченіе двухъ дней, дать битву, не смотря на превосходное число непріятеля. Онъ зналъ, что Левенгауптъ отдѣлитъ часть войска на защиту огромнаго обоза и тѣмъ ослабитъ себя. Упускать далѣе шведскаго полководца было

опасно, ибо Карлъ XII-й могъ воротиться на помощь ему. Сентября 26-го русскіе завязывали битву, но Левенгауптъ ушелъ отъ нихъ. Сентября 27-го жестокая канонада на берегахъ рѣчки Ректы дала еще разъ шведамъ средство продвинуть свой обозъ далѣе, подъ прикрытіемъ 3000 человѣкъ, къ Пропойску. Остальное войско шведское стало при деревнѣ Лѣсной, заслоняясь болотистымъ лѣсомъ. Бауръ не шелъ. Царь рѣшился сражаться безъ него. Самъ онъ повелъ черезъ лѣсъ свое войско, и въ полдень 28-го сентября вывелъ его на поле, гдѣ шведы снова хотѣли биться только для прикрытія отступленія. Стремительное нападеніе царя принудило Левенгаупта принять генеральную битву. Сраженіе началось въ одно время по всей линіи. Шведскій полководецъ постепенно ввелъ въ огонь все свое войско. Царь самъ отважно скакалъ по рядамъ и посылалъ въ битву солдатъ, одушевленныхъ его присутствіемъ. „Государь!“ сказалъ ему князь Рѣпнинъ, стоявшій солдатомъ въ ряду преображенцевъ — „прикажи поставить сзади полковъ казаковъ и калмыковъ, и вели имъ колоть всякаго, кто побѣжитъ. Мы умремъ, а не отступимъ, но еслибы кто и вздумалъ отступать, то по неволѣ предпочтетъ славную смерть безславной!“ — „Спасибо, Рѣпнинъ, я не забуду тебя,“ отвѣчалъ ему царь, исполнилъ совѣтъ его и велѣлъ не щадить никого. — „Колите каждаго бѣглеца,“ говорилъ онъ, „не щадите даже и меня, еслибы побѣжалъ я самъ!“ Никогда еще не дрались шведы съ такимъ остервенѣніемъ, никогда русскіе не бились такъ мужественно и крѣпко. Левенгауптъ принужденъ былъ отступить къ своему лагерю, находившемуся подъ селеніемъ Лѣснымъ, но еще не уступалъ побѣды. Слыша, что Бауръ уже близко, царь остановилъ битву въ 3 часа по полудни. Едва примчался Бауръ съ войсками, съ 5 часовъ по полудни, битва отчаянная возобновилась, не смотря на темноту вечера и поднявшуюся вьюгу съ мокрымъ снѣгомъ и жестокимъ холодомъ. Левангауптъ поставилъ въ ряды послѣдній резервъ свой, подошедшій къ нему отъ Пропойска. Русскіе превозмогли всѣ его усилія, вторглись въ шведскій лагерь на штыкахъ, и только ночь, густой снѣгъ, усталость солдатъ и бѣгство непріятеля прекратили битву. Русскіе остались на полѣ сраженія. Самъ царь провелъ нѣсколько часовъ, лежа на землѣ, завернувшись въ плащъ свой, безъ пищи и безъ огня, покрытый снѣгомъ, заледенѣвшимъ на его одеждѣ Съ разсвѣтомъ русское войско пошло за непріятелемъ, но Левенгауптъ уже не думалъ сражаться и уходилъ, бросалъ раненыхъ, оставилъ часть обоза, бѣжалъ къ Пропойску, взялъ здѣсь малую часть обоза своего, изъ-подъ остального забралъ лошадей и спѣшилъ переправиться черезъ Сожу. Мостъ былъ разломанъ. Русскіе отряды ждали шведовъ на другомъ берегу рѣки. Левенгауптъ бросилъ остальной обозъ, бѣжалъ по теченію Сожи, переправился черезъ нея вплавь при деревнѣ Глинкахъ и спѣшилъ къ Карлу XII-му съ остатками войска. Русскіе захватили весь обозъ шведскій. Меншиковъ съ конницею преслѣдовалъ Левенгаупта, когда генералъ Иффландъ напалъ съ фланга на арріергардъ его изъ Стародуба. Левенгауптъ отбивался, не ду-

мая о потерѣ, и едва могъ привести къ королю въ Бѣлогорщъ 5000 изнуренныхъ, полубезоружныхъ шведовъ — бѣдный остатокъ лучшаго, свѣжаго войска, на которомъ основывались надежды Карла XII-го.

Самъ царь называлъ побѣду подъ Лѣснымъ матерью Полтавской побѣды. Не говоря о безмѣрныхъ выгодахъ, какія она доставила, русскіе въ первый разъ, принудивъ къ битвѣ искуснѣйшаго изъ шведскихъ генераловъ, сразились съ равнымъ, а въ началѣ битвы даже съ превосходнымъ числомъ непріятелей, выдержали весь отчаянный отпоръ его и побѣдили упорнымъ боемъ. Шведовъ было убито до 8,000, взято въ плѣнъ до 900, болѣе двухъ тысячъ погибло и захвачено въ бѣгствѣ. Русскихъ было убито болѣе 1,100, ранено до 3,000. Въ числѣ раненыхъ шведскихъ генераловъ находился принцъ Гессенъ-Дармштадтскій. Вся шведская артиллерія (17 пушекъ), 44 знаменъ и штандартовъ и до 7,000 повозокъ съ хлѣбомъ и съ аммуниціею достались побѣдителямъ. Побѣда была до тѣхъ поръ неслыханная и совершенная. Царь, съ войскомъ, плѣнными и добычею, отправился въ Смоленскъ. На дорогѣ, въ Чаусахъ, посѣтилъ онъ принца Гессенъ-Дармштадтскаго, засталъ его умирающимъ отъ ранъ, утѣшалъ его, и когда юный принцъ скончался, велѣлъ похоронить его съ почестью въ Смоленскѣ. Торжественно вступилъ царь въ древній Смоленскъ. Знамена, пушки, плѣнные, безконечный обозъ слѣдовали за нимъ. Царь установилъ на вѣки праздновать побѣду подъ Лѣснымъ (сентября 28-го), и на медали изобразилъ слова: (голова лежитъ далеко отъ туловища (Caput est a corpore longe).“ Всему войску разданы были медали съ надписью: Достойному достойное. Князя Мих. Мих. Голицына, „явившаго въ битвѣ львиную храбрость,“ царь обнялъ и расцѣловалъ на мѣстѣ сраженія. „Скажи, другъ мой,“ говорилъ ему царь, „чѣмъ могу я наградить тебя?“ — „Государь! прости Рѣпнина!“ отвѣчалъ Голицынъ. Царь зналъ, что Голицынъ лично не любилъ Рѣпнина, и невольно изъявилъ онъ удивленіе объ его просьбѣ. „Знаю, государь,“ отвѣчалъ Голицынъ, „что Рѣпнинъ мнѣ непріятель, но онъ любитъ тебя, храбрый генералъ, надобенъ тебѣ, и если согрѣшилъ, то и пострадалъ за то довольно.“ Царь немедленно возвратилъ Рѣпнину прежній чинъ его, но награждая его великодушнаго врага, снялъ съ себя Андреевскій орденъ и надѣлъ на Голицына.

Въ Смоленскѣ пробылъ царь до 20-го октября и опять спѣшилъ къ мѣсту военныхъ дѣйствій черезъ Рославль и Брянскъ. И между тѣмъ въ Смоленскѣ успѣлъ онъ разсмотрѣть рисунки новыхъ гражданскихъ буквъ, велѣлъ сочинять Русскую Исторію, пересматривалъ переводъ Квинта-Курція и календарь на 1709 годъ, писалъ о разсадкѣ дубовъ въ Таганрогѣ, о присылкѣ къ нему какихъ-то, математическихъ чертежей... Непостижимый!

Можно вообразить, но не описать печаль и гнѣвъ Карла XII-го, когда къ его голодному войску явился Левенгауптъ бѣглецомъ съ остатками войскъ, и присутствіемъ своимъ только умножилъ затрудненія, въ какихъ находились шведы. Трудно было рѣшить однакожъ, что болѣе тревожило короля:

усиленіе недостатковъ и бѣдствій или стыдъ пораженія? Онъ не слушалъ никакихъ оправданій, долго не хотѣлъ даже видѣть Левенгаупта, оставилъ его безъ должности при арміи, и никогда не совѣтовался, даже не говорилъ съ нимъ. Храбрый, но безразсудный Рейншильдъ овладѣлъ послѣ сего совершенно волею короля, и рядъ безпрерывныхъ ошибокъ и противорѣчій самому себѣ составили съ тѣхъ поръ всѣ дѣйствія Карла XII-го.

Вступленіе въ Сѣверскую область нисколько не умножило средствъ пропитанія и возможности отдыха шведамъ. Мы уже видѣли, что впереди ихъ Стародубъ былъ занятъ русскими, ибо полковникъ Скоропадскій, начальствовавшій стародубскимъ казацкимъ полкомъ не участвовалъ въ замыслахъ Мазепы. Система опустошенія и здѣсь была распространена всюду. Селенія являлись опустѣлыя; жители сами разбѣгались, или были изгоняемы русскими; хлѣбъ, скотъ, имѣніе все было вывозимо и истребляемо; дороги повсюду испорчены, мосты и гати разломаны. Русскіе ушли далеко впередъ, шли рядомъ со шведами, преслѣдовали шведовъ, не сражались но губили ихъ. Посланный куда либо отрядъ, отставшій солдатъ, пушка, телѣга, замедлившія въ походѣ, дѣлались неминуемою жертвою или добычею. Карлъ XII-й хотѣлъ занять Новгородъ Сѣверскій, но русскіе предупредили его, и когда онъ подошелъ къ Деснѣ, русскіе уже переправились за сію рѣку и вездѣ ожидали его. Карлъ XII-й остановился 24-го октября въ Горкахъ, мѣстечкѣ Черниговской губерніи, близъ Новгорода Сѣверскаго. Одна надежда оставалась ему здѣсь — на Мазепу, все еще увѣрявшаго въ преданности своей, готовности Малороссіи передаться шведамъ, огромныхъ запасахъ въ Батуринѣ, Ромнахъ и Гадячѣ. Но Мазепа медлилъ, не открывалъ явно своей измѣны, а между тѣмъ въ плодоносныхъ областяхъ Малороссія встрѣтили шведовъ тѣ же бѣдствія, какія грозили имъ въ лѣсахъ и болотахъ Литвы, кромѣ того, что къ нимъ присоединились еще вражда и непріязнь жителей.

Мазепа и измѣна его остались однимъ изъ народныхъ преданій въ Россіи и въ Малороссіи: доказательство, какое сильное впечатлѣніе произвело сіе событіе, никѣмъ неожиданное и непонятное по причинамъ, какія могли побудить къ тому Мазепу.

Мы видѣли Мазепу низкимъ прислужникомъ Самойловича, клеветникомъ на своего благодѣтеля въ угоду любимца Софіи, достигшимъ черезъ свое вѣроломство гетманскаго сана и великихъ почестей. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе двадцати лѣтъ, Мазепа былъ ревностнымъ слугою царскимъ, ходилъ въ походы, строго исполнялъ всѣ повелѣнія царя, отличался умными совѣтами, пользовался полною довѣренностію Петра. Чего хотѣлъ онъ на старости лѣтъ? Всякая роскошь и нѣга услаждали жизнь его Богатства его были безсчетны, а честолюбіе удовлетворялось великими наградами. Царь возвелъ его въ званіе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, пожаловалъ ему орденъ Андреевскій (онъ былъ второй кавалеръ по основаніи ордена), испросилъ ему отъ императора званіе князя, съ титуломъ свѣтлѣйшаго, отъ короля Августа орденъ Бѣлаго Орла. Царь жаловалъ Мазепу кромѣ того день-

гами, помѣстьями, разными отличіями, но что было всего драгоцѣннѣе, награждалъ его своею дружбою. Правда, что за всѣ сіи награды и милости онъ требовалъ отъ Мазепы управленія Малороссіею по его волѣ и повиновенія неуклоннаго. Но кто подумаетъ, что желаніе возвратить казакамъ старинныя вольности ихъ рѣшило Мазепу на измѣну, тотъ совершенно ошибется. Мазепа былъ не такъ простъ, чтобы не могъ понимать несообразности прежняго казацкаго быта съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, и притомъ, покорствуя царю, онъ болѣе выигрывалъ лично въ обогащеніи и въ самовластіи, нежели при старинной, буйной казацкой волѣ. Еще менѣе можно полагать причиною вѣроломства Мазепы любовь къ красавицѣ княгинѣ Дульской, знатной полькѣ, родственницѣ Станислава, или личное оскорбленіе отъ царя. Есть сказаніе, что однажды говоря съ Мазепою о преобразованіи Малороссіи, и услышавъ его смѣлыя возраженія, царь вскричалъ гнѣвно: „Пора мнѣ приняться за васъ, бунтовщиковъ!“ схватилъ Мазепу за длинные усы его и сказалъ, что при первомъ противномъ словѣ велитъ сбрить ихъ и съ головою. Мазепа всегда униженно кланялся въ ноги царю и не былъ ни Наливайкою, ни Полуботкомъ, нѣтъ! вѣрнѣе всего, что Мазепа, боясь малороссіянъ, не терпѣвшихъ его, угнетенныхъ имъ, мечтая о самобытномъ владычествѣ, желая достигнуть сана независимаго властителя, вступить въ родство съ польскимъ королемъ, и для того льстя своею любовью тщеславной Дульской, рѣшился измѣнить, когда ему обѣщали отдать Полоцкъ и Витебскъ, съ титуломъ полоцкаго герцога. Станиславъ укрощалъ сею уступкою мятежную Литву и выигрывалъ Польшѣ богатую Малороссію, которую Мазепа обѣщалъ возмутить и передать полякамъ. Онъ надѣялся на остатки казацкаго своеволія, буйство запорожцовъ, волненія на Дону, едва утушенный бунтъ стрѣльцовъ въ Астрахани, пособіе Крыма, кочевыхъ калмыковъ, и даже башкировъ, когда между тѣмъ король шведскій побѣдоносно шелъ громить русскія области. Мазепа могъ не понять генія Петра, могъ надѣяться на непобѣдимость Карла XII-го и увлечься въ договоры, когда шведы шли въ Россію. Начало измѣны его не восходитъ далѣе 1708 года. До тѣхъ поръ ревностно служилъ онъ царю, бился за него въ Польшѣ, даже самъ просился въ битвы. Достовѣрно и то, что Мазепа скоро понялъ тщету своихъ суетныхъ предпріятій, раскаявался, медлилъ, но было уже поздно, и только неумолимый гнѣвъ царя страшилъ его, когда съ отчаяніемъ въ душѣ, измѣнникомъ являлся онъ къ Карлу XII-му, только угрозы короля шведскаго открыть всѣ сношенія свои съ гетманомъ, заставили Мазепу рѣшиться на измѣну. Слухи объ его предательствѣ и безъ того доходили уже къ царю. Они не замедлили подтвердиться дѣломъ: 26-го октября Мазепа явно передался непріятелю. Собравши до 5000 казаковъ, онъ перевелъ ихъ за Десну. Здѣсь казаки, думавшіе, что ихъ ведутъ на непріятеля, услышали о настоящемъ намѣреніи гетмана. „Друзья!“ говорилъ измѣнникъ, „намъ предстоитъ равная бѣда: побѣдитъ царь—онъ уничтожитъ всѣ права наши и поработитъ насъ; побѣдитъ король шведскій—онъ

отдастъ насъ ненавистной Польшѣ. Предупредимъ пособіемъ ему гибель нашу, купимъ дружбу его покорностью ему." Немногіе казаки отвѣчали злодѣю согласіемъ; другіе бѣжали отъ него съ ужасомъ; нѣкоторые остались только потому, что боялись шведовъ, окружавшихъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Неболѣе тысячи человѣкъ явилось съ Мазепою въ Горки. Карлъ XII-й принялъ Мазепу весьма ласково, слушалъ привѣтствіе его, говоренное на латинскомъ языкѣ, долго бесѣдовалъ съ нимъ и посадилъ его съ собою за обѣдъ.

Еслибы и не Петръ правилъ Россіею, измѣна Мазепы въ тогдашнихъ обстоятельствахъ была бы болѣе прискорбнымъ по неблагодарному вѣроломству, нежели опаснымъ по послѣдствіямъ дѣломъ. Малороссія, и безъ того ненавидѣвшая гетмана, закипѣла негодованіемъ, слыша, что онъ передался королю еретику, и котоликамъ, проклятымъ ляхамъ. Немногіе откликнулись на призывный голосъ Мазепы, и что могли сдѣлать измѣнники, всюду стрегомые русскимъ войскомъ? Самые запорожцы не смѣли возстать явно. Бунтъ на Дону былъ уже тогда потушенъ. По Волгѣ и въ Астрахани вездѣ грозно стояли полки русскіе. Ханъ крымскій колебался и не смѣлъ начать набѣга. Присоедините къ тому мудрость и неусыпность наря великаго.

Онъ былъ за Десною, въ мѣстечкѣ Погребкахъ, когда донесли ему объ измѣнѣ Мазепы. Сначала онъ не повѣрилъ Уже не въ первый разъ взводили на Мазепу подобные навѣты. Въ 1699 году полковникъ Забѣла оклеветалъ его въ сношеніяхъ съ крымскимъ ханомъ, но Мазепа оправдался. Гораздо ближе и важнѣе былъ доносъ Кочубея. Бывши другомъ Мазепы и вмѣстѣ съ нимъ клеветавши на Самойловича, Кочубей, дочь котораго выдана была за племянника Мазепы Обидовскаго, долго былъ вѣрнымъ услужникомъ Мазепы. Гетманъ осыпалъ его чинами и милостями, крестилъ у него другую дочь, Матрену, и въ старости оскорбилъ его жестоко: онъ влюбился въ свою крестницу, красавицу необыкновенную, и потребовалъ руки ея. Отецъ отказалъ, страшась грѣха, ибо законъ запрещалъ бракъ сей по родству и кумовству. Мазепа страдалъ, плакалъ, писалъ къ Матренѣ пламенныя письма. „Люблю тебя сердечно шалоне," говорилъ онъ ей „Легче мнѣ смерти на себя сподѣваться, нежь въ сердцѣ твоемъ отмѣны. Моя коханая! счастливши мои письма, що въ рученькахъ твоихъ бываютъ, неже мои бидны очи, що не оглядаютъ тебя!" Матрена обольстилась любовью своего крестнаго отца, его славою и богатствомъ, бѣжала къ нему, и жила съ нимъ, презрѣвши стыдъ дѣвичій и горесть родителей. Пылая мщеніемъ за обиду, Кочубей не смѣлъ раздѣлаться за позоръ свой саблею, выбралъ путь безопаснѣе, по его мнѣнію, и послалъ доносъ царю объ измѣнѣ Мазепы въ началѣ 1709 года Царь велѣлъ привезти къ себѣ доносщика и сообщниковъ его, полковника Искру, сотника Кованьку, монаха, священника и другихъ, въ Витебскъ, гдѣ была тогда главная царская квартира. Головкинъ и Шафировъ должны были изслѣдовать дѣло. Оказалось, что обвинители явно вымышляли многое, и остальное основывалось на сомнительныхъ словахъ, невѣрныхъ слухахъ, пустыхъ толкахъ и женскихъ сплетняхъ.

Головкинъ и Шафировъ, подкупленные (какъ многіе думали) золотомъ Мазепы, обвинили доносчиковъ. Подвергнутые пыткѣ и пристрастному допросу, Кочубей и Искра отреклись отъ всего, признаваясь въ клеветѣ, вымышленной на Мазепу по личной злобѣ. Царь зналъ тайную причину ненависти Кочубея, и удовлетворяя оскорбленію гетмана, велѣлъ казнить обвинителей его. Имъ отрубили головы въ мѣстечкѣ Борщаговкѣ, близъ Бѣлой церкви, 14-го іюля 1709 года. Тѣла страдальцовъ почіютъ въ Кіево-Печерской лаврѣ. Сообщники ихъ были наказаны и посланы въ ссылку. Черезъ три мѣсяца Мазепа передался шведамъ. Оскорбленный до глубины души, царь писалъ съ прискорбіемъ къ Апраксину о вѣроломствѣ новаго Іуды, „который былъ вѣрнымъ двадцать одинъ годъ, и приближаясь ко гробу (Мазепѣ было тогда около 65 лѣтъ отъ роду) сдѣлался измѣнникомъ и предателемъ.“ Но не унывая при вѣсти о преступленіи неожиданномъ, царь мгновенно принялъ всѣ мѣры предупредить слѣдствія измѣны. Онъ обнародовалъ манифесты, гдѣ изображалъ гнусность поступка Мазепы, и призывалъ всѣхъ малороссіянъ къ избранію новаго гетмана, обѣщая милости и награды вѣрнымъ, грозя неумолимою казнью измѣнникамъ. Царскіе гонцы помчались въ мѣста ссылки, гдѣ страдали сообщники Кочубея и Искры. Царскія грамоты почтили память страдальцовъ именемъ „мужей славныя памяти, мучениковъ, пострадавшихъ за правду по злохитрости проклятаго измѣнника.“ Семействамъ Кочубея и Искры возвращены были имѣнія и почетъ. Палей, жертва злости Мазепиной, съ честью возвращенъ тогда изъ Сибири. Всюду, гдѣ были запасы, сдѣланные Мазепою, русскіе спѣшили захватить, увезти, истребить ихъ. Батуринъ, главный городъ и резиденція гетмана, защищаемый сердюками, или гвардіею гетманскою, и полковникомъ Чечелемъ, осмѣлился противиться. Меншиковъ явился съ войскомъ, осадилъ Батуринъ, взялъ приступомъ ноября 2-го, и по вывозѣ пушекъ, оружія, запасовъ и казны Мазепиной, сжегъ его. Сокровища Мазепины хранились еще за Днѣпромъ въ Бѣлой Церкви. Князь Д. М. Голицынъ осадилъ, занялъ сей городъ, а ноября 5-го, въ Глуховѣ, въ присутствіи царя и по его повелѣнію, былъ избранъ въ гетманы добродушный, смиренный и кроткій полковникъ стародубскій Скоропадскій. Умножая омерзѣніе народа къ Мазепѣ, царь повелѣлъ совершить надъ нимъ заочную казнь. Чучело, изображающее Мазепу, выставлено было на площади глуховской. Въ соборномъ храмѣ Мазепа преданъ былъ анаѳемѣ отъ собравшагося духовенства. Палачъ сорвалъ потомъ съ чучелы его ордена, изорвалъ граматы, билъ ее, волочилъ по улицамъ при народныхъ проклятіихъ, и повѣсилъ за городомъ. Анаѳема Мазепѣ повторена была въ Москвѣ и во всѣхъ малороссійскихъ городахъ. Всѣмъ перешедшимъ съ Мазепою, всѣмъ соумышленникамъ его обѣщано прощеніе, и обѣщаніе такъ сильно подѣйствовало, что даже два главные помощники Мазепы, полковники Апостолъ и Галаганъ, увидѣвшіе безнадежность дѣла Мазепы, явились къ царю и удостоились его милости и почестей (Апостолъ въ послѣдствіи былъ гетманомъ; сынъ его женился

на дочери Кочубея). Подкрѣпляя усердіе малороссіянъ, между которымп до нынѣ имя проклятаго Мазепы осталось самою поносною бранью, царь объявилъ малороссіянамъ особенныя награды за истребленіе непріятеля; за взятіе каждаго генерала шведскаго обѣщано было по 1000 рублей, за офицера по разсчету чина, и за каждаго солдата по 25 рублей, а за убитаго шведа по 9 рублей.

И не только слѣды измѣны были изглажены, но ненависть малороссіянъ усилилась, особливо, когда шведы, обманутые въ надеждѣ продовольствія и возстанія малороссіянъ, начали производить насильственные поборы, отнимать имѣнія у жителей, не щадили никого, и раздраженные враждою казаковъ и малороссіянъ, дерзнули наложить святотатственную руку на храмы Божіи. Малороссіяне съ омерзѣніемъ бѣжали отъ непріятеля и истребляли его, какъ и чѣмъ только могли. „Малороссіяне такъ твердо стоятъ,“ писалъ царь Апраксину, „что нельзя больше требовать; отвергаютъ письма короля и гнушаются именемъ Мазепы.“ Голодъ, нужды, страданія шведовъ умножились. Уже Карлъ XI-Ій не могъ удерживать въ войскахъ прежней строгой дисциплины. Онъ терялъ даже иногда свою всегдашнюю бодрость, и сидѣлъ задумчивый, какъ будто безчувственный. Казалось, что союзъ съ Мазепою, ничего не принесшій ему, кромѣ безславія, особенно убивалъ его. Скорбь и уныніе короля умножали грустныя вѣсти изъ Польши и Ингерманландіи: тамъ всюду были только неудачи и несчастія. Польша проклинала имя Карла XII го. Станиславъ едва держался. Король шведскій получилъ еще тогда извѣстіе о кончинѣ любимой старшей сестры своей, герцогини Голштинской. Онъ слышалъ, что уже всюду измѣнялись его прежнія отношенія, Данія и Пруссія начинали угрожать. Въ самой Швеціи оказывались неудовольствія. Слава прежнихъ побѣдъ исчезала въ увеличенныхъ слухахъ о несчастномъ походѣ короля шведскаго въ Россію. Онъ былъ еще однакожъ твердъ, неукротимъ по прежнему, являлся передъ войскомъ мрачный, но грозный и крѣпкій духомъ. Одинъ изъ офицеровъ осмѣлился роптать при немъ и говорить: „Куда еще поведутъ насъ?“ Король угрюмо взглянулъ на него. „Какъ ты смѣешь разсуждать?“ вскричалъ онъ. „Если бы я повелъ васъ туда, куда въ три года не дойдутъ къ вамъ извѣстія изъ Швеціи, ты долженъ повиноваться!“ Дерзкій офицеръ умолкъ, но уже и солдаты осмѣливались негодовать и жаловаться. Когда Карлъ XII-й смотрѣлъ однажды войско свое, одинъ изъ старыхъ солдатъ его подалъ ему кусокъ черстваго, гнилого хлѣба, говоря: „Посмотрите, В. В., какой мы ѣдимъ хлѣбъ!“ Король хладнокровно взялъ хлѣбъ, отломилъ немного, разжевалъ, съѣлъ, и оборотясь къ старому воину, отвѣчалъ: „Да, мой другъ, хлѣбъ точно не хорошъ, но ѣсть его можно. Что жъ ты жалуешься? Поди и посмотри—у меня такой же хлѣбъ!“

И ничто не могло поколебать упрямой воли Карла XII го. Генералы его и Пиперъ умоляли его не думать болѣе о побѣдахъ и отступить въ Польшу. Упорство и гордость Карла XII-го отвергли всѣ ихъ предложенія.

Мысль признать себя побѣжденнымъ безъ рѣшительнаго, послѣдняго боя, была невыносима шведскому герою—побѣдить или погибнуть рѣшился онъ.

И онъ влачился—ибо можно ли было назвать иначе безцѣльный, гибельный походъ его?—влачился, куда влекли его случайности войны. Какая еще могла быть цѣль его дѣйствій? Мечта о нечаянной побѣдѣ, мысль, что счастіе, какъ нибудь, обратится къ нему, соперникъ ослабѣетъ въ дѣятельности, найдутся еще средства, и можетъ быть, одна битва рѣшитъ дѣло, одна новая Нарвская, Клишовская, Фрауенштадтская побѣда возвратитъ все, что потеряно годами. Тщетныя надежды!

Ноября 1-го шведы переправились черезъ рѣку Десну. Малый отрядъ русскихъ заставилъ ихъ потерять при переправѣ до 1600 убитыми и ранеными. Карлъ XII-й поспѣшилъ занять зимнія квартиры въ Гадячѣ и Ромнѣ. Онъ пришелъ въ первый изъ сихъ городовъ 18-го сентября, едва успѣвши предупредить русскихъ. Опустошенный Роменъ занятъ былъ шведами безъ сопротивленія, 11-го ноября. Царь принужденъ былъ отвести на то время войско свое къ Путивлю и Лебедину, и раздвинулъ отряды русскіе до Полтавы, ибо ему надобно было снабдить свое войско припасами и предупредить дальнѣйшія предпріятія шведскаго короля. Въ Полтаву опредѣлилъ онъ комендантомъ храбраго полковника Келина. Но русскіе немедленно сдвинулись тѣснѣе. Генералъ Ренъ сталъ въ Опошнѣ, князь Волконскій въ Миргородѣ и Нѣжинѣ. Весною, уже не опасаясь неудачи, царь предполагалъ начать войну наступательную и уничтожить своего непріятеля. Побѣда была уже несомнительна.

Переходъ въ глубину Малороссіи мало облегчилъ шведовъ. Они успѣли достать нѣсколько запасовъ, но какъ будто сама природа вооружилась здѣсь противъ нихъ: зима съ 1708-го на 1709-й годъ была неслыханно жестокая. Во всей Европѣ давно не запоминали такихъ свирѣпыхъ холодовъ, какіе были въ то время. Шведы гибли отъ стужи, лишенные теплой одежды, продовольствія дровами, стоя на тѣсныхъ квартирахъ. Увидимъ далѣе, что остановивъ войско свое на удобныхъ и снабженныхъ продовольствіемъ зимнихъ квартирахъ, царь не прекращалъ войны, и самую зиму сдѣлалъ себѣ союзницею и орудіемъ гибели непріятеля. Но сіи дѣйствія соединяются уже съ повѣстью о великихъ событіяхъ славнаго для Россіи 1709 года. Обозримъ здѣсь дополнительныя подробности дѣлъ 1708 года.

По предложенному королемъ шведскимъ плану, съ весны начали готовиться шведы къ нападенію на Петербургъ, но приготовленія были медленны, слабы, ничтожны. Узнавши, что отрядъ шведскій собрался въ Вейсенбергѣ, Апраксинъ напалъ на него и разбилъ его, въ августѣ 1708 года. Не прежде конца августа Либекеръ рѣшился выступить изъ Выборга, ведя съ собою до 14,000 шведовъ и финновъ. Шведы пришли къ Невѣ и переправились черезъ нее ниже устья Тосны, 30-го августа. Они сбили здѣсь слабые отряды Апраксина. Слѣдуя предписаніямъ царя, Апраксинъ не выходилъ въ битву, укрѣпился въ Петербургѣ, посылалъ тревожить непріятеля,

оголодилъ всю окрестную страну, испортилъ дороги и окружилъ шведовъ отрядами казаковъ. Либекеръ, надѣявшійся найти продовольствіе въ Ингерманландіи, увидѣлъ себя въ ужасной крайности. Многочисленность войска только губила его, ибо русскіе всюду избѣгали сраженія. Шведы устремились въ глубь страны, ища продовольствія; вмѣсто похода на Петербургъ, напали на Копорье и здѣсь перехватили извѣстія отъ Апраксина, писавшаго копорскому коменданту, что онъ идетъ на помощь къ нему съ большими силами. Либекеръ повѣрилъ хитрому обману, до того испугался, что началъ отступать, не смѣлъ воротиться на свой прежній путь, и потерявъ цѣлый мѣсяцъ въ утомительномъ и безполезномъ походѣ, 29-го сентября приблизился къ морскому берегу близъ Колганя, зная, что неподалеку оттуда находится шведская эскадра. Начальствовавшій эскадрою, адмиралъ Анкершернъ затруднился, услышавъ предложеніе Либекера перевезть его въ Финляндію. Когда наконецъ безразсудный Либекеръ началъ перевозить людей на корабли, Апраксинъ явился, напалъ на оставшихся на берегу шведовъ, захватилъ весь обозъ ихъ, взялъ 200 плѣнныхъ, не считая болѣе тысячи убитыхъ и раненыхъ. Либекеръ почелъ себя счастливымъ, когда успѣлъ уйти въ Финляндію съ изнуреннымъ остаткомъ своихъ войскъ. Предпріятіе его было начато и ведено до такой степени безъ всякихъ соображеній, что не взявши съ собой запасовъ, онъ не взялъ даже и пушекъ, хотя предполагалъ осаждать и взять Петербургъ и Шлиссельбургъ, и долженъ былъ послѣ того идти на Нарву, или на Новгородъ. Царь наградилъ Апраксина за его благоразумныя распоряженія чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и титуломъ графа.

Еще безуспѣшнѣе были покушенія Станислава возвратить себѣ власть въ Польшѣ и подчинить ее своему владычеству. Король Августъ, сохраняя договоръ, не являлся въ Польшу, даже стараясь показать видъ совершеннаго невниманія, отправился въ императорскую армію и участвовалъ въ знаменитой компаніи, совершенной тогда во Фландріи принцомъ Евгеніемъ. Но тайные агенты Августа возмущали Польшу, гдѣ соединили силы свои за него Синявскій и Поцей. И Станиславъ и Августъ должны были однакожъ на время оставить всѣ предпріятія; несчастная Польша разоренная семилѣтнею войною, междоусобіями, переходами войскъ, поборами всѣхъ родовъ, опустошеніями со всѣхъ сторонъ, представляла зрѣлище ужаса и гибели. Голодъ терзалъ жителей; селенія являлись опустѣлыя и выжженныя; поля зарастали бурьяномъ и хлѣбъ по нѣскольку лѣтъ не былъ засѣянъ на плодоносныхъ прежде нивахъ. Гніющими трупами усѣяны были лѣса и дороги. Болѣзни были неминуемымъ слѣдствіемъ несчастнаго состоянія Польши и заразительныя повѣтріи начались лѣтомъ 1708 года; въ Варшавѣ умерло тогда отъ нихъ болѣе 15-ти, въ Данцигѣ болѣе 24-хъ тысячъ человѣкъ. Спасая жизнь, народъ бѣжалъ изъ городовъ и селеній. Но едва осенью болѣзни начали прекращаться, междоусобія возобновились. Станиславъ двинулся въ Тикочинъ, Крассовъ и Пултускъ. Синявскій отступилъ къ Люблину, и преслѣ-

дуемый непріятелемъ, перешелъ на Волынь, гдѣ соединился съ русскими, бывшими подъ начальствомъ Гольца. Рыбинскій и Поцей разбили Потоцкаго за Вислою при Конецполѣ; потерявъ болѣе 3000 изъ 8-ми, и 4 пушки, Потоцкій бѣжалъ къ Эльбингу, но шведскій комендантъ, боясь, что поляки совершенно оголодятъ сію страну, прогналъ ихъ оружіемъ, не думая о томъ, что Потоцкій защищалъ дѣло Станислава

Мы упоминали о бунтѣ донскихъ казаковъ и надеждахъ Мазепы на сіе возмущеніе, а равно на бунтъ стрѣльцовъ астраханскихъ. Дѣйствительно, бунтовщики донскіе сносились съ старовѣрами русскими въ Астрахани и съ запорожцами, но собственно бунтъ ихъ произошелъ отъ причинъ особенныхъ и совсѣмъ не былъ общимъ возстаніемъ донцовъ. Мѣры, принимаемыя царемъ для обузданія своевольства казацкаго на Дону, такъ же, какъ въ Малороссіи, производили неудовольствія во многихъ. Сильные гарнизоны въ Азовѣ и въ разныхъ мѣстахъ по Дону смиряли буйство казацкое. Царь запрещалъ поѣзды донцовъ по морю, ссоры съ Крымомъ, несогласія съ калмыками, перекочевавшими тогда на правый берегъ Дона. Почетные изъ казаковъ, награждаемые царемъ и видѣвшіе выгоду повиноваться и невозможность противиться, служили ему ревностно и усердно, унимая ропотъ невѣждъ, старовѣровъ и черни. Донцы ревностно участвовали въ утишеніи бунта астраханскихъ стрѣльцовъ. Кромѣ обыкновеннаго жалованья на войско донское (въ 1705 году состояло оно изъ 5000 рублей, 6000 четвертей хлѣба, 500 ведеръ вина, 155 пудовъ свинцу, и вмѣсто отпуска сукна, за 430 половинокъ деньгами выдано было 2,365 рублей), царь наградилъ услугу донцовъ присылкою 22,000 рублей и частныхъ клейнодовъ (бунчука, пернача, знаменъ).

Видя однакожъ своеволіе многихъ непослушныхъ и притонъ раскольниковъ на Дону, царь отправилъ князя Юрія Долгорукаго прекратить ссоры донцовъ съ малороссіянами за бахмутскія соловарни и съ калмыками за придонскіе луга. Долгорукому велѣно было отыскать и забрать бѣглецовъ и раскольниковъ русскихъ. Строгость изысканія возбудила ропотъ, которымъ воспользовался атаманъ Кондратій Булавинъ. Онъ собралъ шайки мятежниковъ, напалъ врасплохъ на неосторожнаго Долгорукаго, истребилъ отрядъ его, умертвилъ Долгорукаго и призывалъ всѣхъ донцовъ къ мятежу. „Злые бояре и нѣмцы вводятъ царя въ эллинскую вѣру, а отъ православной отводятъ, отняли у насъ нашу казацкую вольность и губятъ насъ,“ писалъ Булавинъ.

Но большая часть казаковъ, оставшаяся вѣрною, и сильное войско русское, остановили мятежъ. Булавинъ бѣжалъ въ Запорожье, вывелъ оттуда новыхъ сообщниковъ, разбилъ отрядъ войскового атамана Максимова, занялъ Черкаскъ въ маѣ 1708 года. Бунтъ сдѣлался опаснымъ болѣе прежняго. Дѣятельныя мѣры царя скоро остановили его. Разбитые на Куртлагѣ, гдѣ собрались въ числѣ 15,000, бунтовщики бѣжали къ Азову и были тамъ снова разбиты. Вѣрные казаки ободрились, ворвались въ Черкаскъ и разогнали мятежниковъ. Булавинъ, осажденный въ своемъ домѣ, долго защищался от-

чаянно, и когда зажгли домъ, онъ не хотѣлъ сдаться и застрѣлился (7-го іюля 1708 года). Смертью его былъ остановленъ бунтъ. Князь Василій Долгорукій, посланный царемъ на Донъ, разыскивалъ всюду укрывавшихся мятежниковъ, и не видя спасенія отъ рукъ неумолимаго правосудія, остальные злодѣи, раскольники и бѣглецы русскіе оставили Донъ, собрались толпами и бѣжали на Кубань подъ предводительствомъ казака Некрасова. Нѣсколько тысячъ мятежниковъ было казнено, наказано и разослано въ ссылку. Дома и имѣнія ихъ отданы на грабежъ. Грозное правосудіе и въ то же время милости и награды вѣрнымъ казакамъ, вскорѣ уничтожили совершенно сѣмяна бунта, положивъ съ тѣмъ вмѣстѣ предѣлъ всякому начинанію смятеній и своевольствъ на будущее время. Буйство донцовъ утихло навсегда. Бѣглецы за Кубань, назвавшись по имени предводителя своего, некрасовцами, не смѣли воротиться на Донъ, поселились на полуостровѣ Таманѣ, и непримиримая ненависть ихъ противъ русскихъ перешла къ ихъ дѣтямъ и потомству. Ослѣпленные грубымъ расколомъ, они не подчинялись власти русскихъ царей, безпрерывно стѣснявшей ихъ распространеніемъ предѣловъ Россіи. Съ Тамани мятежники ушли въ Анапу, потомъ бѣжали въ Анатолію, и въ 1787 году переселились въ Булгарію. Тамъ соединились съ ними другіе бѣглецы русскіе. Подъ именемъ некрасовцовъ жили они на Дунаѣ, выставляли султану до 3000 человѣкъ войска, и всегда свирѣпо сражались съ русскими, хотя хранили вѣру, нравы и одежду отцовъ своихъ. Благотворная десница потомка Петрова присоединила наконецъ сію отпадшую вѣтвь къ великому русскому древу въ 1828 году. Милость царя побѣдила тогда вѣковую ненависть некрасовцевъ, добровольно поддавшихся кроткому владычеству русскаго государя.

Такъ прошелъ тяжкій для царя 1708 й годъ, время упорной, безпрерывной борьбы съ непріятелемъ, когда внутри государства бунты и смятенія угрожали ему, и когда изумительная дѣятельность его не знала покоя, неусыпно сторожа всѣ предѣлы Россіи, слѣдя каждый шагъ врага, устремляясь въ битвы съ нимъ, укрѣпляясь успѣхами только на новые подвиги. Царь забывалъ свои тѣлесныя немощи. Больной поѣхалъ онъ изъ Петербурга въ армію и страдалъ потомъ почти безпрерывно, но не думалъ лѣчиться. Великіе труды предлежали еще ему въ будущемъ, хотя уже вѣрная надежда побѣды освѣтляла душу его. Мазепа, терзаясь отчаяніемъ, уже не надѣялся на Карла XII-го, за годъ до того времени устрашавшаго Европу. Онъ хотѣлъ даже искупить себѣ пощаду новою измѣною и тайно отнесся къ царю, обѣщая предать ему своего покровителя, короля шведскаго. Царь не удостоилъ измѣнника отвѣтомъ. Презрѣніе было отвѣтъ царя.

Разсказъ двѣнадцатый.

Война въ Малороссіи. Полтавская побѣда.

1709 годъ

Но дало русское ура!
Отвѣтъ имъ съ пушками Полтавы!
Жуковскій.

И грянулъ бой—Полтавскій бой!
Пушкинъ.

Мы оставили Карла XII-го на зимнихъ квартирахъ, гдѣ мало спокойствія нашелъ онъ, и гдѣ немного надеждъ на будущее могли освѣжить и успокоить душу его. Только гордость и упрямство короля шведскаго, сказали мы, заставляли его отвергать предложенія объ отступательномъ движеніи за Днѣпръ. Онъ еще разъ умѣлъ обольстить себя надеждами, еще разъ повѣрилъ своему счастью. Счастье давно уже измѣнило ему, а надежды его были бѣдны и почти несбыточны....

Мазепа и онъ все еще думали, что успѣхи привлекутъ къ нимъ малороссіянъ, по крайней мѣрѣ, буйные запорожцы пристанутъ къ нимъ, Польша дастъ помощь войскомъ и деньгами, и наконецъ Турція и хищные крымцы, пользуясь случаемъ мстить Россіи и отнять ея завоеванія, отвлекутъ царя набѣгами и войною. Тщетныя ожиданія! Малороссія стояла крѣпко за царя и не шла на измѣну и бунтъ. Въ запорожцахъ только не ошиблись король шведскій и Мазепа—они возстали. Атаманъ ихъ, Гордеенко, напалъ на русскихъ и явился присягать Карлу XII-му и Мазепѣ. Хитрый Мазепа краснорѣчиво увѣщавалъ запорожцевъ, указывалъ на себя, говорилъ имъ: „Видите, дитки мои, что за вольность вашу я не пощадилъ на старости ни счастья, ни головы моей!“ Гордеенко и товарищи его плакали, клялись умереть за него, но когда потомъ вино разгорячило ихъ за роскошномъ столомъ, Мазепа принужденъ былъ бѣжать отъ своихъ дитокъ, и въ пьяномъ видѣ гости начали бить посуду, даже убили управителя Мазепина, разсерженные какимъ-

то его противорѣчіемъ. Буйство, наглость и безчеловѣчіе запорожцевъ дѣлали ихъ предметомъ общаго презрѣнія въ шведскомъ лагерѣ, хотя и принуждены были сносить всѣ ихъ наглости и буйство, надѣясь примѣромъ ихъ увлечь другихъ. Вскорѣ Карлъ XII-й пересталъ вовсе ждать чего нибудь изъ Польши, узнавши о состояніи сей несчастной страны; онъ могъ опасаться даже за сохраненіе своего войска, въ Польшѣ оставленнаго.

Болѣе благопріятные виды открывались Карлу XII-му на содѣйствіе султана. Ахмедъ III-й, возведенный на престолъ послѣ низверженія янычарами брата его, въ 1703 году, былъ государь честолюбивый и желалъ возвратить Азовъ. Онъ подтвердилъ миръ съ царемъ, присылалъ даже къ нему своего посла, но спорилъ о Таганрогѣ и Азовѣ и безпрерывно угрожалъ войною. Крымцы рады были воспользоваться случаемъ къ набѣгу. Когда громъ шведскаго оружія наполнялъ Европу, посолъ Ахмеда явился въ лагерѣ Карла XII-го. Молва о подвигахъ шведскаго короля долетѣла и въ Царьградъ. Турки прозвали шведскаго короля Желѣзная голова (Темиръ-башъ), такъ, какъ царя Петра называли они послѣ азовскаго похода Бѣлые усы (Акбіикъ). Карлъ XII-й шелъ тогда въ Россію. Онъ обѣщалъ султану союзъ и дружбу и хотѣлъ отправить въ Царьградъ своего посла. Султанъ призналъ польскимъ королемъ Станислава, и посолъ польскій началъ переговоры о союзѣ Швеціи и Турціи противъ Россіи. Посолъ царскій въ Царьградѣ, П. А. Толстой едва могъ преодолѣть тогда интригу польскаго дипломата, обѣщая султану удовлетвореніе на всѣ жалобы его. Въ 1708 году дѣло доходило почти до разрыва. Крымцы уже готовились къ набѣгу.

Но царь не упускалъ изъ вида ни одного обстоятельства, которымъ могли еще льстить себя король шведскій и измѣнникъ гетманъ, сообщникъ его. Рѣшаясь на подвигъ борьбы рѣшительный, онъ умѣлъ предупредить всѣ интриги дипломатики въ Турціи, уничтожить всякую надежду помощи изъ Польши и истребить коренное гнѣздо измѣны, запорожцевъ. Между тѣмъ неусыпно старался онъ воспользоваться всѣми ближайшими средствами вредить шведамъ. Мы говорили о жестокой зимѣ съ 1708 на 1709 годъ. Царь увидѣлъ возможность губить шведовъ стужею, и нападеніями своими началъ вызывать ихъ въ битвы. По рѣшенію военнаго совѣта, бывшаго въ Лебединѣ, гдѣ находилась царская квартира, съ начала декабря открыты были зимніе набѣги русскихъ. Квартира королевская была тогда въ Ромнѣ. Войска шведскія занимали Гадячъ, Лохвицы и Прилуки. Въ теплой одеждѣ, везомые на саняхъ, русскіе отправились въ одно время къ Гадячу и къ Ромну. Услышавъ о нападеніи на Гадячъ, Карлъ XII-й выступилъ самъ изъ Ромны 16-го декабря, но когда пришелъ онъ къ Гадячу, русскіе уже отступили и Роменъ былъ занятъ ими въ его отсутствіе. Шведы простояли въ Гадячѣ два дня на бивакахъ. Морозъ былъ столь жестокій, что птицы мерзли на лету, и 150 русскихъ, не смотря на всѣ предосторожности, отзнобили себѣ руки и ноги. Можно судить, что потерпѣли шведы, въ ихъ легкой, обветшавшей аммуниціи. Карлъ XII-й, какъ будто вознаграждая себя за походъ, хотѣлъ

послѣ сего отнять у русскихъ Веприкъ, и 25-го декабря выступилъ къ сему небольшому городу. Генералъ Ренъ заманилъ его далѣе. Два дня преслѣдовалъ русскихъ Карлъ XII-й среди лютыхъ морозовъ, при чемъ нѣсколько сотенъ шведовъ замерзло. Видя безполезность погони, король шведскій повернулъ обратно и обратился къ Зенькову и Веприку. Онъ взялъ Зеньковъ. Жестокій холодъ принудилъ его возвратиться въ Гадячъ. Царь явился съ войскомъ въ Сумахъ, когда раздраженный упорствомъ защиты Веприка, король самъ лично осадилъ его. Осажденные облили водою земляные валы крѣпости, такъ, что шведы не могли взобраться по скользкой ледяной корѣ, покрывавшей ихъ, и были отбиты. Недостатокъ пороха принудилъ наконецъ русскихъ сдаться, но Веприкъ стоилъ королю дорого: онъ потерялъ 1200 солдатъ и 40 офицеровъ убитыми и ранеными. Въ числѣ раненыхъ были генералъ-маіоръ Штакельбергъ и принцъ Виртембергскій; убиты были полковники братья Шперлинги и Фритцке, подполковники Морнеръ, Лиліенгринъ и графъ Гилденстолпе. Разгнѣванный король сжегъ Веприкъ. Но тяжелый урокъ не выучилъ его, и слыша, что русскіе идутъ изъ Опошни освобождать Сорочинцы, осажденные шведами, опять самъ Карлъ XII-й повелъ войско на русскихъ, погнался за ними къ Краснокутску и едва не попался въ плѣнъ, преслѣдуя отступившихъ съ малымъ отрядомъ, когда русскіе внезапно обратились и напали на него. Онъ былъ впрочемъ весьма доволенъ, что успѣлъ расплатиться за всѣ неудачи разбитіемъ небольшого русскаго отряда. За то русскіе отмстили ему въ Опошнѣ. Карлъ XII-й рѣшился напасть, въ началѣ февраля, на Ахтырку. Царь немедленно удалился оттуда, а король шведскій опять едва спасся отъ плѣна въ опустѣлой мельницѣ, когда русскіе напали въ превосходной силѣ. Оскорбленный неудачею, Карлъ XII-й усилилъ свои нападенія и велѣлъ наконецъ жечь и грабить беззащитные городки и селенія. Краснокутскъ, Городня, Коломакъ, Рублевка, Колонтаевка были опустошены и выжжены. Шереметевъ успѣлъ отплатить шведамъ за разоренія ихъ нападеніемъ на Рашевку (14-го февраля), гдѣ взятъ былъ въ плѣнъ шведскій полковникъ Альбедиль. Генералъ Крейцъ едва спасся тогда отъ русскихъ изъ Лохвицы. Оттепель, внезапно наставшая въ февралѣ, дозволила шведамъ выступить изъ опустошенныхъ зимою мѣстъ. Главная квартира королевская перешла въ Опошню 26-го февраля, и въ Будищи 2-го марта. Шведы сосредоточивались близъ Полтавы, между рѣками Пселомъ и Ворсклою. Русскіе сдвинулись къ берегамъ Пела. Наступила весна. Надлежало приступать къ дѣйствіямъ рѣшительнымъ. Что̀ хотѣлъ предпринять Карлъ XII-й? Зимою онъ показалъ уже уступчивость и довѣріе къ великодушію непріятеля; до тѣхъ поръ неслыханныя — послалъ къ царю, прося его отпустить лѣкарствъ, въ которыхъ терпѣли недостатокъ шведы, и предложилъ размѣнять плѣнныхъ и заключить перемиріе на время зимнихъ холодовъ, говоря, что недостойно просвѣщенныхъ государей губить себя взаимно столь безчеловѣчнымъ образомъ. Царь обрадовался присылкѣ и велѣлъ отпустить лѣкарства въ изобиліи. Ему говорили, что онъ спасаетъ тѣмъ отъ

гибели своего непріятеля. „Да,“ отвѣчалъ онъ—„я воюю со шведами и изыскиваю всѣ средства къ ихъ гибели, но никогда не забуду чувствъ человѣколюбія.—Я иначе поступилъ бы—сказалъ ему говорившій съ нимъ. „И я, можетъ быть, еслибы не былъ царь!“ возразилъ Петръ. Въ перемиріи и прекращеніи военныхъ дѣйствій онъ отказалъ рѣшительно, и велѣлъ сказать королю шведскому, что готовъ заключить прочный миръ, если король согласится на честныя условія. Карлъ XII-й горделиво отвѣчалъ, что и онъ готовъ мириться, если русскіе отдадутъ все взятое ими у шведовъ и заплатятъ Швеціи убытки, причиненные войною. И такъ мира не могло быть. Царь даже и не отвѣтствовалъ на несообразное требованіе непріятеля. Жребій увлекалъ Карла XII-го. Зимняя война продолжалась послѣ сего свирѣпо съ обѣихъ сторонъ. Ни шведы, ни русскіе не щадили другъ друга.

Не смотря на болѣзнь, забытую среди кочевой лагерной жизни, продолжавшейся въ теченіе слишкомъ года, считая съ отъѣзда изъ Петербурга въ январѣ 1708-го, царь не могъ и подумать объ отдыхѣ. Время перехода отъ зимы къ лѣту рѣшился онъ употребить на поѣздку въ Воронежъ, гдѣ готовился у него сильный флотъ. Царь хотѣлъ самъ вывести его въ море, предположивъ совершить подвигъ смѣлый: если султанъ не прекратитъ требованій и не подтвердитъ мира, отправить флотъ свой въ Черное море, разбить турецкій флотъ, состоявшій всего изъ 27-ми кораблей, и идти къ Царьграду, угрожая столицѣ султана. На пути въ Азовъ, царь хотѣлъ обозрѣть едва только усмиренныя и успокоенныя области донскихъ казаковъ. Препоручивъ войско свое Шереметеву и Меншикову, и снабдивъ ихъ подробными наставленіями, царь выѣхалъ изъ Сумъ, февраля 3-го, посѣтилъ Меншикова въ Ахтыркѣ, пробылъ у него четыре дня, и черезъ Бѣлгородъ, Корочу и Старый Осколъ пріѣхалъ въ Воронежъ 13-го февраля, продолжая путь въ саняхъ и въ телѣгѣ, по причинѣ наступившихъ оттепелей.

Желая отдохнуть здѣсь въ семействѣ родныхъ и среди милыхъ ему людей, и какъ будто опасаясь не въ послѣдній ли разъ увидитъ ихъ, ибо великое, опасное дѣло, гдѣ не хотѣлъ онъ щадить жизни, предстояло ему, царь вызвалъ въ Воронежъ изъ Москвы сестру свою, царевну Наталію, изъ Петербурга Ѳ. М. Апраксина, изъ Малороссіи царевича Алексѣя и Меншикова. Какъ будто въ мирное время, спокойно занимался онъ дѣлами, спустилъ на воду нѣсколько кораблей, приготовилъ флотъ свой, и по вскрытіи рѣкъ, отпустя Меншикова въ армію, отправился съ Апраксинымъ въ Азовъ по Дону. Въ Черкаскѣ радостно встрѣтили его прежніе азовскіе соратники, донскіе казаки. Царь угощалъ ихъ по три дня, выставляя имъ бочки пива и меду. Онъ запросто ходилъ между донцами и любовался ихъ вольнымъ казацкимъ разгуломъ. Въ Азовъ прибылъ царь 27 го апрѣля. „Слава Богу,“ писалъ онъ Меншикову, „здѣсь нашелъ я все хорошо, и хоть иное и не такъ, потому что гдѣ хозяинъ долго не бывалъ, исправности во всемъ требовать невозможно, но нельзя не порадоваться, что тамъ, гдѣ за десять лѣтъ была пустыня, нынѣ устроились городъ и портъ.“ Принужденный лѣ-

читься, ибо наконецъ болѣзнь преодолѣла его, царь съ сердечною грустью увѣдомлялъ Меншикова, что сильныя лѣкарства совершенно его обезсилили. „Во истину отъ нихъ я, какъ ребенокъ, безсиленъ сталъ,“ писалъ онъ. „Но ничто не удерживало его отъ трудовъ. Въ Азовѣ и Таганрогѣ распоряжался онъ дѣйствіями войскъ, дождался своего флота изъ Воронежа, вывелъ его въ море, и не смотря на бурное время экзерцировалъ его, разсылая между тѣмъ всюду приказы и отряжая войско на запорожцевъ. Безпрерывные успѣхи во всѣхъ дѣлахъ радовали царя. Султанъ встревожился, слыша о флотѣ русскомъ, явившемся въ Черномъ морѣ. Онъ отвергъ предложенія Станислава, подтвердилъ миръ съ Россіею, и строго запретилъ вооружаться и начинать войну крымскому хану. Между тѣмъ полковникъ Яковлевъ, посланный изъ Кіева, спустился по берегамъ Днѣпра, и тщетно предлагавши помилованіе буйнымъ запорожцамъ, разорилъ одинъ изъ притоновъ ихъ, крѣпость Переволочну. Наказаніе только еще болѣе раздражило мятежниковъ, Яковлевъ послалъ въ Сѣчу чиновника переговорить съ ними. Запорожцы бросили посланнаго въ Днѣпръ и всѣ вооружились на отчаянную защиту. Тогда Яковлевъ осадилъ главное скопище мятежниковъ, Сѣчу ихъ, находившуюся за днѣпровскими порогами, на рѣкѣ Чертомлыкѣ. Напрасно еще разъ объявляли бунтовщикамъ помилованіе. Мятежники отвергли всякую милость царскую. Яковлевъ пошелъ на приступъ, и не смотря на отчаянное сопротивленіе запорожцевъ, взялъ Сѣчу и захватилъ главныхъ бунтовщиковъ. Не успѣвшіе спастись бѣгствомъ погибли подъ штыками раздраженныхъ солдатъ. Болѣе 100 пушекъ найдено было въ Сѣчѣ. По приказанію царя, Яковлевъ опустошилъ, сжегъ и уничтожилъ гибельное гнѣздо бунтовщиковъ. Немногіе изъ нихъ спаслись и успѣли достигнуть шведской арміи, но они не нашли уже тамъ своего отважнаго атамана: Гордеенко погибъ въ одномъ изъ смѣлыхъ наѣздовъ на царское войско. Ненависть запорожцевъ была такъ сильна, что они хотѣли лучше умереть со шведами и бѣжать къ туркамъ, нежели покоряться. Царь объяснилъ необходимость строгаго наказанія запорожцевъ въ манифестѣ своемъ, обѣщая пощаду всѣмъ изъ нихъ, кто явится съ покорностью, и восхваляя непоколебимую вѣрность Малороссіи.

Въ Польшѣ удачно дѣйствовалъ тогда генералъ Гольцъ. Соединясь съ Синявскимъ и Огинскимъ, онъ разбилъ войско Сапеги близъ Берестечка (мая 11-го). Потерявъ до 2,000 убитыми, Сапега бѣжалъ въ Галицію, гдѣ укрывались остатки войскъ Потоцкаго. Станиславъ и Августъ ничего не предпринимали. Изъ Помераніи на помощь Крассову явилось нѣсколько шведскихъ полковъ. Шведы занимали Сандомиръ. Станиславъ былъ въ Краковѣ.

Казалось, вниманіе всѣхъ въ Россіи, Польшѣ и Швеціи, начиная съ великолѣпныхъ дворцовъ царскихъ и королевскихъ въ Москвѣ, Стокгольмѣ и Варшавѣ, до бѣдной хижины поселянина на берегахъ Тобола и Торнео, сосредоточивалось тамъ, куда на дѣло рѣшительное, на послѣднюю битву, на окончаніе девятилѣтней войны, начавшейся на берегахъ Зеландіи и перешедшей въ степи Украинскія, сходились царь Петръ и король Карлъ.

Казалось, всюду умолкла тогда брань и вездѣ ждали главнаго рѣшенія вопроса: кому пасть?—Вскорѣ общее вниманіе сосредоточилось на одномъ изъ небольшихъ городковъ Малороссіи, имя коего перешло въ исторію съ именемъ царя-побѣдителя. Сей городокъ былъ Полтава.

Можно было ожидать, что король шведскій, дѣятельно производившій мелкую войну въ концѣ 1708-го и въ началѣ 1709-го года, оживетъ духомъ съ наступленіемъ времени болѣе благопріятнаго военнымъ дѣйствіямъ. Могли предполагать, что отвергнувши въ послѣдній разъ предложенія мира съ прежнею неукротимою гордостью, онъ готовитъ какой-нибудь новый, неожиданный ударъ, и геній его, даже и погибая, освѣтитъ еще паденіе его блескомъ величія, и если и падетъ онъ, то, по крайней мѣрѣ, падетъ со славою. Настала весна, время проходило, дни летѣли; положеніе шведовъ становилось болѣе и болѣе гибельно; надежды ихъ болѣе и болѣе разрушались—Карлъ XII-й безмолвствовалъ, бездѣйствовалъ, не предписывалъ никакихъ движеній, не знаменовалъ себя ни чѣмъ отважнымъ, блестящимъ. Казалось, геній его погасъ и изобрѣтательный умъ его утомился Онъ медлилъ, коснѣлъ, и наконецъ увлекся въ военныя дѣйствія, цѣль коихъ донынѣ тщетно думаетъ разрѣшить исторія. Упорство, съ какимъ Карлъ XII-й производилъ сіи явно безполезныя дѣйствія, осталось бы для насъ вовсе неразрѣшимымъ, если бы мы не видѣли изъ всѣхъ дѣлъ шведскаго короля, что съ перехода своего за Десну онъ не имѣлъ уже никакой цѣли въ своихъ дѣлахъ—онъ былъ обреченная жертва судьбы непостижимой, окончательно взвѣсившей тогда на вѣсахъ своихъ жребіи Россіи и Швеціи.

Мы говорили, что съ наступленіемъ весны шведское войско двинулось съ зимнихъ квартиръ, стало южнѣе, при рѣкѣ Ворсклѣ, сосредоточиваясь между Ворсклою и Пселомъ. Полтава была тогда небольшой городъ на берегу Ворсклы, главный въ казацкомъ полку сего имени, по причинѣ близости къ предѣламъ черноморскихъ степей, защищенный крѣпостью, состоявшею изъ земляныхъ валовъ и рва, составлявшихъ собою продолговатый, неправильный четыреугольникъ. Крѣпость сія находилась на возвышенномъ мѣстѣ, одинъ край котораго круто сходитъ къ Ворсклѣ и къ рѣчкѣ Полтавкѣ, впадающей въ Ворсклу, ниже города. Другая сторона полтавской возвышенности сходила отлогимъ косогоромъ въ долину. Полтава составляла небольшой хуторъ казачій въ началѣ XVII вѣка, но въ 1709 г. въ ней уже было до 4000 жителей. Здѣсь находились небольшіе запасы, и составляя собою точку опоры для дѣйствій по теченію Ворсклы, Полтава была заранѣе, по распоряженію предусмотрительнаго царя, занята сильнымъ русскимъ гарнизономъ, подъ начальствомъ извѣстнаго храбростью полковника Келина. Предвидѣніе царя оправдалось, когда Карлъ XII-й рѣшился взять Полтаву, хотя овладѣніе ею не представляло собственно никакой существенной выгоды шведамъ. Кажется, что въ началѣ самъ Карлъ XII-й презиралъ ничтожный городишко и считалъ завоеваніе его дѣломъ мимоходнымъ. Но когда осажденные отвергли его предложенія о сдачѣ, когда потомъ упорно начали они защищать Пол-

таву, раздраженный сопротивленіемъ ихъ, Карлъ XII-й положилъ овладѣть Полтавою во что бы то ни стало. И почти два мѣсяца истощалъ онъ безполезныя усилія, губилъ войско и время, какъ будто вовсе не думалъ онъ о томъ, что его отвсюду окружаютъ сильныя русскія войска. Онъ не препятствовалъ имъ спокойно совершать всѣ свои движенія, даже не пользовался ошибками, какія сдѣлали въ то время русскіе военачальники, не руководимые личнымъ присутствіемъ царя.

Апрѣля 2-го Карлъ XII-й осмотрѣлъ Полтаву. Апрѣля 4-го шведы хотѣли взять ее приступомъ, но были отбиты. Началась осада; она была однакожъ ведена такъ медленно, что только 25-го апрѣля шведы вполнѣ обложили крѣпость и начали надлежащія осадныя работы. Узнавъ о томъ, царь предписалъ отнюдь не допускать шведовъ завладѣть Полтавою. Меншиковъ, начальствовавшій отдѣльнымъ корпусомъ за Ворсклою, пока Шереметевъ все еще стоялъ за Пселомъ, думалъ отвлечь шведовъ отъ осады нападеніемъ на Опошню. Генералъ Роосъ, захваченный внезапно, уступилъ послѣ слабаго сопротивленія, но приближеніе короля шведскаго изъ Будищъ заставило Меншикова отступить за Ворсклу. Роосъ потерялъ 2 пушки; до 3000 шведовъ попалось въ плѣнъ, до 600 было убито. Король шведскій перешелъ къ деревнѣ Жукамъ близъ Полтавы и продолжалъ осаду сего города, предоставляя Меншикову стоять противъ Полтавы за Ворсклою, не думая воспользоваться раздѣленіемъ русскаго войска и невыгодною позиціею Меншикова. Шведы вели осадныя работы тихо и медленно. Келинъ храбро ходилъ на вылазки, кромѣ 4000 гарнизона вооруживъ еще 2500 жителей. Показывая видъ, что снова хочетъ перейти за Ворсклу, Меншиковъ отвлекъ вниманіе осаждавшихъ и успѣлъ ввести помощь въ Полтаву. Карлъ XII-й горько улыбнулся, услышавъ о томъ, и сказалъ: „Видите ли, что мы научили москвитянъ воевать?“ И снова, не думая о невыгодной, ни чѣмъ неприкрытой позиціи Меншикова, когда шведы могли переправиться за Ворсклу ниже и выше Полтавы, отрѣзать русскій корпусъ со всѣхъ сторонъ, принудить его къ битвѣ, и превосходя въ силахъ, разбить, или такъ далеко отогнать, что онъ не могъ бы послѣ сего препятствовать ни взятію Полтавы, ни удару на Шереметева, слишкомъ отдалившаго свои войска отъ войскъ Меншикова. Карлъ XII-й довольствовался только тѣмъ, что отражалъ нерѣшительныя и худо обдуманныя движенія Меншикова и продолжалъ осаду Полтавы. Прошло два мѣсяца драгоцѣннаго времени. Царь, издали видѣвшій ошибку своихъ полководцевъ, разъединившихъ войска и дѣйствія, и подвергавшихъ себя опасности, безпокоился, писалъ, приказывалъ имъ соединяться и загладить тѣмъ свою неосторожность, спѣша между тѣмъ самъ прибыть въ армію. Миръ съ Турціею былъ подтвержденъ. Запорожцы были уничтожены. Донъ былъ спокоенъ. Польша отрѣзана отъ шведовъ. Оставалось окончательно рѣшить распрю съ Карломъ XII-мъ. Царь выѣхалъ изъ Таганрога 31-го мая, ѣхалъ степью на Бахмутъ, Изюмъ, Харьковъ, и 4-го іюня прибылъ на русскій лагерь подъ Полтавою, гдѣ еще 26-го мая, до пріѣзда его, успѣли соединиться

силы Шереметева и Меншикова. Погибель шведовъ была послѣ сего неизбѣжна.

Все войско шведовъ, послѣ перехода изъ Литвы, битвъ и зимняго пребыванія въ Малороссіи, составляло не болѣе 28,000 человѣкъ, съ тремя десятками пушекъ и малымъ количествомъ артиллерійскихъ снарядовъ, не говоря уже о нравственномъ упадкѣ шведской арміи, разстройствѣ состава ея полковъ, недостаткѣ аммуниціи, изнуреніи людей и упадкѣ духомъ самого Карла XII го. Русское войско, вполнѣ всѣмъ снабженное, пользуясь всѣми удобствами жизни, бодрое, оживленное надеждами и присутствіемъ царя, при многочисленной артиллеріи, самымъ количествомъ превосходило шведовъ вдвое, составляя болѣе 50,000 человѣкъ. Дальнѣйшее промедленіе рѣшить дѣло генеральною битвою было бы непростительною робостью, а ей чуждъ былъ царь, только предусмотрительный и осторожный. Потому съ самаго пріѣзда своего рѣшился онъ дать генеральную битву. Надлежало распорядиться войскомъ и выбрать мѣсто.

Карлъ XII-й продолжалъ бездѣйствовать, хотя послѣ сближенія всѣхъ русскихъ войскъ за Ворсклу и онъ сдвинулъ всѣ свои войска къ Полтавѣ, располагая ихъ около города по теченію Ворсклы и занимая правый берегъ сей рѣки отдѣльными отрядами до самаго впаденія ея въ Днѣпръ ниже Полтавы, въ Старыхъ Санжарахъ, Бѣликахъ и Переволочнѣ. Неужели онъ готовилъ мѣры къ отступленію? Нѣтъ! Распоряженіе сдѣлано было безъ всякой цѣли, и безполезно отдѣлена была часть шведовъ, ибо между тѣмъ Карлъ XII-й усиливался овладѣть Полтавою и готовился дать генеральную битву русскимъ, все еще не сомнѣваясь въ ея успѣхѣ!

Іюня 1 го началось бомбардированіе Полтавы. Шведы бросили 32 бомбы, произведшія въ городѣ сильный пожаръ, и когда осажденные кинулись тушить его, непріятель устремился на приступъ и взошелъ на крѣпостные валы. Предоставляя женщинамъ и старикамъ потушеніе пожара, осажденные спѣшили сражаться и отбили шведовъ. Іюня 2-го Рейншильдъ прислалъ требовать сдачи города, представляя осажденнымъ невозможность защиты. Келинъ отвѣчалъ вылазкою, захватилъ у шведовъ 4 пушки, и ночью, въ другой вылазкѣ, отбилъ еще двѣ пушки. Іюня 4-го царь открылъ сообщеніе съ городомъ черезъ рѣку, бросая письма въ Полтаву въ пустыхъ бомбахъ. Радостно узнали осажденные о прибытіи въ русскую армію царя, и отвѣчали, что имъ, „угнетаемымъ силою непріятеля, не вѣрится пришествіе спасителя, какъ апостолу Ѳомѣ не вѣрилось воскресеніе Христа.“—„Спаси насъ погибающихъ!“ писали они. Укрѣпленные надеждою, полтавцы поспѣшили въ соборную городскую церковь, поклялись не сдаваться, и опредѣлили казнить, какъ измѣнника, каждаго, кто осмѣлится предложить о сдачѣ города.

Прибытіе царя скоро узнали и въ шведскомъ лагерѣ, примѣтивъ усиленную быстроту и живость движенія русскаго войска, слыша радостные клики русскихъ воиновъ, замѣтивъ наконецъ самого царя, осматривавшаго окрестное мѣстоположеніе. Осада Полтавы была остановлена. Царь хотѣлъ не-

медленно перевесть войско свое на правый берегъ Ворсклы и напасть на непріятеля 8-го, потомъ 14 іюня. Іюня 7-го Карлъ XII-й сблизилъ все войско въ окрестности Полтавы, перешелъ за рѣку Полтавку и укрѣпился редутомъ на лѣвомъ берегу ея. Но все еще, ничего не довѣряя случайности, царь отлагалъ битву, и всѣ дѣйствія русскихъ ограничились нѣсколькими удачными схватками. Іюня 10-го русскій гарнизонъ, взятый въ Веприкѣ и содержавшійся въ Санжарахъ, извѣстилъ царя о слабости надзора надъ нимъ. Царь послалъ сильный отрядъ войска. Плѣнные перебили стражу во время смятенія, соединились съ избавителями своими, и русскіе удалились, захвативъ двѣ пушки и освободивъ тысячу плѣнныхъ. Не смотря на проливной дождь, 13-го іюня царь перевелъ за Ворсклу нѣсколько полковъ, поставилъ ихъ въ засадѣ, и смѣлымъ нападеніемъ на шведовъ и поспѣшнымъ отступленіемъ навелъ ихъ на засаду. Въ смятеніи бѣжали шведы. Самъ король шведскій бросился удерживать бѣгущихъ. Осажденные полтавцы увѣдомили наконецъ царя, что у нихъ всѣ припасы артиллерійскіе истощились. Онъ назначилъ уже тогда мѣсто битвы, и 16-го іюня началась переправа русскихъ войскъ за Ворсклу. Скрывая настоящее мѣсто, гдѣ располагалъ дать сраженіе, царь въ одно время двинулъ войско ниже и выше Полтавы. Пока выше Полтавы русскіе усиливали дѣйствія, отвлекая вниманіе непріятеля, другіе русскіе корпуса перешли Ворсклу при самомъ впаденіи Полтавки, на правомъ берегу которой находился самъ король шведскій, наблюдая движеніе непріятеля. Царь показывалъ, что хочетъ перейти Полтавку для освобожденія крѣпости, но гораздо ниже переходили въ то время русскіе, и 20-го числа вся армія русская была уже на правомъ берегу Ворсклы. По мѣрѣ перехода за рѣку, русскіе ограждали себя ретраншаментами.

Карлъ XII-й понялъ наконецъ намѣреніе непріятеля, но неожиданное, несчастное событіе отняло у него средства распорядиться дѣйствіями, не допустить русскихъ укрѣпиться и доставить шведамъ выгоду сражаться во время переправы непріятеля черезъ рѣку Ночью, осматривая положеніе мѣста, король шведскій наѣхалъ на казацкій пикетъ, увидѣлъ казаковъ, безпечно лежащихъ на землѣ, не вытерпѣлъ, сошелъ съ лошади и застрѣлилъ одного изъ казаковъ. Встревоженные товарищи убитаго выстрѣлили въ скрытаго непріятеля на удачу, бросились на лошадей и ускакали. Одна изъ пуль казацкихъ ранила короля шведскаго въ ногу. Онъ скрылъ жестокую боль, возвратился въ лагерь, но его принуждены были уже снять съ лошади, ослабѣвшаго отъ сильнаго истеченія крови. Ужасъ объялъ всѣхъ, когда врачи объявили, что рана опасна и надобно будетъ отнять ногу. Только одинъ изъ хирурговъ заспорилъ, доказывая, что глубокіе прорѣзы достаточны отвратить опасную операцію. Карлъ XII-й согласился съ нимъ, велѣлъ ему дѣйствовать немедленно и протянулъ ногу. Врачъ взялъ инструменты и задрожалъ. „Рѣжь! Чего ты боишься?“ сказалъ ему король. Онъ самъ держалъ ногу свою во все время мучительной операціи. Жестокій обморокъ былъ слѣдствіемъ необыкновеннаго тѣлеснаго усилія. Два дня потомъ король

шведскій не выходилъ изъ палатки своей и послѣ того не могъ уже сѣсть на лошадь Такъ неумолимая судьба, какъ будто хотѣла показать, что оставляетъ Карла XII-го на погибель въ рѣшительную минуту. Но воля Карла XII-го все еще была непобѣдима. Онъ велѣлъ сдѣлать себѣ носилки и качалку, въ коихъ носили его на рукахъ и возили на лошадяхъ. Блѣдный, слабый, онъ являлся по прежнему непоколебимымъ, даже казался веселымъ, шутилъ, ободряя своихъ унылыхъ солдатъ. Но тѣлесныя страданія отражались во всѣхъ его дѣйствіяхъ, когда и безъ того уже не былъ онъ прежнимъ Карломъ XII мъ. Для чего не протянулъ онъ тогда руки на миръ и союзъ съ великимъ соперникомъ своимъ такъ, какъ хотѣлъ онъ подать ему руку свою потомъ черезъ девять лѣтъ!

Мѣсто, избранное царемъ для битвы, простиралось, какъ мы сказали, по берегу Ворсклы, отъ лѣваго берега Полтавки, теченіе которой составляло съ правымъ Ворскленскимъ берегомъ уголъ на лѣвомъ флангѣ русскаго лагеря. Болотистые берега обѣихъ рѣкъ и редуты, а далѣе, къ верховьямъ Полтавки, густой лѣсъ, раздѣляли русскихъ отъ шведовъ. Здѣсь, примыкаясь тыломъ къ Ворсклѣ, царь укрѣпился обширнымъ ретраншаментомъ, передъ которымъ простиралась, почти на три версты въ ширину, обширная долина, ограничиваясь густымъ лѣсомъ далѣе съ сѣверной стороны. Сей лѣсъ склонялся отсюда къ другому лѣсу въ верховьяхъ Полтавки, и между ними оставался промежутокъ версты на двѣ, составлявшій, какъ будто, проходъ, или ворота на долину, гдѣ расположилось русское войско. Черезъ сей-то проходъ хотѣлъ устремиться царь съ войскомъ и напасть на шведовъ, стѣсняя ихъ къ Полтавѣ и берегу Ворсклы за лѣсъ по теченію Полтавки. Мѣсто было также обширно и свободно для принятія шведовъ, если бы они вздумали (какъ и случалось впослѣдствіи) предупредить русскихъ нападеніемъ.

Когда, черезъ два дня послѣ тяжкой операціи, Карлъ XII-й могъ уже лично распоряжаться дѣйствіями войскъ, онъ осмотрѣлъ русскій лагерь и рѣшилъ напасть на русскихъ, не смотря на то, что далъ имъ время сильно укрѣпиться. Но сперва хотѣлъ онъ кончить дѣло съ Полтавою, опасаясь оставить во флангѣ, или съ тыла, не взятую крѣпость. Гордость его страдала, видя ничтожный городишко устоявшимъ противъ всѣхъ его усилій. Велѣно было—взять Полтаву.

Іюня 21-го, вечеромъ, шведы зажгли подкопъ, но безуспѣшно, ябо осажденные уничтожили дѣйствіе его—контра-миною. Шведы съ воплемъ устремились на валы. Осажденные отбили ихъ, но всю ночь продолжали шведы тревогу и пальбу. Думая, что утомленные защитники не въ силахъ болѣе противиться, на разсвѣтѣ осаждающіе упорно устремились снова со всѣхъ сторонъ. Битва была свирѣпая, остервенѣлая. Осажденные устояли. Шведы были отбиты. Отдыхъ былъ непродолжительный. Бомбы полетѣли въ городъ и подъ защитою сильной канонады шведы взошли на валъ. Отчаяніе еще разъ одушевило осажденныхъ - женщины, дѣти, отроки, всѣ пошли въ

бой, дрались бросались въ огонь, тушили пожары, спасали раненыхъ, уносили убитыхъ. Къ вечеру непріятель отступилъ. Келинъ видѣлъ, что далѣе держаться у него уже не было средствъ. Онъ истощилъ послѣднія усилія. Но ничто не сокрушало мужественныхъ полтавцевъ. Опять въ соборномъ храмѣ полтавскомъ собрались всѣ жители и подтвердили клятву—умереть. Одинъ изъ присутствовавшихъ въ соборѣ осмѣлился сказать, что гибель явная ждетъ ихъ, и не лучше ли для спасенія жизни сдаться и просить пощады? Негодованіе разлилось во всемъ собраніи. „Смерть измѣннику!“ закричали всѣ. Напрасно хотѣли уговорить раздраженныхъ пощадить несчастнаго. Онъ едва испросилъ позволеніе причаститься св. таинъ, былъ извлеченъ изъ храма и побитъ каменьями. Простившись послѣ сего другъ съ другомъ и обрекаясь на смерть, полтавцы пошли на валъ и ждали приступа. Но великодушныхъ защитниковъ Полтавы пощадило Провидѣніе—приступъ 22-го іюня былъ самый ужасный, и—послѣдній. Карлъ XII-й готовился въ битву и оставилъ осаду Полтавы, приказавъ только держать осажденныхъ въ страхѣ. Пальба по крѣпости продолжалась. Безпрерывная тревога не давала покоя осажденнымъ, но приступа не было. Упорство Полтавы и храбрая защита ея стоили 6,000 войска, погибшаго въ продолженіе осады. Осажденные потеряли во все время ея убитыми 1,186, и ранено изъ нихъ было 1,728 человѣкъ. Потомки мужественныхъ и вѣрныхъ полтавцевъ могутъ гордиться своими предками: отцы ихъ были достойны Петра Великаго.

Когда съ обѣихъ сторонъ готовились на бой послѣдній, царь, вымышляя вѣрныя средства побѣды, придумалъ новую ограду русскому войску. Опасаясь стремительнаго напора шведовъ, если они нападутъ, и сохраняя защиту на случай отступленія, если будетъ самъ нападать, онъ велѣлъ устроить въ промежуткѣ между двумя лѣсами (о которомъ мы упоминали выше) шесть сильныхъ редутовъ, занявшихъ весь сей промежутокъ и расположенныхъ на ружейный выстрѣлъ одинъ отъ другого. Предполагая дать битву въ день именинъ своихъ, 29-го іюня, готовя ее, какъ будто пиръ торжественный, царь велѣлъ сдвигаться къ Полтавѣ гетману Скоропадскому съ казаками, стоявшему выше по Ворсклѣ, ждалъ еще 40,000 калмыковъ, поспѣшавшихъ къ нему съ Дона, изъ числа которыхъ 3,000 пришли 5-го іюня. Но Карлъ XII-й предупредилъ царя.

Іюня 25-го перебѣжалъ къ шведамъ нѣмецъ унтеръ-офицеръ семеновскаго полка, и опасеніе, что онъ можетъ открыть непріятелю подробности приготовленій къ битвѣ, заставило царя поспѣшить сраженіемъ. Онъ усилилъ предосторожность, приказавъ начать отъ линіи редутовъ между лѣсами еще новую линію, перпендикулярно къ срединѣ ихъ, состоявшую изъ четырехъ редутовъ; не забылъ даже и того, что одинъ изъ новонабранныхъ полковъ, за недостаткомъ зеленаго сукна, былъ одѣтъ въ сѣрые мундиры, и опасаясь, что непріятель, по указанію перебѣжчика, усилитъ на него нападеніе, велѣлъ обмѣняться ему мундирами съ однимъ изъ самыхъ старыхъ, лучшихъ пол-

ковъ, новгородскимъ. Увидимъ, что предусмотрительность царя была не напрасная.

Утромъ 26-го іюня царь распорядилъ диспозицію войскъ въ совѣтѣ своихъ генераловъ. Въ 1-мъ часу пополудни перебѣжалъ къ русскимъ полякъ и извѣстилъ о наступательномъ приготовленіи шведовъ. „На зачинающаго Богъ!“ сказалъ царь, велѣлъ выходить полкамъ изъ ретраншаментовъ и строиться на полѣ. „Товарищи!“ говорилъ онъ, объѣзжая полки—„завтра кончимъ мы войну битвою съ непріятелемъ, уже въ половину побѣжденнымъ. Съ нами Богъ и побѣда!“ Радостными кликами отвѣчало войско. Въ словахъ своихъ гвардейскимъ офицерамъ царь напоминалъ гордыню, свирѣпость непріятеля, гибель, къ которой обрекалъ онъ Россію. „Съ нами Богъ, крѣпкій во браняхъ,“ продолжалъ царь, „и во имя Его укротится зѣвъ львиный, притупится оружіе, угаснетъ сила огненная — вѣрующему все возможно!“— „Государь!“ отвѣчалъ ему князь М. М. Голицынъ, старшій полковникъ гвардіи—„мы тѣ же, которыхъ ты видѣлъ подъ Лѣснымъ—уповаемъ на Бога и не измѣнимъ тебѣ!“ „И я уповаю!“ воскликнулъ царь. Онъ поспѣшилъ къ полковникамъ всѣхъ полковъ, собраннымъ отдѣльно, говорилъ съ ними, и на слова его: „Порадѣйте, товарищи! Церковь и отечество ждутъ нашего подвига!“ послышались радостные клики. Имъ вторили восклицанія воиновъ: Съ нами Богъ! Ура! Полки двинулись и стали на свои мѣста.

Царь принималъ на себя главное начальство, не смѣя довѣрить его никому изъ подчиненныхъ. Фельдмаршалъ Шереметевъ назначался командиромъ центра, Аллартъ лѣваго, князь М. М. Голицынъ праваго крыла, Меншиковъ всей конницы, князь А. И. Рѣпнинъ пѣхоты, Брюсъ артиллеріи. Планъ царя состоялъ въ томъ, что 17 конныхъ и 2 пѣхотныхъ полка стали за редутами, съ генералами Бауромъ и Реномъ, между двухъ лѣсовъ (редутами начальствовалъ бригадиръ Айгустовъ); 6 полковъ конныхъ, подъ начальствомъ князя Волконскаго, были на сообщеніи съ казаками и калмыками, расположенными ближе къ Полтавкѣ; 58 батальоновъ пѣхоты находились у ретраншамента, а за нимъ стали остальныя нерегулярныя войска. Задержавъ сколько можно непріятеля у редутовъ, конница должна была отступать, идти направо и соединяться съ главною арміею, подъ прикрытіемъ артиллеріи ретраншамента. Совершивъ сіе движеніе, войска должны были быстро двинуться, не давая непріятелю времени устроить свои ряды.

Карлъ XII й съ вечера приказалъ Рейншильду готовить въ бой шведское войско. Рейншильдъ требовалъ диспозиціи. „Я самъ буду съ вами,“ отвѣчалъ король. Рейншильдъ молча вышелъ изъ палатки. Его встрѣтилъ Пиперъ, и на вопросъ: „Что новаго?“ — „Рейншильдъ отвѣчалъ угрюмо: „Ничего.“ „Рейншильдъ ничего не сказалъ тебѣ?“ спросилъ Карлъ XII-й, когда Пиперъ вошелъ къ нему въ палатку. „Ничего, государь,“ отвѣчалъ Пиперъ. „Хорошо. Такъ знай же, что мы завтра деремся,“ сказалъ король, помолчавши съ минуту. Пиперъ содрогнулся. „Да,“ прибавилъ Карлъ. „Твои дѣла послѣ—оставь меня. Я хочу спать.“ Безмолвно вышелъ Пиперъ. Карлъ XII-й заснулъ спокойно.

Въ полночь шведское войско устроилось къ бою, пѣхота въ четыре, конница въ шесть колоннъ передъ русскими редутами. Не замедлилъ явиться Карлъ XII-й, везомый въ качалкѣ. Казалось, видъ добрыхъ, храбрыхъ воиновъ снова оживилъ его. Онъ былъ веселъ, распоряжался хладнокровно, говорилъ съ офицерами и солдатами, напомнилъ имъ Нарву. Изъ нихъ были еще свидѣтели копенгагенской и нарвской битвъ, хотя костями ихъ товарищей обильно усыпаны были поля Польши, лѣса Литвы, степи Малороссіи. „Мы будемъ сегодня обѣдать у царя московскаго,“ говорилъ король, улыбаясь. „Онъ много приготовилъ намъ кушанья. Друзья! я съ вами — идите, куда ведетъ васъ слава!“—„Съ Богомъ начинайте!“ сказалъ онъ, пожимая руку Рейншильда. Рейншильдъ и Левенгауптъ, которому возвратилъ тогда король свою довѣренность и милость, были главными начальниками; на лѣвомъ крылѣ шведовъ находились генералы Гамильтонъ и Крузъ; въ центрѣ были Спаръ (губернаторъ московскій), Штакельбергъ, Розенъ, Лагеркронъ; на правомъ крылѣ Шлиппенбахъ и Крейцъ.

Въ два часа по полуночи, съ приближеніемъ шведовъ, загремѣли русскія пушки въ редутахъ. Шведы шли непоколебимо. Ядра и картечи не остановили ихъ. Поражая штыками, бросились они на пушки, и два редута были уже въ ихъ рукахъ, когда конница шведская успѣла прорваться въ промежутки редутовъ и сразилась съ русскою конницею. Пѣхота шла близко за нею и подкрѣпляла ее. Самъ Карлъ XII-й безстрашно ѣхалъ между рядами солдатъ своихъ. Лошади подъ его качалкою были убиты. Подъ свистомъ пуль и жужжаніемъ ядеръ впрягли другихъ. Меншиковъ, предводя русскою конницею, не щадилъ себя; двѣ лошади были убиты подъ нимъ; генералъ Ренъ былъ жестоко раненъ и его унесли съ поля сраженія. Видя неукротимое стремленіе шведовъ, въ 4 часа утра царь велѣлъ Бауеру отступать, наводя непріятеля на пушки ретраншамента. Радостно рванулись шведы за Бауеромъ, и Левенгауптъ, ведя ихъ, въ пылу боя не замѣтилъ, что генералъ Роосъ бился еще у редутовъ, когда остальныя пѣхота и конница шведскія были уже далеко за редутами, слѣдуя за отступавшею русскою конницею. Пушки ретраншамента грянули во флангъ наступавшихъ шведовъ, и въ безпорядкѣ спѣшили они отходить къ дальнему лѣсу, на противоположный ретраншаменту край поля. Левенгауптъ и Рейншильдъ поспѣшно приводили здѣсь въ порядокъ шведскіе ряды, заградившись пушками. Началась жаркая каннонада съ обѣихъ сторонъ Царь увидѣлъ, что Роосъ совершенно отдѣлился въ то время отъ главной шведской арміи, находясь у редутовъ, и онъ воспользовался его замедленіемъ. Меншиковъ помчался на Рооса съ пятью конными полками, принудилъ его отступать въ лѣсъ къ верховью Полтавки, захватилъ въ плѣнъ генерала Шлиппенбаха и самого Рооса заставилъ въ безпорядкѣ бѣжать въ шведскія укрѣпленія подъ Полтавою, гдѣ, не видя средствъ защищаться, Роосъ сдался посланному за нимъ генералу Ренцелю пока Меншиковъ поспѣшалъ присоединиться къ главному войску, стройно выступавшему изъ ретраншамента на долину, когда шведы сражались у редутовъ.

Хладнокровно, но быстро распоряжалъ устройствомъ ихъ царь, ободренный первыми успѣхами битвы. Онъ отрядилъ полковника Головина открыть сообщеніе съ Полтавою и оставилъ генерала Гинтера охранять редуты. Солдаты, отряженные въ ретраншаменты, умоляли царя позволить имъ идти въ битву. „Чѣмъ провинились мы предъ тобою?“ говорили они со слезами. „Дѣти! здѣсь также надобна защита. Молитесь Богу, а я не забуду васъ!“ отвѣчалъ имъ царь. Священники кропили полки св. водою, при пѣніи: Спаси, Господи, люди твоя! Князь Волконскій попрежнему оставался на сообщеніи съ казаками. Шереметевъ замѣтилъ, что отдѣленіе сильныхъ отрядовъ въ разныя мѣста ослабляетъ войско. „Неужели мы не побѣдимъ,“ отвѣчалъ царь, „если бы насъ было и равное съ непріятелемъ число?“ — „Но превосходство въ числѣ надежнѣе“, замѣтилъ Рѣпнинъ. — Нѣтъ, возразилъ царь — надобно надѣяться не на число, но на разумъ и мужество.

Поставленная въ боевой порядокъ, главная русская армія составляла плотную громаду изъ 42 батальоновъ пѣхоты и 17 полковъ и одного лейбъ-эскадрона конницы, съ 72 пушками. Войско русское устроилось въ два ряда. Шереметевъ, Рѣпнинъ, Верденъ, князья Долгорукій, Голицынъ, Куракинъ были въ центрѣ; Бауеръ, Бемъ, Вейсбахъ, Шомбургъ на правомъ, Меншиковъ, Аллартъ, Беллингъ на лѣвомъ крылѣ — царь всюду. Въ день полтавской битвы онъ ѣздилъ на любимой своей турецкой лошади, Лизетѣ. Донынѣ хранятся чучела сей лошади и оружіе, бывшее тогда на немъ (чучело лошади находится въ Петербургской Кунстъ-камерѣ). Мундиръ, камзолъ и исподнее платье на царѣ были темнозеленаго цвѣта, съ красными у мундира обшлагами. Маленькая трехъ-угольная шляпа, безъ всякихъ украшеній, покрывала его голову. Длинная въ полтора аршина шпага его была также безъ украшеній, съ мѣднымъ эфесомъ, обвитымъ желѣзною проволокою и съ черною кожаною портупеею. Шарфъ его былъ изъ серебра, золота и голубого шелка. Офицерскій знакъ его отличался костянымъ Андреевскимъ крестомъ посрединѣ. Царь возложилъ еще на грудь свою небольшой ковчегъ съ крестомъ и мощами, Константиновскій, ибо, по преданію, принадлежалъ онъ нѣкогда императору Константину. Сей святый крестъ присланъ былъ изъ Аѳонскихъ обителей царю Ѳеодору Іоанновичу. Петръ имѣлъ его въ своей походной церкви въ числѣ другихъ св. иконъ и драгоцѣнностей, между коими находилась и крышка съ гроба св. Сергія, на коей изображенъ сей великій угодникъ, благословившій на брань Димитрія Донского. Крышка сія нынѣ хранится въ Троицко-Сергіевской лаврѣ. Крестъ Константиновскій находится въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Полтавскій мундиръ, шляпа и шпага Петра сохраняются въ богатомъ царско-сельскомъ арсеналѣ. Разсматривая нѣкогда сію драгоцѣнную одежду, великая герцогиня Гессенъ-Дармштадтская Луиза Фридерика въ умиленіи воскликнула: O le grand homme (О великій человѣкъ!) — „Посмотрите, милый братъ,“ говорилъ Великій Князь Константинъ Павловичъ великому брату своему, Александру Благословенному (тогда бывшему еще юнымъ Великимъ Княземъ), „посмотрите, какая

простота! Какова кажется вамъ эта шпага?“ „Мнѣ кажется,“ отвѣчалъ будущій побѣдитель Наполеона, она самая русская: видно, что она сдѣлана побѣждать, а не щеголять.

Шведы успѣли оправиться отъ безпорядка, причиненнаго имъ пушками редутовъ и ретраншамента и отбитіемъ Рооса. Они быстро устроили ряды свои; ихъ составляли только 18 батальоновъ пѣхоты и 14 полковъ конницы, не считая запорожцевъ, поляковъ и королевской гвардіи, или драбантовъ. Артиллеріи у шведовъ было 24 пушки. Карлъ XII-й, въ своемъ обыкновенномъ мундирѣ, везомый въ качалкѣ, положивъ на подушку больную ногу, окруженный драбантами, ѣздилъ по рядамъ, оживлялъ рѣчами войско и далъ знакъ двинуться въ бой. Почти въ то же время тронулись съ мѣста русскіе. Царь въ послѣдній разъ обратилъ рѣчь свою къ войску. „Воины!“ говорилъ онъ громогласно, „не за меня, за Отечество, за Церковь сражаетесь вы! Помните Бога, поборающаго въ правдѣ!“ Его просили, умоляли щадить жизнь свою. „Обо мнѣ не думайте,“ отвѣчалъ онъ. „Мнѣ не дорога жизнь! Была бы только счастлива и славна Россія! Впередъ!“

Несмотря на то, что надлежало пробиться сквозь редуты и потомъ поспѣшно строиться, крѣпкими рядами наступили шведы. Было уже восемь часовъ утра, когда русскіе сошлись съ ними. Раздались пушечные выстрѣлы и слились въ страшную канонаду. Начался Полтавскій бой.

Ужасенъ и смертоносенъ былъ сей великій бой. Пушки смолкли, когда ряды сошлись, и пошла рукопашная битва на штыкахъ и сабляхъ. Рейншильдъ сомкнулъ два лучшіе шведскіе полка, и по приказу Карла XII-го ударилъ на полкъ, одѣтый въ сѣрые мундиры. Сколь ни мужественно встрѣтилъ его русскій полкъ, храбрость уступила удару шведовъ, линія была пробита – русскіе поколебались, дрогнули, побѣжали. Петръ и Карлъ XII-й оба были здѣсь — Петръ, примчавшійся на помощь съ преображенцами; Карлъ XII-й, поощрявшій своихъ воиновъ. Около получаса длилась нерѣшительность и была кровава и убійственна. Три пули попали въ царя — одною пробита была его шляпа; другая ударила въ сѣдло его лошади; третья въ грудь его: ее удержалъ святый крестъ, на груди бывшій. Богъ хранилъ Петра. Вскорѣ порядокъ въ русскихъ рядахъ былъ возстановленъ, шведы отражены, ряды ихъ дрогнули. Меншиковъ и Бауръ съ конницею ударили во фланги шведскаго войска. Еще нѣсколько времени дрались шведы, одушевляемые уже не мыслью побѣды, но отчаяніемъ. Все пало передъ силою и мужествомъ русскихъ. Настала минута гибели—часъ расплаты за Нарву... Обойденные съ фланговъ, тѣснимые съ фронта, сбитые къ лѣсу, теряя артиллерію, уже не видя короля своего, не предводимые никѣмъ, ибо Рейншильдъ, видѣвшій гибельное состояніе войска, искалъ смерти и нашелъ плѣнъ въ рядахъ русскихъ; черезъ часъ послѣ начала битвы шведы представляли нестройную толпу бѣгущихъ, побиваемыхъ русскими, стремившихся черезъ лѣсъ и по всѣмъ направленіямъ съ поля битвы. Кромѣ Рейншильда, генералы Штакельбергъ и Гамильтонъ взяты были въ плѣнъ на мѣстѣ сраженія. Пѣхота, конница,

артиллерія, запорожцы, поляки, обозъ - все смѣшалось наконецъ въ нестройную громаду и потомъ разсыпалось и побѣжало по берегу Ворсклы. Пиперъ, находившійся въ укрѣпленіяхъ шведскихъ подъ Полтавою съ чиновниками своими и королевскими прислужниками, хотѣлъ пробраться въ обозъ, но среди дыма, пыли, смятенія, попалъ прямо на полтавскіе валы и былъ взятъ въ плѣнъ со всѣми при немъ бывшими. Мазепа оставался во все время боя въ шведскомъ обозѣ, и при первомъ извѣстіи о побѣдѣ русскихъ, захвативъ свои сокровища, бросился бѣжать. Обозъ и лагерь шведскій подъ Полтавою достались побѣдителямъ. Вскорѣ клики побѣжденныхъ и побѣдителей, преслѣдовавшихъ разбитое и разсѣянное войско шведское, затихли въ отдаленіи; пальба прекратилась; смолкло боевое поле, усѣянное убитыми и ранеными. Казаки и калмыки пустились за бѣгущими. Русскіе полки строились близъ ретраншамента. Царь самъ скакалъ повсюду, прекращая убійство, возстановляя порядокъ, и утомленный возвратился въ шатеръ свой, гдѣ ждали его генералы и штабъ-офицеры. „Здравствуйте, дѣти!“ говорилъ онъ, обнимая ихъ — „благодарю васъ за подвиги, благодарю за побѣду! Богъ видѣлъ трудъ вашъ и потомство не забудетъ васъ!“ — „Государь! ты одушевилъ, ты укрѣпилъ сердца наши!“ говорилъ ему Голицынъ. „Тебѣ одолжены мы побѣдою въ рѣшительный часъ, когда шведы прорвали ряды наши, и когда ты явился спасителемъ, не щадя своей жизни!“ говорилъ Меншиковъ. Въ числѣ поздравлявшихъ царя былъ и Палей. Отъ старости и дряхлости онъ едва могъ ходить, но, водимый двумя казаками, онъ былъ въ огнѣ и стрѣлялъ изъ своего ружья въ непріятеля. Передъ рядами войскъ была поставлена походная церковь. Царь спѣшилъ туда со всѣми соратниками, и въ ней отправлено было благодарственное молебствіе, при пушечной пальбѣ. Царь объѣхалъ потомъ воиновъ и велѣлъ угощать ихъ. Почти сутки солдаты ничего не ѣли. Въ шатрѣ царскомъ собрались къ обѣду генералы русскіе и главные офицеры и чиновники. Царь велѣлъ пригласить къ столу своему Пипера, Рейншильда и другихъ генераловъ, штабъ-офицеровъ и чиновниковъ шведскихъ, встрѣтилъ ихъ привѣтливо, безъ шляпы, возвратилъ имъ шпаги и говорилъ съ ними дружески. Когда спросилъ онъ Рейншильда о королѣ, слезы потекли изъ глазъ шведскаго фельдмаршала —„Не знаю, В. В., не знаю, гдѣ онъ!“ отвѣчалъ Рейншильдъ Царь пожалъ ему руку и утѣшалъ его. „Пью здоровье нашихъ учителей!“ возгласилъ царь, поднимая бокалъ. „Кого называете вы такимъ лестнымъ именемъ?“ спросилъ его Рейншильдъ. „Васъ, господа, васъ шведовъ“—отвѣчалъ царь—„вы научили насъ военному искусству!“—„Плохо же заплатили вы за науку учителямъ вашимъ!“ замѣтилъ Рейншильдъ, улыбаясь. Онъ говорилъ, что не вѣрилъ Левенгаупту и не ожидалъ такой стройности и такого искусства русскихъ въ бою. „Удивляюсь, какъ не отговорили вы короля вашего вступать въ битву, когда неравенство силъ и средствъ не обѣщало вамъ побѣды,“ сказалъ ему царь. Рейншильдъ помолчалъ немного и отвѣчалъ потомъ: „Мы привыкли слушать повелѣнія и исполнять ихъ, а не совѣтовать

нашему государю!“ Царь понялъ тонкость умнаго отвѣта. „Да“, сказалъ онъ, „такъ и должны поступать вѣрные подданные“.

Съ честью отпустивъ плѣнныхъ и своихъ собесѣдниковъ, царь не отдыхалъ. Онъ посѣтилъ лазареты, утѣшалъ раненыхъ, оказывалъ имъ пособіе; возвратясь въ палатку свою, принималъ донесенія; отправилъ преслѣдовать шведовъ, сперва князя Голицына съ гвардіею и двумя полками, потомъ Баура съ десятью эскадронами конницы и приказалъ рыть двѣ огромныя могилы для погребенія убитыхъ.

Немного находимъ въ военныхъ лѣтописяхъ примѣровъ битвы, купленной столь малою потерею, какъ полтавская битва. Русскіе потеряли убитыми бригадира Фельсгейма, полковниковъ Лова и Нечаева, офицеровъ и солдатъ 1,344. Ранены были генералъ Ренъ, бригадиръ Полонскій, 5 ть полковниковъ, офицеровъ и солдатъ 3,292. Шведская армія погибла, въ полномъ значеніи сего слова. На мѣстѣ сраженія найдено было болѣе 9,000 убитыхъ непріятелей. Первый министръ, фельдмаршалъ, 4 генерала, 4 полковника (въ томъ числѣ ихъ принцъ Виртембергскій), 132 офицера, 2,577 солдатъ, были въ плѣну, не считая 2,874 нестроевыхъ, чиновниковъ и всякаго званія людей (въ числѣ коихъ находились королевскіе камердинеръ, кухмистеръ, докторъ, духовникъ, камерирь, камеръ - шрейберъ, трубачи, слуги, кучера). Королевская казна, гардеробъ короля, канцелярія его были въ числѣ добычи. Пушекъ взято было 4, знаменъ и штандартовъ 137 (въ числѣ ихъ 6 знаменъ гвардейскихъ). Недоставало только одного трофея, самого Карла XII-го. Не знали, убитъ ли онъ, или спасся. На мѣстѣ битвы нашли его разбитую ядрами качалку, но многіе говорили, что видѣли его потомъ въ обозѣ, бѣгущаго по берегу Ворсклы. Царь обѣщалъ большія награды за его плѣнъ, строжайше подтверждая хранить жизнь его и воздавать ему всѣ почести. Но судьба спасла еще разъ короля шведскаго отъ смерти и плѣна, хотя и тяжкою цѣною.

Мы видѣли, что Карлъ XII-й не щадилъ себя. Онъ искалъ смерти. На что была ему жизнь безъ славы и безъ побѣды? Несмотря на жестокую тѣлесную боль, онъ распоряжалъ всѣмъ, ободрялъ и вводилъ въ огонь шведовъ. Ядра и пули осыпали его качалку. Изъ 24 драбантовъ, окружавшихъ его, уцѣлѣли только трое. Адлерфельдъ, писавшій по его приказанію исторію его походовъ, былъ убитъ у качалки королевской, какъ будто исторія Карла XII-го должна была кончиться на Полтавскомъ полѣ. Когда смятеніе и бѣгство началась въ рядахъ шведовъ, Карлъ XII й двинулся впередъ, въ самый жаркій пылъ боя. Ядромъ убило обѣихъ лошадей въ его качалкѣ; когда впрягали другихъ, ядро разбило самую качалку, и Карлъ XII-й упалъ. Понятовскій, спутникъ его во всѣхъ походахъ, другъ Станислава и полковникъ его гвардіи, не отходившій отъ королевской качалки, успѣлъ схватить Карла XII-го, призывая шведовъ спасать короля, который былъ безъ чувствъ и безъ памяти. Два драбанта посадили короля на лошадь и поддерживали. Нѣсколько сотъ человѣкъ гвардейцевъ, офицеровъ и солдатъ собрались и

окружили короля своего среди страшнаго смятенія. Шведы бѣжали во всѣ стороны. Русскіе гнали ихъ; но твердо сражаясь, подвигаясь впередъ, падая, но не уступая драгоцѣннаго залога, который охраняли, окружавшіе короля отбивали всѣ нападенія русскихъ и двигались къ обозу. Къ несчастію, пуля убила лошадь, на которой держали короля; другой не было, и не знали, чѣмъ замѣнить ее. Полковникъ Гіерта, тяжело раненый, отдалъ свою лошадь. „Спасите только его!“ воскликнулъ онъ, со слезами поцѣловалъ руку короля и палъ подъ мечами русскихъ. Достигнувъ обоза, Понятовскій наскоро отыскалъ карету Пипера, посадилъ въ нее короля и поскакалъ съ нимъ по теченію Ворсклы, окруженный шведскою конницею. Карлъ XII-й опомнился. „Шведы! Шведы!“ закричалъ онъ. Всѣ молчали. „Гдѣ Пиперъ?“ спросилъ король.—„Въ плѣну“—отвѣчали ему.—„А Рейншильдъ? А принцъ Виртембергскій?“—„Въ плѣну“—былъ опять отвѣтъ.—„Куда мы ѣдемъ!“—„Въ Турцію“.—„Въ плѣну у русскихъ“, промолвилъ король—„въ Турцію, въ Турцію!“ и онъ опять умолкъ и обезпамятѣлъ. Карета изломалась на скаку. Принуждены были опять посадить короля на лошадь. Ночью въ лѣсу потеряли дорогу. Нестерпимая боль лишила короля чувствъ. Принуждены были положить его подъ дерево, и здѣсь, безчувственный, окруженный немногими, трепетавшими ежеминутно, что ихъ захватятъ русскіе, нѣсколько часовъ лежалъ на плащѣ своемъ побѣдитель Россіи, Польши, Даніи и Саксоніи, за два года передъ тѣмъ страшившій Европу. Къ разсвѣту отыскали дорогу. Карлъ XII-й собралъ всѣ свои силы, сѣлъ на лошадь и ночью 29-го іюня достигъ береговъ Днѣпра при Переволочнѣ. Здѣсь встрѣтилъ его Мазепа. Нѣсколько тысячъ шведовъ, запорожцевъ и поляковъ собрались здѣсь на берегу Днѣпра шумною, безпорядочною толпою. Левенгауптъ старался привести въ порядокъ шведовъ и ждалъ приказаній короля. Но Карлъ XII-й былъ почти безъ чувствъ, истощивъ послѣднія усилія въ бѣгствѣ отъ Полтавы. Рана его горѣла. Лихорадка била его. Онъ казался ничего непонимающимъ. Генералу Мардефельдту велѣлъ онъ ѣхать къ царю и предложить миръ. Левенгаупту говорилъ, что умретъ съ своими шведами. Потомъ приказывалъ ему отступать въ Крымъ, говорилъ, что спѣшитъ въ Турцію и возвратится съ войскомъ султана. Всѣ умоляли его спасаться, ибо русскіе были уже близко. Казаки, калмыки, конница русская являлись отвсюду. Мысль о битвѣ съ русскими была безуміемъ. Нѣсколько тысячъ голодныхъ, изнуренныхъ, наполовину безоружныхъ шведовъ, не имѣя ни хлѣба, ни пороху, могли-ль еще сражаться? Тщетно умоляя короля удалиться, наконецъ почти насильно посадили его въ лодку. Понятовскій, Мазепа и нѣсколько шведскихъ генераловъ и офицеровъ сѣли съ нимъ. Въ другую лодку поставили ветхую коляску, случайно уцѣлѣвшую, и, несмотря на бурную погоду, страшно волновавшую Днѣпръ, успѣли переправиться. На правомъ берегу Днѣпра перенесли Карла XII-го въ коляску, и безъ отдыха помчали его по безконечнымъ, тогда еще безлюднымъ степямъ, простиравшимся до береговъ Буга, составлявшаго границу Турціи. Вслѣдъ за королемъ бро-

сились вплавь нѣсколько тысячъ конницы и запорожцевъ. Многіе погибли въ волнахъ, а другіе, спасшіеся отъ волнъ, гибли въ бѣгствѣ по степямъ. Левенгауптъ и Крейцъ приняли начальство надъ оставшимися на берегахъ Днѣпра шведскими войсками. Переправиться не было средствъ, да и куда могли переправиться шведы? Оставалось предаться жребію.

Вечеромъ 27-го іюня царь увѣдомилъ многихъ собственноручными письмами о побѣдѣ. „Объявляю вамъ о зѣло превеликой, нечаянной и малою кровію купленной викторіи", писалъ онъ Апраксину и, изложивъ кратко сущность побѣды, заключилъ: „Могу сказать, что вся непріятельская армія Фаэтоновъ конецъ воспріяла. О королѣ не знаю, съ нами ли, или съ отцами нашими онъ обрѣтается. Поздравьте всѣхъ. Нынѣ положенъ, кажется, съ Божіею помощію, камень въ основаніе Петербурга".

Іюня 28-го, видя, что большая часть шведовъ спаслась бѣгствомъ, царь отправилъ въ помощь Голицыну и Бауру Меншикова, съ 9,000 войска, а самъ занялся печальнымъ долгомъ погребенія убитыхъ въ битвѣ. Въ двѣ могилы положены были офицеры и солдаты. Царь самъ пѣлъ съ священниками при отданіи послѣдняго долга усопшимъ воинамъ, и слезы прерывали его пѣніе. „Храбрые воины, за вѣру и отечество животъ положившіе!" сказалъ онъ громко по совершеніи обряда, стоя на краю могилы, „молите за насъ Бога, будьте и за гробомъ поборниками нашими предъ престоломъ Божіимъ!" Высокій холмъ былъ насыпанъ надъ могилою, и своими руками водрузилъ царь на вершинѣ его крестъ, съ надписью: „Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709-го, іюня въ 27-й день." Донынѣ сохраняется неприкосновеннымъ сей священный холмъ на Полтавскомъ полѣ и народное преданіе называетъ его шведскою могилою. Въ тотъ же день въ другую могилу собраны были тѣла шведовъ, и священники, сопровождавшіе шведское войско, предали нѣдрамъ чуждой землѣ останки храбрыхъ воиновъ Карла XII-го, погибшихъ далеко отъ родныхъ скалъ Скандинавіи.

Царь спѣшилъ посѣтить Полтаву. Торжественно встрѣтили его комендантъ и защитники Полтавы у городскихъ воротъ, повергаясь передъ нимъ, со слезами, на колѣни. Храбрый Келинъ не зналъ, что сказать и выражалъ чувство свое, сколько умѣлъ краснорѣчивѣе, называя царя храбрѣйшимъ паче Александра, милостивѣйшимъ паче Веспасіана, мудрѣйшимъ паче Соломона, желая ему Маѳусаиловыхъ лѣтъ и Августова счастія. „Почтенная глава!" говорилъ царь, цѣлуя его въ голову. „Надежда моя на тебя не обманула меня". Донынѣ сохраняется въ Полтавѣ ветхая деревянная церковь Преображенія, гдѣ царь благодарилъ тогда Бога за спасеніе Полтавы. Недавно былъ еще цѣлъ домикъ, гдѣ отдыхалъ онъ послѣ сего съ своею свитою и говорилъ съ Келинымъ. Нынѣ на мѣстѣ его поставленъ столбъ съ надписью. Царь осмотрѣлъ полуразрушенныя укрѣпленія полтавскія, снова благодарилъ Келина и товарищей его, и объявилъ имъ награды.

Въ лагерѣ ожидали его Мардефельдъ и калмыцкое войско, прибывшее къ Полтаву. Мардефельдъ, исполняя приказъ короля, предложилъ царю миръ. Царь не отвергъ его, но сказалъ, что будетъ о томъ говорить впослѣдствіи. Мардефельдъ, плѣненный подъ Калишемъ и отпущенный тогда съ условіемъ размѣна, былъ задержанъ, какъ не сдержавшій даннаго имъ пароля.

На другой день царь праздновалъ свои именины. Войско было угощаемо на полѣ битвы. Царь ходилъ между рядами веселившихся воиновъ и раздѣлялъ съ ними трапезу, говоря: „Хлѣбъ-соль, товарищи!“ Въ царской палаткѣ пировали генералы, штабъ-офицеры, чиновники и знатнѣйшіе изъ плѣнныхъ шведовъ. Послѣ обѣда калмыки изумили шведовъ своимъ дикимъ джигитованьемъ и воинскими играми. На другой день, безпокоясь о посланныхъ для преслѣдованія шведовъ войскахъ, и боясь отчаянія шведовъ, царь самъ поскакалъ къ Переволочнѣ. Онъ нашелъ дѣло уже оконченнымъ.

Вся дорога отъ Полтавы до Днѣпра, на разстояніи 70-ти верстъ, была покрыта убитыми, умирающими, ранеными, мертвыми людьми и лошадьми, оружіемъ, телѣгами, фурами, но все еще число шведовъ, собравшихся на Днѣпрѣ, составляло болѣе 15,000 человѣкъ строевого войска. При нихъ были и безполезныя пушки, ибо пороху не было. Голицынъ и Бауръ, достигшіе Переволочны утромъ 30-го іюня, находились въ затрудненіи: должно ли нападать на шведовъ, или требовать сдачи? Скрывая малочисленность своихъ отрядовъ, они послали для переговоровъ трубача. Меншиковъ явился въ то время, но все еще число русскихъ было далеко недостаточно. Пушекъ у нихъ не было ни одной. Шведскіе уполномоченные для переговоровъ, возвратясь въ лагерь свой, извѣстили о возможности сражаться съ русскими. Многіе изъ шведовъ требовали битвы, не слушая Левенгаупта. Говорили, что если и ненадежна побѣда, лучше умереть, когда послѣ пораженія русскихъ есть еще надежда уйти въ Крымъ. Левенгауптъ отвергъ всѣ возраженія и заключилъ съ Меншиковымъ договоръ, по коему шведское войско отдавалось въ безусловный плѣнъ. Въ 2 часа пополудни шведы положили оружіе передъ русскими войсками. Старый полковникъ Траутфеттеръ не хотѣлъ слушаться приказа. Едва могли уговорить его сдаться, когда всѣ другія войска были уже обезоружены. Двое изъ офицеровъ полка его застрѣлились, предпочитая смерть плѣну. Нѣсколько тысячъ человѣкъ еще разбѣжались по лѣсамъ, надѣясь пробраться въ Крымъ, или въ Турцію. За всѣмъ тѣмъ число шведскаго войска, положившаго оружіе, состояло изъ 5000 пѣхоты и 9000 конницы. Левенгауптъ, Крейцъ и Крузъ, адъютанты: два брата, графы Дугласы, и графъ Бонда, генералъ-аудиторъ Штернъ, 10 полковниковъ, 12 подполковниковъ, 17 майоровъ были въ числѣ плѣнныхъ. Число всѣхъ солдатъ шведскихъ, взятыхъ подъ Полтавою и при Переволочнѣ, простиралось до 20,000. Двадцать тысячъ! А съ 10,000-ми Карлъ XII-й уничтожилъ нѣкогда русскихъ подъ Нарвою и съ 15,000-ми завоевалъ Польшу...

Царь прибылъ къ Переволочнѣ іюля 1-го. И здѣсь ласково встрѣтилъ и привѣтствовалъ онъ плѣнныхъ и своего стараго знакомца по битвѣ подъ

Лѣснымъ, Левенгаупта. Къ царю явилось 2700 измѣнниковъ казаковъ, умоляя его простить имъ вину. Царь велѣлъ отпустить ихъ въ дома безъ всякаго наказанія. Въ тотъ же день отправилъ онъ въ погоню за Карломъ XII мъ, Мазепою и ушедшими при нихъ шведами, поляками и казаками, бригадира Кропотова и князя Волконскаго. Іюля 6-го царь прибылъ обратно въ Полтаву, гдѣ уже только высокая могила напоминала о совершившейся битвѣ. Тысячи народа стеклись отвсюду; наѣхали маркитанты и купцы; солдаты торговали съ ними, продавая имъ добычу, доставшуюся отъ шведовъ. Веселье и шумъ оживляли окрестности полтавскія и самый городъ, гдѣ еще такъ недавно гремѣла брань и свирѣпѣла смерть. Царь ѣхалъ торжественно, сопровождаемый своими войсками, плѣнниками и трофеями. Послѣ благодарственнаго молебна, слѣдующіе дни представляли рядъ веселыхъ пировъ у царя и фельдмаршала въ лагерѣ, и у Келина въ Полтавѣ. Милости и награды объявлены были генералитету и войску. Шереметевъ получилъ богатыя помѣстья; Меншиковъ—чинъ фельдмаршала; гетманъ Скоропадскій портретъ царя; Рѣпнинъ, Брюсъ, Аллартъ, Ренцель Андреевскій орденъ; другіе чины, деревни, деньги. Графъ Головинъ возведенъ былъ въ достоинство канцлера, а Шафировъ подъ-канцлера. Келину даны были чинъ генералъ-майора, медаль на золотой цѣпи и 10,000 рублей деньгами. Всему войску выдано было годовое жалованье не въ зачетъ и особенныя медали. На медали, коею царь ознаменовалъ побѣду полтавскую, изображена была надпись: позавидуютъ славѣ нашей (Hic honor in nobis invidiosus erit). Конецъ дѣлу побѣда (Operis victoria finis), сказано было въ надписи на медали, выбитой въ воспоминаніе взятія въ плѣнъ Левенгаупта. Навѣки установилъ царь праздновать день полтавской побѣды. Онъ хотѣлъ воздвигнуть памятникъ на Полтавскомъ полѣ. Сей памятникъ долженъ былъ состоять изъ монастыря, съ храмами во имя свв. Петра и Павла и преподобнаго Сампсона Странноприимца, память коего церковь празднуетъ 27 го іюня. Передъ монастыремъ предполагалъ царь воздвигнуть пирамиду, съ изображеніемъ и описаніемъ битвы. Вѣчное поминовеніе убіенныхъ воиновъ возлагалось на братію обители Полтавской. Дѣла и занятія отвлекли потомъ царя отъ исполненія его мысли. Полтавское поле остается безъ памятника, да и на что тамъ памятникъ вещественный? Кто не преклоняетъ тамъ колѣнъ предъ вѣковѣчною могилою воиновъ Петра? Усердные потомки полтавскихъ согражданъ воздвигли скромную колонну на одной изъ площадей своего города, когда праздновали потомъ столѣтіе полтавской побѣды, въ 1809 году. Императрица Екатерина, проѣзжая черезъ Полтаву, въ 1787 году, велѣла представить войскамъ, здѣсь собравшимся, подобіе полтавской битвы. Долго смотрѣла она на Полтавское поле и движенія войскъ, и со вздохомъ сказала: „Такъ въ одно мгновеніе судьба измѣняетъ жребій царствъ!“

Когда великій побѣдитель праздновалъ побѣду, Карлъ XII-й безславнымъ бѣглецомъ мчался въ Турцію, едва спасаясь отъ преслѣдовавшихъ его русскихъ отрядовъ. Только случай сохранилъ его и Мазепу отъ неминуемаго

плѣна—русскіе потеряли дорогу въ степи. Когда іюля 7-го прискакали они къ берегамъ Буга, король, Мазепа и большая часть сопровождавшихъ ихъ были уже на турецкомъ берегу. Три дня провели передъ пріѣздомъ русскихъ бѣглецы на лѣвомъ берегу рѣки, въ безпрерывномъ страхѣ смерти и плѣна, пока паша Очаковскій, изумленный прибытіемъ неожиданныхъ гостей, не зная что ему дѣлать, не смѣлъ впустить ихъ въ турецкіе предѣлы безъ повелѣнія султана. Начальникъ его, паша Бендерскій, разрѣшилъ сомнѣнія, приказывая немедленно воздать королю шведскому всѣ почести, приличныя его высокому званію. Едва пришло сіе повелѣніе, вдали показалась русская конница. Какъ ни спѣшили переправою, но всѣ бѣгствовавшіе переѣхать за рѣку не успѣли, и оставшіеся на лѣвой сторонѣ Буга сдѣлались жертвою ярости и негодованія русскихъ, ибо шведы не хотѣли сдаться и дрались отчаянно; до 200 шведовъ было убито и болѣе 260 досталось въ плѣнъ. Русскіе не смѣли перейти за Бугъ. Карлъ XII-й благополучно достигъ до Бендеръ, гдѣ встрѣтили его съ большимъ почетомъ. Онъ немедленно отправилъ Понятовскаго въ Царьградъ къ султану и расположился подъ Бендерами небольшимъ лагеремъ.

Долго опредѣлено было королю шведскому прожить въ семъ городѣ, сдѣлавшемся достопамятнымъ по его пребыванію. Мазепа, спасшійся съ Карломъ XII-мъ, не пережилъ своего бѣдствія. Видя холодное презрѣніе короля шведскаго, коему онъ всѣмъ пожертвовалъ, слыша, что головы его требуетъ царь — предметъ ужаса однихъ и безполезнаго сожалѣнія другихъ, Мазепа умеръ черезъ два мѣсяца по прибытіи въ Бендеры, отъ яда, какъ говорили многіе, или отъ терзаній стыда и совѣсти, и вслѣдствіе тяжкаго бѣгства отъ Полтавы. Передъ смертью сжегъ онъ свои бумаги, говоря: „Нехай я одинъ буду безталаннымъ, а не многіе, о якихъ вороги мои мабудь и не мыслили, альбо и мыслить не сміютъ! Гибни все, коли злая доля все переиначила для невѣдомаго конца!“ Немногіе измѣнники, Орликъ, Войнаровскій, друзья Мазепы, плакали у смертнаго одра престарѣлаго гетмана. Сентября 25-го, на простыхъ дровняхъ, перевезли гробъ Мазепы въ Варницы, селеніе близъ Бендеръ, и тамъ похоронили его. Могила измѣнника осталась неизвѣстною. Время и жизнь людская сгладили ее съ лица земли. Осталась вѣчною только анаѳема, ежегодно въ недѣлю православія возглашаемая православною церковью, соединяя проклятіе съ именемъ Ивана Мазепы и подобныхъ ему, предателей отечества.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ III.

Разсказъ тринадцатый.

Путешествіе царя за границу. Возобновленіе союзовъ. Карлъ XII-й въ Турціи.

1709 г.

И міръ отрянулъ: „Слава!“
Давно ли, хищникъ, пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги — твой конь и всадникъ палъ,
Твой слѣдъ костей громады!

Жуковскій.

Такъ совершилась великая битва Полтавская и погибло шведское войско, съ величіемъ шведскаго королевства и славою своего короля. Не можемъ не остановиться на событіи, безсмертномъ въ лѣтописяхъ Россіи и русскаго войска.

Яркимъ свѣтомъ горитъ Полтавская побѣда среди всѣхъ другихъ дѣяній Петра Великаго. Полтавская битва соединена съ именемъ Петра въ преданіи народномъ, какъ съ именемъ Димитрія Донского битва Куликовская, съ именемъ Іоанна взятіе Казани. Дѣйствительно, немного найдемъ примѣровъ побѣдъ въ лѣтописяхъ военныхъ, слѣдствія коихъ были бы столь обширны. „Болѣе двухъ сотъ битвъ было дано въ Европѣ съ начала нашего вѣка“, говорилъ Вольтеръ въ 1731 году, „но побѣды самыя рѣшительныя и кровавыя были послѣдуемы только завладѣніемъ какихъ-нибудь небольшихъ областей, уступленныхъ потомъ по трактатамъ и снова отнятыхъ битвами. Часто сражались по сту тысячъ человѣкъ съ каждой стороны, но величайшія усилія были послѣдуемы успѣхами слабыми и мимолетными, великими средствами производили малыя дѣла. Нѣтъ въ исторіи новыхъ народовъ ни одной войны, которая благомъ вознаградила бы зло, ею причиненное, но изъ битвы Пол-

тавской послѣдовало благоденствіе обширнѣйшаго въ мірѣ государства". Справедливо, но только не вполнѣ, ибо, почитая Полтавскую битву главнымъ подвигомъ Петра Великаго и рѣшеніемъ борьбы его съ Карломъ XII-мъ, мы далеко не поймемъ всей обширности генія нашего безсмертнаго царя, если не вспомнимъ предшествовавшаго Полтавѣ и послѣдовавшаго послѣ сей великой битвы.

Мы уже имѣли случай соображать великія дарованія царя и полководца, показанныя Петромъ съ начала шведской войны до похода Карла XII-го въ Россію. Нельзя безъ изумленія видѣть послѣдовавшихъ послѣ того дѣлъ его въ 1708 и 1709 году, нельзя не изумляться дѣятельности душевной и тѣлесной, показанной царемъ въ сіи два года. Оставленный всѣми, грудь съ грудью сошедшійся съ своимъ непримиримымъ соперникомъ, какую предусмотрительность являетъ онъ, когда уничтожаетъ первый планъ своего противника, при вторженіи его въ Россію! Какая вѣрность, когда опредѣляетъ и выдерживаетъ онъ свой новый планъ, и принимаетъ образъ войны, доведшій шведскаго героя въ концѣ 1708 года до состоянія погибельнаго! Какъ геніально разочтена была битва подъ Лѣснымъ, и какъ искусно ведена была зимняя кампанія 1708—1709 года! И между тѣмъ Польша удержана, Петербургъ защищенъ, Турція отвлечена отъ пособія шведамъ, измѣна Мазепы учинена безплодною, бунты запорожцевъ и донцовъ задушены. Вотъ что предшествовало Полтавской битвѣ, и такими дѣлами, при невѣроятномъ трудѣ, приготовлена была полтавская побѣда. Она была уже вѣрнымъ, безспорнымъ слѣдствіемъ того, что замыслилъ и исполнилъ царь съ самаго вторженія шведовъ въ Россію, и только соображая сіи предшествовавшія дѣла, мы постигнемъ величіе побѣды полтавской. Обращаемся къ послѣдствіямъ.

Безспорно, Полтава рѣшила споръ Петра съ Карломъ, но неокончательно. Новыя обширныя мѣры, какъ полководецъ, какъ царь, долженъ былъ обнять въ умѣ своемъ Петръ Великій, дабы извлечь всѣ выгоды изъ перваго рѣшенія спора въ его пользу. Уже не столь тяжкій, но еще ужасающій огромностью трудъ предлежалъ ему довершить свое дѣло. Побѣжденный король шведскій былъ еще живъ, и могъ ожить духомъ, могъ отдохнуть отъ своего пораженія. Правда, въ послѣдніе два года, походъ его въ Россію доказалъ, что ни лѣта, ни опытъ не могли исправить недостатковъ его характера, страннаго соединенія ума и безразсудства, твердаго мужества и безумной отваги, военныхъ дарованій полководца и безотчетной наѣздничеcкой удали, духа непоколебимаго въ бѣдствіяхъ и упадающаго при ничтожной неудачѣ, иногда для того, чтобы тѣмъ могущественнѣе возстать потомъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и все поставить опять на первую удачу, на первую безразсчетную опасность, которыхъ жадно искалъ неукротимый, буйный духъ Карла XII-го. Такой соперникъ былъ еще страшенъ, при обширныхъ средствахъ, какія ему оставались. Униженная гордость, необходимость защищать себя, народная ненависть могли одушевить Швецію, хотя истощенную, хотя

потерявшую лучшее войско, но еще неприкосновенную въ ея родныхъ предѣлахъ. Можно было надѣяться, что послѣ Полтавской битвы найдутся царю помощники, но съ тѣмъ вмѣстѣ должны были начаться споры, притязанія, крамолы политическія. Уже на опытѣ изведалъ царь своихъ союзниковъ, и онъ могъ всего опасаться, даже отъ самаго недовѣрія ихъ при усиленіи Россіи, съ паденіемъ Карла XII-го величественно являвшейся среди сильныхъ государствъ Европы, когда царь не могъ удовольствоваться прежними, умѣренными требованіями отъ Швеціи. Онъ уже предположилъ тогда присоединить къ Россіи не Ингерманландію только, но все прибрежье Балтійское до Курляндіи, крѣпко оградить себя со стороны Финляндіи, властвовать Польшею и Курляндіею, двинуться въ предѣлы Европейскихъ государствъ. Предпріятія столь обширныя, и безъ особенныхъ препятствій, требовали рѣшеній смѣлыхъ, исполненія быстраго, предусмотрительности въ соображеніяхъ и средствъ великихъ, когда Россіи нелегко достались побѣды и торжество 1709 года. Увидимъ, что царь достигнетъ всюду своей цѣли, но въ достиженіи ея сознаемъ мы снова всю мудрость монарха, умѣвшаго заставить судьбу отдать ему все, за что ручались ему счастіе и умъ, увидимъ его непоколебимо твердаго, вѣрнаго цѣли своей въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, въ которыя еще продолжалась шведская война, увидимъ и сознаемъ, что только геній Петра силою своею могъ извлечь изъ полтавской побѣды тѣ великія слѣдствія, какія приписываютъ единственно ужаснувшему и изумившему всѣхъ грому Полтавской побѣды.

Такъ послѣ сего великаго сраженія не остановился царь, не думалъ отдыхать, не положилъ меча, не позабылъ о средствахъ въ будущемъ. Онъ предвидѣлъ, что полтавская побѣда, изумляя своею славою, опять соединитъ противъ Швеціи Польшу, Пруссію, Данію, и уничтожитъ бодрость шведовъ. Пока изумленіе не перейдетъ въ разсчетъ и зависть, пока Турція и другія государства не рѣшатся помогать Карлу XII-му, пока самые союзники Россіи не сдѣлаются врагами ея и не поссорятся между собою за дѣлежъ добычи, пока наконецъ отчаяніе не одушевитъ шведовъ и Карлъ XII-й не опомнится отъ пораженія, царь хотѣлъ ускорить завоеваніемъ Ливоніи, Эстоніи, Финляндіи и укрѣпить ихъ себѣ. Ему надобно было между тѣмъ стараться отклонить Турцію отъ союза съ Швеціею, утвердить союзъ съ Польшею, Пруссіею и Даніею, заставить ихъ дѣйствовать, и уже тогда приступить къ довершенію миромъ труда многолѣтняго. При великихъ надеждахъ, какія давала побѣда, царь помнилъ, какъ увидимъ далѣе, о превратности жребія человѣческаго, не хотѣлъ пренебречь и побѣжденнаго врага.

Такъ располагая мудрыя мѣры въ будущемъ, царь мгновенно перемѣнилъ прежній планъ войны, медленный, осторожный. Быстро, поспѣшно двинулъ онъ войска свои въ Польшу и Остзейскія области, спѣшилъ самъ видѣться съ союзниками своими, хотѣлъ немедленно уничтожить Станислава въ Польшѣ, заботясь о мирѣ съ султаномъ.

Въ половинѣ іюля войско русское перешло отъ Полтавы къ Рѣшети-

ловкѣ. Проживши здѣсь до 20 го іюля, царь прибылъ въ Кіевъ, и пробылъ тамъ до 15-го августа.

И въ Рѣшетиловку и въ Кіевѣ громада разнообразныхъ дѣлъ занимала царя — распредѣленіе войскъ, разсылка плѣнныхъ, успокоеніе Малороссіи, награды, наказанія, охраненіе предѣловъ со стороны Турціи, возобновленіе союзовъ. Не упускаемы были подробности всѣхъ другихъ дѣлъ, а между тѣмъ болѣзнь, таившаяся среди заботъ и трудовъ лагерной жизни, открылась при первомъ отдыхѣ царя, если можно назвать отдыхомъ первыя шесть недѣль, прошедшихъ послѣ Полтавской битвы. Но ничто не остановило дѣятельности великаго монарха.

Изъ Рѣшетиловки послалъ онъ немедленно конный корпусъ войскъ, съ княземъ Меншиковымъ, въ Польшу, предписывая ему соединиться съ Гольцомъ и стараться поспѣшнѣе уничтожить шведовъ и сообщниковъ Станислава. Пѣхотный корпусъ пошелъ въ то же время, съ графомъ Шереметевымъ, къ Ригѣ. Князь Рѣпнинъ назначенъ былъ съ корпусомъ своимъ охранять предѣлы Малороссіи. Генералу Вердену предписано поддерживать сообщенія между Шереметевымъ и Меншиковымъ. Царь запретилъ Шереметеву разорять Лифляндію, и велѣлъ, напротивъ, привлекать жителей ласкою, о томъ же подтверждая Апраксину и приказывая ему дѣйствовать въ Эстоніи: онъ уже берегъ Ливонію и Эстонію и прочилъ ихъ себѣ.

Апраксину велѣно было отправить войско къ Кексгольму и взять его, оставляя до времени предпріятіе на Выборгъ, а осадную артиллерію приказано было везти въ Нарву для осады Ревеля, „чтобы не терять остального времени въ тотъ годъ по пустому". Предполагая, что Карлъ XII-й, можетъ быть, рѣшится на скорый отъѣздъ въ Швецію черезъ Польшу, и прерывая сношенія его изъ Турціи съ Польшею, царь послалъ бригадира Кропотова съ отрядомъ войскъ на границы Валахіи, приказывая сбирать контрибуціи съ имѣній приверженцевъ Станислава и стараться захватывать ихъ самихъ.

Мы упоминали о принцѣ Виртембергскомъ, полоненномъ подъ Полтавою. Царь почтилъ его, какъ особу, принадлежащую къ семейству одного изъ государей европейскихъ, и отпустилъ немедленно изъ плѣна, требуя только обязательства не служить противъ Россіи. Юный принцъ скончался на пути въ Германію, на Волыни въ Дубно. Царь съ почестью велѣлъ препроводить тѣло его въ Штутгардъ и утѣшалъ скорбную мать въ потерѣ юнаго сына. На надгробномъ памятникѣ принца выразила родительница его чувства благодарности „Великому царю русскому, въ несчастіи почтившему врага своего и великодушно воздавшему непріятелю долгъ по его кончинѣ". Плѣнные шведы были разосланы по разнымъ городамъ, въ Воронежъ 3000, Стародубъ 2000, Изюмъ, Харьковъ и Ахтырку 2500, Москву 4500. Еще прежде 3000 человѣкъ заняты были въ Тавровѣ работами. Рейншильдъ отправленъ въ Раненбургъ, съ Штакельбергомъ, Гамильтономъ, Крейцомъ, Крузомъ и Розеномъ, Левенгауптъ и Шлиппенбахъ въ Смоленскъ. Пиперъ и до 400 шведскихъ офицеровъ находились въ Кіевѣ.

Щедро награжденные царемъ, сотрудники воинскихъ подвиговъ просили его, отъ имени всего русскаго войска, принять по арміи чинъ генералъ-аншефа. Царь считалъ себя недостойнымъ и согласился на чинъ только генералъ-поручика. Съ благодарностью принялъ онъ поднесенный ему тогда отъ адмирала, именемъ всего флота, чинъ шаутбенахта. Прибавимъ къ наградамъ, о которыхъ мы уже говорили, что вдова страдальца Кочубея получила отъ царя всѣ помѣстья мужа, хотя гетманъ Скоропадскій затруднялся отдать ихъ. Храбрый Палей, утѣшенный за бѣдствія милостями царя и бывшій въ Полтавской битвѣ, хотя едва могъ двигаться отъ старости, получилъ прежнее званіе полковника (онъ вскорѣ потомъ умеръ). Но, награждая вѣрныхъ малороссіянъ, царь положилъ съ тѣмъ вмѣстѣ прочное начало уничтоженію всѣхъ прежнихъ казацкихъ своеволій. Кротость и смиреніе Скоропадскаго, не дерзавшаго противорѣчить волѣ царя, когда подъ предлогомъ охраненія Малороссіи отъ покушеній Мазепы и замысловъ Турціи и Карла XII-го, можно было усилить подчиненіе казацкихъ земель общимъ законамъ государства, превосходно содѣйствовали намѣреніямъ царя. Награждая всѣхъ и не щадя милостей, царь не только не согласился на представленіе гетмана, просившаго вывесть русское войско и русскихъ воеводъ изъ малороссійскихъ городовъ, не подчинять казаковъ командѣ русскихъ начальниковъ, уничтожить черниговскую крѣпость, отдать казацкую артиллерію, но рѣзко уравнивая Малороссію съ другими русскими областями, царь сдѣлалъ начало неслыханныхъ дотолѣ измѣненій: отдалъ мѣстечко Почепъ, какъ частное имѣніе Мазепы, Меншикову, а другія помѣстья его Шафирову (первый примѣръ русскихъ помѣщиковъ въ Малороссіи); опредѣлилъ при гетманѣ надзирателемъ стольника Измайлова; запретилъ гетману сноситься съ иноземными владѣтелями, жаловать и отставлять полковниковъ, раздавать помѣстья и награды, и употреблять доходы Малороссіи безъ воли царской. Сообщники Мазепы (а подъ ними разумѣли всѣхъ, кого подозрѣвали въ распространеніи толковъ о прежнихъ, нарушенныхъ казацкихъ вольностяхъ) были удалены изъ Малороссіи, и Малороссія смолкла и стихла, какъ смолкъ и стихъ Донъ. Запорожцевъ уже не было. — Примѣръ неумолимой строгости царя противъ измѣнниковъ и ослушниковъ показанъ былъ Рѣшетиловкѣ: несчастный Мюленфельдтъ, обвиняемый, если не въ измѣнѣ, то въ непростительной трусости, допустившій переправу шведовъ подъ Гродно, въ 1708 году, бѣжавшій потомъ къ непріятелю и взятый въ плѣнъ подъ Полтавою, былъ осужденъ военнымъ судомъ и разстрѣлянъ по его приговору.

Приготовляя союзы и средства войны, царь не только не думалъ тщеславно отвергать выгоднаго мира, если Карлъ XII-й согласится на миръ, но приказалъ Головкину и Шафирову переговаривать съ Пиперомъ и Мардефельдтомъ, присланнымъ, какъ мы видѣли, отъ короля шведскаго. Только условія были не прежнія. Царь требовалъ Ингерманландіи, Ревеля и Выборга, обѣщая за то отступиться отъ союзниковъ и предоставляя Швеціи рѣшить съ ними дѣло безъ вмѣшательства Россіи. Мардефельдтъ поѣхалъ

въ Бендеры съ предложенiемъ царя, а въ Стокгольмъ былъ отпущенъ государственный секретарь Цедергельмъ, предложить о томъ шведскому сенату, убѣждая его просить короля о прекращенiи миромъ 10-ти лѣтней гибельной войны и представляя умѣренность требованiй побѣдителя. Цедергельмъ повезъ также согласiе царя на размѣнъ плѣнныхъ. Можемъ почесть искреннимъ расположенiе царя на миръ, хотя онъ могъ предвидѣть, зная своего непрiятеля, что Карлъ XII-й не приметъ мира на предложенныхъ условiяхъ. Уступить, пока еще цѣлъ былъ мечъ его, унизиться послѣ пораженiя—не таковъ былъ Карлъ XII-й! Но царь готовъ былъ поддержать оружiемъ свои справедливыя и умѣренныя требованiя, и въ умѣ его уже расположены были, при несогласiи Карла XII, мѣры, коими могъ онъ извлечь возможныя выгоды изъ дружбы союзниковъ, хотя и не могъ онъ не презирать ихъ, отдавая справедливость своему врагу, коего не могъ не уважить. Замѣтимъ, что царь ничего не говорилъ о Ригѣ, важнѣйшемъ оплотѣ шведской власти въ Остзейскихъ областяхъ: Рига могла быть наградою Швецiи за рѣшенiе на миръ.

Въ Кiевѣ торжественно встрѣтили царя, какъ великаго побѣдителя и славнаго спасителя отечества. Пiиты кiевскiе величали его рифмословiемъ, а въ Печерской лаврѣ привѣтствовалъ его юный ректоръ академiи словомъ, казавшимся современникамъ образцомъ краснорѣчiя. Сей ректоръ былъ Өеофанъ Прокоповичъ, сынъ кiевскаго мѣщанина, бѣжавшiй нѣкогда за границу учиться, бывшiй въ Римѣ однимъ изъ почетныхъ богослововъ, по возвращенiи принявшiй монашество, человѣкъ ума необыкновеннаго и честолюбiя неограниченнаго. Царь изъявилъ благоволенiе оратору, и не забылъ объ немъ, когда потомъ понадобился ему ревностный помощникъ по дѣламъ церковнымъ. Такъ еще въ 1700 г. вызвалъ царь изъ Кiева благочестиваго архимандрита Димитрiя Тупталу, краснорѣчиваго сочинителя житiй святыхъ (четii-минеи), ревностнаго противника расколовъ, и опредѣлилъ его въ митрополиты ростовскiе. Димитрiй скончался въ годъ Полтавской битвы. Въ царствованiе дочери Петра Великаго былъ онъ прославленъ чудесами святости и причтенъ россiйскою церковью къ лику святыхъ, когда было обрѣтено нетлѣнное тѣло его, при жизни „отдавшаго Божiя Богови вѣрою, кротостiю, воздержанiемъ, ученiемъ, трудолюбiемъ, и Кесарево Кесареви ревностiю и терпѣнiемъ, поборствуя Петру Великому противъ суемудраго раскола“ (какъ говорилъ въ надписи на гробницѣ святителя и угодника Божiя Ломоносовъ). Въ Кiевъ явился къ родителю царевичъ Алексѣй, извѣщая его о народномъ восторгѣ, съ какимъ принята была вѣсть Полтавской побѣды въ Москвѣ. Цѣлую недѣлю въ отверзтыхъ храмахъ москвичи молились Богу побѣдодавцу. Всѣ опечалены были жестокою болѣзнью царя, которая до того ослабила его, что отъ 8-го августа онъ писалъ къ Меншикову: „Проклятая лихорадка измучила меня; припадки прервали лѣкарствомъ, но я такъ слабъ, что четверти часа не могу стоять или ходить, хоть и не боленъ“. Несмотря ни на что, августа 15-го царь былъ уже на пути въ Польшу, съ царевичемъ, намѣреваясь отправить его за границу и предоста-

вляя ему избрать невѣсту изъ европейскихъ принцессъ. Сыну побѣдителя полтавскаго, юношѣ прекрасному, кто изъ государей европейскихъ могъ отказать въ союзѣ родства? Переговоры о томъ съ императоромъ были уже начаты.

Среди занятій столь разнообразныхъ, царь не оставлялъ, сказали мы, подробностей, не только государственныхъ дѣлъ, но даже не прерывалъ заботъ о самыхъ мелочахъ. Приведемъ въ примѣръ нѣсколько распоряженій царскихъ въ Рѣшетиловкѣ и въ Кіевѣ: желая сравнить маневры шведовъ съ маневрами русскихъ, онъ велѣлъ произвесть ученье русскому и шведскому полку въ одно время, и безпристрастно оцѣняя ловкость шведовъ, радостно замѣтилъ, что русскіе не уступаютъ имъ въ искусствѣ владѣть оружіемъ, постройкѣ рядовъ и цѣльной стрѣльбѣ. Собственноручными письмами распорядился онъ о выдѣлкѣ гранатъ въ Воронежѣ, послалъ имъ чертежъ и мѣру, и велѣлъ строить тамъ мелкія суда только изъ того лѣса, который не годится на большіе корабли. Разсматривая рисунки кандидата въ корабельные мастера, своею рукою отмѣтилъ онъ ошибки въ размѣрахъ, и подписалъ, что кандидатъ сей „учиться долженъ, а не думать о званіи мастера.“ Приказывая вновь заложить въ Воронежѣ 4 корабля и распоряжая ихъ постройкою, царь велѣлъ оставить „и ему долю въ работѣ“, назначая притомъ какую именно. Онъ узналъ, что любимецъ его Корчминъ взялъ съ собою, безъ спроса въ Москву четырехъ солдатъ, и собственноручнымъ письмомъ приказалъ воротить ихъ на счетъ Корчмина.

Царь остановился на время въ Полонномъ. Здѣсь полученъ былъ отвѣтъ Карла XII-го на предложеніе мира. Неукротимый Карлъ XII-й писалъ къ Пиперу, что отвергаетъ постыдныя предложенія непріятеля, и согласится на размѣнъ плѣнныхъ и открытіе переговоровъ о мирѣ тогда только, когда царь остановитъ военныя дѣйствія, и что при помощи Божіей и дружбѣ султана, онъ успѣетъ еще расплатиться за неудачу полтавскую. Царю доставлена была укорительная грамата Карла XII-го султану, гдѣ называя Августа тираномъ Польши, а царя бѣглецомъ отъ оружія шведовъ, онъ увѣрялъ, что только тройное число русскихъ одолѣло шведовъ подъ Полтавою, когда онъ былъ притомъ раненъ. Король излагалъ замыслы русскаго царя на Турцію, и призывалъ султана къ союзу, увѣряя въ несомнѣнной побѣдѣ. Стараясь произвести возстаніе въ Малороссіи, Карлъ XII-й наименовалъ послѣ смерти Мазепы гетманомъ друга его Орлика. Новый гетманъ началъ разсѣвать послѣ сего ругательные универсалы между казаками, призывая ихъ къ оружію. Но король шведскій дѣйствовалъ не только словами. Изъ бендерскаго лагеря своего послалъ онъ строгія повелѣнія въ Швецію набирать войско, а въ шведскія владѣнія въ Германіи, и въ Польшу Крассову, приказы дѣйствовать неослабно. Поощряя къ дѣятельности собственнымъ примѣромъ, онъ составилъ небольшой отрядъ изъ собравшихся къ нему шведовъ и запорожцевъ, и отправилъ его въ Польшу, думая, что одно появленіе шведовъ оживитъ товарищей ихъ и приверженцевъ Станислава. Кропотовъ встрѣтилъ сей от-

рядъ, окружилъ его и принудилъ сдаться безъ боя; 500 человѣкъ взято было въ плѣнъ. Запорожцы не сдавались, бросились бѣжать, и, преслѣдуя ихъ, Кропотовъ перешелъ турецкую границу въ жару натиска—маловажное обстоятельство, послужившее въ пользу короля шведскаго, представлявшаго такое нарушеніе турецкихъ предѣловъ явнымъ презрѣніемъ къ султану и своеволіемъ царя.

Царь прекратилъ переговоры и съ досадою сказалъ: „Вижу, что только оружіемъ могу добыть миръ, но пусть не на меня послѣ сего падетъ кровь, которая прольется, пока мы принудимъ непріятеля къ миру!“ Онъ безостановочно спѣшитъ въ Польшу, гдѣ полтавская побѣда уже все измѣнила.

Казалось, ангелъ разрушенія пролетѣлъ по областямъ Польши губительною грозою. Мы уже говорили о бѣдственномъ состояніи Польши послѣ похода Карла XII-го въ Россію. Моровая язва опустошала Польшу среди бѣдствій голода и свирѣпыхъ повальныхъ болѣзней. Не смотря на предосторожности, язва проникла въ Лифляндію и въ Малороссію, завезена была изъ Риги въ Швецію, но здѣсь и тамъ принимали противъ нея предосторожности, а въ Польшѣ никто о томъ не думалъ. На могилахъ братій, оставшіеся въ живыхъ терзали, рѣзали, губили другъ друга, пока шведы съ Крассовымъ держались еще въ Польшѣ. Буйныя толпы Синявскаго, Потоцкаго, Сапеги опустошали взаимно земли своихъ враговъ. Полтавская побѣда прекратила сіи междоусобія. Мы говорили о предложеніи короля Августа царю, и о томъ, что царь не отвергъ ихъ. Переговоры тайно начались тогда, и посолъ царскій заключилъ съ Августомъ предварительный договоръ. Августъ обязывался вступить въ Польшу, объявить себя снова королемъ польскимъ, изгнать шведовъ и Станислава. Царь не только довольствовался извиненіемъ Августа въ смерти Паткуля, но обѣщалъ забвеніе всего прежняго, дружескій союзъ, вспомогательныя деньги и войско, даже отдачу Лифляндіи Польшѣ, если за Россіею оставлена будетъ Эстляндія. Онъ обѣщалъ еще болѣе: утвердить наслѣдіе польскаго престола сыну короля Августа. Тщательно скрывалъ Августъ всѣ сіи переговоры, но что до полтавской битвы старался онъ таить, торжественнѣе и гласнѣе спѣшилъ онъ обнародовать обрадованный пораженіемъ Карла XII го. Августъ извѣстилъ королей датскаго и прусскаго о возобновленіи союза съ царемъ. Всѣ три короля немедленно съѣхались въ Берлинъ и праздновали полтавскую побѣду. Соединеніе сихъ трехъ монарховъ представляли льстецы, какъ счастливое предзнаменованіе будущихъ побѣдъ, и современные астрологи выводили великія предвѣщанія, говоря, что въ то время, когда на небѣ явились въ соединеніи Солнце, Сатурнъ и Венера, на землѣ соединились три разновѣрные государя (польскій король былъ католикъ, датскій король лютеранинъ, прусскій король реформатъ), всѣ именовавшіеся Фридрихами. Союзъ между ними былъ заключенъ безъ замедленія: опредѣлено пригласить къ союзу и войнѣ противъ шведовъ русскаго царя, предоставляя дальнѣйшія рѣшенія о вознагражденіи издержекъ военныхъ переговорамъ при свиданіи съ царемъ. Въ Даніи, Пруссіи, Саксоніи начали

готовить войска. Августа 8 го король польскій издалъ манифестъ, гдѣ, протестуя противъ вторженія шведовъ въ Польшу и Саксонію, онъ уничтожалъ Альтранштадтскій трактатъ, вынужденный насиліемъ шведовъ и желаніемъ его спасти подданныхъ отъ бѣдствій войны. Снова призывалъ Августъ поляковъ къ повиновенію ему, какъ законному королю, и подкрѣпляя слова на дѣлѣ, вступилъ въ Польшу (Августа 11 го) съ 14000 саксонскаго войска. Приближеніе саксонцевъ съ одной и русскихъ съ другой стороны дѣлало невозможнымъ всѣ покушенія противиться. Сообщники Станислава положили оружіе, особливо когда получено было разрѣшеніе папы въ присягѣ, данной Станиславу, а манифестъ Августа грозилъ казнью и отнятіемъ имѣній каждому, кто въ назначенный срокъ не явится съ покорностью. Добродѣтельный Станиславъ, видѣвшій только бѣдствія Польши съ самаго восшествія своего на престолъ, и принявшій вѣнецъ только для умиренія отечества, спѣшилъ отреченіемъ спасти отчизну отъ междоусобія безполезнаго. Напрасно уговаривали его приверженцы не оскорблять тѣмъ своего друга и союзника. „Я думалъ быть вамъ полезнымъ, когда принималъ ваше избраніе," отвѣчалъ смиренно Станиславъ — „хочу спасти васъ отъ конечной гибели моимъ отреченіемъ!" Онъ не смѣлъ оставаться въ Польшѣ, и съ семействомъ своимъ и немногими друзьями присоединился къ шведскому корпусу, спѣшившему оставить Польшу. Крассова привело въ большое затрудненіе строгое повелѣніе Карла XII-го держаться въ Польшѣ, и даже, если откроется возможность, идти въ Саксонію и мстить разореніемъ за вѣроломство Августа. Ссылаясь на то, что выполненіемъ второго приказа могъ онъ возбудить противъ Швеціи императора и членовъ имперіи, объявившихъ, что вступленіе въ имперскія земли почтутъ они нарушеніемъ нейтралитета, Крассовъ не видѣлъ также ни какого способа держаться въ Польшѣ. Онъ просилъ короля прусскаго дозволить ему нейтральный переходъ черезъ Ней-мархъ въ Померанію. Неожиданный отказъ умножилъ затрудненіе шведскаго генерала. Угрожаемый гибелью неизбѣжною, онъ рѣшился своевольно перейти черезъ Ней-мархъ, въ концѣ сентября оставилъ Польшу, и достигнувъ Штетина, укрѣпился лагеремъ подъ Воллиномъ, съ 15,000-мъ корпусомъ шведскимъ и поляками, слѣдовавшими за Станиславомъ. Удаленіе его и Станислава, и приходъ Меншикова съ войскомъ, подчинили Польшу Августу. Остатки корпуса Потоцкаго, не хотѣвшаго покориться, бѣжали съ своимъ предводителемъ въ Венгрію. Такъ кончилась несчастная война, девять лѣтъ опустошавшая Польшу, и исчезло все, чему Карлъ XII-й отдалъ столько лучшихъ лѣтъ жизни, все, что купилъ онъ кровью столькихъ храбрыхъ, увлекаемый мечтами честолюбія, гордясь тщетною славою низводить и возводить королей на престолы—все погибло безъ возврата при одномъ слухѣ о Полтавской побѣдѣ!

Но Польша волновалась, какъ море послѣ бури, и являясь примирителемъ ея, царь являлся и самовластителемъ польскаго государства. Ему предшествовало побѣдительное войско. Августъ и поляки спѣшили изъявить ему всѣ знаки почтенія и покорности. Въ Люблинѣ привѣтствовалъ его прислан-

ный отъ Августа каммергеръ Фицтумъ. Въ мѣстечкѣ Сольцахъ гетманъ Синецкій встрѣтилъ его съ войскомъ своимъ и множествомъ пановъ польскихъ. Здѣсь явился Флемингъ, и просилъ отъ имени короля своего назначить мѣсто свиданія, гдѣ будетъ угодно царю, предлагая для сего Торунь Съ нимъ былъ присланный отъ короля прусскаго коммергеръ, также съ просьбою о свиданіи и съ назначеніемъ для того Маріенвердера. Царь изъявилъ согласіе, и на судахъ по Вислѣ отправился въ Варшаву. Сентября 23-го, примасъ, князь Радзивилъ и толпа польскихъ вельможъ привѣтствовали царя въ Варшавѣ. Великолѣпный поѣздъ послѣдовалъ за царемъ до Торуня, гдѣ за милю до города ожидалъ его король Августъ. Царя сопровождалъ однакожъ русскій полкъ: такъ опасны были шайки конфедератовъ, всюду бродившія и не знавшія, чѣмъ имъ питаться. Одна изъ такихъ шаекъ едва не захватила царевича Алексѣя; стоявшій вблизи русскій отрядъ спасъ его. Царь и Августъ послали русскую и саксонскую конницу очищать селенія отъ бродягъ, обезоруживать ихъ и наказывать грабежи. Августъ не могъ скрыть своего смущенія при встрѣчѣ съ царемъ и хотѣлъ объясняться. „Забудемъ прошедшее“, сказалъ ему весело царь, обнялъ его и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Торунь. Царь и король ѣхали верхомъ, привѣтствуемые пальбою и радостнымъ кликомъ народа. Начались веселые пиры, смотры, маневры саксонскаго и польскаго войска. Царь и король казалась искренними друзьями, шутили, забавлялись, какъ будто не думая о дѣлахъ. Однажды, за разгульнымъ пиромъ, Августъ хотѣлъ показать опытъ необыкновенной силы своей и разогнулъ лошадиную подкову. Царь признавался, что онъ не можетъ похвастать такою силою, взялъ серебряную тарелку и безъ всякихъ усилій свернулъ ее въ трубку. „Вы разлюбили меня“, сказалъ ,онъ Августу при собраніи многихъ гостей—„помните ли, я подарилъ вамъ саблю, и вы обѣщали мнѣ всегда носить ее, а теперь я не вижу ее на васъ!“ Августъ извинился, что забылъ царскій подарокъ въ Дрезденѣ. Царь улыбнулся, ибо сабля была подарена Августомъ Карлу XII-му и найдена въ обозѣ королевскомъ подъ Полтавою. Царь взялъ ее съ собою. „Если прежнюю забыли вы въ Дрезденѣ, я подарю вамъ соблю“, сказалъ онъ, и по его приказу прежняя сабля была принесена и вручена Августу. Смущенный, онъ не зналъ что сказать, и принужденъ былъ смѣяться своей неудачной хитрости. Въ Торунь явился датскій посолъ, баронъ Рапповъ, предсталъ и непокорный дотолѣ, главный крамольникъ Сапега, съ повинною головою. До 10-го октября продолжилось пребываніе царя въ Торунѣ. Онъ отправился по Вислѣ въ Маріенвердеръ. Августъ провожалъ его далеко за городъ, разстался съ увѣреніями дружбы, а 15-го октября въ Маріенвердерѣ ждалъ царя на берегу Вислы старый знакомый его, король прусскій, встрѣчая гостя послѣ 12-ти лѣтней разлуки, какъ искренняго друга. Великолѣпный пріемъ и роскошные пиры ознаменовали здѣсь пребываніе царя. Король прусскій наградилъ Меншикова орденомъ Чернаго Орла; Головкинъ, Шафировъ, Долгорукій, Левенвольдъ, Ренъ, бывшіе въ царской свитѣ, пожалованы орденомъ

Великодушія (Générosité). Флемингъ и Ранцау явились въ Маріенвердеръ послами отъ королей польскаго и датскаго. Царь пробылъ въ Маріенвердерѣ до 23-го октября, и отправился отсюда въ Митаву, куда прибылъ ноября 6-го. Великія почести, великолѣпныя встрѣчи, сопровожденіе отрядомъ прусскихъ войскъ, и сопутствіе прусскаго каммергера Кейзерлинга, посланнаго впередъ для заготовленія стола и квартиръ, наконецъ встрѣча въ Митавѣ всѣми чинами Курляндіи, ознаменовали путешествіе царя по Пруссіи и Курляндіи. Казалось, побѣдитель полтавскій, всегдашній врагъ роскоши и великолѣпія, увлекся обольщеніемъ почестей, всюду воздаваемыхъ ему, какъ царю и герою. Но онъ зналъ, что наружный блескъ надобенъ былъ Европѣ и окружавшимъ его, и среди пировъ и веселій не забывалъ онъ своихъ плановъ и предпріятій.

Въ Торунѣ и Маріенвердерѣ ведены были переговоры о войнѣ противъ Швеціи Даніею и Пруссіею. Общимъ основаніемъ договоровъ было принято привести Швецію въ такое состояніе, чтобы она не могла вредить сосѣдямъ и угрожать спокойствію Европы. Царь приступилъ къ новому договору, предварительно заключенному между королями прусскимъ, датскимъ и польскимъ, въ Кельнѣ 15-го Іюля. По особому трактату съ королемъ Августомъ возобновлялись прежняя дружба и союзъ Россіи. Оскорбленіе, причиненное царю казнью Паткуля, Августъ оправдывалъ своевольною выдачею его измѣнниками, министрами саксонскими Имгофомъ и Фингштейномъ, обѣщая предать ихъ за то суду (они и были потомъ для вида осуждены, первый на казнь, второй на вѣчное заключеніе, но приговоръ не былъ исполненъ). Царь ручался за неприкосновенность власти Августа въ Польшѣ. Въ томъ же ручался ему особымъ трактатомъ король прусскій, обѣщая притомъ не допускать шведовъ въ Польшу изъ Помераніи. Король польскій обязался внести въ государственныя постановленія Польши вѣчный миръ и союзъ съ Россіею. Король датскій обѣщалъ немедленно объявить войну Швеціи и дѣйствовать неукоснительно. Удивительная умѣренность изъявляема была союзниками. Казалось, они хотѣли только укротить честолюбіе шведскаго короля. Царь и король Августъ изъявили сіи чувства турецкому послу, явившемуся въ Торунь поздравить Августа съ возвращеніемъ законнаго престола, и увѣрить его и царя въ дружбѣ султана и желаніи оттомановъ поддерживать миръ. Но трактатами явными прикрыты были тайныя мысли всѣхъ вообще и каждаго особенно. Карлъ XII-й долженъ былъ, если согласится на миръ, удовлетворить союзниковъ. При несоглашеніи его, въ чемъ всѣ были напередъ увѣрены, союзники открывали военныя дѣйствія, и уже не могли щадить шведскихъ владѣній, даже въ Германіи. Въ такомъ смыслѣ король Августъ и царь отнеслись граматами къ Имперскому сейму, протестовавшему противъ начала войны въ германскихъ шведскихъ областяхъ, Между тѣмъ союзники, скрывая настоящія мысли свои, высказали ихъ другъ другу. Тайнымъ договоромъ съ королемъ Августомъ царь обѣщалъ утвердить Польшу въ наслѣдственномъ владѣніи сыну его, и присоединить къ Польшѣ Лифляндію, съ

присоединеніемъ Эстляндіи и части Финляндіи къ Россіи. Другимъ тайнымъ договоромъ съ Пруссіею царь утверждалъ Пруссіи уступку Польшею Эльбинга и независимость отъ Польши владѣнія Курляндіею молодому герцогу ея, Фридриху Вильгельму. Сей принцъ, родившійся въ 1692 году, былъ сынъ герцога Фридриха Казимира (умершаго въ 1698 г.) и сестры короля прусскаго. Положено было, что юный герцогъ будетъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, женится на племянницѣ царя и немедленно вступитъ во владѣніе Курляндіею. Кромѣ сихъ отдѣльныхъ условій положено было съ Даніею, что царь будетъ стараться объ утвержденіи за нею Голштиніи, а съ Пруссіею, что Карлъ XII-й уступитъ Пруссіи Штетинъ. Сверхъ того, тайные переговоры шли еще между царемъ и ганноверскимъ курфирстомъ объ утвержденіи за нимъ Бремена и Вердена, а съ герцогомъ мекленбургскимъ объ отдачѣ ему Висмара, и даже переговоръ былъ и съ епископомъ мюнстерскимъ, въ свою очередь хотѣвшимъ участка въ дѣлежѣ Такимъ образомъ Швеція была уже передѣлена союзниками, и взаимная дружба не мѣшала имъ притомъ взаимно думать о своихъ выгодахъ на счетъ другихъ.

Царь былъ душою всѣхъ тайнъ политики, гдѣ каждый изъ его союзниковъ, пользуясь его побѣдою, хотѣлъ показаться кроткимъ, умѣреннымъ, и жертвуя другими, дѣйствуя притомъ сколько можно менѣе, старался выиграть себѣ что только было можно. Царь видѣлъ, проникалъ вполнѣ всѣ ухищренія, притворно соглашался со всѣми, и казалось, являлся орудіемъ прихотей каждаго, но между тѣмъ онъ успѣвалъ перехитрить всѣхъ, утверждалъ силу и величіе Россіи и упрочивалъ себѣ плоды побѣдъ. Кромѣ того, что, входя въ союзы, Россія вступала въ дѣла Европы, усиленіемъ Пруссіи, Даніи, Ганновера, Мекленбурга и независимостью Курляндіи, Россія могла безпрепятственно утвердить себѣ Лифляндію, Эстляндію и часть Финляндіи. Мысль объ утвержденіи польскаго престола наслѣдственнымъ была мечта, но ее поддерживалъ царь, надѣясь прекратить тѣмъ споръ Августа о Лифляндіи, ибо онъ все еще обѣщалъ отдать Лифляндію Польшѣ. Разсчетъ царя былъ вѣренъ: пока всѣ союзники его будутъ готовиться приступить къ дѣлу, будутъ потомъ спорить и переговаривать, при нападеніи Даніи на Швецію, и при условіи, что шведы не должны двигаться изъ Помераніи, онъ могъ взять Ригу, Ревель, Выборгъ, безъ спора другихъ государей, а шведы не могли сдѣлать никакого пособія Остзейскимъ областямъ и Финляндіи, такъ что царь легко могъ управиться тамъ, самовластно обладая притомъ Польшею, гдѣ не Августъ, всего отъ него ожидавшій, но онъ казался властителемъ.

Дѣйствительно, къ нему, а не къ Августу, презираемому полками, ненавистному имъ и безсильному, относились поляки съ жалобами, требованіями, спорами, и царь рѣшалъ всѣ дѣла ихъ и затрудненія. Августъ не смѣлъ противорѣчить. Въ силу трактатовъ, царь отрядилъ русское войско взять Эльбингъ, гдѣ держались еще шведы, и оставилъ Меншикова, съ сильнымъ корпусомъ русскихъ войскъ, на зимнія квартиры въ Польшѣ. Царь

потребовалъ 20,000 ефимковъ съ виленскихъ жидомъ, за то, что въ 1708 году они не выставили обѣщанныхъ ему шпіоновъ. Данцигу объявлено было, что жители его должны прекратить сношенія и торговлю съ Швеціею и выслать каперовъ противъ шведовъ, а при несоглашеніи русскіе займутъ Данцигъ и обложатъ контрибуціею. Мы уже говорили, что Кропотовъ собиралъ контрибуціи въ Польшѣ. Меншиковъ, оставшись послѣ царя, казался правителемъ Польши, гордый, недоступный даже знатнѣйшимъ панамъ, не смѣвшимъ противиться его приказу. Польша роптала, но повиновалась.

Такъ распорядивши дѣла внѣшней политики, отправивши пословъ, въ Ганноверъ и Англію князя Куракина, въ Данію князя Долгорукова, и давши подробныя наставленія послу своему въ Царьградѣ, вслѣдствіе переговоровъ въ Торунѣ и Маріенвердерѣ, царь спѣшилъ въ свой, драгоцѣнный ему Петербургъ, готовя между тѣмъ торжество полтавской побѣды въ Москвѣ. Царевичъ Алексѣй разстался съ родителемъ въ Польшѣ, и изъ Ярославля на Волыни, гдѣ была главная квартира Меншикова, отправился въ путешествіе по Европѣ, подъ именемъ графа Михайлова. Съ нимъ были графъ Головкинъ, князь Трубецкой и гофмейстеръ его, баронъ Гизенъ. Отправивши въ Москву повелѣніе о новомъ рекрутскомъ наборѣ (по одному рекруту съ 20-ти дворовъ), царь остановился на пути изъ Митавы подъ Ригою, 9-го ноября, и прожилъ здѣсь недѣлю. Ему надобно было распорядиться военными дѣйствіями.

Мы видѣли, что Шереметевъ былъ отправленъ подъ Ригу и Апраксину велѣно было готовиться на осаду Ревеля. Ближайшее разсмотрѣніе дѣлъ измѣнило планъ царя. Ужасъ, внушенный шведамъ полтавскою побѣдою, объявленіе войны Швеціи Польшею и Даніею, и союзъ съ ними Пруссіи и Россіи, заставили правителей Швеціи принять только оборонительныя мѣры для защиты шведскихъ владѣній. Слабыя силы, бывшія въ Лифляндіи, Эстляндіи, Финляндіи, Помераніи и другихъ шведскихъ областяхъ, не могли защищать ихъ отъ многочисленныхъ войскъ русскихъ и союзныхъ. Опредѣлено было сосредоточить шведскія войска въ главныхъ городахъ, оставляя въ другихъ небольшіе гарнизоны. Такими мѣстами назначены были: въ Помераніи Штетинъ, гдѣ укрѣпился Крассовъ, отдѣливъ гарнизоны въ Libreменъ и Висмаръ; въ Остзейскихъ областяхъ Рига, куда свелъ всѣ войска генералъ губернаторъ лифляндскій, графъ Штромбергъ, оставивши небольшіе гарнизоны въ Ревелѣ и Перновѣ; въ Финляндіи Выборгъ, гдѣ былъ съ войскомъ Либекеръ, распредѣливъ малые отряды въ другихъ финляндскихъ городахъ. Охраненіе шведскихъ береговъ, противолежащихъ Даніи, составило предметъ главныхъ заботъ правителей; оно поручено было графу Магнусу Штейнбоку. О новыхъ наборахъ, усиліяхъ для защиты областей, внѣ Швеціи находившихся, не смотря на приказъ короля, правители и думать не смѣли. Царь понялъ изъ соображенія принятыхъ шведами мѣръ, что завоеваніе Выборга и Риги доставитъ ему полное обладаніе Финляндіею и Остзейскими областями. Ни тотъ, ни другой городъ не могли ожидать помощи.

Онъ рѣшился зимою только угрожать Выборгу, держа Либекера въ страхѣ, и блокировать Ригу, гдѣ Штромбергъ рѣшился защищаться до послѣдней крайности. На другой годъ, раннею весною, усиленною осадою надѣялся онъ скоро овладѣть Ригою и Выборгомъ, послѣ чего Ревель и всѣ другіе города должны были беззащитно покориться.

Шереметевъ выступилъ изъ Рѣшетиловки іюля 15-го, съ 24 полками пѣхоты, 8 полками конницы и 200 казаковъ, но только въ началѣ октября могъ онъ начать блокаду Риги. Штромбергъ, имѣя до 12,000 войска, приготовился къ упорной защитѣ, сжегъ рижскіе форштадты и оставилъ Бальдонъ и Кобрунъ, немедленно занятые русскими. Недовольный слабою блокадою Шереметева, царь лично осмотрѣлъ окрестности Риги, и подъѣзжалъ такъ близко къ городскимъ укрѣпленіямъ, что, узнавши его, непріятель открылъ пальбу. Царь весело шутилъ подъ ядрами съ стоявшимъ подлѣ него гетманомъ Огинскимъ. По приказу царя укрѣпили мельницу на Двинѣ, и тѣмъ пресѣкли сообщеніе Риги съ Динаминдомъ, а ниже Кобруна, переименованнаго Питеръ-шанцомъ, заложили мортирную батарею. Царь самъ бросилъ три первыя бомбы въ городъ. „Мы начали бомбардировать Ригу," писалъ онъ Долгорукову, „и я своими руками подарилъ этому проклятому мѣсту три первыя бомбы, а тѣмъ, слава Богу, исполнилъ мое слово — заплатить за обиду мою!" Онъ помнилъ еще объ оскорбленіяхъ, оказанныхъ ему въ Ригѣ, въ 1697 году. „Не говори королю Августу, что мы начали Ригу бомбардировать, и пусть онъ думаетъ, что мы бережемъ Ригу для него," прибавлялъ царь. Замѣчательно, что одна изъ бомбъ, пущенныхъ имъ, попала въ городскую церковь св. Петра, другая въ городской болверкъ, а третья въ одинъ изъ частныхъ домовъ. Послѣ отъѣзда царя Шереметевъ перевелъ войско въ Курляндію. Главная квартира его была въ Митавѣ; войско русское заняло Фридрихштадтъ, Баускъ, Туккумъ, Пильтенъ. Подъ Ригою 2000 человѣкъ занимали Юнгфернговъ, 1000 Питеръ шанцъ, 500 Кирхгольмъ и 2500 было въ резервѣ за Юнгфернгофомъ. Войска сіи смѣнялись ежемѣсячно, и безпрерывно тревожили города бомбами. Князь Рѣпнинъ начальствовалъ блокадою.

Черезъ Дерптъ, откуда на судахъ поплылъ онъ въ Нарву, царь достигъ Петербурга ноября 23-го, и послѣ полуторагодового отсутствія былъ порадованъ быстрымъ распространеніемъ своего любимаго города. Работы шли здѣсь дѣятельно; зданія росли; 20,000 работниковъ прислано было со всѣхъ концовъ Россіи.

Описывая событія войны, мы не могли упоминать о гражданскихъ распоряженіяхъ царя въ послѣдніе два года. Важнѣйшимъ изъ нихъ было раздѣленіе Россіи на губерніи (декабря 18, 1708 г.). Губерній назначено восемь, и въ числѣ ихъ Ингерманландская, гдѣ губернскихъ городомъ опредѣленъ С.-Петербургъ, а провинціальными къ нему приписаны Новгородъ, Тверь, Ярославль, Псковъ, Дерптъ, Нарва (всего 29 городовъ, кромѣ Ямбурга и Копорья, подаренныхъ Меншикову). Другіе губерніи были Москов-

ская, Кіевская, Смоленская, Архангелогородская, Казанская, Азовская, Сибирская (во всѣхъ 8-ми считалось 339 городовъ). Губерніи дѣлились на провинціи (какъ-то: Казанская на Казанскую, Пензенскую, Уфимскую), а провинціи на уѣзды. Въ губерніяхъ были генералъ-губернаторы, а въ провинціяхъ были воеводы. Меншиковъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ ингерманландскимъ, хотя въ отсутствіи его управлялъ Апраксинъ, азовскій генералъ-губернаторъ. Земли малороссійскихъ, донскихъ и уральскихъ казаковъ не включались въ губерніи, и управлялись отдѣльно гетманомъ и атаманами, раздѣляясь на полки и станицы. Такимъ образомъ, городъ, не существовавшій за пять лѣтъ, былъ поставленъ въ ряду первыхъ русскихъ городовъ, и еще болѣе: Москва считалась столицею, но вторымъ послѣ нея былъ Петербургъ. Царь уже утвердилъ свое пребываніе въ немъ, и съ 1709 г. велѣно было строить здѣсь каменные дома. Многія окрестности Петербурга царь подарилъ своей супругѣ, царевнамъ сестрамъ, царевичу Алексѣю, главнымъ вельможамъ, съ позволеніемъ заселять ихъ переселенцами изъ другихъ областей (тогда основались Пулкова, Славянка, Колпино, помѣстья супруги царской, и Гатчина, помѣстье царевны Наталіи Алексѣевны). Крѣпость С.-Петербургскую велѣно строить каменную. Съ какою радостью видѣлъ царь въ Петербургѣ и Кронштадтѣ, давно ли возникнувшій, но уже грозный флотъ! Въ память Полтавской битвы основалъ онъ тогда церковь св. Сампсонія, и заложилъ своими руками 54-хъ пушечный корабль Полтаву. Въ томъ же году основана въ Петербургѣ лютеранская церковь св. Петра, по просьбѣ вице-адмирала Крюйса, на берегу Невы, гдѣ нынѣ Зимній каналъ (ее перенесли потомъ на берегъ Мойки; первымъ пасторомъ ея былъ Толь, выписанный изъ Голландіи). Царь праздновалъ день св. Апостола Андрея веселымъ пиромъ и фейерверкомъ, и 7-го декабря поспѣшилъ ѣхать въ Москву, куда уже свезены были плѣнные шведскіе генералы, офицеры, и болѣе 20,000 плѣнныхъ солдатъ, шли полки гвардіи, и ѣхали Шереметевъ и Меншиковъ изъ Курляндіи и Польши. Царь готовилъ народу великолѣпное зрѣлище тріумфа, какъ называли сіе торжество Полтавской битвы и истребленія непріятельскихъ силъ.

Предположено было воздвигнуть въ разныхъ мѣстахъ Москвы тріумфальныя врата, и торжественно ввести черезъ нихъ въ Москву плѣнныхъ шведовъ, артиллерію и добычу, взятую у непріятеля. Праздникъ долженъ былъ начаться благодареніемъ Богу и заключиться народными увеселеніями и пиршествами. Все лѣто и всю осень были приготовленія въ Москвѣ. Семь торжественныхъ вратъ устроено было на иждивеніе духовенства, гражданскихъ чиновниковъ, дворянъ, купцовъ, жителей Москвы вообще и правительства. Каждыя изъ нихъ изображали великолѣпный храмъ, по сторонамъ коего находились пирамиды, пьедесталы съ гербами, обелиски и проч. Храмы и пирамиды украшены были рѣзьбою, позолотою, огромными символическими картинами, статуями, трофеями, надписами. Тысячи народа, знатныхъ и простолюдиновъ, духовенство, иностранные послы, люди со

всѣхъ концовъ Россіи съѣзжались въ Москву. Царь велѣлъ быть въ Москвѣ архіереямъ, воеводамъ, всѣмъ отставленнымъ отъ службы за ранами съ самаго начала войны. Всѣхъ старыхъ товарищей, всѣхъ знакомыхъ своихъ хотѣлъ онъ видѣть, со всѣми говорить, всякаго поздравить и наградить. Нетерпѣливо ждала своего государя-побѣдителя царелюбивая Москва, и давно неслыханною въ древнихъ стѣнахъ ея жизнью закипѣла она при стеченіи многочисленныхъ гостей.

На пути царь останавливался въ Новгородѣ у ландрихтера Корсакова, въ Твери у воеводы Кокошкина; вездѣ онъ разсматривалъ и рѣшалъ дѣла, обозрѣвалъ крѣпости (между прочимъ укрѣпленія Твери, устроенныя Леонтіемъ Магницкимъ), и декабря 11-го прибылъ въ подмосковное село Никольское, гдѣ встрѣтили его владѣлецъ села, князь Черкасскій, и царь грузинскій Арчилъ. Предполагая вступить въ Москву торжественно, царь переѣхалъ въ Коньково къ Головкину, и потомъ въ Коломенское, откуда надлежало начаться шествію. Здѣсь ожидали его супруга, дѣти, сестры, племянницы. Нѣсколько дней прошло еще, ждали Меншикова; онъ пріѣхалъ 15-го декабря и 18-го назначили день тріумфа. Войска были разставлены. Всѣ ждали прибытія царя и условленнаго знака. Царь явился радостный, и объявилъ, что Богъ даровалъ ему дочь, а для такого неожиданнаго событія праздникъ отлагается. Со всѣми вельможами и сотрудниками своими отправился онъ въ Успенскій соборъ. Москва залпковала, услышавъ о рожденіи дочери царской. Въ радости сердца, видя общій восторгъ всѣхъ, царь громко присоединилъ въ соборѣ голосъ свой къ хору пѣвчихъ, когда провозгласили Тебѣ Бога хвалимъ, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ и колокольномъ звонѣ въ Кремлѣ и во всѣхъ церквахъ московскихъ. Новорожденную дочь царь назвалъ Елисаветою (обѣтъ Божій): то была императрица Елисавета Петровна, возведшая черезъ 32 года потомъ родъ Петра Великаго на россійскій престолъ. Не замѣчательно ли, что рожденіе великой княжны Анны, прародительницы россійскихъ монарховъ, ознаменовало первый шагъ Карла XII-го на достопамятную Березину, а тріумфъ побѣды надъ нимъ освятило въ Москвѣ рожденіе Елисаветы? Побѣда Петра была въ годъ ея рожденія, и „входящаго въ Москву побѣдителя встрѣтила входящая въ міръ Елисавета“, говоритъ Ломоносовъ. Пиръ у царя въ Коломенскомъ и заздравный кубокъ за новорожденную заключили сей день царской радости,

Декабря 21-го былъ день полтавскаго тріумфа. При пушечной пальбѣ, колокольномъ звонѣ, грохотѣ барабановъ и громѣ музыки, началось шествіе въ Кремль отъ Серпуховскихъ воротъ. Безчисленное множество народа покрывало улицы и площади. У домовъ поставлены были, по доброй волѣ жителей, столы, покрытые скатертями, и хозяева съ семействами, по мѣрѣ приближенія царя, стоя у столовъ и держа въ рукахъ хлѣбъ-соль, кланялись ему и привѣтствовали его: хлѣбосольная Москва встрѣчала царя съ хлѣбомъ-солью. Толпы народныя, сливаясь съ шествіемъ, расли по мѣрѣ движенія его. Шествіе открывали трубачи и семеновскій полкъ, съ полковникомъ его, кня-

земъ М. М. Голицынымъ; за нимъ несли и везли трофеи битвы подъ Лѣснымъ — 17 пушекъ, 44 знамени, 6 фуръ съ барабанами и трубами шведскими; далѣе шли офицеры въ сей битвѣ плѣненные. Потомъ слѣдовали: рота преображенцевъ, 26 000 полтавскихъ плѣнниковъ, по 4 въ рядъ, 68 пушекъ и 318-ть знаменъ шведскихъ, 48 фуръ съ барабанами и трубами; плѣнные шведскіе офицеры (263 прапорщика, 275 поручиковъ, 447 капитановъ, 25 маіоровъ, 15 подполковниковъ, 10 полковниковъ), королевскій обозъ, королевская канцелярія, носилки Карла XII го, 6 генераловъ. и Левенгауптъ, Рейншильдъ, Пиперъ, пѣшіе, безъ шпагъ, заключали безконечное протяженіе трофеевъ. За ними ѣхалъ верхомъ преображенскаго полка полковникъ Петръ Алексѣевичъ, въ томъ мундирѣ, въ той шляпѣ, которые были на немъ подъ Полтавою. Вѣрные сподвижники, Шереметевъ и Меншиковъ были подлѣ него. Закаленные въ бояхъ преображенцы шли за нимъ. У каждыхъ торжественныхъ вратъ встрѣчали царя съ хлѣбомъ-солью строители ихъ, и хоры пѣвчихъ, одѣтыхъ въ цвѣтныя платья, пѣли кантаты, желая здравія и побѣдъ царю. Трубачи, скрытые въ верху воротъ, заключали пѣніе звукомъ трубъ. Торжественны были минуты, когда царь приблизился къ вратамъ духовенства. Здѣсь ждали его первосвятители и многочисленное духовенство. Пальба, музыка, звонъ умолкли, и среди глубокой тишины митрополитъ рязанскій привѣтствовалъ царя рѣчью. Благоговѣйно, снявъ шляпу и опустивъ шпагу, внималъ ей царь, сойдя съ лошади. Онъ приложился къ иконамъ, и безъ шляпы послѣдовалъ за духовенствомъ при пѣніи священной пѣсни: „Кто Тебѣ не ублажитъ, Всенепорочная!“ Когда приблизился онъ къ Успенскому собору, хоръ умолкъ — царь устремилъ взоры на образъ Богоматери надъ входомъ во храмъ, и чувствами невыносимыми исполнилась душа его, и слезы потекли изъ его очей. Царь-побѣдитель палъ на колѣни и рыдая провозгласилъ громко: „Заступленіемъ Твоимъ побѣда моя!“ При видѣ храма, гдѣ нѣкогда принялъ онъ вѣнецъ, память о событіяхъ двадцати семи лѣтъ, послѣ того пролетѣвшихъ — обо всемъ, что видѣлъ, чувствовалъ, испыталъ онъ въ сіи годы, съ тѣхъ поръ, когда беззащитнымъ отрокомъ стоялъ здѣсь, и кровь убіенныхъ врагами друзей его и родныхъ дымилась окрестъ него, обо всемъ, что сдѣлалъ онъ для Россіи съ тѣхъ поръ, онъ, побѣдителемъ стоявшій теперь среди трофеевъ войны, поставившей его на череду великихъ царей — мысль и о томъ, что еще таилось въ великой душѣ его, о подвигахъ, предлежавшихъ ему, все взволновало душу его. Видя слезы царя, никто не удержалъ слезъ своихъ. Всѣ поверглись на колѣни, и нѣсколько мгновеній пролетѣло въ тишинѣ молитвы, прерываемой только рыданіями. Царь вошелъ потомъ въ древній храмъ, и по отправленіи благодарственнаго молебствія, распростившись со всѣми, съ немногими приближенными удалился въ Кремлевскій дворецъ. День кончился въ тишинѣ, прерванной только послѣ молебствія громкимъ звономъ и тремя залпами артиллеріи. Прекрасенъ былъ сей великій день въ жизни царя великаго.

На другой день начался веселый праздникъ. На Царицыномъ лугу

выстроено было огромное деревянное зданіе, раскрашенное и раззолоченное; войско и народъ, для коихъ приготовлено было на площади угощеніе, окружали его. Царь и его вельможи, полководцы и знатные чиновники, вступили въ великолѣпную залу, гдѣ на тронѣ, въ старинномъ царскомъ нарядѣ, сидѣлъ князь Кесарь. Съ поклонами подступая къ трону его, доносили: Шереметевъ о побѣдѣ „Его Кесарскимъ счастіемъ“ одержанной подъ Полтавою; Меншиковъ о плѣненіи шведскаго войска подъ Переволочною; полковникъ Петръ Алексѣевичъ о побѣдѣ подъ Лѣснымъ. Кесарь милостиво привѣтствовалъ ихъ. Затѣмъ ввели плѣнныхъ Привѣтствуя ихъ, Кесарь махнулъ рукою — задняя стѣна залы исчезла и открыла множество столовъ, обремененныхъ кушаньями и напитками, разставленныхъ въ другой обширной залѣ, гдѣ усѣлось болѣе тысячи человѣкъ гостей. Начался пиръ, и въ шумѣ его даже печальные плѣнники забыли горе свое, угощаемые роскошно, сидѣвшіе наравнѣ съ побѣдителями. Подъ особымъ балдахиномъ, отдѣльно отъ всѣхъ, сидѣли Кесарь, полковникъ Петръ Алексѣевичъ, фельдмаршалы Шереметевъ и Меншиковъ, и канцлеръ графъ Головкинъ. Не жалѣли кубковъ за здравія, начиная съ Кесарева. Пили и за здоровье Рейншильда и Пипера. Народъ пировалъ на площади. Солдатъ и плѣнныхъ шведовъ угощали въ казармахъ. При звукахъ музыки и пушечной пальбѣ загорѣлись три щита, изображавшіе Лѣсное, Полтаву, Переволочну, при безчисленномъ множествѣ ракетъ и бураковъ. Вся Москва между тѣмъ была освѣщена. Пушки гремѣли безъ умолку, и веселье и пиръ продолжались до полуночи, хотя столъ кончился въ 6-ть часовъ вечера. Попойка была безъ чиновъ. Царь обнималъ Рейншильда, Меншиковъ Левенгаупта. На другой день былъ обѣдъ для духовенства. Опять угощали войско, народъ и плѣнныхъ шведовъ, были фейерверкъ и освѣщеніе города. Царь не щадилъ наградъ и милостей. Онъ веселился за девять лѣтъ трудовъ и подвиговъ.

Въ день Рождества Христова царь угощалъ всѣхъ своихъ гостей въ Кремлевскомъ дворцѣ, и на святкахъ славилъ Христа по обыкновенію, пируя у Князя-Папы, Шереметева, Меншикова, Апраксина, Долгорукаго, Голицына, Головкина. При каждомъ пирѣ были фейерверкъ и угощеніе народу. Весело встрѣченъ былъ новый 1710-й годъ.

Но дѣла не были забываемы царемъ, по любимой поговоркѣ его родителя: „Дѣлу время и потѣхѣ часъ“. Заключимъ описаніе славнаго 1709 года упоминаніемъ о трехъ событіяхъ, порадовавшихъ царя въ Москвѣ, и подавшихъ ему надежду, что все исполнится по его желанію.

Одно изъ сихъ событій было начало военныхъ дѣйствій датскаго короля противъ шведовъ, въ декабрѣ 1709 г. Датскія войска явились на берегахъ Швеціи.

Другое было согласіе Англіи на предложенія союзниковъ, касательно Швеціи Къ досадѣ царя, неожиданный случай въ 1708 году произвелъ остановку въ дружескихъ сношеніяхъ между нимъ и англійскою королевою. Матвѣевъ, посолъ его при англійскомъ дворѣ, отъѣзжая въ Голландію, не

хотѣлъ заплатить какого-то спорнаго, ничтожнаго долга мелочному торговцу лондонскому. Упрямый англичанинъ пожаловался по начальству, и оскорбленный обидою земляка, судья приказалъ задержать посла русскаго, какъ должника, не платящаго долга. Строго исполняя приказъ судьи, констабель остановилъ на улицѣ Матвѣева, потребовалъ долгъ, и, не слушая возраженій, отвелъ его въ Кингсъ-Бенчъ. Такое неслыханное дѣло взволновало всѣхъ дипломатовъ. Королева спѣшила освободить Матвѣева, посадила въ тюрьму его кредитора, послала извиняться, но Матвѣевъ вывелъ изъ своей обиды государственное дѣло и выѣхалъ изъ Англіи безъ отпускной аудіенціи. Царь негодовалъ на неловкаго, упрямаго дипломата, виноватаго по англійскимъ законамъ. Поддерживая честь Россіи, принужденъ онъ былъ однакожъ протестовать и требовать удовлетворенія, хотя согласіе англійской королевы на союзъ, по крайней мѣрѣ, увѣренность въ томъ, что она не будетъ вмѣшиваться въ дѣла Швеціи съ Россіею, Пруссіею, Даніею и Польшею, были ему весьма важны. Князь Куракинъ, отправленный царемъ въ Ганноверъ, явился оттуда въ Лондонѣ съ требованіемъ удовлетворенія за обиду русскаго посла и объясненіями о дѣлахъ Швеціи. Занятая войною съ Людовикомъ XIV-мъ, убѣждаемая просьбами наслѣдника своего, курфирста ганноверскаго, ибо онъ надѣялся участка въ дѣлежѣ добычи, королева объявила Куракину, что въ дѣлахъ Швеціи она будетъ наблюдать строгій нейтралитетъ, а для извиненія въ обидѣ, причиненной русскому послу, посылаетъ своего особеннаго посла въ Россію. Сей посолъ королевы, лордъ Витвортъ, представлялся царю на аудіенціи января 5-го 1710 года, въ Москвѣ, поднесъ грамату королевы и говорилъ, что желаніе доказать дружбу свою царю заставило королеву отнынѣ внести въ государственные законы Англіи неприкосновенность особы пословъ. Царь радъ былъ удовлетворительно окончить дипломатическія сплетни.

Наконецъ, третье, порадовавшее царя событіе было подтвержденіе мира султаномъ, и увѣреніе его, что онъ не будетъ помогать Карлу XII-му. Для поясненія обстоятельствъ надобно обратиться здѣсь къ пребыванію короля шведскаго въ Турціи въ 1709 году.

Между тѣмъ, когда повсюду возставали на Швецію враги, царь готовилъ союзы и торжествовалъ побѣды, а Станиславъ бѣжалъ изъ Польши и отрекался отъ своего престола, что мыслилъ и дѣлалъ раненый левъ шведскій? Мы слышали гордый отзывъ его на предложеніе царя о мирѣ. Что могло подкрѣплять надежды его, лелѣять гордость и подавать поводъ къ такому отвѣту?

Онъ былъ неукротимъ, сказали мы, и свирѣпѣлъ желаніемъ мести. Вскорѣ по прибытіи Карла XII-го въ Бендеры полученъ былъ отвѣтъ султана на грамату, гдѣ просилъ онъ себѣ временнаго убѣжища въ Турціи. Если съ одной стороны Карлъ XII-й являлся, какъ побѣжденный, бѣгствующій государь, едва не плѣнникъ, съ другой стороны положеніе его, еще недавно столь могущаго, сильнаго, пришедшаго изъ ледяныхъ сѣверныхъ

странъ съ грознымъ войскомъ, заставлявшаго трепетать Россію, Польшу, Европу, увлекало воображеніе жителей Востока. Похожденія Карла XII-го разсказывали, какъ сказку, въ гаремѣ султанскомъ. Мать султана не могла наслушаться разсказовъ о желѣзноголовомъ Каролусѣ, принимала въ немъ участіе, говорила сыну своему, что онъ „долженъ пособить сѣверному льву отмстить русскимъ псамъ за обиду". Султанъ Ахметъ III-й, возведенный на тронъ бунтующими янычарами въ 1703 году, дотолѣ прозябавшій въ заключеніи серальскомъ, управлялся волею матери и окружавшихъ его. Онъ готовъ былъ исполнить просьбы матери, такъ что Чурлули-Али, верховный визирь, сказалъ даже Понятовскому: „Въ одну руку возьму я мечъ мой, другую подамъ шведскому королю, поведу его на москвитянъ и 200,000 воиновъ пойдутъ за нами!" Дѣйствительно, съ Карломъ XII-мъ начали переговоры, а между тѣмъ велѣно было воздавать ему всѣ почести, послать богатые подарки, отпускать деньги на содержаніе его и всѣхъ бывшихъ при немъ. Карлъ XII-й устроилъ себѣ привольный лагерь близъ Бендеръ, гдѣ жилъ съ своими генералами, офицерами и солдатами, успѣвшими убѣжать къ нему изъ Россіи и Польши. Съ нимъ было всего до 1,800 человѣкъ. Пріѣзжая въ шведскій лагерь, паша Бендерскій разговаривалъ съ королемъ стоя и не смѣлъ сѣсть. Тяжелая рана долго мучила короля, но была, наконецъ, счастливо исцѣлена, и онъ началъ свой обыкновенный образъ жизни: ѣздилъ верхомъ, училъ солдатъ, отправлялъ съ ними утреннюю и вечернюю молитву. Онъ попрежнему былъ молчаливъ, гордъ, угрюмъ. Хладнокровно — слышалъ онъ о торжествѣ непріятелей, союзѣ Польши, Пруссіи, Даніи и Россіи, измѣнѣ прежнихъ друзей, робости подчиненныхъ, отчаяніи подданныхъ. Изъ Швеціи доносили ему о всеобщемъ уныніи народа и недоумѣніи правителей. Онъ отправилъ новыя приказанія собирать войско и готовиться отражать враговъ. Не изъявляя особенной радости, услышалъ онъ объ участіи, какое принимали въ судьбѣ его султанъ, мать его и визирь. Увѣренный, что война Россіи будетъ объявлена турками, Карлъ XII-й хладнокровно услышалъ о погибели отряда войскъ, посланнаго имъ въ Польшу. Но онъ также не показалъ ни печали, ни унынія, когда послѣ всѣхъ надеждъ и обѣщаній, внезапно было ему объявлено, что султанъ подтвердилъ миръ съ Россіею, и что, сохраняя долгъ гостепріимства къ королю, онъ проситъ его однакожъ не продолжать своего пребыванія въ Турціи. Султанъ говорилъ, что ручается за безопасность проѣзда его, принимаетъ на себя всѣ издержки путешествія, дастъ турецкій отрядъ для препровожденія его чрезъ Польшу, но не можетъ держать его въ Турціи, ибо тѣмъ оскорбляется другъ султана, русскій царь.

Такая внезапная перемѣна мыслей была внушена, сколько опасеніемъ войны съ Россіею, чѣмъ угрожалъ царь, столько и ловкостью русскаго посла, П. А. Толстого. Находясь въ званіи посла въ Царьградѣ съ 1702 г., онъ умѣлъ составить себѣ сильную партію при дворѣ султанскомъ, и старался не допустить султана до союза съ Карломъ XII-мъ, не щадя подарковъ. Чур-

лули-Али и Муфти не устояли противъ обольщеній золота. Султанъ увлекся ихъ совѣтами, и миръ съ царемъ былъ торжественно подтвержденъ, января 3-го 1710 года (мѣсяца шеваля, 1122 года эгиры). Султанъ лично вручилъ русскому послу ратификацію на аудіенціи, гдѣ русскій посолъ явился въ такомъ богатомъ нарядѣ, что уборъ лошади, на которой ѣхалъ онъ, и великолѣпіе его одежды и свиты посольской, удивляли даже турковъ, привыкшихъ къ азіатской роскоши. Въ немедленной высылкѣ Карла XII-го изъ Турціи визирь увѣрилъ русскаго посла. Извѣстіе о томъ и подтвержденіе мира турками царь торжествовалъ въ Москвѣ. Царевичъ Алексѣй получилъ о томъ извѣстіе отъ родителя своего въ Краковѣ, и по его повелѣнію также праздновалъ вѣсть сію роскошнымъ пиромъ.

„Скажите своему государю, что я не поѣду изъ Турціи", отвѣчалъ Карлъ XII-й, когда паша Бендерскій почтительно извѣстилъ его о волѣ султана. Изумленный паша не зналъ что̀ сказать. Карлъ XII-й продолжалъ прежній образъ жизни. Всѣ окружавшіе его приходили въ отчаяніе, но Карлъ XII-й казался даже веселѣе обыкновеннаго. Иногда онъ даже шутилъ и игралъ въ шахматы, хотя всегда проигрывалъ, потому что, забывая другія шашки, двигалъ впередъ только короля. Иногда читалъ онъ трагедіи Корнеля. Особенно любилъ онъ Митридата Расинова, и въ сей трагедіи болѣе всего извѣстный монологъ Митридата, какъ будто нарочно писанный для него въ его настоящемъ положеніи. Однажды одинъ изъ любимцовъ его осмѣлился что-то сказать о затруднительномъ положеніи дѣлъ въ Швеціи. Карлъ XII-й улыбнулся, раскрылъ Серторія Корнелева, и молча указалъ на извѣстный стихъ: Не въ Римѣ Римъ, но онъ весь тамъ, гдѣ я (Rome n'est plus dans Rome, il est tout où je suis!).

Разсказъ четырнадцатый.

Завоеваніе Лифляндіи и Эстляндіи. Торжество царя.

1710 г.

И Балтики брега затрепетали,
Когда на нихъ Полтавскій грянулъ громъ,
И Рига, Колывань, Корела, Выборгъ пали
Предъ побѣдителемъ царемъ!

С—въ.

Среди торжествъ и пировъ помышляя объ исполненіи обширныхъ предположеній, царь отпустилъ вѣрныхъ сподвижниковъ своихъ на порученныя имъ дѣла, Меншикова и Шереметева къ Ригу, Апраксина въ Петербургъ, и самъ не медлилъ за ними. Февраля 17-го оставилъ онъ Москву; 25-го былъ уже въ Петербургѣ и распоряжалъ войсками къ осадѣ Выборга. Безпечный Либекеръ, столь неудачно воевавшій противъ Петербурга, все еще начальствовалъ шведскими войсками въ Финляндіи. Онъ имѣлъ до 15,000 человѣкъ подъ ружьемъ, но, не ожидая скораго нападенія русскихъ, и затрудняясь продовольствіемъ войскъ, только оставилъ въ Выборгѣ сильный гарнизонъ и удалился со всею арміею своею въ западную Финляндію. Царь хотѣлъ воспользоваться его оплошностью. Зима была въ тотъ годъ необыкновенно продолжительна. Рѣшено было по льду вести войско къ Выборгу, и съ первымъ открытіемъ навигаціи подкрѣпить осаду его флотомъ.

Пока готовились къ осадѣ Выборга, и блокада Риги перемѣнялась въ осаду, царя порадовалъ, еще въ бытность его въ Москвѣ, легкій успѣхъ русскихъ въ Польшѣ. По удаленіи Крассова шведы оставались тамъ только въ Эльбингѣ, который, какъ мы видѣли, царь уговарился отдать прусскому королю. Стараясь имѣть его въ рукахъ для исполненія обѣщанія, если надобно будетъ исполнить данное слово, царь велѣлъ взять Эльбингъ русскому отряду, подъ благовидною причиною, что Августъ медлилъ распоряженіями. Генералъ-майоръ Ностицъ блокировалъ всю зиму Эльбингъ. Только 900 шведовъ составляли гарнизонъ сего стариннаго и обширнаго города. Января

28-го русскіе пошли на приступъ, ночью перебрались черезъ замерзшіе рвы и бросились на валы. Внезапно встревоженные, шведы храбро защищались, но при малочисленности своей, обширности городскихъ валовъ и неудобствъ ихъ къ защитѣ, принуждены были уступить, сдать городъ и положить оружіе. Кромѣ 800 плѣнныхъ, трофеи составляли 183 пушки, 25 желѣзныхъ мортиръ и 157 мѣдныхъ ручныхъ мортирокъ. Царь велѣлъ оставить въ Эльбингѣ русскій гарнизонъ и не отдавать города королю Августу до его особеннаго приказа. Обладая Эльбингомъ, онъ держалъ въ страхѣ Данцигъ, имѣлъ морское пристанище въ Польшѣ и новое ручательство за вѣрность союзниковъ. Послѣ потери Эльбинга только могилы шведовъ напоминали о пребываніи ихъ въ Польшѣ. На медали, которою ознаменовано взятіе Эльбинга, изображенъ былъ изумленный богъ городской рѣки и воинъ, всходящій на крѣпость по лѣстницѣ. Надпись говорила, что Эльбингъ покорился военному искусству (Elbinga martiali industriali capta).

Марта 15-го по льду Финскаго залива перешли на Котлинъ островъ 5000 конницы и пѣхоты, съ 10 пушками и 3 мортирами, подъ начальствомъ Апраксина, пожалованнаго при началѣ похода графскимъ достоинствомъ и чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Скрывая движеніе отъ непріятеля, русское войско шло по льду прямо на Выборгъ, и 22-го марта ночью явилось подъ древними стѣнами Выборга. Зима и каменистое мѣстоположеніе препятствовали осаднымъ работамъ, но 1-го апрѣля была однакожъ открыта пальба по городу. Русскіе отряды подходили одинъ за другимъ. Комендантъ сначала не заботился о защитѣ, ожидая помощи отъ Либекера и шведскаго флота. Апрѣля 12-го русскіе отбили вылазку его. Либекеръ, испуганный неожиданнымъ появленіемъ русскихъ, не шелъ на помощь, и ледъ препятствовалъ шведскому флоту явиться къ Выборгу. Апраксинъ видѣлъ себя однакожъ въ затруднительномъ положеніи: недоставало пороху, не было хлѣба, что все должно было привезть по морю. Осада шла медленно. Пальбу поддерживали только для виду. Отряды Либекера начали наконецъ появляться, и Апраксинъ думалъ уже, что опять, какъ за четыре года прежде, осада кончится неудачею. Онъ располагался отступать. Строгія приказанія царя остановили его. Самъ великій шаутбенахтъ былъ готовъ идти съ флотомъ, ждалъ только вскрытія моря, и едва взломало ледъ, выступилъ отъ Котлина 25-го апрѣля. Семь фрегатовъ составляли первую линію русскаго флота, а затѣмъ, въ 12-ти линіяхъ, шли 219 шнявъ, бригантинъ, ботовъ, фрегатовъ, скампавей, галеръ, на коихъ находились войско, осадная артиллерія, снаряды и запасы. Кромѣ царя, на флотѣ были вице-адмиралъ Крюйсъ и шаутбенахтъ Боцисъ. По числу судовъ, составлявшихъ уже и въ то время балтійскій флотъ, можно судить о заботахъ, какія употребилъ на кораблестроеніе великій зиждитель его въ теченіе семи лѣтъ, при всѣхъ другихъ дѣлахъ и многообразныхъ попеченіяхъ. Жестокая буря и потомъ морозъ, коимъ сомкнуло ледъ, остановили плаваніе. Положеніе было опасно. Суда могло разбить льдинами, но царь не согласился на предложеніе воротиться. Самъ онъ, въ

шнявѣ, осматривалъ положеніе мѣста, прорубая ледъ и ломая его фрегатами, плывшими на всѣхъ парусахъ, когда другія судна шли за ними, цѣпляясь другъ за друга. Между тѣмъ вѣтромъ опять разломало и принесло ледъ, и 8-го мая флотъ прибылъ въ Выборгскій заливъ. Привезенныя на немъ десять тысячъ войска, 80 пушекъ, 26 мортиръ, провіантъ, снаряды, дали средства усилить осаду. Получено было извѣстіе о приближеніи шведскаго флота. Опасаясь, что русскія суда будутъ заперты съ моря, царь поспѣшно отправился съ частью фрегатовъ и галеръ въ Кронштадтъ, надѣясь заманить шведовъ къ Выборгу и поставить ихъ между двухъ огней. Шведскій флотъ, узнавъ о томъ, не посмѣлъ приблизиться и удалился. Выборгъ громили съ 1-го іюня изъ 100 орудій. Черезъ недѣлю въ стѣнахъ крѣпости сдѣланъ былъ проломъ и бомбами разрушены въ городѣ многія зданія и внутреннія укрѣпленія. Отъѣзжая изъ Выборга, царь предписалъ немедленно брать городъ приступомъ, когда откроется проломъ достаточный. Онъ приказывалъ штурмовать въ одно время съ берега и съ моря, и днемъ, ибо „уже давно извѣдано", говорилъ онъ „что ночные штурмы не удаются, ради многихъ причинъ, которыя излагать излишне. Призовите на помощь Бога, учините добрую диспозицію, и какъ всѣ дѣла человѣческія отъ сердца происходятъ, увеселите сердца солдатскія тѣмъ, что, по словамъ Давида, веселитъ сердце человѣческое". Заболѣвши лихорадкою отъ жестокой простуды на морѣ, царь принужденъ былъ оставаться въ Петербургѣ, и скорбѣлъ, что самъ не можетъ явиться къ Выборгу на приступъ, назначенный Апраксинымъ 9-го іюня. „Если можно, то отложите на нѣсколько дней", писалъ царь. „Сегодня приму я послѣднее лѣкарство и завтра могу ѣхать, а впрочемъ помоги вамъ Богъ!"

Царь не замедлилъ пріѣздомъ, но приступа не было. Видя беззащитность свою, силу русскихъ и готовность ихъ на штурмъ, комендантъ выслалъ договариваться. Онъ требовалъ выпуска изъ города съ оружіемъ. Апраксинъ не соглашался. Царь рѣшилъ споръ, позволилъ выйти шведамъ съ ружьями, безъ знаменъ и безъ барабановъ. Русскіе заняли городъ. Царь самъ ввелъ черезъ проломъ свой преображенскій полкъ, снялъ шведскіе караулы, отправилъ молебствіе съ пушечною пальбою, осмотрѣлъ городскія зданія и объявилъ шведскому коменданту, что непріязненные поступки шведскаго правительства принуждаютъ его нарушить договоръ. Онъ поставилъ на видъ, что шведы до сихъ поръ не отпускаютъ посла его, задержаннаго въ 1700 году, и не только не хотятъ размѣнять плѣнныхъ, даже держатъ ихъ въ заключеніи, безъ различія военныхъ и купцовъ, захваченныхъ и ограбленныхъ въ Швеціи при началѣ войны. Всего болѣе оскорбляло царя безчестіе, нанесенное русскому флоту, когда на русской шнявѣ, явившейся въ Стокгольмъ для переговоровъ подъ бѣлымъ флагомъ, не только мирный флагъ сей былъ нагло сорванъ, но и самая шнява задержана плѣнною. Царь объявилъ выборгскій гарнизонъ военноплѣннымъ, обѣщая ему свободный отпускъ, когда во всѣхъ изложенныхъ жалобахъ получитъ удовлетвореніе.

Число взятыхъ такимъ образомъ въ плѣнъ шведовъ простиралось до 3800 солдатъ и 150 офицеровъ; 400 шведовъ изъ сего числа добровольно вступили въ русскую службу. Пушекъ найдено было въ Выборгѣ 150, мортиръ 8, ружей болѣе 5000.

Малою потерею со стороны русскихъ разрушена была ограда Финляндіи и пріобрѣтена древняя, знаменитая крѣпость, никогда дотолѣ не покорявшаяся русскимъ. Отряды Либекера спѣшили удалиться отъ Выборга, оставляя свободный путь на Кексгольмъ. Брюсъ былъ отправленъ туда съ нѣсколькими полками. Апраксину препоручено возобновить стѣны и укрѣпленія выборгскія. Царь ввелъ побѣдительные полки свои въ Петербургъ 23-го іюня, и въ день воспоминавія Полтавской битвы пальба послѣ молебна производима была изъ выборгскихъ пушекъ, поставленныхъ на площади. Вездѣ, гдѣ ни бывалъ царь, воспоминанія взятія Шлиссельбурга и Нарвы, и битвы подъ Лѣснымъ, были имъ ежегодно празднуемы. Но блистательнѣе всѣхъ бывалъ праздникъ Полтавскій. Особенная церковная служба была сочинена для сего праздника ученымъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, и донынѣ ежегодно 27-го іюня церковь православная возглашаетъ краснорѣчивыя духовныя пѣсни, тогда составленныя. За взятіе Выборга Апраксинъ былъ награжденъ андреевскимъ орденомъ. На медали, выбитой въ память сего достопамятнаго завоеванія, изображенъ былъ соколъ, поражающій аиста, съ надписью: „Взятъ дерзновенный“ (occupat audentem), и стихами Виргилія: Tam multa in tectis crepitans salit horrida grando (съ трескомъ ударяетъ въ кровы ужасный градъ)!—Взятіемъ Выборга Петербургу конечное обезопасеніе положено“, писалъ царь Ромодановскому. Для усиленія укрѣпленій завоеваннаго города прислано было 2000 работниковъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ паденія Выборга покорилась царскому оружію ограда Ливоніи, древній городъ крестоносцевъ ливонскихъ, основанный за пять столѣтій, считавшійся первымъ шведскимъ городомъ послѣ Стокгольма по опредѣленію Карла XI-го, видѣвшій бѣжавшія отъ стѣнъ его дружины царя Алексѣя въ 1656 году, богатый торговлею, многолюдный, десять лѣтъ пренебрегавшій кипѣвшею окрестъ него войною и побѣдами русскихъ—покорилась Рига.

Завоеваніе Риги было не легко, при сильныхъ укрѣпленіяхъ, многочисленности гарнизона, мужествѣ коменданта. Мы видѣли, что первымъ дѣломъ царя послѣ полтавской побѣды была осада Риги, и что еще съ октября 1709 года начата была блокада ея. Комендантъ, не только не слушалъ предложеній о сдачѣ, но осмѣлился даже отвѣчать ругательными объявленіями, называя русскихъ и царя ихъ варварами и призывая лифляндцевъ соединиться съ шведскимъ войскомъ. По волѣ царя Шереметевъ отвѣчалъ ему, „подражая его штилю, въ коемъ и будутъ всегда ему отвѣтствовать, если онъ не будетъ писать учтивѣе“, говорилъ русскій полководецъ. „Пора вспомнить“, продолжалъ онъ, „что гордость уже неприлична шведамъ и лучше быть имъ посмирнѣе. Но видно честолюбіе имъ свойственно, если и несча-

стіе ихъ не вразумляетъ. Мы пришли не отяготить, но избавить Лифляндію отъ ихъ притѣсненій и власти короля истиннаго варвара, по безчеловѣчію его, оставившаго и разорившаго своихъ подданныхъ. Мы, варвары, почтили честью даже плѣнныхъ шведовъ, забывая неправедную войну, обиды и разоренія. Пусть вспомнятъ господа шведы, что гнѣвъ безсильный смѣшонъ. И къ какому шведскому войску велятъ они присоединиться жителямъ, когда въ Лифляндіи, кромѣ запертыхъ въ стѣнахъ Риги, нѣтъ и десяти шведскихъ солдатъ?"

Осажденные ожидали, что только весною начнется настоящая осада, но ихъ ужаснули русскія бомбы, во множествѣ полетѣвшія въ городъ декабря 4-го, „едва поутру раздались звуки органовъ соборной церкви", говоритъ самовидецъ осады. На другой день бомбардированіе замолкло, но 10-го возобновилось. Декабря 12-го въ полночь взорвало бомбами пороховой магазинъ, изъ коего разлетѣлось по городу 1800 бомбъ, убито было 800 человѣкъ, разрушились многія зданія въ цитадели и развалилась часть стѣнъ. Сочтено, что съ 14-го ноября по 17-го марта брошено было въ Ригу до 1200 бомбъ, и учинено по городу болѣе 1500 выстрѣловъ. Еще болѣе бѣдствій причиняли Ригѣ два страшныхъ непріятеля—голодъ и зараза. Тысячи гибли отъ недостатка пропитанія и повальныхъ болѣзней, имъ причиняемыхъ. Къ веснѣ всѣ запасы были истощены, и зараза усилилась. Кто могъ изъ жителей бѣжать, бѣжалъ къ русскимъ, а настоящая осада только что начиналась! Въ мартѣ обложило Ригу все многочисленное войско Шереметева. Ужасы голода и заразы достигали крайней степени. Недоставало мѣста на могилы и людей хоронить погибавшихъ. Пальба и бомбардированіе усилены были въ концѣ марта. Русскіе овладѣли частью форштадтовъ, и поставили батареи такъ близко подлѣ крѣпости, что дальнѣйшее упорство осажденныхъ могло обратить въ груду развалинъ весь городъ, еще недавно столь многолюдный и богатый. Дѣятельность русскихъ остановило на нѣкоторое время неожиданное бѣдствіе: язва изъ города занесена была въ русскій лагерь, распространилась въ немъ и погубила нѣсколько тысячъ человѣкъ. Надобно было принимать предосторожности, прекратить сношеніе съ зараженными мѣстами. Пользуясь тѣмъ, въ началѣ іюня шведская эскадра хотѣла пробраться къ городу по Двинѣ. Русскія батареи заставили ее удалиться. Въ половинѣ іюня кончены были послѣднія батареи русскія. Щадя жителей и упорнаго непріятеля, Шереметевъ послалъ съ послѣднимъ предложеніемъ о сдачѣ. Жители умоляли о томъ коменданта. Онъ просилъ два дня на совѣщаніе и еще разъ отказался сдать городъ, даже заключилъ въ тюрьму старшинъ города, смѣло представлявшихъ ему безполезность упорства. Іюня 14-го страшно грянули русскія батареи. Пожары запылали въ городѣ; люди гибли; зданія превращались въ груду обломковъ. Въ теченіе десяти дней, не умолкая ни днемъ, ни ночью, русскія мортиры бросили въ городъ 630 бомбъ 9-ти пудовыхъ и 2759 пятипудовыхъ. Комендантъ выслалъ просить

перемирія и десяти дней срока на совѣтъ. Согласились дать ему два дня отсрочки, потомъ прибавили еще день, и 30-го іюня явились въ лагерь депутаты отъ гарнизона и отъ города. Условія Шереметева были рѣшительныя: гарнизону сдаться безусловно, а жителямъ и дворянству присягнуть на подданство царю. Споры продолжались недолго. Шереметевъ согласился, наконецъ, позволить гарнизону выйти изъ крѣпости съ ружьями, знаменами, барабанами, и 6-ю полевыми пушками, исключая служащихъ въ шведскомъ войскѣ лифляндцевъ. По договору съ жителями города и дворянствомъ, Рига и Лифляндія присягали на подданство царю. Актъ подданства начинался словами: „Не токмо изъ объявленной Израильскому народу экономіи Божьяго правленія извѣстно, что перемѣны во владѣніяхъ отъ Всевышняго дирекціи зависятъ и на пользу людямъ располагаются, но и по натуральному разсужденію признается, что Всевышній временами правитъ, и Онъ есть причина начальная всѣхъ дѣлъ, какъ непредѣльному его предувѣдѣнію учинить. И равно такъ и нынѣ пришло, что земля Ливонская, съ городами и обывателями, отъ короны Свейской взимается и Его Царскому Величеству поддана и подвержена быть имѣетъ". Подробно подтверждены были рижанамъ и дворянству лифляндскому свобода вѣроисповѣданія, права, привилегіи; обѣщано отмѣненіе редукцій, охраненіе вольностей и законовъ. Іюля 4-го шведское войско, 250 офицеровъ и 4000 солдатъ, бѣдный остатокъ (наполовину состоявшій изъ больныхъ и раненыхъ) отъ 12,000 храбраго шведскаго гарнизона оставилъ Ригу. Русскіе заняли столицу Лифляндіи. Она представляла страшное зрѣлище разрушенія. Число войска жителей, погибшихъ во все время облежанія и осады города, полагали до 60,000. Въ Ригѣ найдена громадная артиллерія, 85 мѣдныхъ и 227 чугунныхъ пушекъ, 18 мортиръ, 5 гаубицъ, и въ цитадели 15 мѣдныхъ, 239 чугунныхъ пушекъ, 43 мортиры, 7 гаубицъ, а всего до 639 орудій. Іюня 12-го Шереметевъ торжественно въѣхалъ въ Ригу при пушечной пальбѣ. У городскихъ воротъ поднесли ему два золотые ключа въ три фунта вѣсомъ, съ надписью: Rigae devictae obsequium a supremo totius Russiae campi praefecto com. Boris Scheremeteff, anno salutis MDCCX, die XIV Julii. Въ древнемъ королевскомъ замкѣ привѣтствовали его ораціею. „Богъ возвышаетъ и низлагаетъ царства", говорилъ ораторъ, „и мы благоговѣйно преклоняемъ колѣна предъ монархомъ, избраннымъ возвеличить Россію". Въ соборѣ учинена была присяга дворянства. На особо устроенномъ мѣстѣ передъ ратушею, сидя въ богатыхъ креслахъ, фельдмаршалъ принялъ присягу гражданъ. Въ русскомъ лагерѣ былъ роскошный пиръ для новыхъ подданныхъ царскихъ. Немедленно повсюду замѣнили шведскихъ львовъ русскіе орлы; и уже не слетали они съ тѣхъ поръ съ древнихъ стѣнъ и башенъ рижскихъ. Приказавъ очищать городъ, возобновлять укрѣпленія и зданія, возстановить сообщенія изнуренныхъ жителей съ другими мѣстами, Шереметевъ отвелъ войско русское отдохнуть въ удобныхъ квартирахъ.

Царь утвердилъ всѣ заключенныя съ Ригою условія, кромѣ одного: комендантъ рижскій и половина шведовъ были задержаны, въ силу тѣхъ самыхъ причинъ, по коимъ задержанъ былъ гарнизонъ выборгскій. Горестно повторилъ Штромбергъ знаменитое: Viae victis (горе побѣжденнымъ), услышавъ о рѣшеніи царскомъ; впрочемъ, онъ вскорѣ былъ обмѣненъ на стараго сослуживца царскаго, Адама Вейде. Завоеваніе Риги ознаменовано медалью, гдѣ надъ бомбардируемою Ригою было написано: Riga redit Russis apto certamine castris (послѣ упорной защиты покорена Россіи).

Не будемъ излагать подробностей покоренія остальныхъ городовъ Лифляндіи и Эстляндіи. Стѣсненные блокадою, терзаемые недостатками и заразою, всюду распространившеюся, они почти не оказывали сопротивленія. Іюля 22-го генералъ Бауръ, съ 6-ю полками, явился у Пернова. Августа 14-го сдался ему сей городъ. Изъ 1000 человѣкъ гарнизона оставалось только 120; имъ позволяли удалиться въ Ревель, но они всѣ вступили въ русскую службу. Пушекъ найдено здѣсь 183, мортиръ и гаубицъ 18. Динаминдская крѣпость не сдавалась, и когда генералъ-майоръ Бонъ подошелъ къ ней съ 2000 человѣкъ, вмѣсто бывшаго въ ней гарнизона, 1200 человѣкъ, вымершаго отъ заразы, прислано было изъ Швеціи 700 человѣкъ; изъ нихъ оставалось уже только 300. Принуждены были начать бомбардированіе. Нѣсколько бомбъ русскихъ рѣшили участь крѣпости. Шведовъ, по договору, перевезли на островъ Эзель. Въ Динаминдѣ взято было 200 пушекъ и 20 мортиръ. Ревель былъ обложенъ русскими съ начала весны. Полковникъ Зотовъ блокировалъ его съ драгунами. Въ августѣ пришелъ бригадиръ Иваницкій съ пѣхотою. Недостатокъ и болѣзни въ городѣ усилили толпы укрывшихся въ въ немъ эстонцевъ. Русскіе перерыли каналъ, посредствомъ коего жители довольствовались водою изъ Эркельскаго озера, и недостатокъ воды довершилъ бѣдствія Ревеля. Августа 19-го пришли отряды отъ Пернова. Русскій полкъ переправился на островъ Эзель. При появленіи его гарнизонъ Аренсбурга, небольшой крѣпости на Эзелѣ (гдѣ найдено 66 пушекъ и 4 мортиры), сдалъ ему сію крѣпость. Генералъ Бауръ тѣснѣе обложилъ Ревель. Со дня на день ждали, что безразсудное упорство ревельскаго коменданта Паткуля уступитъ необходимости и просьбамъ жителей, умолявшихъ его о сдачѣ. Осаждающіе даже не стрѣляли. Ревелю предложено было сдаться на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ покорилась Рига; обѣщаны были также неприкосновенность всѣхъ правъ и охраненіе собственностей. Пока продолжались переговоры, получена вѣсть о покореніи Кексгольма, древней Карелы, крѣпости, находящейся у сѣверо-западнаго берега Ладожскаго озера, на двухъ небольшихъ островкахъ, образуемыхъ вліяніемъ въ Ладожское озеро рѣки Соймы. Крѣпкое мѣстоположеніе давало осажденнымъ средства защиты. Генералъ Брюсъ началъ обложеніе крѣпости съ іюля мѣсяца. При несоглашеніи на сдачу открылось бомбардированіе. Въ августѣ по Ладожскому озеру привезена была осадная артиллерія. Не видя помощи, терпя недостатки въ хлѣбѣ и погибая отъ дѣйствія артиллеріи, гарнизонъ, состоявшій изъ 400 человѣкъ,

сдался наконецъ сентября 6-го, съ условіемъ отпуска въ ближайшій городъ финляндскій Нейшлотъ, съ ружьями, безъ знаменъ. Кексгольмъ, ровно сто лѣтъ бывшій подъ властью шведскою, дававшій средства непріятелю владѣть Ладожскимъ озеромъ, и еще болѣе безопасившій Петербургъ, порадовалъ покореніемъ своимъ царя, а черезъ двѣ недѣли получено извѣстіе о покореніи Ревеля, втораго города послѣ Риги въ Остзейскихъ областяхъ, бывшаго во владѣніи шведскомъ съ 1561 года. Завоеваніе его учинено безъ выстрѣла. Жители возстали наконецъ противъ шведовъ, не допустили въ городъ шведскихъ кораблей, подошедшихъ въ началѣ сентября, извѣщая шведскаго адмирала, что онъ идетъ на погибель, ибо въ городѣ едва остается десятый человѣкъ отъ заразы. Съ удаленіемъ шведской эскадры начальство города вступило въ переговоры съ осаждающими. Комендантъ долженъ былъ согласиться. Онъ лежалъ въ постели, тяжко больной. Ему позволили съ остаткомъ гарнизона удалиться въ Швецію. Сентября 29-го русскіе заняли Ревель. Въ немъ найдено 57 пушекъ мѣдныхъ, 174 чугунныхъ, и 74 мортиръ и гаубицъ. Покореніе древней столицы эстонской довершило завоеваніе всѣхъ Балтійскихъ областей. Отъ предѣловъ Лифляндіи до границъ Курляндіи все принадлежало русскому царю.

На взятіе Динаминда выбита была медаль, съ надписью: Благо вамъ, уступившимъ устье Двины Россіи. На медали на взятіе Пернова сказано было: Remeante die victricia signa (Ежедневно новыя побѣды). — Карела повинуется велѣніямъ ликующаго Марса (Imperio laeti paret Carela gradivi), говорила медаль на взятіе Кексгольма. Превозмогающей силѣ Петра уступаетъ Ревель (Predominante Petri solio Revalia cessit), было на медали ревельской. Аренсбургъ, на колѣняхъ подносящій царю вѣнецъ, изображался на медали на взятіе острова Эзеля, съ надписью: Oeselia insula ita in idem recepta (Такъ и Эзель покорился). Двумя медалями означено было вообще покореніе Лифляндіи и Эстляндіи: на одной изображенъ былъ Геркулесъ, несущій на раменахъ земной шаръ, съ надписью (изъ Овидія): Есть у меня силы понести такую тяжесть (Sunt mihi quae valeant in talia pondera vires). На другой виденъ былъ русскій орелъ, окруженный гербами восьми покоренныхъ городовъ, съ надписью: Plenis successibus annus (Полный успѣхами годъ).

Дѣйствительно, полонъ успѣхами былъ достопамятный 1710-й годъ. Петербургъ, Москва, Россія безпрерывно оглашались хвалебнымъ пѣніемъ Богу побѣдодавцу. Лифляндія и Эстляндія, приведенныя въ подданство царю; Финляндія, увидѣвшая отверзтые въ нее пути русскимъ; восемь городовъ, Эльбингъ, Выборгъ, Рига, Перновъ, Динаминдъ, Аренсбургъ, Кексгольмъ, Ревель, покоренные въ теченіе десяти мѣсяцевъ, когда ихъ защищали болѣе 25,000 человѣкъ гарнизона, съ 2000 артиллерійскихъ орудій, въ Финляндіи стоялъ корпусъ шведскихъ войскъ, и флотъ шведскій могъ доставлять пособія, при большихъ въ каждой крѣпости запасахъ — таковы были военныя событія года, послѣдовавшаго послѣ полтавской побѣды. Легкія завоеванія русскихъ приписывали потомъ свирѣпствовавшей тогда въ Польшѣ, Ливоніи,

Эстоніи и Курляндіи заразѣ и голоду, губившему гарнизоны въ крѣпостяхъ, но при томъ забывали, что сіи причины не существовали въ Финляндіи, гдѣ на глазахъ Либекера палъ Выборгъ. Кромѣ того, взятіе Выборга, Кексгольма и осада Риги показали искусство и мужество русскихъ войскъ. Если осажденные страдали отъ недостатковъ и болѣзней, отъ нихъ терпѣли и осаждающіе, останавливаясь въ рѣшительныхъ мѣрахъ, какія безъ того приняли бы безъ замедленія, ибо русскіе не боялись брать приступомъ шведскіе города.

Нѣтъ. События 1710 года доказываютъ мудрую предусмотрительность царя, еще на Полтавскомъ полѣ взвѣсившаго и расположившаго всѣ мѣры для собранія плодовъ своей великой побѣды. Личныя распоряженія и труды его при осадѣ Выборга доказываютъ, что притомъ ничего не упускалъ онъ изъ вида для совершенія своихъ предпріятій. Въ другомъ отношеніи сіи событія доказали, до какой степени были истощены тогда средства Швеціи, и какъ упали духомъ шведы и правители ихъ. Уныніе, отчаяніе владѣли сердцами всѣхъ. Погибель войска въ походѣ въ Россію, въ 1708 и 1709 годахъ, и войска находившагося въ остзейскихъ и финляндскихъ гарнизонахъ, произвели то, что все остальное войско шведское ограничивалось остатками Либекерова корпуса въ Финляндіи и немногими полками въ Швеціи. Собрать новыя силы не было возможности, и могли ли новобранныя войска замѣнить прежніе мужественные полки! Отъ чертоговъ до хижинъ немногія семейства не оплакивали смерти или плѣна кого-либо изъ своихъ родныхъ, и вся Швеція видѣла погибшимъ цвѣтъ юности, ума и мужества, министровъ, полководцевъ, войска свои. Не вѣрили даже, что Карлъ XII уцѣлѣлъ и называли самозванцемъ бендерскаго бѣглеца, не слушаясь указовъ сената, издаваемыхъ именемъ его. Бѣдствія умножала зараза, перевезенная въ Швецію и въ одномъ Стокгольмѣ погубившая болѣе 30,000 жителей.

Дѣйствія союзниковъ царскихъ были однакожъ не только безуспѣшны въ 1710 году, но даже кончились безславнымъ пораженіемъ датчанъ и неожиданнымъ торжествомъ шведовъ. Мы видѣли, что датчане начали военныя дѣйствія еще въ концѣ 1709 года. Трактатъ Даніи съ Россіею возобновленъ былъ октября 11-го въ Копенгагенѣ. Данія обязывалась немедленно учинить высадку въ Швецію изъ Норвегіи и изъ Копенгагена, не мириться отдѣльно, не принимать ни чьего посредничества. Безопасная со стороны Голштиніи нейтралитетомъ сосѣдей, Данія начала войну манифестомъ, „доказывавшимъ, какъ легко найти причины нарушить трактатъ, если хотятъ его нарушить“ (говоритъ Вольтеръ). Ноября 1-го 18,000 датчанъ, предводимыхъ генераломъ Ревентлау, вышли на берега Сканіи, овладѣли городами Христіанфортомъ и Гельзингборгомъ, обложили Мальмое и Ландскрону и угрожали Карлскронѣ, гдѣ было главное адмиралтейство и находился флотъ шведскій. Швеція казалась беззащитною.

Но чрезмѣрныя бѣдствія иногда бываютъ причиною появленія необыкновенныхъ людей. Такъ сбылось и здѣсь. Генералъ-губернаторъ Сканіи былъ

тогда Магнусъ Штеинбокъ. Въ лѣтахъ мужества (онъ родился въ 1664 г.) начавши школу войны, онъ сопровождалъ Карла XII-го во всѣхъ походахъ его, въ Россію, Польшу, Саксонію, и изъ-подъ Лейпцига посланъ былъ правителемъ въ Сканію. Къ уму полководца Штеинбокъ присоединялъ неукротимую храбрость, безкорыстное усердіе патріота и необыкновенное краснорѣчіе. Видя непріятеля въ родныхъ областяхъ шведскихъ, угрожавшаго истребленіемъ флота (и далеко ли отъ столицы?), видя правителей, потерявшихъ умъ при близости погибели, Штейнбокъ ревностно принялся за дѣло, призвалъ далекарлійцевъ, нѣкогда возведшихъ на престолъ Густава Вазу, собралъ толпы поселянъ, вооружилъ ихъ, чѣмъ могъ, присоединилъ къ нимъ нѣсколько полковъ, бывшихъ у него, одушевилъ всѣхъ своими рѣчами, обучилъ сражаться, составилъ 10 пѣхотныхъ, 9 конныхъ полковъ, и повелъ на датчанъ своихъ мужиковъ (bonde-drängar), какъ въ насмѣшку назвали ихъ датчане. Стремительность нападенія, храбрость Штеинбока, оплошность Равентлау всюду давали неожиданное преимущество шведамъ. Мальмое и Ландскрона были освобождены отъ осады. Датчане отступили къ Гельзингборгу. Здѣсь, пройдя недоступными болотами, Штеинбокъ нечаянно напалъ на датчанъ марта 6-го. Битва была отчаянная. Шведы дрались кто чѣмъ могъ, ножами, косами, вилами; 3000 шведовъ пало въ битвѣ, но датчане были разбиты на голову, потеряли 4000 убитыми, 3000 ранеными, 3000 плѣнными. Только подоспѣвшій флотъ датскій спасъ остатки датскаго войска. Гельзингборгъ осадили, бомбардировали, принудили сдаться, и лѣтомъ 1710 года ни одного датчанина уже не было на шведскихъ берегахъ. Побѣды оживили упавшій духъ шведовъ. Всѣ спѣшили къ оружію; нашли средства вооружить рекрутовъ и Штеинбокъ охранялъ берега уже съ 20,000 войска. Такое слабое и послѣднее усиліе шведовъ, конечно, было ничтожно, еслибы союзники дружно принялись за дѣло, тѣмъ болѣе, что датчане, оскорбленные пораженіемъ, не оробѣли, но пылали всею народною ненавистью къ шведамъ, приготовили вновь 36,000 войска и флотъ. Сдѣлалось, что предвидѣлъ царь.

Мы говорили о протестѣ имперскаго сейма и отношеніяхъ по сему случаю царя и короля Августа. Когда померкла на сѣверѣ слава Карла XII-го, на западѣ также померкала съ каждымъ годомъ слава Людовика XIV-го. Тяжко расплачивался онъ за прежніе успѣхи. Уденардская битва, 1708 года, заставила его смиренно просить мира. Посолъ Людовика XIV-го явился въ передней голландскаго пенсіонарія. Но союзники хотѣли не только уступокъ, требовали безславія Франціи. Война возобновилась, и годъ Полтавской битвы ознаменовался знаменитою побѣдою союзниковъ при Мальплакетѣ (11-го сентября 1709 г.). Продолжительная война утомила однакожъ всѣхъ, доказавъ притомъ, что силъ Людовика XIV-го невозможно уничтожить. Несогласія внѣдрялись между союзниками. Марлборугу завидовали, искали его погибели. Время было рѣшительное, и война, которою угрожали сѣверу Германіи Пруссія, Польша, Данія, когда въ нее вмѣши-

вался побѣдитель Карла XII-го, русскій царь, встревожила имперію. Франція могла найти союзниковъ и отвлечь силы другихъ державъ. Сеймъ имперскій рѣшительно объявилъ, что онъ не допуститъ военныхъ дѣйствій ни въ Голштиніи, ни въ Помераніи. Императоръ, королева англійская, Голландія заключили договоръ (31-го марта 1710 г.), коимъ обязались требовать строгаго нейтралитета имперскихъ земель. Шведы не должны были двигать войскъ своихъ изъ Помераніи; а Польша, Швеція, Англія и Россія обязывались не нападать ни на Померанію, ни на Голштинію. Опредѣлено было для поддержанія нейтралитета собрать охранный корпусъ изъ войскъ императорскихъ, прусскихъ, ганноверскихъ, голландскихъ и мюнстерскихъ: „самый странный трактатъ, какой когда либо былъ заключаемъ, и неслыханный примѣръ сбора войскъ, съ цѣлью не воевать, а остановить войну.“ Короли датскій, прусскій, польскій, шведское правительство и Крассовъ, какъ губернаторъ Помераніи, приняли предложенный нейтралитетъ, предоставляя утвердить или отвергнуть его Карлу XII-му. Сей нейтралитетъ не связывалъ воли союзниковъ, ибо они могли воевать противъ шведовъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, кромѣ материка Европы, такъ что Пруссія, выставляя нейтральныя войска для охраненія тишины въ Помераніи, могла послать свое другое войско въ Швецію. Не смотря на то, приглашеніе Даніи соединить русскія, прусскія и польскія войска съ датскимъ для высадки въ Швецію, осталось неисполненнымъ. Пруссія начала переговоры. Польскій король не имѣлъ силъ исполнить обѣщаніе.

Совѣты царя, желаніе успокоить Польшу, и опасность возмущенія, еслибы онъ началъ преслѣдованіе измѣнявшихъ ему польскихъ вельможъ, заставили короля Августа предать забвенію всѣ прежнія дѣла. Но великодушіе невольное, вынужденное обстоятельствами, не доставило ему любви народной. Сеймъ варшавскій, въ февралѣ 1710 г., показалъ трудность умирить Польшу и привесть въ порядокъ государственныя замѣшательства, когда поляки не терпѣли Августа, видѣли его безсиліе, и десять лѣтъ безначалія разрушили между ними всѣ законы, связи и отношенія гражданскія, пріучивъ знатныхъ и простолюдиновъ къ своевольству. Взаимныя жалобы, споры партій, требованія ограбленныхъ и отнятыхъ имѣній заняли шумный сеймъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ сильная партія враговъ короля Августа возстала противъ него, требуя вывода саксонскихъ войскъ изъ Польши, возвращенія коронныхъ сокровищъ, прекращенія военныхъ поборовъ и налоговъ. Еще сильнѣе возставали противъ царя его распоряженія въ Польшѣ, тягости содержанія русскихъ войскъ. Требовали, чтобы русскіе отдали артиллерію, взятую ими, очистили Эльбингъ и польскую Украйну, отпустили плѣнныхъ поляковъ, разсчитались въ контрибуціяхъ. Вся прежняя гордость поляковъ возобновилась; говорили смѣло, даже угрожали, какъ будто Польша могла подкрѣпить слова и угрозы дѣломъ. Король Августъ самъ тяготился помощью царя, легкомысленно надѣясь, что и безъ него усмиритъ Польшу, но всего болѣе огорчало его взятіе Риги, обѣщанной ему и приведенной

въ подданство Россіи послѣ завоеванія, а также новыя отношенія царя къ Курляндіи.

Царь не изъявлялъ споровъ, не отказывалъ въ требованіяхъ имперскому сейму, увѣрялъ въ дружбѣ союзниковъ и мирно старался образумить поляковъ. Онъ принялъ нейтралитетъ шведскихъ владѣній въ Германіи, зная, что нейтралитетъ сей не продолжится. Пользуясь между тѣмъ временемъ, онъ очистилъ Прибалтійскія области, взялъ Ригу и Выборгъ. Королю Августу отвѣчалъ онъ, что умиреніе Польши и пребываніе Карла XII-го въ Турціи дѣлаютъ необходимымъ пребываніе въ Польшѣ русскихъ войскъ; что Рига приведена только во временное подданство Россіи, и будетъ отдана Польшѣ при заключеніи мира; что въ контрибуціяхъ онъ разочтется, а Вишневецкаго и другихъ мятежниковъ, коихъ выдачи требовалъ сеймъ, необходимо удержать въ Россіи до совершеннаго успокоенія Польши. Посолъ царскій ловко проводилъ поляковъ обѣщаніями и ссорилъ ихъ между собою. Царь изъ Петербурга управлялъ Польшею. Представитель его въ Варшавѣ, князь Долгорукій, и Меншиковъ, начальникъ русскихъ войскъ въ Польшѣ, поступали самовластительно, не смотря на ропотъ и жалобы. Вопреки объявленному всепрощенію мятежники были забираемы, контрибуціи строго собирались. Царь потребовалъ отъ Данцига мильона ефимковъ, угрожая при отказѣ осадою, и рѣшительно приказывая магистрату данцигскому прекратить сношенія и торговлю съ Швеціею. Изъ Эльбинга взяты были въ Россію мастеровые и художники. Русскіе не выходили изъ Польши. Царь обѣщалъ Даніи помощь войскомъ для высадки въ Швецію, и лѣтомъ датскій флотъ для перевоза русскихъ и польскихъ войскъ явился у Данцига. Опасаясь потерять войско въ отдаленной экспедиціи и боясь неудачи, ибо видѣлъ на опытѣ, какъ неловки были распоряженія датчанъ, царь уклонился отъ исполненія обѣщаній подъ разными предлогами. Король Августъ слѣдовалъ его примѣру. Датскіе корабли отправились обратно безъ войскъ. На высотахъ Борнгольма жестокая буря разсѣяла датскую эскадру. Шведы воспользовались благопріятнымъ случаемъ, напали на датчанъ при островкѣ Амакѣ (23-го сентября) и въ нерѣшительной битвѣ завладѣли нѣсколькими датскими кораблями. Данія принуждена была оставить на время въ покоѣ Швецію, не осмѣливаясь съ одними своими силами отважиться на высадку послѣ перваго несчастливаго опыта.

Понятно, почему такъ мало заботился царь о дѣлахъ союзниковъ. Онъ былъ занятъ осадою остзейскихъ и финляндскихъ крѣпостей, и его безпокоили притомъ пребываніе Карла XII-го въ Турціи и интриги политическія въ Царьградѣ. Опасенія о началѣ войны съ Турціею были, какъ увидимъ далѣе, совершенно справедливы. Уваженіе нейтралитета и несогласіе союзниковъ въ дѣйствіяхъ являлись достаточными предлогами оправдать бездѣйствіе, когда онъ зналъ, что, обезопасивъ себя отъ Турціи и Карла XII-го, однимъ рѣшительнымъ походомъ можно будетъ отнять Поморанію и явиться въ Швеціи. Балтійскія прибрежья, отъ Помераніи до Фин-

ляндіи, и Польша, были въ его рукахъ, а между тѣмъ другія политическія отношенія и внутреннія дѣла требовали его особеннаго вниманія.

Важнѣйшимъ изъ внѣшнихъ дѣлъ было супружество племянницы царской съ герцогомъ курляндскимъ. Самъ юный герцогъ (ему было тогда 18-ть лѣтъ, а невѣстѣ его 16-ть) пріѣхалъ подъ Ригу, и въ русскомъ лагерѣ переговаривалъ съ Меншиковымъ. Любимецъ царскій подарилъ герцогу арабскаго коня, множество соболей, драгоцѣнный сапфиръ въ 50,000 ефимковъ и 2000 бочекъ муки. Онъ повезъ въ Петербургъ условія жениха. Царь великолѣпно встрѣтилъ своего любимца: выѣхалъ къ нему на встрѣчу, со всѣмъ дворомъ, къ Красному Кабачку, и велѣлъ палить изъ пушекъ при въѣздѣ его въ столицу. Меншиковъ, осыпанный богатствомъ и почестями, правитель Польши, первый вельможа въ Россіи, министръ, полководецъ, былъ тогда на высочайшей степени почестей. Цѣня его необыкновенныя дарованія, царь пристрастно прощалъ ему слабости и пороки его, гордость, непріязнь къ другимъ, жадное корыстолюбіе. Онъ съ досадою упрекалъ его, когда Меншиковъ захватывалъ въ Польшѣ богатства, оскорблялъ поляковъ чванствомъ, и иногда въ гнѣвѣ восклицалъ царь: „Александръ! не забудь, что ты былъ прежде!" Но мгновенная досада стихала, и милости продолжались попрежнему. Договоромъ съ Курляндіею царь поручился за независимость сего герцогства отъ Польши, освобождалъ Курляндію отъ поборовъ и постоевъ военныхъ, и въ приданое за племянницею давалъ 200,000 рублей. Условіе подписано было въ іюнѣ. Послы герцога, Ренне и Лау, торжественно обручились съ невѣстою за своего отсутствующаго государя.

Заключая сей родственный союзъ съ Европейскимъ государемъ, первый со временъ Іоанна III-го, женатаго на греческой царевнѣ и выдавшаго дочь свою за короля польскаго, царь разрушалъ двухъ-вѣковой предразсудокъ, столь долго отчуждавшій государей русскихъ отъ родства съ иноземными государями, и осуждавшій дочерей и родственницъ царскихъ на печальное одиночество въ дѣвичьихъ теремахъ. Царь согласился даже, чтобы дѣти курляндскаго герцога мужескаго пола были воспитываемы въ лютеранской вѣрѣ, и только дочери были греческой вѣры. Въ то же время царь искалъ жениха второй племянницѣ своей, Екатеринѣ Іоанновнѣ Желая утвердить вліяніе свое въ Германіи, онъ выбралъ юнаго принца Леопольда Карла, брата владѣтельнаго герцога мекленбургскаго и королевы прусской. Положеніе Мекленбурга, между Голштиніею, Помераніею и Саксоніею, и родство принца съ прусскимъ королемъ рѣшили выборъ царя. Принцъ Леопольдъ былъ уже тогда два года женатъ на принцессѣ пассауской, но, узнавши о намѣреніи царя, онъ рѣшился развестись съ женою. Разводъ совершенъ былъ въ іюнѣ 1710 года, и тогда же начались переговоры съ Россіею о супружествѣ съ царевною Екатериною. Царь получилъ между тѣмъ извѣстіе отъ сына своего, царевича Алексѣя. Продолжая путешествіе по Германіи, съ семействомъ короля Августа, онъ плѣнился младшею внучкою друга Августова, герцога брауншвейгъ-вольфенбиттельскаго Антона Ульриха, до-

черью сына его Людовика Рудольфа, герцога бланкенбургскаго, Шарлоттою Луизою, принцессою добродѣтельною, просвѣщенною и прекрасною. Старшая сестра ея была за эрцъ-герцогомъ австрійскимъ Карломъ, бывшимъ въ то время королемъ Испаніи и виновникомъ гибельной для Франціи войны за испанское наслѣдство. Король Августъ поддерживалъ сватовство. Царь не хотѣлъ противорѣчить выбору сына своего, но отложилъ согласіе, неожиданно услыша предложенія болѣе лестныя. Въ іюлѣ 1710 г. въ Петербургъ прибылъ императорскій посолъ графъ Вильчекъ, убѣждая царя воевать противъ Турціи. Въ тайныхъ переговорахъ предложены были: супружество царевича съ императорскою дочерью; титулъ цезаря царю, съ титуломъ короля сибирскаго, астраханскаго, или казанскаго, царевичу. Іосифъ, государь смѣлый и мудрый, возводя брата на престолъ Испаніи и унижая Людовика XIV-го оружіемъ, таилъ обширные замыслы. Онъ представлялъ царю ничтожность дружбы Августа и союза съ маленькимъ княземъ германскимъ. Плѣненный славою царя, императоръ предлагалъ ему раздѣлить Турцію и Польшу, и желая удержать имперію въ родѣ своемъ, льстилъ надеждою, что царевичъ, послѣ смерти его, какъ супругъ его дочери, можетъ быть избранъ императоромъ. Предложеніе было столь неожиданно, исполненіе плановъ столь исполинскихъ требовало такихъ обширныхъ соображеній, что, принимая съ великими почестями императорскаго посла, царь отложилъ рѣшеніе на предложенія его до личнаго свиданія съ императоромъ. Онъ предполагалъ, немедленно по устройствѣ дѣлъ въ Россіи, ѣхать за границу. До тѣхъ поръ царь не хотѣлъ нарушать мира съ султаномъ и отказался отъ войны съ Турціею. Замѣтимъ одно изъ геніальныхъ предположеній, о коемъ шли тогда между прочимъ съ султаномъ переговоры: царь просилъ уступить ему Святый Гробъ Спасителя, хотѣлъ перевезть изъ Палестины сію безцѣнную святыню въ Россію и поставить ее въ Воскресенскомъ монастырѣ, или Новомъ Іерусалимѣ, воздвигнутомъ близъ Москвы Никономъ. Онъ предложилъ Вильчеку о включеніи Лифляндіи въ число имперскихъ земель, съ правомъ голоса царю на имперскомъ сеймѣ. Вильчекъ отозвался, что Лифляндія еще не утверждена во владѣніи царя.

Царь уже не хотѣлъ никому отдавать Лифляндіи. Депутація лифляндскаго дворянства, присланная въ Петербургъ, подъ начальствомъ барона Левенвольда, подтвердила присягу царю, получила отъ него утвержденіе правъ и привиллегій своихъ и прежнюю свободу торговли. Левенвольдъ назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи, долженствовавшей заняться распредѣленіемъ доходовъ и расходовъ въ Лифляндіи, возобновленіемъ разрушенныхъ городовъ и зданій, отдачею помѣщикамъ имѣній, отнятыхъ редукціею шведскихъ королей, и опредѣленіемъ доходовъ царю.

Среди сихъ дѣлъ и переговоровъ прибылъ въ Петербургъ герцогъ курляндскій. Торжество брака его показывало разницу русскаго двора отъ прежняго, и великое измѣненіе, происшедшее въ теченіе десяти лѣтъ въ нравахъ и обычаяхъ русскихъ. Среди великолѣпія дворскаго, чиновъ и цере-

моній, устроенныхъ по образцу европейскому, среди множества военныхъ и гражданскихъ сановниковъ, видя сильное войско и флотъ, царя побѣдителя, монарха въ союзѣ и дружбѣ съ европейскими государями, кто могъ бы повѣрить, что видитъ дворъ за десять лѣтъ казавшійся азіятскихъ, чуждымъ Европѣ? Свадьба герцога была 30-го октября. Обрядъ вѣнчанія и свадебный пиръ отправлены въ домѣ Меншикова на Васильевскомъ островѣ. Царь, принявъ на себя должность гофмаршала, одѣтый въ красный французскій кафтанъ, въ напудренномъ парикѣ, съ андреевскою лентою черезъ плечо, съ жезломъ въ рукахъ, отправился изъ своего домика, въ своей царской шлюпкѣ, за женихомъ и невѣстою. По совершеніи обряда вѣнчанія, при громѣ пушекъ и звукахъ музыки начался веселый обѣдъ. Нева усѣяна была шлюпками и ботами, пестрѣвшими въ разноцвѣтныхъ флагахъ. За столомъ послѣднимъ блюдомъ были два огромные пирога. Когда разрѣзали ихъ, изъ нихъ вышли двѣ крошечныя карлицы, поздравили новобрачныхъ и протанцовали на столѣ менуетъ, при всеобщемъ хохотѣ. Шутка такъ понравилась всѣмъ, что черезъ двѣ недѣли потомъ царь женилъ своего карлика на карлицѣ, и поѣздъ ихъ составляли семьдесятъ другихъ карликовъ и карлицъ. Свадьба ѣхала въ маленькихъ одноколкахъ на маленькихъ лошадкахъ. Царь, герцогъ, весь дворъ были въ поѣздѣ, и праздникъ кончился пиромъ, фейерверкомъ и пальбою. Величіе царскаго двора, кромѣ герцога и его свиты, умножали присутствіемъ своимъ императорскій посолъ, графъ Вильчекъ, польскій посолъ, графъ Фицтумъ, прусскій посолъ Биберштейнъ, датскій посолъ, адмиралъ Юэль, и изъ числа знаменитыхъ плѣнниковъ Пиперъ, Рейншильдъ, Левенгауптъ, Штромбергъ, Цедергельмъ.

Столь долго отвлекаемый войною и внѣшними дѣлами отъ государственнаго управленія, царь утвердилъ въ то время нѣсколько новыхъ, важныхъ учрежденій, давно имъ предположенныхъ. Главнымъ изъ нихъ было основаніе высшаго мѣста для внутренняго государственнаго управленія, замѣнявшаго прежнюю боярскую думу. Царь далъ сему высшему управленію римское названіе сената. Не менѣе важно было распредѣленіе доходовъ и расходовъ государственныхъ. По свѣдѣніямъ изъ всѣхъ губерній доходы Россіи составляли тогда до 3,150,000 рублей. Царь опредѣлилъ штаты на войско, флотъ, дипломатическую часть и дворъ. Число войска опредѣлялось постоянно изъ 42-хъ полковъ пѣхоты, 33-хъ конницы полевой и 43-хъ полковъ пѣхоты гарнизонной, которая должна была составлять внутреннюю стражу въ государствѣ, оставаясь средствомъ дополненія полевыхъ полковъ. Мысль царя была совершенно уничтожить со временемъ рекрутскіе наборы. Царь учредилъ еще тогда оружейную канцелярію, поручивъ ей заготовленіе оружія и оружейные заводы, и опредѣляя на сей предметъ ежегодно по 300,000 рублей. При усиленномъ кораблестроеніи въ Петербургѣ не оставляемо было кораблестроеніе въ Воронежѣ и Архангельскѣ, ибо царь хотѣлъ видѣть флоты русскіе не только на Балтійскомъ, но и на Черномъ, Каспійскомъ и Бѣломъ моряхъ. Мысль свою выразилъ онъ медалью, гдѣ

представилъ орла, держащаго въ клювахъ и лапахъ четыре флага, а на флагѣ Петербургской крѣпости велѣлъ онъ изобразить орла, держащаго въ когтяхъ четыре моря. Обращая почеченіе на торговлю, царь заключилъ тогда договоръ съ армянскою компаніею, откупившею весь шелкъ въ Персіи; облегченіемъ пошлинъ и льготами хотѣлъ онъ обратить торговлю шелкомъ через Россію. Духовенству поставлено въ обязанность учиться въ академіи и духовныхъ школахъ, съ строгимъ приказаніемъ ослушниковъ записывать въ солдаты. И при всѣхъ сихъ дѣлахъ царь успѣвалъ думать о самыхъ по видимому ничтожныхъ предметахъ народнаго благоденствія. Такъ, въ 1710 году приказывалъ онъ садить дубы въ Таганрогѣ и Петербургѣ, искать торфа около Азовскаго моря, и учить чухонцовъ плесть русскія лапти, вмѣсто неудобной финской обуви.

Заразительныя болѣзни, опустошавшія Прибалтійскія области, озабочивали царя учрежденіемъ карантиновъ и стражи. Неусыпнымъ надзоромъ остановлено было распространеніе заразы въ Россіи, хотя она оказывалась даже въ Хотиловѣ, по дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ. Въ Ригѣ, Ревелѣ, Малороссіи и повсюду скоро исчезли гибельные слѣды ея.

Строгость царя за неисполненіе приказовъ его и нарушеніе обязанностей по службѣ испыталъ и въ то время фельдмаршалъ-лейтенантъ Гольцъ, судимый военнымъ судомъ. Царь смягчилъ приговоръ и только уволилъ его изъ службы русской. Ностицъ, завоевавшій Эльбингъ, огорчилъ царя наглымъ хищничествомъ, и предупреждая судъ, бѣжалъ за границу. Онъ былъ осужденъ заочно и портретъ его былъ прибитъ къ висѣлицѣ. Приказывая судить морскихъ офицеровъ, разбившихъ небрежностью нѣсколько судовъ при походѣ къ Выборгу, „судить ихъ должно накрѣпко,“ предписывалъ царь, „ибо, если легко судить, то добрымъ офицерамъ служить нельзя, а дуракамъ будетъ повадка.“

Петербургъ, уже, очевидно, столица русская, восхищалъ царя своимъ рождающимся величіемъ. „Пріѣзжай скорѣе посмотрѣть на красоту моего парадиза, въ которомъ и ты добрымъ участникомъ былъ,“ писалъ онъ къ Меншикову, „пріѣзжай и полюбуйся, что Петербургъ, какъ изрядный младенецъ, съ каждымъ днемъ подрастаетъ.“ Въ 1710 году царь заложилъ двѣ гавани, купеческую и военную, на островѣ Котлинѣ, и основалъ на немъ крѣпость, наименовавъ ее Кронштадтъ (вѣнецъ-городъ). Здѣсь назначилъ царь пристанище флоту и купеческимъ судамъ, видя неудобность Невскаго фарватера для прохода кораблей въ Петербургъ. Въ 1710 году Меншиковъ построилъ себѣ обширный каменный домъ на Васильевскомъ островѣ, фасадомъ на Неву, съ садомъ, простиравшимся до Малой Невы (великолѣпный домъ сей отчасти уцѣлѣлъ донынѣ, хотя и перестроенный: въ немъ помѣщается 1-й кадетскій корпусъ, и гербъ Меншикова виденъ еще на немъ). Роскошный временщикъ, богато убралъ свои новые чертоги и въ нихъ бывали царскіе пиры. Здѣсь отправлена была, какъ мы уже упоминали, свадьба герцога курляндскаго. Другой огромный домъ построилъ себѣ тогда

канцлеръ, графъ Головкинъ, на Петербургской Сторонѣ. Царь жилъ въ своемъ прежнемъ домикѣ, гдѣ привѣтливою хозяйкою являлась супруга его, даваемы были аудіенціи посламъ, и угощаемы были аладьями и пивомъ голландскіе корабельщики. Торговля ежегодно усиливалась въ Петербургѣ. Въ 1710 году подлѣ домика своего царь заложилъ деревянную церковь, во имя Св. Троицы, и приходилъ въ сей храмъ пѣть на клиросѣ, читать Апостолъ и благодарить Бога за побѣды и благословеніе трудовъ его. Древній храмъ Троицкій сохраняется и нынѣ въ его прежнемъ видѣ; въ немъ хранится паникадило, ладонница и образъ Богоматери—труды царя-художника, принесенные имъ въ даръ святому храму. — Лѣтомъ нѣсколько разъ посѣщалъ царь Кронштадтъ, распоряжая работами и самъ работая топоромъ и лопатою. Послѣ взятія Кексгольма онъ ѣздилъ туда, осмотрѣлъ крѣпость и распорядился распространеніемъ ея. Наконецъ, упомянемъ, говоря о Петербургѣ, что въ 1710 году царь назначилъ мѣсто для построенія Александро-Невской лавры, при впаденіи въ Неву Черной рѣчки, гдѣ, по преданію, Александръ Невскій одержалъ побѣду надъ непріятелями. При собраніи двора, войскъ и народа, царь водрузилъ крестъ тамъ, гдѣ впослѣдствіи воздвигнута была имъ знаменитая обитель во имя Александра Невскаго.

Среди сихъ занятій, трудовъ, побѣдъ, предположеній, неожиданная вѣсть оскорбила царя въ концѣ 1710 года, столь славнаго для Россіи, ознаменованнаго столькими торжествами. Когда царь уже готовился перейти съ побѣдительными войсками за русскую границу, вступая въ родство, связи, союзы и политику Европы, и приготовляя окончательныя измѣненія въ государственномъ устройствѣ Россіи, дипломатическая интрига успѣла поставить на пути его нежданное препятствіе. И кто же поставилъ его? Карлъ XII-й, бѣглецъ съ полтавской битвы, безразсудный наѣздникъ, оставлявшій царство свое въ добычу врагамъ, не стыдившійся жить нахлѣбникомъ султана, пронырствомъ искавшій того, чего уже не могъ добыть мечемъ.

Мы говорили, что въ январѣ 1710 года султанъ подтвердилъ миръ и хотѣлъ рѣшительно выслать Карла XII-го изъ Турціи. Сопротивленіе короля шведскаго волѣ государя той земли, гдѣ нашелъ онъ пріютъ, казалось страннымъ и нелѣпымъ упрямствомъ. Немногіе храбрые сотрудники его, слышавшіе вопль отчизны, стыдившіеся бездѣйствія своего короля, печалились и горевали. Но упрямство Карла XII-го подкрѣпляли бѣглецы польскіе, Потоцкій, съ шайкою бродягъ своихъ убѣжавшій изъ Венгріи въ Турцію, и Понятовскій, другъ Станислава. Посредникомъ интригъ ихъ сдѣлался португальскій жидъ Фонсека, лѣкарь султанскій. Зная всѣ тайны двора султанскаго и порядокъ дѣлъ въ Турціи, крамольники не теряли надежды все возвратить и успѣли осуществить надежды свои.

Когда великій визирь передался на сторону русскихъ, рѣшились низвергнуть его. Подарками и обѣщаніями преклонили однихъ, хитрымъ краснорѣчіемъ убѣдили другихъ. Мать султана, не терпѣвшая визиря, соединилась съ кизляръ-агою, начальникомъ евнуховъ, и агою янычарскимъ. Успѣли

увлечь въ крамолу любимца султанова, селиктаръ-агу, или меченосца султанскаго, молодого красавца, Кумурли-Али. Чуркули былъ низверженъ, и на его мѣсто опредѣленъ Нуманъ Купругли, внукъ славнаго Купругли, покорителя Кипра. Надѣялись, что новый визирь не посмѣетъ противиться силѣ партіи, желавшей войны съ царемъ. Къ досадѣ друзей Карла XII-го Купругли отвергъ предложеніе ихъ. „Законъ велитъ защищать ищущихъ у тебя пристанища. Помоги королю шведскому возвратиться благополучно въ его отечество, но не воюй съ царемъ, ибо законъ запрещаетъ начинать ссору съ тѣмъ, кто насъ не обидѣлъ.“ Такъ говорилъ визирь султану. Напрасно спорилъ самъ султанъ, которому уже успѣли наговорить наушники о ненавистномъ честолюбіи царя, успѣвши убѣдить его въ томъ, что постыдно оттоманамъ оставлять въ рукахъ царя Азовъ; что силъ оттоманскихъ достанетъ смирить невѣрнаго москвитянина, пока не соединится онъ съ императоромъ, угрожавшимъ войною, и что должно предупредить сей союзъ. Визирь отвѣчалъ смѣло, что Турція не имѣетъ средствъ на войну. Угрюмая добродѣтель Купругли не понравилась его повелителю, и черезъ два мѣсяца послѣ возведенія въ великіе визири Купругли былъ низвергнутъ и сосланъ въ Негропонтъ. Старались выбрать на его мѣсто человѣка сговорчивѣе, и избрали стараго прислужника султанши матери, Балтаджи-Магомета, уже бывшаго прежде визиремъ. Нѣкогда истопникъ въ сералѣ, забавлявшій шутками Ахмеда, когда онъ былъ въ серальскомъ заключеніи, Балтаджи увидѣлъ себя на высотѣ почестей, когда Ахмедъ по воцареніи своемъ отдалъ за него одну изъ прежнихъ своихъ невольницъ и возвелъ его въ визири. Интрига успѣла ниспровергнуть глупаго Балтаджи, не поладившаго съ султаншею матерью. Онъ былъ посланъ въ почетную ссылку, опредѣленный управлять пашалыкомъ сирійскимъ. Низкимъ ласкательствомъ увѣрилъ онъ послѣ сего враговъ своихъ, что готовъ рабствовать имъ; и мѣсто великаго визиря возвратили старому забавнику султана. Совершенный невѣжда въ военномъ дѣлѣ, визирь болѣе всѣхъ началъ увѣрять султана, что честь и безопасность Турціи требуютъ войны съ царемъ московскимъ, а при несомнѣнномъ благословеніи пророка, силъ оттоманскихъ достанетъ смирить царя честолюбиваго. Война была рѣшена. Крымскіе татары получили приказъ вторгнуться въ Россію. Хищныя орды ихъ, удерживаемыя со времени Карловицкаго мира, спѣшили воспользоваться позволеніемъ начать грабежи.

Имѣя подробныя донесенія отъ посла своего обо всѣхъ интригахъ и перемѣнахъ при султанскомъ дворѣ, царь все еще надѣялся мира. Странныя требованія и угрозы турковъ слѣдовали одни за другими: требовали выхода русскихъ войскъ изъ Польши, мира съ Швеціею, отдачи Карлу XII-му завоеванныхъ русскими земель, уничтоженія флота на Азовскомъ морѣ, разрушенія крѣпости въ Таганрогѣ, даже отдачи Польшѣ Малороссіи. На нелѣпыя требованія царь отвѣчалъ грамотами 17-го іюля и 18 октября. Обѣ остались безъ отвѣта. Третья грамота царская упрекала султана въ измѣн-

чивости его дружбы, „На зачинающаго Богъ,“ писалъ ему царь. „Если не получу удовлетворительнаго отвѣта, почту молчаніе объявленіемъ войны, предупрежду враждебные замыслы и двину войска свои.“ Столь смѣлая угроза царская оскорбила султана. Русскаго посла велѣно было отвести съ безчестіемъ въ семибашенный замокъ. Имѣніе и дворъ его были разграблены. Война Россіи объявлена ноября 20-го 1710 года.

Оскорбленный вѣроломствомъ оттомановъ, остановленный неожиданнымъ рѣшеніемъ ихъ въ дѣлахъ важнѣйшихъ, царь рѣшился немедленно идти, наказать вѣроломныхъ и оружіемъ изгнать врага своего изъ Турціи. Можно ли было сомнѣваться въ успѣхѣ ему, за годъ до того торжествовавшему побѣду надъ лучшимъ войскомъ европейскимъ, предводимымъ однимъ изъ первыхъ полководцевъ Европы? Успѣхъ казался несомнителенъ— вѣренъ, какъ правда Божія. И кто могъ бы тогда сказать, что Провидѣніе готовило великому тяжкій урокъ превратности жребія и суетности надеждъ человѣческихъ!

Разсказъ пятнадцатый.

Война съ Турціею. Прутскій миръ.

1711-й годъ.

> Безъ особливыя Божія помощи ничего предвидѣть не могу, кромѣ пораженія или плѣна. Если буду въ плѣну, не почитайте меня царемъ, пока не явлюсь между вами. Если погибну—изберите достойнѣйшаго... Только честь собственность наша: отступить отъ нея, значитъ перестать быть государемъ...
>
> Слова и письма Петра Великаго подъ Прутомъ.

Исторія утратитъ свое достоинство, не будетъ завѣтною книгою народовъ и поученіемъ царей, если унизится до лести, скроетъ слабости и недостатки великаго человѣка. Пусть угодливая лесть ласкаетъ тщеславіе живыхъ: судъ безпристрастный дань прешедшимъ по землѣ. И Петру ли льстить, его ли скрывать погрѣшности, въ немъ ли не смѣть отличить печальной дани слабостямъ и страстямъ человѣческимъ, при великихъ, превышавшихъ всѣхъ другихъ смертныхъ свойствахъ и дарованіяхъ генія? Нѣтъ! если чужія ошибки всегда поучительны, чьи ошибки поучительнѣе тѣхъ, въ коихъ судъ исторіи обличаетъ человѣка, Петру Великому подобнаго?

Война съ Турціею была рѣшительною ошибкою, и могла бы показаться непостижимою погрѣшностью человѣка столь великаго, если бы мы не могли изъяснить ея характеромъ царя, современными обстоятельствами, и судомъ Божіимъ, подвергнувшимъ избранника судебъ тяжкому испытанію, да не забудетъ, что онъ человѣкъ, да не обольстится суетнымъ величіемъ, и испытанный, яко злато въ горнилѣ, уже вѣрно устремится совершить свое призваніе!

Царь не могъ отказаться и не принять на щитъ свой удара оттоманской сабли. Ему ли должно было унизиться и обезславить себя уступками нелѣпымъ требованіямъ султана? Турція, униженная за пятнадцать лѣтъ

прежде неопытнымъ мечемъ его, тогда испросившая миръ, какъ милость, не дерзнувшая воевать во время нашествія шведскаго, Турція осмѣливалась возставать на Россію черезъ годъ послѣ полтавской побѣды, на Россію, преображенную, побѣдоносную и могущую, правимую царемъ-полководцемъ, въ зрѣлой порѣ его лѣтъ и опыта (царю былъ тогда сороковой годъ отъ рожденія). Повторяемъ: побѣда казалась несомнѣнна.

Но мудрое правило: „не пренебрегать и слабаго непріятеля,“ было на сей разъ забыто царемъ. Онъ думалъ, что рѣшитъ споръ однимъ быстрымъ, сильнымъ, рѣшительнымъ ударомъ. Онъ забылъ мудрыя предосторожности, коими знаменовались всѣ дѣла его со времени нарвской битвы, онъ явился прежнимъ Петромъ, преобладаемый духомъ бурнымъ и неукратимымъ, стихнувшимъ, укротившимся, казалось, въ многолѣтнемъ училищѣ опыта. Переходимъ къ событіямъ. Они пояснятъ мысль нашу.

Немедленное рѣшеніе царя было: собрать войска отъ 50-ти до 60,000 человѣкъ, съ сильною артиллеріею, идти лѣтомъ на Дунай, разбить собираемыя тамъ Турціею войска, освободить отъ турецкой власти Молдавію и Валахію, объявить ихъ независимыми подъ покровительствомъ Россіи, и тѣмъ навсегда оградить Россію на будущее время. Царь надѣялся кончить войну однимъ походомъ, принудить султана къ миру, заставить его выслать изъ Турціи Карла XII-го, и можетъ быть, потребовать еще какихъ нибудь выгодъ, но паче всего мира. Потомъ хотѣлъ онъ усильнѣе продолжить войну съ Швеціею, заставить ее мириться, и такимъ образомъ принудить двухъ непріятелей уступить превозмогающей силѣ Россіи. Черезъ Польшу назначался походъ царя, ибо тамъ удобнѣе и ближе былъ переходъ въ Бессарабію, Молдавію и Валахію, нежели черезъ необитаемыя степи между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Польша должна была доставить русскимъ запасы и участвовать въ войнѣ, по трактату 1686 года. Югъ Россіи должны были прикрыть отъ крымцевъ казаки и калмыки съ частью русскихъ войскъ. Пока продолжится походъ, на сѣверѣ Россіи надлежало остановить военныя дѣйствія. Невозможно было ожидать какого либо сухопутнаго движенія шведовъ изъ Финляндіи, или флотомъ въ Балтійскія области, тѣмъ болѣе, что въ отсутствіе царя, принужденнаго отложить поѣздку свою за границу, предполагалось союзникамъ дѣйствовать въ Помераніи, отлагая до времени высадку въ Швецію. Нейтралитетъ уже не останавливалъ тогда военныхъ дѣйствій въ германскихъ областяхъ. Мы видѣли, что державы, объявившія нейтралитетъ, хотѣли поддержать его сборомъ наблюдательнаго корпуса. „Но,“ говоритъ Вольтеръ, „сбылось, что обыкновенно бываетъ: всѣ говорили о нейтралитетѣ и никто не думалъ ни охранять, ни сохранять его.“ Перемѣна министерства въ Англіи и послѣдовавшее послѣ того удаленіе Марлборуга, кончина императора Іосифа, миръ Англіи съ Франціею, неожиданные успѣхи французовъ и начатые всѣми союзными державами переговоры о мирѣ, увлекли вниманіе западныхъ государей. Кромѣ того, Карлъ XII-й, считая нейтралитетъ оскорбленіемъ своей чести, какъ явное доказа-

тельство слабости силъ Швеціи, не только отвергъ посредничество, когда Турція объявила войну, но даже изъявилъ негодованіе, строго приказывая шведскимъ войскамъ начинать наступательныя дѣйствія, обѣщая привести въ Польшу турецкое войско. Еще въ 1710 году (іюля 3-го) министры одного изъ государей, утвердившихъ нейтралитетъ, курфирста ганноверскаго, Бернсторфъ и Герцъ заключили съ царемъ договоръ о войнѣ противъ Швеціи, „ради высокой славы великодушнаго обхожденія царя со всѣми и для особливаго къ его особѣ почтенія.“ Договоромъ утверждены были добрая корреспонденція и всегдашняя дружба, помощь совѣтами и оффиціями, и дружескій концертъ при настоящихъ дальняго вида коньюнктурахъ со взаимною конфиденціею. О женерозной декларацiи нейтралитета упомянуто было мимоходомъ. Царь зналъ, что союзники его ничего не сдѣлаютъ, но ему надобно было протянуть время, пока Россія управится съ оттоманами. Меншикова оставлялъ онъ въ Петербургѣ, препоручая ему Балтійскія области, Апраксина отправлялъ въ Воронежъ и Азовъ; Шереметева бралъ съ собою, и ему препоручено было собрать къ ранней веснѣ войска на турецкую границу, въ Польшѣ приготовить запасы и идти впередъ. Мысль объ освобожденіи Молдавіи и Валахіи основывалась, какъ увидимъ далѣе, на тайныхъ переговорахъ съ тогдашними господарями сихъ областей, Кантемиромъ и Бранкованомъ. Царь ожидалъ отъ нихъ большого пособія въ войнѣ турецкой.

День новаго 1711-го года празднованъ въ Петербургѣ по обыкновенію весело. Замѣтили, что на щитѣ фейерверка, сожженнаго въ сей день, изображена была звѣзда, съ надписью: Господи! покажи намъ пути Твои! На другомъ щитѣ видны были ключъ и мечъ, съ надписью: Идѣже правда, тамъ и помощь Божія.

Какъ будто предвѣстіемъ скорбей, коими Провидѣнію угодно было испытать царя въ наступающій годъ, явилось печальное событіе января 10-го: герцогъ курляндскій простудился на свадебныхъ праздникахъ, долго страдалъ, выѣхалъ 3-го января изъ Петербурга, еще не совершенно выздоровѣвшій, и смертельно заболѣлъ въ 40 верстахъ отъ столицы, на станціи Кипени. Черезъ недѣлю юная супруга его осталась безутѣшною вдовою. Царь раздѣлилъ печаль ея и велѣлъ съ почестями препроводить въ Митаву тѣло герцога. Января 17-го царь выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву. Еще прежде отправлена была туда гвардія. Съ царемъ ѣхали многіе сановники и супруга его. Надолго простился онъ съ своимъ парадизомъ и съ веселыми днями. Почти весь 1711 годъ, какъ будто въ рѣзкую противность съ предшествовавшимъ годомъ, былъ цѣпью безпрерывныхъ огорченій царя.

Началось съ первыхъ распоряженій похода. Оказались повсюду неожиданныя неисправности, въ движеніи войскъ, приводѣ рекрутъ, приготовленіи запасовъ, артиллерійскихъ снарядовъ, даже пороха. Поляки противились волѣ царя, спорили противъ распоряженій царскихъ. Король Августъ не могъ, и еще болѣе не хотѣлъ помогать союзнику. Царь видѣлъ неисправность

самыхъ вѣрныхъ помощниковъ своихъ, и, вѣроятно, сознаваясь, что при разнообразіи поручаемыхъ имъ дѣлъ, когда не было притомъ общей системы въ ихъ дѣйствіяхъ, и когда не было никакой возможности ему самому надзирать за исполненіемъ всѣхъ приказовъ своихъ, рѣшился исполнить прошлогоднее предположеніе объ учрежденіи сената. Февраля 22-го послѣдовалъ указъ, коимъ объявлялось, что „для всегдашнихъ въ войнѣ отлучекъ царя" учреждается Управительный Сенатъ въ Москвѣ. „Всякъ, да будетъ послушенъ ему такъ, какъ мнѣ самому, подъ жестокимъ наказаніемъ и смертью", говорилъ царь въ своемъ указѣ. Жалобы на сенатъ царю позволялись, но подлежали жестокой казни, если оказывались несправедливы. Число сенаторовъ ограничено было вначалѣ восемью. Первыми сенаторами были: графъ Мусинъ-Пушкинъ, Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, князь Петръ Голицынъ, князь Михаилъ Долгорукій, князь Григорій Волконскій, Племянниковъ, Самаринъ, Апухтинъ. Никакого регламента не было дано сенату. При неограниченной власти, ему подчинялись всѣ генералъ-губернаторы и всѣ отрасли государственнаго управленія. Царь особенно означилъ изъ предметовъ занятій сената: преслѣдованіе ябеды, правосудіе, финансы, наборы войскъ, высылку на службу, торговлю, ревизію и полицію всѣхъ дѣлъ черезъ особенныхъ фискаловъ. Въ краткомъ наставленіи предписывалъ царь сенату: имѣть нелицемѣрный судъ; осмотрѣть и отмѣнить напрасные расходы; деньги, какъ только можно, исправнѣе сбирать, понеже онѣ суть артиллерія войны; пересмотрѣть всѣ откупа; наблюсть за продажею соли, за торгами съ Персіею и Китаемъ; высылать укрывающихся отъ службы дворянъ, стыдя ихъ, что они коснѣютъ въ деревняхъ, когда столь многіе въ офицеры и генералы вышли изъ нисшихъ званій народа. Февраля 22-го сенаторы присягнули на свое новое званіе въ Успенскомъ соборѣ, обѣщаясь служить нелицемѣрно, „памятуя Того, Кто возсядетъ въ день Страшнаго Суда на престолѣ и воздастъ комуждо по дѣламъ его, и здѣсь подвергаясь за упущеніе должности мести царя земного и гражданской казни".

Въ тотъ же день въ соборѣ читанъ былъ манифестъ царя о войнѣ съ Турціею. Царь исчислялъ всѣ злобные замыслы оттомановъ и нестерпимыя оскорбленія, причиненныя Россіи и христіанству турецкими варварами, „которые изъ толпы разбойниковъ сильнымъ царствомъ учинились, возобладали святыми и славными мѣстами чрезъ раздоры христіанъ и клятвопреступленія, злохитрымъ обычаемъ, яко львы и яко хищные волки". Далѣе излагаемы были войны Турціи съ Россіею съ 1697 году, доводившія оттомановъ до гибели, отъ коей спаслись они только ласканіемъ и происками; показаны безпрерывныя послѣ того нарушенія договоровъ, данное въ Турціи пристанище и покровительство шведскому королю, стараніе царя поддержать миръ, безчестіе, оказанное послу его и объявленіе Турціею войны, когда за годъ прежде клятвою подтвердилъ султанъ союзъ и дружбу. Царь опровергалъ клевету турецкаго манифеста, гдѣ было сказано, будто онъ хочетъ поработить Польшу. Онъ изъявлялъ готовность вывесть русское войско изъ Польши

по высылкѣ короля шведскаго изъ Турціи. Вѣдая, что послѣдняя лесть будетъ горше первой, и не удостоивая отвѣтомъ всѣ другія причины, болѣе смѣха, нежели отвѣта достойныя, царь говорилъ въ заключеніе, что весь честной міръ можетъ видѣть и разсудить правость и миролюбіе его, и оправдать его, когда онъ, вручая суду Божію дѣло свое, воздвигаетъ на врага справедливое оружіе, уповая на милостивое небесное вспоможеніе.

Февраля 25-го освящены были въ Успенскомъ соборѣ новыя, вмѣсто бѣлыхъ, красныя знамена, съ надписью: За имя І. Х. и христіанство, и съ другою надписью надъ крестомъ въ лучахъ: Симъ побѣдиши. До 6-го марта пробылъ царь въ Москвѣ. Въ день отъѣзда его объявлено народу, что Екатерина Алексѣевна, супруга царя, отнынѣ должна быть почитаема царицею всероссійскою. Она послѣдовала за супругомъ изъ Москвы, и всюду на пути были отдаваемы ей почести царскія и титулъ Ея Царскаго Величества. Казалось, что какъ будто какое то тяжкое предчувствіе бременило душу царя. „Ѣдемъ въ путь свой, его же конецъ Богъ вѣсть“, писалъ онъ Меншикову.— „Мы отправились“, писалъ онъ ему потомъ, „въ предлежащій, безвѣстный и только единому Богу свѣдомый путь нашъ“.

Замѣчательно, что, подчинивъ управленіе государствомъ сенату, царь предписалъ сыну своему быть только блюстителемъ повелѣній и имѣть надъ всѣмъ только надзирательство. Въ Москвѣ учинено царемъ новое распредѣленіе подушныхъ, или дворовыхъ податей съ 8-ми губерній. Всѣ сіи доходы составляли три мильона рублей (съ Московской было до 1,150,000 р., съ Казанской 600,000, съ Сибирской 220, съ Петербургской 340, съ Архангелогородской до 375,000). Всѣ губерніи раздѣлялись на 146 долей, считая по 5,536 дворовъ въ долѣ (слѣдственно, во всей Россіи считалось 818,256 дворовъ, и каждый среднимъ числомъ платилъ менѣе 3-хъ рублей). По числу долей губерніи находились въ слѣдующемъ порядкѣ: Московская 44½, Петербургская 32, Казанская 21½, Архангелогородская 18½, Смоленская и Сибирская по 9. На 33 конные полка опредѣлялось до 765,000 р., на 14-ть полковъ пѣхотныхъ 840,000 р., на 33 гарнизонныхъ 340,000 р., на гвардію до 157,000. Остальные доходы распредѣлялись на адмиралтейство, дипломатическую часть, аптеки и прочее.

Еще зимою войско пошло по назначенію. Шереметевъ съ 50,000 сближался къ Днѣстру. Передовые русскіе полки достигли туда однако же не прежде начала мая. Главная квартира фельдмаршала была 6-го мая въ Немировѣ, 16-го въ Брацлавѣ, 24-го въ Тростянцѣ. Въ Рашковѣ и Сорокѣ приготовлялись переходы за Днѣстръ. Князь Голицынъ съ 10-ю полками сталъ у Каменца-Подольскаго. Генералъ-маіоръ Бутурлинъ, съ гетманомъ Скоропадскимъ, защищалъ Заднѣпрье и Малороссію, имѣя 8-мь полковъ. Апраксинъ съ донцами и калмыками находился въ Азовѣ. Царь былъ недоволенъ медленными движеніями войска. Татары успѣли вторгнуться въ южныя области и прошли до Изюма. Другая толпа ихъ, гдѣ наѣздничалъ Потоцкій съ поляками и былъ Орликъ съ бѣглыми запорожцами, ворвалась въ Зад-

нѣпрье и даже осадила Бѣлую Церковь. Князь Голицынъ отбилъ хищниковъ и отнялъ у нихъ часть добычи, но пепелъ селеній, кровь и грабежи означили слѣды набѣга широкою полосою. Татары двинулись потомъ въ огромныхъ силахъ на Дунай для соединенія съ турками.

Черезъ Кіевъ царь прибылъ въ Слуцкъ на Волыни, марта 16-го. Здѣсь, и въ Ярославлѣ и Яворовѣ, пробылъ онъ почти два мѣсяца, какъ ни спѣшилъ выѣхать къ арміи. Его огорчали замѣченные имъ безпорядки въ поставкахъ и подрядахъ, своевольства начальниковъ русскаго войска въ Польшѣ, утѣсненія, причиняемыя жителямъ, допущеніе рекрутскихъ побѣговъ, наборъ рекрутъ весьма плохихъ. Апраксинъ не могъ вывести въ море флота, пренебреженнаго и запущеннаго въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ. Царь приказалъ готовить его къ будущему году. „Ты увѣрялъ меня, что поручилъ сыну твоему поставить подводы, а я по дорогѣ ни одной не видалъ", писалъ онъ Шереметеву. Въ другомъ письмѣ говорилъ онъ: „Въ драгунскихъ полкахъ аптеки зѣло въ слабомъ состояніи; нѣтъ ни лѣкарствъ, ни лѣкарей, ни денегъ". Сенату выговаривалъ царь за медленность распоряженій, прибавляя: „Развѣ не знаете, что время, какъ смерть, невозвратимо?" Онъ упрекалъ также сенаторовъ, что послали прежнихъ чиновниковъ для надзора за рекрутскими отправками. „Или", прибавлялъ онъ, „клятва, которую недавно дали вы мнѣ, уже вышла изъ души вашей?" Строго предписалъ онъ смотрѣть за рекрутскими наборами самимъ губернаторамъ, говоря: „Сюда присланы такіе рекруты, что и въ крестьянахъ быть негодны, не только что въ солдатахъ". — „Деньги-жизнь войны", подтверждалъ царь, приказывая строжайше надзирать за сборами доходовъ и высылать ихъ исправно по назначенію. „Богъ вѣдаетъ", писалъ онъ Меншикову, „какъ печалитъ меня, что губернаторы въ дѣлахъ своихъ идутъ раковымъ ходомъ. Они принудятъ меня не словами, но руками управляться съ ними". — Разгнѣванный на грабительства въ Польшѣ генералъ-маіора Шидловскаго, царь предалъ его суду. Не уважая заслугъ преступника, оказанныхъ при усмиреніи булавинскаго бунта, и храбрости его въ полтавской битвѣ, гдѣ получилъ онъ генеральскій чинъ, царь велѣлъ строго судить его, описать все его имѣніе, и по приговору суда сослалъ его въ Сибирь, когда Шидловскій былъ изобличенъ въ наглыхъ грабежахъ. Меншиковъ испыталъ гнѣвъ царя, когда онъ засталъ адъютантовъ своего любимца, сбирающихъ въ Польшѣ налоги на обозъ Меншикова и захватывающихъ на него помѣстья. „Прошу не сердиться", писалъ царь, „и первая брань лучше послѣдней. Не потеряйте прибытками своей чести. Мнѣ, право, пришлось только до себя и я никого изъ виноватыхъ щадить не буду". Меншиковъ оправдывался, называлъ доносы на него клеветою, а налоги бездѣлицею. „Посмотрѣли бы вы, сколько мнѣ досады изъ такихъ бездѣлицъ", отвѣчалъ ему царь — „онѣ разстраиваютъ всѣ дѣла мои и озлобляютъ поляковъ. А что пишете вы о клеветахъ, такъ не клеветники, а самъ я нашелъ въ грабежѣ вашихъ адьютантовъ. Подчиненные ваши такъ извольничались, что и указовъ не слушаютъ, и я принужденъ буду великимъ

трудомъ и непощадно штрафомъ приводить ихъ въ порядокъ". Вѣроятно, подозрѣвая, что Меншиковъ изъ барышей послаблялъ рижскимъ жителямъ, утверждавшимъ, будто отобраніемъ выморочныхъ имѣній на царя нарушаются права ихъ, и что по причинѣ мора не могутъ они платить податей царь отвѣчалъ о первомъ, что слова ихъ пустыя сказки, ибо все что въ землѣ и чему нѣтъ наслѣдниковъ всюду берется на государя. „Знаю" писалъ онъ „что въ Ригѣ былъ моръ, да только на людей, а не на деньги".

Огорченія царя умножили переговоры съ королемъ Августомъ и съ поляками. Видя затрудненіе царя, слыша отъ него требованія войскъ и припасовъ, король Августъ и поляки возобновили свои прежнія требованія отдачи Риги, очищенія Эльбинга, Бѣлой Церкви и Заднѣпрья, разсчета въ поборахъ, возвращенія польскихъ пушекъ, освобожденія Вишневецкаго, выдачи вспомогательныхъ денегъ. Безъ того Польша не хотѣла объявлять войны султану. Августъ отказывался даже воевать въ Помераніи. „Но гдѣ силы ваши защищать Эльбингъ, Бѣлую Церковь и Ригу", отвѣчалъ царь, „и время ли считаться въ поборахъ и пушкахъ? Не для вашей ли безопасности должно воевать въ Помераніи и оставить до времени въ моихъ рукахъ ваши города и крѣпости? Не соединена ли съ выгодами Польши турецкая война и не стыдно ли заступаться за измѣнника Вишневецкаго?" Царь принужденъ былъ заключить новый договоръ, обѣщая королю Августу помощь деньгами (по 100,000 рублей ежегодно до окончанія войны) и порохомъ (по 1000 центнеровъ), а также обѣщалъ письменно отдать Лифляндію Польшѣ. Онъ не велѣлъ требовать контрибуцій съ Данцига. Довольный, что успѣлъ хоть что-нибудь выторговать, Августъ условился о походѣ въ Померанію, при пособіи русскаго корпуса, и война Турціи была объявлена Польшею, но уже въ концѣ мая.

Среди столькихъ досадъ и огорченій царь сдѣлался жестоко боленъ. „Хотя и не хотѣлось бы о себѣ говорить", писалъ онъ Меншикову, „но чтобы не дошли до васъ извѣстія ложныя, скажу самъ, что я былъ боленъ скорбью такою, какой отъ роду не случалось. Двѣ недѣли продолжалась она жестокими пароксизмами, изъ коихъ одинъ полторы сутокъ меня держалъ и я отчаялся было въ жизни (не чаялъ себѣ живота, какъ писалъ онъ Апраксину), но Господь все строитъ по своей волѣ". Болѣзнь царя былъ его прежній лихорадочный припадокъ, соединившійся съ скорбутомъ.

Съ королемъ Августомъ явились въ Ярославль послы брауншвейгскіе, предложившіе царю условія о супружествѣ царевича Алексѣя. Почти въ то же время, получивши извѣстіе о смерти императора Іосифа (умершаго отъ оспы 17-го апрѣля, на 33 году жизни и 6-мъ царствованія), и видя, что съ его кончиною разрушились всѣ предположенія, тайно переданныя через графа Вильчека — можетъ быть, вздохнувши о несбывшихся мечтахъ и тщетѣ человѣческихъ замысловъ, царь подписалъ свадебный контрактъ сына своего съ избранною имъ невѣстою (мая 10-го). Устроивъ сколько могъ всѣ дѣла, царь оставлялъ подробности ихъ до будущаго времени. „Чините, что нахо-

дите удобнѣе", писалъ онъ Апраксину. „Мнѣ въ отдаленіи, едва ожившему отъ болѣзни, невозможно всего рѣшить, ибо и самыя дѣла, что день, то измѣняются. Я далъ вамъ власть: дѣлайте. что надлежитъ и что возможно". Время было поспѣшать въ дѣйствующую армію. Тамъ уже успѣли измѣнить планы и переиначить предположенія.

Важное обстоятельство составляло подданство царю Молдавіи и Валахіи. Уже нѣсколько разъ, несчастная добыча алчности фанаріотовъ, коимъ отдавали ихъ на откупъ вельможи султанскіе, мѣсто битвъ между Польшею и Турціею, источникъ вражды между господарями, та и другая область предавали себя подъ защиту Россіи при Алексѣ, Ѳеодорѣ и Софіи. Ихъ ласкали, обѣщали имъ все, когда было нужно, и забывали объ нихъ, едва только надобность прекращалась. Въ 1711 г. въ Молдавіи былъ господаремъ князь Димитрій Кантемиръ, грекъ фанаріотъ, сынъ прежняго господаря; въ Валахіи властвовалъ землякъ его, Константинъ Кантакузинъ, или Бранкованъ. Оба взаимно невавидѣли другъ друга, искали погибели одинъ другого и хотѣли воспользоваться войною Россіи съ Турціею. Бранкованъ коварствовалъ: оказавшій прежде большія услуги султану, онъ думалъ еще болѣе услужить ему предательствомъ царя въ случаѣ неуспѣха, и выиграть вѣрностью царю, если дѣло русскихъ будетъ удачно. Кантемиръ, уже лишенный однажды господарства, не надѣялся ничего отъ Турціи, и думалъ все получить отъ сильной руки русскихъ, когда и безъ того ему терять было нечего. Кантемиръ явно и искренно, Бранкованъ тайно и притворно обратились къ царю, оба рабскими ласкательствами доказывая усердіе. Царь согласился принять Молдавію и Валахію подъ свое покровительство, особенно, когда Савва Рагузинскій, иллиріецъ, выѣхавшій въ Россію въ 1702 году, осыпанный милостями царя и усердно ему служившій, обратилъ вниманіе его на бѣдственное положеніе всѣхъ славянскихъ народовъ въ Турціи, увѣряя, что едва услышатъ они громъ русскаго оружія на Дунаѣ, то всѣ откликнутся на призывъ. На словахъ и совѣтахъ Кантемира, Бранкована и Рагузинскаго основанъ былъ планъ возбудить къ возстанію противъ турокъ всѣ христіанскія славянскія племена отъ Адріатическаго до Чернаго моря. Посланы были грамоты къ черногорцамъ, коими съ 1706 года управлялъ митрополитъ Даніилъ Негошъ, умный и храбрый (ибо духовный санъ его соединялся съ званіемъ воеводы черногорцевъ). Кантемиръ присягнулъ на подданство царю еще въ бытность его въ Слуцкѣ. Обнадеженный тѣмъ, что въ случаѣ неудачи царь обѣщалъ ему убѣжище въ Россіи, Кантемиръ не боялся громко объявить о союзѣ своемъ съ царемъ. Бранкованъ молчалъ о томъ, оправдываясь, что отдаленіе Валахіи можетъ подвергнуть его погибели отъ турковъ, если они до прихода русскихъ узнаютъ о союзѣ его съ Россіею. Оба господаря клеветали между тѣмъ другъ на друга царю, и оба согласно просили его поспѣшать движеніемъ на Дунай, увѣряя, что у нихъ готовы большіе запасы для продовольствія войска. Такое увѣреніе было весьма важно, ибо при неисправности поставщиковъ, Польша, опустошаемая столько лѣтъ друзьями

и врагами, если бы и желала, то не имѣла возможности снабдить запасами, и притомъ огромные обозы затрудняли русскихъ въ походѣ черезъ степи отъ Днѣстра до Дуная.

На совѣтѣ, бывшемъ въ Луцкѣ, апрѣля 13 го, въ присутствіи царя, рѣшительно было положено: Шереметеву идти сколько можно поспѣшнѣе, стать на Днѣстрѣ къ 15-му, и не позднѣе 21-го мая, слѣдовать прямо къ Дунаю, предупредить тамъ переходъ турецкаго войска, занять Молдавію, возбудить возстаніе сербовъ и болгаровъ и стараться о собраніи припасовъ. Подробно распоряжая самымъ образомъ дѣйствій на войнѣ противъ турокъ, царь предписалъ задолго прежде „палашамъ покой дать, а биться огненнымъ боемъ, ибо съ турками зѣло иначе воевать должно, нежели со шведами". Послѣдніе приказы Шереметеву заключилъ онъ словами: „Всего приказать невозможно. Исполняйте, какъ вѣрному и доброму человѣку надлежитъ".

Къ несчастію, когда царь задержанъ былъ въ Ярославлѣ до 1-го іюня, Шереметевъ, готовый исполнять приказанія, какъ честный и вѣрный человѣкъ, потерялся въ новомъ родѣ войны, быстротѣ соображеній, сбивчивости свѣдѣній, разнообразіи совѣтовъ, робѣлъ, встрѣчая отряды татарскіе еще до Днѣстра, и что было всего хуже, медлилъ. Передовые отряды его велъ генералъ Вейсбахъ, хвастливый трусъ, и пугалъ его своими донесеніями. Только 27-го мая пришелъ фельдмаршалъ въ Рашково на Днѣстрѣ. Здѣсь испугалъ его Кантемиръ извѣстіемъ, что турки находятся въ семи переходахъ отъ Дуная, и умолялъ поспѣшать въ Яссы, ибо безъ того Молдавія подвергнется хищенію ихъ. Шереметевъ почелъ невозможнымъ предупредить турокъ, и вмѣсто быстраго перехода къ Галацу, гдѣ наведенъ былъ турками мостъ черезъ Дунай, обратился въ Яссы, а, наконецъ, вовсе остановился въ первыхъ числахъ іюня, боясь съ 14,000-ми войска двинуться впередъ, и приведенный въ недоумѣніе тѣмъ, что вопреки увѣреніямъ Кантемира, въ Молдавіи не было никакихъ запасовъ. Поля были повсюду опустошены саранчею. Съ началомъ іюня наступили жестокія жары. Время было потеряно; запасовъ не было; планъ войны погубленъ отъ нерѣшительности и робости Шереметева и трусости Кантемира, ибо турки только 18-го іюня стали переходить черезъ Дунай въ Исакчѣ. Царь такъ спѣшилъ, что 9 го іюня былъ уже въ Шпаковѣ, въ Подоліи. Отсюда хотѣлъ онъ отправить супругу свою обратно въ Россію, предвидя затрудненія предлежавшаго похода, но Екатерина не хотѣла разстаться съ нимъ, просила позволить раздѣлять ей труды и опасности, „оставя женскаго свойства немощь, прилежно умоляла быть ей при арміи, на что по многому ея прошенію и было позволено". Іюня 12-го царь прибылъ къ Днѣстру. Онъ нашелъ главное войско еще по сю сторону рѣки, безъ запасовъ, и горько упрекалъ Шереметева. „Еслибы вы пришли въ Брацлавъ 16-го мая", писалъ онъ, „то къ 20-му были бы на Днѣстрѣ, и въ десять, а много въ тринадцать дней на Дунаѣ. Зачѣмъ потеряли вы до Днѣстра десять дней? Зачѣмъ повернули вы на Яссы, и что вы теперь дѣлаете. Гдѣ наши запасы? Мы заведемъ войско въ чужую землю и пере-

морнмъ его голодомъ. Здѣсь у насъ ни хлѣба, и никакго припаса нѣтъ". Жалко читать, какъ оправдывался добродушный Шереметевъ совѣтами Кантемира, невозможностью перехода прямо черезъ степи, опасеніемъ, что турки разорили бы безъ него Молдавію, и наконецъ дошедшимъ до него, ложнымъ извѣстіемъ, что еще 3-го іюня 70,000 турокъ перешло на Дунай, послѣ чего Кантемиръ умолялъ его не пускаться въ опасный походъ, ибо, если бы и можно было съ 15,000-ми регулярнаго войска не бояться силы непріятельской, то опасна была блокада въ безводной и безхлѣбной землѣ. Не отходя отъ Днѣстра, царь собралъ совѣтъ. Долго разсуждаемо было: идти ли далѣе навстрѣчу непріятеля, или ждать приближенія его на Днѣстрѣ? Голоса раздѣлялись. Нѣмцы утверждали второе мнѣніе, Русскіе первое, и къ нимъ присталъ генералъ Ренъ. Говорили, что постыдно будетъ при первомъ шагѣ показать робость, имѣя столь превосходное войско, предать раззоренію Молдавію, и тѣмъ ободрить непріятеля, когда быстрый походъ дастъ средства пройти на Дунай, заслонить Яссы и достигнуть обильной запасами Валахіи. Царь своимъ мнѣніемъ рѣшилъ споръ. Войско русское двинулось за Днѣстръ.

Переходъ по опустошеннымъ саранчею областямъ молдавскимъ, подъ раскаленнымъ небомъ юга, былъ труденъ. Солдаты падали и умирали отъ усталости; у многихъ кровь шла горломъ; лошади издыхали безъ корма, но іюня 23-го армія достигла Яссъ.

Здѣсь встрѣтили царя господарь молдавскій, духовенство, бояре Молдавіи, и присягнули ему на вѣрность. Явились и посланники Бранкована, князья Кастріотъ и Кантакузинъ, призывая царя въ Валахію, подтверждая, что только страхъ мести турокъ, ибо при отдаленности русскаго войска, они могли разорить Валахію, и тѣмъ лишить русское войско множества заготовленныхъ ими и господаремъ запасовъ, удерживаютъ Бранкована отъ явнаго покоренія Россіи. Они увѣряли, что турки идутъ на войну съ большою неохотою; что визирь не терпитъ короля шведскаго, что онъ совершенный невѣжда въ военномъ дѣлѣ, что при отбытіи изъ Царьграда препоручалъ онъ говорить съ царемъ о мирѣ патріарху іерусалимскому; что всѣ турки опечалены были при выступленіи въ походъ ужаснымъ вихремъ, сорвавшимъ выставленное передъ войскомъ, священное знамя Магометово.

Собранъ былъ опять военный совѣтъ и ничего не рѣшилъ. Царь колебался и недоумѣвалъ. Нѣсколько дней было потеряно въ собраніи мѣстныхъ свѣдѣній. Надобно было отважиться на подвигъ смѣлый и рѣшительный. Царь разсчитывалъ, что быстрымъ походомъ можно будетъ стать на Дунаѣ въ десять дней, что если турки еще не переправились черезъ Прутъ, текущій влѣво отъ Исакчи, то надлежитъ только достигнуть мѣстечка Фальчи на берегу Прута, ниже коего переправа черезъ Прутъ уже невозможна по причинѣ топкихъ и болотистыхъ береговъ, что прикроетъ дальнѣйшее слѣдованіе русскихъ до впаденія Прута въ Дунай. Тамъ хотѣлъ учредить царь опору дѣйствій въ Галацѣ, занять Дунайскіе берега и Валахію, дать отдыхъ войску, соединиться съ сербами и другими славянскими племенами и дѣй-

ствовать наступательно. Храбрый Ренъ отряженъ былъ съ 5000 драгуновъ по теченію рѣки Серета, въ сопровожденіи Кантакузина; ему велѣно предупредить мелкіе отряды турокъ на Дунаѣ и въ Галацѣ ожидать главной русской арміи.

Распоряженіе царя было единственное, какое можно было принять въ затруднительномъ положеніи, когда первоначальный планъ похода былъ уже невозможенъ. Для исполненія требовалась поспѣшность паче всего, но къ несчастію, еще нѣсколько дней было потеряно безполезно, и остальные припасы истощились. Царь не принялъ притомъ въ соображеніе важнаго обстоятельства: похода по степямъ, опустошеннымъ саранчею и выжженнымъ пламенными лучами солнца, и забылъ объ утомленіи солдатъ и объ упадкѣ духа въ войскѣ.

Начался походъ. Шли поспѣшно, сколько силы позволяли, и конечно, не смотря на всѣ препятствія и ошибки, царь успѣлъ бы исполнить свое послѣднее, смѣлое рѣшеніе, если бы новая неосторожность не довершила прежнихъ ошибокъ: передовой отрядъ, состоявшій изъ конницы, поручили какому-то нѣмецкому генералу Янусу. Іюля 1-го, когда царь съ главнымъ войскомъ былъ въ Станилештахъ, Янусъ увѣдомилъ его, что турки уже перешли Прутъ и заняли Фальчу. Не дожидаясь приказа, Янусъ началъ отступать, хотя цѣлыя сутки потомъ турки не переходили Прута, вопреки его донесенію, слѣдовательно, онъ легко могъ достигнуть Фальчи, занять ее и не допустить переправы. Тогда русскія войска были бы обезопасены, дошли до Дуная, и не смотря на всѣ прежнія неудачи, дѣло могло быть поправлено отважною рѣшительностью. Провидѣніе опредѣляетъ судьбы наши, и человѣкъ не въ силахъ противиться опредѣленіямъ его.

Гордясь впослѣдствіи походомъ на Прутъ, турки записали для потомства всѣ подробности сего похода. 1-го числа мѣсяца могаррема 1123 года эгиры (февраля 19-го н. с.) выставлены были въ Царьградѣ бунчуки, знакъ объявленія войны. Въ гаттишерифѣ султанскомъ были объясняемы право вѣрнымъ причины войны съ окаянною Московіею: гордость и обиды царя; нападеніе на оттоманскія земли; строеніе на нихъ крѣпостей; завладѣніе Польшею; избіеніе шведовъ въ мусульманскихъ предѣлахъ (султанъ говорилъ о битвѣ Кропотова въ 1709 г.). Въ 20-й день могаррема (10-го марта) войско оттоманское выступило въ Адріанополь, и турецкій флотъ вышелъ въ море (22 галеры, 27 гальоновъ, 30 гальотовъ, 60 фрегатовъ, 120 мелкихъ судовъ и 100 фелюкъ). Султанъ посѣтилъ лагерь и подарилъ почетный кафтанъ визирю. Войско двинулось въ походъ; впереди шли янычары, джебеджіи, топчи и топарабаджи. За ними слѣдовали азійскія войска, изъ Караманіи, Сиваса, Алепа, Діарбекира, Аданы, Кангри, Ангоры. Султанъ прислалъ великому визирю саблю, и чинъ младшаго визиря Юссуфу, агѣ янычарскому. Въ 1-й день ребіуль-ахира (мая 19-го) начался полный походъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: спаги и селигдары; 4000 канонеровъ съ пушками; 6000 оружейниковъ и обозъ, маркитанты, водоносы, станоставцы. Далѣе шли янычары,

сегбаны, гвардія визиря, музыканты и остальное войско. Въ Исакчѣ переправясь черезъ Дунай, войско турецкое вступило въ Картальскія степи, и остановилось противъ Фальчи, гдѣ 10,000 татаръ переправились черезъ Прутъ и по четыремъ мостамъ пошло все турецкое войско.

Ополченіе турецкое было многочисленно, состоя изъ 100,000 пѣхоты, 120,000 конницы, и 50,000 крымцевъ, подъ начальствомъ молодого хана Девлетъ-Гирея, сына славнаго Селима-Гирея Гаджи. Артиллерію составляли 444 пушки и 25 мортиръ. Съ татарами соединилось еще нѣсколько тысячъ запорожцевъ, съ Орликомъ и малороссійскими бѣглецами. Спаръ, губернаторъ московскій, былъ при ханѣ со шведами, а Потоцкій, съ своими отчаянными наѣздниками, у визиря.

Великій визирь, ловкій на забавы султана, но съ роду не обнажавшій сабли, шелъ и боялся царя, не вѣрилъ, что русскихъ идетъ противъ него всего 40,000 человѣкъ, и что они сами предаются въ руки оттомановъ. Онъ послалъ предварительно сильный отрядъ, напавшій на отрядъ Януса, уже и безъ того отступавшій. Заслышавъ канонаду, царь поскакалъ къ Янусу съ гвардіею, ингерманландскимъ и астраханскимъ полками, и прикрылъ его отступленіе. Русскіе сошлись съ турками.

Вечеромъ собранъ былъ военный совѣтъ. Рѣшено отступать, пока турки не принудятъ сильнымъ нападеніемъ къ бою. Царь предположилъ отступать влѣво, стараясь достигнуть рѣки Серета, гдѣ, какъ слышно было, Ренъ съ отрядомъ своимъ прошелъ благополучно. Всѣ возстали противъ его мнѣнія, доказывая, что гористое положеніе не допуститъ свободнаго прохода съ войскомъ. Оставалось продолжать отступленіе по низкому берегу Прута, гдѣ хотя отъ жажды умереть было невозможно, имѣя воду подъ рукою.

Великій визирь долго не вѣрилъ, когда ему донесли, что русскіе отступаютъ. Радость и надежда одушевили турецкое войско. Вся громада полчищъ оттоманскихъ передвинулась за Прутъ. Визирь рѣшился напасть на русскихъ. Толпы турецкихъ наѣздниковъ полетѣли впередъ.

Стройно отступало русское войско. Облегчая себя на походѣ, царь велѣлъ сжечь и истребить большую часть телѣгъ и палатокъ; тяжелыя бомбы зарыты были въ землю. Преображенскій полкъ составилъ аррієргардъ. Обозъ шелъ въ срединѣ, огражденный войскомъ. Съ разсвѣтомъ іюля 9-го начались нападенія турецкой и татарской конницы. Останавливаясь и ограждаясь рогатками, русскіе отбивали натиски непріятеля картечью и ружейнымъ огнемъ. Только однажды успѣли нападающіе прорваться до обоза, но ихъ выгнали штыками. Такъ продолжалось до полудня, пока жаръ и усталость заставили русскихъ остановиться. Достопамятное мѣсто, гдѣ тогда остановился царь, извѣстно подъ именемъ Рябой Могилы, и замѣтно по высокому кургану, на коемъ, какъ говоритъ преданіе, разбита была тогда ставка крымскаго хана. Донынѣ видны еще тамъ слѣды окоповъ. Турки называютъ сію долину Горсести. Ниже находится мѣстечко Гушъ, или Кусъ. Долина окружена возвышенностями, и въ ней, расположа лагерь треугольникомъ,

основаніе коего обращено было къ берегу Прута, русскіе видѣли, какъ всѣ окрестныя высоты занимала безчисленная турецкая армія. Толпы турковъ окружили въ видѣ полумѣсяца весь русскій лагерь, примыкаясь обоими концами обширнаго полукруга къ берегамъ Прута. Татары перешли на лѣвый берегъ рѣки. Часа за три до захожденія солнца увидѣли приближавшуюся толпу турецкой пѣхоты. Устроясь густымъ клиномъ, уголъ коего шелъ впередъ, приблизились турки и въ 30-ти шагахъ открыли огонь. Русскіе ждали ихъ. Картечи смяли и отодвинули нестройную толпу. Она поколебалась, преслѣдуемая ядрами. Царь велѣлъ сдвинуть сколько можно болѣе пушекъ. Новое приближеніе турокъ встрѣтили перекрестные пушечные выстрѣлы. Турки шли упорно. Упрямство ихъ охладили бѣглымъ ружейнымъ огнемъ. Конница турецкая летала кругомъ и рвалась въ лагерь со всѣхъ сторонъ. Стройная, хладнокровная защита русскихъ предводима была царемъ. Онъ не жалѣлъ себя и бросался въ огонь. Въ безпрерывной битвѣ наступилъ вечеръ, и отбитые въ послѣдній разъ, въ безпорядкѣ побѣжали турки. Нападеніе на бѣгущихъ могло произвесть общее замѣшательство въ турецкой арміи, можетъ быть, даже доставить побѣду, но войско русское было утомлено походомъ съ утра, трехъ-часовымъ боемъ, нестерпимымъ жаромъ, голодомъ и жаждою. Царь опасался также оставить лагерь, прикрытый только телѣгами и рогатками, ибо окопаться было некогда. Настала ночь. Русскіе оплакивали смерть генералъ-маіора Видмана 44-хъ офицеровъ и 700 солдатъ. Ранены были генералы Аллартъ и князь Волконскій, 90 офицеровъ, 1300 солдатъ. Наставшая ночь была ужасна. Безчисленные огни освѣтили окрестности и показали необъятность силъ непріятеля. Всю ночь слышенъ былъ шумъ и видно было движеніе въ турецкомъ лагерѣ. Видѣли, что турки окапываютъ лагерь свой кругомъ. Отъ плѣнныхъ узнали о числѣ непріятеля: турокъ приходилось семеро на одного, ибо русскаго войска было всего 31,554 пѣхоты и 6692 конницы. Артиллерію русскую составляли 87 полковыхъ и 10 большихъ пушекъ, 23 мортиры и 2 гаубицы. Пока утомленныя войска предавались смутному покою, царь, мрачный и безмолвный, удалился въ свой шатеръ и не велѣлъ никого впускать къ себѣ.

Воображаемъ тяжкую думу великаго въ роковую ночь на 10-е іюля 1711 года. Онъ самъ признавался впослѣдствіи, что никогда, ни прежде ни послѣ, не было для него минутъ столь грустныхъ и тяжкихъ. Спасеніе казалось невозможно, ибо отступленіе было пресѣчено совершенно. Продолжить стоянку въ лагерѣ значило погубить войско, и не число непріятеля страшило царя: русскіе должны были погибнуть отъ голода и изнуренія, ибо хлѣба едва оставалось просуществовать еще нѣсколько дней. Только умереть съ честью, только пасть сражаясь могъ царь, и онъ рѣшился умереть. Но не горестно ли было ему погибнуть, когда такъ упоительно лелѣяла его судьба, когда минуло только два года послѣ полтавской битвы, когда давно ли еще цари искали его союза и дружбы, сильныя твердыни падали къ стопамъ его и судьба столькихъ царствъ была въ его рукѣ! И одно ли то:

царь зналъ, что губитъ съ собою цвѣтъ своей арміи, своихъ добрыхъ сподвижниковъ и товарищей, свою супругу, умолившую дозволить ей раздѣлить съ нимъ опасности войны, губитъ Россію, которой посвятилъ двадцать лѣтъ труда Мучительное чувство присовокуплялось ко всему: извиняя ошибки Шереметева, Януса, Кантемира, онъ винилъ только одного себя, свою опрометчивость, неосторожность, небрежность. А если и самая битва не смерть, а безславный плѣнъ готовила ему!. И кто былъ побѣдителемъ царя? Толпа турокъ, предводимая шутомъ султана!

Но когда тяжкою думою терзался великій, уединенный въ шатрѣ своемъ, благовѣстницею спасенія явилась передъ нимъ его супруга. Она упала на колѣни при молніи, блеснувшей отъ взора его, и умоляла выслушать слова ея.

Голосъ любви дошелъ до сердца печальнаго царя. Екатерина предложила ему, что можно еще попытаться послать къ визирю, и узнать, не согласится ли онъ на миръ? На всякія пожертвованія, кромѣ жизни и чести, можно было рѣшиться за миръ. Дѣло казалось невозможнымъ. Царь унижался предложеніемъ мира, да объ оскорбленіи ли ничтожнаго честолюбія было время думать, если тѣмъ искупалось все, болѣе нежели жизнь царя — бытіе Россіи. Впереди оставалось еще необъятное будущее. Царь готовъ былъ на всякія жертвы, если бы въ самомъ дѣлѣ визирь принялъ миръ. Лучъ утѣшенія и надежды освѣтилъ душу царя. Казалось, онъ ожилъ. Шереметевъ былъ позванъ къ нему и отвѣчалъ на слова его, что они уже говорили о томъ съ царицею, Кантемиромъ и Рагузинскимъ, и что, зная свойства оттоманской политики и характеръ визиря, почти нельзя сомнѣваться въ успѣхѣ. Немедленно выбрали гвардейскаго унтеръ-офицера Шепелева, и онъ отправился съ письмомъ фельдмаршала къ Осману-агѣ, кіаіи, или секретарю визирскому. Царица тайно вручила ему богатые подарки къ кіаіи и визирю, отдала свои брилліанты и золото. На востокѣ ничто не дѣлается безъ подарка. Воображаемъ, сколько благословеній и какія пламенныя молитвы сопровождали посланнаго, который могъ быть вѣстникомъ спасенія или погибели.

Царь, какъ будто устыдился тогда своего бездѣйствія. Онъ вышелъ къ войску хладнокровный и спокойный. Немедленно собранъ былъ совѣтъ генераловъ, разсуждали о положеніи войска и опредѣлили: „Если непріятель не согласится на миръ, и будетъ требовать, чтобы сдались на дискрецію и ружья положили, то пробиваться сквозь непріятельскую силу, какъ честнымъ и храбрымъ воинамъ пристойно.“ Конницу положено было оставить въ обозѣ, который укрѣпить окопами и телѣгами. Бой долженствовалъ быть смертный. Побѣда могла рѣшить все, а мертвіи срама не имутъ, говорилъ предокъ царя, недалеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ великій обрекалъ себя на смерть или побѣду.

Въ сіи минуты рѣшительныя царь думалъ только о „любезной ему Россіи.“ Пока другіе готовили оружіе и укрѣпляли лагерь, онъ удалился въ шатеръ свой и написалъ слѣдующее письмо сенату:

„Господа Сенаторы.

Увѣдомляю васъ чрезъ сіе, что я со всѣмъ моимъ войскомъ, безъ нашей вины и ошибки, но только чрезъ ложно полученное извѣстіе, окруженъ вчетверо сильнѣйшимъ турецкимъ войскомъ, такимъ образомъ и столько, что всѣ дороги къ провозу провіанта пресѣчены, и я безъ особенной Божеской помощи ничего, какъ совершенное наше истребленіе или турецкій плѣнъ предусматриваю. Если случится послѣднее, то не должны вы меня почитать царемъ, вашимъ государемъ, и ничего исполнять, чтобы до вашихъ рукъ ни дошло, хотя бы то было и своеручное мое повелѣніе, покамѣстъ не увидите меня самолично. Ежели я погибну, и вы получите вѣрное извѣстіе о моей смерти, то изберите между собою достойнѣйшаго моимъ преемникомъ.

Петръ.

Петръ Великій въ плѣну турецкомъ, Петръ Великій погибшій въ безызвѣстныхъ поляхъ молдавскихъ, тамъ, гдѣ „говорила съ вѣтромъ пустынь" могила Жолкевскаго (падшаго за девяносто лѣтъ прежде подъ Цецорою), гдѣ за 35 лѣтъ прежде едва не погибъ Собіескій (подъ Журавною)—Петръ Великій, и черезъ два года послѣ полтавской побѣды...

Царь призвалъ къ себѣ отличнаго офицера (не знаемъ имени его), спросилъ: „Надѣется ли онъ пробраться въ Россію сквозь турецкое войско," и послѣ отвѣта утвердительнаго вручилъ ему письмо въ сенатъ, поцѣловалъ его въ голову, благословилъ и отпустилъ съ словами: ступай съ Богомъ!

Здѣсь, въ такія мрачныя минуты жизни, познается величіе человѣка, а не среди блеска побѣдъ, не среди шума торжествъ.

Разсвѣтало. Отвѣта не было. Турецкіе лагери всколыхались. Загремѣла страшная пальба съ возвышенностей и съ лѣваго берега Прута, хотя и не видно было приготовленій къ нападенію. Русскія пушки начали отвѣчать непріятелю. Царь ждалъ нетерпѣливо возвращенія посланнаго, но Шевелевъ могъ погибнуть, и онъ рѣшился отправить другого за немедленнымъ отвѣтомъ. Отправленъ былъ другой. Время протекало. Царь не хотѣлъ — не могъ болѣе ждать; полкамъ велѣно строиться, начинать бой послѣдній. Въ то время къ лагерю русскому уже подъѣзжалъ турецкій чиновникъ съ согласіемъ на миръ, и въ радостномъ изумленіи всѣ услышали вѣсть желанную: визирь не отвергалъ мира и требовалъ пословъ русскихъ для переговоровъ.

Царь немедленно отправилъ въ турецкій лагерь Шафирова и молодого Шереметева, сына фельдмаршала. Объ условіяхъ нечего было говорить. Сохранилась краткая записка царя, гдѣ означалъ онъ мѣру уступокъ за освобожденіе. Безпорядочныя строки и зачеркнутыя и приписанныя слова показываютъ волненіе великаго въ сіи тяжкія минуты. Онъ соглашался уступить всѣ завоеванныя имъ у турокъ земли, отдать Азовъ, разорить

Таганрогъ Богородицкъ, Каменный Затонъ (крѣпость подлѣ бывшей Сѣчи). Если будутъ требовать, соглашался отдать всѣ свои завоеванія шведамъ — все, кромѣ Ингріи, уступить даже Псковъ, но только Ингрію удержать за Россіею. Петербурга не хотѣлъ отдать царь ни за какую цѣну.

Безпокойно смотрѣлъ великій визирь изъ лагеря своего на битву, происходившую іюля 9-го вечеромъ, и со страхомъ видѣлъ непоколебимые ряды русскіе, гремѣвшіе огнемъ неумолкаемымъ — увидѣлъ наконецъ свои тысячи бѣгущими въ безпорядкѣ. Уронъ турокъ простирался въ тотъ день до 7000 убитыми и 8000 ранеными. Сильное волненіе началось ночью въ лагерѣ турецкомъ. Янычары отказывались идти въ бой вторично. При совершенномъ незнаніи военнаго искусства и опасеніи буйства янычаръ, ненавидимый многими изъ подчиненныхъ, презираемый другими, визирь былъ въ страхѣ и недоумѣніи. Напрасно явились къ нему Спарръ, Понятовскій, Потоцкій, уговаривая его не вступать болѣе въ битву, увѣряя, что русскіе опять отобьютъ нападеніе, и что самое вѣрное средство заставить ихъ всѣхъ положить оружіе и взять въ плѣнъ самого царя, если визирь продолжитъ блокаду еще нѣсколько дней. Тогда голодъ и жажда безъ оружія побѣдятъ непріятеля. Визирь оскорбился словами гяуровъ, повторилъ приказаніе нападать и услышалъ насмѣшливый отказъ. Оставить въ бездѣйствіи свое войско на нѣсколько дней казалось ему опаснымъ, будущее грозило гибелью, и при такомъ недоумѣніи визиря явился Шевелевъ съ предложеніемъ мира. Османъ-ага, вполнѣ обладавшій умомъ визиря, умѣлъ представить ему предложенія царя въ самомъ обольстительномъ видѣ. Что могло быть славнѣе, если онъ извѣститъ султана, что въ двѣ недѣли заставилъ грознаго русскаго царя принять всѣ условія непобѣдимаго повелителя оттоманской арміи?

Шафировъ явился на переговоры смиреннымъ, но твердымъ. Когда предложили всѣмъ русскимъ и царю сдаться въ плѣнъ, потомъ отдать оружіе и заплатить выкупъ, онъ не хотѣлъ начинать переговоровъ. Гордо отвѣчалъ надменному визирю посолъ царскій, и слѣдстіемъ его благоразумныхъ поступковъ было то, что въ русскій лагерь прислали условія, какихъ вовсе не ожидалъ царь. Турки требовали только отдачи Азова, уничтоженія Таганрога, Богородицка и Каменнаго Затона. Царь ждалъ извѣстій нетерпѣливо. Когда отъ Шафирова присланъ былъ сначала нарочный съ извѣстіемъ о безмѣрныхъ требованіяхъ турокъ, царь писалъ ему: „Чини по твоему разсужденію, какъ Богъ тебя наставитъ, оставь все, кромѣ шклавства (неволи), но только кончи сегодня, дабы нашъ десператный (отчаянный) путь можно было немедленно начать съ Божіею помощью.“ Встрѣтилось затрудненіе, казавшееся неважнымъ: турки требовали выдачи Кантемира, и многіе, можетъ быть и самъ Шафировъ, думали, что царь не скажетъ о томъ ни слова, но не такъ думалъ царь. „Я далъ ему слово сберечь его и не измѣню“ — горячо воскликнулъ царь — „лучше уступлю туркамъ землю до Курска: мнѣ останется еще надежда возвратить ее, но нарушеніе слова не-

возвратимо. У насъ ничего нѣтъ собственнаго, кромѣ чести, — потерять ее значитъ перестать быть государемъ!“ Несчастый Кантемиръ былъ въ лагерѣ русскомъ; его спрятали въ каретѣ царицы и увѣрили турокъ, что онъ остался въ Яссахъ. Визирь не заспорилъ, и миръ былъ утвержденъ. Турки такъ были рады счастливому окончанiю войны, что немедленно толпами выѣхали, одѣтые въ богатые наряды и дружески разговаривали съ русскими. „Видъ разноцвѣтныхъ одеждъ оттоманскихъ, оружiя, блиставшаго отъ лучей солнца, и бодрыхъ турецкихъ коней, составлялъ для насъ зрѣлище величественное и великолѣпное,“ говоритъ самовидецъ. „Намъ велѣно было также одѣться въ лучшiя наши платья и умыться. Закоптѣлые и въ пыли, мы не узнавали другъ друга, но черезъ три часа и наша одежда была щегольская и блистала золотомъ.“

Iюля 12-го подписали трактатъ. Положено: заключить вѣчный миръ; отдать взятыя у турокъ Азовскiя мѣста; въ польскiя дѣла не вступаться ни царю, ни султану; позволить взаимно свободу торговли, не чинить обидъ, предать забвенiю прошедшее и размѣнять плѣнныхъ. То же было наложено въ записи, данной визиремъ, но только съ хвастливымъ краснорѣчiемъ востока; „Се вина сего писанiя: при помощи Бога, всегда побѣждающiя войска мусульманскiе побѣдили и обезсилили царя московскаго. Онъ молилъ меня о мирѣ и я учинилъ миръ.“ Слѣдовали условiя. „Какъ полномочный намѣстникъ, даю сiю запись. Да, идетъ царь въ свое отечество, я и пойду въ Царьградъ, и буду молить владыку моего, да подтвердитъ условiе, въ вѣрности исполненiя коего царь оставилъ заложниками Шафирова и Шереметева (да будетъ имъ благословенiе!) и по исполненiи условiя мы ихъ безвредно отпустимъ. Лѣта 1123, джемазуля-ахира 7 дня.“ О королѣ шведскомъ сказано было только: „Прибѣгнувшiй подъ покровительство и милость нашу, да идетъ онъ во „свояси безопасно, и царь, да не препятствуетъ тому, а если можно, то „пусть и примирится съ нимъ.“ Тщетно говорилъ визирю Понятовскiй, что царь обманетъ его, и что визирь забываетъ о пользахъ короля. Визирь хладнокровно замолчалъ, презирая угрозы и гнѣвъ Понятовскаго. Но и самъ Карлъ XII-й былъ тогда недалеко. Услышавъ о началѣ мирныхъ переговоровъ, онъ скакалъ изъ Бендеръ безъ отдыха, и явился въ турецкiй лагерь, когда миръ былъ заключенъ. Въ бѣшенствѣ вбѣжалъ онъ въ ставку визиря, встрѣтившаго гостя своего съ почестью. „Ты забылъ, что султанъ за меня началъ войну!“ вскричалъ гнѣвный король. „Я и не зналъ, что за тебя, а думалъ, что сражаюсь за пользы моего государя. Я не забылъ однакожъ и твоихъ пользъ: тебѣ дозволяется свободный путь во свояси.“ — „Дай мнѣ войско и я разобью царя!“ закричалъ Карлъ XII-й. „Не думаю, хладнокровно отвѣчалъ визирь. „Ты уже испыталъ русскихъ и я ихъ видѣлъ. Если есть у тебя свое войско — сражайся!“ — „Обѣщаю сегодня же поставить передъ тобою царя плѣнникомъ!“ говорилъ король. „А кто же безъ него будетъ править Московiею?“ спросилъ визирь, улыбаясь. — Король безмолвно сѣлъ на диванъ, положилъ на него ноги и долго сидѣлъ не говоря ни слова.

Онъ гнѣвно вскочилъ съ дивана, зацѣпилъ шпорою за великолѣпный кафтанъ визиря, разодралъ его и поспѣшно ушелъ изъ шатра въ безмолвной досадѣ. Хладнокровно смотрѣлъ онъ, какъ подымался въ то время оживившій лагерь русскаго царя, и когда съ музыкою, барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами, русскіе выступали изъ своего лагеря, въ челнокѣ переправлялся черезъ Прутъ Карлъ XII-й, спѣша въ свое Бендерское убѣжище — игралище судьбы, своенравной не менѣе его! За нимъ слѣдовали Спарръ, Понятовскій и Потоцкій. Въ дружескомъ разговорѣ съ Шафировымъ, кіаія визиря говорилъ, что короля шведскаго непремѣнно вышлютъ изъ Турціи съ малымъ прикрытіемъ. „Только не троньте провожатыхъ, а его можете взять,“ прибавилъ хитрый турокъ. „Пусть онъ пропадетъ, песъ окаянный — онъ надоѣлъ намъ!“

Когда подписывали миръ, услышали объ успѣхѣ оружія царскаго, успѣхѣ позднемъ, но замѣчательномъ тѣмъ, что въ первый разъ послѣ Святослава звукъ русскаго оружія грянулъ тогда на берегахъ Дунайскихъ. Ренъ быстро промчался до Дуная, напалъ тамъ на крѣпость Браиловъ и овладѣлъ ею послѣ слабаго сопротивленія турокъ. Черезъ два дня получилъ онъ извѣстіе о Прутскомъ мирѣ и приказъ отступить. Царь наградилъ Рена андреевскихъ орденомъ.

Русскій лагерь снялся 12-го іюля вечеромъ. Трое пашей провожали царя, ограждая русскихъ отъ схватки съ бродившими по степямъ наѣздниками. Шафировъ и Шереметевъ остались заложниками въ турецкомъ войскѣ. Іюля 15-го царь достигъ рѣки Жижи; 19 го русскіе переправились черезъ Прутъ въ Степановичахъ; 23-го достигли Днѣстра, и на другомъ берегу сей рѣки русское войско отдыхало недѣлю. Какъ будто смертный, тяжелый сонъ вспоминали здѣсь царь и сотрудники его гибельный походъ свой, смотря съ роскошныхъ полей Украйны на степи Бессарабскія. Обильно отовсюду свезены были припасы. Отъ Рябой Могилы до Днѣстра почти вовсе не было хлѣба въ русской арміи—питались только мясомъ, и того недоставало.

Съ береговъ Жижи царь увѣдомилъ сенатъ о мирѣ съ Турціею. „Хотя николи не хотѣлъ бы я говорить о такой матеріи,“ писалъ онъ, „но принужденъ, понеже такъ воля Божія благоволила по грѣхамъ нашимъ. Съ 8-го іюля сошлись мы съ турками, и съ того дня день и ночь были въ великомъ огнѣ, въ зѣльной десперации, какой никогда еще, какъ началъ я служить, не испытывалъ. Но Богъ подкрѣпилъ насъ. Непріятель, превосходившій насъ болѣе нежели ста тысячами, былъ отбитъ, учинилъ штильтандъ (перемиріе) и потомъ совершенный миръ. Тѣмъ кончился смертный пиръ нашъ, и хотя дѣло не безъ печали, что лишаемся мѣстъ, труда и убытковъ стоившихъ, но съ другой стороны польза пріобрѣтается.“—„Будь воля Божія,“ писалъ царь Апраксину. „Мы были правы въ сей войнѣ, и думаю, Богъ все къ лучшему устроилъ. Невозможно было намъ вести войну вдругъ съ двумя, и шведскую мы упускали, когда конецъ ея близокъ былъ, а дождавшись мира на западѣ мы рѣшительно всюду потеряли бы наши

выгоды. Изъ двухъ золъ выбирая лучшее, не жалѣю объ уступкѣ туркамъ.“ — „Хотя съ убыткомъ, но мы развязались теперь съ турками,“ писалъ царь Меншикову, „и всю силу можемъ обратить на шведовъ.“

Самъ царь сознавался, что походъ въ Молдавію былъ „зѣло отчаянно учиненъ, въ надеждѣ на слова измѣнника, обнадежившаго союзомъ народовъ, подвластныхъ Турціи, что оказалось впослѣдствіи лобзаніемъ Іуды, ибо все чинено было на пагубу и туркамъ передаваемы были всѣ вѣсти. Правосудный Богъ чудо и судъ свой явилъ въ семъ дѣлѣ, избавя насъ въ отчаяніи и погубивъ лютою смертью лукавыхъ, которымъ мы право и чистосердечно добра желали“. Кромѣ Бранкована, на коего падало обвиненіе, царь винилъ еще какую-то знатную духовную особу, его участника, „подъ именемъ святости діавольскія хитрости соплетавшаго“.—„Великій Боже!“ говорилъ царь. „Когда врагъ человѣческаго рода не употреблялъ лицемѣрія избранныхъ на погибель людей твоихъ? Какъ Іуда, предавшій Христа, и сей измѣнникъ предалъ насъ, безчестно учинясь сосудомъ діавола, орудіемъ коварства, безчестнымъ измѣнникомъ“. — „Я теперь въ такомъ же положеніи, какъ братъ мой Карлъ подъ Полтавою“, сказалъ царь, послѣ совѣта іюля 9 го. „Повѣрилъ измѣннику и вошелъ въ чужую землю, не принявъ мѣръ продовольствовать войско“.

Оскорбляясь вѣроломствомъ Бранкована, царь сознавалъ въ томъ свою собственную, непростительную ошибку. „Собственное сознаніе, паче свидѣтельства всего свѣта“ — истина безспорная, и мы признаемъ въ довѣріи его Бранковану великую ошибку, но въ довѣріи ли только Бранковану состояла его ошибка? Осмѣливаемся думать, что походъ вообще былъ предпринятъ слишкомъ поспѣшно, и средства были приготовлены вообще слабо; еще въ Польшѣ, оказались недостатки во всемъ, а Молдавія не дополнила ихъ. Но сознавая погрѣшность въ томъ, что при недостаткѣ продовольствія царь слишкомъ пренебрегъ своего непріятеля и не принялъ въ разсчетъ мѣстныхъ трудностей, сознаемся, что планъ похода турецкаго былъ соображенъ геніально, и если бы медленность Шереметева не разстроила его вначалѣ, быстрый переходъ черезъ Молдавію до Дуная измѣнилъ бы всѣ обстоятельства. Къ несчастію, неисправности въ войскѣ и дѣла въ Польшѣ задержали царя. Рѣшеніе похода отъ Яссъ къ Фальчѣ не менѣе было мыслью полководца великаго, хотя разстроено было мѣстными трудностями и оплошностью Януса. Успѣхъ Рена подъ Браиловымъ доказалъ, что разсчетъ царя былъ вѣренъ. Будь Ренъ на мѣстѣ Януса, и кто разгадаетъ послѣдствія? Не должно ли также оправдать царя въ надеждѣ его на ничтожность многочисленнаго непріятеля и силу своего войска? Всѣ дѣйствія непріятелей доказали неспособность предводителя мусульмановъ, невѣжество его самого и подчиненныхъ, и всегдашнее свойство турецкихъ народовъ — смѣлость при успѣхѣ, робость при первой неудачѣ, безполезную личную храбрость при нелѣпости общихъ соображеній, все, чѣмъ пользовались впослѣдствіи такъ вѣрно русскіе полководцы, Румянцевъ, Суворовъ, Паске-

вичъ, Дибичъ, при Кагулѣ, Рымникѣ, Арзерумѣ, Адріанополѣ. Царь за сто лѣтъ проникалъ сію великую тайну войны съ турками, и ошибемся ли, если скажемъ, что почти навѣрное побѣда ожидала его, если бы миръ съ турками не былъ заключенъ: 40,000 русскихъ показали бы тогда свѣту при Рябой Могилѣ въ 1711 г., что потомъ 18,000 русскихъ показали противъ 250-ти турокъ при Кагулѣ, и 10,000 противъ 100,000 при Рымникѣ. Рѣшимость царя напасть на турокъ была рѣшимость героя, увѣреннаго въ мужествѣ и крѣпости своего войска. Должно сказать, что весь несчастный походъ турецкій въ 1711 г., былъ ознаменованъ изумительнымъ терпѣніемъ и твердымъ мужествомъ русскихъ солдатъ и ихъ начальниковъ. Русское войско явилось уже и въ то время въ числѣ лучшихъ войскъ европейскихъ—оно, за 10 лѣтъ, подъ Нарвою, бывшее толпою нестройною. Дѣла свидѣтельствуютъ истину словъ нашихъ. Намъ сохранились любопытныя записки самовидца, служившаго въ русской арміи, и его свидѣтельство тѣмъ важнѣе, что онъ былъ другъ Януса, и вмѣстѣ съ нимъ отпущенъ былъ потомъ съ неудовольствіемъ изъ русской службы. Черезъ 25 лѣтъ, въ запискахъ своихъ отдавалъ онъ справедливость мужеству русскихъ. Намъ драгоцѣнны слова его и о самомъ царѣ. „Могу увѣрить", говоритъ онъ, что царь берегъ себя не болѣе, какъ послѣдній изъ его самыхъ отважныхъ воиновъ. Онъ былъ всюду, говорилъ со всѣми нѣжно и дружески, съ генералами, офицерами и солдатами, наблюдая за всѣмъ, что въ битвѣ происходило. Его храбрость увлекала войско, и никто не щадилъ себя". Видя русскаго солдата, погибающаго подъ саблями трехъ наѣздниковъ турецкихъ, при отступленіи 9-го іюля, фельдмаршалъ Шереметевъ не вытерпѣлъ и самъ бросился спасать его. Царь строго выговаривалъ ему за отвагу безполезную.

Словомъ, если была ошибка вообще въ войнѣ, въ исполненіи плана войны и подробностяхъ дѣлъ, то не менѣе, если не болѣе нежели въ войнѣ съ 1700 года, и 1711-й годъ являетъ въ царѣ геній полководца, и умъ мужа великаго, равно среди счастія и среди бѣдствія.

Не входимъ въ изслѣдованіе мнѣнія тѣхъ, кто утверждаетъ, основываясь на вздорной сказкѣ, будто брильянты и золото, посланные царицею къ визирю и секретарю его, склонили турокъ на миръ. Подвигъ Екатерины оцѣнилъ царь черезъ три года установленіемъ ордена Освобожденія, и черезъ 12-ть лѣтъ, когда возлагалъ корону на главу ея, говоря, „что въ Прутской войнѣ поступала она мужески, а не женски". Но подвигъ ея состоялъ въ рѣшеніи царя на переговоры, въ самой мысли объ нихъ, когда великій супругъ ея помышлялъ только о славной смерти. Подвигъ Екатерины былъ великъ, какъ мысль спасенія среди безнадежнаго отчаянія.

Опровергать ли нѣкоторыхъ стратегиковъ, думающихъ, что планъ вступленія въ Молдавію былъ невѣренъ въ основаніи, и что царю надлежало идти по Днѣстру на Бендеры? Такіе стратегики не понимаютъ исторіи войны 1711 года.

Имя Бранкована осталось въ потомствѣ съ именемъ предателя. Осмѣ-

ливаемся думать, что онъ не былъ злодѣемъ, желалъ добра и не обманывалъ царя, но, увлекаемый отвратительнымъ эгоизмомъ, привыкшій хитрить, подобно всѣмъ его соотечественникамъ фанаріотамъ, боялся только потерять выгоды и торговался на совѣсть. Онъ обманывалъ царя, можетъ быть, менѣе нежели Кантемиръ, безразсудно увлекшій русскихъ въ Молдавію несбыточными обѣщаніями и разстроившій весь планъ похода. Но искренняя преданность замѣнила въ глазахъ великаго царя безразсудство поступковъ. Мы видѣли, какъ царь не выдалъ несчастнаго господаря молдавскаго на казнь. Кантемиръ, съ дѣтьми и съ 450-ю молдаванъ, выѣхалъ въ Россію, находясь при русской арміи. Царь богато наградилъ его, далъ ему титулъ Свѣтлѣйшаго, и Кантемиръ оставался до смерти своей въ числѣ первыхъ вельможъ и любимцевъ царя. Не такова была участь несчастнаго Бранкована. Какъ ни старался онъ потомъ прикрыть раболѣпствомъ тайныя сношенія съ царемъ, турки открыли ихъ. Уличенный, что только неудача подъ Прутомъ удержала его отъ явной измѣны султану, коварный себялюбецъ былъ увезенъ въ Царьградъ и удавленъ въ Семибашенной крѣпости, вмѣстѣ съ четырьмя сыновьями, въ 1714 году. Молдавія и Валахія поплатились тяжело туркамъ за изъявленную ими преданность Россіи, но еще несчастнѣе сихъ, всегда страдавшихъ областей, были черногорцы. Увлеченные грамотою царя, они возстали противъ турокъ, разбили посланное противъ нихъ войско, но въ 1714 г. полчища турецкія явились снова и страшно заплатили имъ за бѣдный успѣхъ. Увидимъ, что царь сострадалъ бѣдствію черногорцевъ, хотя не могъ помочь имъ въ несчастіи, нѣсколько разъ повторявшемся прежде и послѣ 1714 года, и превратившемъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій жителей Черногорья въ орды полудикихъ горскихъ народовъ.

Честно расплатилась потомъ Россія за бѣдствія, испытанныя Петромъ Великимъ въ степяхъ Бессарабіи и Молдавіи. Съ именемъ Рябой Могилы соединялись потомъ для воспоминаній потомка, странствующаго по прибрежьямъ Днѣстра, Прута и Дуная, имена Хотина, Каушанъ, Бендеръ, Измаила, Очакова, Фокшанъ, Рымника. Черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ смерти Петра Великаго одинъ изъ его сотрудниковъ (Минихъ, въ 1739 г.) смѣло говорилъ, что разсчитался съ оттоманами за прутскій миръ побѣдою на берегахъ сей рѣки, до Петра Великаго безвѣстной, съ его именемъ безсмертной въ лѣтописяхъ Россіи, а ровно черезъ сто лѣтъ (въ 1812 году) орелъ русскій возсѣлъ на берегахъ Прута, здѣсь назначая предѣлы Россіи, раздвинувшейся до Молдавскихъ границъ. Замѣтимъ, что іюля 10-го, въ день Прутскаго мира, черезъ 63 года (въ 1774 г.), Румянцевъ подписалъ миръ Кучукъ-Кайнарджинскій. — Славный русскій поэтъ, смотря на пустыни Бессарабскія, говорилъ:

Сія пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державинымъ воспѣта
И славой русскою полна!

Разсказъ шестнадцатый.

Походъ царя въ Померанію и Голштинію.

1712 — 1713 гг.

„Зѣло и зѣло жаль, что время проходитъ въ пустыхъ спорахъ... Такъ всегда многоначаліе мѣшаетъ: что можемъ дѣлать, на то другіе не соглашаются, а что они хотятъ дѣлать, того въ дѣло привесть нельзя“.

Слова Петра Великаго.

Событія 1711 года произвели глубокое впечатлѣніе на душу великаго царя. Казалось, они измѣнили даже взглядъ его на предметы. Годы, слѣдовавшіе послѣ турецкой войны, показали явную перемѣну въ его дѣлахъ и образѣ мыслей. Онъ созналъ непрочность обширныхъ замысловъ и быстрыхъ перемѣнъ, если ихъ не подкрѣпляетъ впослѣдствіи мудрое соображеніе подробностей и если въ нихъ нѣтъ постоянной постепенности. Онъ убѣдился, кажется, какъ легко безъ сихъ условій можетъ все измѣниться, и до самаго окончанія борьбы его съ Швеціею, уже всегда видимъ мы его осторожнымъ, непоколебимымъ, постояннымъ въ одномъ дѣлѣ, пока оно не кончено. Онъ не оставилъ ни обширныхъ своихъ замысловъ, ни дѣятельности при исполненіи ихъ, но уже никогда и ничего не отдавалъ онъ случаю. Съ другой стороны, съ сего времени находимъ особенное стараніе его объединить все въ строгую систему, утвердить всѣ части государственнаго правленія прочными уставами и учрежденіями, и не на одного только себя полагать всю надежду, но стараться упрочить въ будущемъ сущность новаго порядка дѣлъ. Успѣхъ общаго пересталъ съ тѣхъ поръ прикрывать въ глазахъ его частныя упущенія. Какъ ни оскорблялся онъ отношеніями Турціи къ Россіи, какъ ни желалъ расплатиться съ прозорливыми оттоманами за потери и возвратить свои завоеванія на Черномъ морѣ, но ничего не предпринялъ онъ, пока не рѣшился споръ съ Швеціею, хотя многія благопріятныя обстоятельства увлекали его въ новую войну съ турками. Онъ пренебрегалъ славою завое-

вателя и побѣдителя, если сія слава не утверждалась прежде всего на прочномъ благоденствіи государства. И никого не обвинялъ онъ за неудачи въ Турціи. Шереметевъ, виновный въ столь важныхъ упущеніяхъ, постоянно оставался у него въ милости, и даже легкомысленный Кантемиръ былъ облагодѣтельствованъ имъ. Наконецъ — печальное замѣчаніе: сколь сильное впечатлѣніе произвелъ на царя прутскій походъ, мы видимъ и потому, что съ тѣхъ поръ здоровье его, удрученное и прежде, болѣе и болѣе слабѣло, и почти никогда, до самой кончины царя, не возстановлялось вполнѣ. Крѣпкое сложеніе великаго мужа нѣсколько лѣтъ боролось еще съ тѣлеснымъ разрушеніемъ, и наконецъ мгновенно уступило, когда притомъ тяжкіе труды его были безостановочны, безпредѣльны, а судьба не щадила великаго отъ новыхъ, тяжелыхъ ударовъ.

Неизмѣнный духомъ, хотя и чувствовалъ изнуреніе тѣлесное, такъ же твердый послѣ несчастія, какъ и послѣ торжества, едва переступилъ за предѣлы Турціи, уже вновь дѣятельно занялся онъ предлежавшими ему обширными дѣлами. Главный предметъ заботливости его составила тогда внѣшняя политика европейская, отношенія къ союзникамъ, война съ Швеціею и окончаніе дѣлъ съ Турціею.

Онъ могъ опасаться, что Прутскій миръ не заслужитъ одобренія султанскаго. Повелитель оттомановъ, подстрекаемый внушеніями Карла XII-го и европейскихъ дипломатовъ, могъ обвинить малодушнаго визиря въ неисполненіи долга своего и даже возобновить войну противъ Россіи. Потому царь расположилъ войска подъ начальствомъ Шереметева на границахъ Польши и Малороссіи, такъ что при первомъ требованіи они могли защитить предѣлы Россіи отъ нападенія турокъ и набѣга татаръ. Русскіе занимали Полонное, Дубно, Острогъ. Гетману Скоропадскому велѣно было усилить надзоръ на рубежахъ Малороссіи. Исполняя условія мира, царь велѣлъ Апраксину уничтожать укрѣпленія Азова и Таганрога, вывозить изъ всѣхъ уступаемыхъ оттоманамъ мѣстъ артиллерію и снаряды, но не спѣшить отдачею ихъ, пока со стороны турокъ не приступятъ также къ исполненію условій. Разстроенное трудами и душевными страданіями здоровье царя требовало отдыха и лѣченія. Онъ рѣшился ѣхать въ Карлсбадъ, соединяя такимъ образомъ съ попеченіемъ о здоровьи возможность видѣться и переговорить съ союзниками, присутствовать на свадьбѣ сына, назначенной осенью, въ Саксоніи, и распорядиться дѣйствіями противъ шведовъ. Если съ одной стороны царь желалъ видѣть немедленную высылку Карла XII-го изъ Турціи и тѣмъ надѣялся обезопасить себя отъ оттомановъ, съ другой стороны не менѣе желалъ онъ усилить стѣсненіе Швеціи въ отсутствіе своего соперника, и тѣмъ отнять у него средства продолжать войну, коей, конечно, не прекратилъ бы непримиримый король шведскій по своемъ возвращеніи изъ Турціи. Мы видѣли условія царя по сему отношенію съ Даніею, Польшею, Пруссіею и другими государствами. Царь не надѣялся отъ союзниковъ большихъ успѣховъ, послѣ неудачнаго начала войны датчанами, при слабости силъ

Августа, нерѣшительности Пруссіи и своекорыстныхъ разсчетахъ другихъ, но все однакожъ онъ могъ ожидать чего-нибудь большаго, нежели каковы были на дѣлѣ дѣйствія союзниковъ въ 1711 году.

Согласно договорамъ съ Россіею, когда царь отправился въ Турцію, король Августъ съ 10,000 саксонцевъ и 6000 русскихъ, а датскій король съ 18,000 датской пѣхоты и 9000 конницы должны были вступить въ германскія области, принадлежавшія Швеціи. Вся сила шведовъ, охранявшая ихъ, не составляла и 20,000 человѣкъ. Генералъ Веллингъ, губернаторъ сихъ областей, видѣлъ невозможность защищаться открытымъ боемъ и сосредоточилъ охранныя войска въ Стральзундѣ, Штетинѣ, Висмарѣ и другихъ укрѣпленныхъ городахъ. Въ августѣ перешли датчане черезъ рѣку Эйдеръ, обложили Висмаръ и двинулись къ Стральзунду, гдѣ (въ сентябрѣ) соединились съ королемъ Августомъ, слабо блокировавшимъ между тѣмъ Штетинъ. Не было ни продовольствія войскамъ, ни осадной артиллеріи. Ожидали привоза того и другого изъ Даніи. Время проходило въ мелкихъ схваткахъ съ непріятелемъ и взаимныхъ спорахъ союзниковъ. Царь надѣялся оживить военныя дѣйствія своимъ присутствіемъ.

Августа 5-го отправился онъ изъ арміи, и не смотря на болѣзнь свою, подробно осмотрѣлъ на пути обширную Каменецъ-Подольскую крѣпость. Препровождаемый отрядомъ преображенцевъ, по Вислѣ изъ Сандомира, достигъ онъ Варшавы августа 24-го. Встрѣченный здѣсь торжественно, 29-го прибылъ онъ въ Торунь, оставилъ тамъ супругу свою, и изъ Познани отправился въ Дрезденъ, куда прибылъ 9-го сентября. Отсюда посѣтилъ онъ фрейбургскіе рудники, спускался въ шахты, и на другой день угощалъ депутацію рудокоповъ, присланную съ факелами и съ музыкою поздравить высокаго посѣтителя. Сентября 13-го царь началъ свое лѣченіе водами въ Карлсбадѣ. Курсъ продолжался три недѣли. Чувствуя облегченіе, царь спѣшилъ выѣздомъ въ Дрезденъ. Въ Карлсбадѣ праздновалъ онъ воспоминаніе побѣды подъ Лѣснымъ. „Поздравляю милость вашу съ симъ днемъ, какъ началомъ всего добраго, за что сегодня и выпили мы лишнюю рюмку“, писалъ онъ Меншикову. Изъ Дрездена по Эльбѣ царь прибылъ въ Торгау. Здѣсь ожидали его королева польская, царевичъ Алексѣй, герцогъ брауншвейгъ-вольфенбиттельскій, внуки его, дворъ герцога и дворъ короля польскаго. Царь съ удовольствіемъ узналъ умную и прекрасную невѣстку свою и дружески сблизился съ своимъ будущимъ сватомъ. Онъ радовался, что сынъ его выбралъ подругу по сердцу, и притомъ изъ владѣтельнаго дома, находящагося въ родствѣ съ знатнѣйшими европейскими государями. Императоръ Карлъ VI-й, воцарившійся послѣ Іосифа, былъ своякъ царевичу. Уступая желанію новыхъ родственниковъ, царь великолѣпно праздновалъ свадьбу 14-го октября, хотя прежде изъявлялъ желаніе совершить ее безъ церемоній. „Свадьба праздкована добрымъ порядкомъ. Людей знатныхъ было много, а арбузу, присланному отъ васъ, зѣло удивлялись, ибо сей плодъ здѣсь за диковинку“, писалъ Меншикову царь. „Домъ свата моего весьма изрядный“, говорилъ онъ въ

письмѣ сенату. Невѣсткѣ царской позволено было свободное отправленіе лютеранской вѣры, но вѣнчаніе совершено русскимъ священникомъ, въ богато убранной залѣ дворца. Царь самъ надѣлъ вѣнцы на новобрачныхъ. Пушечная пальба гремѣла, когда пили ихъ здоровье. Царь прожилъ въ Торгау до 19-го октября. Герцогъ, сватъ его, желалъ оставить новобрачныхъ при себѣ на годъ. Царь не согласился, препоручая сыну наблюденіе надъ военными дѣйствіями въ Помераніи. Дружески отвѣчалъ онъ на предложеніе герцога сблизиться съ императоромъ тѣснѣйшею дружбою. На просьбу герцога „продолжить любовь къ невѣсткѣ и милость къ людямъ, которые будутъ при ней“, царь говорилъ: „Принимаю ее, какъ родную дочь мою, и надѣюсь, что она жаловаться не будетъ, а также и тѣ, кто будетъ при ней, только держали бы себя безъ высокомнѣнія, какъ многіе пріѣзжіе къ намъ въ Россію обыкли дѣлать“. Царевичъ съ супругою отправился въ Торунь, куда царь прибылъ 27-го октября. Не заѣзжая на мѣста военныхъ дѣйствій, онъ поспѣшалъ въ Петербургъ и 28-го октября выѣхалъ изъ Торуня, съ супругою и небольшою свитою.

Въ Карлсбадѣ, Дрезденѣ, Торгау и Торунѣ царь неутомимо занимался распоряженіями къ войнѣ будущаго года въ Помераніи. По требованію короля Августа, русскія войска были усилены отрядомъ, подъ командою генерала Баура. Царь смотрѣлъ свои войска въ Кроссенѣ. Меншиковъ просилъ позволить ему отправиться въ Померанію. Царь отвѣчалъ, что онъ нуженъ еще ему въ Петербургѣ. „Для охоты вашей воевать время будетъ, понеже пока нашъ чудакъ живъ, едва ли покоя мы дождемся“, прибавилъ онъ. Наслѣдный принцъ прусскій, пріѣзжавшій въ Кроссенъ, и датскій и польскій уполномоченные предложили царю множество разныхъ условій и затрудненій. Между прочимъ отъ него требовали диверсіи въ Финляндію, говорили о подробностяхъ военныхъ дѣйствій въ Помераніи и дѣлежѣ областей шведскихъ. „Въ Финляндіи дѣйствовать будемъ сколько можно“, отвѣчалъ царь. „До сихъ поръ мы ничего не дѣлали потому, что моремъ силы наши слабы, а сухопутно мѣста для войны неудобныя. Время для дѣйствій въ Помераніи теперь упущено. Надобно приготовиться дѣятельнѣе поступать въ будущемъ году, а дѣлиться завоеваннымъ еще успѣемъ — завоюемъ прежде“. Царевичу приказано было готовить продовольствіе на 30,000 человѣкъ войска. Царь почиталъ нужнымъ пріобрѣсть согласіе Англіи и Ганновера и начать военныя дѣйствія въ 1712 г. какъ можно ранѣе. Онъ жаловался, что русское войско худо содержится, когда между тѣмъ его посылаютъ во всѣ опасности. „Не сытый солдатъ плохой воинъ“, говорилъ царь. Голландія предложила царю свое посредничество въ мирѣ съ Швеціею. Царь не отрекался, но отложилъ рѣшеніе до будущаго времени, хорошо понимая, что всѣ подобныя предложенія, безъ усиленія войны, ни къ чему не ведутъ.

Изъ Эльбинга, куда приплылъ по Вислѣ изъ Торуня, царь отправился моремъ къ Кенигсбергъ. Здѣсь не забылъ онъ на сей разъ осмотрѣть королевскую библіотеку и между многими рѣдкостями увидѣлъ списокъ Несторо-

вой лѣтописи, извѣстный нынѣ подъ именемъ кенигсбергскаго. Подробно разсматривая сію драгоцѣнность, онъ велѣлъ снять съ него вѣрный снимокъ. Жители Риги встрѣтили царя, какъ законнаго государя своего. Древній и богатый городъ сей успѣлъ ожить послѣ тяжкой осады въ 1710 году, хотя еще всюду видны были слѣды прошлогоднихъ опустошеній. Лифляндское дворянство приглашено было отъ предводителя своего въ Ригу, „изъявить радость свою о благополучномъ прибытіи императора и царя, узнать лично своего высокаго повелителя и встрѣтить его со всѣми подобающими почестями“. Царю говорили рѣчи и подносили стихи, гдѣ поэты восклицали: „Приди, великій императоръ, приди и покажи намъ, что скоро обнимутся здѣсь миръ и радость (Komm, grosser Kaiser, komm, und thue uns zu wissen, das man den Frieden bald mit Freuden werde küssen!) „На рижскомъ театрѣ давали Серенаду объ Аполлонѣ и Музахъ, радующихся прибытію царя, и дивертисментъ: Увѣнчанная пастушка Аспазія. Царь всходилъ на колокольню церкви св. Петра и оттуда осматривалъ Ригу и ея окрестности. Онъ записался членомъ въ Рижское Общество Черноголовыхъ, подарилъ сему Обществу свой портретъ, и увидя тамъ портретъ Карла XII-го, не велѣлъ выносить его. „Я не сердитъ на моего брата Карла“ — сказалъ царь — „онъ выучилъ меня воевать“. Проживъ въ Ригѣ десять дней, царь заѣхалъ въ Перновъ, прожилъ десять дней въ Ревелѣ, и здѣсь записался также въ Общество Черноголовыхъ. Декабря 29-го увидѣлъ онъ наконецъ драгоцѣнный ему Петербургъ. Весело праздновалъ здѣсь царь новый 1712-й годъ. Получивъ тогда извѣстіе объ успѣхѣ датчанъ противъ шведовъ, „радуюсь“, писалъ онъ, „что первое письмо сего года начинаю извѣстіемъ о побѣдѣ. Дай, Боже, впредь милость свою!“

Особенное удовольствіе ощутилъ тогда царь, встрѣтивъ въ Петербургѣ своего стараго, вѣрнаго сподвижника, двѣнадцать лѣтъ страдавшаго въ плѣну шведскомъ, князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго. Мы видѣли Долгорукаго посломъ во Франціи и Испаніи при Софіи, начальникомъ войскъ при крымскихъ походахъ и плѣнникомъ подъ Нарвою. Съ тѣхъ поръ томился онъ въ безотрадномъ плѣнѣ и напрасно царь предлагалъ обмѣнять его на знатнѣйшаго изъ шведскихъ плѣнниковъ. Въ концѣ 1710 года перевели Долгорукаго въ Якобштадтъ, а лѣтомъ, вмѣстѣ съ другими русскими плѣнниками, велѣно было перевезти его въ Умео. Замѣтивъ, что но шхунѣ, гдѣ они находились, было только 20 шведовъ и 45 русскихъ, Долгорукій уговорился съ товарищами овладѣть шхуною. По данному имъ знаку, русскіе бросились на шведовъ, овладѣли ихъ оружіемъ, перебили однихъ, принудили другихъ сдаться, и шкиперъ принужденъ былъ вести побѣдителей въ Ревель, куда явился Долгорукій съ пушечною пальбою. Геройскій поступокъ семидесяти-лѣтняго старца такъ обрадовалъ царя, что онъ плакалъ, обнимая Долгорукаго, и наградилъ его почестями и помѣстьями. Долгорукій жилъ еще девять лѣтъ. Онъ скончался въ 1720 году. Пожалованный сенаторомъ, онъ управлялъ коммиссаріатомъ, былъ другомъ Петра Великаго, и не страшился всегда го-

ворить ему правду. Царь называлъ его дядею и искренно оплакивалъ кончину его.

1711-й годъ ознаменовался особенною дѣятельностью въ устройствѣ Петербурга. Подъ надзоромъ Меншикова дома, зданія, дворцы воздвигались безпрерывно. Не довольствуясь своимъ укромнымъ домикомъ, царь велѣлъ строить на Адмиралтейской сторонѣ два дворца. Одинъ былъ Лѣтній (отчасти донынѣ уцѣлѣвшій). Вокругъ него царь развелъ садъ, самъ занимаясь въ немъ разсадкою дубовъ и липъ. Садъ сей, по имени дворца, названъ былъ Лѣтнимъ садомъ. Другой дворецъ, названный Зимнимъ, ибо на зиму переселялся въ него царь на житье, находился на углу, образуемомъ Зимнимъ каналомъ и Милліонною улицею (онъ былъ впослѣдствіи сломанъ). Кромѣ того построены были дворецъ для царевича Алексѣя и дворецъ для царевны Наталіи Алексѣевны, при коемъ добродѣтельная сестра царя устроила первую въ Петербургѣ богадѣльню. Царь велѣлъ развести садъ на взморьи, построилъ тамъ дворецъ и назвалъ его Екатерингофомъ, подаривъ супругѣ своей. Еще дворецъ построенъ былъ тогда въ 15-ти верстахъ отъ Петербурга, по дорогѣ къ оружейному Сестрорѣцкому заводу, на мѣстѣ, гдѣ останавливался царь, посѣщая заводъ. Здѣсь насадилъ онъ дубовую рощу и дворецъ получилъ названіе: Дубки. Тогда начато было строеніе и двухъ загородныхъ дворцовъ, Петергофа и Стрѣльны. Меншиковъ заложилъ себѣ великолѣпный домъ далѣе Петергофа на берегу Финскаго залива, назвавши его Ораніенбаумъ. Другой дворецъ Меншикова построенъ былъ въ селеніи Ижорѣ. Изъ общественныхъ зданій замѣтимъ основанныя тогда: каменное зданіе Адмиралтейства близъ верфи; Почтовый домъ, съ гостиницею для пріѣзжающихъ, на мѣстѣ нынѣшняго Мраморнаго дворца; Литейный домъ, на мѣстѣ нынѣшняго Литейнаго двора. Тогда же приказано было расчистить болотистую рѣчку Мью (нынѣшнюю Мойку), и изъ нея проведенъ былъ въ Неву Зимній каналъ. Царь раздалъ своимъ любимцамъ Невскіе острова: Ристисари (Крестовскій) Меншикову, Мишинъ (Елагинъ) Шафирову, Кивисари (Каменный) Головкину, съ тѣмъ, чтобы они устроили на нихъ сады и дома; Поцесари (Петровскій) былъ отданъ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ. Царь прожилъ зиму и весну 1712 года въ Петербургѣ, занимаясь на верфи и присутствуя въ сенатѣ, въ началѣ 1712 года переведенномъ изъ Москвы. Посѣщая Кронштадтъ и окрестныя мѣста, онъ ѣздилъ въ Кексгольмъ и Выборгъ. Тамъ готовились войска къ походу въ Финляндію, а между тѣмъ дѣятельно производилось кораблестроеніе въ Петербургѣ, Олонцѣ и Ладейномъ Полѣ. Царь заложилъ въ Петербургѣ церковь во имя св. Симеона и Анны, празднуемыхъ въ день тезоименитства старшей дочери его. Мая 3-го заложенъ былъ въ Петербургской крѣпости каменный Петропавловскій соборъ. Царь предположилъ построить его великолѣпный, съ высокимъ шпицемъ, на манеръ голландскихъ церквей. Въ началѣ іюня спустили на воду, заложенный въ 1709 году, корабль Полтаву. На мѣстѣ нынѣшняго Екатерининскаго института заложенъ былъ, рядомъ съ домомъ Шереметева, дворецъ въ итальянскомъ

вкусѣ, и при немъ опредѣлено развести обширный садъ до береговъ рѣчки Лиговки. Дворецъ сей названъ былъ Итальянскимъ, а потому и улица подлѣ него получила названіе Итальянской. На островѣ Карписари отведено было мѣсто для ботаническаго, или аптекарскаго сада, съ теплицами и оранжереями, и островъ съ тѣхъ поръ названъ Аптекарскимъ. Сѣмяна, растенія, даже цѣлыя деревья привезены были сюда изъ южной Россіи, изъ Москвы и изъ-за границы. Февраля 19-го Петербургъ былъ свидѣтелемъ торжественнаго объявленія Екатерины супругою царя, въ церкви Исакіевской. При дворѣ слѣдовали послѣ сего увеселенія, и при пушечной пальбѣ выставлено было угощеніе народу.

Царь видѣлъ необходимость присутствовать на мѣстѣ военныхъ дѣйствій въ Германіи, ибо всего важнѣе было теперь очистить материкъ Европы отъ непріятеля, безъ чего не могли быть надежны дѣйствія въ самой Швеціи. Война въ Финляндіи было такое дѣло, которое царь надѣялся рѣшить безъ труда при усиленіи средствъ. Союзники его попрежнему безполезно провели остальные мѣсяцы 1711 года, несмотря на подкрѣпленіе ихъ русскими войсками. Датскій флотъ, на коемъ везли осадную артиллерію, былъ разсѣянъ бурею. Шведы перевезли въ Стральзундъ 6000 свѣжаго войска. Неудовольствія между королемъ Августомъ и датскимъ королемъ усилились до того, что датскій король велѣлъ наконецъ отступить своимъ войскамъ изъ Помераніи. Едва могъ уговорить его царскій посолъ оставить хотя часть ихъ, и вмѣстѣ съ русскими и саксонцами продолжать зимою слабую блокаду Стральзунда, Штетина и Висмара. Успѣхи союзниковъ ограничились завладѣніемъ небольшою крѣпостью Пенаминдъ и отбитіемъ датчанами неосторожной вылазки шведовъ изъ Висмара, при чемъ 2000 шведовъ принуждены были сдаться въ плѣнъ. „И за то спасибо!“ говорилъ царь, празднуя побѣду датчанъ.

Но онъ не могъ оставить Россіи, пока не были кончены дѣла съ Турціею. Трудно вообразить, какъ нелѣпа была въ то время политика оттоманскаго двора, если можно назвать политикою мелкую интригу, гдѣ дѣйствуютъ подкупы, низкія страсти и личные разсчеты людей, окружающихъ слабоумнаго деспота.

Опасеніе царя, что Прутскій миръ не будетъ одобренъ султаномъ, сначала казалось несправедливымъ. Султанъ подтвердилъ всѣ условія, наградилъ великаго визиря и приказалъ объявить Карлу XII-му о немедленномъ выѣздѣ его изъ Турціи. Король шведскій отвѣчалъ, что онъ не поѣдетъ, пока русскіе не очистятъ Польши и султанъ не дастъ ему надлежащаго прикрытія. Напрасно спорилъ визирь, даже прекратилъ выдачу денегъ королю. Карлъ XII-й успѣлъ занять потребныя ему суммы, и велѣлъ строить себѣ въ Бендерахъ каменный домъ и обширныя казармы для своихъ товарищей. При немъ было еще тогда до 130 офицеровъ, до 600 солдатъ шведскихъ, и болѣе 2000 запорожцевъ и поляковъ, кромѣ 8000, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ Турціи. Когда спрашивали у него о причинѣ постройки, онъ отвѣ-

чалъ, что лучше останется навѣкъ въ Турціи, нежели уступитъ подлому дровосѣку, и строитъ домъ себѣ для доказательства, что онъ не думаетъ слушать приказовъ визиря. Угрозы Карла XII-го казались страннымъ хвастовствомъ, но дѣйствительно, европейскіе дипломаты успѣли убѣдить султана въ подозрительности поступковъ визиря подъ Прутомъ и обвинили его въ подкупѣ русскими. Несчастный Балтаджи-Мустафа увидѣлъ присланныхъ къ нему отъ султана нѣмыхъ. Зная, за чѣмъ пришли они, но играя въ то время въ шахматы, визирь улыбнулся и просилъ ихъ подождать, пока окончитъ игру, которую навѣрное надѣется выиграть. Онъ проигралъ ее, хладнокровно выслушалъ приговоръ о ссылкѣ своей и сказалъ окружавшимъ его: „Видите! Не игра ли и жизнь человѣческая? Проигрываешь, когда вовсе не думалъ проиграть!“ Его увезли на островъ Лемносъ и тамъ удавили. Смерть Османа, его кіаіи, предварила его погибель. Юссуфъ, янычарскій ага, возведенъ былъ въ достоинство визиря. Шафировъ старался отвратить начинавшуюся бурю. Его укоряли, что царь не исполняетъ своихъ обѣщаній, не выводитъ войскъ изъ Польши, не отдаетъ Азова. Въ самомъ дѣлѣ, не спѣша отдачею Азова, царь даже сердился на Апраксина, слишкомъ усердно разорявшаго тамошнія укрѣпленія. „Зѣло дивлюсь“, писалъ онъ, „отчего вы такъ отчаянно поступаете. Еще Богъ вѣсть что будетъ, и умному самому можно догадаться, какъ поступать, а я, кажется, подробно приказывалъ, какъ и что дѣлать“. На робкое письмо Шереметева, гдѣ говорилъ онъ о движеніяхъ оттомановъ, царъ отвѣчалъ, что „если впредь будетъ онъ такъ глупо писать, то пусть не пеняетъ, если не пощадятъ его старости“. Видя буйство турокъ, Шафировъ рѣшился заключить съ ними новый договоръ, по коему выѣздъ Карла XII-го отлагался, пока русскіе не исполнятъ всѣхъ условій. Царь разгнѣвался на неосторожнаго дипломата. „Сами знаете“, писалъ онъ, „можно ли намъ такъ скоро вывести войско изъ Польши, если бы и хотѣли вывесть его. Они одного человѣка выгнать отъ себя не могутъ, а намъ цѣлую армію выводить велятъ, когда непріятель усиливается въ Помераніи и можетъ вторгнуться въ Польшу, ибо никакихъ ручательствъ за согласіе на миръ не даетъ“. Вслѣдствіе царскаго приказа Шафировъ отказался отъ исполненія условій договора, пока не вышлютъ изъ Турціи Карла XII-го. Отказъ раздражилъ турецкое правительство. Разгнѣванный султанъ велѣлъ заключить Шафирова и Шереметева въ Семибашенную крѣпость, и 17-го декабря 1711 года война Россіи вновь была объявлена. Войскамъ турецкимъ велѣно выступать въ походъ весною, а крымцамъ немедленно двинуться въ набѣгъ. Встревоженный неожиданнымъ рѣшеніемъ турокъ, царь приказалъ отдать имъ Азовъ и Таганрогъ, и отправилъ къ султану дружескую грамоту (22 января 1712 г.). Грамота сія, отдача Азова, и извѣстіе, что русское войско готово встрѣтить непріятеля, если упорство его продолжится, остановили приготовленія войны. Споры и волненія продолжались. Англія и Голландія, черезъ своихъ пословъ, успѣли наконецъ убѣдить султана на миръ. Русскіе послы были выпущены изъ тюрьмы, но интрига тревожила султанскій диванъ,

гдѣ голосъ шведскаго короля подкрѣплялъ французскій посолъ, когда притомъ, по странному разсчету политики, императоръ также дѣйствовалъ въ пользу Швеціи, опасаясь появленія русскихъ войскъ въ Помераніи и думая войною съ турками отвлечь царя. Карлъ XII-й не сомнѣвался въ успѣхѣ своихъ предпріятій. Онъ уже мечталъ опять явиться въ Польшѣ, предводительствуя турецкимъ полчищемъ. Отважный польскій наѣздникъ Грудзинскій отправленъ былъ отъ Потоцкаго въ Польшу возмущать приверженцевъ Станислава противъ Августа, и приказъ Карла XII-го посланъ былъ въ Швецію Штейнбоку, коимъ, возводя его въ фельдмаршалы, король повелѣвалъ ему собрать немедленно сколько можно болѣе войскъ, переправиться въ Померанію, дѣйствовать наступательно, и войти въ Польшу съ другой, когда онъ съ турками двинется съ одной стороны. Турки объявляли требованія неисполнимыя: хотѣли, чтобы царь отказался отъ власти надъ Малороссіею и казаками, примирился съ Швеціею, и не только вывелъ войско русское изъ Польши, но и оставилъ Померанію, проведя отсюда войско въ Россію через Данію, а не черезъ Польшу. „Какимъ же образомъ мы оттуда придемъ въ Россію?“ отвѣчалъ царь. „Моря Балтійскаго высушить нельзя, а крыльевъ, перелетѣть черезъ него по воздуху, у насъ нѣтъ.“ — „Если враги наши разума отбыли и правда на нашей сторонѣ, безбоязненно приступаю я къ войнѣ и ни въ какіе переговоры болѣе не вступлю“, писалъ царь Шафирову. Наконецъ, успѣли снова вразумить султана, особливо, когда русскія войска, не только не пошли изъ Польши, но придвинулись на предѣлы Турціи, къ чему появленіе въ Польшѣ отрядовъ Грудзинскаго давало поводъ, ибо царь почелъ сей поступокъ началомъ военныхъ дѣйствій. Онъ не боялся войны съ Турціею, хотя уже не думалъ идти въ турецкія области. Всѣ распоряженія его касались только защиты предѣловъ на случай нападенія. — „Мы не въ состояніи теперь вести оффенсивную войну и съ турками и съ шведами“, писалъ онъ Шереметеву, „не говоря уже о старинной пословицѣ: кто за двумя зайцами гонится, тотъ ни одного не поймаетъ. Потому, даже и въ случаѣ явнаго разрыва, цѣль наша одно защищеніе, на что при помощи Божіей достанетъ силъ нашихъ“. Онъ велѣлъ возобновлять укрѣпленія Кіева, а между тѣмъ Бауръ спѣшилъ остановить набѣгъ Грудзинскаго, успѣвшаго пробраться до Калиша, разбить тамъ русскій полкъ и собрать до 15.000 бродягъ и сволочи. Слыша о движеніи на него русскихъ, Грудзинскій старался удалиться отъ сраженіи, но его перехватили на рѣкѣ Вартѣ, безъ труда разсѣяли шайку его и самого заставили бѣжать съ остатками бродягъ въ Силезію. Султанъ оскорбился своевольными дѣйствіями Карла XII-го. Миръ съ Россіею былъ снова утвержденъ, апрѣля 15-го 1712 года, на 25 лѣтъ. Царь отказался отъ власти надъ Сѣчью Запорожскою и предоставилъ высылку Карла XII-го произволу султана, съ тѣмъ, что его будетъ провожать черезъ Польшу отрядъ турецкій и царь ручается за безопасность его проѣзда. Румянцевъ, бывшій при русскихъ послахъ въ Царьградѣ, привезъ сей трактатъ царю и былъ награжденъ за него чиномъ поручика. Обрадованный оконча-

ніемъ дѣла съ безпокойными сосѣдями, царь не оставилъ безъ вниманія, что можетъ быть, опять послѣдуетъ перемѣна, и потому подтвердивъ миръ, приказалъ Шереметеву и Скоропадскому наблюдать крайнюю осторожность. Тѣмъ поспѣшнѣе готовился онъ послѣ сего ѣхать въ Померанію, гдѣ угрожало усиленіе непріятеля изъ Швеціи вслѣдствіе приказа Карла XII-го Штейнбоку и несогласія союзниковъ усиливались. Меншиковъ былъ отправленъ отъ царя предварительно. Корпусъ Рѣпнина пошелъ на помощь королю Августу, но дѣло и за всѣмъ тѣмъ разстроилось болѣе прежняго.

Съ весною 1712 года не только не увеличили дѣятельности своей ни датчане, ни король Августъ, но при несогласіи съ союзниками, король датскій повелъ даже тайные переговоры съ шведами. Августъ также переговаривалъ съ ними и съ Станиславомъ. Саксонцы и русскіе безъ дѣла стояли подъ Стральзундомъ и Штетиномъ, когда датскій генералъ Ранцау слабо блокировалъ Висмаръ. Датчане требовали осадной артиллеріи у короля Августа, а онъ просилъ ее у датчанъ. Король датскій началъ отдѣльныя дѣйствія противъ Бремена, полагая, что ему легко будетъ завоевать его при слабости защиты. Шведы свободно перевозили запасы и войско въ Стральзундъ и Штетинъ подъ прикрытіемъ своего флота. Тщетно царь упрекалъ союзниковъ въ бездѣйствіи ихъ, и особливо въ тайныхъ сношеніяхъ съ непріятелемъ. Особенно опасался онъ, что ничего не успѣетъ кончить до заключенія мира на западѣ, гдѣ послѣ удаленія Малборуга, восшествія на императорскій престолъ Карла VI-го, и мира между Англіею и Франціею (въ октябрѣ 1711 г.), открытъ былъ конгрессъ въ Утрехтѣ (съ января 1712 г.) Всеобщій миръ на западѣ могъ опять подать поводъ къ объявленію нейтралитета, и тогда надлежало бросить неконченными всѣ предпріятія въ Помераніи. Успокоенный со стороны Турціи, оставя Апраксина въ Петербургѣ съ повелѣніемъ тревожить Финляндію, царь выѣхалъ изъ Петербурга моремъ въ Кронштадтъ, 15-го іюня присталъ въ Нарвѣ, и черезъ Дерптъ, Ригу, Мемель и Эльбингъ, въ концѣ іюля, явился у Штетина. Здѣсь нашелъ онъ короля Августа, царевича Алексѣя и Меншикова. Супруга царя отправилась съ нимъ, ибо онъ предвидѣлъ, что нескоро возвратится въ отечество. Надлежало кончить разсчетъ съ непріятелемъ въ Помераніи.

Орлинымъ взоромъ своимъ обозрѣвши мѣстныя обстоятельства, царь предложилъ планъ военныхъ дѣйствій, состоявшій въ томъ, что надобно стараться взять прежде всего Штетинъ, гдѣ гарнизонъ шведскій состоялъ только изъ 3000 человѣкъ и куда непріятель не могъ доставлять пособій моремъ, по причинѣ удаленія города отъ приморья, когда Стральзундъ, защищаемый островомъ Ругеномъ, сильными укрѣпленіями и 11,000-мъ гарнизономъ, не могъ быть покоренъ безъ пособія большого флота и безъ усиленной осады. Завоеваніе Штетина давало пристанище союзнымъ кораблямъ, приходу транспортовъ и складкѣ запасовъ, безъ того съ большими затрудненіями привозимыхъ въ Померанію сухимъ путемъ. Царь доказывалъ, что если бы между тѣмъ послѣдовало движеніе непріятеля изъ Стральзунда въ

Польшу, то опасности никакой не будетъ, ибо тогда могъ вступить въ Польшу и встрѣтить шведовъ Шереметевъ, поставя ихъ такимъ образомъ между двухъ огней. „Хотя Штетинская крѣпость и нарочита, но ситуація ея зѣло плоха", говорилъ царь, излагая планъ взятія Штетина, „такъ, что въ одну ночь можно на ея гласисы сѣсть и черезъ сухіе рвы подойти къ гопвалу. Напротивъ, аттака Стральзунда не иначе, какъ безразсуднымъ и десператнымъ дѣломъ почесться можетъ, и заставитъ не точію съ потерею отступить, но и всѣ дѣла разстроитъ, когда на слѣдующее лѣто, стѣснивъ непріятеля зимнею осадою, весьма легко Стральзундъ получить можемъ. Наблюдаю ваши, а не мои пользы", прибавлялъ царь, „и полагаю, что лучше на вѣрное идти медленно, нежели отваживаться на удачу, въ чемъ никакой пользы предвидѣть невозможно".

Августъ соглашался съ царемъ. Надлежало склонить датскаго короля, но тщетно убѣждалъ его царь. „Не только доставилъ я сюда свои войска, но и самъ, не щадя здоровья и не боясь фатига дальняго пути, прибылъ, писалъ царь. „Если продолжимъ мы нынѣшній образъ дѣлъ, кромѣ стыда и убытка намъ ничего ожидать нельзя. Но я могу оправдаться, что нынѣшняя кампанія не черезъ меня погибнетъ, и объявляю, что въ случаѣ дальнѣйшихъ несогласій, войско свое отсюда удалю, ибо мнѣ честь моя предъ свѣтомъ всего дороже".

Но два мѣсяца однакожъ прошло, и никакія убѣжденія не дѣйствовали. Занявшись взятіемъ Бремена, датскій король проводилъ время въ безполезныхъ толкахъ и спорахъ. Въ половинѣ августа датскому флоту въ Помераніи велѣно было находиться подъ начальствомъ царя. Онъ осмотрѣлъ его близъ острова Ругена, куда пришло тогда нѣсколько русскихъ кораблей, и распорядился дѣйствіями противъ Штетина, но неожиданный приказъ датскому адмиралу остановилъ распоряженія царя. Напрасны были новыя представленія, совѣты, даже угрозы. Союзники ссорились и ничего не дѣлали, не прерывая тайныхъ переговоровъ съ Швеціею. Царь принужденъ былъ наконецъ согласиться начать осаду Стральзунда. Пока русскія и польскія войска переходили туда при недостаткахъ всякаго рода, датчане овладѣли крѣпостью бременскою Штаде, откуда гарнизонъ шведскій вышелъ въ гамбургскія нейтральныя земли. Обезпечивъ себѣ владѣніе Бременскою областью, датчане готовы были дѣйствовать согласно волѣ царя, но тогда возникли новыя препятствія.

Исполняя повелѣніе Карла XII-го, Штейнбокъ собралъ войска, бывшія подъ его начальствомъ въ Швеціи, числомъ до 20,000, и приготовилъ ихъ къ переправѣ въ Померанію. Шведскій сенатъ, и главнокомандующій въ Швеціи, фельдмаршалъ Гилленштіерна, не смѣя ослушаться короля явно, всячески препятствовали Штейнбоку и медленно собирали запасы и транспортныя суда для перевоза войска. Повторенныя приказанія Карла XII-го и настойчивость Штейнбока преодолѣли затрудненія. Въ концѣ августа шведскій флотъ вышелъ въ море. При появленіи его датчане спѣшили укрыться

въ Копенгагенѣ, опасаясь нападеній на Зеландію. Штейнбокъ свободно переправился съ 12,000 войска и съ Станиславомъ, находившимся тогда въ Швеціи, къ Стральзунду на островъ Ругенъ. Усиленіе шведовъ возбудило болѣе прежняго справедливыя сомнѣнія въ успѣхѣ, такъ что о нападеніи на Стральзундъ, при бездѣйствіи датскихъ войскъ и датскаго флота, помышлять было невозможно.

Царь показывалъ удивительное терпѣніе, стараясь побѣдить малодушіе и согласить мелкіе разсчеты своихъ союзниковъ, хотя письма его въ то время къ разнымъ особамъ показывали его огорченіе: „Наши дѣла здѣсь за многоначальствомъ плохо успѣваютъ“, говорилъ онъ. „Увѣдомить васъ ни о чемъ добромъ не могу, только зѣло, зѣло жаль, что люди свое добро за пустыми спорами упускаютъ!“ — „Желалъ бы я отсель васъ о чемъ-либо добромъ увѣдомить“, — писалъ онъ еще, — „но сказать нечего: что мы хорошее хотимъ дѣлать, на то другіе не соглашаются, а что другіе предлагаютъ, того сдѣлать нельзя. Датскій флотъ нашелъ я далеко не такимъ, какимъ онъ славится, а о храбрости господъ датчанъ судите по тому, что они отъ шведовъ бѣжали и перевозу войскъ ихъ изъ Швеціи помѣшать не могли, хотя почти въ равной силѣ съ ними были. Такимъ образомъ сбылась голландская пословица: Tuschen doen en zeggen, volgen verleggen (не все то дѣлается, что говорится), и наша русская: славны бубны за горамя“. — „Увѣдомляю васъ о преславной побѣдѣ датчанъ“, писалъ царь послѣ взятія датчанами Штаде“, и вотъ ужъ можно сказать: отъ роду въ первые, сафьянные кривые!“ Царь не опасался непріятеля, зная слабость силъ Швеціи, и то, что въ случаѣ большей опасности союзники его опомнятся, когда по всѣмъ извѣстіямъ Карлъ XII-й не думалъ ѣхать изъ Турціи, нейтралитета при спорахъ, возникшихъ на Утрехтскомъ конгрессѣ, ожидать скоро было невозможно, а движеніе шведовъ въ Польшу, кромѣ безполезности его, могло рѣшительно погубить ихъ. Но избѣгая излишней траты людей и ничего не предоставляя случаю, онъ рѣшился остановить на время всѣ военныя движенія, располагаясь повидаться лично съ датскимъ королемъ и посмотрѣть между тѣмъ, что предприметъ Штейнбокъ. Здоровье царя также требовало подкрѣпленія. Вслѣдствіе сихъ соображеній царь сосредоточилъ всѣ русскія и саксонскія войска у Стральзунда, блокируя Штетинъ. Укрѣпивъ лагерь подъ Стральзундомъ и поручивъ его королю Августу и Меншикову, сентября 28-го царь выѣхалъ въ Карлсбадъ.

Путь его былъ черезъ Берлинъ, гдѣ видѣлся онъ съ прусскимъ королемъ, и черезъ Виттенбергъ, гдѣ осматривалъ онъ комнату, въ коей жилъ нѣкогда Лютеръ. Здѣсь на стѣнѣ подписалъ онъ свое имя, и долго потомъ показывали посѣтителямъ за рѣдкость подпись его, не умѣя изъяснить, что значила буква Ъ, которою оканчивалась подпись царя (Петръ). Въ Карлсбадѣ царь прожилъ мѣсяцъ и посѣтилъ отсюда богатаго графа Клари въ Теплицѣ. Скучая нѣсколько часовъ за церемоннымъ обѣдомъ, царь сказалъ,

когда спросили у него, какъ понравился ему замокъ графа Клари: „Все хорошо, но только графская кухня слишкомъ велика“.

Между тѣмъ въ Помераніи военныя дѣйствія перепутались болѣе прежняго. Видя, что шведы вовсе не думаютъ о высадкѣ на Зеландію, датчане осмѣлились напасть на транспортныя суда шведскія и истребили ихъ, когда по зависти Гилленштіерна шведскому корабельному флоту велѣно было воротиться въ Швецію, будто бы для защиты шведскихъ береговъ. Тщетно ожидая нѣсколько времени остальныхъ войскъ изъ Швеціи, Штейнбокъ рѣшился дѣйствовать тѣми средствами, какія у него были. Онъ переправился съ острова Ругена, соединилъ до 25,000 войска, оставилъ Стральзундъ и потянулся къ Дамгартену. Перейдя рѣку Рѣкницъ, шведы овладѣли Ростокомъ, освободили отъ блокады Висмаръ, и пользуясь недоумѣніемъ короля Августа, заключили съ нимъ отдѣльное перемиріе на двѣ недѣли, 19-го ноября.

Царь полагалъ, что наступило время развязки, поспѣшалъ къ войску, проѣхавъ опять черезъ Берлинъ и Дрезденъ, и 21 го ноября прибылъ въ Лаге, главную квартиру Меншикова. Немедленно началъ онъ наступательныя дѣйствія, и декабря 2-го перевелъ главную квартиру въ Гистровъ, предлагая датчанамъ стѣснять Штейнбока съ другой стороны. Испуганные походомъ Штейнбока, датчане двинулись изъ Мекленбурга. Декабря 2-го главная квартира датчанъ была въ Гадебушѣ. Видя движеніе Штейнбока на Мекленбургъ, царь отправилъ къ датскому королю, лично предводившему своими войсками, отрядъ саксонцевъ съ генераломъ Флеммингомъ, убѣждая его отнюдь не вступать въ сраженіе, пока русскія и саксонскія войска не присоединятся къ нему. Штейнбокъ находился между тѣмъ въ затруднительномъ положеніи и не зналъ, что ему дѣлать. Предоставляя дальнѣйшее рѣшеніе случаю, видя наступательное движеніе царя, чего не предвидѣлъ прежде, онъ всего болѣе страшился соединенія союзниковъ и хотѣлъ предупредить его. Быстро ударилъ онъ на датчанъ. Неожиданная храбрость овладѣла дотолѣ робѣвшими датчанами. Надѣясь на превосходство силъ, они приняли сраженіе и дорого поплатились за отвагу. Декабря 9-го Штейнбокъ напалъ на нихъ и послѣ двухъ-часовой битвы заставилъ отступать въ безпорядкѣ къ Любеку, съ потерею 2000 убитыми и 4000 плѣнными. Вся датская артиллерія досталась шведамъ. „Что дѣлать съ людьми безтолковыми!“ писалъ царь Шереметеву. „Мы такъ было все привели, что шведамъ оставалось капитуловать или погибнуть, но господа датчане, которыхъ мы именемъ Бога и собственной пользы заклинали, имѣя ревность не по разуму, подождать насъ не хотѣли и баталію потеряли. Но, слава Богу, что уронъ не великъ и особливо то хорошо, что конница датская побѣжала и отъ того вся уцѣлѣла“.

Побѣда шведовъ была вовсе безполезна. Безотчетное движеніе Штейнбока отдѣлило его отъ Помераніи и крѣпостей, составлявшихъ опору его дѣйствій. Обращаясь туда, онъ долженъ былъ пробиваться сквозь русское

и саксонское войско, угрожаемый въ тылъ датчанами, не имѣя припасовъ, терпя крайній недостатокъ во всемъ. О походѣ въ Польшу нечего было думать. Умереть въ честномъ бою — вотъ все, что оставалось Штейнбоку. Но онъ рѣшился продолжать маневры, въ надеждѣ воспользоваться какою-либо оплошностью союзниковъ, и тогда пробиться въ Померанію, или ожидать флота для переправы обратно въ Швецію.

Горькій опытъ заставилъ датчанъ слушать внимательнѣе совѣты царя. Онъ принялъ начальство надъ всѣми союзными войсками. Угрожаемый и тѣснимый имъ, Штейнбокъ отступилъ, перешелъ рѣку Траву и удалился къ Гамбургу. Царь безотступно преслѣдовалъ его. Доведенный до отчаянія, шведскій полководецъ овладѣлъ Альтоною, богатымъ датскимъ городомъ, находящимся противъ Гамбурга на правомъ берегу Эльбы, и угражалъ уничтожить его, если союзники не позволятъ ему переправиться въ Швецію на англійской эскадрѣ, находившейся тогда на Сѣверномъ морѣ, о чемъ Штейнбокъ велъ съ англичанами переговоры. Царь не слушалъ угрозъ Штейнбока, и увлеченные безсильною злостью, шведы предали огню несчастную Альтону декабря 29-го. Тысячи злополучныхъ жителей гибли на пепелищѣ домовъ своихъ, голодные, среди зимнихъ холодовъ. Поступокъ Штейнбока только усилилъ ожесточеніе противъ него жителей занятыхъ имъ областей и союзныхъ войскъ. Преслѣдуемый царемъ, Штейнбокъ отступалъ по западному голштинскому прибрежью. Января 1-го 1713 года царь съ войскомъ прибылъ въ Меленъ. Января 3-го главная квартира его перешла въ Гамбургъ. Изъявляя негодованіе свое гамбургцамъ, подозрѣваемымъ въ согласіи съ Штейнбокомъ на погибель Альтоны, онъ изъявилъ великодушное состраданіе къ несчастнымъ альтонцамъ, раздалъ имъ въ пособіе нѣсколько тысячъ рублей, и сопровождаемый ихъ благословеніями, отправился преслѣдовать шведовъ. Искусными переходами отрѣзанный со всѣхъ сторонъ, тщетно думавши пройти въ Зеландію, Штейнбокъ укрылся на небольшомъ полуостровѣ, гдѣ находится крѣпость Тоннингенъ, оставя передовыя войска свои въ Фридрихштадтѣ, дабы имѣть возможность уйти на Гамбургъ черезъ Эйдеръ. Января 12-го царь соединилъ всѣ войска въ Рендсбургѣ. Число ихъ простиралось до 40,000, со 100 пушками. Стараясь совершенно загнать шведовъ на Тоннингенскій полуостровъ, царь предложилъ вытѣснить непріятеля изъ занятыхъ имъ крѣпкихъ мѣстъ близъ Гузума. Положеніе непріятеля среди болотъ, при необыкновенной оттепели, разведшей непроходимыя грязи, казалось неприступнымъ. Датчане отреклись отъ нападенія. „Чѣмъ болѣе опасности, тѣмъ болѣе славы“, отвѣчалъ царь и повелъ аттаку своими русскими полками. Преображенцы и семеновцы шли впереди всѣхъ по узкой плотинѣ, гдѣ солдаты едва могли вытаскивать ноги изъ грязи. Изумленные отвагою русскихъ, шведы бѣжали почти безъ боя, бросая свои пушки. Штейнбокъ заперся въ Тоннингенѣ, безъ запасовъ, окруженный втрое сильнѣйшимъ непріятелемъ. Выходъ ему былъ отвсюду отрѣзанъ. Оставалось безъ боя дожидаться его капитуляцію.

Царь торжествовалъ и—могъ торжествовать. Если за три года прежде громъ отдаленной полтавской побѣды изумилъ Европу, теперь въ виду европейцевъ русскій царь предводилъ своими, за двѣнадцать лѣтъ не существовавшими войсками, начальствуя кромѣ того надъ датчанами и саксонцами. И если русскіе солдаты удивляли европейцевъ своимъ мужествомъ въ бояхъ, терпѣніемъ въ трудномъ походѣ, царь, предводя союзниками, сражаясь противъ лучшаго генерала шведскаго, явилъ себя, сколь великимъ политикомъ, примиривъ всѣ несогласія союзниковъ, столь и великимъ полководцемъ, почти безъ боя, искусными движеніями стѣснивъ врага, незадолго передъ тѣмъ одержавшаго побѣду надъ датскимъ войскомъ. Какой переходъ отъ нарвской битвы, какая славная расплата за неудачу подъ Прутомъ. Царь оцѣнялъ вполнѣ важность своего положенія. „Боюсь“, писалъ онъ, „что здѣсь дѣло задлится, по принужденъ оставаться, ибо на наши нынѣшнія дѣла весь свѣтъ смотритъ, и самые турки здѣсь побѣждаются, а не только что гибнетъ нашъ главный непріятель“.

Восьмимѣсячная отлучка царя изъ Россіи, новыя тревоги со стороны Турціи, желаніе отнять у непріятелей Финляндію, когда въ Голштиніи и Помераніи все совершилось по его планамъ, заставляли царя спѣшить отъѣздомъ изъ арміи, едва только кончилъ онъ дѣло съ Штейнбокомъ. Меншикову поручалъ онъ начальство, вмѣстѣ съ датскимъ королемъ. Въ первый разъ узналъ онъ лично сего своего союзника въ Рендсбургѣ, проведя потомъ нѣсколько дней вмѣстѣ въ Гузумѣ. Царь восхитилъ властителя Даніи любезностью и умомъ. Монархи обмѣнялись орденами—царь возложилъ на короля датскаго Андреевскій орденъ и получилъ отъ него орденъ Слона. Расположеніе дѣйствій на лѣто и осень 1713 года и стараніе упрочить союзы заставили царя расположить путешествіе изъ Даніи не прямо въ Петербургъ. Англійская королева была въ то время при дверяхъ гроба, а другъ царя, король прусскій, Фридрихъ I-й скончался 25-го февраля 1713 года. Царь посѣтилъ Ганноверъ, стараясь пріобрѣсть дружбу курфирста Георга, наслѣдника англійскаго престола, проѣхалъ въ Вольфенбиттель къ своему свату, и оттуда въ Берлинъ, гдѣ переговорилъ съ новымъ королемъ прусскимъ, Фридрихомъ Вильгельмомъ. „Онъ изъявилъ мнѣ дружбу свою“, писалъ объ немъ царь, „но я ни на что склонить его не могъ. Онъ весьма еще новъ и неискусенъ, въ дѣлахъ не осмотрѣлся и не зная, что ему дѣлать, нуждается въ деньгахъ, да и окруженъ псами, которые исполнены шведскимъ духомъ“. Оставя Берлинъ марта 3-го, царь ѣхалъ черезъ Померанію, гдѣ распорядилъ блокадою Стральзунда и Штетина, а потомъ, черезъ Эльбингъ, Курляндію, Ригу и Нарву, марта 22-го прибылъ въ Петербургъ. Первое дѣло его по пріѣздѣ въ свою столицу было освященіе деревянной церкви, во имя Благовѣщенія, въ Александро-Невской лаврѣ, марта 25-го, при собраніи войска и народа. Немедленно послѣ сего начались приготовленія къ походу въ Финляндію.

Среди путешествій, войны и запутанныхъ интригъ политики царь не забывалъ другихъ дѣлъ. Такъ въ путешествіи своемъ, предводя войсками, всюду обозрѣвалъ онъ достопримѣчательности, нерѣдко самъ снимая планы и рисунки. Въ Шлезвигѣ увидѣлъ онъ огромный глобусъ, устроенный Олеаріемъ, и не могъ налюбоваться имъ. Датскій король просилъ его принять въ знакъ памяти такую бездѣлицу. „Вся Данія не могла бы сдѣлать мнѣ подарка пріятнѣе“, отвѣчалъ царь. Онъ перевезъ драгоцѣнный глобусъ въ Петербургъ, и хранилъ его, какъ сокровище, любуясь имъ и самъ объясняя механизмъ его посѣтителямъ. Въ Гамбургѣ осматривалъ онъ мастерскія и ремесленныя заведенія сего промышленнаго города, биржу, магазины и портъ, гдѣ производилась обширная торговля.

Изъ распоряженій царя по внутреннему устройству Россіи въ 1712 г. важнѣйшими, кромѣ упомянутыхъ нами, были: приказаніе собрать свѣдѣнія о всѣхъ фабрикахъ и заводахъ въ Россіи, „дабы можно было видѣть, какія полезно еще заводить для общаго благоденствія“; повелѣніе учреждать русскія компаніи для торговыхъ предпріятій за границею и основаніи конторъ въ иностранныхъ земляхъ; устройство Вышневолоцкихъ шлюзовъ, очищеніе Боровицкихъ пороговъ, и осмотръ водяного сообщенія Петербурга съ Волгою черезъ Шексну и Вытегру. Тогда же велѣно было профессору Фархварсону промѣрять прямую дорогу отъ Петербурга до Москвы. Слѣды просѣкъ, въ то время сдѣланныхъ, видны еще и донынѣ, хотя царь и отложилъ впослѣдствіи проведеніе прямой дороги, по причинѣ трудностей, опасаясь сверхъ того, что запустѣютъ Новгородъ, Тверь и другіе города, находящіеся на прежнемъ пути. Приготовляясь разсмотрѣть и дополнить Уложеніе, царь велѣлъ переводить прусское и шведское права на русскій языкъ. Въ одно время, подтверждая о сочиненіи русской исторіи безъ замедленія, царь вновь велѣлъ перебрать всѣхъ недорослей и принуждать ихъ силою къ службѣ. —Брюсъ былъ отъ него отправленъ избирать и нанимать достойныхъ офицеровъ на русскую службу; 315 учениковъ отданы были въ Россіи и за границею для обученія разнымъ ремесламъ, и самъ царь экзаменовалъ учениковъ инженерной школы, отправляя изъ нихъ 26 человѣкъ въ Голландію. Между тѣмъ безпрерывно трудился онъ надъ сочиненіемъ воинскаго устава, и въ то же время не забывалъ заводить голландскихъ коровъ въ Холмогорахъ, садить дубовые лѣса близъ Петербурга, разводить голштинскихъ лошадей въ Казани. По возвращеніи изъ-за границы царь отмѣнилъ пряжки у солдатскихъ башмаковъ и замѣнилъ ихъ ремешками, „понеже я самъ испыталъ, что то удобнѣе“, говорилъ онъ въ собственноручномъ приказаніи. Онъ все писалъ самъ и отвѣчалъ собственноручно на всѣ донесенія. Диспозиціи въ походѣ противъ Штейнбока были писаны его рукою. Нерѣдко письма царя отличались оригинальностью выраженій. „Съ чего ты вздумалъ, что я на тебя сердитъ“, писалъ онъ Курбатову, „и плачешь о томъ, яко Іона во чревѣ кита? Если бы я сердитъ былъ, то сказалъ бы тебѣ просто“.— „За что васъ Нептунъ пожаловалъ такою краткою зимою“, писалъ онъ Мен-

шикову, „какой никогда при мнѣ не бывало? Не грѣхъ ли ему сердиться на меня, когда онъ знаетъ, что я сердечно прилѣпленъ къ нему!“ Иногда царь не скрывалъ въ письмахъ своихъ гнѣва на ошибки и недоразумѣнія и выражалъ ихъ также оригинально. Когда поляки хотѣли выдавать русскому войску въ Помераніи, вмѣсто хлѣба, деньгами, и Долгорукій спрашивалъ о томъ, царь отвѣчалъ: „Развѣ солдаты могутъ ѣсть деньги, вмѣсто хлѣба? Я отвѣчать вамъ не буду, если подобными глупостями будете впредь обременять меня“. — „Что было причиною вашего распоряженія?“ писалъ царь въ сенатъ, послѣ ошибочнаго предписанія сенаторовъ по одному дѣлу — „взятку вы взяли, или на смѣхъ дѣлаете, или всѣ отъ старости поглупѣли? Но помните, что я спрошу у васъ обо всемъ отчета не шута“.

Замѣтимъ, что въ 1712 году царь велъ переговоры съ алжирскимъ деемъ о свободной торговлѣ въ Средиземномъ морѣ и съ императоромъ о войнѣ противъ Турціи. Желая дать случай русскимъ солдатамъ пріобрѣсть болѣе опытности въ войнѣ, онъ соглашался отпустить нѣсколько русскихъ полковъ въ голландскую службу, съ тѣмъ, чтобы употребили ихъ въ битвахъ противъ Людовика XIV-го. Утрехтскій конгрессъ воспрепятствовалъ сему распоряженію. Послѣ кончины герцога курляндскаго царь объявилъ, что управленіе курляндскимъ герцогствомъ принадлежитъ его вдовствующей супругѣ. Несмотря на противорѣчіе короля Августа и споръ дяди умершаго герцога, русскіе гарнизоны были введены въ Курляндію, и впредь до рѣшенія споровъ русскіе чиновники распоряжали доходами герцогства. Оставляя управленіе чинамъ курляндскимъ, царь самовластительно распоряжался ими, особливо при многократныхъ поѣздкахъ своихъ черезъ Мемель, владѣя притомъ Лифляндіею. Упомянемъ, наконецъ, что въ 1712 году пожаловалъ онъ въ послѣдній разъ чинъ окольничаго стольнику Алексѣю Юшкову. — Въ томъ же году посѣтили Россію небывалые дотолѣ путешественники, китайскіе послы, отправленные богдыханомъ къ калмыцкому хану Аюкѣ. Они ѣхали через Сибирь и Казань. Вездѣ по приказанію царя принимали и угощали ихъ съ большимъ почетомъ. Одинъ изъ нихъ, по возвращеніи въ Пекинъ, издалъ описаніе своего путешествія и лгалъ забавнымъ образомъ, разсказывая о диковинкахъ, видѣнныхъ имъ въ Россіи, вѣроятно, въ силу извѣстнаго правила путешественниковъ: a beau mentir, qui vient de loin (тотъ имѣетъ право разсказывать небылицы, кто далеко ѣздилъ).

Разсказъ семнадцатый.

Война въ Финляндіи. Карлъ XII-й въ Демотикѣ.

1713 г.

„Хотите ли видѣть разницу между Карломъ XII и Петромъ Великимъ? Посмотрите на Карла XII-го, осажденнаго турками въ Бендерахъ, и на Петра Великаго, окруженнаго ими подъ Прутомъ — храбрый рыцарь Донъ Кихотъ и царь мудрецъ!"

***

Не приступая къ изложенію дальнѣйшихъ воинскихъ успѣховъ царя, изложимъ неожиданныя событія въ Турціи въ 1712 году.

Мы видѣли, что не смотря ни на какія пронырства дипломатики, султанъ подтвердилъ миръ съ Россіею, въ апрѣлѣ 1712 года. Надежды Карла XII-го могли наконецъ разрушиться, послѣ двухкратныхъ неудачъ, показавшихъ ему непостоянство политики варваровъ и превозмогающую силу царя. Когда Шафировъ подписывалъ новый договоръ съ султаномъ, Карлъ XII-й слышалъ объ уничтоженіи послѣднихъ покушеній своихъ взволновать Польшу и гибельномъ положенія шведскихъ войскъ въ Помераніи. Но упрямая воли его еще не уступала неумолимой судьбѣ и еще разъ польстили ему мечты несбыточныя. Какъ ни рѣшителенъ казался миръ съ турками, европейскіе дипломаты снова успѣли подкупить совѣтниковъ султана; взвели новыя обвиненія на царя въ несоблюденіи договора; русскіе послы еще разъ были брошены въ Семибашенную крѣпость, и когда царь торжествовалъ побѣды надъ шведами, война Турціи противъ русскихъ еще разъ была объявлена. 14-го ноября 1714 г. великій визирь Юссуфъ былъ низвергнутъ и мѣсто его заступилъ Солиманъ-паша. Казалось, на сей разъ дѣло не кончится однѣми угрозами; войско оттоманское собиралось въ Адріанополѣ; крымцы пустились въ набѣги и внезапность прихода ихъ обманула бдительность Скоропадскаго и Шереметева, ослабленную увѣренностью въ мирѣ. Пока со-

бралась русскія войска отражать хищниковъ, они успѣли разорить множество селеній и прошли почти до Кіева. Число погибшихъ отъ свирѣпства ихъ простиралось до 1,500 человѣкъ, кромѣ 14,000 уведенныхъ въ плѣнъ, и болѣе 100.000 штукъ скота было ими побито и отогнано. Султанъ выѣхалъ въ Адріанополь и призывалъ мусульманъ къ битвамъ съ невѣрными. Но неожиданное распоряженіе султана оскорбило въ то же время Карла XII-го: онъ получилъ султанскую грамоту, гдѣ ему объявляли, что желая выполнить съ своей стороны договоры съ царемъ, султанъ проситъ короля шведскаго оставить Турцію, а для провожанія его черезъ Польшу назначается отрядъ турокъ и татаръ, и султанъ ручается за его безопасность. Такое предписаніе было слѣдствіемъ опасеній новаго визиря, знавшаго, что Карлъ XII-й уже погубилъ двухъ его предшественниковъ. Возбуждая Турцію къ войнѣ противъ Россіи, дипломаты европейскіе видѣли въ Карлѣ XII-мъ безполезнаго упрямца, бывшаго въ тягость всѣмъ, и утверждали визиря и султана въ необходимости изгнать его изъ оттоманскихъ владѣній.

Карлъ XII-й оскорбился, не удостоилъ даже выслушать присланныхъ отъ султана чиновниковъ, и отвѣчалъ, что онъ не поѣдетъ, ибо у него нѣтъ денегъ на проѣздъ. Желали знать, сколько ему потребно. Король назначилъ тысячу кошельковъ. Почтительно явился къ нему паша бендерскій и вручилъ отъ имени султана 1200 кошельковъ. Отговариваться было невозможно, но король велѣлъ взять деньги и сказать, что ему надобно еще столько же, а потомъ онъ подумаетъ объ отъѣздѣ. Визирь спѣшилъ передать султану отвѣтъ упрямаго гостя. Султанъ не могъ удержать гнѣва и приказалъ вывезти короля шведскаго изъ Турціи силою, если онъ не поѣдетъ добровольно. Прежде рѣшенія на такую опасную мѣру созвали совѣтъ мусульманскаго духовенства и предложили ему на рѣшеніе вопросъ: „Нарушаются ли права гостепріимства, предписываемыя мусульманскою религіею, если употребятъ силу противъ государя, коему дали убѣжище въ бѣдствіи, и котораго содержали донынѣ въ почести со всѣми бывшими при немъ, если онъ поселяетъ раздоръ и оскорбляетъ величіе султана?“—„Неблагодарность разрушаетъ права гостепріимства, когда противъ невѣрнаго нѣтъ никакихъ особенныхъ обязательствъ,“ отвѣчалъ муфти. Совѣтъ согласился съ нимъ, и пашѣ бендерскому и крымскому хану, бывшему тогда въ Бендерахъ, велѣно исполнить волю султана.

Паша потребовалъ аудіенціи у короля шведскаго и передалъ ему полученное изъ Царьграда султанское повелѣніе. Карлъ XII-й разсердился и гнѣвно отвѣчалъ, что онъ не поѣдетъ. „Я употреблю силу,“ сказалъ ему паша хладнокровно — „мнѣ должно исполнить волю моего повелителя.“ — „Исполняй,“ вскричалъ Карлъ, „а пока исполнишь ее, убирайся къ чорту!“ Онъ не хотѣлъ говорить болѣе ни слова. Приближенные короля въ ужасѣ остановили пашу. „Вашъ король сошелъ съ ума,“ говорилъ имъ паша, „а съ безумными поступаютъ такъ, какъ они достойны.“

Все еще не смѣя приступить къ насильственнымъ мѣрамъ, паша за-

претилъ отпускать королю и людямъ его съѣстные припасы, думая смирить упрямство Карлъ XII-го голодомъ. Король спокойно игралъ въ шахматы, когда явились къ нему англійскій и ганноверскій повѣренные, представляя необходимость повиноваться. Онъ отвѣчалъ, что увидитъ, какъ принудятъ его силою исполнить волю глупаго султана. Спокойно поѣхалъ онъ послѣ сего прогуливаться, не измѣнялъ образа жизни и строго запретилъ говорить ему что либо о выѣздѣ.

Надлежало исполнить волю султана. Двадцать пять тысячъ турокъ и татаръ придвинулись къ жилищу короля и шведовъ. Поляки и запорожцы оставили Карла XII-го. Онъ собралъ бывшихъ при немъ его подданчыхъ. „Шведы!“ говорилъ онъ, „оставите ли вы короля вашего, какъ оставили его подлые измѣнники, союзники наши?“ — Единодушный кликъ: „Нѣтъ!“ былъ отвѣтомъ. „Хорошо, такъ посмотримъ теперь, какъ они принудятъ насъ уступить!“ сказалъ король, и потирая руки, прибавилъ съ усмѣшкою: „Мы еще никогда не дрались съ турками - попробуемъ!“ Онъ велѣлъ приготовлять оружіе, устроить вокругъ дома земляныя укрѣпленія, завалить выходы, двери, окна, и распорядился битвою. Никто не смѣлъ его ослушаться. Храбрые воины, прошедшіе съ нимъ сквозь тысячи опасностей, дѣлившіе побѣды и бѣдствія его, готовы были умереть по волѣ короля своего, если воля сія и казалась имъ уже не усиліемъ мужества, по явнымъ безуміемъ. Духовникъ королевскій упалъ къ ногамъ Карла XII-го, представляя ему безполезность и несправедливость сопротивленія, при безразсудствѣ подвергать гибели столько вѣрныхъ и храбрыхъ воиновъ, готовыхъ умереть по волѣ своего государя. „Ваше дѣло молиться, а не совѣтовать,“ отвѣчалъ ему угрюмо король. Храбрые, заслуженные офицеры шведскіе стояли подлѣ короля и безмолвствовали. Слезы потекли у одного изъ нихъ. „Что ты?“ спросилъ его король — „не хочешь ли и ты совѣтовать мнѣ?“ — „Нѣтъ, государь, мы привыкли только повиноваться,“ отвѣчалъ ему офицеръ, „Такъ долженъ думать и говорить каждый шведъ!“ сказалъ король, ударивъ его по плечу рукою.

Началось странное, неслыханное въ лѣтописяхъ Европы позорище. Войско турецкое и татары окружили домъ короля шведскаго со всѣхъ сторонъ и прикатили пушки. Казалось, паша стыдился сражаться съ горстью людей. Почетные янычары посланы были еще разъ уговаривать короля. Они нашли его распоряжающимъ защитою. Генералы, офицеры, солдаты, чиновники, слуги короля, всѣ, вооруженные, кто чѣмъ могъ, готовились къ битвѣ, одни на внѣшнихъ укрѣпленіяхъ, другіе внутри строеній и дома. Король вооружился саблею и пистолетами. Присланные хотѣли говорить съ нимъ. Онъ велѣлъ прогнать ихъ. „Скажите, что я велю отрѣзать имъ бороды, если они не удалятся немедленно!“ вскричалъ Карлъ XII-й съ досадою. Послѣ ругательства столь позорнаго, турки открыли пальбу и бросились со всѣхъ сторонъ. Шведовъ, бывшихъ на внѣшнихъ укрѣпленіяхъ, смяли, сбили. Убитыхъ было немного, ибо паша велѣлъ щадить и только

забирать непріятеля въ плѣнъ. Король бѣжалъ, пробился въ свой домъ, былъ легко раненъ пулею, но не уступалъ. Шведы стрѣляли изъ оконъ. Турки зажгли домъ. Осажденные принуждены были оставить его, и тогда, не смотря на отчаянное сопротивленіе, успѣли схватить и обезоружить короля. Двадцать янычаръ понесли его къ пашѣ. Остальные уцѣлѣвшіе шведы положили оружіе. Не смотря на униженное состояніе, въ какомъ явился передъ своимъ побѣдителемъ, Карлъ XII й былъ гордъ и хладнокровенъ. „Благодарю Бога, что онъ сохранилъ жизнь Вашего Величества, сказалъ ему паша почтително. „Невелика услуга!“ отвѣчалъ Карлъ XII-й, усмѣхаясь. Онъ бросился на софу и заснулъ спокойно. Кромѣ немногихъ убитыхъ въ битвѣ, всѣ остальные шведы находились въ плѣну. Многіе изъ нихъ были ранены. Число убитыхъ и раненыхъ турокъ полагали до 200. Ганноверскій и англійскій посланники были допущены къ Карлу XII-му, и изумились, когда онъ хладнокровно разговаривалъ съ ними о битвѣ своей. Не зная что дѣлать съ плѣнникомъ, паша рѣшился отправить его къ султану. Въ простой телѣгѣ повезли короля въ Адріанополь, но обходились съ нимъ почтительно и допустили къ нему нѣсколькихъ чиновниковъ его. Шведовъ вели и везли за нимъ. Карлъ XII-й былъ такъ же гордъ, спокоенъ, молчаливъ, сидя въ телѣгѣ, обезоруженный, окруженный турками, какъ бывалъ нѣкогда во дни своей славы, ужасая Европу. Въ Адріанополѣ отвели на житье ему бѣдный домъ, оставя при немъ нѣсколькихъ шведскихъ чиновниковъ и офицеровъ.

Сколь ни справедливы были поступки турокъ противъ Карла XII-го, европейская дипломатія нашла въ нихъ поводъ къ новой интригѣ. Напрасно оправдывались султанъ и визирь его, что они предварительно истощили всѣ мѣры кротости и только упрямство короля принудило ихъ къ насилію. Всѣ европейскіе посланники протестовали противъ насилія царственной особѣ. Успѣли возбудить негодованіе самыхъ турокъ противъ великаго визиря, склонившаго султана къ дѣйствію вооруженною рукою противъ государя и гостя. Говорили, что тѣмъ учинено нарушеніе священнаго долга гостепріимства и почтенія къ государямъ. Мусульмане гласно осуждали султана, нарушившаго свои обязанности къ несчастному властителю шведскому въ угодность московскимъ варварамъ. Оправдывая султана, принуждены были свалить всю вину на визиря, лишили его визирскаго сана, и Али-Ибрагимъ избранъ былъ на его мѣсто. Онъ думалъ угодить всѣмъ, оказывая вѣжливость Карлу XII-му, но король считалъ себя оскорбленнымъ и требовалъ прежде всего возмездія за обиду. Его упрямство вновь оскорбило султана. Велѣно было отвести для пребыванія короля домъ въ мѣстечкѣ Демотикѣ, близъ Адріанополя. Султанъ велѣлъ отпускать содержаніе ему и свитѣ его, но прекратилъ дачу денегъ и даже запретилъ говорить о немъ. „Пусть онъ ѣдетъ или останется“, говорилъ султанъ,—„его воля, но не напоминайте мнѣ о немъ. Я согласенъ кормить его, пока онъ у меня пробудетъ, и велю проводить его, когда онъ поѣдетъ, но воевать и ссориться за него не стану“.

Слѣдствіемъ странныхъ бендерскихъ происшествій было немедленное возобновленіе мира съ Россіею. Шафирова и его товарищей привезли въ Адріанополь. Іюля 3-го 1713 года они утвердили съ визиремъ прежній трактатъ.

Съ изумленіемъ услышалъ царь о событіи въ Бендерахъ. „Мнѣ жаль брата моего Карла“, сказалъ онъ, „и кажется, Богъ за гордость лишилъ его разума, если онъ такъ поступаетъ съ своими благодѣтелями, безславя себя въ глазахъ Европы“. Обезпокоенный набѣгомъ татаръ и собраніемъ войскъ турецкихъ въ Молдавіи, царь писалъ къ султану, готовилъ войско, и спѣшилъ подтвердить мирный трактатъ, по полученіи коего Бестужевъ отправленъ былъ съ ратификаціею. Октября 7-го, вмѣстѣ съ Шафировымъ и Толстымъ (постоянно жившимъ въ Царьградѣ съ 1702 года), имѣлъ онъ аудіенцію у новаго визиря, Али-Кумурги, любимца султанскаго, смѣнившаго Ибрагима и достигшаго наконецъ верховнаго сана, несмотря на юность. Октября 19-го допустили русскихъ пословъ на торжественную аудіенцію султанскую. Они поднесли султану трехъ соколовъ, нѣсколько бѣлыхъ и черныхъ лисицъ и дорогихъ соболей. Дѣло казалось рѣшительно конченнымъ и миръ утвержденнымъ, но честолюбіе любимца султанскаго едва не возбудило новыхъ сомнѣній. Войско турецкое, вошедшее въ Молдавію, расположилось около Хотина. Али-Кумурги, оставя требованія на Россію, началъ споры съ Польшею, въ то же время требуя отъ пословъ царскихъ ежегодной дани крымскому хану. Отвѣтъ царя, протестъ императора, что онъ начнетъ воевать, если въ нарушеніе Карловицкаго трактата турки вступятъ въ Польшу, а всего болѣе очевидность, что Турція ничего не выиграетъ въ борьбѣ съ сильными противниками, сдѣлали молодого честолюбца миролюбивымъ. Несогласія съ венеціанами представляли ему болѣе надежды на успѣхъ и, лѣтомъ 1715 года, началась война въ Мореѣ и Архипелагѣ. Но еще въ ноябрѣ 1714 года Толстой и Шафировъ были отпущены съ почестью и возвратились въ Россію. Царь щедро наградилъ нѣсколько лѣтъ продолжавшіяся страданія ихъ въ Турціи. Они сдѣлались съ того времени особенно близкими и довѣренными людьми при царѣ. Къ прискорбію родителя и царя, сынъ Шереметева умеръ на обратномъ пути, въ Кіевѣ.

Когда соперникъ Петра Великаго мѣнялъ роль Александра Великаго на роль донъ Кихота, Петръ, уже не сомнѣваясь въ пораженіи Штейнбока и покореніи послѣднихъ городовъ шведскихъ въ Германіи, располагалъ завоеваніемъ остальныхъ владѣній Карла XII-го внѣ предѣловъ шведскихъ — дикой, пустынной Финляндіи, охраняемой небольшимъ числомъ диска, подъ предводительствомъ генерала Нирота, коему подчинили Либекера. Затрудненіе похода состояло въ перевозѣ моремъ снарядовъ, артиллеріи и провіанта. Побѣда русскихъ не могла быть сомнительною. Находясь за границею, царь приказывалъ Апраксину дѣйствовать въ Финляндіи высадками на берега. Изъ Выборга русскіе ходили на Кюмень. Шаутбенахтъ Боцисъ истребилъ запасы лѣсовъ, приготовленные для отпуска въ Швецію. Въ 1713 году царь

готовился осадить Або и Гельсингфорсъ. „Не для того, чтобы ими владѣть“ писалъ онъ Апраксину, „но завоевать ихъ надобно, дабы уступить было что, когда станемъ мириться, и притомъ Финляндія матка Швеціи, изъ коей она довольствуется мукою, скотомъ и даже дровами, и если взять Финляндію, шведская шея мягче гнуться будетъ“. Онъ самъ хотѣлъ предводительствовать флотомъ.

Пока въ Петербургѣ, подъ неусыпнымъ надзоромъ царя, готовили экспедицію въ Финляндію, Меншиковъ рѣшилъ участь Штейнбока. Апрѣля 1-го союзники приступили къ осадѣ Тоннингена, видя упорство шведскаго полководца. Избѣгая безполезнаго кровопролитія, старались только стѣснять болѣе и болѣе осажденныхъ, ибо знали, что Штейнбокъ уже доведенъ до послѣдней крайности. Весною въ Тоннингенѣ начались болѣзни, отъ коихъ погибло до 4000 шведовъ. Штейнбокъ соглашался сдать крѣпость, если ему позволятъ удалиться въ Померанію. Союзники требовали безусловной покорности. и 1-го мая 1713 г. Штейнбокъ явился для переговоровъ въ лагерь Меншикова. Русскій фельдмаршалъ согласился на размѣнъ, или выкупъ его и гарнизона, и 2-го мая Тоннингенъ былъ сданъ голштинскимъ войскамъ. Изъ всей арміи Штейнбока оставалось только 7,800 человѣкъ, кромѣ 3000 больныхъ. Въ крѣпости найдено 12 пушекъ, 128 знаменъ, 30 трубъ и литавровъ, 72 барабана, и запасъ ружей, пистолетовъ, шпагъ и другого оружія. Трофеи были раздѣлены. Штейнбока отдали датчанамъ. Сдачею Тоннингена и плѣномъ Штейнбока Швеція лишилась послѣднихъ войскъ и послѣдняго полководца, которые могли еще напомнить о прежней славѣ шведовъ. Оставались гарнизоны и слабые отряды въ Финляндіи, Помераніи и Мекленбургѣ. Но Финляндіи уже грозилъ орелъ русскій, а послѣ окончаніи дѣла съ Штейнбокомъ датчане, саксонцы и русскіе обратились къ Стральзунду, Висмару и Штетину. Флемингъ осадилъ Стральзундъ въ началѣ іюля, занялъ островъ Ругенъ и стѣснилъ городъ, когда Меншиковъ 8-го іюля началъ осаду Штетина.

Черезъ мѣсяцъ по возвращеніи въ Петербургъ царя, русскій галерный флотъ вышелъ изъ Кронштадта 26-го апрѣля. Онъ состоялъ изъ 93 галеръ, 60 карбусовъ и 50 лодокъ. На немъ было посажено 16,000 войска. Апраксинъ начальствовалъ имъ, какъ генералъ-адмиралъ; царь былъ въ авангардѣ; князь М. М. Голицынъ и Боцисъ находились въ арріергардѣ. Мая 7-го остановились въ устьѣ рѣки Борго и 8-го пришли къ Гельсингфорсу. Здѣсь находился шведскій генералъ Армфельдтъ, отряженный съ 2000-ми человѣкъ отъ Либекера, собиравшаго между тѣмъ остальное войско шведское въ Борго. Видя невозможность защищаться, Армфельдтъ зажегъ магазины и ретировался къ Либекеру. Царь обратился съ флотомъ своимъ туда и 14-го мая высадилъ войско на берегъ Либекеръ не смѣлъ противиться и отступилъ къ Ментселю. Борго заняли русскіе безъ битвы. На совѣтѣ положено было Боцису стать у Гельсингфорса и ожидать шведскаго флота, шедшаго на помощь Финляндіи, а остальному флоту дожидаться прихода изъ Выборга конницы;

ее велъ берегомъ генералъ майоръ князь Волконскій. Царь осмотрѣлъ окрестное прибрежье и назначилъ сборное мѣсто войску и флоту у острова Форсби. Онъ спѣшилъ отсюда отъѣздомъ, желая усилить дѣятельность движеній Волконскаго, прислать поскорѣе изъ Выборга провіантъ и осмотрѣть въ Кронштадтѣ восемь кораблей, купленныхъ въ Англіи и приведенныхъ въ Балтійское море. Посѣтивъ Выборгъ, царь осмотрѣлъ корабли въ Кронштадтѣ и велѣлъ снаряжать ихъ къ немедленному выходу въ море. Впрочемъ покупкою кораблей былъ онъ не вполнѣ доволенъ. „Они таковы противъ нашихъ", писалъ царь Апраксину, „какъ пріемыши и родныя дѣти". Но мысль усилить флотъ свой на Балтійскомъ морѣ такъ занимала царя, что онъ распорядился новою покупкою судовъ въ Англіи и Голландіи, только съ большею осторожностью, предписывая строгія правила для осмотра при покупкѣ. Въ 1713 году въ Кронштадтѣ находились 4 линейные корабля, 8 фрегатовъ, 10 шнявъ, 2 прима, 2 брига, 20 мелкихъ судовъ; гребной или галерный флотъ состоялъ изъ 200 бригантинъ, 100 галеръ, 15 полугалеръ, 30 скампавей, 66 карбусовъ, 75 тялокъ, 25 мелецхоутовъ и 50 лодокъ. Царь полагалъ сіе число далеко недостаточнымъ для поддержанія власти своей на морѣ. Мы увидимъ, что черезъ двѣнадцать лѣтъ неусыпный трудъ царя доведетъ балтійскій флотъ до 50 линейныхъ кораблей при 200 галеръ. Въ день праздника полтавской побѣды царь торжественно принялъ на аудіенціи персидскаго посла, пріѣхавшаго съ большою свитою. Въ числѣ подарковъ, присланныхъ шахомъ, находился живой слонъ, неслыханное диво въ Россіи, на которое собирались толпами смотрѣть повсюду, гдѣ вели его. Рѣдкій гость сей недолго прожилъ на сѣверѣ и издохъ. Царь велѣлъ набить его чучелу, и мы до сихъ поръ видимъ ее въ кунстъ-камерѣ. Черезъ нѣсколько дней царь захотѣлъ показать шахову послу флотъ свой. На пути къ Кронштадту сдѣлалось сильное волненіе. Бѣдный посолъ, въ отчаяніи жизни, велѣлъ читать муллѣ отходныя молитвы и собирался умирать. Трусливость его забавляла царя.

Слухъ о приближеніи шведскаго флота, состоявшаго изъ 12-ти линейныхъ кораблей и фрегатовъ, заставилъ царя выслать поспѣшно изъ Кронштадта свой корабельный флотъ. Жестокая болѣзнь принудила его самого остаться на нѣсколько дней въ Петербургѣ. Онъ спѣшилъ оправдаться въ своемъ бездѣйствіи. „Ты повѣришь", писалъ онъ Апраксину, „что я не за гулянкой здѣсь живу". Распорядившись присылкою отъ Шереметева корпуса войскъ для усиленія дѣйствій въ Финляндіи, въ началѣ августа царь былъ уже на своемъ флотѣ близъ финляндскихъ береговъ. Шнява, на коей плылъ онъ, была захвачена жестокою бурею и едва не погибла среди опасныхъ прибрежныхъ шхеръ. Только перемѣна вѣтра спасла безстрашнаго царя, если не отъ гибели, то отъ великой опасности. Онъ былъ доволенъ распоряженіями Апраксина. Во время его отсутствія русскія войска перешли къ Борго и отбили Либекера, а сближеніе русскаго флота къ Гельсингфорсу заставило шведскій флотъ удалиться. Положено было войску идти на Або. Шведы слабо сразп-

лись съ русскими въ Карисскомъ дефиле, и отступленіе Либекера во внутренность Финляндіи передало столицу сей области во власть русскихъ безъ выстрѣла. Царь отправилъ вице-адмирала Крюйса преслѣдовать шведскій флотъ, самъ находясь при войскахъ, вступившихъ въ Або 28-го августа. Апраксинъ и всѣ другіе генералы просили царя при семъ торжественномъ случаѣ принять чинъ полнаго генерала. Онъ согласился на общую просьбу.

Въ Або пробылъ царь нѣсколько дней, осмотрѣлъ подробно городъ, велѣлъ перевезть тамошнюю богатую городскую библіотеку въ Петербургъ и взять колоколъ изъ тамошней соборной церкви. На память счастливаго покоренія столицы финляндской царь отдалъ его на колокольню своей приходской Троицкой церкви въ Петербургѣ. Опасаясь, что Либекеръ отрѣжетъ запасные магазины, учрежденные въ Гельсингфорсѣ, царь отвелъ туда часть войскъ. Неосторожность Крюйса разсердила его: отправленный осмотрѣть шведскій флотъ, сближаясь съ непріятелемъ, Крюйсъ навелъ два русскихъ корабля на подводные каменья и одинъ изъ нихъ принуждены были сжечь, ибо спасти его было невозможно. Между тѣмъ непріятель успѣлъ уйти и сталъ въ недоступномъ мѣстѣ. Царь осмотрѣлъ положеніе шведскаго флота, убѣдился въ невозможности напасть на него, и приписывая погибель корабля и упущеніе непріятеля Крюйсу, отдалъ его подъ военный судъ. Прежнія заслуги не могли спасти стараго моряка, часто досаждавшаго царю своими противорѣчіями. При всемъ усердіи къ службѣ и опытности, Крюйсъ былъ несноснаго, сварливаго характера. Передъ отплытіемъ изъ Кронштадта онъ почти поссорился съ царемъ, требуя, чтобы отдали въ его полное распоряженіе корабельный флотъ въ Финляндіи и царь не вмѣшивался бы въ его распоряженія. „Въ первый разъ въ службѣ моей, которую уже болѣе восемнадцати лѣтъ продолжаю", писалъ въ отвѣтъ на то царь, „получилъ я такой отзывъ. Гдѣ я ни бывалъ, въ баталіяхъ, акціяхъ и белагерахъ, вездѣ добрые и честные офицеры просили меня не отлучаться, и не требовали, чтобы я, какъ дитя, дома сидѣлъ. Доброму дѣлу никогда я мѣшать не думаю, и мое мнѣніе всегда готовъ промѣнять на чужое лучшее". Царь изъявилъ досаду свою, когда Крюйсъ на совѣтѣ выставлялъ опасности, коимъ подвергаются въ морской службѣ. „И на землѣ опасностей не меньше", отвѣчалъ ему царь. „Вотъ я помню, что однажды рѣкою Окою плылъ Никита Долгій, и везъ боченокъ пороху. Боченокъ взорвало и Никиту Долгаго опалило. Ивана Ивановича Бутурлина палаты задавили, а окольничій Засѣкинъ свинымъ ухомъ подавился. Кто боится пуль, нейди въ солдаты, а кому животъ дороже чести, оставь службу". Царь уступилъ Крюйсу, но тѣмъ болѣе разсердили его потомъ неудачныя слѣдствія первой морской экспедиціи русской. По суду Крюйсъ былъ обвиненъ, лишенъ чиновъ и сосланъ въ ссылку въ Казань. Черезъ два года царь возвратилъ его, отдалъ ему чинъ вице-адмирала и осыпалъ его по-прежнему милостями, хотя Крюйсъ не смягчалъ своего сварливаго нрава, ссорился со всѣми и спорилъ съ царемъ. Даже когда царь отдавалъ ему по возвращеніи его шпагу и сказалъ: „Я уже не сердитъ

на тебя", Крюйсъ отвѣчалъ угрюмо: „И я также, хоть и надобно бы на тебя сердиться".

Распорядившись управленіемъ Финляндіи и дальнѣйшими дѣйствіями войскъ, и поручивъ полное начальство Апраксину, царь отправился изъ Гельсингфорса 10-го сентября. Остальные мѣсяцы 1713 года прожилъ онъ въ Петербургѣ, безпрестанно посѣщая Кронштадтъ, работая на верфи, наблюдая военныя дѣйствія въ Финляндіи и въ Помераніи, ведя дипломатическіе переговоры и приготовляя флотъ и войско для предпріятій болѣе обширныхъ.

Завоеваніе Або ознаменовано было медалью, гдѣ изображены были выходящіе на берегъ Нептунъ и Геркулесъ, съ надписью: Terra sistere petita (Ступили на вожделѣнную землю)! Октября 8-го царь спустилъ на воду 60-ти пушечный корабль, наименовавши его, въ честь супруги своей, св. Екатерина. Царь своими руками промѣрялъ дорогу къ Невскому монастырю отъ Петербургской крѣпости, и просѣка, прорубленная въ лѣсу, который росъ тогда на семъ пространствѣ, названа была Невскимъ проспектомъ — нынѣ имя главной, великолѣпной улицы петербургской, застроенной по линіи, проложенной руками Петра Великаго. Въ 1713 году явилась первая напечатанная въ Петербургѣ книга, собраніе реляцій о побѣдахъ русскихъ, подъ титуломъ: Книга Марсова или воинскихъ дѣлъ надъ войсками свейскими. Буквы для петербургской типографіи привезены были изъ Москвы.

Руководимые безпрерывнымъ надзоромъ царя, сподвижники его громили непріятелей на двухъ краяхъ Балтики.

Занимая берега Финляндіи, Апраксинъ готовился къ окончательному уничтоженію шведскихъ силъ, дотолѣ всюду уступавшихъ ему и оставившихъ прибрежья. Когда успѣхи русскихъ тревожили шведское правительство, въ Стокгольмѣ получили доносъ Армфельдта и другихъ офицеровъ. Они обвиняли Либекера, уличая его, если не въ измѣнѣ, то въ постыдной робости. Дѣйствительно, чѣмъ другимъ можно было объяснить, что онъ уступилъ лучшія области и столицу Финляндіи непріятелю почти безъ боя, имѣя возможность защищаться, даже и съ малымъ войскомъ, въ неприступныхъ приморскихъ мѣстахъ? Либекеръ былъ смѣненъ. Армфельдтъ получилъ начальство и желая оправдать доносъ свой, собралъ войско близъ Тавастгуса. Апраксинъ выступилъ противъ него немедленно и октября 1-го нашелъ шведовъ расположенными въ крѣпкой позиціи, между озерами Малласъ-Веси и Пялькяне-Веси; рѣка Пялькяне прикрывала фронтъ ихъ. Апраксинъ отрядилъ князя Голицына, предписывая ему напасть во флангъ непріятелю на плотахъ по озеру. Храброе нападеніе Голицына, несмотря на усилія Армфельдта, разстроило шведовъ, и при движеніи Апраксина черезъ Пялькяне шведы отступили въ безпорядкѣ, потерявъ 600 убитыми, 200 плѣнными, 8 пушекъ и 8 знаменъ. Преслѣдуемый побѣдителями, видя, что солдаты его разбѣгаются, и финны, бывшіе въ войскѣ, расходятся по домамъ, Армфельдтъ не смѣлъ остановиться въ Таммерсфорсѣ и укрылся за Тавастландскими лѣсами въ Остро Ботніи. Главная квартира его остановилась въ Вазѣ. Только глубокая осень, при

затруднительныхъ переходахъ черезъ лѣса, болота и горы, спасла Армфельдта отъ совершеннаго пораженія. Русскіе заняли Біерneборгъ и зимою покушались на дальнѣйшій походъ. Жестокіе морозы воспрепятствовали ихъ движенію. Тѣнь власти шведской осталась еще на восточныхъ берегахъ Ботническаго залива, но уже ненадолго.

Празднуя пялькянскую побѣду, гдѣ полководцы его показали искусство въ диспозиціи битвы, царь велѣлъ увѣковѣчить память ея медалью. Надъ бѣгущимъ воиномъ и планомъ сраженія изображены были слова: Sub te cecidere triumphis (Уступали твоему торжеству)! Почти въ то же время, когда побѣды русскихъ оглашали финскія пустыни, Штетинъ покорился Меншикову. Въ крѣпости находился комендантомъ шведскій генералъ Мейерфельдтъ съ 5000-мъ гарнизономъ. Въ концѣ іюля осаждающіе начали постройку редутовъ, не уважая пальбы и вылазокъ шведскихъ. Въ концѣ августа привезена была осадная артиллерія. Сентября 2-го русскіе овладѣли отдѣльною крѣпостцою (Штернъ-шанцомъ), огранявшею главную крѣпость; 12-го заняли мѣстечко Даммъ, находящееся противъ Штетина; 17-го началось бомбардированіе; 21-го Мейерфельдтъ сдалъ крѣпость Меншикову.

Послѣ покоренія Штетина Меншиковъ съ своимъ корпусомъ предпринялъ обратный походъ черезъ Польшу въ Россію.

Дипломатія гораздо больше занимала тогда царя, нежели легкія побѣды и завоеванія непріятельскихъ земель.

Какъ будто почитая Карла XII-го уже умершимъ, подданные его думали о будущемъ среди бѣдствій настоящаго, а сосѣди и государи европейскіе дѣлили области шведскія. Сшибка противоположныхъ разсчетовъ производила разногласія и раздоры.

Изнуренная тринадцатилѣтнею войною, уже давно забывшая о побѣдахъ, лишенная лучшаго народонаселенія своего, опустошаемая заразительными болѣзнями, видѣвшая нѣкогда побѣдоносное войско свое усѣявшимъ костями пустыни и лѣса сѣвера, степи Турціи, болота Литвы и поля Германіи, или томившимся въ плѣну, видѣвшая враговъ, не только отнявшими всѣ завоеванія Густава Адольфа и преемниковъ его, но и самую Финляндію — еще болѣе видѣвшая враговъ выступавшихъ уже на берега Швеціи, истощенная налогами, угрожаемая отовсюду непріятелями, предводимыми геніемъ русскаго царя, готоваго вторгнуться въ нѣдра Швеціи, когда не было у нея ни защитниковъ, ни средствъ защиты, союзники оставили ее и сдѣлались ея врагами, а Карлъ XII й безумствовалъ въ плѣну турецкомъ, Швеція была на краю гибели. Къ довершенію несчастія въ ней явились обыкновенныя послѣдствія государственныхъ бѣдствій — раздоры, междоусобія и ненависть партій. Не думая умирать на развалинахъ отечества, лишенные всѣхъ надеждъ, шведы вспомнили о правахъ, отнятыхъ самовластіемъ ея повелителей, и хотѣли ограничить ихъ волю. Прекращая мятежъ и бунтъ, готовые вспыхнуть повсюду, правители государства просили сестру Карла XII-го, послѣднюю отрасль рода Вазы, принять правленіе на время отсут-

ствія короля, брата ея. Тайная причина сей просьбы, кромѣ взаимной ненависти между правителями, не хотѣвшими уступать первенства другъ другу, была та, что временное правленіе Ульрики Элеоноры открывало ей путь къ наслѣдству престоломъ послѣ смерти брата. Женихъ сей принцессы, ибо она была невѣстою Фридриха, наслѣднаго принца гессенъ-кассельскаго, старался усилить ея партію, обѣщая, что при переходѣ престола къ ней, она возстановитъ прежнюю власть аристократовъ и ограничитъ самодержавіе шведскихъ королей. Сей замыслъ старались разрушить приверженцы законнаго наслѣдника, принца голштинскаго, сына старшей сестры Карла XII го Гедвиги, супругъ которой былъ убитъ въ 1702 году, въ клишовсковъ битвѣ. Юный принцъ голштинскій, Карлъ Фридрихъ, родившійся въ Стокгольмѣ въ 1700 году, былъ тогда 13-ти лѣтъ, находился въ Швеціи, и ему предназначали наслѣдство въ случаѣ кончины дяди. Увѣряя, что ее призываетъ на тронъ общее желаніе народа, убѣдили кроткую Ульрику Элеонору согласиться на предложеніе сената, и она приняла временно правленіе. Но что могла сдѣлать слабая, неопытная женщина при бѣдственномъ состояніи Швеціи, страшась притомъ не угодить неукротимому Карлу XII-му своими распоряженіями, среди интригъ и крамолъ двора и правителей государства? Она обратилась къ брату, умоляя его возвратиться; говорила ему о необходимости, принуждавшей ее для спасенія отечества принять правленіе и созвать сеймъ, объясняя невозможность продолжать войну, и то, что она принуждена будетъ просить мира у непріятелей въ случаѣ упорства короля оставаться долѣе въ Турціи Въ манифестѣ своемъ Ульрика Элеонора трогательно изобразила бѣдствія отечества, заклиная всѣхъ шведовъ соединить силы для его спасенія.

Сіи событія произвели большую перемѣну въ отношеніяхъ всѣхъ непріятелей Швеціи. На политическомъ поприщѣ явился тогда замѣчательный человѣкъ, баронъ Георгъ Генрихъ Герцъ. Пылкая голова, умъ предпріимчивый, честолюбіе неограниченное, обширные замыслы, разнообразная ученость, образованность необыкновенная, краснорѣчіе, ловкость, хитрость, скрытность, и вмѣстѣ съ тѣмъ безразсудная мечтательность, таково было соединеніе противоположностей въ характерѣ человѣка, имѣвшаго важное вліяніе на политическія дѣла сѣверныхъ державъ въ послѣдніе годы жизни Карла XII-го. Бѣдный франконскій дворянинъ, Герцъ вступилъ въ службу Голштиніи, и среди смятеній государственныхъ и интригъ политики сдѣлался важнымъ лицомъ и первымъ министромъ голштинскимъ. Охраняя самобытность своего властителя, онъ велъ въ одно время переговоры съ Польшею, Даніею, Пруссіею, Ганноверомъ, Англіею, Франціею, императоромъ, старался извлечь изъ бездѣйствія Карла XII-го, поддержать партію голштинскую въ Швеціи и разрушить союзъ царя съ другими государями. Всюду искалъ онъ средствъ, союзниковъ и пособій. Онъ старался заподозрить честолюбіе царя, указывая на его самовластіе въ Польшѣ и въ распоряженіяхъ войною 1712 и 1713 годовъ. Увеличивая опасность, какую причинитъ вступленіе въ дѣла Европы государя столь могущественнаго и столь предпріимчиваго, въ то же

время Герцъ убѣждалъ Данію на миръ съ Швеціею и подкрѣпленіе правъ голштинскаго герцога на шведскій престолъ, обѣщая за то уступить Даніи Голштинію. Ганноверу обѣщаны были отъ него Бременъ и Верденъ, а Пруссіи Штетинъ за вооруженное посредничество противъ царя, Польши и Даніи. И между тѣмъ, когда возбуждалъ онъ противъ царя всѣхъ государей, какъ увидимъ далѣе, Герцъ переговаривалъ и съ царемъ. Слѣдствіями запутанныхъ интригъ хитраго министра были предложеніе императора составить конгрессъ въ Брауншвейгѣ для окончанія споровъ, явное охлажденіе союзниковъ къ царю, и стараніе ихъ тайно сближаться съ Швеціею, удаляясь отъ Россіи.

Политика царя отчасти оправдывала внушенія Герца. Счастливо окончивъ неудачную войну съ Турціею, завоевавши Остзейскія области, распространяясь въ Финляндіи, не отдавая Риги королю Августу, поддерживая власть свою въ Польшѣ, управляя Курляндіею, имѣя огромную армію, усиливая флотъ на Балтійскомъ морѣ, умѣвши ввести войско свое въ войну, начатую въ Помераніи и Голштиніи, и укрѣпляя союзы съ Голландіею, Ганноверомъ и Англіею, царь усильно вдвигался въ сонмъ дѣятелей европейской политики. Самые враги его должны были сознать его обширный геній и его непобѣдимую волю. Не могли укрыться тайные переговоры его съ Пруссіею объ Эльбингѣ, Штетинѣ и Курляндіи, и съ мекленбургскимъ герцогомъ о замужествѣ племянницы. Но кромѣ того, имѣя сильное войско въ Помераніи и Голштиніи, и личнымъ присутствіемъ рѣшивъ судьбу Штейнбока, царь самовластительно располагалъ дѣлами и судьбою сихъ областей. Онъ наложилъ огромныя контрибуціи на Гамбургъ, Любекъ и Данцигъ. Не имѣя силъ и средствъ сопротивляться, Гамбургъ заплатилъ ему 200,000 талеровъ, и Данцигъ 300,000 гульденовъ. Царь не допустилъ датчанъ занять Тоннингенъ и сдалъ его голштинскимъ войскамъ. Частныя обстоятельства умножали неудовольствія. Меншиковъ, самовластвуя въ отсутствіе царя, оскорблялъ всѣхъ своимъ высокомѣріемъ. Отдаленное опасеніе замысловъ Карла XII-го, безсильнаго и побѣжденнаго, не могли утвердить и безъ того непрочнаго союза Польши и Даніи съ Россіею, и король Августъ и датскій король не скрывали своего желанія послѣ уничтоженія Штейнбока удалить русскія войска изъ Помераніи, на что не соглашался царь, ибо онъ боялся утратить тогда свое вліяніе на дѣла союзниковъ. Король Августъ не переставалъ требовать очищенія отъ русскихъ войскъ Польши и отдачи Риги. Царь безпрестанно обѣщалъ и безпрестанно находилъ новыя отговорки. Договоръ, заключенный Меншиковымъ съ Пруссіею послѣ взятія Штетина, усилилъ неудовольствія датчанъ; положено, что Штетинъ, Стральзундъ и Висмаръ временно передаются прусскому королю, впредь до всеобщаго мира, а Пруссія платитъ за то союзникамъ издержки, употребленныя ими на взятіе сихъ городовъ. Прусскій гарнизонъ занялъ Штетинъ, и король прусскій заплатилъ 400,000 эфимковъ, изъ коихъ половина отдана была королю

Августу. Только необходимость союза съ царемъ и невозможность мира съ Швеціею при сложной интригѣ политической еще удерживали Данію.

Царь дѣйствовалъ, какъ политикъ умный и опытный. Стараясь увлечь Пруссію и Ганноверъ въ союзъ противъ Швеціи, и отдачею Штетина противопоставивъ разсчеты Пруссіи выгодамъ шведскаго короля, онъ не слушалъ безплодныхъ жалобъ короля Августа, оправдывался въ обвиненіяхъ Даніи, ссылался на всегдашнюю дружбу и заслуги свои, стращалъ необходимостью продолжать войну съ Швеціею, укорялъ датскаго короля въ сношеніяхъ съ непріятелемъ. Строго выговаривая Меншикову за гордость его обхожденія, онъ не подтвердилъ отдачи Пруссіи Стральзунда и Висмара, увѣряя, что Меншиковъ поступилъ безъ его позволенія. Между тѣмъ къ Меншикову писалъ онъ: „Датчане неблагодарны къ намъ, но они непріятели шведамъ и ихъ надобно намъ беречь, ибо они для моря намъ нужны, а на новыхъ друзей надѣяться нельзя. Божія воля изъ Савла Павла сдѣлать можетъ, но я все еще, какъ невѣрный Ѳома, сомнѣваюсь.“ Онъ не согласился вывесть свои войска изъ Помераніи и не хотѣлъ отказаться отъ участія въ тамошнихъ дѣлахъ. Корпусъ Меншикова обратился въ Россію, но 4000 русскихъ солдатъ остались подъ Стральзундомъ. Мы увидимъ далѣе предположенія царя о войнѣ съ Швеціею при пособіи Даніи, а между тѣмъ онъ не отвергъ сношеній съ Герцомъ, хотя и соблюдалъ въ нихъ крайнюю осторожность. Герцъ предложилъ царю оставить Данію, гарантировать шведское наслѣдство голштинскому принцу, выдать за него дочь царскую, за что герцогъ подтвердитъ требованія царя объ уступкѣ Россіи Остзейскихъ областей. Царь отвѣчалъ, что оставить союзника своего онъ не можетъ, ибо тогда потеряютъ довѣренность къ его слову, чего ничѣмъ вознаградить невозможно, и потому лучше хочетъ онъ видѣть, что союзники противъ него, нежели онъ противъ своихъ союзниковъ слова не сдерживаетъ; что при жизни шведскаго короля рано еще разсуждать о наслѣдствѣ послѣ него; что дочь царя еще малолѣтна и онъ безъ ея согласія къ распоряженію ея рукою, хотя онъ и отецъ ея, приступить не можетъ. Отвѣтъ свой заключилъ царь тѣмъ, что обо всѣхъ предложенныхъ предметахъ разсужденіе находитъ неумѣстнымъ, не отказываясь впрочемъ стараться о пользахъ голштинскаго герцога, дабы ему справедливость была оказана.

Но что дѣлалъ между тѣмъ тотъ, чьи владѣнія дѣлили, о наслѣдствѣ послѣ кого разсуждали другіе государи, тотъ, кто долженъ былъ болѣе всѣхъ чувствовать бѣдствія Швеціи, если уже забылъ онъ о прежней славѣ своей? Какъ будто послѣднія событія и бендерская битва совершенно уничтожили его тѣлесныя силы и душевныя способности, Карлъ XII-й жилъ въ Демотикѣ, получая бѣдное содержаніе, оставленный всѣми, въ обществѣ немногихъ, оставшихся товарищей своихъ. Онъ не только никуда не выѣзжалъ изъ своего жилища, но даже иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней не оставлялъ грубаго ложа своего, ничѣмъ не занимаясь, не говоря ни съ кѣмъ ни слова. Иногда спалъ онъ по цѣлымъ днямъ, иногда не спалъ по нѣ-

скольку сутокъ. Никто не смѣлъ заводить съ нимъ рѣчи. Иногда Карлъ XII-й вдругъ начиналъ говорить, шутилъ, вспоминалъ о бендерской шалости своей, и вдругъ умолкалъ, дѣлался угрюмъ, ложился и не вставалъ съ своей постели два, три дня. Боялись, что его умственныя способности были разстроены, но самый краткій разговоръ съ нимъ могъ разувѣрить въ томъ.

Одно оставалось въ немъ неизмѣнно, упрямство его, и оно переходило всѣ предѣлы. Прочитывая письма и донесенія изъ Швеціи, онъ бросалъ ихъ и не говорилъ ни слова. Когда извѣщали его о намѣреніи шведовъ вручить временное управленіе Ульрикѣ, „Напиши имъ," сказалъ онъ секретарю своему Мюллерну, „напиши, что я пришлю для управленія ими мой сапогъ." Безъ его воли совершилось предположеніе сената. Читая манифестъ Ульрики, гдѣ она объявляла, что „призывая тщетно до сего времени въ отечество короля, Швеція, не ожидая болѣе его повелѣній, должна помышлять о защитѣ и спасеніи," Карлъ XII-й улыбнулся и молча положилъ, не дочитывая, столь оскорбительное объявленіе. Онъ отвергъ предложеніе императора составить конгрессъ въ Брауншвейгѣ. „Пускай берутъ все безъ конгрессовъ!" сказалъ онъ. Также отказался онъ отъ тайныхъ переговоровъ съ королемъ Августомъ. Въ концѣ 1712 года Станиславъ явился въ Турцію. Ему позволили видѣться съ Карломъ XII-мъ, но слыша, что Станиславъ хочетъ просить его объ уступкѣ Августу, Карлъ XII-й не хотѣлъ его видѣть. „Скажите Станиславу," говорилъ онъ, „что если ему угодно отказываться отъ польскаго престола, я выберу на его мѣсто другого." — „Никогда не обнажу меча моего противъ отечества," велѣлъ сказать Станиславъ, отвѣчая на предложеніе своего друга. „Хорошо. Такъ пусть подождетъ, я обнажу за него," говорилъ Карлъ XII-й. Станиславъ былъ задержанъ въ Бендерахъ и находился при турецкомъ войскѣ въ походѣ 1713 года, но потомъ его содержали почти какъ плѣнника. Карлъ XII-й рѣшился было завесть переговоры съ Пруссіею, но мы видѣли, что царь уже предупредилъ его. Однажды только Карлъ XII-й не скрылъ своего негодованія, когда получилъ извѣстіе о плѣнѣ Штейнбока. „Десять тысячъ войска, и онъ сдался въ плѣнъ!" воскликнулъ Карлъ XII-й. „Если онъ не измѣнникъ, такъ трусъ и дуракъ, и я ошибся въ немъ." Онъ не согласился на размѣнъ Штейнбока. Несчастный полководецъ шведскій, и безъ того удрученный скорбью, слыша о гнѣвѣ короля, не перенесъ своего грустнаго жребія. Онъ умеръ въ датской тюрьмѣ, составляя объясненіе о причинахъ, заставившихъ его сжечь Альтону, ибо сей свирѣпый поступокъ считали преступленіемъ его, ничѣмъ не оправдываемымъ.

Когда душевное и тѣлесное бездѣйствіе показывали совершенный упадокъ дотолѣ неукротимаго духа Карла XII-го, интрига волновала европейскіе дворы, и Швеція трепетно ждала рѣшительныхъ ударовъ, сознавая безсиліе свое отвратить ихъ, царь пользовался каждою минутою и усиливалъ свою дѣятельность. Ознаменовавши побѣдами и завоеваніями 1713-й годъ, готовился онъ, какъ мы сказали, къ болѣе обширнымъ предпріятіямъ въ

1714 г. Онъ отправилъ къ датскому королю Ягушинскаго, предоставляя ему начать переговоры о планѣ войны на слѣдующій годъ. „Мы можемъ достигнуть мира только упорнымъ продолженіемъ войны," говорилъ царь, „и должны пользоваться отсутствіемъ шведскаго короля и страхомъ шведовъ, какой нанесли имъ успѣхи наши въ Финляндіи и Помераніи. Стральзундъ и Висмаръ неважны, ибо рано или поздно они покорятся, но весьма важно намъ учинить теперь высадку въ Швецію. Разглася, что идемъ къ Стокгольму, и заставя шведовъ думать о защитѣ столицы, можно собрать датскій и русскій флоты у Ревеля, посадить на нихъ 15000 русскаго войска и плыть къ Карлскронѣ, гдѣ стараться истребить послѣднюю защиту Швеціи, флотъ шведскій. Датчане черезъ Зундъ, а русскіе съ кораблей вступятъ въ Швецію, и по истребленіи флота непріятельскаго пойдутъ къ Стокгольму, куда двинутся русскіе въ одно время изъ Финляндіи." Царь готовъ былъ принять начальство надъ экспедиціею, требуя только, чтобы Данія взяла на себя продовольствіе войскъ. Но планъ царя казался слишкомъ отважнымъ, когда датскій король не скрывалъ своего явнаго неудовольствія о союзѣ Россіи съ Пруссіею, требовалъ себѣ Стральзунда, надѣясь мира безъ дальнѣйшихъ пожертвованій, и когда притомъ царь ничего не говорилъ ему о Голштиніи. Король датскій подозрѣвалъ въ семъ отношеніи тайные замыслы царя. Оставалось предоставить дѣйствія 1714 года случайностямъ обстоятельствъ. Царь видѣлъ, что онъ можетъ надѣяться только на собственныя свои силы, но ихъ было довольно. Два слѣдовавшіе затѣмъ нерѣшительные года привели царя къ дѣламъ болѣе прежняго важнымъ, обнимавшимъ всю политику Европы и показавшимъ вполнѣ всеобъемлющій геній повелителя Россіи.

Разсказъ восемнадцатый.

Завоеваніе Финляндіи. Возвращеніе Карла XII-го. Последнее путешествіе царя за границу.

1714 — 1715 гг.

„Товарищи! Кто изъ васъ, за двадцать лѣтъ, могъ бы сказать, что мы будемъ побѣждать непріятеля на Балтійскомъ морѣ кораблями, которые мы сами построили? Молитесь и трудитесь! Предчувствую, что русскіе превзойдутъ нѣкогда другіе народы величіемъ подвиговъ и славою!"

Слова Петра Великаго.

Война въ Финляндіи и стараніе охранить свои тамошнія завоеванія отъ покушеній шведскаго флота составляли предметъ особенной заботливости царя въ 1714 году.

Послѣ возвращенія русскихъ войскъ изъ зимняго похода, князь М. М. Голицынъ, начальствовавшій корпусомъ, стоявшимъ въ Біернеборгѣ, ждалъ только смягченія холодовъ, дабы начать снова нападеніе на остальныя шведскія войска, собравшіяся около Вазы. Зимняя кампанія представляла болѣе удобности, нежели походъ лѣтомъ, по непроходимымъ дорогамъ, лѣсамъ и болотамъ. Въ началѣ февраля русскіе пошли на сѣверъ по приморской дорогѣ. Шведы стояли на берегахъ рѣки Киро, близъ деревни Наппо. Вопреки мнѣнію другихъ, предлагавшихъ затруднить проходъ непріятеля, защищая дефилеи, Армфельдтъ опять ожидалъ русскихъ въ крѣпкой, но открытой позиціи. У него было до 5000 войска, при 2,500-хъ финскаго ополченія. Несмотря на изнуреніе походомъ, глубокіе снѣга и стужу, Голицынъ, имѣя не болѣе 8000 человѣкъ, двинулся въ битву немедленно. Не нападая прямо на шведскую позицію, онъ перешелъ рѣку Киро выше Наппо и тѣмъ разстроилъ предположенія шведскаго начальника. Схваченный во флангъ, Армфельдтъ смѣшался въ движеніяхъ, былъ аттакованъ въ тылъ русскою

конницею и, несмотря на упорное сопротивленіе, разбитъ совершенно, шведовъ преслѣдовали до Якобштадта и заняли Вазу. Армфельдтъ едва успѣлъ собрать бѣдные остатки войскъ своихъ въ Гамла Карлеби. Болѣе 5000 убитыхъ, 500 раненыхъ шведовъ, 8 пушекъ и 20 знаменъ, доставшихся побѣдителямъ, были печальною расплатою за безразсудную самонадѣянность Армфельдта, и безпорядокъ и неподчиненность его войска, изъ коего многіе отряды бѣжали съ поля сраженія безъ битвы и погибли, преслѣдуемые русскими. Благодаря Голицына за его подвигъ, царь писалъ: „Нельзя ли отбоярить шведовъ еще далѣе?“ Положивъ лѣтомъ продолжать походъ до крайнихъ сѣверныхъ предѣловъ финляндскихъ, и увѣренный, что шведы лишены всякой возможности противиться, Голицынъ отвелъ войско свое къ Ништату и Тавастгусу. Армфельдтъ подвинулся къ Ню-Каркарлеби и Брагештатъ.

Между тѣмъ въ Стокгольмѣ было величайшее смятеніе. По принятіи правленія Ульрикою Элеонорою ее окружили всѣ враждебныя партіи, и на сеймѣ, гдѣ взаимная зависть правителей и духъ возмущенія оказались явно, когда притомъ Карлъ XII-й приводилъ всѣхъ въ отчаяніе своимъ недоступнымъ молчаніемъ, ничего не было рѣшено. Все войско шведское, — наборъ неопытныхъ рекрутовъ, худо одѣтыхъ, худо вооруженныхъ и голодныхъ, ибо у шведскаго правительства не было ни денегъ, ни запасовъ, состояло едва изъ 20,000, и въ немъ заключалась вся защита Швеціи. Половину войска расположили лагеремъ около Стокгольма, другую половину перевели въ Сканію, опасаясь высадки союзниковъ. Сеймъ требовалъ отъ правительницы предложенія мира непріятелямъ. Она не смѣла рѣшиться, зная, что Карлъ XII й не утвердитъ такого рѣшенія. Хотѣли, чтобы она объявила новый рекрутскій наборъ и наложила на государство новыя подати для вооруженія охранительныхъ войскъ, но большинство сейма не утвердило предложенія. Кончилось тѣмъ, что Ульрика Элеонора отказалась отъ правленія, и власть снова перешла къ сенату. Ссоры правителей усилились, и только въ одномъ успѣли рѣшиться — отправить флотъ на защиту Финляндіи. Почтенный старецъ, графъ Ливенъ посланъ былъ съ полномочіемъ въ Турцію къ Карлу XII-му. Сенатъ ничего не говорилъ, не совѣтовалъ королю, и только умолялъ его возвратиться.

Царь оставилъ Петербургъ съ первымъ вскрытіемъ моря, такъ, что даже пилами распилили ледъ, заграждавшій выходъ кораблей изъ Кронштадта. Онъ осмотрѣлъ начатое устройство гавани Ревельской, февраля 3-го выѣхалъ отсюда въ Ригу, и 15-го возвратился въ Петербургъ. Здѣсь показаны были народу взятые въ Тоннингенѣ и привезенные въ Петербургъ трофеи. Царь приказалъ между тѣмъ осматривать финляндскія шхеры для свободнаго дѣйствія флотомъ, и въ половинѣ мая получилъ извѣстіе о появленіи въ морѣ шведскаго флота. Не зная, куда онъ направится, царь велѣлъ Апраксину идти съ галерами около финляндскихъ береговъ, а самъ выступилъ съ корабельнымъ флотомъ къ Ревелю. Нетерпѣливо хотѣлось ему попытать силъ въ морскомъ бою съ шведскимъ флотомъ. Въ половинѣ іюня

пришло извѣстіе, что шведы, съ 13-ю линейными кораблями, 4-мя фрегатами, 2-мя гальотами и 6-ю галерами, стали у мыса Гангеудда, или Гангуда, оканчивающаго южный финляндскій берегъ къ западу. Отсюда начинается протяженіе безчисленнаго множества мелкихъ острововъ до архипелага Аландскаго, находящагося по срединѣ Ботническаго залива. Царь немедленно отправился въ Финляндію. Іюля 20-го достигъ онъ мыса Тверееминда, гдѣ въ заливѣ стоялъ русскій галерный флотъ. Здѣсь рѣшился онъ перетащить нѣсколько галеръ черезъ перешеекъ, на разстояніи двухъ верстъ, и напасть на шведовъ съ кораблями, когда галеры аттакуютъ ихъ съ тыла. Работы для перевозки судовъ черезъ перешеекъ начались, но шведы не допустили исполнить столь отважное предпріятіе. Главнокомандующій шведскій адмиралъ Ваттрангъ отрядилъ контръ-адмирала Эреншильда ко входу Твереминдской гавани, а вице-адмирала Мелли послалъ въ подкрѣпленіе ему. Царь увидѣлъ опасность, ибо шведы могли запереть въ Твереминдской гавани русскіе галеры, и воспользовался наступившимъ безвѣтріемъ. По его приказу, подъ его личнымъ повелѣніемъ, галеры устремились изъ гавани на греблѣ. Шведы открыли сильную пальбу, но съ поврежденіемъ только одной галеры, русскіе успѣли выбраться. Мелли спѣшилъ уйти къ главному флоту, пользуясь подувшимъ небольшимъ вѣтромъ, и спасся, но Эреншильдъ былъ отрѣзанъ отъ флота, и 27 іюля царь повелъ на него лодки и галеры. Началась битва. Не видя спасенія, шведы дрались отчаянно. Царь не щадилъ себя, сцѣпился на абордажъ съ шведскимъ фрегатомъ и изъ первыхъ взошелъ на бортъ его. Эреншильдъ думалъ спастись въ лодкѣ, но былъ захваченъ въ плѣнъ, и весь отрядъ его, состоявшій изъ фрегата: Слонъ (Элефантъ), 6-ти галеръ и 3-хъ ботовъ, былъ взятъ русскими. Кромѣ Эреншильда полонены были капитанъ-командоръ, 3 капитана, 3 лейтенанта и болѣе 1000 солдатъ и матросовъ; убито было шведскихъ офицеровъ 9 и солдатъ и матросовъ до 350. Побѣдители потеряли убитыми 8 офицеровъ и 150 солдатъ и матросовъ; ранено было 17 офицеровъ и 300 нижнихъ чиновъ.

Давно уже ничто такъ не радовало царя, какъ порадовала его славная битва гангудская. Она была первое морское дѣло русскихъ и въ виду шведскаго адмирала и флота увѣнчалась побѣдою. Ваттрангъ не только не могъ подать помощи Эреншильду, но избѣгая его участи, бѣжалъ при первомъ вѣтрѣ. Русскія суда преслѣдовали его и заняли Аландскіе острова, пока царь праздновалъ побѣду молебствіемъ на флотѣ и писалъ о подвигѣ своемъ посламъ и сенаторамъ. „Славнѣе всего,“ говорилъ онъ, „что хотя въ сію войну много было взято нами генераловъ, но флагмана ни одного, и тако сею николи у насъ небывалою викторіею васъ поздравляю.“ Нетерпѣливо хотѣлось великому побѣдителю показать свои трофеи Петербургу. Видя шведскій флотъ удалившимся, и предполагая, что въ навигацію 1714 года шведы не посмѣютъ уже болѣе явиться, царь распорядился очищеніемъ Финляндіи отъ остальныхъ шведскихъ войскъ, назначая кромѣ того произвесть опытъ

высадки въ Швецію. Препоручивъ исполнить всѣ свои распоряженія Апраксину, царь отправился съ частью флота въ Петербургъ. За нимъ вели плѣнныя непріятельскія суда. У Березовыхъ острововъ, ночью, русскій флотъ захватила страшная буря. Здѣсь царь имѣлъ случай показать свое непобѣдимое ничѣмъ безстрашіе. Во мракѣ ночи моряки не могли распознать, гдѣ они находятся, и боялись, что близость земли можетъ погубить суда. Царь, обозрѣвавшій все финляндское прибрежье, рѣшился самъ ѣхать къ берегу и зажечь на немъ огни. Съ ужасомъ услышали его волю и со слезами умоляли его не подвергать гибели свою драгоцѣнную жизнь. Царь ничего не слушалъ. Съ нѣсколькими удальцами онъ пролетѣлъ въ шлюпкѣ среди бѣшенныхъ валовъ кипящаго моря, достигъ берега и зажегъ на немъ огни.

Сентября 4-го русскій флотъ былъ уже въ Кроншлотѣ, и едва настала ясная погода, царь торжественно повелъ шведскія суда по Невѣ при громѣ пушекъ. На Троицкой пристани воздвигнуты были торжественныя врата, на коихъ видна была огромная картина, изображающая орла, налетѣвшаго на слона, съ надписью: Орелъ не мухъ ловитъ! Съ пристани царь, полки гвардіи, шведскій вице-адміралъ и плѣнные шведы шли въ сенатъ; за ними несли знамена и флаги шведскіе, везли шведскія пушки. Князь-кесарь принялъ рапортъ великаго шаутбенахта и поздравилъ его вице-адмираломъ. За нѣсколько времени прежде, при открывшейся вакансіи, царь просилъ себѣ вице-адмиральскаго чина, но Морская Коллегія сообразила его службу и нашла другихъ старше его, почему въ просьбѣ было ему отказано. Царь былъ чрезвычайно доволенъ рѣшеніемъ. „Они разсмотрѣли справедливо, и если бы изъ угодливости мнѣ поступили иначе, я заставилъ бы ихъ раскаяться въ пристрастіи,“ говорилъ царь. Князь Меншиковъ заключилъ торжество великолѣпнымъ пиромъ. Эреншильдъ сидѣлъ подлѣ царя. „Какъ вѣрный обязанности и храбрый офицеръ,“ говорилъ царь окружавшимъ его, „онъ заслуживаетъ наше полное уваженіе.“ — „Я исполнялъ долгъ мой, не щадилъ себя, и утѣшаюсь въ несчастіи моемъ тѣмъ, что побѣжденъ столь великимъ противникомъ,“ отвѣчалъ плѣнникъ. Генералъ Вейде, храбро сражавшійся при Гангудѣ, награжденъ былъ орденомъ Андреевскимъ, и всѣмъ участникамъ, кромѣ наградъ, розданы были особенныя медали.

Увѣковѣчивая славное для русскаго флота событіе, царь установилъ навсегда праздновать день гангудской битвы 27-го іюля. Въ честь празднуемаго въ сей день церковью священномученика Пантелеймона, онъ заложилъ церковь на берегу Фонтанки и корабль: св. Пантелеймонъ. Одна медаль на гангудское торжество, изображая морскую битву, была украшена надписью: Прилежаніе и вѣрность превосходятъ силу. На другой медали изображена была Побѣда, съ лаврами и трезубцемъ. Въ надписи связано было: Начатки русскаго флота — морская битва близъ Аландовъ 27-го іюля 1714 года.

Апраксинъ и Голицынъ довершили начатое царемъ. Черезъ два дня послѣ гангудской побѣды сдалась шведская крѣпость Нейшлоссъ, послѣ не-

большой канонады, осажденная полковникомъ Шуваловымъ. Гарнизону позволили выйти; пушекъ взято 5 мѣдныхъ и 8 чугунныхъ. Оставалось оттѣснить Армфельдта и занимать беззащитныя селенія и города. Апраксинъ съ галерами прошелъ шхеры Аландскія и приблизился къ берегамъ Вестро-Ботніи, когда Брюсъ шелъ финляндскимъ берегомъ. Армфельдтъ отступалъ безъ боя; войска его разбѣгались; финны бросали оружіе. Армфельдтъ укрылся въ Торнео, и вся Финляндія была очищена отъ шведовъ. Русскіе гарнизоны мирно заняли города и крѣпости. Генералъ-маіоръ Головинъ былъ отправленъ на поискъ въ самую Швецію. Не смотря на бурное время, съ 9-ю галерами переплылъ онъ Кваркенскій проливъ въ Ботническомъ заливѣ, присталъ въ Умео и высадилъ на берегъ отрядъ войска. При появленіи его прибрежные жители и шведскіе гарнизоны укрылись въ лѣса. Головинъ зажегъ Умео и обратился въ Финляндію. На пути во время свирѣпой бури, пять русскихъ галеръ разбилось у финляндскихъ береговъ, но царь не жалѣлъ о потерѣ, услышавъ, что въ концѣ 1714 года въ первый разъ раздалось русское ура! и прогремѣлъ первый выстрѣлъ русской пушки въ лѣсахъ и скалахъ Швеціи. Заключимъ извѣстія о покореніи Финляндіи тѣмъ, что зимою 1715 года русскіе заняли крѣпостцу Каяну, или Каянеборгъ, въ сѣверо-восточной Финляндіи, куда лѣтомъ почти невозможно было пробраться черезъ болота по бревенчатымъ, разрушеннымъ шведами гатямъ. Здѣсь найдено 20 пушекъ. Съ покореніемъ Каяны занята была окончательно вся Финляндія. Прибрежье отъ Торнео до Брагештата велѣно было опустошить, дабы отнять возможность нападенія шведовъ на Финляндію сухимъ путемъ. Армфельдтъ перешелъ въ Вестро-Ботнію. Русскій галерный флотъ охранялъ финляндскія прибрежья. Жители повиновались русскимъ правителямъ, радуясь, что спасены отъ ужасовъ войны гибельной и безполезной. Зимою 1714 года войско русское выступило изъ Финляндіи, оставя въ ней только гарнизоны. Апраксинъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь разсуждали уже о новыхъ предпріятіяхъ, особливо послѣ важнаго событія, совершившагося въ концѣ 1714 года.

Сіе событіе было возвращеніе Карла XII-го, вовсе неожиданное и встревожившее союзниковъ царя.

Долго продолжалось нравственное и физическое безчувствіе короля шведскаго. Осенью 1714 года явился къ нему въ Демотику графъ Ливенъ. Онъ засталъ Карла XII-го лежащимъ на кровати мрачнымъ и задумчивымъ. Долго и внимательно слушалъ Карлъ XII-й объясненія краснорѣчиваго посланника, всталъ и большими шагами началъ ходить по комнатѣ. Казалось, мысль объ отчизнѣ, обо всемъ прошедшемъ, вдругъ взволновала душу его. Онъ остановился, сложилъ руки на груди и сказалъ Ливену: „Хорошо! Я ѣду. Умремъ вмѣстѣ!“ — „Государь!“ воскликнулъ Ливенъ — „съ тобою мы еще побѣдимъ всѣхъ!“ Мгновенно ожилъ Карлъ XII-й и неожиданно отправилъ къ султану извѣстіе о своемъ немедленномъ отъѣздѣ. Сіе извѣстіе равно обрадовало шведовъ и турокъ. Султанъ прислалъ въ пода-

рокъ королю дорогихъ лошадей арабскихъ, и отряду янычаръ и спаговъ велѣно было провожать его. Путь короля шведскаго назначенъ былъ черезъ императорскія земли въ Померанію. Императоръ велѣлъ принимать повсюду знаменитаго путешественника съ подобающею его высокому сану честью. Карлъ XII-й отослалъ подарки султану, не взялъ ничего и отправился верхомъ впереди турецкаго отряда. Вмѣсто медленнаго путешествія король ѣхалъ почти безъ отдыха. Измученные провожатые обрадовались, когда по прибытіи на турецкую границу услышали, что имъ велѣно возвратиться и король поѣдетъ далѣе безъ провожатыхъ. Шведамъ, бывшимъ при шведскомъ королѣ, раздали всѣ находившіяся у него деньги, предоставляя каждому свободу возвращаться въ отечество, какъ кто умѣетъ и может. Король переодѣлся, надѣлъ на голову огромный парикъ, вмѣсто мундира черный кафтанъ, прикрылся сверхъ него синимъ плащемъ и подъ широкополою шляпою сверхъ парика никто не могъ узнать въ переодѣтомъ путникѣ короля шведскаго. Онъ взялъ съ собой только двухъ полковниковъ, Розена и Дюринга. Трое дорожныхъ товарищей назвались: король—капитаномъ Фришемъ, Розенъ—поручикомъ Пальмомъ, Дюрингъ—прапорщикомъ Іогансономъ. Въ простой крестьянской телѣгѣ проѣхали они Венгрію. Въ Вѣнѣ Карлъ XII-й купилъ лошадей и поѣхалъ верхомъ. Во многихъ мѣстахъ останавливали его и товарищей по подозрѣнію, но король шведскій такъ хорошо игралъ принятую имъ на себя роль, что задержать его нигдѣ не смѣли. Поѣздка продолжалась шестнадцать дней безъ отдыха. Измученные товарищи короля едва держались на лошадяхъ. Давая время имъ уснуть, Карлъ XII-й иногда нанималъ телѣгу, но самъ онъ, казалось, не чувствовалъ утомленія. Вмѣсто прямого пути, онъ ѣхалъ изъ Вѣны черезъ Баварію, Вестфалію и Мекленбургъ, и 21-го ноября ночью явился у воротъ Стральзунда, съ опасностью быть задержаннымъ, когда пробирался черезъ непріятельскую блокаду. Король требовалъ немедленнаго свиданія съ комендантомъ, объявляя, что онъ курьеръ и привезъ важныя депеши отъ короля изъ Турціи. Его повели къ генералу Дуккеру, коменданту Стральзундскому. Карлъ XII-й вошелъ прямо въ его спальню. Дуккеръ, еще не опомнившись со сна, глядѣлъ на пріѣзжаго въ недоумѣніи. „Что это, Дуккеръ?“ воскликнулъ король — „неужели годы до того меня измѣнили, что уже и мои старые товарищи не узнаютъ меня?“ — Ваше Величество! закричалъ Дуккеръ, упалъ на колѣни, плакалъ и не могъ сказать ничего болѣе. Мгновенно разнесся слухъ по городу о прибытіи короля. Солдаты и народъ прибѣжали толпами и хотѣли видѣть его. Карлъ XII-й едва держался на ногахъ отъ усталости. Шестнадцать дней онъ не разувался, и ноги его такъ отекли, что сапоговъ не могли снять и принуждены были разрѣзать ихъ. Нѣсколько часовъ Карлъ XII-й спалъ мертвымъ сномъ, но едва проснулся онъ, какъ явился на разводъ войскъ Минута появленія его была прекрасна — восторгъ воиновъ его былъ невыразимъ. Для чего такъ мало дорожилъ онъ любовью своего добраго, вѣрнаго народа!

Союзники царя провели 1714 й годъ въ бездѣйствіи. Данія спорила съ Пруссіею о Штетинѣ и съ голштинскимъ герцогомъ о родовыхъ земляхъ. Король Августъ находился въ Польшѣ, гдѣ все возставало противъ него на сеймахъ. И Пруссія, и Данія и Августъ равно искали и надѣялись мира съ Швеціею, почти явно изъявляя свое недовѣріе и непріязнь царю. Пріѣздъ Карла XII-го измѣнилъ расположеніе дѣла, особливо, когда увидѣли, что онъ возвратился прежнимъ Карломъ XII-мъ.

Надлежало рѣшить вопросъ: воевать или мириться? Предпочитая погибель миру безславному, Карлъ XII-й рѣшилъ вопросъ положительно, ибо каждый миръ, не предписанный имъ врагу, казался ему безславнымъ, но тѣмъ болѣе, если онъ не могъ купить мира безъ великихъ пожертвованій. Король зналъ, что побѣдитель-царь и союзники его оставятъ Швеціи развѣ только Финляндію, и то съ уступкою Выборга, но потребуютъ всѣхъ остзейскихъ и германскихъ областей. Онъ хотѣлъ воевать. Не было средствъ. Карлъ XII-й могъ въ томъ убѣдиться очевидностью, да что ему было до того! Онъ могъ бы начать войну дипломатическую, но она никогда не была его удѣломъ, ибо онъ умѣлъ только сражаться мечемъ. Казалось, что кромѣ непреклоннаго рѣшенія на войну, еще одна мысль была рѣшена Карломъ XII-мъ; онъ искалъ смерти и хотѣлъ погибнуть на развалинахъ отечества.

Онъ не думалъ явиться въ Швецію, пока могъ еще сражаться въ крѣпкихъ стѣнахъ Стральзунда и въ укрѣпленіяхъ Висмара, и прислалъ только въ Швецію приказъ избирать рекрутовъ и собирать деньги на содержаніе войскъ. Охотно утвердилъ онъ свадебный договоръ сестры своей съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ. Свадьба Ульрики Элеоноры совершилась апрѣля 4-го 1715 года, въ Стокгольмѣ. Бабушка Карла XII-го, у которой за 15-ть лѣтъ прежде отнялъ онъ правленіе Швеціею, благословила осиротѣвшую внучку свою и скончалась вскорѣ потомъ, скорбя о бѣдствіяхъ отечества. Супругъ Ульрики Эльоноры былъ объявленъ генералиссимусомъ шведскихъ войскъ; ему и Армфельдту поручена была Карломъ XII-мъ защита шведскихъ береговъ отъ нападеній датчанъ и русскихъ.

Вмѣсто мирныхъ предложеній, король шведскій послалъ гордые протесты королю прусскому, герцогу мекленбургскому и курфирсту ганноверскому, упрекая ихъ за принятіе участія въ союзѣ враговъ его. Не признавая Августа королемъ, онъ подтвердилъ титулъ польскаго короля Станиславу, и отдалъ ему въ пожизненное владѣніе небольшое герцогство Цвейбрикское (de Deux-Ponts), принадлежавшее Швеціи, обѣщая возвратить ему престолъ польскій. Грамотами своими Карлъ XII-й старался усилить раздоры въ Польшѣ, призывая поляковъ возстать за своего законнаго государя. Онъ требовалъ немедленнаго очищенія Бремена и Вердена отъ войскъ ганноверскихъ, и Штетина и крѣпостей Пенаминда и Узедома, въ устьи Одера, отъ войскъ прусскихъ. Пруссія и Ганноверъ отвергли предложенія. Карлъ XII-й объявилъ имъ войну.

Такимъ образомъ къ прежнимъ врагамъ, Россіи, Даніи и королю Августу, прибавились еще два сильные непріятеля, Ганноверъ и съ нимъ Англія, ибо королева Анна умерла въ 1714 году и курфирстъ ганноверскій наслѣдовалъ престолъ великобританскій, подъ именемъ короля Георга I-го. Оскорбленный Георгъ, непримиримый въ мщеніи, гордый, суровый характеромъ, поклялся уничтожить надменнаго противника. Не менѣе короля Георга гордый, суровый и мрачный, король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ (отецъ Фридриха Великаго) оскорбился поступками Карла XII-го.

Слѣдствіемъ всѣхъ сихъ неожиданныхъ обстоятельствъ было возобновленіе союза Даніи и короля Августа съ царемъ и присоединеніе къ сему союзу Пруссіи и Англіи съ Ганноверомъ. Опасеніе самовластія царя уничтожалось передъ оскорбленіемъ, какое наносилъ союзникамъ царя безсильный, но неукротимый король шведскій.

Не вспомпная прежняго, царь обрадовался перемѣнѣ политическихъ отношеній и спѣшилъ воспользоваться выгодами, какія изъ сей перемѣны представлялись ему.

Союзники положили общими силами и немедленно осадить и взять Стральзундъ и Висмаръ. Ганноверскія войска должны были соединиться съ датскими и прусскими, а эскадры англійская и датская крейсировать въ Балтійскомъ морѣ, отрѣзывая сообщенія Стральзунда съ Швеціею. Царь обязывался соединить русскую эскадру съ союзными и прислать новый корпусъ войскъ въ Померанію. Но онъ усиленно возобновилъ свои предложенія датскому королю о высадкѣ въ Швецію. Переговоры о томъ шли медленно и нерѣшительно, хотя 1715 годъ начался приготовленіями къ войнѣ въ Швеціи, Пруссіи, Англіи, Даніи, Россіи и Ганноверѣ.

1715-й годъ былъ достопамятенъ въ исторіи Европы кончиною Людовика XIV-го. Малолѣтней внукъ его, Людовикъ XV-й, возведенъ былъ на престолъ, и управленіе Франціи перешло въ руки регента, герцога орлеанскаго, и любимца его, кардинала Дюбуа. Освобожденный отъ опасеній со стороны Франціи, императоръ приступилъ къ войнѣ, которую несчастливо вели въ то время противъ турокъ венеціане.

Такимъ образомъ раздоръ сѣверныхъ державъ не могъ обратить ничьего посредничества, тѣмъ болѣе, что Карлъ XII-й отвергъ всякое вмѣшательство императора и Франціи. Онъ хотѣлъ рѣшить споръ оружіемъ.

Назовемъ ли великимъ зрѣлищемъ борьбу, гдѣ Карлъ XII-й, безъ войскъ, безъ средствъ, безъ надежды на побѣду, сталъ одинъ противъ столькихъ непріятелей? Нѣтъ! Его борьба походила на рыцарское похожденіе, подобное бендерской битвѣ съ оттоманами!

Онъ не могъ двинуть войскъ, ибо не имѣлъ ихъ, и рѣшился запечеться въ Стральзундѣ съ 12,000-ми гарнизона. Сей гарнизонъ, 16,000 человѣкъ, стоявшихъ въ Остро-Ботніи, около Стокгольма и въ Сканіи, и 2500 человѣкъ, запертыхъ въ Висмарѣ, составляли все войско Карла XII-го. Шведскій флотъ не смѣлъ оставить Карлскроны. Карлъ XII-й далъ позво-

леніе шведскимъ каперамъ производить поиски по Балтійскому морю, и нѣсколько захваченныхъ ими англійскихъ и прусскихъ судовъ еще болѣе усилили непріязнь Георга и Фридриха Вильгельма. Въ началѣ лѣта 20,000 пруссаковъ, 8000 саксонцевъ, 5000 ганноверцевъ, 20,000 датчанъ пошли къ Стральзунду. Эскадры англійская и датская явились на Балтійскомъ морѣ.

Не описывая паденія твердыни стральзундской, обратимся къ дѣламъ царя въ 1715 году. Труды и заботы нерѣдко развлекалъ онъ шутками и забавами особеннаго рода. Такова была полукомическая церемонія похоронъ царскаго карлика, умершаго въ концѣ 1714 года. Гробъ везли на маленькихъ лошадкахъ и толпа карликовъ и карлицъ провожали его. Царь со всѣмъ дворомъ своимъ слѣдовалъ за ними. Послѣ новаго года было веселое празднество: бывшій нѣкогда царскій учитель, Зотовъ, уже возведенный въ высшіе чины и графское достоинство, уважаемый царемъ, но всегда называвшійся княземъ-папою, овдовѣлъ, и вздумалъ на старости лѣтъ опять жениться. Царь позволилъ сей бракъ, но свадебный поѣздъ князя-папы составленъ былъ изъ маскарада, въ коемъ участвовали самъ царь, дворъ его, военные и гражданскіе чиновники и иностранные послы. Разнообразно одѣтые, поѣзжане шли и ѣхали по Петербургу. Въ странные экипажи запряжены были, кромѣ лошадей, волы, медвѣди, лоси. Шумъ музыки сливался съ пушечною пальбою. Старики, одѣтые пажами, потчивали гостей на свадьбѣ. Толстяки въ одеждѣ скороходовъ бѣжали впереди поѣзда. Самый позывъ гостей, написанный царемъ „въ веселой компаніи,“ составлялъ рядъ шутокъ. Велѣно было вначалѣ звать „всепренеосвященнаго князя-папу,“ а потомъ того, „кто родомъ старше чорта;“ того, „кто кромѣ души весь въ заплаткахъ;“ того, „кто немного учился, да зато ничего и не знаетъ;“ того „кто неусыпающаго сумасбродства президентъ;“ того, „кто надъ всѣми бочками комендантъ;“ того, „кто двѣ недѣли чижика искалъ, да не сыскалъ;“ того, „кто съ похмѣлья прытокъ,“ и проч. Каждое такое прозванье означало кого либо изъ людей, участвовавшихъ въ дружескихъ бесѣдахъ царя. Пиры свадебные продолжались нѣсколько дней.

Но, какъ всегда, потѣхи царя не мѣшали дѣлу, и вовремя ихъ царь безпрерывно засѣдалъ въ сенатѣ, работалъ на верфи, велъ дипломатическіе переговоры и готовился весною въ морской походъ. Онъ самъ хотѣлъ быть на эскадрѣ, назначаемой для крейсированія въ Балтійскомъ морѣ. Въ февралѣ онъ ѣздилъ въ Кронштадтъ, и возвратясь въ Петербургъ, заложилъ огромный корабль. Въ апрѣлѣ русскіе корабли вышли въ море и захватили нѣсколько шведскихъ каперовъ. Въ іюнѣ царь отправился въ экспедицію, посѣтилъ Гапсаль и Ревель, и заложилъ новый портъ въ Рогервикѣ, на берегу Финскаго залива, между Ревелемъ и Гапсалемъ. Въ іюнѣ подошли къ Ревелю англійская и датская эскадры. Царь, въ званіи вице-адмирала, угощалъ своихъ иноземныхъ товарищей и производилъ съ ними морскіе маневры. Остальные мѣсяцы 1715 года онъ провелъ въ Петербургѣ, откуда посѣтилъ Кронштадтъ, Шлиссельбургъ и объѣхалъ окрестности, готовясь къ

путешествію за границу въ слѣдующемъ году, и надѣясь, что наступило время совершиться его обширнымъ предпріятіямъ, которыя могли наконецъ даровать миръ Россіи, вопреки упрямству Карла XII-го и пронырствамъ европейской дипломатіи.

Дерзко вызывая на битву соперниковъ, Карлъ XII-й самъ началъ военныя дѣйствія. Отрядъ шведовъ напалъ на пруссаковъ, занимавшихъ Пенаминдъ и Узедомъ, и овладѣлъ сими крѣпостцами, въ маѣ 1715 года. Поручая защиту ихъ старому офицеру, полковнику Крузе-Штолпе, Карлъ XII-й прислалъ ему слѣдующее письмо, когда услышалъ, что 5000 пруссаковъ идутъ отнять у шведовъ обѣ крѣпостцы: „Не стрѣляйте, пока непріятель не подойдетъ ко рвамъ. Деритесь на валахъ штыками до послѣдней капли крови. Препоручаю васъ Провидѣнію!“ Крузе-Штолпе исполнилъ приказъ короля. Онъ палъ въ бою. Крѣпостцы были сданы тогда только, когда изъ 250 шведовъ осталось не болѣе ста человѣкъ.

Между тѣмъ громада союзныхъ войскъ облегла Стральзундъ. Осада вначалѣ шла медленно, хотя прусскій и датскій короли сами предводили войсками. Только въ октябрѣ открыли траншеи. Карлъ XII-й казался воскресшимъ при давно неслыханныхъ имъ свистѣ пуль и жужжаніи ядеръ. Не смотря на многочисленность осаждающихъ, онъ говорилъ, что ему даже любопытно видѣть, какъ непріятели возьмутъ Стральзундъ. Но какая храбрость устоитъ противъ опредѣленій судьбы неумолимой!

Первымъ несчастіемъ Карла XII го было взятіе внѣшняго ретраншамента, защищавшаго крѣпость. Онъ примыкалъ однимъ краемъ къ непроходимому болоту, а другимъ къ морю. Нечаянно узнавши, что при западномъ вѣтрѣ море у береговъ мелѣетъ, непріятели взошли въ ретраншаментъ, идя въ бродъ по морю, когда ложная аттака отвлекла вниманіе осажденныхъ. Отчаянное сопротивленіе не помогло. Могли только отбить аттаку на самую крѣпость, и 80 пушекъ ретраншамента были мгновенно обращены на Стральзундъ. Вторымъ бѣдствіемъ было взятіе острова Ругена. защищавшаго крѣпость съ моря. Ноября 15-го принцъ Ангальтъ вышелъ на берегъ острова съ 15,000-ми войска. Карлъ XII-й бросился туда самъ и напалъ на непріятеля, успѣвшаго окопаться рвомъ. Неожиданность и сила удара поколебали союзниковъ, но неравенство силъ было слишкомъ велико. Шведовъ отбили, стѣснили, окружили. Карлъ XII-й дрался въ ряду солдатъ, впереди всѣхъ, не думая о ранахъ и смерти. Другъ его и товарищъ неволи въ Демотикѣ, Гротузенъ палъ подлѣ него. Дюрингъ, сопровождавшій его въ возвратномъ пути изъ Турціи, легъ на трупы враговъ, защищая его. Непріятели узнали, окружили короля шведскаго. Датскій офицеръ пробился къ нему и схватилъ его за руку, крича: „Сдайтесь, государь!“ Король успѣлъ выхватить лѣвою рукою карманный пистолетъ и убилъ противника. Понятовскій, спасшій Карла XII-го подъ Полтавою и не хотѣвшій нигдѣ разлучаться съ нимъ, спасъ его и здѣсь еще разъ, сражаясь съ нимъ рядомъ. Почти насильно увлекъ онъ Карла XII-го и въ лодкѣ пере-

везъ его въ Стральзундъ, подъ градомъ пуль и ядеръ. Островъ Ругенъ былъ занятъ. Гибель была явная. Началось бомбардированіе. Пальба не умолкала день и ночь, бомбы сыпались въ городъ и ядра летѣли въ крѣпостные валы. Еще цѣлый мѣсяцъ защищался Карлъ XII-й, оказывая чудеса безстрашія и отваги, самъ ходя въ вылазки, стоя по цѣлымъ часамъ подъ градомъ ядеръ. Бомба упала въ домъ, имъ занимаемый, пробила потолокъ и лопнула въ комнатѣ подлѣ королевскаго кабинета. Король въ кабинетѣ своемъ диктовалъ въ ту минуту письмо. Разрушеніе, отъ коего задрожали стѣны, ужаснуло секретаря. Перо выпало изъ руки его. „Что ты?“ спросилъ его Карлъ XII-й, не перемѣняя своего положенія. Дрожащій секретарь могъ только выговорить: „Государь! бомба!“ „Она дѣлаетъ свое дѣло, а ты дѣлай свое“ — отвѣчалъ ему король — „пиши!“

На грудѣ развалинъ, среди разрушаемыхъ валовъ и изувѣченныхъ труповъ, Карлъ XII-й выдержалъ два страшные приступа. Непріятели готовились къ третьему. Карлъ XII-й не уступалъ. Тщетно слезы, мольбы и убѣжденія немногихъ, остававшихся въ живыхъ защитниковъ Стральзунда убѣждали его удалиться изъ крѣпости. Только мысль о томъ, что онъ могъ попасть въ плѣнъ, и что бѣгство изъ Стральзунда было опасно не менѣе пребыванія въ немъ, рѣшили Карла XII-го на побѣгъ. Море было усѣяно судами непріятельскими и съ Ругена день и ночь стерегли, чтобы не вышло какое-нибудь судно изъ Стральзунда. Выбрали небольшой ботъ, съ парусами и веслами, отобрали десять удалыхъ гребцовъ, проломали ледъ около берега для прохода, и 19-го декабря король шведскій простился съ вѣрными товарищами. Ночью ботъ пустился въ море на греблѣ. Непріятели замѣтили его, ударили тревогу, пустились въ погоню; съ береговъ загремѣли пушки — однимъ ядромъ съ Ругена сломило мачту на ботѣ, другимъ убило двухъ гребцовъ подлѣ Карла XII-го. Онъ спокойно сѣлъ за весло на мѣсто одного изъ нихъ, и темнота скрыла его отъ погони. Но надобно было переплыть море, бурное, гибельное осенью и зимою. Легко могли встрѣтиться въ морѣ съ непріятелемъ. Судьба еще берегла Карла XII-го. Шведскій корабль встрѣтилъ его и перевезъ благополучно на родной берегъ. Онъ вышелъ въ городкѣ Треллеборгѣ и увидѣлъ свою Швецію послѣ пятнадцатилѣтняго отсутствія. Какое грустное возвращеніе! Сколько событій въ сіи годы и что ожидало его въ будущемъ!

Стральзундъ сдался союзникамъ на другой день послѣ отъѣзда короля. Остатокъ шведскаго гарнизона объявленъ военноплѣннымъ.

Выходъ русскихъ кораблей въ море и участіе небольшого русскаго флота въ осадѣ Висмара составили все пособіе царя его союзникамъ, хотя ему хотѣлось участія болѣе дѣятельнаго. Мы видѣли, что тревога, причиненная возвращеніемъ Карла XII-го, и оскорбительное упрямство его, заставили союзниковъ царя забыть прежнія неудовольствія и они требовали помощи его. Царь немедленно велѣлъ корпусу войскъ Шереметева вступить

въ Польшу и идти въ Померанію. Но отношенія политическія мѣнялись мгновенно и безпрестанно. Враги царя снова успѣли возбудить въ союзникахъ непріязненныя противъ него чувства. Соображеніе дѣлъ подавало имъ надежду, что они управятся съ Карломъ XII-мъ и безъ пособія Россіи. Съ другой стороны, король Августъ изъявилъ величайшее неудовольствіе царю и имѣлъ на то причины основательныя.

Хотя уже не было никакого явнаго повода, но царь не выводилъ изъ Польши русскихъ войскъ, не отдавалъ Риги, спорилъ за Курляндію, и продолжая прежнюю политику, управлялъ Польшею. Король Августъ рѣшился поступать смѣлѣе. Подъ предлогомъ укрощенія мятежей, онъ усилилъ саксонское войско въ Польшѣ и насильственными мѣрами хотѣлъ утвердить власть свою. Волненія поляковъ превратились въ явный мятежъ. Въ ноябрѣ 1715 года образовалась противъ короля вооруженная конфедерація. Августъ послалъ противъ нея своихъ саксонцевъ. Конфедераты дрались съ ними, и къ досадѣ Августа, царь объявилъ, что не допуститъ посягательства на права и вольности польской рѣчи Посполитой. Объявленіе царя обрадовало противниковъ Августа, и когда Шереметевъ вступилъ съ войскомъ въ Польшу, Августъ употребилъ всѣ старанія внушить союзникамъ подозрѣнія и затруднить дальнѣйшій походъ Шереметева. Царь понялъ хитрость. Съ досадою писалъ онъ Шереметеву и Долгорукому, послу своему въ Варшавѣ: „Дивлюсь, какъ вы умъ потеряли, и на старости лѣтъ, будто дураки, даете водить себя за носъ какому нибудь плуту Флемингу, у котораго плутовство ремесломъ сдѣлалось, а хитрости плугъ и соха!“ Но пособить было невозможно, ибо Стральзундъ и безъ того готовъ былъ покориться. Зато русскія войска не вышли изъ Польши, а царь писалъ на жалобу короля Августа, что онъ самъ явится переговаривать съ нимъ и съ своими союзниками. Безпрерывно старался онъ доказывать имъ, что завоеваніемъ Помераніи невозможно будетъ принудить къ миру Карла XII-го и непремѣнно надобно предпринять высадку въ Швецію. Вслѣдствіе сего, говорилъ царь, оставляю я свои войска въ Польшѣ, дабы по первому знаку весною могли они идти въ походъ, а между тѣмъ просилъ онъ союзниковъ заботиться о заготовленіи продовольствія и выходѣ флотовъ въ море, сколько можно ранѣе весною 1716 года. Дѣло оставалось нерѣшеннымъ, когда января 27-го 1716 года царь, съ супругою и немногими приближенными, выѣхалъ изъ Петербурга, не смотря на приключившуюся ему тогда болѣзнь. Февраля 1-го былъ онъ въ Ригѣ. Въ Митавѣ распорядился онъ управленіемъ Курляндіи, и черезъ Кёнигсбергъ, прибылъ въ Данцигъ, гдѣ ожидалъ короля Августа, прося датскаго короля пріѣхать для свиданія въ Стральзундъ. „Я самъ поспѣшилъ бы въ Копенгагенъ,“ писалъ ему царь, „но болѣзнь препятствуетъ мнѣ пуститься въ столь дальній путь.“ Впрочемъ, еще изъ Риги царь увѣдомилъ Меншикова, что съ удаленіемъ отъ петербургскихъ хлопотъ онъ чувствуетъ себя гораздо лучше.

Изображая политическія и военныя событія 1714-го и 1715 годовъ, мы не говорили о разныхъ дѣлахъ, занимавшихъ въ сіи годы царя, и о частныхъ происшествіяхъ въ Россіи.

Царь обратилъ въ сіи два года особенное вниманіе на отношенія съ Азіею. Война зюнгорцовъ и койтайши ихъ съ китайцами и униженіе сихъ гордыхъ сосѣдей сильными врагами, давали ему надежду на обширное вліяніе Россіи въ дѣла средней Азіи. Занятый дѣлами въ Европѣ, царь отр пичивался однакожъ сношеніями и собраніемъ свѣдѣній. На другой годъ послѣ прибытія въ Петербургъ персидскаго посла явился хивинскій посланникъ. Царь отправилъ въ Персію посломъ Артемія Волынскаго и послалъ для переговоровъ въ Пекинъ агента своего Лоренца Ланга. Слухъ о песочномъ золотѣ, находимомъ въ закаспійскихъ степяхъ, подалъ царю мысль воспользоваться симъ открытіемъ. Сибирскому генералъ-губернатору велѣно было снарядить экспедицію изъ Тобольска въ Бухарію, построивъ крѣпость на Ямышевскомъ озерѣ. Князь Бековичъ-Черкасскій отправленъ былъ для обозрѣнія степей черезъ Каспійское море. Извѣстія, привезенныя имъ, побудили царя послать его вновь въ Хиву съ отрядомъ русскихъ войскъ. Набѣгъ нагайскихъ татаръ заставилъ царя принять строгія мѣры противъ сихъ хищниковъ. Черногорскій митрополитъ явился въ Петербургъ, съ просьбою царю вступиться въ несчастное состояніе единовѣрцевъ его въ турецкихъ областяхъ, обременяемымъ всякими бѣдствіями послѣ возстанія ихъ въ 1711 году. Не полагая надежды на дружбу съ императоромъ и венеціянами, и опытомъ извѣдавши трудность воевать противъ оттомановъ, когда всѣ усилія свои направлялъ на окончаніе войны съ Швеціею, царь ограничился изъявленіями митрополиту дружбы, отнюдь не желая подать повода къ разрыву съ султаномъ, и не обольщаясь побѣдами принца Евгенія, завоевавшаго въ 1717 г. Сербію и Валахію, когда напротивъ венеціане потеряли Морею. Потому царь довольствовался только жалобами крымскому хану на нагайцевъ, не преслѣдуя ихъ оружіемъ. Изъявляя черногорцамъ свое участіе, онъ отправилъ значительное количество денегъ и подарковъ въ Черногорію.

Царское семейство потерпѣло въ сіи годы многія потери. Въ 1715 году скончалась двухлѣтняя дочь царя Наталія, но его порадовало рожденіе внука, царевича Петра (12-го октября 1715 г.), впослѣдствіи бывшаго императоромъ. Внучка царя, царевна Наталія родилась въ 1714-мъ году. Къ прискорбію царя, черезъ десять дней по рожденіи сына скончалась мать новорожденнаго, супруга царевича Алексѣя, послѣ четырехъ-лѣтняго супружества, бывшаго цѣпью безпрерывныхъ скорбей и страданій. Царевичъ Алексѣй былъ виною тяжкой печали своему родителю. Царь обрадовался, когда октября 27-го 1715 года Богъ даровалъ ему сына. Онъ нарекъ его своимъ именемъ, Петръ, и въ восторгѣ писалъ Шереметеву: „Объявляю вамъ, что Богъ даровалъ мнѣ маленькаго рекрута,“ — „дай Богъ видѣть его въ полѣ подъ ружьемъ“ — прибавилъ онъ въ другомъ письмѣ, а въ третьемъ, къ морякамъ, назвалъ его „маленькимъ матросомъ.“ — Въ началѣ

1716 года скончалась вдова царя Θеодора Алексѣевича, царица Марѳа Матвѣевна, а въ іюнѣ того же года, родная по матери и любимая сестра царя, царевна Наталія Алексѣевна.

Особенную заботу царя составляли въ сіе время строеніе кораблей и устройство балтійскаго флота, необходимаго къ дальнѣйшему успѣху войны. Огромные корабли безпрестанно закладывались и спускались на воду въ Петербургѣ. „Товарищи!“ говорилъ царь, пируя съ своими сотрудниками при спускѣ корабля въ 1714 году, „кто изъ васъ за двадцать лѣтъ могъ сказать, что мы будемъ побѣждать непріятеля на Балтійскомъ морѣ, плавая въ корабляхъ, которые мы сами построили, или что мы поселимся здѣсь, увидимъ сильное войско, дѣятельную торговлю, ученіе въ нашемъ отечествѣ, и заставимъ уважать себя самыхъ просвѣщенныхъ народовъ? Науки и просвѣщеніе гости въ различныхъ странахъ. Они были нѣкогда жителями Греціи, перешли въ Европу, а теперь явились и у насъ. Молитесь и трудитесь! Вѣрю и предчувствую, что нѣкогда русскіе превзойдутъ другіе народы величіемъ подвиговъ и славою!“ Устройство Петербурга, гдѣ уже сосредоточивалась тогда вся государственная дѣятельность Россіи, можетъ быть, даже съ излишкомъ увлекало царя. Въ 1714 году въ Петербургѣ считалось уже до 35,000 домовъ и зданій, но царь все еще не былъ доволенъ. Онъ повелѣлъ, чтобы каждый помѣщикъ, имѣющій не менѣе 100 душъ, строилъ себѣ домъ въ Петербургѣ. Постройкою ихъ обязывались также купцы, фабриканты, чиновники. Въ 1714 послѣдовалъ указъ, коимъ каменщики изъ всѣхъ мѣстъ Россіи обращены были въ Петербургъ и во всей Россіи запрещено было строить, впредь до повелѣнія, какія либо каменныя зданія. Въ 1716 году было большое наводненіе, встревожившее жителей Петербурга. Царь не щадилъ вознагражденія разорившимся. Въ 1714 году отпуски за море русскихъ произведеній велѣно изъ Архангельска перевесть въ Петербургъ.

Великое огорченіе ощутилъ царь, когда открылись злоупотребленія по присутственнымъ мѣстамъ, и особливо по финансовой части, подрядамъ, откупамъ и поставкамъ. Лихоимство и корыстолюбіе увлекли въ преступленіи однихъ—другіе не смѣли, или не хотѣли открыть истины. Царь учредилъ особенную коммиссію и подвергъ суду и изслѣдованію всѣхъ виновныхъ, не щадя никого. Меншиковъ оказался первымъ преступникомъ. Кромѣ него подверглись гнѣву царя Брюсъ, Апраксинъ, Долгорукій. Только заслуги виновныхъ и необходимость сохранить ихъ на службу отечества, при чистосердечномъ раскаяніи, склонили царя къ помилованію. Но виноватые должны были внести все, что похитили въ казнѣ и присвоили себѣ беззаконно. Меншиковъ каялся царю даже во всѣхъ хищеніяхъ, какія производилъ онъ бывши за границею и начальствуя войсками въ Польшѣ и Помераніи. Желая удалить поводъ къ лихоимству, царь увеличилъ жалованье всѣмъ чиновникамъ, и тѣмъ строже опредѣлилъ наказанія каждому, кто и послѣ такихъ щедротъ его увлечется во взяточничество и мздоимство.

Жалѣя о заблужденіяхъ раскольниковъ, царь прекратилъ строгія мѣры, какія до того времени противъ нихъ принимались, и только поощрялъ ревность служителей церкви, обращавшихъ заблуждавшихся убѣжденіями и духомъ кротости. Изъ числа такихъ ревнителей особенно отличался Питиримъ, архимандритъ, а впослѣдствіи епископъ нижегородскій. Успѣхи проповѣди его возбудили зависть его собратій. Царь изъявилъ имъ гнѣвъ свой, даже повелѣлъ подвергать смертной казни и лишенію имѣнія всякаго, кто будетъ препятствовать апостольскому благочестію Питирима.

Видя, что никакія убѣжденія и милости не преклоняютъ многихъ помѣщиковъ къ участію въ просвѣщеніи и въ службѣ отечеству, царь рѣшился употреблять особенныя мѣры противъ коснѣвшихъ въ невѣжествѣ и укрывавшихся отъ службы. Повелѣно было отнимать помѣстья у всякаго, не являющагося на царскую службу, и отдавать ихъ тѣмъ, кто донесетъ на такихъ укрывающихся. Кромѣ того запрещено было дозволять жениться неграмотнымъ помѣщикамъ.

Въ 1714 году, въ день тезоименитства супруги своей, царь учредилъ въ честь ея особенный орденъ, названный имъ орденъ освобожденія, во имя св. мученицы Екатерины, отчего впослѣдствіи и названъ онъ былъ орденомъ св. Екатерины, съ утратою первоначальнаго названія. Какъ гросмейстеръ ордена, царица могла награждать имъ подвиги и заслуги особъ женскаго пола. Въ указѣ по сему случаю царь изъявилъ супругѣ своей благодарность за ея мужество подъ Прутомъ. Впрочемъ, при жизни царя никто не былъ награжденъ симъ орденомъ, и уже по кончинѣ его первыя получили его двѣ дочери Петра Великаго, великая княгиня Анна и великая княжна Елисавета.

Изъ учрежденій царя въ отношеніи торговли и промышленности особенно замѣчательны указы, коими запрещалось строеніе прежнихъ, неуклюжихъ судовъ по внутреннему судоходству, и приказано было строить ихъ по новымъ образцамъ. Велѣно прилагать стараніе о размноженіи посѣва и производства пеньки и льна. Юфть запрещено было выдѣлывать дегтемъ и приказано употреблять вмѣсто него ворванный жиръ. Что забывалъ великій? Упомянемъ, для примѣра, что тогда же запретилъ онъ безобразныя поминки и вытье по покойникамъ; не велѣлъ простолюдинамъ подбивать саповъ острыми гвоздями, которые портятъ полы въ домахъ, и приказалъ замѣнять ихъ плоскими скобками. Запрещено было бросать писаную бумагу, лоскутья бумажные, поношенное бѣлье, и велѣно собирать ихъ и доставлять на фабрики бумажныя. Что могло укрыться отъ всезрящаго взора и всеобъемлющаго ума великаго преобразителя Россіи?

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ IV.

Разсказъ девятнадцатый.

Царь на Балтійскомъ морѣ. Поѣздка въ Голландію и Францію. Переговоры съ Карломъ XII-мъ о мирѣ.

1716—1717.

Кто паче смертнаго себя въ нашъ вѣкъ прославилъ.
Четырьмя флотами сей мужъ на Бельтѣ правилъ.
Россія величай свою всехвальну часть—
У Марса отнялъ Петръ и у Нептуна власть.

Сумароковъ.

Въ Данцигѣ, куда прибылъ царь февраля 18-го, и гдѣ прожилъ онъ до 18-го апрѣля, начались его первые дипломатическіе переговоры съ союзниками. Сюда пріѣхали король Августъ, посланники датскій и прусскій, герцогъ мекленбургскій, многіе изъ польскихъ вельможъ, послы царскіе, находившіеся при разныхъ дворахъ. Царь пріѣхалъ въ Данцигъ поутру въ воскресенье, и удивился, что на улицахъ встрѣчаетъ мало народа. Ему сказали, что набожные жители данцигскіе находятся у обѣдни. Услышавъ о томъ, царь подъѣхалъ къ соборной церкви, и отпустя свиту свою въ приготовленный для него домъ, вошелъ въ церковь, тихо сѣлъ подлѣ бургомистра и внимательно слушалъ проповѣдь. Чувствуя, что въ церкви довольно холодно и сыро, онъ молча протянулъ руку, снялъ съ бургомистра его огромный, напудренный парикъ и надѣлъ на свою голову. Несчастный правитель Данцига поблѣднѣлъ, не понимая, что значитъ странный поступокъ царя. Послѣ обѣдни царь возвратилъ бѣдняку свое похищеніе и сказалъ: „благодарю. Я боялся простудить голову и для этого взялъ твой парикъ". Непринужденность въ обращеніи со всѣми окружавшими его объяснила поступокъ, изумившій всѣхъ присутствующихъ въ церкви.

Слѣдствіемъ свиданія съ королемъ Августомъ и польскими вельможами было рѣшеніе, что обѣ стороны принимаютъ посредничество царя въ своихъ несогласіяхъ. Августъ видѣлъ, что ему нельзя многаго надѣяться отъ такого посредника, но не имѣя средствъ противиться, онъ принужденъ былъ на все согласиться, и даже показывать веселый видъ при начавшихся празднествахъ, по случаю свадьбы герцога мекленбургскаго съ племянницею царя, сестрою герцогини курляндской, Екатериною Іоанновною. Торжественно совершился апрѣля 8-го сей бракъ — неблагословенный Провидѣніемъ. Женихъ, какъ мы уже говорили, развелся съ первою своею супругою, и искалъ руки царской племянницы, надѣясь найти въ царѣ сильнаго покровителя въ безпрестанныхъ распряхъ своихъ съ мекленбургскимъ дворянствомъ. При договорѣ, заключенномъ въ Петербургѣ, 11-го января, царь обѣщался доставить герцогу владѣніе Висмаромъ послѣ отнятія его у шведовъ. Онъ имѣлъ свои виды въ семъ обѣщаніи: по отдачѣ Висмара герцогу русскіе могли находить удобный портъ на южномъ берегу Балтійскаго моря, когда родство съ герцогомъ было средствомъ царю по дѣламъ Мекленбурга вступаться въ дѣла Германіи. Племянница царя, некрасивая собою и тучная, недолго ужилась со своимъ супругомъ, не терпѣвшимъ ея, и удалилась въ Россію, ибо не могла переносить его сварливаго и бѣшенаго нрава. Несчастнымъ плодомъ сего супружества была принцесса Анна Леопольдовна, сынъ коей, Іоаннъ Антоновичъ, впослѣдствіи на время оттѣснилъ съ россійскаго престола законныхъ наслѣдниковъ, потомковъ Петра Великаго, и представилъ плачевный примѣръ злополучія на тронѣ.

Съ Пруссіею подтвердили здѣсь договоръ, заключенный въ Ригѣ въ февралѣ мѣсяцѣ, коимъ царь обязывался доставить для осады Висмара 100,000 русскаго войска. Войска сіи шли изъ Польши и были на пути осмотрѣны царемъ. Начальство надъ ними поручено было князю Рѣпину.

Король Августъ не смѣлъ противорѣчить, когда царь изъявилъ негодованіе правителямъ Данцига, вопреки его волѣ не прерывавшимъ сношеній и торговли съ Швеціею. Онъ требовалъ не только прекращенія всѣхъ сношеній съ непріятелемъ, но высылки каперовъ, допущенія русскаго коммисара для осмотра купеческихъ судовъ, посылки транспортныхъ судовъ для предполагаемой высадки въ Швецію, и за ослушаніе налагалъ штрафъ въ 150,000 рейхсталеровъ. Напрасно отговаривались данцигскіе бургомистры. Царь поѣхалъ осматривать свою эскадру въ Либаву, воротился съ нею въ Данцигъ и грозно объявилъ о немедленномъ исполненіи. „Я вылечу ихъ отъ упрямства желѣзными пилюлями“, говорилъ царь, указывая на заряженныя пушки своихъ кораблей. Надлежало согласиться. Августъ пировалъ на царской галерѣ, когда бургомистры явились къ своему неумолимому гостю. Царь казался повелителемъ Данцига, а не король польскій, въ сопровожденіи царскаго посла отправившійся на сеймъ въ Польшу, поневолѣ мириться съ панами польскими.

Изъ Данцига царь поѣхалъ въ Штетинъ. Здѣсь ожидалъ его король прусскій. Монархи смотрѣли русскія и прусскія войска. Угождая королю и зная страсть его къ великорослымъ солдатамъ, царь подарилъ ему сотню отборныхъ великановъ, выбранныхъ изъ русскихъ гренадеровъ. Король принялъ ихъ съ восторгомъ и всѣхъ опредѣлилъ въ свою гвардію. Висмаръ сдался союзникамъ апрѣля 7-го. Царь посѣтилъ завоеванный городъ. Здѣсь возникло неудовольствіе, ибо датчане не впускали участка русскаго войска въ висмарскій гарнизонъ. Царь скрылъ неудовольствіе, и не побоялся дальняго объѣзда, когда король датскій объявилъ, что назначаетъ мѣстомъ свиданія съ нимъ Гамбургъ и Альтону. Послѣ краткаго пребыванія у герцога мекленбургскаго, 17 мая прибылъ царь въ Гамбургъ. Въ теченіе недѣли велъ онъ переговоры съ датскимъ королемъ, и получилъ совершенное согласіе его на немедленную высадку въ Швецію. Положено было, что войско русское перевезено будетъ моремъ изъ Помераніи въ Данію, гдѣ соединится съ датскимъ войскомъ, и на эскадрахъ англійской, голландской, датской и русской перевезено будетъ на шведскіе берега. Царь самъ принималъ начальство надъ союзнымъ флотомъ и датскимъ войскомъ, обязываваясь кромѣ того отвлекать непріятеля нападеніемъ на Остеръ-Ботнію и высадкою къ Стокгольму. Датчане должны были снабдить войско и флотъ припасами. Король датскій согласился на отдачу Висмара мекленбургскому герцогу. Царь писалъ о взаимныхъ условіяхъ королю Георгу, устраняя отъ участія въ высадкѣ въ Швецію прусскаго короля.

Не столько убѣжденія царя, сколько дѣла Карла XII-го принуждали датскаго короля соглашаться на предложеніе высадки. Потеря Стральзунда и бѣдственная защита его, гдѣ погублены были остальныя лучшія войска шведскія, не вразумили Карла XII-го. Онъ не думалъ предлагать мира, готовился воевать, не поѣхалъ въ Стокгольмъ, какъ будто хотѣлъ явиться туда только послѣ побѣды, и прислалъ сенату шведскому строгія повелѣнія набирать войско и собирать деньги. Съ сестрою своею Ульрикою Элеонорою видѣлся онъ въ замкѣ на берегахъ озера Веттера. Ни она и никто другой не смѣли ему противорѣчить, даже сказать что-либо. Велѣно было брать въ военную службу 15-ти лѣтнихъ мальчиковъ. Во многихъ мѣстахъ Швеціи оставались только старики и дѣти, и женщины отправляли полевыя работы. Купеческіе корабли насильно обращали въ военные для усиленія шведскаго флота. Приказано было пересчитать всѣ запасы хлѣба въ Швеціи и отбирать въ королевскую казну половину запаса у каждаго изъ частныхъ людей. Наложены были новыя тягостныя подати. И все безмолвно повиновалось Карлу XII-му. Ни ропотъ, ни жалоба не излетали изъ груди вѣрныхъ подданныхъ. Видѣли Божіе наказаніе въ дѣлахъ короля и не упрекали его. Мальчики, едва владѣвшіе ружьемъ, оживлялись мужествомъ при одномъ взглядѣ, при одномъ словѣ своего короля. Карлъ XII-й слышалъ о приготовленіяхъ союзниковъ, но какъ будто вовсе не думая объ угрожавшей опасности, началъ войну наступательную. Укрѣпивъ берега Скапіи и оградивъ ихъ войскомъ,

съ 20,000-ми человѣкъ вступилъ онъ въ Норвегію. Несмотря на затруднительные переходы, шведы достигли Христіаніи и блокировали крѣпости Фридрихштадтъ и Фридрихсгаллъ. Надлежало укротить неукротимаго Карла XII-го, и предложеніе царя было принято Даніею.

Изъ Гамбурга послалъ царь повелѣніе Шереметеву идти изъ Польши въ Померанію, а русскимъ кораблямъ плыть изъ Ревеля и Кронштадта въ Данію. Пользуясь промежуткомъ времени, онъ отправился въ Пирмонтъ, ибо медики совѣтовали ему употреблять тамошнія воды для поправленія его разстроеннаго здоровья.

Въ Пирмонтѣ прожилъ царь до 20-го іюня, не оставляя разнообразныхъ дѣлъ своихъ. Прежде посѣщая чужеземныя государства, онъ искалъ только полезнаго, а теперь могъ уже думать и объ изящномъ. Путешествіе его за границу въ 1716 и 1717 гг. отличалось отъ перваго путешествія и поѣздокъ въ 1711 и 1713 гг. тѣмъ, что, посѣщая мастерскія ремесленниковъ, еще болѣе посѣщалъ онъ художниковъ и особенно искалъ бесѣды съ людьми учеными. Въ Кенигсбергѣ встрѣтилъ царь ѣдущаго въ Россію, нанятаго въ Парижѣ архитектора, ваятеля и литейщика, графа Растрелли, и былъ доволенъ бесѣдою съ нимъ. Растрелли опредѣлено было жалованье по 1500 р. Въ Пирмонтѣ явился къ царю нанятой въ Парижѣ архитекторъ Леблонъ. Царь не пожалѣлъ дать ему 5000 рублей ежегоднаго жалованья. Леблонъ очаровалъ царя своими разговорами. „Его можно назвать диковинкою по его знаніямъ, и сколько могъ я замѣтить, онъ трудолюбивый, добрый и умный человѣкъ“, писалъ объ немъ царь. Леблонъ наименованъ былъ генералъ-архитекторомъ и ему поручили всѣ строенія въ Петербургѣ. Кажется, что царь менѣе оцѣнилъ Растрелли, человѣка геніальнаго, украсившаго Петербургъ и Москву превосходными произведеніями ваянія и зодчества; ему обязаны мы Зимнимъ, Царско-Сельскимъ, Петергофскимъ и Стрѣлинскимъ дворцами, церковью Смольнаго монастыря, церковью Петропавловскаго собора и куполомъ московскаго Воскресенскаго монастыря. Въ Пирмонтѣ познакомился съ царемъ и часто бесѣдовалъ великій Лейбницъ, диво своего вѣка, математикъ и философъ, историкъ и филологъ. Царь совѣтовался съ нимъ объ устройствѣ государства, слушалъ его сужденія обо всѣхъ предметахъ человѣческихъ знаній и звалъ его въ Россію. Лейбницъ не могъ согласиться. Царь опредѣлилъ ему пенсію и просилъ вести съ нимъ переписку. Лейбницъ всегда съ восторгомъ говаривалъ о царѣ. Mirabar in tanto principe non ta tum humanitatem, sed et notitium rerum et juditium acre, писалъ объ немъ Лейбницъ.

Но мирныя занятія надлежало смѣнить бранными тревогами. Царь радостно поспѣшилъ на поприще битвъ, гдѣ флотомъ и войскомъ, еще разъ въ виду Европы, онъ хотѣлъ сразиться съ соперникомъ, девять лѣтъ возмущавшимъ его спокойствіе, побѣжденнымъ на долинахъ Малороссіи, встрѣтившимъ его опять въ степяхъ Бессарабіи и теперь ожидавшимъ его на рубежахъ своей родной земли. Какой рядъ событій въ шестнадцать лѣтъ, съ

тѣхъ поръ, когда Карлъ XII-й, побѣдитель Даніи, громилъ русскихъ на ингерманландскихъ берегахъ, какой рядъ событій провелъ чуднымъ путемъ царя къ берегамъ Швеціи, съ флогомъ русскимъ, англійскимъ, голландскимъ и датскимъ!

Походъ Карла XII-го въ Норвегію былъ неудаченъ. Недостатокъ продовольствія и трудность войны среди дикихъ скалъ, лѣсовъ и болотъ Норвегіи, при возможности везти тяжелую артиллерію, когда Карлъ XII-й увѣрился наконецъ въ дѣйствительности угрожавшей ему высадки союзниковъ въ Швецію, заставилъ его воротиться, съ потерею 4000 человѣкъ, погибшихъ болѣе отъ трудностей похода и недостатковъ, нежели отъ битвъ, ибо датчане заперлись въ крѣпостяхъ и почти не сражались, хотя флотъ ихъ находился у норвежскихъ береговъ и войско датское перевезено было въ Норвегію. Карлъ XII-й учредилъ главную квартиру свою въ Лундѣ. Всегдашняя дѣятельность его была изумительна при видѣ опасности и одушевила всѣхъ: 40,000 человѣкъ, худо вооруженныхъ, полуголодныхъ, но готовыхъ умереть и предводимыхъ Карломъ XII-мъ, составили ограду Швеціи. Но противъ нихъ былъ русскій царь. Казалось, послѣдняя борьба Петра и Карла должна была представить Европѣ великое явленіе, прибавить яркую страницу въ жизни того и другого. Не такъ рѣшила судьба. Мелкая интрига связала руки двухъ исполиновъ.

Кромѣ всегда медленнаго и нестройнаго хода дѣлъ тамъ, гдѣ рѣшеніе зависитъ отъ многихъ участниковъ въ дѣлѣ и гдѣ сталкиваются разные своекорыстные разсчеты, безуспѣшное возвращеніе Карла XII-го изъ Норвегіи особенно ободрило датчанъ. Англія и Голландія не видѣли большихъ выгодъ въ отягченіи судьбы короля шведскаго Царь не довѣрялъ своимъ союзникамъ. Наконецъ новое недоумѣніе открылось между всѣми союзниками, какъ увидимъ далѣе, и—не безъ причины. Все довело къ тому, что предпріятіе, столько лѣтъ готовимое царемъ, коего, казалось, онъ достигъ уже послѣ столькихъ препятствій, кончилось сборами и раздоромъ воюющихъ державъ.

Черезъ Шверинъ царь прибылъ въ Ростокъ и праздновалъ здѣсь память полтавской побѣды съ герцогомъ мекленбургскимъ, Шереметевымъ и Вейде, осматривая свое войско и русскія галеры. Отсюда отправился онъ на легкомъ гукорѣ въ Копенгагенъ, но слыша что въ морѣ крейсируютъ непріятельскіе корабли, остановился у острова Фальстера, дожидаясь прихода нѣсколскихъ галеръ своихъ. Іюля 5-го загремѣли привѣтомъ великому посѣтителю пушки съ копенгагенской крѣпости. Король датскій выѣхалъ навстрѣчу ему. Войско датское стояло въ строю. Царь остановился у знакомаго купца Эттингера. Іюля 12-го выѣзжалъ онъ навстрѣчу своей супругѣ, съ королемъ и дворомъ его. У короля былъ въ сей день столъ, и при окончаніи его осушивъ драгоцѣнный золотой бокалъ за здоровье царицы, король просилъ ее принять бокалъ на память.

Среди пировъ, увеселеній и изъявленій дружества царь скоро замѣтилъ охлажденіе датскаго правительства къ предположенному дѣлу. Главнымъ руководителемъ интриги противъ него является ганноверскій министръ, графъ Бернсторфъ, урожденный мекленбургецъ, не скрывавшій ненависти къ царю за союзъ его съ мекленбургскимъ герцогомъ. Отправивъ эскадры англійскую и голландскую по требованію царя, король Георгъ поручилъ управленіе дѣломъ Бернсторфу. Іюля 17-го пришли остальные русскіе корабли. Англійская и голландская эскадры уже давно были готовы. Ждали датской эскадры, медлившей у норвежскихъ береговъ. Царь рѣшился между тѣмъ осмотрѣть шведскій берегъ, и на трехъ шнявахъ плылъ около шведскаго прибрежья отъ Гельзинборга до Карлскроны. Іюля 27 всѣ моряки пировали на кораблѣ царскомъ въ память Гангудской битвы. Наконецъ явился датскій флотъ. Царь спѣшилъ перевозомъ войскъ изъ Помераніи, а между тѣмъ положено было выйти въ море, и для очищенія его отъ шведскихъ кораблей идти до острова Борнгольма. Возникло недоразумѣніе о томъ, кто долженъ принять начальство надъ соединеннымъ флотомъ союзниковъ. Ни датскій, ни англійскій адмиралы не хотѣли уступить сей чести. Англійскій адмиралъ первый предложилъ, что ради высокаго званія начальство должно предоставить Е. Ц. В., русскому царю, столь знаменитому своими познаніями въ морской службѣ. Предложеніе принято всѣми единодушно. Адмиралы съѣхались на корабль царскій и просили великаго повелителя своего удостоить ихъ чести начальства, согласясь на общее предложеніе. Августа 5-го на кораблѣ Ингерманландѣ возвѣялся царскій штандартъ при громѣ пушекъ со всего флота, состоявшаго изъ 26-ти русскихъ, 19-ти датскихъ, 19-ти англійскихъ и 25-ти голландскихъ, а всего 89 кораблей. Англійскими кораблями командовалъ адмиралъ Норрисъ, голландскими Граве, датскими Гилденлеве; на русскомъ флотѣ были командирами Сиверсъ и Шельтингъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Петра Михайлова. Можно вообразить себѣ наслажденіе царя, когда онъ видѣлъ грозныя силы морскія и лучшіе европейскіе флоты подъ своимъ начальствомъ, особенно, когда послѣ примѣрныхъ маневровъ, гдѣ каждый старался отличиться искусствомъ, по общему признанію русскіе моряки не уступили никому изъ своихъ товарищей. Какого отца не радуетъ похвала его дѣтямъ, а флотъ русскій былъ любимое дитя великаго царя, имъ созданный, имъ возведенный на столь высокую степень совершенства!

Знаменитое для русскаго флота событіе ознаменовалъ царь медалью, на коей былъ изображенъ Нептунъ, ѣдущій въ колесницѣ и держащій четыре флага, съ надписью: владычествуетъ четырьмя—при Борнгольмѣ.

Между тѣмъ время проходило, и безплодныя почести не могли удовлетворить царя. Онъ самъ отправился въ Стральзундъ, желая поспѣшить перевозомъ войскъ. Комендантъ стральзундскій долго разговаривалъ съ своимъ гостемъ, пока съ удивленіемъ не узналъ, что видитъ передъ собою царя русскаго. Царь возвратился на флотъ, и безпрестанно былъ оскорбляемъ непослушаніемъ, медленностью и спорами датчанъ. „Богъ вѣдаетъ, что за

мученье съ ними“, писалъ онъ Апраксину. „Самое надобное время пропускаютъ и какъ будто чужое дѣло дѣлаютъ“.

Они не хотѣли ничего дѣлать. Царь возвратился въ Копенгагенъ, занимался обозрѣніемъ датскихъ береговъ, осматривалъ столицу датскую, посѣщалъ ея заведенія, и только 29 августа дождался перваго отряда войскъ своихъ. Сентября 4-го пришелъ послѣдній отрядъ, но царь уже видѣлъ тогда, что предпріятіе совершенно разрушилось. Подъ непріятельскими выстрѣлами, такъ что однимъ изъ нихъ повредило оснастку корабля, на коемъ былъ царь, еще разъ осмотрѣлъ онъ шведскій берегъ и убѣдился въ сильномъ укрѣпленіи его. Казаки сошли на берегъ и добыли языка, напавши на шведскій караулъ ночью. Показанія плѣнныхъ убѣдили царя, что Карлъ XII-й возбудилъ мужество своего войска. Онъ опредѣлилъ, что если нельзя будетъ отразить выхода непріятельскаго на берегъ, то отступая, шведы должны все жечь, уничтожать и истреблять. Когда прибыло русское войско, оказалось, что у датчанъ нѣтъ въ сборѣ хлѣба и никакихъ другихъ запасовъ. Царь не удержалъ своего гнѣва и негодованія. Сентября 1-го на общемъ совѣтѣ флотскомъ опредѣлено, что за упущеніемъ времени и неимѣніемъ запасовъ высадку слѣдуетъ отложить до навигаціи будущаго года. Царь сообщилъ рѣшеніе датскому королю и оскорбился его неловкою хитростью: желая прикрыть свое вѣроломство и обвинить во всемъ царя, король и Бернсторфъ заспорили, утверждали, что высадку откладывать не должно, и царь принужденъ былъ опровергать ихъ мнѣніе. Ему говорили, что береговыя укрѣпленія шведскія неважны. — „Поѣдемъ и посмотримъ — я ужъ видѣлъ ихъ и готовъ еще разъ прогуляться съ вами подъ шведскими ядрами“, отвѣчалъ царь. На возраженіе, что запасы найдутся у шведовъ, царь отвѣчалъ, что „на шведскомъ берегу столъ накрытъ, но за нимъ сидятъ 40,000 хозяевъ, которые не допустятъ незваныхъ гостей обѣдать, пока гости не выгонятъ ихъ“. На расположеніе войскъ въ землянкахъ при осадѣ шведскихъ крѣпостей царь замѣтилъ, что „тѣмъ погубятъ людей хуже всякой баталіи. „Датчане обѣщали подвозъ хлѣба. „Благодарю“, говорилъ царь, „давно уже слышу такія обѣщанія и вѣрю имъ, да жаль, что солдатъ обѣщаніями сытъ не бываетъ и солдатскій желудокъ требуетъ готовыхъ магазиновъ“.

Споры разгорячались. Дошло до того, что датчане изъявили опасеніе противъ царя и войскъ его, и просили защиты англичанъ и голландцевъ на случай непріязненнаго покушенія царя, когда въ пылу негодованія онъ сказалъ, что „съ 25,000 войска и 25 кораблями не побоится онъ всей Даніи съ ея флотомъ и войскомъ, и что ему стоитъ только протянуть руку черезъ Зундъ, то Карлъ XII-й напомнитъ Даніи Травендаль“. Царь прожилъ однакожъ ва Копенгагенѣ до 16-го октября. Король датскій наконецъ согласился съ нимъ. Высадку отложили. Положено было русскому войску возвратиться въ Померанію. Начаты переговоры о высадкѣ на слѣдующій годъ, хотя и царь и король были увѣрены, что объ ней думать болѣе нечего. Царь при себѣ отправилъ войска свои обратно, угостилъ на флотѣ моряковъ, дружески

простился съ ними при повтореніи тостовъ на вѣчную дружбу, отпустилъ свой флотъ въ Ревель и еще нѣсколько дней прожилъ въ Копенгагенѣ. Время посвящено было прощальному веселью. Всѣ разстались, повидимому, друзьями. Черезъ городъ Рескіельдъ и проливъ Бельтскій царь достигъ Фридрихштадта, осмотрѣлъ тамошнюю крѣпость и октября 3-го прибылъ въ Любекъ. Всюду встрѣчали его съ почестями и пушечною пальбою; чиновники и жители выходили навстрѣчу ему. Онъ проѣхалъ въ Померанію. Можно было полагать, что отсюда поспѣшитъ онъ въ Россію, тѣмъ болѣе, что его поразило въ то время горестное событіе въ его семействѣ. Но царь продолжалъ путь свой въ Пруссію, оставивъ царицу въ Шверинѣ. Въ Гавельсбергѣ ожидалъ его король прусскій. „Кризисъ политической лихорадки ранѣе весны послѣдовать не можетъ“, писалъ царь Апраксину, „но здѣсь небезполезно однакожъ провелъ я нѣсколько дней“. Только здѣсь неожиданно узнали, что царь намѣренъ посѣтить Голландію и останется тамъ на всю зиму. Передъ отъѣздомъ его король прусскій подарилъ ему богатый янтарный кабинетъ. Царь поплылъ по Эльбѣ, останавливался въ Бойценбургѣ, гдѣ находился тогда Шереметевъ, и 20-го ноября прибылъ въ Альтону. Съ Гамбургомъ шли тогда переговоры о выдачѣ измѣнника Войнаровскаго, племянника Мазепы. Старый гетманъ назначалъ его своимъ преемникомъ, отправилъ его путешествіемъ за границу, и Войнаровскій, умный и прекрасный собою, отличался образованіемъ. Вмѣстѣ съ Мазепою бѣжалъ онъ въ Турцію и по смерти дяди наслѣдовалъ его остальныя богатства. Онъ ссудилъ тогда Карлу XII-му въ займы болѣе 200 тысячъ талеровъ, награжденъ былъ чиномъ полковника, и подъ именемъ графа Войнаровскаго путешествовалъ по Европѣ, вездѣ принятый въ лучшемъ обществѣ. Слыша, что онъ находится въ Гамбургѣ и собирается отсюда ѣхать въ Швецію, царь потребовалъ выдачи бѣглеца, и Войнаровскій былъ ему выданъ правителями Гамбурга. По повелѣнію царя, измѣнника увезли въ Якутскъ и онъ умеръ тамъ въ ссылкѣ. Академикъ Миллеръ видѣлъ его въ Якутскѣ лѣтъ черезъ двадцать послѣ его отправленія изъ Россіи. Войнаровскій уже одичалъ тогда въ лѣсахъ сибирскихъ, и въ немъ нельзя было замѣтить никакихъ слѣдовъ его прежняго образованія.

Довольный послушаніемъ гамбургцевъ, царь согласился дать имъ разныя льготы по торговлѣ, посѣтилъ Гамбургъ и проѣхалъ въ Бременъ, гдѣ встрѣтили его большимъ торжествомъ. На щитѣ горѣла надпись: Избавитель нашъ посѣтилъ насъ. Ноября 30-го царь вступилъ въ предѣлы Голландіи. Его ожидалъ посолъ его въ Гагѣ, князь Куракинъ. Осмотрѣвши амерсфортскія табачныя фабрики, царь безъ свиты поѣхалъ далѣе, черезъ Утрехтъ и Нимвегенъ, гдѣ случилось съ нимъ забавное приключеніе. Остановясь въ простомъ трактирѣ, онъ ночевалъ, и изумился, когда на другой день, за легкій ужинъ и ночлегъ, трактирщикъ потребовалъ съ него 100 червонцевъ. „Любезный другъ!“ сказалъ ему царь ласково, „мы съѣли у тебя яичницу и кусокъ сыра — неужели яйца у васъ такъ дороги?“—„Не яйца дороги, а цари, которые скрытно путешествуютъ“, отвѣчалъ, смѣясь трактирщикъ. „Я

заплатилъ бы тысячу червонцевъ, если бы я былъ русскій царь, хотя ихъ съ меня потребовали бы за одно яичко". Царь велѣлъ выдать ему деньги. Декабря 6-го прибылъ царь въ Амстердамъ. На другой день пріѣхала его свита, состоявшая изъ канцлера Головкина, вице-канцлера Шафирова, князя В. Л. Долгорукаго, П. А. Толстаго, князя Куракина, И. И. Бутурлина и гофмаршала Шепелева. Штаты прислали депутацію поздравить царя. Онъ расположился въ Голландіи на всю зиму.

Правда, ему можно было пожелать увидѣть еще разъ достопамятности Голландіи и взглянуть на нихъ опытнымъ взоромъ знатока. Могло быть утѣшительно ему явиться великимъ монархомъ, побѣдителемъ и героемъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ за 20 лѣтъ прежде видѣли его юношею, пламеннымъ на ученье, матросомъ, плотникомъ, Питеромъ басомъ, но нѣтъ сомнѣнія, что болѣе важныя соображенія были причиною путешествія царя. Можемъ угадывать ихъ. Мы упоминали, что къ прежнимъ причинамъ неудовольствій между союзниками присоединилось въ 1716 году еще новое недоумѣніе. Объясняемъ его.

Мы говорили о баронѣ Герцѣ, министрѣ голштинскомъ, и его смѣлой, хитрой политикѣ. Дополняя изображеніе сего дипломата, приведемъ здѣсь слова Вольтера: „никто не могъ быть гибче, отважнѣе, обильнѣе на средства въ затрудненіи, обширнѣе въ замыслѣ предпріятій, дѣятельнѣе въ ихъ исполненіи. Никакой проектъ не страшилъ Герца, никакое средство не казалось ему недостойнымъ вниманія, и равно расточалъ онъ подарки, обѣщанія, клятвы, истину и ложь. Онъ объѣздилъ Швецію, Францію, Англію, Голландію, всюду испытывая пружины огромной машины, которую хотѣлъ привесть въ движеніе. Онъ былъ способенъ столкнуть съ мѣста ветхую Европу и таилъ обширный замыслъ. Что Карлъ XII-й былъ среди своего войска, то Герцъ былъ въ дипломатическомъ кабинетѣ, и неудивительно, что онъ пріобрѣлъ надъ Карломъ XII-мъ такую власть, какой не пріобрѣталъ ни одинъ изъ его прежнихъ министровъ". По возвращеніи Карла XII-го изъ Турціи Герцъ немедленно явился къ нему, и скоро умѣлъ увлечь, обольстить, ослѣпить его своими смѣлыми планами и овладѣть умомъ его. „Герцъ", говорилъ Гейеръ, „былъ созданъ для обширныхъ проектовъ, хотя и не для великихъ дѣлъ, столько же неистощимый на средства, сколько неразборчивый на выборъ ихъ, умъ обширный, рожденный для пособій въ трудное время, и именно такой человѣкъ былъ надобенъ, дабы овладѣть умомъ Карла XII-го". Увлекаемый духомъ брани, Карлъ XII-й не покорялся Герцу, пока неудачи въ Стральзундѣ и въ Норвегіи не образумили его. Всѣ замѣтили, что онъ сдѣлался съ тѣхъ поръ нерѣшителенъ, недовѣрчивъ къ самому себѣ. Герцъ явился къ нему, какъ демонъ интриги. Излагая финансовыя мѣры, спасительныя въ бѣдственномъ положеніи Швеціи, онъ изумилъ Карла XII-го открытіемъ плана, какой основалъ на личномъ изученіи современной европейской политики. Планъ сей заключался въ слѣдующемъ: утрехтскій и раштадтскій трактаты измѣнили отношенія европейскихъ государей, унизили мо-

гущество Франціи, усилили императора пріобрѣтеніями въ Италіи и Нидерландахъ, и лишили Испанію власти ея въ Италіи, передавши Сицилію герцогу савойскому. Испанія, управляемая хитрымъ кардиналомъ Алберони, хотѣла въ одно время возстановить власть свою въ Италіи и обладать Франціею, гдѣ властвовали тогда развратный Дюбуа и безразсудный регентъ королевства, именемъ малолѣтняго короля Людовика XV-го. Испанія (или лучше сказать Алберони) готова была воспользоваться войною императора съ турками, но ее страшила Англія. Положеніе короля Георга было затруднительно, ибо множество приверженцевъ претендента на великобританскій престолъ, потомка Стюартовъ, страшили его, когда Англія не терпѣла его, нѣмца, чуждаго ей по характеру и образованію. Герцъ умѣлъ оцѣнить высокій умъ и предпріимчивость царя. Только въ немъ онъ видѣлъ государя, достойнаго быть не врагомъ, но другомъ Карла XII-го. Алберони уже составилъ тогда свой тайный заговоръ во Франціи противъ регента. Герцъ переговорилъ съ нимъ и съ приверженцами Стюартовъ въ Англіи и Голландіи. Они не сомнѣвались, что за уступку Ливоніи, Эстоніи и Ингерманландіи, царь согласится замѣнить въ Польшѣ ничтожнаго Августа Станиславомъ. Положили, что Карлъ XII-й примирится съ царемъ, заключитъ съ нимъ дружескій союзъ, и въ одно время Испанія, Франція, по низверженіи регента и объявленіи опекуномъ королевскимъ короля испанскаго, Швеція, Польша и Россія объявятъ войну императору, Англіи и Даніи. Полагали оставить Пруссію нейтральною, и въ одно время испанцамъ войти въ Италію, французамъ въ Нидерланды, русскимъ въ Норвегію и Данію. Карлъ XII-й долженъ былъ принять начальство надъ войскомъ, которое будетъ перевезено въ Шотландію, возстановитъ тамъ потомка Стюартовъ и низвергнетъ короля Георга. Такой проектъ могъ увлечь Карла XII-го. Сколько битвъ представлялъ онъ въ будущемъ, и сколько надобно было смѣлости и отваги совершить его! Всего труднѣе было убѣдить короля шведскаго на миръ съ царемъ, но однажды убѣдившись, что миръ сей не унизитъ его, Карлъ XII-й горячо устремился къ исполненію плана, который могъ уничтожить всѣхъ враговъ его и дѣлалъ его рѣшителемъ судебъ Европы. Герцъ, перешедшій въ службу шведскую, возведенъ былъ въ достоинство перваго министра королевскаго и получилъ неограниченное полномочіе отъ короля. Надлежало передать мысль герцога царю.

Не смѣемъ думать, чтобы царь вполнѣ одобрилъ и принялъ планъ Герца, но всѣ подробности, и самыя послѣдовавшія потомъ событія, заставляютъ насъ угадывать, что царь не отвергъ его. Миръ съ Швеціею укрѣплялъ ему всѣ его завоеванія. Дружба Карла XII-го, достоинствъ коего не могъ онъ не сознать, льстила его самолюбію. Герцога англійскаго, Августа польскаго и Фридриха датскаго не могъ онъ не презирать, не могъ и не питать къ нимъ тайной непріязни. Съ императоромъ была у него постоянная холодность. Чего не могла выиграть Россія при новомъ порядкѣ дѣлъ, когда царь являлся рѣшителемъ судебъ Европы, управляя посредствомъ

Герца волею и мечемъ Карла XII-го? Герцъ предлагалъ царю укрѣпить могущество Россіи супружествомъ одной изъ дочерей его съ испанскимъ принцемъ, другой съ королемъ французскимъ, третьей съ наслѣдникомъ шведскаго престола. Соглашаясь на всѣ сіи предположенія, какъ глубокій политикъ, царъ не увлекся однакожъ краснорѣчіемъ предпріимчиваго министра шведскаго, и не только не допустилъ къ себѣ Герца, но и всѣ переговоры съ нимъ производилъ лейбъ-медикъ царскій Арескинъ, шотландецъ, папистъ, жаркій приверженецъ Стюартовъ. Шевалье Фоларъ, извѣстный своими „комментаріями на Полибія", былъ посредникомъ между Герцомъ и герцогомъ Целламаромъ, испанскимъ посломъ въ Парижѣ. Графъ Гилленборгъ, шведскій посолъ, велъ переговоры въ Англіи, а герцогъ Ормондъ былъ главою стюаристовъ въ Голландіи.

Такъ, скрытно, невѣдомо никому, готовилось все для событій неожиданныхъ Европою. По крайней мѣрѣ, то несомнѣнно, что царь принялъ предположенія Герца о мирѣ съ Швеціею, и можемъ полагать, что новое расположеніе царя къ Карлу XII-му было замѣчено его союзниками, сдѣлалось одною изъ причинъ раздора съ Даніею, и пребываніе царя въ Голландіи имѣло цѣлью не одно любопытство, но тайны обширной политики. Къ несчастію Герца, случай преждевременно разрушилъ всѣ его планы.

Какъ ни тайно производилась переписка, переговоры, даже приготовленія (ибо Алберони уже готовилъ флотъ и войско, а стюартисты собирались въ Шотландіи и Нидерландахъ), шпіоны хитраго Дюбуа поймали нить заговора и передали ее въ Голландію и въ Англію. Подозрѣвали, но еще не смѣли говорить, и тѣмъ болѣе не знали всего, когда прибило бурею къ берегамъ Норвегіи небольшое судно, на коемъ ѣхалъ переодѣтый курьеръ съ письмами Гилленборга изъ Англіи. Взятыя у него по подозрѣнію бумаги были переданы датскому королю, отъ него пересланы въ Англію, и вся интрига заговора раскрылась.

Властители Англіи, Франціи, Даніи, Польши, императоры содрогнулись отъ ужаса, видя, какъ близки были они къ величайшей опасности. Люди, которые не отказались бы отъ подобнаго предпріятія, если бы только имѣли для того средства и были увѣрены въ успѣхѣ, изъявили великодушное негодованіе; кричали о безславіи, какое причиняетъ сану королей участіе Карла XII-го въ интригѣ его дипломата—даже не побоялись нарушить неизмѣнныхъ условій права народнаго, въ силу коихъ лицо посланника всегда бываетъ неприкосновенно. Герцъ былъ арестованъ въ Голландіи, Гилленборгъ въ Лондонѣ. Король англійскій напечаталъ перехваченныя письма и многія изъ найденныхъ у Гилленборга бумагъ. Царь со всѣхъ сторонъ услышалъ упреки и негодованіе своихъ мнимыхъ друзей. Его укоряли въ согласіи на миръ съ Швеціею (укоряли тѣ, кто мирился нѣкогда въ Травендалѣ и Альтранштадтѣ, и кто еще такъ недавно велъ тайные переговоры съ Герцомъ!), и особенно въ участіи, какое принялъ онъ въ интригѣ Герца.

Тутъ могли однакожъ подозрѣвать, но прямой улики не было. Не думая разувѣрять въ желанiи мира съ Швецiею, царь почелъ долгомъ оправдать себя въ участiи, какое приписывали ему въ интригѣ Алберони и Герца. Онъ протестовалъ при англiйскомъ дворѣ черезъ президента своего, опровергая обвиненiе, на него взводимое, и писалъ ко всѣмъ своимъ союзникамъ, отвергая подозрѣнiе на него, какъ недостойную клевету. Наружность прежнихъ отношенiй его не измѣнялась. Обвинители принуждены были умолкнуть, но, кажется, тайная мысль оправдаться особенно предъ французскимъ дворомъ рѣшила тогда царя посѣтить Парижъ и лично познакомиться съ регентомъ Францiи.

Среди запутанныхъ интригъ дипломатическихъ, царь, какъ всегда, занимался обозрѣнiемъ всего любопытнаго, новаго, не замѣченнаго имъ прежде. Онъ принималъ въ службу свою офицеровъ, художниковъ, ремесленниковъ, десятками отправляя ихъ въ Россiю; закупалъ предметы художествъ и ремеслъ, модели, машины, и попрежнему чуждался пышности и великолѣпiя, дружась съ простолюдинами, изучая нравы народа. „Благодарю васъ, но я плохо васъ понимаю", отвѣчалъ онъ на витiеватую рѣчь депутатовъ голландскихъ, „говорите со мною просто: я учился по-голландски между плотниками". (Ik bedank u, maar ik heb u niet verstaan; ik leerde mijn Hollandsch bij den scheepsbouw, doch deze taal leerde ik nooit). Января 2-го царь праздновалъ рожденiе сына, нареченнаго Павломъ. „У меня родился солдатенокъ Павелъ", писалъ царь—„рекомендуйте его офицерамъ подъ начальство, а солдатамъ въ товарищи". Царевичъ скончался на другой день послѣ рожденiя.—Царь, съ супругою, оправившеюся послѣ родовъ, былъ въ Гагѣ, Лейденѣ, Роттердамѣ, откуда 24-го марта, оставивъ царицу на время въ Голландiи, отправился во Францiю черезъ Антверпенъ, Гентъ, Брюгге и Дюнкирхенъ.

Въ бытность свою въ Голландiи царь снова работалъ на Остъ-Индской верфи, и дружески гулялъ два раза съ старыми сардамскими друзьями, представивши имъ свою хозяйку Катерину Алексѣевну. Они увѣряли царя, что хотя онъ теперь немного перемѣнился, но все еще въ немъ видны прежнiя ухватки славнаго, лихого плотника. „Царь хочетъ съ тобой видѣться", сказали старику Кисту, у котораго нѣкогда царь нанималъ домикъ. Ik geef den brui van den Czaar, отвѣчалъ съ досадою Кистъ, hij is mij nog huur schuldig (убирайтесь вы съ царемъ—онъ мнѣ долгу не платитъ!)" Царь расхохотался, захотѣлъ узнать о неоплатномъ долгѣ своемъ, пошелъ къ Кисту, узналъ, что дѣйствительно забылъ доплатить ему бездѣлку за квартиру, наградилъ его за проценты серебрянымъ кубкомъ и помирился съ нимъ за кружкою пива. Посѣтивъ церковь меннонистовъ, къ сектѣ коихъ принадлежали старикъ Кальфъ и другiе прiятели царя, онъ просилъ показать ему, какъ говорятся у нихъ проповѣди. Кальфъ взошелъ на каѳедру, подумалъ и сказалъ: Denk wel, spreek wel en doe wel in de vreeze des Heeren (думай добро, говори добро и твори добро, по слову Божiю!)—„Вотъ вся наша проповѣдь!"

промолвилъ онъ, обращаясь къ царю. „Я желалъ бы,“ отвѣчалъ ему царь, „чтобы всѣ проповѣди были такъ кратки и такъ понятны“. Друга своего Витсена царь засталъ на одрѣ смерти. Старика Рюйша встрѣтилъ онъ словами: „здравствуй, мой старый учитель!“ Царь купилъ тогда у Рюйша его богатый анатомическій кабинетъ, за 30,000 гульденовъ, съ тѣмъ, чтобы Рюйшъ открылъ найденную имъ тайну бальзимированія тѣлъ и приготовленія препаратовъ анатомическихъ. Кабинетъ Рюйша донынѣ составляетъ украшеніе нашей кунстъ-камеры, а тайну бальзимированія и препараціи, по кончинѣ Рюйша, царь открылъ своему лейбъ-медику Блюментросту, отъ коего была она впослѣдствіи обнародована. Изъ другихъ пріобрѣтеній царя замѣчательнѣйшія были: Лидерсовъ минцъ-кабинетъ, купленный за 5000 рейхсталеровъ, и кабинетъ естествознанія славнаго Себа (за него было заплачено 15,000 гульденовъ). Царь пріобрѣлъ много картинъ фламандской школы, коими положено было основаніе богатому собранію ихъ, находящемуся нынѣ въ Эрмитажѣ. Нерѣдко приходилъ онъ на аукціонъ съ пріятелемъ своимъ, живописцемъ Кесселемъ и не жалѣлъ денегъ на покупку какой-нибудь картины Теньера, или Вувермана, и особенно Фанъ-Деръ-Верфа и Зило, своихъ любимыхъ живописцевъ. Въ нынѣшнюю бытность свою въ Голландіи царь не носилъ матросской куртки, но нарядъ его не былъ однакожъ щегольской, и состоялъ изъ сѣраго кафтана, широкой кожаной портупеи съ кортикомъ, небольшого парика и круглой поярковой шляпы. Царь казался блѣденъ; въ немъ уже не видно было прежней юношеской красоты, но глаза его горѣли огнемъ, движенія были живы, рѣчи скоры и быстры. Черные усы его придавали ему видъ нѣсколько суровый, но онъ былъ ласковъ, любезенъ, и не отказывался выпить и погулять съ пріятелями. Въ Антверпенѣ принялъ онъ въ русскую службу англійскаго контръ-адмирала Паддона и писалъ объ немъ Апраксину: „кажется, человѣкъ добрый и не говорунъ, и не старъ, а служилъ много“. Царь не терпѣлъ болтуновъ, и среди самой разгульной бесѣды любилъ разговоръ поучительный.

Въ Дюнкирхенѣ встрѣтили его съ большими почестями. Встрѣчи приготовлены были повсюду на пути, но царь отказывался отъ нихъ, отъ богатыхъ обѣдовъ и роскошныхъ помѣщеній, говоря: „я солдатъ, и доволенъ, если у меня есть хлѣбъ, да вода“. Въ Кале увидѣлъ онъ великана, французскаго крестьянина Никола, нанялъ его и отослалъ въ Россію. Никола до смерти своей былъ при царѣ любимымъ гайдукомъ (скелетъ и чучела его донынѣ цѣлы въ Кунстъ-камерѣ). Въ Дюнкирхенѣ царь долго и внимательно смотрѣлъ на ученье французскихъ войскъ. Въ Аббевиллѣ учился онъ красить сукна въ алый цвѣтъ. Утромъ 26-го апрѣля онъ прибылъ въ Парижъ.

Царь вообще не любилъ французовъ, французскаго образованія, и даже французскаго языка. Онъ говаривалъ, что „голландскій языкъ нуженъ для русскихъ на морѣ, нѣмецкій на землѣ, а безъ французскаго можно обойтись“. (Какъ съ тѣхъ поръ измѣнились времена!) Великолѣпный дворъ Людовика XIV-го не былъ образцомъ русскаго двора, и въ преобразованіяхъ,

какія совершалъ царь, весьма немногое взято было имъ изъ Франціи. Но, жадный познанія всего замѣчательнаго, царь не оставилъ осмотрѣть въ Парижѣ и усвоить себѣ, что казалось ему полезно и свойственно Россіи. Впрочемъ, ежедневно осматривая мастерскія, онъ только одинъ разъ былъ въ театрѣ, и французамъ странно было видѣть русскаго царя, ходящаго пѣшкомъ по парижскимъ улицамъ, въ его сѣромъ кафтанѣ, иногда съ аршиномъ въ рукѣ, хотя они удивлялись его уму, проницательному взгляду и рѣзкимъ замѣчаніямъ.

Лувръ былъ назначенъ дла жительства царя, но онъ отказался отъ такого великолѣпнаго помѣщенія и занялъ hôtel de Lesdiguère, принадлежавшій маршалу Виллеруа. Три дня царь не могъ выѣхать изъ дома, обремененный безпрестанными визитами. Первый посѣтилъ его регентъ Франціи. Малолѣтній король Людовикъ XV-й (ему было тогда семь лѣтъ) пріѣзжалъ къ царю съ большою свитою. Царь встрѣтилъ его у кареты и на другой день посѣтилъ его въ Тюльери. Король встрѣтилъ царя внизу крыльца, окруженный всѣмъ своимъ дворомъ. Гвардія королевская была подъ ружьемъ. Поцѣловавши короля, царь взялъ его на руки и внесъ въ комнаты, говоря: „ у меня теперь на рукахъ вся Франція“. Король проговорилъ царю заученное привѣтствіе: „дай вамъ Богъ, государь, счастливаго и славнаго царствованія“, царь, отвѣчалъ ему: „Можетъ быть, мы будемъ нѣкогда полезны другъ другу“.

Весь май мѣсяцъ царь провелъ въ Парижѣ, ежедневно разъѣзжая по городу и его окрестностямъ. Онъ посѣтилъ арсеналъ, литейный дворъ, Гобеленовскую фабрику, зеркальный заводъ, ботаническій садъ (и тогда уже славный), коллегіумъ Мазарина, главныя ученыя, благотворительныя и военныя заведенія. Регентъ, герцогиня Беррійская, адмиралъ д'Этре, графъ Тулузскій, герцогъ д'Антенъ угощали царя. Посѣтивъ инвалидный домъ, царь засталъ инвалидовъ за обѣдомъ, налилъ себѣ стаканъ вина, выпилъ, говоря: „Ваше здоровье, товарищи!“ и обнялъ одного изъ старыхъ воиновъ. Инвалиды привѣтствовали его громкимъ восклицаніемъ. Онъ посѣтилъ Версаль (и говорилъ потомъ, что она голубь съ орлиными крыльями), Медонъ, Фонтенебло, аббатство Сенъ-Дени, Тріанонъ. Особенно понравилось ему Марли, съ его превосходными фонтанами. Царь подробно разсматривалъ механизмъ водопроводовъ, и потомъ устроилъ по образцу ихъ петергофскіе фонтаны, даже назвалъ одно отдѣленіе петергофскаго сада Марли. Посѣтивъ учебныя заведенія Экуенскія, царь хотѣлъ видѣть знаменитую Ментенонъ; былъ и у вдовы изгнаннаго англійскаго короля Іакова, жившей въ Кальо. Живописцы Нотуаръ и Ригодъ испросили у царя позволеніе написать его портреты. Въ Сорбонской академіи предложили ему, что онъ совершитъ великій подвигъ, споспѣшествуя соединенію восточной и западной церквей. Царь отозвался, что онъ не вмѣшивается въ духовныя дѣла, но что члены Сорбонны могутъ писать о томъ русскому духовенству. Они не замедлили воспользоваться позволеніемъ царя, и получили отвѣтъ умный и уклончивый, что русское ду-

ховенство усердно желаетъ соединенія, но не можетъ рѣшиться на переговоры о томъ безъ вселенскихъ патріарховъ, полагая впрочемъ, что сіе великое дѣло должно предоставить волѣ Божіей, ведущей ко благу человѣковъ и матерь всѣхъ христіанъ церковь. Царь долго бесѣдовалъ съ математикомъ Вариньономъ и астрономомъ Пижо (у котораго купилъ приборъ инструментовъ за 2000 талеровъ), и присутствовалъ при глазной операціи, произведенной окулистомъ Вольгузомъ. Приглашенный въ собраніе академіи, царь своими руками поправилъ показанную ему карту Каспійскаго моря и показалъ обширныя свѣдѣнія въ географіи и математикѣ. Фонтенель привѣтствовалъ посѣтителя рѣчью. Академія просила царя удостоить ее принятіемъ званія члена ея. Царь отвѣчалъ, что онъ почтетъ себѣ за честь такое почетное званіе. Въ Петербургъ прислали ему дипломъ и онъ велъ постоянныя ученыя сношенія съ Фонтенелемъ и другими академиками. Смотря на бюстъ Ришелье, царь произнесъ: „Онъ былъ великій человѣкъ“. Другіе увѣряли, будто царь сказалъ; „Если бы Ришелье былъ живъ, я отдалъ бы ему половину моего царства за то, чтобы онъ научилъ меня управлять другою“. Французское остроуміе придумало потомъ, что царь могъ дать полцарства Ришелье потому, что, выучившись управлять своею половиною, онъ отнялъ бы у Ришелье отданную ему другую. Пріятно изумленъ былъ царь, когда посѣтивъ монетный дворъ, и смотря, какъ оттискивали медали, онъ взялъ оттиснутую въ глазахъ его медаль и увидѣлъ на ней свой портретъ, съ изображеніемъ славы, восходящаго солнца и надписью изъ Виргилія: Vires acquirit eundo (шествуя пріобрѣтаетъ силы). Царя просили принять сію медаль на память. Регентъ поднесъ ему нѣсколько превосходныхъ гобеленовскихъ, тканыхъ картинъ. Въ Фонтенебло царь смотрѣлъ ученье французской гвардіи и знаменитыхъ королевскихъ мушкетеровъ. Система славнаго Лава занимала тогда Францію. Царь старался получить подробныя свѣдѣнія объ ея сущности и долго бесѣдовалъ съ знаменитымъ основателемъ Миссисипской компаніи. Ни слова не упоминая о Герцѣ, царь дружески разстался съ правителемъ Франціи. Щедро одарены были царемъ всѣ бывшіе при немъ, и 9-го іюня оставилъ онъ Парижъ. Путь его былъ черезъ Суассонъ, Реймсъ, Намуръ и Литтихъ въ Спа, гдѣ прожилъ онъ болѣе мѣсяца, употребляя тамошнія цѣлебныя воды и бесѣдуя съ барономъ Люберасомъ о коллегіяльномъ управленіи государствомъ. Щедро наградилъ онъ сего знаменитаго человѣка, сынъ коего съ честью находился въ царской службѣ и построилъ славный кронштадтскій докъ. Спасскія воды такъ помогли царю, что изъ Голландіи прислалъ онъ мраморную доску, съ надписью, что царь русскій былъ въ Спа въ 1719 году, и оставилъ сей знакъ своей благодарности цѣлебнымъ тамошнимъ источникамъ, на память потомству. Памятникъ сей хранится въ Спа донынѣ. Не доѣзжая до Ахена, царь увидѣлъ близъ дороги красивый садикъ и вошелъ въ него. Узнавши, что трудолюбивый хозяинъ его былъ пасторъ, занимавшійся обработкою садика своими руками, въ часы свободные отъ его должности, царь сказалъ, что онъ желалъ бы видѣть русскихъ

сельскихъ священниковъ также посвящающими сельскимъ работамъ свои досуги. Осмотрѣвши древности Ахена и тамошнія воды, царь былъ приглашенъ обществомъ городскихъ стрѣлковъ и удивилъ ихъ своимъ искусствомъ въ цѣльной стрѣльбѣ. Изъ Мастрихта царь поплылъ по рѣкѣ Маасу и 20-го іюля явился въ Амстердамѣ. Еще разъ посѣтилъ онъ Сардамъ и трогательно простился съ своими старинными друзьями—до свиданія за гробомъ. Кальфъ напутствовалъ его при разставаніи словами: „Богъ да благословитъ тебя, царь Петръ!" Въ Амстердамѣ купилъ тогда царь двое часовъ, коими украсилъ Спасскую и Троицкую башни Кремля московскаго. Онъ осмотрѣлъ подробно укрѣпленія острова Валхерена и славную крѣпость Бергъ-Опъ Цоомскую, лучшее произведеніе Кугорна. Въ концѣ августа простился онъ съ Голландіею. Дружескій пріемъ ожидалъ его въ Берлинѣ. Отсюда царь спѣшилъ въ Петербургъ, хотя и останавливался еще на короткое время въ Данцигѣ, Митавѣ, Ригѣ и Ревелѣ. Изъ Нарвы отправился онъ на гальетѣ, и 10-го октября Меншиковъ и гражданскіе и военные чиновники со слезами радости встрѣтили своего царя въ Кронштадтѣ. Толпы народа ждали его на невской пристани. Царь обнялъ дѣтей своихъ, выслушалъ ихъ привѣтствія и въ тотъ же день посѣтилъ верфь петербургскую. Вечеромъ приближенные царя пировали съ нимъ въ дружеской бесѣдѣ. Было имъ о чемъ поговорить.

Еще въ бытность царя въ Голландіи и Франціи кончилось дѣло Герца, причинившее столько тревоги въ Европѣ. Когда царь разсылалъ свои протесты, Карлъ XII-й и не думалъ оправдываться въ участіи въ заговорѣ Герца и Алберони. Онъ протестовалъ только противъ нарушенія народныхъ правилъ, учиненнаго арестомъ Герца и Гилленборга, и не хотѣлъ говорить ни о чемъ, пока не освободятъ ихъ. Общій протестъ дипломатовъ европейскихъ подкрѣпилъ слова короля шведскаго. Герцъ и Гилленборгъ были освобождены, и Карлъ XII-й отказался отъ всякихъ объясненій, говоря, что съ вѣроломными непріятелями онъ и не думаетъ объясняться. Герцъ оказалъ удивительное присутствіе духа во время своего ареста. „Вы напрасно безпокоитесь", говорилъ онъ голландскому генералу, пришедшему взять его.—„Кто хорошо знаетъ меня, тотъ долженъ вѣрить, что отъ меня ничего не узнаютъ такого, чего я самъ не захочу сказать!" Сидя въ крѣпости, онъ былъ веселъ, шутилъ, и горделиво являлся потомъ всюду, говоря, что долженъ гордиться, если ему удалось помѣшать хорошему аппетиту и крѣпкому сну его британскаго величества. Кончилось усиленіемъ вражды англичанъ и голландцевъ противъ Карла XII-го и болѣе усиленнымъ стараніемъ Герца примириться съ Россіею. Царь уже опредѣлилъ тогда свои отношенія. Утвердивъ новыми трактатами дружбу съ Франціею и Пруссіею, онъ не скрывалъ своего негодованія противъ Англіи и Даніи. Представляя себя удовлетвореннымъ объясненіями царя, король Георгъ прислалъ въ Амстердамъ адмирала Норриса договариваться о торговлѣ англичанъ въ Россіи. Царь отвѣчалъ, что король англійскій прежде всего долженъ извиниться въ оскорбленіи, нанесенномъ ему. Столь гордый отвѣтъ произвелъ явный разрывъ между Англіею

и Россіею. Голландское правительство принимало на себя посредничество примиренія, но царь отвѣчалъ, что находитъ его ненужнымъ. Онъ видѣлъ тучи, отвсюду поднимавшіяся на политическомъ горизонтѣ Европы. Испанія уже объявила тогда войну императору и Савойѣ, и войско ея заняло Сицилію и Сардинію. Императоръ спѣшилъ помириться съ Турціею (въ Пассаровицѣ, въ 1718 г.). Четверной союзъ (Quadruple Alliance) императора, Франціи, Англіи и Голландіи, война въ Италіи, открытіе заговора Целламарова въ Парижѣ, паденіе Алберони увлекали вниманіе Европы. Царь понималъ, что при такихъ обстоятельствахъ можно ему не дорожить союзомъ Англіи и Голландіи. Открыто позволилъ онъ своимъ министрамъ переговаривать съ Герцомъ о мирѣ. Герцъ отправился въ Швецію и получилъ согласіе Карла XII-го. На пути въ Россію встрѣтилъ царя гессенъ-кассельскій генералъ Рангъ, присланный отъ Герца съ просьбою назначить мѣсто и министровъ для переговоровъ о мирѣ. Довольный уступчивостью Карла XII-го, царь изъявилъ свое согласіе и желаніе дружбы короля шведскаго. Русскимъ войскамъ, зимовавшимъ въ Помераніи, велѣно было возвращаться въ Россію. Они выступили весною 1718 года, оставя небольшой корпусъ въ Мекленбургіи.

Можно ли было подумать, видя царя на верху славы и почестей, вступившаго въ среду сильныхъ дѣятелей европейской политики, надѣющагося вскорѣ окончить миромъ долголѣтнюю войну, видя его, какъ всегда, занятаго благоденствіемъ, просвѣщеніемъ, потребностями драгоцѣнной сердцу его Россіи, какъ всегда простирающаго вниманіе на всѣ подробности, можно ли было подумать, что тяжкая скорбь раздирала въ то время душу великаго, что сердце его болѣло печалью, и что вскорѣ должны были Россія и Европа увидѣть горестное позорище — государя, предающаго суду своего наслѣдника, отца, отвергающаго отъ любви своей недостойнаго сына? Мы не хотѣли прерывать нашего повѣствованія и ничего не говорили о важныхъ событіяхъ въ семействѣ царя — бѣгствѣ изъ Россіи царевича Алексѣя въ 1716 году. Излагаемъ отдѣльно сіе достопамятное и поучительное событіе.

Дополнимъ прежде описаніе 1717 года, столь замѣчательнаго по многимъ отношеніямъ, очеркомъ событій въ Польшѣ.

Мы видѣли, что царь принялъ на себя посредничество въ раздорахъ между королемъ Августомъ и его подданными. Сеймъ открылся въ Варшавѣ, и царскій посолъ объявилъ рѣшеніе царя: Августъ долженъ былъ, не только вывесть изъ Польши саксонскія войска, но и самъ немедленно выѣхать въ Саксонію, оставя управленіе Польшею сенату и своему повѣренному. Рѣчи Посполитой и дворянству польскому возвращались всѣ ихъ права вполнѣ, но войско коронное, вмѣсто 90,000 должно было ограничиться въ Польшѣ 17-ю, а въ Литвѣ 6000 человѣкъ. Всѣ удовлетворенія за прежнее и рѣшенія споровъ объ имѣніяхъ и конфискаціяхъ передавались сейму, безъ участія короля, и общее прощеніе подтверждалось всѣмъ, съ возвращеніемъ всѣхъ поляковъ, дотолѣ задержанныхъ въ Россіи и Саксоніи. Многіе члены

сейма видѣли, что Польша предавалась послѣ сего беззащитно волѣ царя, но ненависть къ Августу была такъ сильна, что лучше хотѣли сносить самовластіе иноземнаго государя, нежели покориться презираемому всѣми королю. Условія были приняты единодушно. Августъ видѣлъ, что спорить невозможно, и согласился, такъ что сеймъ продолжался только семь часовъ и названъ былъ Нѣмымъ сеймомъ, ибо на немъ никто не противорѣчилъ опредѣленію царя ни однимъ словомъ. Царь обѣщалъ послѣ сего немедленно вывесть войска изъ Польши. Но въ случаѣ несоглашенія, кромѣ бывшихъ въ Польшѣ, 30,000 русскаго войска изъ Помераніи готовы были двинуться на Варшаву. Такія убѣдительныя доказательства словъ всегда бываютъ уважены. Напомнить царю о немедленномъ исполненіи обѣщаній, и еще болѣе объ отдачѣ Риги и Лифляндіи, или устраненіи Курляндіи изъ-подъ его власти, никто не смѣлъ. Дѣло Герца, при чемъ открывалось согласіе царя замѣнить Августа Станиславомъ, ужаснуло Августа. Онъ видѣлъ, что объ немъ даже и не упоминаютъ въ переговорахъ союзниковъ, и осмѣлился было напомнить царю, что если Россія приступитъ къ примиренію съ Карломъ XII-мъ, то по силѣ договоровъ обязана допустить къ переговорамъ его повѣренныхъ. Царь отвѣчалъ, что переговоры еще не начинались, а если начнутся, то „интересы короля польскаго не будутъ упущены.“ Тогда, въ безсильной злости, среди шумныхъ оргій въ своемъ дрезденскомъ дворцѣ, Августъ рѣшился, по крайней мѣрѣ, обезпечить себя, захвативъ Станислава, какъ захватилъ онъ нѣкогда Іакова Собіескаго. Нѣсколько искателей приключеній, коимъ обѣщали хорошую плату, пробрались въ Цвейбрикъ, но были тамъ пойманы, пьяные, въ трактирѣ. Заговоръ открылся. Станиславъ имѣлъ наслажденіе заплатить врагу великодушіемъ: онъ простилъ преступниковъ и отпустилъ безъ всякаго наказанія.

Разсказъ двадцатый.

Царевичъ Алексѣй.

> За мое отечество и людей живота своего я не жалѣлъ и не жалѣю, то могу ли тебя, непотребнаго, пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный...
>
> Слова Петра Великаго.

> Il parait qu'il résulte de tout ce que j'ai rapporté, que Pièrre le Grand fut plus roi que père, qu'il sacrifia son propre fils aux intérêts d'un fondateur et d'un législa teur, et à ceux de sa nation qui retombait dans l'etat dont il l'avait tirée, sans cette cévérité malheureuse...
>
> Вольтеръ.

> И судъ царевича порука за Петра!
>
> Воейковъ.

Мы видѣли, что царевичъ Алексѣй былъ единственное дитя отъ первой супруги царя, Евдокіи Лопухиной (прочія дѣти его скончались въ младенчествѣ). Алексѣй родился въ 1690 году, когда царю было 18-ть лѣтъ.

Отвергать ли, какъ клевету на Провидѣніе, мысль тѣхъ наблюдателей, которые, указывая на страницы всеобщей исторіи, говорятъ, что у людей великихъ дѣти всегда бываютъ люди ничтожные? Если и не непреложную истину, то психологическую и физіологическую задачу составляетъ однакожъ сей, почти всегда и всюду повторяющійся фактъ. Можемъ изъяснить его самою сущностью генія, поставляющею дѣтей его въ особенныя отношенія. Выходя изъ условій человѣческой природы, тѣмъ не менѣе мѣряетъ онъ другихъ на свою природу; увлекаемый своимъ назначеніемъ, онъ все сосредоточиваетъ въ самомъ себѣ, и всегда и всюду дѣйствуетъ самъ, думая, что ему помогаютъ другіе. Только въ минуту паденія геніальнаго человѣка,

или по кончинѣ его, видятъ, что онъ одухотворялъ другихъ собою, оживлялъ весь окружавшій его механизмъ, коснѣющій мгновенно, едва духъ генія кончитъ свое дѣло, или прейдетъ въ лоно предвѣчнаго отца Такъ смотритъ геній на дѣтей своихъ, ослѣпляясь кромѣ того любовью отцовскою. Самъ „туне пріявшій“ даръ Божій, онъ всегда мечтаетъ, что сынъ будетъ достойнымъ преемникомъ дара его; увлеченный исполненіемъ собственнаго назначенія своего, онъ забываетъ о приготовленіи себѣ преемника: или не требуетъ ничего, или требуетъ болѣе, нежели онъ дать можетъ, когда при томъ не должно ли и здѣсь допустить повторенія закона противоположностей, безпрерывно видимаго въ природѣ и исторіи?

Царевичъ Алексѣй не былъ лишенъ тѣлесныхъ силъ и душевныхъ дарованій. Наружностью походилъ онъ на своего великаго родителя, былъ юноша прекрасный, высокій ростомъ, стройный, съ черными огненными глазами, одаренъ умомъ и способностями. Но образованіе и нравственность его въ младенчествѣ были пренебрежены, и здѣсь скрывался первый источникъ гибели. Оправдаемъ великаго царя: могъ ли онъ, 18-ти лѣтній юноша, понимать важныя обязанности отца, и увлеченный своими подвигами, надзирать за воспитаніемъ сына, безпрерывно уѣзжая изъ Москвы, совершивъ два похода подъ Азовъ и наконецъ полтора года путешествуя за границею?

Такимъ образомъ, всѣ первые годы жизни своей царевичъ Алексѣй провелъ подъ особеннымъ надзоромъ сперва бабки своей, царицы Наталіи, страстно его любившей, потомъ матери своей, царицы Евдокіи. Только послѣ стрѣлецкаго возмущенія въ 1698 г. царь убѣдился, что враги, не менѣе стрѣльцовъ опасные, таились въ его собственномъ семействѣ. Мы видѣли, что онъ отвергъ и сослалъ въ монастырь свою супругу, и что кромѣ царевны Софіи, явнымъ врагомъ его оказалась другая сестра, принявшая тогда монашество. Вообще все семейство царское, окруженное старовѣрами и ханжами, непріязненно смотрѣло на дѣла царя и нововведенія, какъ на бусурманство, разрушеніе православія, по словамъ старовѣровъ, и введеніе нѣмецкихъ нравовъ въ Россію. Мы видѣли бывшія послѣ того явныя возстанія. Многіе, не смѣя бунтовать, повиновались, но осуждали царя, говорили о гибели, какую готовитъ онъ Россіи, роптали, буйствовали тайно. Среди такихъ бесѣдъ, въ кругу суевѣрныхъ женщинъ, ханжей и старовѣровъ, слыша рѣчи и жалобы ихъ, царевичъ Алексѣй провелъ первыя восемь лѣтъ своей жизни, въ нѣгѣ, потворствѣ, невѣжествѣ, лелѣемый безразсудною любовію материнскою. Могъ ли царь отторгнуть его отъ матери? Первые годы жизни царя развѣ не также протекли подъ надзоромъ женщинъ? Но велика была разница между Наталіею и Евдокіею, и кромѣ того Петръ, какъ будто родился съ призваніемъ къ просвѣщенію, величію и славѣ. Не таковъ былъ Алексѣй, лѣнивый, безпечный, не терпѣвшій ученья и воинскихъ занятій, ненавидѣвшій нѣмцевъ, бывшихъ друзьями отца его съ первыхъ лѣтъ младенческихъ. Царь бралъ съ собою сына въ лагери, путешествія, походы, пріучалъ къ воинскимъ и огненнымъ потѣхамъ. Припомнимъ,

какъ явился онъ однажды съ нимъ на пиръ Лефорта, и говорилъ, что сынъ его будетъ нѣкогда другомъ сына его друга. Царевичъ Алексѣй возвращался къ матери, и всѣ добрыя впечатлѣнія изглаживались подъ тлетворнымъ вліяніемъ примѣра царицы Евдокіи и людей, окружавшихъ ее. Царь велѣлъ учить сына. Ученье шло плохо. Царевича извиняли слабостью здоровья. Не желая, можетъ быть, даже не смѣя открыть царю лѣности и неохоты сына его къ ученью, отъ царя все таили. Зло болѣе и болѣе усиливалось.

По возвращеніи изъ путешествія и удаленіи супруги своей, царь увидѣлъ несчастное образованіе и вредное направленіе наклонностей сына своего. Онъ думалъ, вѣроятно, что все еще можетъ быть исправлено, но поздно уже было искоренять, что слилось съ первыми идеями, первыми впечатлѣніями и понятіями отрока. Алексѣю совершилось девять лѣтъ. Страсти рано развились въ немъ. Удаленіе матери оставило въ сердцѣ его неизгладимое негодованіе, и не только ко всѣмъ дѣламъ отцовскимъ, но даже и къ отцу закоренѣла въ немъ ненависть на всю жизнь. Здѣсь присоединились еще два несчастныя обстоятельства: одно, что воспитанный среди женщинъ и ханжей, царевичъ пріучился къ скрытности и притворству; другое, что тайные враги царя видѣли къ Алексѣѣ средство современемъ отмстить за себя, и скрытныя внушенія царевичу, что Богъ предоставляетъ ему разрушить всѣ бусурманскія (какъ они называли) нововведенія отца и возвратить Россіи православіе, отмстить за мать, искоренить окаянныхъ нѣмцевъ, противоборствовали порывамъ добра, если мысль добрая и тревожила иногда душу царевича.

Всѣ старанія царя обратились послѣ сего въ пагубу, и несчастный Алексѣй сдѣлался жертвою неумолимой судьбы, увлекавшей его въ погибель.

Царь удалилъ отъ сына своего всѣхъ дотолѣ окружавшихъ его и окружилъ его избранными, вѣрными людьми. Къ несчастію, долго не могли найти достойнаго наставника царевичу. Первый гофмейстеръ его, Нейгебауеръ, ученый нѣмецъ, былъ пьяница и негодяй, бѣшенаго нрава, такъ, что въ 1704 г. его выслали изъ Россіи за непристойные поступки. Только въ 1702 году опредѣлили къ царевичу надзирателя достойнаго, барона Гизена. Мужъ ученый и добродѣтельный, Гизенъ приложилъ всевозможныя заботы къ исполненію возложенной на него обязанности. Царь самъ надзиралъ за воспитаніемъ сына, продолжая, кромѣ наукъ, пріучать его къ занятіямъ воинскимъ, къ морской службѣ, къ дѣламъ государственнымъ. Въ поѣздкѣ царя въ Архангельскъ и Соловецкій монастырь, переѣздѣ оттуда къ Потебургу и при взятіи сей крѣпости, царевичъ былъ съ отцомъ, записанный сержантомъ въ гвардію. Онъ находился съ царемъ при взятіи Нарвы, сопровождалъ его нѣсколько разъ въ Польшу. Царь поручалъ ему разныя дѣла, приказывая присутствовать въ совѣтѣ боярскомъ и въ засѣданіяхъ разныхъ коммиссій. Мы видѣли, съ какою заботливостью помнилъ онъ о здоровьи сына передъ полтавскою битвою, и призвалъ его тогда въ Воронежъ, желая еще разъ съ нимъ видѣться.

Такъ протекло около десяти лѣтъ. Уже Алексѣй былъ благовидный юноша, но зло возрасло, овладѣло имъ и было неисцѣльно. Душевный и тѣлесный развратъ рѣшительно погубилъ въ сіи годы несчастнаго царевича.

Ученіе царевича Алексѣя производилось безпорядочно. Гизенъ въ 1705 г. посланъ былъ за границу съ дипломатическими порученіями, а по возвращеніи занятъ другими дѣлами. Въ его отсутствіе Алексѣя опять окружили и увлекли враги царя, сообщники его матери, ханжи и суевѣры. Царевичъ пріобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія, хорошо говорилъ по-нѣмецки, но не терпѣлъ ученья. Страсти его развились и усилились. Онъ предался разврату и пьянству. И кто же потакалъ ему! Двое Нарышкиныхъ, приставленные къ нему царемъ, многіе изъ самыхъ близкихъ къ царю особъ, нѣкоторые изъ духовенства — даже сестра царя, царевна Марія Алексѣевна, преданная суевѣрію и невѣжеству? Все было скрываемо отъ царя подъ личиною притворства и лицемѣрія.

Но взоръ царя проникалъ сквозь личину притворства, понималъ лицемѣріе и разгадывалъ душу сыновнюю. Вспомнимъ жизнь и дѣла Петра съ 1700 до 1709 года. Могъ ли онъ самъ неусыпно надзирать за сыномъ своимъ среди тогдашнихъ событій, среди войны, смятеній, преобразованій? Новыя причины пагубы прибавились въ то время ко всѣмъ прежнимъ.

Одною изъ нихъ было супружество царя съ царицею Екатериною, усилившее ненависть царевича къ отцу, при мысли, что и кромѣ него будутъ у царя наслѣдники. Царь поручалъ иногда надзоръ за сыномъ Меншикову, неспособному къ такому занятію, увлеченному другими дѣлами и нетерпимому царевичемъ.

Будемъ откровенны и не скроемъ извѣстія современниковъ, будто бы Екатерина не любила своего пасынка, и Меншиковъ не старался возстановить согласія въ семействѣ царскомъ — человѣкъ съ дарованіями безспорными, но неумѣренный честолюбецъ и хитрый придворный.

Проницая душу сына, царь старался узнавать истину, узнавалъ ее, и думалъ примѣромъ своимъ и кроткими убѣжденіями обратить его къ добру. Но иногда, видя упорство, непослушаніе, лицемѣрство царевича, пылкій во всѣхъ движеніяхъ, онъ гнѣвался, осыпалъ его упреками — даже возлагалъ на него отцовскую руку, угрожая лишеніемъ наслѣдства и проклятіемъ.

Гнѣвъ и строгость родителя только ожесточали сердце царевича. Онъ переступилъ послѣдній шагъ — нерѣдко угрозы его среди развратныхъ друзей показывали, что онъ готовъ былъ забыть долгъ сына и обязанности подданнаго.

Кажется, что послѣ полтавской битвы отецъ и сынъ примирились, и царевичъ Алексѣй, искреннимъ или притворнымъ раскаяніемъ, вымолилъ прощеніе и пріобрѣлъ любовь царя. Думая, что путешествіе за границею, пребываніе при дворахъ государей и супружество съ достойною подругою изъ принцессъ европейскихъ укрѣпятъ раскаившагося въ добродѣтели, царь отправилъ Алексѣя путешествовать. По волѣ отца, онъ выбралъ себѣ не-

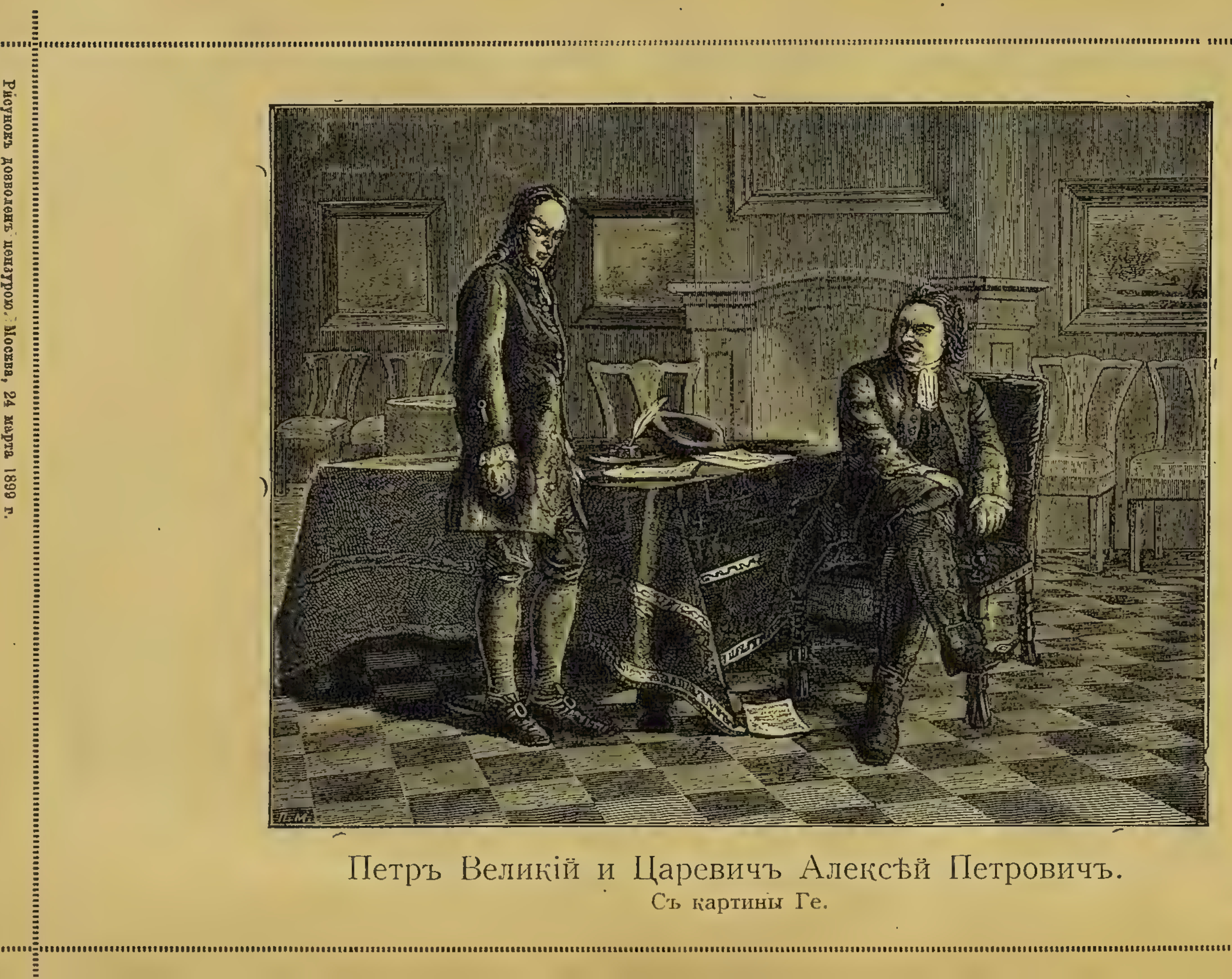
вѣсту. Бракъ совершился. Царь оставилъ царевича за границею, препоручивъ ему надзоръ за войскомъ, бывшимъ тогда въ Помераніи, и вскорѣ горестно убѣдился несчастливый родитель въ неисправимыхъ порокахъ своего единственнаго сына и наслѣдника престола. Оставаясь на волѣ за границею, царевичъ предался пьянству и распутству, возненавидѣлъ свою супругу и потерялъ къ ней всякое уваженіе, когда не прошло еще и года послѣ свадьбы. Пріѣздъ разгнѣваннаго родителя заставилъ его опомниться. Лицемѣрное раскаяніе еще разъ убѣдило царя щадить виновнаго, если уже и не обмануло его тщетными надеждами. Послѣ похода въ Голштинію, когда царь велѣлъ Алексѣю отправиться въ Россію, супруга царевича не хотѣла ѣхать съ нимъ. Царь принужденъ былъ посѣтить Вольфенбиттель только для того, что хотѣлъ возстановить согласіе между сыномъ и невѣсткою и уговорить ее не дѣлать гласнымъ ея несчастнаго супружества. Ручательство царя за сына и новое лицемѣрство царевича убѣдили несчастную принцессу примириться съ супругомъ. Она разсталась съ родными. Царь по два года былъ въ Финляндіи. Царевичъ оставался въ Петербургѣ. Здѣсь увѣрился горестный родитель въ ужасной истинѣ, что сынъ его погибъ безвозвратно.

Уже до того увлеченъ былъ Алексѣй въ бездну разврата, что потерялъ стыдъ передъ людьми и страхъ передъ родителемъ. Влюбленный въ какую-то красивую чухонку Афросинью, онъ явно жилъ съ нею, не только презиралъ свою супругу, но говаривалъ, что недолго остается ему терпѣть, и что по смерти отца онъ расплатится съ тѣми, кто навязалъ ему на шею нѣмецкую чертовку. Рожденіе дочери не смягчило сердца его. Супруга царевича была безпрерывно больна, терзаясь неутѣшною горестью. Мы уже говорили, что она родила сына въ 1715 году. Царь находился тогда въ Шлиссельбургѣ, и слыша, что невѣстка его безнадежна, спѣшилъ къ ней. Она собрала силы передать державному дѣду двухъ сиротъ своихъ, и умерла, лобызая руки его, обливая ихъ слезами и умоляя за своего недостойнаго супруга. Ей было только 20 лѣтъ. Горестное супружество ея продолжалось четыре года. Царь горько плакалъ надъ бездыханнымъ тѣломъ добродѣтельной невѣстки. Она была великолѣпно похоронена въ Петропавловскомъ соборѣ. Царевичъ не присутствовалъ на ея похоронахъ.

Истощивъ убѣжденія и угрозы, царь запретилъ сыну являться на глаза его. Царевичъ жилъ на своей ижорской дачѣ, сказывался больнымъ, не ѣздилъ въ Петербургъ и проводилъ дни и ночи въ пьяныхъ, буйныхъ бесѣдахъ съ служителями и простолюдинами, ибо никто не смѣлъ явиться къ нему, кромѣ тайныхъ сообщниковъ его, скрытно посѣщавшихъ недостойнаго сына отца великаго и готовившихъ въ немъ страшное орудіе мести врагамъ и гибели отечества.

Пусть безпристрастіе разсмотритъ изложенную нами исторію царевича Алексѣя и обвинитъ его великаго родителя.

И когда простой гражданинъ могъ бы, не страшась осужденія людей, суда совѣсти и наказанія Божія, отвергнуть чадо столь непотребное, царь



Петръ Великій и Царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Съ картины Ге.

Рисунокъ дозволенъ цензурою. Москва, 24 марта 1899 г.

еще не до конца ожесточалъ свое сердце, еще не терялъ надежды на раскаяніе, если уже не на исправленіе виновнаго. Возвратясь съ похоронъ невѣстки, онъ написалъ письмо къ сыну—безсмертный памятникъ краснорѣчія, изливающагося изъ растерзаннаго родительскаго сердца. Слова каплютъ въ немъ слезами и кровью душевныхъ ранъ.

Царь говорилъ въ началѣ письма о трудахъ своихъ въ шведской войнѣ и возведеніи ими и оружіемъ русскимъ отечества, при Божіемъ покровительствѣ, на верхъ побѣды и славы. „Но если я смотрю на то, что должно послѣ меня быть,“ продолжалъ царь, „то не столько радости въ настоящемъ, сколько печали и скорби въ будущемъ чувствую, ибо, ты, сынъ мой, отвергаешь все, что можетъ учинить тебя царемъ достойнымъ. Не можешь ты извинить себя недостаткомъ ума и слабостью тѣла. Упрямая воля твоя отвергаетъ даръ Божій. Ты не хочешь изучать науки военной, но можно ли быть царю не воину? Войны безъ причины вести не должно, но и царствовать нельзя безъ познаній воинскихъ, ибо они суть охраненіе и защита государствъ. Не довольно царю имѣть искусныхъ полководцевъ, но ему самому надобно руководить ими. Царь примѣръ подданнымъ. Какъ, не зная основаній какого либо дѣла, можешь ты указывать другимъ? А для всякаго познанія воля и охота потребны паче силъ. Король французскій Людовикъ XIV-й рѣдко самъ на войнѣ бывалъ, но онъ войнами себя прославилъ, ибо онъ былъ мудрый государь и воинъ мужественный. Дѣла сами собою нравиться не могутъ. Обрати вниманіе на слова мои и разсуди о нихъ. Я человѣкъ и подлежу смерти. Кому же оставлю насажденіе мое, уже отчасти, при помощи Божіей, возрастающее? Тебѣ, когда ты рабъ лѣнивый, закопавшій талантъ свой въ землю? Знаю злой и упрямый нравъ твой. Сколько разъ я тебя бранивалъ, и даже бивалъ, и вотъ ужъ сколько лѣтъ почти не говорю съ тобою, но все безполезно. Ты ведешь безпечную жизнь, не думая о томъ, что изъ того будетъ. Прискорбно размышляя обо всемъ, и видя что ничѣмъ тебя къ добру склонить не могу, пишу тебѣ въ послѣдній разъ, внимай мою послѣднюю волю: хочу еще немного ждать, не обратишься ли ты на добро, но мое рѣшеніе уже принято и при дальнѣйшемъ упорствѣ твоемъ я отрѣжу тебя, какъ членъ, антоновымъ огнемъ пораженный, и лишу тебя наслѣдства. Не думай, что ты у меня одинъ сынъ и что я только стращаю тебя. Клянусь тебѣ Богомъ, что слово свое исполню. За мое отечество и людей моихъ я не жалѣлъ и не жалѣю живота моего, то могу ли тебя, непотребнаго, пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный.“

Что отвѣчалъ царевичъ?

„На письмо ваше, родитель мой, ничего донести не могу, кромѣ того, что если вамъ угодно лишить меня наслѣдства будь воля ваша. Даже прошу тебя о томъ, ибо вижу себя непотребнымъ, лишеннымъ памяти и отъ разврата ослабѣвшимъ душевными и тѣлесными силами. Для правленія царствомъ потребенъ не такой, какъ я, гнилой человѣкъ. Дай Богъ вамъ здо-

ровья, но по кончинѣ вашей я престола искать не буду, въ чемъ даю вамъ Бога порукою."

„И такъ изъ письма моего только одни слова о лишеніи наслѣдства понялъ ты, сынъ мой," отвѣчалъ царь. „Ты предоставляешь моей волѣ, что и безъ того всегда въ волѣ моей состоитъ, но гдѣ отвѣтъ на то, что отъ твоей воли зависитъ? О чемъ всего болѣе говорилъ я, о гнѣвѣ моемъ на тебя, обо всемъ, что я старался вразумить тебѣ — нѣтъ отвѣта. Вижу, что гнѣвъ отцовскій мало тебя трогаетъ, и такъ между нами все кончено. Если ты при мнѣ боязни не изъявляешь, что безъ меня станешь дѣлать? Ты клянешься, но могу ли вѣрить клятвамъ твоимъ? Найдутся люди, которые возбудятъ тебя нарушить ихъ. Ни труды, ни скорби мои не возраждаютъ твоего участія. Ты ненавидишь дѣла мои, и все, что дѣлаю я для народа моего, не щадя живота, ты разоришь по смерти моей. Нѣтъ! я не могу тебя оставить такъ, какъ ты есть. Или измѣни нравъ свой и покайся нелицемѣрно, или будь монахъ. Безъ того не могу оставаться спокоенъ, особливо нынѣ, чувствуя мое слабѣющее здоровье. Отвѣчай немедленно, или я поступлю съ тобою, какъ съ злодѣемъ."

Царевичъ отвѣчалъ немедленно:

„Милостивѣйшій государь батюшка! Письмо ваше я получилъ, на которое больше писать за болѣзнью моею не могу, кромѣ того, что желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго позволенія. Рабъ вашъ и непотребный сынъ Алексѣй."

Долгъ царя, гнѣвъ отца, пылкость характера, все уничтожалось передъ любовью родительскою. Собираясь въ то время надолго отправиться за границу, царь рѣшился на послѣдній опытъ убѣжденія. Ожесточенный сынъ внезапно увидѣлъ передъ собою огорченнаго имъ родителя. Онъ ожидалъ грозы, гнѣва, проклятія — увидѣлъ нѣжность, кротость, милосердіе. Заставши сына своего лежавшимъ въ постели, больнымъ, какъ говорилъ о себѣ царевичъ, тихо, кротко началъ говорить съ нимъ великій родитель его, не принималъ просьбы его о вступленіи въ монашество, не слушалъ клятвъ его, что онъ уступаетъ престолъ юному брату своему, ибо царевичъ Петръ обрадовалъ за три мѣсяца передъ тѣмъ царя и отечество своимъ рожденіемъ. Царь далъ еще Алексѣю полгода сроку на разсмотрѣніе и рѣшеніе, обѣщая въ случаѣ раскаянія и перемѣны возвратить всю свою любовь сыну преступному.

Преступному, говоримъ, ибо дотолѣ только губившій надежды на него родителя и отечества, Алексѣй перешелъ тогда предѣлъ, за которымъ любовь родителя должна была уступить мѣсто правосудію царя: онъ таилъ уже мысль бунта и мятежа, и отсрочку, данную ему, употребилъ на совершеніе замысла, внушеннаго злодѣями отечества и врагами его великаго родителя. Совѣсть Алексѣя уже молчала. Полгода прожилъ онъ въ своей ижорской дачѣ, рѣдко показывался людямъ, являясь въ общество казался дикимъ, безобразнымъ, пилъ и развратничалъ въ обществѣ своихъ низкихъ собесѣд-

никовъ. Изъ Копенгагена, гдѣ тогда находился, царь писалъ Алексѣю, что срокъ, данный ему на размышленіе, прошелъ и требовалъ отвѣта, говоря, что если онъ словами и снисхожденіемъ его убѣдился на добро, то долженъ немедленно пріѣхать къ нему и доказать исправленіе свое на дѣлѣ.

Царевичъ извѣстилъ Меншикова, что по приказанію родителя ѣдетъ къ нему въ Копенгагенъ. Меншиковъ выдалъ ему деньги на дорожные расходы. Въ Ригѣ царевичъ досталъ еще денегъ, но онъ не явился къ царю. Слышно было, что Алексѣй проѣхалъ черезъ Кенигсбергъ. Здѣсь пропали слѣды его и неизвѣстно было, куда онъ отсюда укрылся. Узнали, что любовница его Афросинья и нѣсколько друзей его отправились вслѣдъ за нимъ. Неизвѣстность не могла продолжиться. Царь узналъ, что бѣглецъ скрывается во владѣніяхъ императора. Изъ Кенигсберга проѣхалъ онъ въ Вѣну.

Планъ царевича былъ основанъ, кажется, на открывшейся тогда интригѣ Герца. Полагая, что императоръ, своякъ его, раздраженъ противъ его родителя, онъ полагалъ, что въ Вѣнѣ найдетъ себѣ сообщниковъ и обѣщаніемъ всякихъ пожертвованій купитъ себѣ помощь и покровительство. Слышно было, что русскія войска, тяготясь походами и пребываніемъ въ чужихъ земляхъ, гдѣ оставили ихъ на зиму, возмущались. Сообщники царевича увѣряли, что если только онъ пришлетъ манифесты свои въ Россію, народъ возстанетъ за него. Царевичъ всему повѣрилъ. Отъ разврата до преступленія одинъ шагъ.

Ужасна была сердцу родительскому минута, когда онъ извѣстился о злоумышленіи сына, ибо что кромѣ злого умысла могло заставить Алексѣя рѣшиться на бѣгство? Снисхожденіе и нерѣшительность, послѣ оскорбленія, нанесеннаго родителю, послѣ умысла противъ царя, явно открывавшагося въ поступкѣ Алексѣя, снисхожденіе и нерѣшительность были нарушеніемъ царскаго долга. Царь страшился, что въ поступкѣ сына могъ скрываться обширный заговоръ. Вѣроломная политика враговъ могла также воспользоваться злонамѣренностью Алексѣя.

Немедленно послалъ царь вѣрныхъ исполнителей своей воли, П. А. Толстого и А. И. Румянцева, представить императору о нарушеніи народныхъ правъ укрывательствомъ сына его и объявить царевичу непремѣнную волю отца о возвращеніи въ Россію.

Министры императорскіе хитрили нѣсколько времени, утверждая, что мѣстопребываніе царевича имъ неизвѣстно. Потомъ оправдывались, что императоръ не могъ отказать въ убѣжищѣ своему родственнику, умолявшему спасти его отъ незаслуженнаго и несправедливаго гнѣва отцовскаго.

Посланные царя требовали свиданія съ царевичемъ, увидѣли его и услышали буйныя, неистовыя рѣчи. Онъ говорилъ, что не боится отца своего, что императоръ дастъ ему войско, что много найдется ему защитниковъ въ Россіи.

То былъ голосъ, или безумнаго ослѣпленія, или безнадежнаго отчаянія. Царь настоятельно возобновилъ требованіе выдачи ему сына. Алексѣй пере-

ѣхалъ между тѣмъ изъ Вѣны въ Тироль и наконецъ укрылся въ Неаполь, гдѣ жилъ скрытно въ замкѣ св. Эльма. Толстой и Румянцевъ преслѣдовали его. Кто могъ его защитить? Гдѣ могъ онъ укрыться отъ проклятія отцовскаго, и если уже оно не страшило его, отъ преслѣдованія могущаго царя Россіи? Покровители бѣглеца отступились отъ него. Мѣсто буйнаго хвастовства заступила въ немъ малодушная робость. Царевичъ прислалъ родителю униженное письмо, умоляя о прощеніи.

Царь полагалъ, что здѣсь уже прекратились предѣлы отцовской власти и что онъ невластенъ болѣе простить сына.

„Всегда непослушный и презиравшій волю мою, обольстивъ меня клятвою во имя Бога и надеждою на раскаяніе при разставаньи, что ты дѣлаешь?“ писалъ царь сыну своему (изъ Спа, 10-го іюля). „Но возвратись не страшась гнѣва моего, и я клянусь тебѣ, что не только не возложу на тебя наказанія, но приму тебя въ любовь паче прежняго, или трепещи моего гнѣва“. Пощадить жизнь преступника могъ отецъ, но лишить его средствъ вредить отечеству долженъ былъ царь. Уже давно былъ рѣшенъ въ умѣ царя важный вопросъ о томъ, долженъ ли онъ отвергнуть Алексѣя отъ наслѣдія престола. Мы видѣли письмо царя съ береговъ Прута, гдѣ волѣ избранныхъ сыновъ отечества предавалъ онъ избраніе достойнѣйшаго. Въ 1715 году, разговаривая съ посломъ императорскимъ, откровенно высказалъ онъ, что почитаетъ преступленіемъ обязанностей царскихъ передачу престола наслѣднику недостойному. Онъ говорилъ о томъ царевичу Алексѣю, когда у него не было еще другого сына. Но въ 1718 г. царь радовался прекраснымъ трехлѣтнимъ младенцемъ, царевичемъ Петромъ, и отрѣшеніе Алексѣя отъ наслѣдства не представляло уже никакого сомнѣнія послѣ его бѣгства. Царь хотѣлъ совершить дѣло столь важное торжественно, въ виду всей Россіи, не оставляя его семейною тайною, ибо въ такомъ случаѣ крамола и возмущеніе могли открыть Алексѣю путь къ престолу по кончинѣ родителя, при малолѣтствѣ брата. Монашеская келья назначалась удѣломъ Алексѣя.

Получивъ извѣстіе, что Толстой и Румянцевъ везутъ царевича въ Россію, декабря 15-го царь со всѣмъ дворомъ, сенатомъ, знатнѣйшими военными и гражданскими чиновниками и духовенствомъ, отправился въ Москву.

Уже семь лѣтъ не видала царя древняя столица и радостно встрѣтила его. Никто не замѣчалъ въ немъ смущенія. Внимателенъ попрежнему, милостивъ, доступенъ каждому былъ царь. Какъ прежде, онъ весело провелъ праздникъ, даже славилъ Христа о святкахъ, посѣщая съ своими приближенными многихъ простыхъ гражданъ. Въ новый годъ, послѣ обѣдни и молебна въ Успенскомъ соборѣ, въ кремлевскомъ дворцѣ былъ пиръ у царя; вечеромъ сожгли богатый фейерверкъ. Но вскорѣ Москва увидѣла великое и печальное зрѣлище—отца, царя, судію, рѣшающаго жребій сына, подданнаго, преступника.

Февраля 4-го нѣсколько полковъ заняли ворота Кремля и Китая города. Въ кремлевскій дворецъ собрались духовенство чиновники, почетные люди.

Среди нихъ явился царь. За нѣсколько дней до того Алексѣй привезенъ былъ въ Москву и содержался подъ стражею въ преображенскомъ дворцѣ, куда никого къ нему не допускали. Въ мундирѣ, но безъ шпаги и шляпы, введенъ былъ царевичъ въ собраніе. Онъ упалъ на колѣни предъ отцомъ, подалъ ему повинную и умолялъ о прощеніи. Царь началъ говорить, среди глубокаго безмолвія всѣхъ присутствовавшихъ. Онъ уже не укорялъ сына. Безъ гнѣва сказалъ онъ, что сдержитъ свое слово и сохранитъ жизнь раскаившемуся, но что помилованіе должно ему искупить чистосердечнымъ признаніемъ, открытіемъ всѣхъ своихъ замысловъ и всѣхъ участниковъ въ позорномъ бѣгствѣ его. „Милуя тебя", продолжалъ царь, „мы объявляемъ тебя уже недостойнымъ престола, и какъ ты самъ уже отрекался отъ него, лишаемъ тебя наслѣдія властью царскою и отцовскою, и передаемъ наслѣдство престола брату твоему, царевичу Петру" — Алексѣй отвѣчалъ что покоряется волѣ своего родителя и государя, признавая вполнѣ его правосудіе и свое недостоинство. „Присягни!" сказалъ царь. Преклонивъ колѣно предъ крестомъ и евангеліемъ, Алексѣй громко прочиталъ слѣдующую присягу:

„Исповѣдую передъ св. евангеліемъ, что понеже я за мое прегрѣшеніе противъ моего государя и отца, Е. Ц. В., лишенъ мнѣ принадлежащаго права наслѣдства, я оное, ради моего прегрѣшенія и неспособности, признаваю за праведное. И того ради обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ, тріипостаснымъ Богомъ и судомъ Его, что я волѣ моего государя и отца во всемъ повиноваться хочу, и наслѣдства въ государствѣ никогда, ни въ какое время, никакимъ образомъ искать, желать и принимать не буду, признавая за истиннаго, законнаго наслѣдника брата моего, царевича Петра Петровича, въ чемъ цѣлую святой крестъ и евангеліе.

Тогда прочитанъ былъ царскій манифестъ, гдѣ изъяснены были всѣ дѣла и преступленія, бѣгство царевича, клеветы его на родителя, позоръ, нанесенный имъ царю и царству русскому. „Яко государь самодержавный", говорилъ царь, „лишаемъ мы его Алексѣя наслѣдства престола всероссійскаго, хотя бы ни единой персоны изъ фамиліи нашей не осталось, и объявляемъ наслѣдникомъ сына нашего Петра, хотя еще и малолѣтна суща, заклиная сына нашего Алексѣя родительскою клятвою, ни въ которое время наслѣдства себѣ не претендовать и не искать". Манифестъ заключался требованіемъ присяги отъ всѣхъ подданныхъ царя.

Присутствующіе присягнули въ исполненіи воли царской. При благовѣстѣ на Иванѣ Великомъ, царь, царевичъ Алексѣй и всѣ бывшіе во дворцѣ отправились въ соборъ. Какія противоположныя чувства наполняли душу царя, когда за двадцать семь лѣтъ прежде онъ шелъ въ сей древній храмъ благодарить Бога за дарованіе ему сына первенца! Преступникъ, отвергнутый отцомъ и отечествомъ, былъ теперь сей первенецъ царя. — Въ соборѣ и на площади народу читаны были манифестъ царскій и отреченіе царевича. Народъ приводили къ присягѣ. Царевичъ произнесъ клятву, что откроетъ родителю все, что только будетъ угодно ему знать, и въ подтвержденіе

клятвы, очищеніе души и тѣла и начало жизни богоугодной пріобщился св. тайнъ. Его отвезли въ Преображенское. Москва въ трепетномъ благоговѣніи ожидала слѣдствій печальнаго событія въ семействѣ царскомъ.

Царь учредилъ особенную коммиссію, коей предоставлено было изслѣдованіе дѣла царевича. Розыскъ начался требованіемъ отъ него отвѣта на нѣсколько вопросовъ. „Говори", писалъ царь сыну, „говори сущую правду. какъ на исповѣди. Всякая ложь и укрывательство составятъ вину твою, и тогда обѣщенное тебѣ прощеніе будетъ не въ прощеніе".

Царевичъ отвѣчалъ на предложенные вопросы и сказалъ имена нѣсколькихъ участниковъ — Александра Кикина, Никифора Вяземскаго, духовника своего, двухъ князей Долгорукихъ; утверждалъ, что причиною побѣга былъ страхъ отцовскаго наказанія, но никогда не мыслилъ онъ возстать противъ отца и возмущать царство, располагая только прожить въ чужихъ земляхъ до кончины отцовской, и что у императора просилъ онъ только убѣжища, хотя его и принудили въ Вѣнѣ написать письма къ сенаторамъ и духовенству, которыя писалъ онъ прямо набѣло, и сколько помнитъ содержаніе ихъ, письма сіи заключали въ себѣ извѣстіе объ немъ, безъ всякаго возмутительнаго предлога. Царевичъ объявилъ себя не знавшимъ ничьихъ и никакихъ умысловъ противъ царя, и снова клятвами увѣрилъ, что никто къ злоумышленію и побѣгу его не подговаривалъ.

Но уже изъ первыхъ допросовъ разныхъ обвиненныхъ царевичемъ людей явились противорѣчія. Очныя ставки, улики, письма, бумаги и наконецъ пытка нѣкоторыхъ обвиненныхъ раскрыли запирательство и притворство Алексѣя. Царь увидѣлъ и убѣдился, что дѣйствительно заговора не было, но что много было людей, поощрявшихъ сына его къ сопротивленію волѣ отцовской. Ему говорили, что онъ долженъ повиноваться по неволѣ, но если и постригутъ его въ монахи, онъ можетъ впослѣдствіи сложить съ себя клубокъ и уничтожить всѣ сдѣланныя отцомъ его распоряженія. Наконецъ его убѣдили бѣжать къ императору, просить помощи и явиться въ Россію съ войскомъ, въ твердой надеждѣ, что тогда многіе возстанутъ въ помощь ему. Открылось, что еще болѣе было число людей, знавшихъ объ умыслѣ царевича и прикрывавшихъ его преступнымъ молчаніемъ. Собственное признаніе Алексѣя подтвердило, что онъ писалъ возмутительныя письма изъ Вѣны, убѣждая духовенство и вельможъ заступиться за его невинныя страданія. Наконецъ узнали, что многіе изъ духовенства утверждали его въ упорствѣ противъ воли отцовской и въ ненависти къ отцу, даже на исповѣди внушая ему богопротивныя мысли, и что царевичъ былъ намѣренъ по вступленіи на престолъ, при жизни, или послѣ смерти отцовской, погубить казнью главныхъ его сподвижниковъ и возстановить въ Россіи прежніе обычаи.

Всѣ сіи страшныя подробности открывались постепенно, только при явныхъ уликахъ и среди безпрерывныхъ ухищреній и запирательствъ царевича. Тогда только признался онъ, что послалъ возмутительныя письма, когда любовница его Афросинья представила ихъ черновыя, и тогда только

сказалъ, что послалъ ихъ по собственному побужденію, а не по принужденію императора, когда сіи письма прислали изъ Вѣны нераспечатанныя, ибо они и не были отправлены по назначенію, хотя ихъ взяли у царевича, обѣщая переслать въ Россію. Скрывая истину и стараясь обмануть, каждое признаніе сопровождалъ Алексѣй страшными клятвами и униженною мольбою о помилованіи. Низкое малодушіе и закоснѣлое ожесточеніе сердца открывались въ подробностяхъ каждаго обстоятельства и показывали царю, въ какую бездну злосчастія могла погрузить Россію кончина его, если бы бѣгство царевича не открыло опасности.

Скорбь растерзала сердце царя, когда по слѣдствію открылось, что дѣла и умыслы царевича знали и поощряли мать его, бывшая царица Евдокія и тетка, царевна Марія Алексѣевна. Слѣдствіе раскрыло, что Евдокія самовольно сложила съ себя обѣтъ инокини; ходила въ монастырѣ, гдѣ заключили ее, въ свѣтской одеждѣ; приказывала поминать себя въ ектеніяхъ царицею; имѣла соблазнительную связь съ генералъ-маіоромъ Глѣбовымъ, и хвалилась, что сынъ ея когда-нибудь расплатится за всѣ обиды. Ростовскій епископъ Досиѳей не только зналъ безчинія Евдокіи, но подкрѣплялъ ихъ ложными видѣніями и лживыми предвѣщаніями, увлекшими старую, закоснѣлую суевѣрку, царевну Марію Алексѣевну, передававшую ихъ Алексѣю. Изувѣръ и невѣжда, старый бояринъ, князь сибирскій и другіе, были также увлечены ими*).

Оставляемъ печальныя подробности, гдѣ раскрывались невѣжество, суевѣріе, злоба, развратъ, малоуміе и малодушіе подсудимыхъ.

Первое рѣшеніе царя произнесено было по дѣлу его бывшей, преступной супруги: она сослана подъ крѣпкую стражу въ Ново-Ладожскій монастырь. Царевна Марія осуждена была на вѣчное заточеніе въ Шлиссельбургъ. Епископъ Досиѳей, по лишеніи сана архіерейскаго, казненъ, вмѣстѣ съ Глѣбовымъ, Кикинымъ и Вяземскимъ. Кикинъ, чудовище злобы и коварства, главный зачинщикъ и сообщникъ царевича, съ юныхъ лѣтъ находился при царѣ, но исполненный скрытнаго суевѣрія и тайнаго разврата, покушался нѣкогда на жизнь царя. Пистолетъ, направленный имъ въ спящаго государя, у коего былъ онъ денщикомъ, два раза осѣкался. Кикинъ содрогнулся, разбудилъ царя, показалъ ему пистолетъ и сказалъ: „Я присланъ тебѣ отъ Бога возвѣстить, что Богъ хранитъ жизнь твою!“ Царь выслушалъ его признаніе и отвѣчалъ: „Пословъ ни сѣкутъ, ни рубятъ—за раскаяніе твое, я прощаю тебя“. Кикинъ остался попрежнему въ милости у царя и въ возмездіе приготовилъ новое страшное злодѣйство. „Скажи мнѣ, Кикинъ“, спросилъ у него царь, когда судъ обрекъ его на казнь, „скажи, что побуждало тебя, при твоемъ умѣ, быть такимъ нераскаяннымъ злодѣемъ, и за что ты ненавидѣлъ меня?“—„Что ты говоришь объ умѣ моемъ?“ отвѣчалъ хладнокровно Кикинъ. „Умъ любитъ просторъ, а у тебя было тѣсно“.

---

*) Дѣянія Петра Великаго, соч. Голикова (2-е изданіе), т. VII, стр. 42—48.

Марта 5-го совершилась въ Москвѣ казнь преступниковъ. Марта 18 го царь выѣхалъ, съ супругою, дворомъ и всѣми чинами, свѣтскими и духовными, въ Петербургъ. Царевича везли за нимъ, ибо слѣдствіе по дѣлу его еще не было кончено. Оно продолжалось до 14-го іюня. Тогда царь собралъ въ залу сената духовенство, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Всѣхъ особъ, находившихся здѣсь, было до 145. Царевича ввели въ собраніе и прочитали ему выписку изъ всего дѣла. Царь обратился къ сыну своему и спросилъ: признаетъ ли онъ за истину все, что ему читали, и не имѣетъ ли чего прибавить въ свое оправданіе? Алексѣй отвѣчалъ, что все читанное есть сущая истина, и что онъ проситъ только помиловать его. По знаку царя вывели сына его. Онъ былъ отвезенъ въ крѣпость, гдѣ содержался съ самаго привоза его въ Петербургъ.

Царь не могъ простить виновнаго, и клятва, данная ему, пощадить его жизнь, не существовала болѣе, ибо лицемѣрство и упорство царевича продолжались до самыхъ послѣднихъ уликъ его. Жизнь царевича могла быть источникомъ бѣдствій по кончинѣ царя, ибо какіе заклепы обителей и какіе затворы крѣпостей могли удержать Алексѣя, если бы продлилась жизнь его до того горестнаго часа, когда Россія утратила бы его великаго родителя? Исправленія ожидать царь уже не могъ. Но неужели неумолимый судія рѣшался показать свѣту страшный примѣръ правосудія надъ сыномъ своимъ? Въ благоговѣніи умолкаемъ передъ тайною души великаго монарха, увѣренные въ томъ, что чистосердечное раскаяніе обезоружило бы правосудіе царя. Раскаяніе очищало передъ нимъ всякое преступленіе, и оно ли не умолило бы его милосердовать, если бы рядомъ съ нимъ предстала передъ тронъ царскій любовь родительская! Но рѣшеніе дѣла, столь тяжкаго сердцу отцовскому и долгу царя, великій родитель Алексѣя не смѣлъ принять на свою отвѣтственность передъ Царемъ царей. Когда преступникъ былъ выведенъ изъ собранія, царь велѣлъ читать два указа, коими судъ и рѣшеніе судьбы царевича передавалъ онъ рѣшенію духовенства и чиновъ государственныхъ, собраніе коихъ обращалось въ судъ государственный.

„Вы знаете преступленія сына моего“, говорилъ царь. „По законамъ божественнымъ и человѣческимъ я властенъ наказать его, но страшусь погрѣшить, тѣмъ болѣе, что далъ ему клятву пощадить его. Укрывательство истины разрѣшаетъ меня отъ клятвы, но какъ человѣкъ, страшусь грѣха. Судите и рѣшите вы, но судите не въ угоду мнѣ, не опасаясь, что если вы осудите на легкое наказаніе, то тѣмъ учините мнѣ противное, въ чемъ я клянусь вамъ, именемъ Божіимъ. Забудьте также, что преступникъ сынъ государя вашего. Не смотря на лицо, изреките истину, не погубите душъ вашихъ и души моей, да будутъ совѣсти наши чисты въ день Страшнаго суда, и отечество наше да избудетъ бѣдъ.“

На другой день начались засѣданія суда государственнаго. Они продолжались десять дней. Судъ дополнилъ нѣкоторыя подробности, казавшіяся недостаточными. Представлены и соображены были выписки изъ священнаго

писанія и законовъ государственныхъ. Приступили къ сужденію, и единогласный приговоръ суда былъ—смерть.

Духовенство заключило свой приговоръ мольбою о помилованіи виновнаго. „Не приговоръ, но судъ изрекаемъ мы“, говорили духовные пастыри, „ибо кто можетъ насъ поставить судіями тѣхъ, иже нами обладаютъ? Да творитъ царь, еже ему будетъ угодна предъ очима Божіима, но — милость хвалится на судѣ. Не самъ ли Господь помиловалъ грѣшную блудницу? Не щадилъ ли Давидъ преступнаго Авессалома? Сердце царево въ рукѣ Божіей“. — Приговоръ подписали 3 митрополита, 5 епископовъ и 6 другихъ духовныхъ особъ.

„Какъ подданные, со слезами повергаемъ приговоръ нашъ у престола царя“, говорили свѣтскіе судіи. „Намъ ли судить сына государева и царя нашего? Но мы исполняемъ волю его, и объявляя мнѣніе наше съ чувствомъ совѣсти христіанина, уповающаго непостыдно предстать предъ великій, праведный и нелицемѣрный судъ Божій, повергаемъ сужденіе наше власти, волѣ и милосердію монарха нашего“.

Царь прочелъ приговоръ, повелѣлъ призвать царевича въ собраніе суда и прочитать ему рѣшеніе. Несчастный царевичъ содрогнулся, услышавъ смертный приговоръ, затрепеталъ и лишился чувствъ.

Спѣшили помочь ему, старались успокоить, утѣшить его. Говорили, что онъ можетъ еще надѣяться на милосердіе родителя. Царевича отвезли въ крѣпость и извѣстили царя о сильномъ впечатлѣніи, какое произвело на виновнаго объявленіе приговора. Царь былъ смущенъ, но твердъ, и не отвѣчалъ ни слова. Тогда явились къ нему съ извѣстіемъ, что царевичъ впалъ въ болѣзнь тяжкую. Терзаемый судорогами онъ вопилъ, что чувствуетъ приближеніе смерти, плакалъ, умолялъ призвать къ нему родителя, да испроситъ онъ прощеніе его въ страшный часъ кончины. Царь забылъ все, поспѣшилъ въ темницу несчастнаго сына, увидѣлъ слезы его, услышалъ рыданія и мольбы его, и рыдая самъ, обнялъ его и смѣшалъ слезы скорби отцовской со слезами раскаянія сыновняго, изрекая ему прощеніе и благословляя возвратиться къ жизни и добродѣтели. Поздно было желаніе великаго. Царевичъ умолялъ не оставить сиротъ его. Царь удалился. Никакія пособія медицины не могли спасти жизни Алексѣя. Съ трепетомъ преступника покидалъ онъ міръ, пріобщился святыхъ тайнъ, не могъ успокоиться и умолялъ еще разъ позволить ему получить родительское благословеніе. Царь спѣшилъ къ нему, но часъ судебъ Божіихъ совершился — Алексѣй, прощенный судомъ человѣческимъ, прешелъ предъ судъ Божій. Посланный извѣстилъ царя о кончинѣ сына его. Слезы потекли изъ глазъ горестнаго отца. Онъ укрылъ ихъ въ уединеніи отъ всѣхъ своихъ приближенныхъ.

Іюня 28-го въ Троицкомъ соборѣ выставлены были бренные останки усопшаго царевича въ великолѣпномъ гробѣ. Народъ прощался съ погибшею надеждою отца отечества.

Іюня 30-го перенесли гробъ въ Петропавловскій соборъ, и при собраніи двора, духовенства, войска и народа, земля сокрыла въ нѣдрахъ своихъ гробъ Алексѣя, орошенный горькими слезами Петра Великаго.

Что рѣшался учинить царь: хотѣлъ ли — спрашиваемъ съ невольнымъ трепетомъ—исполнить приговоръ суда, или хотѣлъ смягчить его — даже готовилъ прощеніе сыну?—Извѣстно Единому, иже вся вѣдаетъ, Тому, въ чьей рукѣ сердца царей и судьбы Коего непостижимы человѣку.

Царевичъ Алексѣй скончался на 28-мъ году отъ рожденія, черезъ три года по кончинѣ супруги его.

Разборъ мѣры участія многихъ обвиненныхъ въ дѣлѣ царевича продолжался до конца 1718 года. Казнь постигла однакожъ немногихъ преступниковъ. Князь сибирскій, князь Львовъ и одинъ изъ Нарышкиныхъ были высланы изъ столицы. Князь Вас. Влад. Долгорукій сосланъ въ Казань, лишенный чина и ордена, несмотря на просьбы князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго помиловать его. Митрополитъ кіевскій, вызванный по дѣлу царевича въ Петербургъ, и сильно подозрѣваемый, отравилъ себя ядомъ и умеръ въ Твери. Къ нему писалъ царевичъ письма изъ Вѣны, и смерть его подтвердила подозрѣнія, что ему трудно было оправдаться *).

Царевна Марія Алексѣевна скончалась въ Шлиссельбургскомъ заключеніи черезъ пять лѣтъ, въ 1723 году.

Евдокія пережила своего великаго супруга, и послѣ десятилѣтняго заточенія въ Ладожскомъ монастырѣ, а потомъ въ Шлиссельбургской крѣпости, увидала внука своего, сына Алексѣева, на престолѣ, и вскорѣ потомъ на смертномъ одрѣ. Еще прежде кончины внука удалилась она добровольно въ московскій Вознесенскій монастырь и скончалась тамъ въ 1731 году на 62 году отъ рожденія. Внукъ возвратилъ ей титулъ царицы, и желая изгладить позоръ суда, лежавшій на памяти родителя его, объявилъ судъ и приговоръ надъ царевичемъ Алексѣемъ несправедливымъ **). Всѣ печатные экземпляры приговора и манифесты по дѣлу царевича велѣно было отбирать и жечь, какъ будто указомъ царскимъ можно уничтожить событія прошедшаго, такъ же невозвратныя для воли человѣческой, какъ будущее недоступно человѣку!

---

*) Дѣянія Петра Великаго, соч. Голикова, т. VI, стр. 244. Исторія Малой Россіи, соч. Бант. Кам., т. III, 257.

**) Обзоръ главн. происшествій въ Россіи, съ кончины Петра Великаго, соч А. Вейдемейера, ч. I, стр. 59, 2-го изданія.

Разсказъ двадцать первый.

Смерть Карла XII-го. Возобновленіе войны съ Швеціею.

1718–1719 гг.

Онъ палъ—главу на щитъ склонилъ
И стиснулъ мечъ во длани!

Жуковскій.

Братъ мой Карлъ! какъ мнѣ жаль тебя!

Слова Петра Великаго.

Событія, тревожившія западную Европу въ 1718 году, были неожиданными слѣдствіями причинъ, начавшихся въ 1716 году. Уничтожая замыслы Алберони въ Италіи, союзники, какъ будто забыли о Герцѣ и покровителѣ его, королѣ шведскомъ. Франція даже защищала Карла XII-го, а король Георгъ предлагалъ ему миръ. Сбивчивые разсчеты политики произвели сіи слѣдствія. Герцъ спѣшилъ воспользоваться недоразумѣніемъ союзниковъ и совершить планъ свой, вполнѣ одобряемый Карломъ XII. Основаніемъ его были миръ и союзъ съ царемъ. Всего труднѣе было уговорить Карла XII-го на уступки, необходимыя для мира и союза. Но Герцъ такъ умѣлъ овладѣть волею короля шведскаго, что онъ не противился ни въ чемъ своему министру. Самовластію Герца все повиновалось. Гордый временщикъ унижалъ сенатъ, дворянство шведское, сестру короля и ея супруга. Финансовыя мѣры, принятыя Герцомъ, привели на время къ мнимому обилію денегъ въ казнѣ, но пагубныя въ основаніи, онѣ совершенно разоряли Швецію, угрожали гибелью въ будущемъ и возбуждали ненависть народа къ изобрѣтателю ихъ. Герцъ выпустилъ въ оборотъ мѣдную монету (mynt - tecken), которую велѣно было принимать въ цѣнѣ серебра, и монету нисшаго достоинства (monnaie de détresse), которую народъ называлъ герцовыми талерами (Görtz-dalrar). Все золото и серебро приказано было вносить въ казну на обмѣнъ сихъ денегъ. Ропотъ народный противъ министра-грабителя едва не перешелъ

въ бунтъ, тѣмъ болѣе, что при всеобщей бѣдности, Герцъ жилъ великолѣпно и сыпалъ деньгами, соглашаясь при томъ, вмѣсто сбереженія капиталовъ, на всѣ безразсудныя предпріятія Карла XII-го. Онъ зналъ, что успѣхъ загладитъ все. Но нелегко было достигнуть успѣха, ибо едва удалялся Герцъ, враги успѣвали вредить ему своими наговорами и увлекали короля. Кромѣ того Карлъ XII-й не могъ въ бездѣйствіи дожидаться окончанія переговоровъ съ Россіею: ему надобно было, хоть гдѣ-нибудь и съ кѣмъ-нибудь, драться. Онъ не могъ вспомнить безъ досады о неудачѣ своей въ Норвегіи. Герцъ принужденъ былъ наконецъ согласиться на безразсудный походъ, въ коемъ безъ пользы губилъ король шведскій войско, запасы, деньги, кровь и слезы своего народа. По крайней мѣрѣ, походъ сей удалялъ Карла XII-го отъ враговъ Герца, когда ему надобно было поспѣшить на конгрессъ, куда царь посылалъ своихъ министровъ. Герцъ не смѣлъ послать никого вмѣсто себя, предчувствуя неуступчивость царя, и страшась, что раздражатъ тѣмъ Карла XII-го.

Еще до отъѣзда въ Москву царь назначилъ своихъ министровъ для переговора съ Швеціею. Главнымъ считался генералъ-фельдцейхмейстеръ Брюсъ, но дѣйствительнымъ производителемъ дѣла былъ Остерманъ. Сей необыкновенный человѣкъ, впослѣдствіи бывшій правителемъ Россіи и умершій въ ссылкѣ въ Березовѣ, „величайшій политикъ своего вѣка,“ какъ говорилъ о немъ Фридрихъ Великій, былъ сынъ нѣмецкаго пастора и пріѣхалъ въ Россію 18-ти лѣтъ, въ 1704 году, опредѣлясь секретаремъ къ вице-адмиралу Крюйсу. Въ 1718 году онъ былъ уже министромъ царя и его довѣренною особою. Царь проникъ въ простомъ писарѣ великаго дипломата. Современники говорили, что Остерманъ никогда никому не глядѣлъ въ глаза, могъ плакать, когда ему было угодно, и говорить два часа откровенно, но такъ, что слушавшій его, по окончаніи разговора не понималъ, что хотѣлъ онъ вызѣдать отъ Остермана и что говорилъ ему Остерманъ. Пять языковъ зналъ Остерманъ столь хорошо, какъ свой природный нѣмецкій языкъ, и выучился говорить и писать по-русски въ два года. Мѣсто конгресса назначено было на островѣ Лофенѣ, одномъ изъ Аландскихъ острововъ. Первая конференція происходила 12-го мая. Герцъ, взявшій съ собою Гилленборга и секретаря Стамбке, людей подручныхъ и безсловесныхъ, началъ хитростями, но вскорѣ оцѣнилъ достойнаго соперника въ Остерманѣ. Смотря на ихъ переговоры, можно было подумать, что они съѣхались усилить раздоръ и начать войну безпощадную. Россія требовала отдачи всего занятаго ею и союзниками и мира общаго. Швеція хотѣла все возвратить и непремѣннымъ условіемъ включала войну противъ союзниковъ царскихъ. Герцъ горячился и кричалъ. Остерманъ говорилъ откровенно и плакалъ. Упрямство царя приводило однакожъ въ отчаяніе Герца: кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи, Ингерманландіи, Выборга и Кексгольма, царь включалъ въ условіе отдачу Штетина прусскому королю, допущеніе нейтралитета Пруссіи и удовлетвореніе мекленбургскаго герцога Висмаромъ. Въ замѣну за то указывали Швеціи на

Норвегію и Ганноверъ. „А императоръ что скажетъ? „спрашивалъ Герцъ.— „Странно, если вы боитесь, что вступятся за Ганноверъ, когда прежде вы хотѣли свергнуть ганноверскаго курфирста съ англійскаго престола“, отвѣчалъ ему Остерманъ.

Пока продолжался дипломатическій бой, Карлъ и Петръ равно нетерпѣливо ожидали мира, хотя Герцъ и Остерманъ заклинали ихъ подождать. Герцъ испугался, слыша, что царь выводитъ въ море флотъ, думая войною подкрѣпить свою настойчивость. Зная вспыльчивый нравъ Карла XII-го, Герцъ клялся, что такая мѣра разрушитъ все дѣло. Царь послалъ сказать Остерману, что онъ готовъ уступить Швеціи Ригу и Выборгъ. Остерманъ просилъ и умолялъ его не спѣшить, увѣряя, что при поспѣшности все пропадетъ, ибо послѣ сей уступки съ королемъ шведскимъ невозможно будетъ сладить. Царь послушался, но вышелъ однакожъ въ море іюля 6-го съ 23-мя линейными кораблями. Походъ былъ только морскою прогулкою, ибо царица и дочери царя были съ нимъ на флотѣ. Царь встрѣтилъ на морѣ и проводилъ въ Кронштадтъ купеческіе корабли. Переговорамъ не было конца. Скучая замедленіемъ ихъ, царь отпустилъ царицу и дочерей въ Петербургъ, а самъ приблизился къ Аландскимъ островамъ. Посолъ прусскій явился къ нему и заключилъ съ нимъ новый союзный договоръ. Герцъ рѣшился ѣхать къ Карлу XII-му. Остерманъ поѣхалъ къ царю. Черезъ нѣсколько дней они опять съѣхались на Лофенѣ—Швеція уступала, и миръ утверждался. Условія его были слѣдующія:

Швеція отдавала Россіи всѣ Остзейскія области и весь Балтійскій берегъ отъ Курляндіи до Выборга, Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію, и въ Финляндіи Кексгольмъ. Россія прекращала войну, возвращала Швеціи плѣнныхъ и обѣщала разныя льготы по торговлѣ, предоставляя шведскому королю мириться съ союзниками царя по своей волѣ и обѣщая не заступаться за нихъ.

За что же были столь огромныя уступки Швеціи? Тайный договоръ пояснялъ уступчивость Карла XII-го. Швеція кромѣ того уступала еще Пруссіи Штетинъ, а Мекленбургу Висмаръ, но Россія ручалась за то, что Пруссія заключитъ послѣ сего съ Швеціею миръ и останется нейтральною. Швеція хотѣла воевать съ Даніею и принудить ее возвратить голштинскому герцогу всѣ захваченныя ею земли, а также всѣ занятыя датчанами шведскія области въ Германіи, и сверхъ того, за военные убытки, Норвегію. Англійскій король долженъ былъ отдать Швеціи Бременъ и Верденъ. Короля Августа предположено было низложить съ польскаго престола и на его мѣсто возвести Станислава. Царь не только утверждалъ всѣ сіи распоряженія Карла XII-го, но обѣщалъ свой флотъ для перевозки войскъ шведскихъ въ Германію, 20,000 войска для войны съ Георгомъ, и 20,000 для занятія Саксоніи, если Августъ рѣшится противиться.

Только въ одномъ еще спорили: царь не только не хотѣлъ воевать съ Даніею, но даже не давалъ кораблей своихъ для перевоза въ Данію

шведскихъ войскъ, и вспомогательныя русскія войска, дѣйствующія противъ королей Георга и Августа, не соглашался обратить на Данію. Другое условіе было, что сперва Швеція утвердитъ уступки Россіи, а потомъ заключитъ съ нею трактатъ о союзѣ и войнѣ. Тщетно убѣждалъ Герцъ, вспоминалъ объ измѣнахъ Даніи, говорилъ, что король шведскій оскорбится недовѣрчивостью къ нему. Царь былъ непреклоненъ.

Герцъ принужденъ былъ еще разъ ѣхать къ королю шведскому. Чего боялся онъ, то сбылось: Карлъ XII-й вспыхнулъ негодованіемъ, слыша, что царь еще споритъ послѣ столькихъ уступокъ. Но что было еще страшнѣе Герцу, Мюльнеръ, врагъ его, во время отсутствія временщика вошелъ въ довѣренность короля и успѣлъ склонить его къ миру съ королемъ Георгомъ. Разсерженный Карлъ XII-й говорилъ, что онъ не боится царя; что ему надо сидѣть и ждать; что онъ немедленно начинаетъ войну съ Даніею безъ помощи царя, мирится съ Англіею и покажетъ, что царь ему ненуженъ. Всѣ сіи извѣстія, полученныя отъ Герца, встревожили царя. Онъ обѣщалъ уменьшить свои требованія, и желая угодить Карлу XII-му, отпустилъ къ нему друга его, стараго фельдмаршала Рейншильда. Немедленно возвратился царь съ флотомъ своимъ въ Кронштадтъ, стараясь тѣмъ показать королю шведскому свою довѣренность и свое уваженіе.

Средства были придуманы удачно. Пріѣздъ Рейншильда, девять лѣтъ страдавшаго въ плѣну, тронулъ сердце Карла XII-го, а удаленіе русскаго флота доказывало искреннее желаніе мира и дружбы со стороны царя. Король позволилъ Герцу окончить переговоры, и съ своей стороны, желая чѣмъ-нибудь угодить царю, отпустилъ въ Россію старыхъ русскихъ генераловъ, Автонома Головина и князя Юрія Трубецкого, полоненныхъ подъ Нарвою и проживших въ шведскомъ плѣну восемнадцать лѣтъ. Герцъ не могъ только удержать Карла XII-го отъ похода въ Норвегію, хотя и увѣрялъ, что царь весною соединитъ свои войска съ шведскими, и гораздо выгоднѣе и славнѣе будетъ кампанія въ Ганноверѣ и Саксоніи, нежели гибельная и безплодная зимняя война въ Норвегіи, уступку коей, безъ похода туда, легче рѣшить въ Копенгагенѣ. Карлъ XII-й ничему не внималъ. Герцъ простился съ нимъ— не предчувствуя, что уже не увидятся болѣе въ здѣшнемъ мірѣ, и спѣшилъ на Лофенъ. Какъ знакъ особеннаго уваженія, какое уже питалъ тогда Карлъ XII-й къ царю, можно привесть здѣсь случившееся тогда замѣчательное событіе. Въ числѣ плѣнныхъ русскихъ находился въ Швеціи новгородскій купецъ Иголкинъ, захваченный при началѣ войны. Послѣ побѣга князя Долгорукаго русскихъ содержали гораздо строже прежняго. Иголкинъ, можетъ быть, подозрѣваемый въ умыслѣ, или подозрительный своею отвагою и умомъ, находился въ тюрьмѣ. Услышавъ однажды, что два шведскіе солдата, стоя на часахъ, ругаютъ царя, Иголкинъ не вытерпѣлъ, просилъ ихъ замолчать, жаловался на нихъ офицеру, и съ насмѣшкою отвергнутый имъ, не захотѣлъ перенесть позора и ругательствъ на помазанника Божія. Необыкновенно сильный, внезапно бросился онъ на солдатъ, выхватилъ ружье у одного изъ нихъ,

закололь обоихъ ругателей и предалъ себя въ руки прибѣжавшихъ на крикъ шведовъ безъ сопротивленія. „Я исполнилъ долгъ мой", говорилъ Иголкинъ и не думалъ оправдываться. Не знали, что съ нимъ дѣлать и донесли о поступкѣ его королю. Вмѣсто гнѣва, онъ сказалъ съ удивленіемъ: „Среди такихъ варваровъ нашелся такой герой!" Иголкинъ не только былъ освобожденъ отъ суда и наказанія, но отправленъ къ царю, и Карлъ XII-й велѣлъ сказать притомъ, что возвращаетъ ему вѣрнаго подданнаго, какихъ у него конечно немного. Сѣдовласый Иголкинъ былъ представленъ царю въ Петербургъ. Со слезами обнялъ его царь, наградилъ щедро, и всегда заѣзжая къ нему въ гости, когда ѣхалъ черезъ Новгородъ, называлъ его дѣдушкою.

Видя знаки дружбы со стороны шведскаго короля, слыша объ интригахъ Мюллерна и англичанъ, и рѣшась наконецъ предать вѣроломнаго союзника мщенію Карла XII го, царь согласился на все, о чемъ еще спорили до тѣхъ поръ. Положено было обще воевать съ Даніею. Обрадованный царскимъ согласіемъ, Герцъ спѣшилъ къ королю, дружески разставшись съ русскими министрами и обѣщая вскорѣ прислать согласіе Карла XII-го.

Исполненный надеждъ, торжествуя, что достигъ наконецъ желанной цѣли предпріятій, казавшихся мечтою несбыточною, имѣя въ рукахъ средства поколебать Европу, мечтая о великихъ перемѣнахъ, какія готовилъ въ столькихъ европейскихъ государствахъ, Герцъ поспѣшно ѣхалъ въ лагерь короля шведскаго. Нетерпѣливо ждалъ извѣстій отъ него царь, также достигшій своей цѣли, принудившій врага сознать его силу и величіе, готовившій измѣненія въ судьбахъ Европы. Возвратясь съ флотомъ въ Кронштадтъ сентября 2-го, онъ оставался въ Петербургѣ, работая на верфи адмиралтейской, присутствуя въ сенатѣ и позднею осенью посѣтивъ еще разъ Кронштадтъ. Во время сей поѣздки, царя и спутниковъ его, въ числѣ коихъ было нѣсколько иностранныхъ пословъ, захватила жестокая буря. Легкій буеръ царскій заливало волнами; всѣ бывшіе съ царемъ просили его пристать къ берегу. Онъ стоялъ самъ на кормѣ и говорилъ, что бояться нечего. Одинъ изъ посланниковъ обратился наконецъ къ царю и съ важнымъ видомъ представилъ ему, что, если Е. Ц. В. угодно не жалѣть ни своей, ни подданныхъ своихъ жизни, то онъ, посланникъ, лицо дипломатическое, за безопасность коего ручается царь, протестуетъ за свою жизнь, и конечно, король, государь его, не оставитъ требовать за погибель его удовлетворенія. „Полноте, г-нъ посланникъ", отвѣчалъ царь, смѣясь, „вѣдь если мы утонемъ, такъ утонемъ всѣ, а тогда и королю, государю вашему, требовать удовлетворенія будетъ не съ кого!" царь увидалъ однакожъ невозможность достигнуть Кронштадта и присталъ въ Петергофѣ Веселый ужинъ наградилъ спутниковъ его за всѣ опасности и за весь страхъ. Протестъ посланника долго потомъ смѣшилъ царя.

Среди сихъ разнообразныхъ занятій и ожиданія желанной вѣсти царя поразило извѣстіе вовсе неожиданное: Карла XII го уже не было на свѣтѣ. Нашлась наконецъ роковая пуля изъ безчисленныхъ пуль, свиставшихъ около

него въ теченіе 20-ти лѣтъ, считая съ 1700 года, когда онъ спрашивалъ на берегахъ Даніи: что это такое свиститъ вокругъ него — нашлась, и ноября 30-го 1718 года, поразила шведскаго героя, пущенная, какъ многіе говорили, рукою предателя!

Въ сентябрѣ Карлъ XII-й повелъ войско свое въ Норвегію. Армфельдтъ, съ легкимъ корпусомъ изъ 7,000 человѣкъ, перешелъ через снѣговыя горы Норвежскія изъ Вестро - Ботніи и достигъ Дронтгейга, когда самъ Карлъ XII-й, съ 18,000 и осадною артиллеріею, занялъ Фридрихсгаллъ на югѣ Норвегіи. Не имѣя возможности получить помощь изъ Даніи, защитники Норвегіи попрежнему укрывались въ крѣпостяхъ, ожидая, что холодъ, голодъ и недостатки всякаго рода, лучше оружія побѣдятъ непріятелей. Но Карлъ XII-й тѣшился опасностями. Онъ осадилъ Фридрихсгаллскую крѣпость, ключъ къ столицѣ норвежской, Христіаніи. Солдаты его замерзали въ траншеяхъ—онъ ложился на землѣ, завернувшись въ плащъ свой, и засыпалъ спокойно — ѣлъ хлѣбъ и воду и отдавалъ мясо и другіе припасы слабымъ и больнымъ. Шведы изумляли непріятелей отвагою и терпѣніемъ. Крѣпость была стѣснена со всѣхъ сторонъ. День и ночь громили ее артиллеріею. Датчане видѣли, что еще нѣсколько дней, и они принуждены будутъ сдаться.

Ноября 30-го, въ 9 часовъ вечера, Карлъ XII-й пошелъ осматривать осадныя работы. Онъ былъ недоволенъ нѣкоторыми и приказалъ немедленно передѣлать ихъ. Мегре, французъ, управлявшій осадою, отвѣчалъ королю, что чрезъ недѣлю крѣпость сдастся. „Увидимъ!“ сказалъ Карлъ XII-й, и остановился противъ крѣпостного бастіона, откуда непріятель производилъ безпрерывную пальбу. Ночь была темная. Звѣзды ярко сіяли на небѣ. Огонь выстрѣловъ освѣщалъ окрестность. Мегре видѣлъ, что Карлъ XII-й облокотился на парапетъ и внимательно смотрѣлъ на работы. Недалеко отъ него стоялъ французъ Сикье, адъютантъ герцога гессенъ-кассельскаго, присланный къ королю за полученіемъ какихъ-то приказаній. Въ нѣсколькихъ шагахъ далѣе находился графъ Шверинъ, распоряжавшійся работниками, и отдавалъ приказанія графу Поссе и Кулберту, шведскимъ офицерамъ. Выстрѣлы непріятельскіе могли долетать до парапета, но король не думалъ остерегаться отъ нихъ. Говорить ему чтобы онъ поберегся, былъ тщетный трудъ, и когда же прятался онъ отъ пуль и ядеръ? Вдругъ Сикье и Мегре увидѣли, что Карлъ XII-й повалился на парапетъ.—Бросились къ нему—онъ былъ мертвъ. Картеча ударила его въ високъ—одинъ глазъ у него ввалился, другой почти выскочилъ изъ своего мѣста. Умирая, Карлъ XII-й удержался на ногахъ, схватился за ефесъ шпаги своей, и рука его окостенѣла на вѣрномъ товарищѣ его жизни. Volà la pièce finie (вотъ и кончилась комедія)! сказалъ Мегре. Позвали Шверина. Онъ приказалъ скрыть смерть короля отъ солдатъ. Надѣли на голову покойника парикъ, завернули его въ плащъ и велѣли нести. Все было спокойно въ лагерѣ. Солдаты, встрѣчавшіеся съ несущими тѣло, не думали, что убитый былъ ихъ король. Имя Карла XII-го еще пра-

вило войскомъ и Швецiею, когда для него уже все было кончено. Онъ умеръ, какъ желалъ умереть, осматривая нѣкогда Люценское поле—умеръ на 37-мъ году жизни—герой, побѣдитель, властитель судьбы царствъ, бѣглецъ, плѣнникъ, донъ Кихотъ въ Турцiи, образецъ солдата — урокъ царей... Сколько мыслей возбуждаетъ гробница Карла XII-го, гдѣ мирно почилъ не знавшiй мира въ жизни... „Комедiя кончилась"...

„Ахъ! братъ Карлъ! какъ мнѣ жаль тебя!" воскликнулъ царь, когда въ Петербургъ пришло извѣстiе о смерти короля шведскаго. Слезы потекли изъ глазъ его. Онъ не могъ говорить. Усомнимся ли, что въ сiи грустныя мгновенiя пролетѣла передъ нимъ память о столькихъ годахъ, проведенныхъ въ борьбѣ съ Карломъ XII-мъ, о непостижимой судьбѣ провидѣнiя, раскрывшей между ними могилу, когда они протягивали другъ другу руку на миръ и союзъ? Мы вѣримъ, что мысль о разрушенiи надежды на миръ, о новыхъ трудахъ, коими надлежало купить его, была уже послѣдовавшею за тѣмъ мыслью царя...

Царь не обманулся, если предвидѣлъ, что послѣ сего миру не быть, ибо смерть Карла XII-го, низпровергая весь порядокъ дѣлъ, открыла просторный путь интригѣ и развязала свирѣпыя страсти, удерживаемыя дотолѣ именемъ Карла XII-го. Едва только вѣсть о смерти короля передана была герцогу гессенъ-кассельскому, онъ созвалъ генераловъ и главныхъ офицеровъ. Увы! немногiе изъ нихъ плакали о Карлѣ XII-мъ. Немного оставалось среди нихъ его старыхъ товарищей. Для большей части людей, окружавшихъ Карла XII-го, подвиги его были преданiемъ. Въ глазахъ ихъ Карлъ XII-й являлся только искателемъ приключенiй въ Турцiи, упрямцемъ, губившимъ безполезно свое отечество, и наконецъ унижавшимся передъ русскими и царемъ ихъ. Вражду къ русскимъ 20-ти-лѣтняя война обратила въ какую-то народную ненависть. Впрочемъ въ Швецiи гораздо болѣе думали о томъ, кому теперь достанется корона шведская. Крамола и своекорыстiе зашипѣли, испуганныя дотолѣ мечемъ Карла XII-го. Хитрый Фридрихъ такъ искусно умѣлъ расположить умы, что вмѣстѣ съ объявленiемъ о смерти короля войско услышало о восшествiи на престолъ принцессы Ульрики Элеоноры. Сикье (его обвиняли потомъ въ смерти Карла XII-го, и хотя не уличили, но подозрѣнiе осталось на его памяти) посланъ въ Стокгольмъ съ извѣстiемъ къ Ульрикѣ Элеонорѣ, а полковникъ Баумгартенъ поѣхалъ навстрѣчу Герца, съ повелѣнiемъ отъ имени короля захватить его, гдѣ встрѣтитъ, и отвезти подъ стражею въ крѣпость Удевадскую. Кроткая Ульриха Элеонора заплакала, услышавъ о смерти брата, призвала сенаторовъ, объявила имъ печальную вѣсть, и не замѣчала, что они спѣшили, не изъявлять ей своего усердiя, но распорядиться арестомъ друзей и сообщниковъ Герца и объявленiемъ о немедленномъ собранiи сейма. Забывая, что надобно спасать отечество, олигархи шведскiе хотѣли прежде всего воспользоваться замѣшательствомъ дѣлъ, унизить власть королевскую, уничтожить права другихъ сословiй и захватить себѣ бразды правленiя, забывая о войнѣ, мирѣ и союзахъ. Фридрихъ при-

скакалъ въ Стокгольмъ, приказавъ снять осаду Фридрихсгалла и предоставляя войско шведское судьбѣ его. Рейншильдъ принялъ начальство и вывелъ шведовъ въ отечество, преслѣдуемый датчанами, бросивъ пушки, обозы, даже оставя больныхъ. Еще несчастнѣе было возвращеніе Армфельдта: 4000 человѣкъ погибло у него при обратномъ переходѣ отъ Дронтгейма.

Несмотря на хитрости Фридриха и объявленіе Ульрики Элеоноры королевою, дѣло о шведскомъ наслѣдствѣ далеко еще не было рѣшено. По собраніи сейма члены его смѣло заговорили о томъ, кому быть государемъ Швеціи, племяннику или сестрѣ покойнаго короля? Ульрика Элеонора не смѣла возражать. Карлъ XII-й не оставилъ завѣщанія. „Найдется голова, на которую какъ-нибудь надѣнутъ по смерти моей корону!“ отвѣчалъ онъ, когда ему предложили учредить порядокъ наслѣдства. Фридрихъ принужденъ былъ молчать и Ульрика Элеонора смиренно объявила, что она предаетъ сужденію сейма рѣшеніе вопроса о наслѣдствѣ, хотя голосъ народа и войска отдавалъ ей престолъ. Она оставила собраніе, и прежде выбора сейму предложили, что покойный король Карлъ XII й захватилъ насильно права шведскаго народа въ 1693 г., и что прежде всего надобно возвратить ихъ, ибо дѣла Карла XII го, и бѣдственное состояніе, до какого доведена ими Швеція, показываютъ гибельныя слѣдствія настоящаго образа правленія. Послѣ продолжительныхъ споровъ утвердили новую конституцію государства, совершенно отнимавшую, не только волю будущаго короля, но даже и право несоглашенія его на рѣшенія сената и сейма, гдѣ большинство голосовъ рѣшало всѣ дѣла, и гдѣ притомъ вся власть сосредоточивалась въ олигархіи немногихъ. Фридрихъ такъ жадно искалъ хоть какой-нибудь власти, такъ боялся, что сообщники герцога голштинскаго поспѣшатъ на все согласиться, что предупредилъ ихъ своимъ согласіемъ. Ульрика Элеонора явилась на сеймъ, присягнула предварительно въ принятіи конституціи, если выборъ падетъ на нее, и была избрана сеймомъ, получивъ титулъ, но не власть королевы, ибо такова была сущность новыхъ постановленій, источникъ золъ, погубившихъ въ Швеціи то, что еще уцѣлѣло послѣ бѣдствій, претерпѣнныхъ ею при Карлѣ XII-мъ, сдѣлавшихъ изъ наслѣдниковъ Карла XII-го жалкое орудіе немногихъ честолюбцевъ, захватившихъ власть, и подъ видомъ свободы уничтожившихъ достоинство королей и права другихъ сословій.

Удивительно ли послѣ сего, что начало правленія кроткой Ульрики Элеоноры было ознаменовано кровавою расплатою съ человѣкомъ, ненавистнымъ шведской аристократіи, Фридриху и духовенству шведскому. Даже голосъ народа присоединялся къ голосу враговъ Герца, ибо благоговѣя передъ Карломъ XII-мъ, особливо когда могила примирила съ нимъ современниковъ, народъ приписывалъ всѣ бѣдствія Швеціи Герцу. На все готовы были согласиться, все соглашались отдать и одобрить, но только Герца надобно было растерзать Захваченный на пути въ Норвегію, Герцъ такъ былъ пораженъ неожиданною перемѣною обстоятельствъ, что нѣсколько дней казался обезумѣвшимъ, молчалъ и почти ничего не ѣлъ. Увидя, что жребій

его уже опредѣленъ невозвратно, онъ рѣшился умереть героемъ, и съ минуты его рѣшенія никто не замѣтилъ въ немъ ни одного мгновенія слабости. Хладнокровно слушалъ онъ вопли и ругательства черни, когда везли его въ Стокгольмъ, смѣялся, когда его судили, шутилъ, слыша, что на него взводятъ клеветы и небылицы, жалѣлъ только о томъ, что его „худо кормятъ, готовя на убой.“ Въ темницѣ своей писалъ онъ стихи и сочинилъ себѣ эпитафію: Fides erga regem et ducem, mors regis, mors mea (Вѣрность моя къ государю и смерть его причиняютъ смерть мнѣ). Послѣдніе дни Герцъ посвятилъ благочестивымъ занятіямъ, забывая обо всемъ земномъ. „Что вы плачете, друзья мои?“ говорилъ онъ слугамъ своимъ, идя на казнь. „Вѣдь надобно же было когда-нибудь намъ разстаться! „Спокойно глядѣлъ Герцъ съ эшафота на толпы народа, покрывавшія площадь. „Не сказать ли имъ нѣсколькихъ словъ?“ спросилъ онъ у своего духовника. „Нѣтъ! думай только о небѣ!“ отвѣчалъ ему духовникъ. Герцъ замолчалъ. Кладя голову на плаху, онъ остановился на мгновеніе. „Упейся, Швеція, кровью того, кто хотѣлъ тебѣ добра и славы!“ сказалъ онъ, легъ на плаху, и съ одного удара голова его отвалилась отъ туловища.

Между тѣмъ въ Стокгольмѣ праздновали коронованіе королевы (марта 17-го). Одни спѣшили захватить чины и почести, не видя страшнаго урока въ ничтожности ихъ, совершившагося передъ глазами Другіе окружили королеву интригами и крамолами. Смерть Карла XII-го привела въ движеніе умы европейскихъ политиковъ въ Англіи, Германіи, Даніи, Франціи. Швеція сдѣлалась жертвою внутреннихъ крамолъ и внѣшнихъ интригъ. Каждый хотѣлъ воспользоваться, чѣмъ могъ, и прежде всѣхъ успѣлъ въ томъ король Георгъ.

Раскрытіе тайнъ аландскаго конгресса изъ бумагъ Герца и признаній Гилленборга, который первый выдалъ своего благодѣтеля и друга, показало опасность усиленія могущества Россіи, и съ мыслью о пріобрѣтеніи, что только можно было пріобрѣсть отъ Швеціи, все вооружилось противъ царя, вопія объ его непомѣрномъ честолюбіи и вѣроломствѣ противъ союзниковъ. Каждый предлагалъ Швеціи помощь противъ Россіи — даже Пруссія. По обыкновенію принимая систему противную той, которой слѣдовалъ предшественникъ, правители Швеціи не только не думали мириться съ царемъ, но войну съ нимъ считали государственною необходимостью, мечтали принудить его къ миру, надѣясь на обѣщанія и помощь императора, султана, Франціи и Польши.

Царь все зналъ и оставался спокоенъ, сколь ни тяжекъ былъ ему проходившій 1718 годъ—годъ смерти царевича Алексѣя. „Возлагая печаль на Господа,“ какъ говорилъ онъ при всѣхъ несчастныхъ событіяхъ, гдѣ видѣлъ неотвратимое силами человѣческими наказаніе Божіе, царь не упускалъ ничего, что могло споспѣшествовать успѣху тамъ, гдѣ умъ и сила рѣшали дѣло. Не страшась Карла XII-го и готовый на союзъ съ нимъ, онъ

готовился и по смерти его подкрѣплять требованіе мира оружіемъ, вполнѣ понимая безсиліе наслѣдниковъ Карла XII-го, если они вздумаютъ бороться съ Россіею. Царь былъ увѣренъ, что рано или поздно Швеція должна будетъ кончить миромъ — уступить онъ ничего не хотѣлъ. Но его огорчало, что интрига протянетъ еще нѣсколько времени въ безполезной непріязни, поддерживаемой своекорыстіемъ однихъ и безсовѣстностью другихъ, а царь начиналъ дорожить временемъ. Сороколѣтніе труды царствованія уже утомляли его, онъ уже чувствовалъ упадающія силы свои, а еще столь много надобно было труда, еще столь многое предлежало ему исполнить.

По наружности конгрессъ аландскій не кончился смертью Карла XII-го, хотя Герцъ былъ уже въ могилѣ, а Остерманъ уѣхалъ къ царю. Гилленборгъ и Брюсъ оставались на Лофенѣ. Королева прислала царю грамоту, извѣщая о кончинѣ брата, вступленіи своемъ на престолъ и желаніи мира. Въ февралѣ 1719 г. явился на Лофенѣ министръ шведскій, графъ Лиліенштедтъ. Онъ заговорилъ о началѣ переговоровъ. Ему отвѣчали, что переговоры уже кончены, и царь не отступитъ отъ условій опредѣленнаго ими мира. Шведы возражали, что великія уступки со стороны Швеціи были учинены за обѣщаніе участія въ войнѣ, которую хотѣлъ предпринять король, но какъ нынѣ Швеція, не только войны ни съ кѣмъ не начнетъ, но старается заключить со всѣми прочный миръ, и всѣ обѣщаютъ ей помощь въ случаѣ упорства Россіи, то прежнія условія мира не годятся, и царь можетъ опасаться своимъ упорствомъ навлечь на себя общую войну. Русскій министръ пожелалъ знать: о чемъ состоятъ измѣненія прежнихъ условій? шведы предложили исключить изъ уступокъ Россіи Лифляндію съ Ригою и ревельскій округъ.

Желая скорѣе кончить затрудненія, царь отправилъ въ Стокгольмъ бригадира Лефорта, а на Лофенъ Ягушинскаго. Лефортъ долженъ былъ отвезти отвѣтъ царя на извѣстительную грамоту королевы и узнать расположеніе дѣлъ въ Стокгольмѣ, а Ягушинскій стараться убѣдить шведскихъ министровъ въ несообразности предложеній ихъ, опасности, упорства, невозможности подтвердить свои горделивыя требованія силою. „Скажи имъ,“ говорилъ царь, „что я медлить не стану, и если они заспорятъ, пришлю въ Швецію сорокъ тысячъ уполномоченныхъ, которые огнемъ и мечемъ подтвердятъ мои требованія.“

Донесенія Лефорта показали царю, что если королева и многіе благоразумные люди желали мира и готовы были уступить, то не во власти ихъ было исполнить такое желаніе. Буйная партія олигарховъ владѣла правленіемъ шведскаго государства и не соглашалось на миръ съ Россіею даже и потому, что миръ съ царемъ и условія его были представлены народу однимъ изъ главныхъ преступленій Герца, склонявшаго короля на безславіе Швеціи. Съ такимъ мнѣніемъ соединялся вопль невѣжественной черни, равно ненавидѣвшей дѣла Герца и имя русскихъ. Съ другой стороны дипломатическая интрига дѣйствовала неутомимо, хотя своекорыстіе помощниковъ

Швеціи было слишкомъ явно. Вызываясь помогать шведамъ противъ Россіи, Англія требовала Бремена и Вердена, Данія Стральзунда, Пруссія Штетина, и за то указывали Швеціи на Ригу, Ревель и Выборгъ, обѣщая употребить посредство императора и Франція, и силу оружія для убѣжденія царя на уступку сихъ городовъ. Надлежало образумить ослѣпленныхъ, показать имъ тщету надежды ихъ на союзниковъ.

Зимою приготовлялись въ Петербургѣ флотъ, а въ Финляндіи войска. Чувствуя свое здоровье весьма разстроеннымъ, царь рѣшился испытать употребленіе желѣзныхъ минеральныхъ водъ, открытыхъ незадолго передъ тѣмъ въ Олонецкой губерніи, близъ Кончезерскаго желѣзнаго завода. Января 19-го 1719 г. отправился онъ на олонецкія воды, со своимъ семействомъ и небольшою свитою, жилъ въ маленькомъ, нарочно выстроенномъ домикѣ, распоряжая миромъ и войною, и въ минуты отдыха работая на заводѣ, или точа костяное паникадило въ Петропавловскій соборъ. Остерманъ былъ съ нимъ. Марта 3-го царь отправился обратно въ Петербургъ, щедро наградивъ Ивана Рябоева, крестьянина, который первый излѣчился олонецкими водами и сказалъ другимъ объ ихъ цѣлебной силѣ. Получивъ большое облегченіе отъ олонецкихъ водъ, царь приказалъ обнародовать указъ, гдѣ объяснялъ, что ни пирмонтскія, ни спаасскія воды, по собственному его испытанію, не оказываютъ такого спасительнаго дѣйствія въ болѣзняхъ. Апрѣля 1-го Остерманъ отправился на конгрессъ, и съ нимъ поѣхалъ прусскій министръ, баронъ Мардефельдъ, ибо Пруссія все еще называла себя союзницею Россіи. Іюня 9-го царь вывелъ въ море флотъ, состоявшій изъ 28 линейныхъ кораблей, 200 галеръ и 300 лодокъ; 25,000 войска находилось на флотѣ. Военныя дѣйствія начались еще въ маѣ. Капитанъ Синявинъ, крейсировавшій между Эзелемъ и Гохландомъ, встрѣтилъ три шведскіе корабля (одинъ былъ 57-мипушечный, два другіе о 33-хъ и 12-ти пушкахъ), напалъ на нихъ и овладѣлъ ими. „Зѣло обрадовали вы насъ добрымъ почином,“ писалъ царь Синявину, „за что вамъ зѣло благодарствую.“ Синявинъ былъ пожалованъ въ командоры. Медаль ознаменовала торжество надписью: Прилежаніе и вѣрность превосходятъ силу.—Царь повелъ корабельный флотъ къ Ревелю и Рогервику. Апраксинъ съ галернымъ флотомъ и войскомъ отправился въ Финляндію. Царь присоединился къ нему 26-го іюня.

Грозныя силы царя стояли почти въ виду Стокгольма. Королева сознавала опасность и умоляла своихъ властителей спасти отечество. Посланный отъ нея, баронъ Коотъ явился къ царю и видѣлъ вблизи русскія ополченія, готовыя идти къ шведскимъ берегамъ. Не слушая льстивыхъ привѣтствій посланнаго, царь требовалъ одного — мира. Дабы ускорить переговоры, онъ отправилъ въ Стокгольмъ Остермана съ своимъ послѣднимъ рѣшеніемъ: онъ уступалъ, соглашался заплатить за Ригу нѣкоторую сумму денегъ, соглашался даже взять Ригу только во временное владѣніе на 40, даже на 20-ть лѣтъ. Въ то же время Апраксинъ пошелъ къ шведскимъ берегамъ съ галерами и войскомъ.

Остерманъ ничего не могъ рѣшить. Убѣдительнѣе словъ его были дѣла Апраксина. Генералъ-маіоръ Ласси подошелъ къ приморью Упланда и Гестрика, и почти цѣлый мѣсяцъ опустошалъ ихъ, пока Армфельдтъ рѣшился остановить разоренія и выступилъ изъ Гефле съ 3000 войска и 1000 милиціи. Мѣстечки Эстъ-Гаммеръ, Лефстъ и Эрегрундъ, селенія, заводы, лѣса были опустошены и выжжены. Шведскіе отряды бѣжали, бросая ружья и пушки, едва русскіе выступали на битву съ ними. Не менѣе гибельны были дѣйствія самого Апраксина. Приставши къ берегамъ Зюдерманланда, онъ опустошилъ мѣстечки Норъ-Кепингъ Ню-Кепингъ, Зюдеръ-Теліе, сталъ у острова Рунси въ окрестностяхъ Стокгольма, и разбилъ отрядъ шведовъ почти подъ стѣнами шведской столицы. Царь удержалъ дальнѣйшія опустошенія, ибо одна необходимость заставляла его губить беззащитныхъ жителей Швеціи. Онъ оправдывалъ свои поступки манифестомъ, который поручено было распространять на шведскихъ берегахъ. Казалось, убѣжденіе было довольно сильно. Королева прислала просить мира. Царь еще разъ согласился. Въ половинѣ августа русскій флотъ отдалился отъ береговъ шведскихъ и отъ Аландскихъ острововъ. Августа 30-го царь прибылъ въ Петербургъ, и въ Троицкомъ соборѣ благодарилъ Бога за успѣхи русскаго оружія.

Но онъ уже не вѣрилъ обѣщаніямъ шведовъ, и не только не оставлялъ войны, но готовился въ слѣдующемъ году на дѣйствія болѣе важныя. Нерѣшительный отвѣтъ шведскихъ министровъ, даже и послѣ нападенія на Швецію Ласси и Апраксина, подтвердилъ мнѣніе его. Переговоры были прерваны.

На чемъ однакожъ основывались надежды Швеціи послѣ страшныхъ уроковъ, какіе испытала она отъ оружія разгнѣваннаго царя? Но можно ли спрашивать о причинахъ тамъ, гдѣ буйство страстей, руководимое безначаліемъ, управляется пагубнымъ своекорыстіемъ, при забвеніи мысли объ общемъ благѣ?

Все пособіе, полученное Швеціею отъ союзниковъ въ 1719 году, состояло въ присылкѣ англійской эскадры, безполезно явившейся осенью на Балтійскомъ морѣ. Адмиралъ Норрисъ, старый знакомый царя, съ 10-ю кораблями, подходилъ къ Стокгольму, видѣлъ пепелища, дымившіяся на берегахъ Швеціи, и слѣды русскихъ опустошеній, но не приступая ни къ чему, удалился въ Англію. Тѣмъ не менѣе переговоры съ Англіею продолжались. Новыя обѣщанія были даны на слѣдующій годъ, и ноября 19-го заключенъ былъ съ королемъ Георгомъ трактатъ. Швеція уступала ему Бременъ и Верденъ. Король Георгъ обязывался заплатить ей за то милліонъ талеровъ и обѣщалъ прислать въ помощь 6000 человѣкъ войска. О царѣ была включена въ договоръ особенная статья слѣдующаго содержанія: „Хотя королева шведская употребляетъ всѣ усилія прекратить сѣверную войну, но всѣ старанія остаются тщетны, а потому король великобританскій обязывается не терпѣть болѣе безполезной траты времени въ тщетныхъ желаніяхъ мира, но на слѣ-

дующую весну выслать въ море сильное морское ополченіе, состоящее изъ военныхъ кораблей, въ помощь Швеціи, и соединено съ флотомъ шведскимъ дѣйствовать, дабы остановить нападенія на Швецію царя московскаго и принудить его къ принятію условій справедливаго мира".

Итакъ 1720 годъ, вмѣсто мира, грозилъ новою, болѣе прежняго дѣятельною войною. Увидимъ разрушеніе надеждъ Швеціи, послѣдніе удары, нанесенные ей могущею рукою царя, и новыя отношенія, въ какія всѣ сіи обстоятельства поставили Россію.

Войска короля Георга уже сражались съ русскими войсками, но незначительная битва между ними не относилась къ пособію шведамъ. По внушеніямъ Бернсторфа, король Георгъ вмѣшался въ распри герцога мекленбургскаго съ мекленбургскимъ дворянствомъ и приказалъ вступить 8000-му ганноверскому корпусу въ Мекленбургъ. Герцогъ велѣлъ идти для защиты Ростока двумъ русскимъ полкамъ изъ Шверина. Ганноверцы не хотѣли пропустить ихъ, начали стрѣлять и убили 5 человѣкъ. Раздраженные русскіе пошли на ганноверцевъ и заставили ихъ отступить. Царь былъ недоволенъ распоряженіями герцога и даже приказалъ своимъ полкамъ оставить Мекленбургъ. Онъ не хотѣлъ подать повода къ новой войнѣ, вмѣшиваясь въ безтолковныя распри.

Родительское сердце царя было въ 1719 году поражено новою тяжкою скорбью. Судьбамъ Всевышняго было угодно испытать великаго горестью на могилѣ преступнаго сына и на могилѣ невиннаго младенца, надежды отечества: царевичъ Петръ скончался апрѣля 25-го на пятомъ году. Онъ радовалъ отца своимъ здоровьемъ, необыкновеннымъ ростомъ, умомъ, развивавшимся въ дѣтскихъ понятіяхъ и рѣчахъ его, и унесъ въ могилу радость и упованіе отца и Россіи. Смертью его пресѣклось мужеское потомство Петра Великаго. Оставался только малолѣтній внукъ, сынъ царевича Алексѣя, и на немъ лежали всѣ надежды его державнаго дѣла.

Съ годами незамѣтно рѣдѣли ряды сподвижниковъ царя, товарищей его жизни и его трудовъ въ теченіе тридцати лѣтъ, свидѣтелей первыхъ опасностей его въ бунтахъ стрѣлецкихъ, сопутствовавшихъ ему подъ Азовъ, подъ Нарву, подъ Полтаву. Въ 1717 году скончался князь кесарь, Ѳ. Ю. Ромодановскій, до конца жизни любимый царемъ и неизмѣнно вѣрный царю. Въ 1719 году послѣдовали за нимъ въ могилу — старецъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ и фельдмаршалъ графъ Б. П. Шереметевъ. Переходъ съ войсками изъ Помераніи въ Польшу былъ послѣднимъ дѣломъ Шереметева. Больной поѣхалъ онъ изъ Польши въ Москву и оставался тамъ. Въ октябрѣ 1718 г. писалъ онъ царю: „Болѣзнь мою умножаетъ сомнѣніе, что В. В. можете подумать, будто я здѣсь по прихоти проживаю, но вѣрный всю жизнь мою, стану ли обманывать царя моего на старости? Если Богъ приведетъ увидѣться, сами изволите увидѣть, какъ тяжко я боленъ". Онъ не всталъ съ одра болѣзни. Богъ не привелъ его увидѣться съ царемъ. Онъ скончался

въ февралѣ 1719 года, завѣщая положить въ Кіево-Печерской лаврѣ, подлѣ милаго ему, старшаго сына. Царь приказалъ перевезть бренные останки друга своего въ Петербургъ, и съ почестью похоронилъ ихъ въ Невскомъ монастырѣ. Въ 1720 году скончался князь Я. Ѳ. Долгорукій. Прахъ его покоится въ оградѣ Андреевской церкви, на Васильевскомъ островѣ, и на гробницѣ его нѣтъ надписи: Говорилъ царю правду. Въ 1721 г. умеръ Адамъ Вейде, спутникъ царя подъ Азовъ, въ старости такъ смѣло сражавшійся при Гангудѣ, и нѣкогда бывшій капитаномъ бомбардирской преображенской роты вмѣстѣ съ царемъ.

Разсказъ двадцать второй.

Окончаніе войны и миръ съ Швеціею. Титулъ императорскій.

1720—1721 гг.

Всѣ ученики науку въ семь лѣтъ оканчиваютъ, а наша школа трикраты болѣе продолжалась, и слава Богу, такъ окончилась, что лучше желать невозможно!
Здравствуйте, православные, и благодарите Бога, что толикую долговременную, двадцать одинъ годъ продолжавшуюся войну прекратилъ Богъ счастливымъ миромъ!

Слова Петра Великаго.

1720-й годъ ознаменованъ былъ въ Швеціи разными политическими событіями, весьма важными въ отношеніяхъ ея къ Россіи.

Кромѣ обѣщаннаго пособія флотомъ и войскомъ, король Георгъ сдѣлался посредникомъ между Швеціею и ея непріятелями. Голосъ его былъ дѣйствительнѣе у другихъ, нежели у царя. Прусскій король, столь недавно подтвердившій союзъ съ Россіею, отступился отъ нея первый. Января 21-го 1720 года Пруссія заключила трактатъ, коимъ Швеція уступила ей Штетинъ, съ островами Узедомомъ, Воллиномъ и устьемъ Одера, до впаденія рѣки Пеены. Пруссія заплатила за то Швеціи два милліона талеровъ, обѣщала „употребить стараніе и возможные способы склонить всѣхъ враговъ Швеціи на заключеніе справедливаго и прочнаго мира“. — Еще въ концѣ 1719 года король Августъ заключилъ тайную конвенцію, по коей прекращалъ войну противъ Швеціи перемиріемъ, безъ всякихъ съ обѣихъ сторонъ вознагражденій, съ тѣмъ только, что Станиславъ отречется отъ правъ на польскій престолъ. Августъ обѣщалъ заплатить ему за то милліонъ злотыхъ, обѣщалъ и союзъ и помощь Швеціи, „дабы привесть въ надлежащіе пре-

дѣлы могущество русскаго царя". Убѣжденія Англіи склонили императора и Францію на обѣщаніе посредничества и разборъ споровъ на особенныхъ конгрессахъ. Три новые союзника Швеціи обратились къ дѣлу болѣе трудному—миру Швеціи съ Даніею, тѣмъ болѣе трудному, что ничего не хотѣли дать въ вознагражденіе датскому королю. Данія не оставляла оружія. Преслѣдуя шведское войско, датчане заняли Марштрандъ и область Богусленъ, а въ 1719 году захватывали шведскіе купеческіе корабли, и даже завладѣли тремя военными кораблями, послѣ небольшой битвы, гдѣ съ датской стороны было 12 кораблей противъ 3-хъ. Но союзники нашли средство испугать Данію, когда заговорили объ удовлетвореніи герцога голштинскаго. Англія, Пруссія и Швеція ручались въ томъ, что вся Голштинія утвердится за Даніею. Король датскій согласился мириться, возвратилъ Швеціи Стральзундъ и всѣ занятые датчанами померанскіе города, выговоривъ себѣ только зундскую пошлину, отъ коей дотолѣ были избавлены шведскіе корабли, и платежъ 600,000 талеровъ за убытки. Касательно царя король датскій обязывался „ни прямымъ, ни окольнымъ образомъ, ни совѣтами, ни дѣйствіями не помогать царю московскому", не допуская и каперовъ его въ датскія гавани.

Такъ отдачею и пожертвованіемъ своего племянника и наслѣдника, герцога голштинскаго, врагамъ его, королева Ульрика Элеонора покупала миръ, пріобрѣтая въ вознагражденіе небольшую сумму денегъ и надежду на пособіе противъ царя. Впрочемъ, тогда дѣйствовала уже не она, уступивъ шведскій престолъ супругу своему. Уступка сія куплена была темною интригою, обманомъ и подкупомъ. Фридрихъ согласился подтвердитъ пагубную конституцію и тѣмъ склонилъ на свою сторону дворянство и сенатъ. Заключеніемъ мира съ Англіею, Пруссіею, Даніею и Польшею, и обѣщаніемъ пособія ихъ, онъ льстилъ народной ненависти къ русскимъ, заставляя шведовъ забывать, что союзъ противъ царя покупается тяжелыми пожертвованіями. Деньгами, полученными отъ Англіи и Пруссіи, и небольшимъ денежнымъ пособіемъ Франціи, Фридрихъ успѣлъ удовлетворить нетерпящимъ нуждамъ государственнымъ. На сеймѣ 1719 г. отвергли его избраніе, даже укоряли, что коварство Фридриха не только несправедливо лишаетъ герцога голштинскаго наслѣдія шведскаго престола, но даже родового владѣнія его. Фридрихъ обѣщалъ утвердить наслѣдство шведскаго престола послѣ себя герцогу голштинскому. Оставалось еще препятствіе: Фридрихъ былъ лютеранинъ. Онъ немедленно перешелъ въ реформатское исповѣданіе, и на сеймѣ 1720 года его избрали и утвердили королемъ шведскимъ. Непостижимо иногда честолюбіе человѣческое. Такими хитростями, ухищреніями, униженіемъ купить титулъ короля безъ власти, не имѣя возможности быть ни славнымъ, ни полезнымъ, не обладая дарованіями государственными, дабы умирить смуты и отвратить бѣдствія извнѣ!

Надлежало приступить къ дѣламъ. Важнѣйшимъ изъ нихъ было заключеніе мира съ царемъ. Фридрихъ надѣялся устрашить его обѣщаніями сво-

ихъ союзниковъ, покровительствомъ императора, посредничествомъ Франціи, пособіемъ англичанъ. „Бѣдный царь!" говорилъ смѣясь Арведъ Горнъ, одинъ изъ сенаторовъ шведскихъ, „посмотрите, сколько государей на него вооружилось! Они съѣдятъ его!" — Шутка была справедлива. Несмотря на непріязненное положеніе, въ какомъ находились противъ Россіи Англія, Швеція и король Августъ, не взирая на обѣщаніе пособій Пруссіею, отреченіе Даніи и посредничество императора и Франціи, царь хорошо видѣлъ и вполнѣ понималъ ничтожность средствъ, коими хотѣлъ защищаться отъ него преемникъ Карла XII-го, котораго не боялся царь, когда также нѣкогда всѣ союзники оставили Россію и вся Европа была противъ него. А такова ли была тогда Россія, какою была она въ 1720 году!

Всего болѣе опасался царь не Швеціи и ея союзниковъ, но султана, и не потому, что боялся войны съ Турціею. Зная основанную на серальской интригѣ, безразсудную политику оттоманскую, онъ опасался, что неожиданное движеніе турокъ отвлечетъ часть русской арміи, когда набѣги татаръ будутъ пагубны южной Россіи. Къ счастію, дипломатическія сплетни европейцевъ въ Царьградѣ были безуспѣшны, и царь успокоился, когда султанъ подтвердилъ миръ съ Россіею на вѣчныя времена, на прежнемъ основаніи (марта 21-го 1720 года). Неудачная война турокъ съ императоромъ была главною причиною миролюбія оттомановъ.

Мы видѣли, что съ самаго восшествія на престолъ императора Карла VI-го охладѣла дружба царя съ Австріею. Побѣгъ царевича Алексѣя, и покровительство, оказанное ему въ Вѣнѣ, еще болѣе утвердили царя въ непріязни къ императору. Не принимая посредничества имперіи, царь не уважалъ безполезныхъ возгласовъ Карла VI-го, увѣренный въ томъ, что они ни къ чему не ведутъ. Въ 1720 году непріязнь дошла до того, что царскому резиденту велѣно было выѣхать изъ Вѣны. Царь протестовалъ, и выслалъ изъ Россіи іезуитовъ, не боясь союза, заключеннаго императоромъ съ королями Георгомъ и Августомъ.

Совсѣмъ другія отношенія старался поддержать царь съ Франціею, зная, что союзъ и дружба съ нею императора и Англіи были ненадежны. Онъ не только не упрекалъ регента за союзъ съ Швеціею и помощь ей деньгами, но охотно принималъ посредство Франціи, стараясь только раздружить регента съ королемъ Георгомъ. Царь отправилъ даже особеннаго посла въ Парижъ, князя Вас. Лук. Долгорукаго, и велѣлъ ему стараться объ укрѣпленіи дружбы и союза. Въ тайномъ наставленіи ему приказано было между тѣмъ переговаривать и съ непріятелями регента, ибо правитель Франціи былъ ненавидимъ дворомъ и народомъ, приписывавшими ему и кардиналу Дюбуа униженіе Франціи, войну съ Испаніею, бѣдствія системы Лава, терзавшей въ то время Францію. Царь велѣлъ возобновить переговоры о супружествѣ Людовика XV-го съ царевною Елисаветою, производя ихъ тайно отъ регента.

Не упрекая Пруссіи измѣнчивостью ея политики, царь увѣрялъ короля прусскаго въ дружбѣ и переговаривалъ съ нимъ о торговлѣ.

Съ королемъ Августомъ не хотѣлъ онъ ни о чемъ говорить, презирая его безсильную злобу. Гораздо вѣрнѣе были отношенія, какія поддерживалъ царь къ полякамъ. Извѣщая польскіе чины о мирѣ короля Августа съ Швеціею и интригахъ его въ Вѣнѣ и Царьградѣ отъ имени Польши, царь называлъ такіе поступки нарушеніемъ правъ Рѣчи Посполитой, увѣренный, какъ говорилъ онъ, что Рѣчь Посполитая, зная его всегдашнюю дружбу и стараніе защищать ея права отъ посягательствъ короля Августа, не промѣняетъ безполезной покорности ему на дружбу вѣрнаго союзника. Царь обѣщалъ возвратить Польшѣ Курляндію, которую „только для защиты отъ притязаній Августа (по словамъ его) онъ до сихъ поръ удерживалъ.“ Такія рѣчи, льстя гордости безразсудныхъ пановъ, были искрою, произведшею пожаръ. Слова царя подкрѣплялись подарками и указаніемъ на русское войско, готовое вступить въ Польшу, въ случаѣ несогласія поляковъ на дружбу царя. На сеймахъ кричали противъ Августа. Рѣчь Посполитая отправила къ царю великаго посла, воеводу Мазовецкаго, Игнатія Хоментовскаго. Царь принялъ его, какъ дорогого гостя, возилъ на флотъ свой, и посолъ не просыпался отъ хмѣля, переходя съ пира на пиръ. Онъ поѣхалъ обратно совершенно увѣренный въ дружбѣ царя, увѣряя его, что Рѣчь Посполитая не будетъ слушать вѣроломнаго Августа, посягающаго на права и вольность Польши. „Потомки не повѣрятъ тому, что мы видимъ,“ говорилъ Хоментовскій на отпускной аудіенціи іюня 2-го, „не повѣрятъ они, когда мы передадимъ имъ повѣсть о великихъ дѣлахъ, коими прославилъ себя царь русскій! Чему удивляться въ тебѣ болѣе, государь: полководцу непобѣдимому, или строителю градовъ, или законодателю мудрому?“

Уничтожая замыслы короля Августа, царь нашелъ не менѣе вѣрное средство ужаснуть короля датскаго, тревожа въ то же время и новаго короля шведскаго. Царь старался поддержать союзъ съ Даніею въ 1718 и 1719 г., уговаривая продолжать войну. Когда Данія помирилась, онъ не спорилъ противъ уступокъ ея Швеціи, не жаловался на заключеніе отдѣльнаго мира, но отказалъ въ согласіи, когда Данія потребовала отъ него подтвержденія за нею Голштиніи, уступленной Швеціею. Царь отвѣчалъ, что Швеція не имѣла права на такую уступку и заступился за утѣсненнаго герцога голштинскаго, объявляя, что онъ не только не потерпитъ хищенія столь наглаго, но принимаетъ на себя защиту юнаго герцога, и постарается возвратить ему наслѣдственныя владѣнія и утвердить за нимъ наслѣдіе шведскаго престола. Подкрѣпляя слова дѣломъ, царь призывалъ къ себѣ въ Россію юнаго герцога, удалившагося изъ Стокгольма въ Вѣну, и предлагалъ ему руку старшей дочери своей, убѣжище въ Россіи и богатое содержаніе. Обрадованный герцогъ голштинскій спѣшилъ въ Петербургъ. Столь искусно обдуманною политическою мѣрою царь разрушалъ въ основаніи всѣ надежды Даніи, за которыя столь многимъ она пожертвовала. Противники

Фридриха и приверженцы герцога голштинскаго въ Швеціи сдѣлались друзьями царя, славили его великодушіе и возстали на сеймѣ и въ сенатѣ. Король датскій прислалъ въ Россію посла, ссылался на свою дружбу, увѣрялъ, что Голштиніи онъ не отдастъ, и что никогда не думалъ онъ видѣть друга и союзника своего въ родствѣ съ врагомъ его. „Странно, что врагомъ называетъ король датскій своего ближайшаго родственника, и увѣряетъ меня въ дружбѣ, заключивъ союзъ со шведами!" отвѣчалъ царь. „Супружество дѣло не преступное, и если я отдаю дочь мою за герцога, то моя въ томъ воля и дѣло домашнее. Датскому королю здѣсь вмѣшиваться не для чего, а что онъ хочетъ похищенное имъ защищать оружіемъ — также его воля. Мы увидимъ, кто проиграетъ."

Еще смѣлѣе говорилъ и поступалъ царь съ королемъ Георгомъ. Не уважая ни мира его со шведами, ни угрозъ, ни флота, безъ отвѣта отослалъ онъ письма посла англійскаго, бывшаго при шведскомъ дворѣ, и письма англійскаго адмирала, приславшаго ихъ въ Петербургъ, говоря, что если король англійскій хочетъ о чемъ либо переговаривать, то можетъ прислать въ Россію посла. Англійскому резиденту Джеффрею и ганноверскому Веберу велѣно было выѣхать изъ Россіи. Посланникъ царскій, Бестужевъ, подалъ министрамъ Георга въ Лондонѣ подробный меморіялъ, излагая въ немъ вѣроломные поступки Англіи. Разгнѣванный Георгъ выслалъ Бестужева изъ Англіи.

Надлежало приниматься за оружіе. Мы видѣли, какъ мало боялся царь англійскаго флота. И на 1720 годъ, располагая второю высадкою въ Швецію, онъ не думалъ объ англійскомъ флотѣ. Впрочемъ, мѣры къ защитѣ береговъ остзейскихъ были всюду приняты. Въ Ревелѣ, Рогервикѣ, Ригѣ, Кронштадтѣ уставили крѣпости пушками, усиливъ гарнизоны и учредивъ береговую стражу. Флотъ русскій готовился. Войско сближалось на сѣверъ.

Желая снова подкрѣпить свое здоровье употребленіемъ водъ, пользу коихъ уже испыталъ въ 1718 году, царь отправился въ Олонецъ февраля 29-го и пробылъ тамъ до 22-го марта. На Петровскомъ желѣзномъ заводѣ взялся онъ своими руками за кузнечный молотъ и выковалъ полосу желѣза въ $1\frac{1}{2}$ пуда. Издѣліе державнаго кузнеца хранится въ Кунсткамерѣ, съ надписью, означающею, кто и когда трудился надъ нимъ. Возвращеніе царя въ Петербургъ было знакомъ къ усиленной дѣятельности во флотѣ и въ войскѣ, на верфяхъ и въ дипломатикѣ, тѣмъ болѣе, что король Георгъ на сей разъ хотѣлъ сдержать слово Швеціи. Флотъ англійскій явился въ Копенганѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и готовился соединиться передъ Стокгольмомъ съ шведскимъ флотомъ. Адмиралъ Норрисъ снова прислалъ письма царскому послу въ Даніи; ихъ возвратили нераспечатанныя.

Не надѣясь на флотъ Георга, Фридрихъ хотѣлъ испытать и другія средства. Въ маѣ генералъ-адъютантъ его, графъ Марксъ явился въ Петербургъ съ извѣстительною грамотою къ царю о восшествіи Фридриха на шведскій престолъ и желаніи заключить перемиріе для дальнѣйшихъ усло-

вій о мирѣ. Царь ласково принялъ Маркса, но отвѣчалъ, что почитаетъ перемиріе ненужнымъ, ибо условія прочнаго мира давно извѣстны и остается утвердить ихъ, а отступать отъ нихъ онъ не думаетъ. Марксъ просилъ не начинать военныхъ дѣйствій. Царь отвѣчалъ, что начнетъ ихъ немедленно. Марксъ осторожно замѣтилъ о приходѣ въ Балтійское море англійскаго флота. „Я готовъ встрѣтить его,“ отвѣчалъ царь. Онъ поѣхалъ съ Марксомъ въ Кронштадтъ, показалъ ему свой флотъ и укрѣпленія, и смѣясь говорилъ: „Теперь вамъ не для чего присылать сюда шпіоновъ—вы все сами видѣли. Хотите ли, я велю вамъ дать планъ Кронштадта?“ Марксъ возвратился въ Швецію, изумленный хладнокровною рѣшительностью царя. Вслѣдъ за нимъ явился въ Петербургъ французскій посланникъ при шведскомъ дворѣ, маркизъ Кампредонъ, предлагая царю посредничество. Царь отвѣчалъ, что онъ готовъ принять его, но не видитъ со стороны Швеціи никакихъ предлоговъ къ миру. Кампредонъ отправился обратно безъ успѣха.

Въ концѣ мая двинулись наконецъ грозные защитники Швеціи: 53 корабля шведскіе и англійскіе приблизились къ Рогервику и потомъ подошли къ Ревелю. Стрежайше было запрещено начинать противъ нихъ военныя дѣйствія. Апраксинъ послалъ спросить Норриса о причинѣ прихода англичанъ. Норрисъ прислалъ ему письмо къ царю. Апраксинъ не принялъ письма. Оставалось сражаться съ упрямымъ царемъ, но англійскому адмиралу запрещено было начинать, а русскіе не трогались. Послѣ двухъ недѣль безполезнаго плаванія около русскихъ береговъ, Норрисъ поспѣшно удалился, ибо Фридрихъ умолялъ его поспѣшить въ Швецію: тамъ явились русскія войска.

Пока Норрисъ спорилъ съ Апраксинымъ у Ревеля, князь М. М. Голицынъ отправился изъ Финляндіи съ галернымъ флотомъ, сталъ у Аландскихъ острововъ и отправилъ бригадира Менгдена въ Вестро-Ботнію съ 5000 войска. Менгденъ вышелъ близъ города Умео, занялъ его и обратилъ въ пепелъ. Кромѣ того 40 деревень, съ 1000 дворовъ, 17 мельницъ и болѣе ста запасныхъ амбаровъ погибло въ пламени. Слыша о движеніи англійскаго и шведскаго флота отъ Ревеля, Голицынъ прекратилъ опустошеніе и отплылъ къ финляндскимъ берегамъ. „Непріятелю невеликій причиненъ убытокъ,“ писалъ царь, „но важно то, что сдѣланъ оный передъ глазами непріятеля и его защитниковъ, и они ничему воспрепятствовать не могли.“

Фридрихъ требовалъ, чтобы Норрисъ шелъ немедленно наказать дерзость русскихъ, но получилъ въ отвѣтъ, что англичане не смѣютъ начинать военныхъ дѣйствій безъ особеннаго повелѣнія своего короля. Отвѣтъ сей произвелъ такую холодность между союзниками, что Норрисъ оставилъ Швецію со всею своею эскадрою, несмотря на прежнее обѣщаніе зимовать въ Стокгольмѣ и Карлскронѣ. Швеція осталась беззащитною. Новые успѣхи русскихъ показали, до какой степени возрасла отвага ихъ, и увеличилась близость опасности. Іюля 27-го князь Голицынъ напалъ съ галерами на швед-

скую эскадру въ аландскихъ схерахъ. Стѣсненные и захваченные внезапно, шведы принуждены были бѣжать; два фрегата, отставшіе отъ другихъ, несмотря на отчаянную защиту, взяты были на абордажъ; два другіе сѣли на мель и Голицынъ захватилъ ихъ. Число пушекъ на полоненныхъ фрегатахъ простиралось до 104, а число убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ шведовъ до 800. Русскіе потеряли 80 убитыми и 250 ранеными.

Царь былъ восхищенъ побѣдою Голицына, одержанною при островѣ Гренгамѣ въ годовщину гангудской битвы. „Мы одержали викторію въ глазахъ англичанъ, которые взялись оборонять Швецію и флотъ шведскій и не могли ихъ оборонить,“ писалъ царь Меншикову. Велѣно было вести шведскіе фрегаты въ Петербургъ. Царь торжественно встрѣтилъ ихъ сентября 8-го и ввелъ въ Неву при пушечной пальбѣ. Пиръ, угощеніе народу и фейерверкъ заключили праздникъ. Князю Голицыну пожалованы были шпага и трость, осыпанныя бриллiянтами; товарищи его получили чины и медали; вѣстникъ побѣды, маіоръ Шиповъ, черезъ чинъ произведенъ въ полковники. Опредѣлено было праздновать гренгамскую побѣду вмѣстѣ съ гангудскою. Кампанія на 1720 годъ кончилась, но русскіе корабли не оставляли моря, крейсировали въ виду Стокгольма, блокировали Данцигъ, пресѣкали вывозъ хлѣба въ Швецію. Король шведскій измѣнилъ прежнюю рѣчь.

Царь послалъ въ Стокгольмъ Румянцева съ отвѣтомъ на извѣстительную грамоту короля. Посланнаго встрѣтили почетно, заговорили съ нимъ о мирѣ, и получили въ отвѣтъ, что царь равно готовъ на миръ и на войну. Фридрихъ просилъ назначить мѣсто для переговоровъ. Царь назначилъ городъ Ништадтъ въ Финляндіи. Января 12-го явился въ Петербургъ королевскій адъютантъ, графъ Далмасъ, и извѣстилъ о согласіи короля начать переговоры, извѣщая, что король немедленно отправитъ министровъ своихъ, графа Лиліенштедта и барона Штромберга. Царь назначалъ прежнихъ, графа Брюса и Остермана (пожалованнаго въ бароны — второй примѣръ сей награды; первымъ барономъ русскимъ былъ Шафировъ, а послѣ Остермана возведены въ бароны дѣти именитаго человѣка, Григорья Дмитріевича Строгонова, потомка знаменитаго Аники Строгонова, покорителя Сибири, на свой счетъ снарядившаго войско Ермака при Іоаннѣ Грозномъ). Но царь просилъ не медлить присылкою шведскихъ министровъ, и не соглашался остановить между тѣмъ военныя дѣйствія, если до начала кампаніи переговоровъ не кончатъ. Маркизъ Кампредонъ, снова пріѣхавшій въ Петербургъ, получилъ тотъ же отвѣтъ. Король Георгъ снова стращалъ присылкою флота. Царь отвѣчалъ, что онъ не боится его, и даже не надѣется, чтобы англійскій флотъ еще разъ явился на безполезную прогулку. Кампредонъ возвратился въ Швецію и сдѣлался ревностнымъ поборникомъ царя.

Доказывая, что онъ говоритъ то, что не медлитъ исполнять на дѣлѣ, царь отправился изъ Петербурга, марта 16-го 1721 года, въ Ригу, навстрѣчу герцога голштинскаго. Посолъ герцога, графъ Бассевичъ находился при царскомъ дворѣ и видѣлъ дружеское отношеніе къ нему царя и всего се-

мейства царскаго. Не уважая новыхъ протестовъ Даніи, царь привѣтливо встрѣтилъ герцога, прибывшаго въ Ригу съ племянницею царскою, герцогинею курляндскою. Русскій дворъ явился въ европейскомъ величіи. Въ Ригѣ прожилъ царь до половины мая, пируя съ дорогимъ гостемъ своимъ и заставляя Бассевича вмѣсто герцога осушать кубки. Рижане удивлялись простотѣ обхожденія царя, уже видя въ немъ своего государя. Царь пѣшкомъ гулялъ по городу. Иногда заходилъ къ старому бургомистру Шварцу, спрашивалъ у него: изготовлено ли въ тотъ день любимое его блюдо, verlornes Huhn (ветчина съ горохомъ и брюквой), и если оно было готово, садился обѣдать съ Шварцомъ запросто. Онъ являлся безъ свиты въ толпѣ народной, посѣщалъ мастеровыхъ и однажды самъ разнималъ драку пьяныхъ бургеровъ на улицѣ. Великолѣпная рижская церковь св. Петра сгорѣла въ то время. Царь былъ на пожарѣ, велѣлъ возобновить церковь на свой счетъ и купить для нея органы въ 5,000 талеровъ. Изъ Риги проѣхалъ онъ съ гостемъ своимъ въ Ревель и возвратился вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ 19-го іюня.

Между тѣмъ дѣятельно шли дѣла дипломатическія и военныя. Апрѣля 25-го открылся ништатскій конгрессъ. Царь удивился при извѣстіи, что англійскій флотъ еще разъ приплылъ въ Балтійское море. Норрисъ остановился у Борнгольма. Раздраженный его появленіемъ, царь сдѣлался недоступенъ въ переговорахъ. „Вы хотите заставить насъ подписать миръ безчестный,“ говорили шведскіе министры русскимъ. „Скажите имъ, что два раза предлагалъ я миръ брату моему Карлу,“ отвѣчалъ царь—„одинъ разъ поневолѣ, другой разъ дружескій, а теперь заставлю Швецію мириться, и честный ли, безчестный ли для нихъ будетъ миръ,—разсуждать не мое дѣло!“ Кромѣ прежнихъ условій, царь непремѣнно требовалъ утвержденія наслѣдства шведской короны за герцогомъ голштинскимъ. Шведы спорили. Царь не дожидался болѣе. Съ береговъ Финляндіи огонь и мечъ перенеслись на шведскіе берега.

На сей разъ опустошеніе было ужасно. Какой-то неизъяснимый страхъ овладѣлъ шведами. Армфельдъ стоялъ въ Гефле съ 8000 войска, и въ глазахъ его генералъ-маіоръ Ласси жегъ, опустошалъ приморье въ теченіе 3-хъ недѣль, разгонялъ шведскіе отряды, уничтожилъ мѣстечки Зедергамнъ, Гудиксваль, Зундваль. Гернезандъ, и покатилъ головнею все приморье до Умео на протяженіи 300 верстъ Болѣе 4000 домовъ въ 300-хъ деревняхъ было сожжено; болѣе 40 судовъ потоплено. Тщетно вопіяли шведскіе министры о свирѣпости войны. Царь велѣлъ Голицыну идти къ Аландскимъ островамъ съ галерами и самъ вывелъ къ Сариваддаю корабельный флотъ. Шведы умоляли, а не спорили. Нетерпѣливо желая мира, царь рѣшился уступить, отказался отъ защиты голштинскаго герцога, и послалъ Ягушинскаго на конгрессъ съ приказаніемъ уступить Выборгъ и даже Ригу взять только во временное владѣніе. Слыша о поѣздкѣ Ягушинскаго, Остерманъ догадался зачѣмъ онъ посланъ, велѣлъ задержать его на дорогѣ веселою

пирушкою, и представилъ шведскимъ министрамъ пріѣздъ его, какъ рѣшительное повелѣніе царя прервать переговоры. Отправивъ Ягушинскаго, царь не вытерпѣлъ, самъ поскакалъ за нимъ въ Финляндію, и не доѣхавши 3-хъ верстъ до Дубковъ, увидѣлъ вдали скачущаго курьера — то былъ преображенскій капралъ Иванъ Обрѣзковъ: онъ привезъ царю извѣстіе о мирѣ, подписанномъ августа 30-го 1721 года. Царь скрылъ извѣстіе отъ окружавшихъ его, опасаясь, чтобы вѣсть о мирѣ не пришла прежде него въ Петербургъ: себѣ предоставлялъ онъ радость передать сію вожделѣнную вѣсть народу. Онъ ночевалъ въ Дубкахъ, и на легкой бригантинѣ, на другой день, пустился рано утромъ въ Петербургъ. Едва бригантина вошла въ Неву, царь велѣлъ палить изъ трехъ бывшихъ на ней пушекъ. Трубачи, стоя на палубѣ, оглашали берега трубнымъ звукомъ. Царь плылъ прямо къ крѣпости и вышелъ на Троицкую площадь, куда со всѣхъ сторонъ уже сбѣжался народъ, знатные и простолюдины, плѣнные шведы, русскіе солдаты, офицеры, духовенство. Всѣ тѣснились у пристани, всѣ предчувствовали вѣсть благодатную, когда царь громко закричалъ, стоя на палубѣ бригантины: миръ, ребята, миръ! Клики народа, пушечные выстрѣлы, звонъ колоколовъ, все смѣшалось вмѣстѣ. Царь едва могъ пройти въ Троицкій соборъ. Тѣснились около него, ловили его руки, обнимали его ноги, цѣловали его самого и плакали въ восторгѣ. Стефанъ, митрополитъ рязанскій, встрѣтилъ царя у дверей собора словами: „Вниди, побѣдитель и миротворецъ!“ При возглашеніи „Тебѣ Бога хвалимъ,“ царь пѣлъ съ хоромъ пѣвчихъ. Онъ палъ на колѣни, и слезы лились изъ глазъ его. Выйдя изъ собора на площадь, гдѣ уже были выкачены бочки вина и пива народу, царь взошелъ на приготовленные для него подмостки и держа въ рукѣ ковшикъ съ виномъ, громко провозгласилъ: „Здравствуйте и благодарите Бога, православные! Богъ прекратилъ войну, которая продолжалась двадцать одинъ годъ, и даровалъ намъ счастливый миръ!“ Кликъ народа, громъ ружейныхъ выстрѣловъ отъ поставленнаго въ строй войска, и пушечныхъ выстрѣловъ съ крѣпости, покрыли голосъ царя.

Прекрасныя бываютъ мгновенія въ жизни избранниковъ Божіихъ, и ими, говорятъ, покупаются для нихъ годы испытаній и страданій.

Отрядъ драгунъ съ трубачами ѣздилъ по Петербургу, возвѣщая о мирѣ и условіяхъ его. Царь и народъ радовались не даромъ. Знаменитъ былъ сей миръ, исторгнутый у непріятеля непреклонною волею царя. Шведы уступили Россіи Лифляндію съ Ригою, Эстляндію съ Ревелемъ, Ингерманландію съ Шлиссельбургомъ, часть Финляндіи въ Выборгомъ, Карелію съ Кексгольмомъ. Царь обѣщалъ зато не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Швеціи. Военныя дѣйствія прекращались немедленно. Плѣнные возвращались съ обѣихъ сторонъ. Царь платилъ Швеціи за уступку Риги два милліона рублей и дозволялъ шведамъ покупку хлѣба въ Лифляндіи. „Благодарю за трактатъ мирный,“ писалъ царь Брюсу и Остерману, „который таковъ, что если бы намъ написать и послать шведамъ только для подписи, то лучше

придумать мы не могли бы. Такое дѣло ваше никогда забвенно не будетъ. Долго ждали мы, но зато и дождались, за что да будетъ хвала всѣхъ благъ виновнику Богу!" — „Всѣ ученики школу проходятъ съ семь лѣтъ," писалъ царь Долгорукому въ Парижъ, „но мы тройную школу проходили, которая, слава Богу, такъ кончилась, какъ лучше быть невозможно."

Царь утвердилъ трактатъ. Фридрихъ ратификовалъ его 9-го сентября, а 19-го конченъ былъ ништатскій конгрессъ. Приступили къ исполненію статей договора. Русскіе очищали Финляндію. Плѣнныхъ свозили отовсюду въ Петербургъ. Царь отпускалъ ихъ всѣхъ съ привѣтомъ и ласкою. Многіе изъ нихъ, уже двадцать лѣтъ не видавшіе отечества, не вѣрили, что они скоро увидятъ его. Царь оказалъ многимъ шведамъ особенную милость и почесть. Въ числѣ отличенныхъ имъ были Эреншильдъ и Левенгауптъ. Замѣтимъ, что нѣсколько тысячъ шведовъ остались добровольно въ Россіи и пребываніе ихъ вообще принесло много пользы русскимъ, ибо принужденные чѣмъ-нибудь заниматься, плѣнные упражнялись въ ремеслахъ и художествахъ, заводили школы, другіе были учителями въ дворянскихъ, даже купеческихъ домахъ, и такъ обжились въ Россіи, что охотно обмѣняли ее на свое прежнее отечество. Царь немедленно назначилъ въ Стокгольмъ посланника, М. П. Бестужева. Въ Петербургъ явился шведскій посолъ и съ нимъ усердно помогавшій при переговорахъ Кампредонъ. Царь принялъ его съ большою почестью. Вскорѣ заключенъ былъ новый дружескій трактатъ съ Франціею. Ништатскій миръ возстановлялъ общее спокойствіе на сѣверѣ, ибо въ него включенъ былъ миръ Россіи съ Англіею и Швеціи съ Польшею. Объ условіяхъ хотѣли говорить впослѣдствіи.

По повелѣнію царя разославъ былъ по государству указъ сенатскій, коимъ повелѣно троекратно праздновать миръ съ Швеціею, по полученіи извѣстія, вторично 22-го октября, и въ третій разъ 28-го января 1722 года.

Октября 22-го начался въ Петербургѣ праздникъ мира, хотя и прежде того почти весь сентябрь мѣсяцъ прошелъ въ забавахъ и увеселеніяхъ. Сентября 10-го открылся народный маскарадъ, гдѣ особенно казался забавнымъ народу Бахусъ, окруженный пляшущими сатирами, пѣтухами, журавлями и медвѣдями. Сентября 17-го увеселяли народъ травлею льва съ медвѣдемъ; 28-го было гулянье въ Лѣтнемъ саду; октября 4-го дворъ и множество народа отправились въ Кронштадтъ, и пировали тамъ при пальбѣ съ флота и съ крѣпости.

Сознавая величіе подвиговъ царя, вѣрные сотрудники его приготовили умилительное зрѣлище: духовенство и чины государственные единодушно положили поднесть ему отъ лица всей Россіи титулъ императора и имена великаго и отца отечества. Долго не соглашался царь, говорилъ, что только потомство утверждаетъ царямъ имена великихъ; но онъ долженъ былъ наконецъ склониться на общее моленіе.

Въ назначенный день торжество началось молебствіемъ въ Троицкомъ соборѣ. Канцлеръ Головкинъ приблизился къ царю, сопровождаемый всѣми

знатнѣйшими людьми, и просилъ царя отъ имени всего русскаго государства принять подносимыя народомъ наименованія императора, великаго, отца отечества. „Тобой возведены мы изъ небытія въ бытіе — твоя отъ твоихъ, достойному достойное воздаемъ мы“ — говорилъ Головкинъ. Своды храма огласились кликомъ: „Да здравствуетъ Петръ Великій, императоръ всероссійскій, отецъ отечества!“

По данному изъ церкви знаку, воздухъ восколебался отъ клика народной толпы, покрывавшей площадь, крѣпость и оба берега Невы. Выстрѣлы изъ крѣпостныхъ пушекъ и со 125-ти галеръ, стоявшихъ рядомъ на Невѣ, бѣглый огонь 29-ти полковъ, звонъ колоколовъ и звуки литавръ, трубъ, барабановъ вторили голосу народному.

„Друзья мои!“ говорилъ растроганный императоръ окружавшимъ его, „убѣдитесь въ томъ, что не я моими слабыми силами, но Богъ все сотворилъ для насъ. Помните, что и теперь ослабѣвать въ средствахъ войны не должно и пользу общую надобно предпочитать всему.“

При выходѣ изъ церкви народъ встрѣтилъ монарха восклицаніями: да здравствуетъ императоръ! Да живетъ несчетныя лѣта отецъ отечества!

Всѣ слѣдовали за императоромъ въ сенатъ, гдѣ былъ накрытъ столъ на тысячу человѣкъ. Императоръ объявилъ награды своимъ сподвижникамъ, чины, подарки, помѣстья. Ничья заслуга не была забыта. Присутствовавшимъ роздали медаль, на коей изображенъ былъ Ноевъ ковчегъ, на морѣ между Петербургомъ и Стокгольмомъ; голубь возлеталъ надъ нимъ съ масличною вѣтвью; радуга протягивалась надъ столицами Россіи и Швеціи, союзомъ мира связуемыми въ Ништатѣ, послѣ потопа сѣверной войны. Народу объявлены были милости — прощены преступники, сложены недоимки и штрафы. Жареные быки, груды калачей и фонтаны пива и вина были выставлены на площади для народнаго пиршества, когда въ сенатѣ, при звукѣ музыки пировалъ русскій императоръ. Съ нимъ были они, вѣрные друзья, сотрудники Петра (Меншиковъ, Апраксинъ, Голицынъ, Брюсъ, Шафировъ, Остерманъ, Крюйсъ, Синявинъ, Ягушинскій, Рѣпнинъ, герои Шлиссельбурга, Лѣснаго, Полтавы, Прута, Тоннингена, Гангуда, Гренгама, его полководцы и министры. Среди нихъ находились герцогъ голштинскій, послы императора королей французскаго, прусскаго, польскаго, датскаго, герцога мекленбургскаго. Въ 9 часовъ вечера загорѣлся фейерверкъ подъ распоряженіемъ самого императора: явился храмъ Януса, освѣщенный 20,000-ми разноцвѣтныхъ огней. Два огненные воина приблизились ко храму, затворили дверь его и подали другъ другу руки. Громъ тысячи пушекъ грянулъ въ сію минуту; нѣсколько тысячъ ракетъ взлетѣло на воздухъ, и отъ сего такой огонь сочинился, что, казалось, Нева загорѣлась. На щитѣ явилось изображеніе правды, съ надписью: всегда побѣдитъ! На другомъ щитѣ видны были входящій въ пристань корабль и слова: конецъ дѣло вѣнчаетъ. Царь возвратился въ залу сената. Пиръ возобновился, и танцы увеселяли гостей до 3-хъ часовъ утра, съ обношеніемъ бокаловъ презряднаго то-

кайскаго и другихъ винъ. Обѣды, балы, маскарады продолжались потомъ цѣлую недѣлю.

Третье празднество мира, января 28-го, положено было отправить въ древней столицѣ, тамъ, гдѣ за 21 годъ прежде объявлена была шведская война, и куда являлся императоръ побѣдителемъ послѣ взятія Шлиссельбурга и Нарвы, послѣ Лѣснаго и полтавской битвы.

Могли полагать, что императоръ отправляется въ Москву только на торжество мира, и что полкамъ велѣно идти въ окрестности московскія только для присутствія при великолѣпныхъ праздникахъ. Но уже новыя предпріятія были въ душѣ императора, и онъ, какъ будто спѣшилъ осуществить ихъ, готовясь на долговременную отлучку изъ Петербурга. Съ береговъ Балтики переносился онъ тайною думою на берега Каспія, и древній Дербентъ вскорѣ долженъ былъ увидѣть того, кто еще такъ недавно посѣщалъ столицу Людовика XIV-го, начальствовалъ флотами близъ Копенгагена, громилъ шведовъ на скалахъ скандинавскихъ.

Титулъ императорскій, принятый царемъ, былъ немедленно подтвержденъ королемъ шведскимъ и королемъ прусскимъ, а въ 1722 году Турціею и Нидерландами. Болѣе затруднились другія державы. Императоръ призналъ его только въ 1747 году, Франція въ 1755-мъ, Испанія въ 1759-мъ, и что всего страннѣе—Польша только въ 1764 году.

Въ началѣ зимы отправились въ Москву дворъ, духовенство, военные и гражданскіе чиновники, иностранные министры, полки гвардейскіе, ингерманландскій, астраханскій, бутырскій. Въ Москвѣ готовились тріумфальныя врата, маскарады, потѣхи, фейерверки. Тысячи народа и чиновниковъ стекались туда со всѣхъ сторонъ. Ждали императора.

Онъ выѣхалъ изъ Петербурга декабря 10-го, сопровождаемый герцогомъ голштинскимъ, и 15-го прибылъ въ подмосковное село Всесвятское. Здѣсь у грузинской царицы, помѣщицы села, императоръ прожилъ три дня. Декабря 18-го три пушечные выстрѣла возвѣстили шествіе императора въ древнюю столицу. Народъ покрывалъ всю дорогу до Всесвятскаго и замыкалъ улицы московскія до Кремля съ обѣихъ сторонъ.

Началось шествіе. Его открывала часть преображенскаго полка, за коею шли, офицеры его, предводимые полковникомъ Петромъ Алексѣевичемъ и подполковниками Меншиковымъ и Бутурлинымъ. Далѣе шли остальные преображенцы, полкъ семеновскій, полки ингерманландскій, астраханскій, лефортовскій, бутырскій. Приближеніе къ пренымъ тріумфальнымъ вратамъ возвѣщено было пушечными выстрѣлами, звукомъ трубъ, барабановъ и кликами народа, не прерывавшимся до вступленія въ Кремль. У вратъ на Красной площади привѣтствовалъ императора Ѳеодосій, архіепископъ новгородскій, словами: „Дѣлателю благій! Благодать дѣлъ твоихъ превосходитъ похвалы. Прими, не хвалу, но привѣтъ сердца, и снѣдай неожиданные плоды трудовъ твоихъ, даруя насыщаться ими и сынамъ твоимъ, отецъ отечества!“ Послѣ литургіи и молебствія въ Успенскомъ соборѣ импе-

раторъ отвелъ полки въ Преображенское, гдѣ были обѣдъ во дворцѣ и угощеніе народное. Ночью Москва освѣтилась огнями. Святки были проведены въ весельи. Императоръ не забылъ своего обычая славить Христа. Народъ особенно изумлялся флоту, ѣздившему по московскимъ улицамъ: впереди поѣзда ѣхала раззолоченная галерѣ, гдѣ сидѣли императоръ, генералы, министры, послы; раззолоченными веслами гребли богато одѣтые гребцы. Затѣмъ слѣдовалъ фрегатъ, съ мачтами и пушками; матросы свертывали и развертывали паруса, офицеры производили команду, пушки палили салюты, (сей фрегатъ, названный Миротворцемъ, хранился потомъ въ особенномъ зданіи подлѣ Сухаревой башни и сгорѣлъ въ 1812 году). Шествіе заключалось множествомъ барокъ и шлюпокъ, въ коихъ находились семейство императора, вельможи, чиновники и почетные люди.

Новый годъ сопровождался обыкновеннымъ празднествомъ. Января 28-го былъ назначенъ императоромъ послѣдній день мирнаго торжества. Императоръ угощалъ избранныхъ въ кремлевскомъ дворцѣ; народъ и войско ликовали на площади; день заключился великолѣпнымъ фейерверкомъ и катаньемъ въ саняхъ по освѣщеннымъ московскимъ улицамъ.

Праздники прекратились, но императоръ оставался въ Москвѣ. По вскрытіи Москвы рѣки, она покрылась судами, на коихъ готовились плыть гвардія и императоръ. Цѣль похода была еще тайною. Полагали, что властитель Россіи хочетъ осмотрѣть давно невидѣнныя имъ области южныя, и съ изумленіемъ узнали настоящую цѣль его предпріятія.

Предписанія, данныя императоромъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ при отъѣздѣ изъ Москвы, показываютъ тогдашнія отношенія Россіи къ Европѣ. Если бы Турція изъявила сомнѣніе о предпріятіяхъ нашихъ на Персію, предписывалъ императоръ стараться протянуть время, и отвѣчать, что мы не воевать идемъ, но помогаемъ союзнику укротить бунтовщиковъ. Если въ Польшѣ умретъ король, то поддерживать выборъ короля изъ поляковъ, отнюдь не допуская никакого иностраннаго принца. Съ Швеціею производить разсчеты по разнымъ подробностямъ трактата. Съ императоромъ говорить о торговлѣ, а на случай угрозы турокъ и о союзѣ. Съ Франціею поддерживать дружескія сношенія. Съ Даніею переговаривать о сложеніи съ русскихъ кораблей зундской пошлины, если она возобновитъ споры о Голштиніи. Съ Испаніею договариваться о торговлѣ и послать резидентовъ въ Испанію, Португалію и Венецію. Если король англійскій пожелаетъ мира, соглашаться, но излагая всѣ обиды его, и утверждая непремѣннымъ условіемъ помощь Голштиніи и выводъ ганноверскихъ войскъ изъ Мекленбурга.

Видимъ желаніе императора поддержать и продолжить миръ со всѣми европейскими государями, какъ будто его утомило десятилѣтнее испытаніе интригъ европейской дипломатіи, какъ будто онъ хотѣлъ тогда обратить свое вниманіе не на Европу, но на Азію. Такъ отложилъ онъ до времени главный изъ вопросовъ, предложенныхъ имъ политикѣ Европы — отношенія герцога голштинскаго къ Швеціи и Россіи. Мы видѣли, что царь ручался

герцогу за возвращеніе Голштиніи и утвержденіе его наслѣдникомъ шведскаго престола, обѣщая отдать ему руку своей дочери. Старанія императора включить герцога въ ништатскій трактатъ были безполезны. Упорство Даніи можно было побѣдить только оружіемъ. Неужели надлежало возобновлять едва только исчезнувшія на сѣверѣ кровавыя явленія войны? Всѣ полагали, что герцогъ голштинскій долженъ будетъ отказаться отъ всѣхъ своихъ надеждъ и что императоръ русскій забылъ свои обѣщанія. При торжествѣ мира герцогъ и окружавшіе его являлись мрачны и невеселы. „Послушай,“ сказалъ императоръ на одномъ изъ разгульныхъ пировъ Бассевичу — „я знаю, что ты на меня сердитъ, и я точно виноватъ, что до сихъ поръ не исполнилъ моихъ обѣщаній, но я вновь обѣщаю тебѣ сдѣлать для твоего герцога гораздо болѣе — дай время!“ Хитрый министръ голштинскій, другъ и товарищъ Герца, отвѣчалъ смѣло: „Дай Богъ, чтобы на сей разъ слова ваши были достовѣрнѣе прежнихъ вашихъ обѣщаній, а я во всю жизнь мою не прощу себѣ глупости, что повѣрилъ пустымъ обѣщаніямъ и унизилъ потомка Густава Вазы, сдѣлавши его игрушкой вашей политики.“ Присутствующіе испугались смѣлости Бассевича, но онъ зналъ, съ кѣмъ говоритъ. Императоръ задумался, помолчалъ и отвѣчалъ потомъ: „Хвалю ревность къ твоему государю и желаю, чтобы и мои подданные такъ ревновали о моей пользѣ. Выпьемъ за здоровье герцога, а будущее время покажетъ, что ты не напрасно привезъ въ Россію потомка Густава Вазы.“—Въ Москвѣ герцогъ требовалъ рѣшительнаго отвѣта на предложеніе его получить руку дочери императора и помощь войскомъ для возвращенія его наслѣдныхъ земель. Узнавъ и полюбивъ юнаго герцога, императоръ отвѣчалъ, что онъ согласенъ на супружество его, но пока дѣло о возвращеніи ему родовыхъ земель не будетъ кончено, рѣшиться на то невозможно, ибо тогда поневолѣ противъ пользы отечества принужденъ будетъ поступать, а польза отечества дороже ему, не только чего либо другого, но и самой жизни его. Герцогъ разстался съ императоромъ дружески. Въ видѣ пособія, императоръ опредѣлилъ продолжать ему выдачу денегъ, какая производилась во все время пребыванія его въ Россіи, по 3000 рублей въ мѣсяцъ. Бассевичъ остался въ Россіи. Герцогъ хотѣлъ посѣтить Вѣну, Берлинъ и Стокгольмъ.

Увидимъ, что императоръ сдержитъ свое слово, и благодатный союзъ потомка Густава Вазы съ дочерью русскаго царя сохранитъ на тронѣ Россіи потомство Петра Великаго для славы и величія земли русской.

Разсказъ двадцать третій.

Дѣла съ Азіею, война въ Персіи.

1722.

Я видѣлъ Каспія сѣдого,
Его я грозный слышалъ гласъ:
„Страшитесь, Персы, рока злого—
Идетъ, идетъ царь силъ на васъ!“
Дмитріевъ.

...Съ Востока злато соберемъ;
Гордыню усмиримъ Китая,
Какъ кедръ, нашъ корень простирая!—
Державинъ.

Невольно останавливаемся здѣсь, на послѣднемъ рубежѣ жизни и дѣлъ Петра Великаго. Скоро увидимъ мы свѣтило русской земли склоняющимся къ западу и сіяющимъ послѣдними, угасающими, хотя всегда свѣтлыми лучами.

Мы обращали вниманіе на дѣла Петра Великаго, какъ государя, политика и полководца, до полтавской побѣды. Менѣе ли является геній его во всѣхъ означенныхъ отношеніяхъ съ того времени до ништатскаго мира? Нѣтъ! если еще не болѣе, не величественнѣе прежняго

Какъ полководецъ, вѣрно разсчелъ великій властитель русской земли легкость завоеванія остзейскихъ областей и Выборга въ минуту перваго ужаса враговъ, произведеннаго полтавскою битвою, въ минуту увлеченія союзниковъ паденіемъ Карла XII-го. Укрѣпивъ себѣ завоеванія, онъ готовъ былъ на войну наступательную, такъ же, какъ въ 1705 году завоевавъ Ингерманландію, Нарву, Дерптъ, Шлиссельбургъ. Карлъ XII-й могъ явиться на новую борьбу, Петръ Великій уже не опасался его, обладая Ригою, Ревелемъ, Выборгомъ. Неожиданная война съ оттоманами отвлекла его отъ предположенной имъ цѣли. Мы не скрыли ошибокъ великаго человѣка въ сей нео-

жиданной войнѣ, но видѣли, что онъ былъ великъ въ ней, какъ полководецъ, и воспользовался тяжкимъ урокомъ, какъ мудрецъ. Пока безумствовалъ Карлъ XII-й въ Турціи, Петръ спѣшилъ отнять послѣднія средства Швеціи. Оставались еще у нея германскія владѣнія и Финляндія. Великимъ политикомъ въ сношеніяхъ съ союзниками явился Петръ, увлекая въ войну Пруссію и Ганноверъ, уклоняя посредничество имперіи и великимъ полководцемъ былъ онъ въ походѣ противъ Штейнбока, пока въ Петербургѣ готовились средства завоевать Финляндію. Двѣ кампаніи легко передали ему всю Финляндію, гдѣ не столько битвы, сколько самый походъ составлялъ затрудненія. Дѣло было кончено. Швеція стѣснена въ ея родныхъ областяхъ. Оставалось предписать ей миръ. Но Карлъ XII-й явился въ Швеціи; онъ избралъ смерть и гибель, но не миръ. Какъ искусно воспользовался царь отношеніями Даніи, Пруссіи, Мекленбурга, Англіи и Голландіи, готовый сразиться съ врагомъ своимъ на дикихъ скалахъ его родины, и какъ быстро и глубоко проникъ онъ Карла XII-го, оцѣнилъ выгоды союза съ нимъ, перемѣнилъ отношенія, уступая союзниковъ ничтожныхъ за дружбу съ королемъ шведскимъ! Какое глубоко обдуманное распоряженіе дѣлъ видимъ мы, когда замыселъ Герца разрушается, и какая мудрая самонадѣянность противъ тѣхъ, кто винитъ политику великаго монарха! Карлъ и Петръ готовы примириться, когда третій урокъ тщеты человѣческихъ замысловъ постигаетъ Петра — смерть Карла XII-го (первымъ урокомъ называемъ мы нарвскую битву, вторымъ прутскій миръ). Тогда одна мысль остается у Петра Великаго: отлагая замыслы на политику Европы, онъ хочетъ только укрѣпить Россію миромъ, устремить силы ея въ Азію и обратиться къ Турціи. Какая вѣрность разсчета и твердость въ дѣлахъ 1719, 1720, 1721 гг. Миръ у врага исторгнутъ — и какой миръ: не прорубившій окна, но растворившій двери въ Европу, коихъ уже не затворить никому, достойная мзда двадцатилѣтнихъ трудовъ генія, блестящая награда за войну, которую началъ Петръ Великій съ полуобразованною толпою москвитянъ, а кончилъ повелѣвая европейцами, являясь полководцемъ лучшихъ чужеземныхъ войскъ, начальникомъ европейскихъ флотовъ, двигателемъ политики европейской, сбирая контрибуціи съ богатыхъ городовъ Европы. За долголѣтнюю борьбу съ нимъ Швеція заплатила ему всѣмъ своимъ величіемъ, а король Швеціи своею славою и жизнью. И во все сіе время вѣрная политическая система была соблюдена съ Польшею. Петръ дописалъ ея исторію. Преемникамъ оставалось дополнить исторію Польши эпилогомъ.

Мы видѣли, что въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ войны и политики Петръ находилъ силы, средства и время заниматься всѣми другими дѣлами, всѣми подробностями государственнаго управленія. Такъ и въ теченіе семи лѣтъ, протекшихъ отъ его путешествія за границу въ 1716 году до пребыванія его въ Москвѣ послѣ ништатскаго мира въ 1722 году, все обращало его попеченіе — законы, флотъ, войско, правосудіе, финансы, хозяйство, все попрежнему, до самыхъ мелкихъ подробностей, какъ будто съ

годами не старѣлся онъ, не оставлялъ на время Россіи, не велъ войны, не увлекался политикою и не страдалъ тяжкою скорбью огорченнаго отца. Объемъ нашихъ разсказовъ не позволяетъ намъ входить въ подробное исчисленіе всѣхъ распоряженій и дѣйствій Петра Великаго. Мы только укажемъ, какъ указывали прежде, на главныя черты его дѣятельности.

Сіи годы ознаменованы были особенною заботою Петра Великаго касательно государственныхъ постановленій, промышленности и просвѣщенія народнаго. Прежнія учрежденія дополнялись новыми усовершенствованіями, плодомъ опыта и размышленій царя. Онъ творилъ уже для грядущаго, какъ будто предчувствуя, что ему немногое оставалось въ будущемъ и что долго не дождется Россія достойнаго ему преемника.

Въ 1718 году Петръ Великій осуществилъ мысль Лейбница учрежденіемъ коллегій. Такъ названы были высшія правительственныя мѣста, замѣнившія прежніе „приказы". „Безпрестанныя просьбы не даютъ намъ покоя", говорилъ Петръ въ своемъ указѣ, „и хотя мы вѣримъ, что всякому обида горька, но если бы мы и не были обременены другими трудами, можемъ ли мы сами все разсмотрѣть? Воистину невозможно, не токмо человѣку, но и ангелу. Чего ради, помышляя о благѣ народа и земскомъ справедливомъ управленіи, и учиняемъ мы коллегіи, то есть, собранія, въ коихъ отъемлется прежнее самовластіе судей и все производится общимъ сужденіемъ членовъ." Коллегіи обнимали всѣ части государственнаго управленія и вначалѣ учреждено было ихъ девять: военная, адмиралтейская, иностранныхъ дѣлъ, коммерческая, бергъ и мануфактуръ (впослѣдствіи раздѣленныя), камеральная, вотчинная, юстицкая, ревизіонная. Предметомъ занятій ихъ были назначены войско, флотъ, дѣла внѣшнія, торговля, заводское дѣло, промышленность, доходы и расходы государственные, помѣстья, правосудіе и контроль финансовый. Президентами коллегій были опредѣлены Меншиковъ, Апраксинъ, Брюсъ, Головкинъ, Я. Ѳ. Долгорукій, Д. М. Голицынъ. Кромѣ частныхъ распоряженій, императоръ составилъ въ 1720 году подробный уставъ коллегіямъ. Въ 1721 году учрежденъ былъ главный магистратъ, коему поручались въ хозяйственный надзоръ купечество, торговля, правильное учрежденіе цеховъ и ремеслъ, судъ купецкихъ людей и дѣла ихъ. Ему подчинены были магистраты, учреждаемые во всѣхъ городахъ. Въ 1722 году въ Сенатъ опредѣленъ генералъ-прокуроръ, „око государево", какъ выразился императоръ, надзиратель порядка и блюститель правосудія въ высшемъ мѣстѣ государственнаго управленія, имѣющій въ каждомъ низшемъ присутственномъ мѣстѣ своихъ особыхъ чиновниковъ. Въ 1722 году учрежденъ былъ важный чинъ генералъ-рекетмейстера, которому поручалось наблюденіе за производствомъ судебныхъ дѣлъ, онъ былъ адвокатъ и ходатай народный, требующій отчета отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, по жалобамъ ему подаваемымъ.

Кончина царевичей Алексѣя и Петра возбуждала тревожную думу въ душѣ императора. Кому назначалъ онъ наслѣдіе престола, внуку своему, су-

пругѣ, или дочери, оставалось неизвѣстно. Кажется, императоръ самъ не могъ рѣшиться, но въ 1722 году велѣно было всѣмъ подданнымъ императора присягнуть въ томъ, что избраніе наслѣдника зависитъ отъ воли царствующаго государя, „кому оный хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство, и опредѣленнаго можетъ паки отмѣнить.“ Особенно изданнымъ сочиненіемъ: „Правда воли монаршей“, царь приготовлялъ умы подданныхъ къ своему рѣшенію, но оно, повторяемъ, было и осталось неизвѣстно.

Въ томъ же году изданъ важный уставъ, о чинахъ, извѣстный подъ именемъ табели о рангахъ, коимъ опредѣлялись всѣ гражданскіе и военные чины, раздѣляясь на 14-ть степеней. Изъ нихъ восемь первыхъ давали дворянство каждому, изъ какого званія ни происходилъ бы онъ, съ тѣмъ, что каждый природный дворянинъ, несмотря на чинъ и титулъ отца, долженъ былъ начинать службу съ самаго низшаго чина. При объясненіи словъ: „знатное дворянство,“ императоръ пояснилъ значеніе ихъ замѣткою: знатнымъ считается тотъ, кто болѣе другихъ въ службу годенъ. Такимъ образомъ нанесенъ былъ послѣдній ударъ мѣстничеству и почету родами, и рѣшительно только трудъ и заслуга опредѣляли всѣ отличія.

Наконецъ, въ 1721 году царь вознамѣрился ввести въ коллегіальный порядокъ управленіе духовными и церковными дѣлами въ Россіи. До тѣхъ поръ все еще льстились старовѣры, что онъ назначитъ патріарха. Съ 1700 года, какъ мы уже говорили, правленіе духовными дѣлами предоставлено было патріаршему приказу, подъ наблюденіемъ кроткаго архипастыря, митрополита рязанскаго Стефана Яворскаго, имѣвшаго титулъ блюстителя патріаршаго престола. Нѣсколько разъ самъ Стефанъ напоминалъ о патріархѣ. Императоръ молчалъ. Осматривая однажды вмѣстѣ съ императоромъ московскій Успенскій соборъ, Стефанъ осмѣлился замѣтить: „Не прикажетъ ли онъ сломать патріаршее мѣсто? Вѣдь я не сижу на немъ,“ прибавилъ Стефанъ. „Правда,“ отвѣчалъ императоръ, „не сидишь, да тебѣ на немъ и не сидѣть, а ломать его не надобно.“ Января 25-го 1721 года изданъ былъ указъ объ учрежденіи духовной коллегіи, или духовнаго соборнаго правительства. Императоръ говорилъ въ указѣ своемъ, что „видитъ въ духовномъ чинѣ многія нестроенія и въ дѣлахъ скудость, а къ исправленію лучшаго способа, паче соборнаго правительства, не находитъ, ибо въ одномъ лицѣ всегда не безъ страсти бываетъ, и притомъ видя пастыря духовнаго въ великой чести и славѣ, простолюдины думаютъ, что онъ есть второй государь, самодержцу равный, или еще и больше его, такъ что не столько на самодержца, сколько на духовнаго пастыря смотрятъ“. Февраля 14-го открыты были засѣданія коллегіи. Въ нее опредѣлены президентомъ митрополитъ Стефанъ, вице-президентами архіепископы Θеодосій и Θеофанъ, совѣтниками 4 архимандрита, ассесорами 4 протоіерея и оберъ-секретаремъ игуменъ. Мысль объ устраненіи духовныхъ дѣлъ отъ власти государя такъ еще была укоренена въ умахъ, что даже въ первомъ засѣданіи духовной коллегіи нѣкоторые члены осмѣлились спросить у императора: „но развѣ

чинъ патріарха уничтожается, хотя о томъ и не сказано?“ — „я вашъ патріархъ!“ гнѣвно воскликнулъ императоръ, ударяя себя въ грудь. Вопрошатели умолкли. Долговременная привычка видѣть церковь управляемою безъ патріарха произвела то, что народъ принялъ съ покорностью учрежденіе духовной коллегіи. Желая придать ей надлежащую важность, императоръ наименовалъ ее Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ, уравнялъ въ достоинствѣ съ Сенатомъ и испросилъ грамоты вселенскихъ патріарховъ, коими сіе соборное управленіе россійской церкви признано было ими равнымъ каждому изъ вселенскихъ патріаршихъ престоловъ.

Въ 1718 году императоръ издалъ уставъ воинскій, въ 1720 году уставъ морской, въ 1721 году регламентъ адмиралтейскій. Сенатъ, Синодъ, коллегіи, магистраты; всѣ прежніе и вновь учреждаемые чины, званія и мѣста получили отъ царя уставы и учрежденія.

Нельзя безъ изумленія читать всѣхъ сихъ уставовъ и учрежденій, надъ коими трудился самъ императоръ Простота, ясность, подробность, стараніе возвысить умы новыми идеями, изъяснить каждому долгъ его, предупредить злоупотребленія, видны во всѣхъ, и каждый притомъ исполненъ мыслей и наставленій, ознаменованныхъ свѣтлымъ взглядомъ и оригинальностью самыхъ выраженій. Такъ въ военномъ уставѣ, излагая обязанности каждаго военнослужащаго, императоръ говорилъ о начальникѣ войскъ: „Ему надлежитъ быть не только мужу великаго искусства и храбрости, но и добраго поведенія, связуя свойства воина добродѣтелью, благочестіемъ и справедливостью. Храбрость устрашаетъ непріятеля, искусство ободряетъ подчиненныхъ, но только поведеніе привлекаетъ сердца солдатъ и офицеровъ, безъ чего ненадежна побѣда.“ Такъ въ морскомъ уставѣ говорилъ императоръ: „Государство, имѣющее войско безъ флота, подобно человѣку съ одною рукою.“ Такъ въ уставѣ Синода изъяснялъ онъ пользу просвѣщенія, ставя его, при кротости и благочестіи, обязанностью духовныхъ пастырей. „Лживо думаютъ, говорилъ императоръ,“ что ученіе есть вина ересей. Невѣжество всегда было причиною расколовъ. Если изъ ученыхъ бываютъ ересіархи, то не ученіе тому виною, но неразумѣніе, гордость и злоба. Кто осудитъ врачевство, если врачъ отравитъ кого-либо, вмѣсто исцѣленія? Святые мужи церкви были исполнены науки и ученіе доброе въ государствѣ и въ церкви всякому добру корень и основаніе. „Такимъ образомъ каждое новое учрежденіе передавалось въ народъ съ желаніемъ убѣдить въ пользѣ его. Замѣтимъ три указа императора: объ отмѣнѣ постовъ въ походѣ; о несовершеніи втораго крещенія надъ иновѣрными христіанами, при переходѣ ихъ въ православіе; о бракахъ иновѣрцевъ съ православными (1718 и 1721 г.). Полагая полезнымъ утвердить ихъ въ народѣ согласіемъ вселенскихъ патріарховъ, императоръ вытребовалъ подтвердительныя грамоты всѣхъ патріарховъ.

Распространяя промышленность, императоръ безпрестанно заводилъ фабрики и передавалъ ихъ частнымъ людямъ, съ повелѣніемъ увеличивать и улучшать начатыя заведенія. Такъ отдалъ онъ Демидову желѣзные заводы,

Милютину шелковые, Тамесу и Затрапезному полотняныя фабрики, надзиралъ потомъ самъ за ними, и сіи обширныя заведенія были разсадникомъ множества другихъ заведеній.

Мы сказали, что вниманіе Петра Великаго послѣ смерти Карла XII-го особенно обратилось на дѣла Азіи, хотя и прежде никогда не упускалъ онъ ихъ изъ вида. Средняя Азія (Бухарія, Хива, Зюнгорія), Китай и Персія были здѣсь главными предметами. Торговля, промышленность, богатства Азіи были безпрестанною заботою и причиною посылокъ довѣренныхъ людей для сношеній и собранія свѣдѣній. Къ прискорбію императора экспедиція Бековича въ Хиву кончилась неудачно. Бековичъ достигъ Хивы, несмотря на трудность похода и сопротивленія хивинцевъ, Владѣтель Хивы, видя невозможность защищаться оружіемъ, умѣлъ обольстить Бековича мнимою покорностью, измѣннически захватилъ его и безчеловѣчно перерѣзалъ всѣхъ солдатъ и офицеровъ. Опасеніе возмездія побудило послѣ сего хивинскаго хана возмущать киргизовъ и сосѣдей своихъ противъ русскихъ, которые застроили тогда южную сибирскую границу рядомъ новыхъ крѣпостей. Не болѣе удачи было и въ сношеніяхъ съ китайцами. Недовѣрчивость и гордость китайцевъ не допускали никакихъ отношеній кромѣ небольшой торговли караванами въ Пекинъ, гдѣ русскіе терпѣли всякаго рода притѣсненія. Императоръ рѣшился отправить въ Китай посольство. Посломъ былъ избранъ капитанъ гвардіи Левъ Измайловъ. Онъ достигъ Пекина 18-го ноября 1720 года, и былъ необыкновенно ласково принятъ престарѣлымъ и хитрымъ богдыканомъ Канхіемъ. Изъявляя дружбу императору, богдыханъ бесѣдовалъ съ русскимъ посломъ о повелителѣ Россіи и объ отношеніяхъ между Китаемъ и Россіею, передавая свои разныя философическія замѣчанія. „Передай мое слово твоему государю,“ говорилъ Канхій—„вотъ слышалъ я, что самъ онъ ходитъ по морямъ и бываетъ въ битвахъ. Но море махина великая, и бываютъ на немъ волны большія и страхъ не малый, и легко можно погибнуть, а также и въ бою смерть всегда близка къ человѣку. Такъ зачѣмъ же ему, бывши государемъ великимъ и имѣя людей достойныхъ, зачѣмъ пускаться самому въ битвы и на море? Онъ долженъ посылать других, а самъ пребывать въ покоѣ. Скажи ему, что я такъ ему совѣтую, и еще скажи, что дружбы съ нимъ никогда я не нарушу, да и какъ намъ воевать? Россія государство холодное и далекое—если я пошлю туда войско то оно замерзнетъ и погибнетъ. А вамъ какимъ образомъ воевать съ нами? Наше государство жаркое, и люди ваши къ жару не привыкли — пошлете вы ихъ сюда, такъ они всѣ погибнуть. Сверхъ того, если бы мы другъ у друга что нибудь и завоевали, то на что намъ? И безъ того у насъ земли велики и пространны!“ Но кромѣ добрыхъ совѣтовъ и недорогихъ подарковъ, Канхій отпустилъ русскаго посла ни съ чѣмъ. Императоръ хотѣлъ воспользоваться позволеніемъ имѣть въ Пекинѣ духовную миссію, и рѣшился отправить въ Китай ученаго, умнаго и благочестиваго духовнаго сановника. Избранъ былъ префектъ московской академіи, Иннокентій Кулчицкій.

Императоръ лично бесѣдовалъ съ нимъ объ его назначеніи, и посвященный въ санъ епископа Иннокентій отправился изъ Петербурга въ 1721 г.—Китайцы встревожились знаменитымъ саномъ архипастыря и не допустили его въ Пекинъ. Иннокентій опредѣленъ былъ епископомъ въ Иркутскъ, жилъ и скончался тамъ, уже по кончинѣ Петра Великаго. Прославленный чудесами послѣ обрѣтенія нетлѣнныхъ мощей его, сей архипастырь причтенъ былъ русскою церковью, въ благословенное царствованіе Александра, къ лику святыхъ, и имя св. Иннокентія присоединилось къ именамъ св. Митрофана и св. Димитрія, современниковъ Петра Великаго и угодниковъ Божіихъ. Императоръ не побоялся бы того, что „Китай страна жаркая и русскій народъ къ ней необыклый.“ Оскорбленія, нанесенныя Россіи китайцами, заставляли его думать объ урокѣ богдыхану. Амуръ не выходилъ изъ памяти императора. Но отдаленность мѣста и недостатокъ средствъ войны заставили его отложить до времени предпріятія противъ Китая. За то онъ не хотѣлъ медлить другимъ, болѣе подручнымъ дѣломъ.

Каспійское море, съ самыхъ первыхъ лѣтъ царствованія представлялось Петру Великому ключемъ къ Азіи, особенно впослѣдствіи, когда онъ принужденъ былъ возвратить Азовъ оттоманамъ. Мысль царя состояла въ проведеніи водяного пути къ Каспійскому морю изъ средины Россіи соединеніемъ Дона съ Волгою, когда Волга и безъ того была раздольною дорогою къ берегамъ каспійскимъ. Царь хотѣлъ занять богатыя южныя и западныя прибрежья Каспія, устроивъ крѣпости и на восточныхъ прибрежьяхъ. Первыя открывали ему путь къ овладѣнію Закавказьемъ, куда призывалъ его нѣкогда Арчилъ, и потомъ звали преемники Арчила, гнетомые властью оттомановъ и разоряемые кавказскими народами и мятежными подданными Персіи, жителями Дагестана и другихъ каспійскихъ областей. Богатства сихъ областей, обильныхъ шелкомъ, виноградомъ, красильными веществами, когда легко можно было упрочить тамъ разведеніе тонкорунныхъ овецъ, лучшихъ породъ лошадей и другихъ произведеній природы, вспомоществуемой искусствомъ человѣка, являли новыя и великія средства русской промышленности. Торговля находила новые пути за Кавказомъ и въ Персіи, а крѣпости на восточномъ берегу Каспія передавали Россіи обладаніе Хивою, Бухарою, Ташкентомъ и другими государствами Туркестана. Русскіе могли послѣ сего придвинуться къ самому Китаю союзомъ и зависимостью Зюнгорскаго Койтайши, и распространяясь на югъ, проникнуть въ Индію.

Всѣ сіи, столь обширныя предпріятія должно было начать утвержденіемъ власти русской на западномъ берегу Каспійскаго моря, и среди самаго разгара шведской войны Петръ Великій не забывалъ о томъ. Состояніе Персіи давало возможность исполнить великую мысль его. Ужасы междоусобій, возстаніе областныхъ властителей, разореніе отъ сосѣдей терзали несчастное персидское государство. Петръ Великій хотѣлъ предложить шаху помощь свою, и за то потребовать уступки западнаго каспійскаго берега. Приготовляя средства, онъ издавна посылалъ описывать Каспійское море,

развѣдывалъ пути, способы устройства флота, даже отправлялъ ученаго Шобера описать Дагестанъ и его произведенія. Въ 1715 году Волынскій (впослѣдствіи столь извѣстный враждою съ Бирономъ и своею несчастною кончиною) былъ отправленъ посломъ въ Персію, когда Соймоновъ (также впослѣдствіи жертва Бирона) собиралъ подробныя свѣдѣнія о Каспійскомъ морѣ. Оба доставили царю извѣстія столь удовлетворительныя, что онъ положилъ приступить къ исполненію предпріятій своихъ немедленно. Волынскій, опредѣленный губернаторомъ, въ Астрахани, Соймоновъ въ Москвѣ, Салтыковъ въ Казани готовили перевозныя суда, когда съ шведами шли переговоры въ Ништатѣ. Полки шли на Волгу, какъ мы уже говорили, зимою 1721 года. Императоръ боялся упустить благопріятныя обстоятельства, коими можно было придать благовидность походу русскихъ.

Бѣдствія Персіи умножили тогда возстаніе афганцевъ. Сей народъ, издревле подвластный Персіи и обитавшій въ Кандагарѣ, подъ властью храбраго хана Мирвейса, успѣлъ сдѣлаться независимымъ отъ Персіи. Сынъ Мирвейса, Миръ-Махмутъ, предводя сильными афганскими полчищами, рѣшился овладѣть самою Персіею. Сто тысячъ войска, имъ предводимаго, вторгнулись въ персидскія области. Шахъ Гуссейнъ тщетно думалъ собрать войско на защиту. Вассалы Персіи видѣли въ предпріятіи Мирвейса и сына его средства къ своей собственной независимости. Въ Дагестанѣ возстали тогда два смѣлые бунтовщика, Сурхай, ханъ казыкумыцкій, и Даудъ-Бегъ, черкесъ, славный разбоями. Призывая жителей во имя правовѣрія (они были суннитской вѣры, послѣдователи которой ненавидятъ персіянъ, послѣдователей шіитскаго исповѣданія), Сурхай и Даудъ-Бегъ овладѣли Ширванью, Шамахою и другими областями персидскими. Несчастный шахъ Гуссейнъ, осажденный Миръ-Махмутомъ въ Испагани, трепеталъ за жизнь свою, уже не помышляя о разрушеніи государства. Нѣсколько русскихъ купцовъ были ограблены и убиты въ Шамахѣ при занятіи сего города Даудомъ. Императоръ объявилъ, что онъ не можетъ оставить безъ удовлетворенія обиды, и кромѣ того, по заключеннымъ съ персидскимъ шахомъ договорамъ, считаетъ своею обязанностью помочь союзнику и спасти его отъ погибели. Такимъ образомъ русскіе являлись защитниками персидскаго государя, а не завоевателями персидскихъ областей. Правители шаха въ Дагестанѣ и Шамхалъ, одинъ изъ сильныхъ тамошнихъ князей, призывали императора, думая видѣть въ немъ спасителя Персіи. Царь грузинскій Вахтангъ умолялъ его съ своей стороны о спасеніи отъ турокъ. Пріобрѣтая себѣ благовидный предлогъ овладѣть каспійскимъ прибрежьемъ, императоръ не могъ опасаться непріязни султана, если и предполагалъ, что Турцію могло встревожить появленіе русскихъ за Кавказомъ. Дѣло казалось столь важнымъ, что императоръ никому не хотѣлъ довѣрить его, и рѣшился отправиться самъ на Каспійское море, лично обозрѣть его западныя прибрежья, и опредѣлить образъ войны и защиты новыхъ завоеваній. Супруга его ѣхала съ нимъ. Онъ бралъ съ собою Апраксина, какъ адмирала, препоручая ему начальство надъ фло

томъ. Кромѣ регулярнаго войска, велѣно было идти въ Дагестанъ 15000-мъ донцовъ и малороссійскихъ казаковъ, соединясь съ конницею, которая изъ Астрахани отправлялась берегомъ черезъ Терки. Къ нимъ присовокуплялось еще 40,000 калмыковъ Аюкихана. Императоръ, съ пѣхотою, артиллеріею и запасами, хотѣлъ переправиться въ Дагестанъ моремъ, пристать ниже Терковъ, и по соединеніи съ конницею, идти до устья рѣки Кура, откуда открывалась возможность водяного сообщенія съ Тифлисомъ и занятія Грузіи, когда походъ далѣе берегомъ передавалъ русскимъ южное Каспійское приморье.

Мая 15-го, 1722 года, императоръ слушалъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, и послѣ напутственнаго молебна сѣлъ на суда, стоявшія на Москвѣ рѣкѣ, съ супругою, немногими чиновниками, гвардіею и двумя полками. Народъ покрывалъ берега. Изъ Кремля раздавались пушечные выстрѣлы, при звукѣ музыкѣ на судахъ и колокольномъ звонѣ во всей Москвѣ. Вспоминали, что такъ отправлялся императоръ, за 27 лѣтъ прежде, на свой первый воинскій подвигъ, въ походъ азовскій—не зная, что провожаютъ его въ послѣдній разъ на поля брани.

Обозрѣвая свои приволжскія области въ первый разъ, царь всюду останавливался, все осматривалъ, вездѣ вникалъ въ исполненіе повелѣннаго имъ прежде, приказывалъ вновь, не оставлялъ осмотрѣть ничего достопамятнаго. Въ Нижнемъ-Новгородѣ посѣтилъ онъ соборную церковь, спросилъ, гдѣ гробъ Козьмы Минина и поклонился ему въ землю, говоря: „Здѣсь лежитъ избавитель и спаситель Россіи“.—Долго бесѣдовалъ онъ съ любимцемъ своимъ, архіепископомъ Питирикомъ, о средствахъ обращеніи раскольниковъ. Видя по Волгѣ множество судовъ стариннаго, неудобнаго устройства, давно имъ запрещенныя, строго подтвердилъ императоръ указъ свой о постройкѣ судовъ по новому образцу. Строгановы, знаменитые своими заслугами и богатствомъ, просили позволенія угостить войско. Тогда возвелъ императоръ родъ Строгановыхъ въ баронское достоинство. Демидовъ былъ пожалованъ въ дворяне еще въ 1718 году. Въ Казани осматривалъ императоръ верфь, адмиралтейство, кожевенный заводъ. Къ нему явился казанскій купецъ Михляевъ. Видя бѣдно одѣтаго старика, императоръ думалъ, что онъ пришелъ съ какою-нибудь просьбою. Михляевъ просилъ только посѣтить суконную, заведенную имъ фабрику. Императоръ отправился съ нимъ, увидѣлъ, что фабрика Михляева устроена лучше заведенной въ Казани казенной, и подарилъ ему казенную фабрику, говоря: „Доведи только ее мнѣ до такого же совершенства какъ твоя“. Въ знакъ благодарности Михляевъ поднесъ императору два блюда, наполненныя червонцами, и просилъ принять. „Тебѣ, государь, теперь деньги на войну надобны“, говорилъ онъ. И впослѣдствіи не забывалъ императоръ своего добраго казанскаго старика. Въ болгарахъ осмотрѣлъ онъ развалины сего древняго, запустѣлаго города, велѣлъ поддерживать починкою разрушавшіяся зданія и списать надписи на гробницахъ, тамъ находившихся. Въ Саратовѣ явился къ императору 80-ти лѣтній

Аюка, ханъ калмыцкій. Онъ былъ восхищенъ привѣтомъ императора и въ восторгѣ восклицалъ: „теперь пора мнѣ умирать—я видѣлъ моего государя!“ Іюня 15-го, прибылъ императоръ въ Астрахань, обозрѣвалъ гостиные дворы, верфь, церкви, дома, и говорилъ съ азіатскими купцами о торговлѣ въ Персіи и Индіи. Здѣсь Кантемиръ, бывшій при императорѣ, перевелъ на персидскій и турецкій языки манифестъ, коимъ изъяснялъ императоръ причины похода, объявляя милость и покровительство всѣмъ покорнымъ жителямъ областей, куда шли его войска, и гнѣвъ противникамъ. Іюля 18-го, поплыли изъ Астрахани флотилія, составленная изъ 250-ти судовъ (въ числѣ ихъ было 3 шнявы, 2 бота, 12 гальотовъ и другихъ судовъ, а остальное лодки), на коихъ находились 20,000 человѣкъ пѣхоты, запасы артиллерія. Десять тысячъ конницы, казаки и калмыки шли берегомъ Каспійскаго моря.

Мысль царя, какъ мы говорили, была достигнуть устья рѣки Кура. Отсюда хотѣлъ онъ отправить войско на занятіе южнаго прибрежья Каспійскаго и располагалъ плыть по Куру до Тифлиса. Ему хотѣлось окинуть взоромъ своимъ все Закавказье.

Неисправность судовъ и позднее отплытіе изъ Астрахани явились первымъ препятствіемъ. Жаркій, непривычный русскимъ климатъ составилъ второе затрудненіе, хотя императоръ предписалъ правила, какъ вести себя, запретилъ ѣсть рыбу и плоды, спать на солнцѣ и на землѣ. Болѣзни истребляли солдатъ. Наконецъ бурное осеннее время и недостатки припасовъ воспрепятствовали полному успѣху. Походъ продолжался до октября и не ознаменовался ничѣмъ особенно достопамятнымъ. Появленія русскихъ войскъ было достаточно уничтожать нестройныя полчища туземцевъ, вездѣ, гдѣ они осмѣливались противиться.

Флотъ остановился у Астраханскаго мыса, ниже устья рѣки Койсу. Императора перенесли на берегъ на рукахъ, ибо за мелководіемъ нельзя было подплыть къ берегу въ лодкѣ. Здѣсь разбили лагерь, устроили ретраншаментъ и дожидались конницы до начала августа, ибо ее задержали трудность пути и сопротивленіе горцевъ, занявшихъ тѣснины близъ деревни Эндери, которую принуждены были взять приступомъ и разорить. На досугѣ императоръ купалъ въ Каспійскомъ морѣ небывалыхъ на немъ людей, начавши съ баса Головина и себя до старика Апраксина и генерала Матюшкина, который, не боясь пуль и ядеръ, боялся воды и тѣмъ забавлялъ императора. Оставя отрядъ въ Аграхани, августа 6-го переправились черезъ рѣку Сулакъ. Здѣсь явились съ изъявленіемъ покорности посолъ Шамхала и Махмутъ, султанъ аксайскій. Августа 15-го, императоръ прибылъ въ Тархи, мѣсто пребыванія Шамхала. Съ азіатскимъ великолѣпіемъ угощалъ его Шамхалъ, и императоръ отправилъ передовой отрядъ войска въ Дербентъ, куда призывалъ его наипъ, или намѣстникъ шаха. Древній городъ сей, съ его вѣковыми стѣнами, желѣзныя врата Кавказа, покорялся безъ боя. При переходѣ отъ Тарховъ явился съ покорностью буйнакскій владѣлецъ Махмутъ, но 19-го августа, русское войско встрѣтило толпы всадниковъ утемышскаго

султана. Послѣ стремительнаго удара на конницу, встрѣченные штыками пѣхоты, непріятели бѣжали; конница преслѣдовала ихъ и выжгла селенія утемышцевъ. Августа 23-го, Дербентъ встрѣтилъ русскаго императора. Наипъ поднесъ ему ключи города. Онъ былъ пожалованъ чиномъ генералъ-маіора. Нѣсколько дней осматривалъ императоръ достопамятности города и его роскошныя окрестности Надѣялись, что Баку покорится безъ сопротивленія, но извѣстія оттуда показали противное. Войско выступило въ дальнѣйшій походъ 30-го августа, остановилось у рѣки Милукенчи, и здѣсь былъ предѣлъ похода императора. Жестокая буря разбила множество судовъ, на коихъ везли тяжести, и повредила припасы. Другой транспортъ, шедшій изъ Астрахани, принужденъ былъ за поврежденіемъ судовъ отъ бури остановиться у Аграханскаго залива. Опасаясь недостатка въ припасахъ, императоръ обратился въ Дербентъ и выступилъ изъ него обратно въ Россію сентября 7-го. Утемышцы снова напали на русское войско. Императоръ послалъ казаковъ и калмыковъ расплатиться съ ними за дерзость, 29-го сентября, достигъ Аграхани, а 4-го октября, возвратился въ Астрахань.

Письмо царя въ Сенатъ вполнѣ изображаетъ персидскій походъ его: „Маршъ нашъ былъ невеликъ, но только зѣло труденъ отъ безкормицы лошадямъ и отъ великихъ жаровъ. Насъ всюду принимали смирно и съ пріятнымъ лицомъ, хотя сія пріятность явно говорила: Что намъ и тебѣ, Іисусе, сыне Давидовъ! Мы даже рады какому-нибудь случаю подраться, а особливо тѣ изъ насъ, кто еще свиста пуль не слыхивалъ. Утемышцы оказались съ нами неучтивы, и за то мы полюбовались фейерверкомъ, отдавая имъ контръвизитъ. Можемъ сказать, что въ здѣшнихъ краяхъ мы ногу поставили и крѣпкое основаніе на Каспійскомъ морѣ получили“.

Императоръ былъ доволенъ походомъ своимъ. Онъ удостовѣрился въ богатствахъ, какія заключали въ себѣ занятыя русскими области, и въ легкости завоеванія всего западнаго и южнаго каспійскаго прибрежья. Онъ понялъ притомъ образъ военныхъ дѣйствій, приличный тамошней мѣстности. Дѣйствія многочисленной арміи затруднялись продовольствіемъ и перевозомъ тягостей, и онъ положилъ имѣть въ крѣпостяхъ каспійскихъ небольшіе гарнизоны, съ отрядами легкихъ войскъ и казаковъ, которые могли бы сражаться съ горцами и дѣйствовать въ горныхъ областяхъ. Нѣсколько полковъ и нѣсколько пушекъ могли такимъ образомъ содержать въ повиновеніи жителей, и охранять все прибрежье отъ нападеній непріятеля. Надлежало только усилить мелкій флотъ на Каспійскомъ морѣ. Дальнѣйшія обстоятельства должно было рѣшить время.

Всѣ сіи распоряженія заняли императора до половины декабря. Онъ послалъ къ шаху персидскому и царю грузинскому, представляя одному свои успѣхи и обѣщая продолжить пособіе, а другого преклоняя къ подданству Россіи. Переговоры начаты были съ Шамхаломъ и другими дагестанскими князьями. Осмотрѣвши теченіе рѣки Сулака, императоръ заложилъ тамъ крѣпость, назвавъ ее крѣпостью св. Креста, и велѣлъ перевесть туда

жителей изъ города Терковъ, находившагося на нездоровомъ мѣстѣ. Окрестности велѣно заселить тысячью семействъ донскихъ казаковъ. Аграханскій ретраншаментъ укрѣпили, устроивъ прочную защиту въ Дербентѣ. Генералъ-маіоръ Матюшкинъ долженъ былъ отправиться весною въ Баку и занять сей городъ, а лѣтомъ распространить занятія областей далѣе на югъ. Въ Казани и другихъ мѣстахъ по Волгѣ приказано зимою строить суда и со вскрытіемъ рѣкъ плавить ихъ за Астрахань. Виноделы и шелководы должны были весною отправиться изъ Астрахани въ Дербентъ и Гилянь, и заняться немедленно своимъ дѣломъ. Императоръ осмотрѣлъ волжскіе рыбные учуги, или мѣста рыбной ловли. Индѣйцы, армяне, русскіе купцы были призваны къ императору, и онъ разспрашивалъ ихъ о торговыхъ путяхъ въ Азію и плаваніи по Куру (въ устьѣ коего приказывалъ заложить городъ и крѣпость), требуя совѣтовъ касательно распространенія торговли за Кавказомъ. Въ Астрахани начались также переговоры съ турками, приславшими изъ Арзерума особеннаго посла.

Императоръ обрадовался нечаянному случаю, открывавшему средства легко завладѣть Рящемъ, главнымъ городомъ Гиляни, на южномъ берегу Каспія. Не имѣя силъ защищаться отъ полчищъ Сурхая и Дауда, тамошній персидскій визирь прислалъ просить помощи русскихъ. Императоръ приказалъ немедленно выбрать нѣсколько судовъ, и несмотря на бурное время, переправить въ Рящъ изъ Астрахани два батальона пѣхоты. Шиповъ, любимецъ его, вѣстникъ Ништатскаго мира, назначенный начальникомъ въ Рящъ, осмѣлился замѣтить, что при нападеніи сильнаго непріятельскаго войска, назначенное число солдатъ недостаточно. „Стыдись, Шиповъ!“ сказалъ ему императоръ.—„Стенька Разинъ съ 500 разбойниковъ взялъ Рящъ и держался въ немъ, а у тебя два батальона регулярнаго войска и ты боишься!“ Экспедиція отправилась 6-го ноября, и успѣхъ ея оправдалъ слова императора.

Апраксинъ остался въ Астрахани. Императоръ отправился по Волгѣ на своемъ стругѣ, надѣясь еще достигнуть водою Царицына. Но недалеко отъ сего города льдомъ затерло стругъ, и императоръ принужденъ былъ ѣхать въ Царицынъ сухимъ путемъ.

Онъ остановился на пути въ Воронежѣ, памятномъ для него трудами юныхъ лѣтъ его. Уже много лѣтъ прошло, что совершенно на другіе предметы обращено было вниманіе императора. Съ 1709 года верфь воронежская оставалась въ запустѣніи; остававшіяся тамъ и въ Тавровѣ суда разрушились. Подробно осмотрѣвши давно знакомыя мѣста, императоръ, къ общему удивленію, велѣлъ возобновить тавровскую верфь и расположилъ строеніе судовъ. Здѣсь скрывалась тайная мысль его: онъ думалъ о Турціи.

Москва ждала императора. Вѣсти объ его походѣ въ Персію и завоеваніи желѣзныхъ вратъ кавказскихъ, Дербента, по преданіямъ, построеннаго Александромъ Македонскимъ, казались чѣмъ-то баснословнымъ. Воображеніе народа любитъ чудесное. Торжественныя врата изображали видъ Дербента, и надпись надъ нимъ говорила: „Создалъ храбрый — покорилъ храбрѣйшій“

(Struxerat fortis, tenet fortior) Декабря 18-го императоръ торжественно вступилъ въ Москву, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ. Онъ ѣхалъ на персидской лошади. Передъ нимъ несли ключи Дербента. Вѣрная гвардія императора слѣдовала за нимъ. Ѳеофанъ привѣтствовалъ его рѣчью. „Благословенъ грядый во имя Господне!" говорилъ витія, „и что другое скажемъ тебѣ, встрѣчая тебя, коему, во имя Господне походы творящему, спутешествуетъ и предходитъ вѣдающій пути праведныхъ и правящій судьбы Израиля своего? Не Онъ ли и нынѣ явилъ на тебѣ благословеніе, исполня слова свои: Отверзу передъ нимъ пути, уравняю горы, врата мѣдяныя сокрушу и вереи желѣзныя сломлю? Гряди нынѣ — здѣсь тебѣ отверсты сердца, гряди, яко исполинъ радуяся тещи путь свой!" — Торжественное молебствіе было совершено въ Успенскомъ соборѣ. Толпы народа, покрывавшія площадь, съ умиленіемъ смотрѣли на императора, загорѣвшаго отъ пламенныхъ лучей полуденнаго солнца.

Императоръ пробылъ въ Москвѣ до конца февраля. Безпрерывныя, разнообразныя занятія знаменовали все время пребыванія его въ древней русской столицѣ.

Разсказъ двадцать четвертый.

Послѣдніе подвиги и кончина Петра Великаго.

1723, 1724, 1725 гг.

Что мы видимъ, Россіяне? Что мы дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!

Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Изъ меня познайте, какое бѣдное животное человѣкъ.

Слова Петра Великаго.

Марта 3-го 1723 года императоръ возвратился въ Петербургъ. Народъ радостно встрѣтилъ его за городомъ. Въ день пріѣзда осмотрѣлъ онъ Адмиралтейство, былъ въ коллегіяхъ, Синодѣ, Сенатѣ, на разныхъ работахъ, въ отсутствіи его производившихся безостановочно.

Петербургъ являлся уже обширнымъ, торговымъ городомъ. Городовые доходы его составляли болѣе 450,000 рублей въ годъ (въ томъ числѣ таможенныхъ денегъ было собираемо болѣе 200,000 рублей). Число кораблей, приходящихъ въ Кронштадтъ, простиралось до 525. Въ девять послѣднихъ лѣтъ, какъ во всей Россіи, дополнялъ и улучшалъ въ Петербургѣ своемъ великій хозяинъ его все, чему положены были прежде начало и основаніе. Прежнія малыя зданія замѣнялись новыми огромными; груды хижинъ превращались въ улицы красивыхъ домовъ; верфь дѣлалась обширнымъ государственнымъ заведеніемъ; Нева была покрыта иностранными и русскими, военными и купеческими судами. Въ 1716 году Адмиральтейство обнесли валами, обсадили деревьями и обвели рвами, почему и назвали его потомъ Адмиралтейскою крѣпостью. О дѣятельности работъ на петербургской верфи можно судить по тому, что въ 1718 году спущено было на немъ два корабля (Нептунъ 70-ти, Лѣсной 90-ти пушечный), въ 1720 году четыре (Фридрихштадтъ 96-ти, Сѣверный орелъ 84-хъ, Астрахань 66-ти, Санктпитеръ 86-ти пушечный), въ 1721 году четыре (св. Андрей 86-ти, Миротворецъ 85-ти, св.

Екатерина 66-ти, св. Пантелеймонъ 66-ти пушечный). Въ 1716 году подлѣ адмиралтейства заложили каменную церковь св. Ісаакія Далматскаго. Въ 1720 году на Литейной построена была лютеранская Аннинская церковь. Въ 1724 году кончили каменную биржу. Царь продолжалъ рыть каналы, изъ коихъ упомянемъ о Крюковомъ и Адмиралтейскомъ. Въ 1719 году въ Кронштадтѣ былъ начатъ знаменитый каналъ Петровскій. Заводы и фабрики, казенные и частные, умножались ежегодно; въ 1716 году были основаны охтенскіе пороховые заводы, а въ 1719 году дудергофская бумажная фабрика и шпалерная мануфактура на Литейной. На Охтѣ царь поселилъ плотниковъ, построивъ для нихъ церковь во имя св. Іосифа древодѣла. Въ 1723 году заложили на Васильевскомъ островѣ обширное зданіе, подъ именемъ Коллегій. Императоръ хотѣлъ собрать въ немъ синодъ, сенатъ, магистратъ и всѣ коллегія, дабы ему удобнѣе было посѣщать ихъ, расположенные въ одномъ зданіи, и безпрерывно наблюдать за теченіемъ дѣлъ въ каждомъ изъ сихъ высшихъ мѣстъ. — Въ 1718 году императоръ назначилъ въ столицѣ своей генералъ-полиціймейстера. Въ окрестностяхъ Петербурга, кромѣ Екатерингофа и Анненгофа, супруга императора построила на Пулковой горѣ, въ Сарской музѣ своей, дворецъ. Императоръ переименовалъ тогда Сарскую деревню Царскимъ Селомъ. Здѣсь, и въ Петергофѣ, который украсилъ императоръ фонтанами, были любимыя мѣста пребыванія его, и впослѣдствіи императрицею Елисаветою воздвигнуты были великолѣпные дворцы. Въ 1716 году основана была Морская Академія — начало морскихъ училищъ въ Россіи. По возвращеніи изъ Франціи императоръ привелъ въ порядокъ кунсткамеру, уже богатую рѣдкостями, ибо, кромѣ огромной библіотеки, сюда собирались достопамятности со всей Россіи. — Указомъ повелѣно было присылать въ кунсткамеру всякихъ монстровъ (уродовъ). Библіотека увеличилась вывезенными изъ Китая китайскими и монгольскими книгами. Императоръ помѣстилъ здѣсь кабинеты Рюйша, Себы, Лидерса, присовокупилъ къ рѣдкостямъ и знаменитый голштинскій глобусъ. Нерѣдко проводилъ онъ въ кунсткамерѣ по нѣскольку часовъ, выслушивалъ здѣсь дѣла и доклады, и даже иногда принималъ пословъ иностранныхъ. Привлекая посѣтителей къ обозрѣнію рѣдкостей кунсткамеры, онъ самъ изъяснялъ имъ достопамятности и диковинки, и приказалъ даже угощать всѣхъ приходящихъ водкою и кофе. „Не для себя, а для просвѣщенія моихъ подданныхъ завелъ я кунсткамеру, и хочу, чтобы они приходили и учились въ ней“, говорилъ онъ. Изыскивая всѣ средства для народнаго образованія, императоръ поставилъ въ Лѣтнемъ саду своемъ жестяныя избраженія Эзоповыхъ басенъ, и подъ каждымъ велѣлъ подписать изъясненіе басни и нравоученіе. Всѣ необыкновенныя явленія природы изъясняли народу особенными описаніями. Съ 1702 года уже издавались въ Россіи газеты, выходили ежегодно календари и умножалось число книгъ. Императоръ самъ прочитывалъ, разсматривалъ рукописи, приказывая переводить по своему назначенію. Кромѣ сочиненій Виньолы, Боргсдорфа, Кугорна, Вобана, изданы и приготовлены были къ изданію географія Гибнера

алкоранъ Магометовъ, исторія церковная Баронія, исторія Турціи Рико, исторія татарская Абулгази-Баядуръ хана, исторія Троянская, Пуффедорфово введеніе въ исторію, Квинтъ-Курцій, Аполлодоръ Аѳинейскій, и проч.

Постоянное сообщеніе Петербурга съ Любекомъ учреждено было въ 1723 году посредствомъ двухъ фрегатовъ. Съ 1718 года начато предпріятіе, коимъ облегчалось сообщеніе Петербурга съ внутренними мѣстами Россіи: плаваніе по бурному Ладожскому озеру губило суда и плоты, и императоръ рѣшился проложить на 100 верстъ каналъ отъ Ладоги, изъ устья Волхова, до истока Невы близъ Шлиссельбурга. Онъ самъ осмотрѣлъ и измѣрялъ протяженіе мѣста, гдѣ надобно было рыть каналъ, и началъ работу его своими руками.

Невольно увлекаемся мы подробностями дѣлъ Петра, великаго равно во всѣхъ дѣлахъ его, обширныхъ и малыхъ, и съ грустью обращаемся къ описанію двухъ послѣднихъ лѣтъ жизни его. „Приходимъ", говоритъ почтенный историкъ Петра Великаго, Голиковъ, „приходимъ мы къ послѣднимъ годамъ жизни безсмертнаго монарха, и одна мысль о близкой, великой и незамѣнимой утратѣ его омрачаетъ уныніемъ душу. Перо выпадаетъ изъ рукъ"...

Въ числѣ привѣтствовавшихъ императора по возвращеніи изъ Москвы находился герцогъ голштинскій, возвратившійся изъ своего путешествія въ Вѣну и Берлинъ. Съ нимъ прибыли въ Россію два принца гессенъ-гомбургскіе, Людовикъ и Карлъ, желавшіе вступить въ русскую службу. Императоръ не могъ скрыть своего удовольствія, видя, что потомки владѣтельныхъ князей считаютъ честью служить въ русскомъ войскѣ. Оба принца приняты были капитанами гвардіи, съ жалованьемъ по 6000 рублей. Младшій умеръ въ 1728 году. Старшій въ царствованіе императрицы Елисаветы былъ русскимъ фельдмаршаломъ и умеръ въ 1741 году.

Іюня 20-го императоръ, уже успѣвшій осмотрѣть всѣ окрестности Петербурга, Сестрорѣцкъ и Кронштадтъ, вывелъ въ море флотъ свой и ходилъ съ нимъ къ Рогервику и Ревелю. Въ Петербургѣ приготовлено было между тѣмъ новое народное зрѣлище. Царь приказалъ привезть изъ Москвы Дѣдушку русскаго флота, и торжественно привелъ его по Невѣ въ Петербургъ изъ Шлиссельбурга. За столомъ императорскимъ пили за здоровье маленькаго дѣдушки и большихъ внучковъ его, при громѣ пушекъ съ крѣпости. Августа 7-го Дѣдушка отправился въ Кронштадтъ; его встрѣтили болѣе нежели 50 линейныхъ кораблей и фрегатовъ, галерный флотъ, безчисленное множество мелкихъ судовъ, тянувшихся безконечною вереницею изъ Петербурга и Кронштадта. Хозяинъ каждаго дома въ Петербургѣ обязанъ былъ имѣть свою лодку, и въ назначенные и торжественные дни каждый долженъ былъ являться къ смотру съ своею лодкою. Особенный начальникъ назначенъ былъ надъ симъ флотомъ, который называли невскимъ. Корабли и фрегаты, встрѣчая Дѣдушку, были вытянуты въ одну линію. Ими предводили генералъ-адмиралъ Апраксинъ, адмиралъ Гордонъ и самъ императоръ. Кромѣ того

на флотѣ были адмиралъ Крюйсъ, вице-адмиралъ Вильстеръ и контръ-адмиралы Синявинъ, Сандерсъ и Дюффусъ. Залпъ изъ тысячи пятисотъ пушекъ привѣтствовалъ Дѣдушку русскаго флота. Императоръ объѣхалъ на немъ весь флотъ, управляя рулемъ ботика; другіе флагманы правили парусомъ его и сидѣли въ греблѣ; Меншиковъ былъ лоцманомъ, держа въ рукахъ лотъ. Съ приближеніемъ Дѣдушки на каждомъ кораблѣ спускали флагъ, били въ барабаны и кричали: ура! Обозрѣніе кончилось громовымъ залпомъ и праздникъ заключился веселымъ пиромъ. Императоръ положилъ праздновать ежегодно 30-е августа въ честь Дѣдушки русскаго флота. Державный потомокъ Петра Великаго обновилъ сіе празднество. Дѣдушка русскаго флота, хранящійся въ Петропавловской крѣпости, черезъ сто слишкомъ лѣтъ, снова являлся своимъ потомкамъ и громы тысячи орудій чествовали его явленіе.

Персидскій посолъ, находившійся тогда въ Петербургѣ, былъ свидѣтелемъ другого праздника. Послѣ данной ему аудіенціи, въ день годовщины ништатскаго мира, начался и шесть дней продолжался публичный маскарадъ, гдѣ участвовали императоръ и весь дворъ его. Народъ угощали роскошно и заключили веселье фейерверкомъ.

Октября 13-го скончалась въ Петербургѣ вдова царя Іоанна, царица Прасковья Ѳедоровна. Императоръ съ почестью предалъ землѣ бренные останки ся въ Невскомъ монастырѣ.

Ноября 15-го обнародованъ указъ о коронованіи супруги императора. „Издревле обычай государямъ супругъ своихъ короновать“, говорилъ императоръ въ указѣ своемъ „Мы, помня великія заслуги супруги нашей во всѣхъ случаяхъ и дѣлахъ, а наипаче въ прутской баталіи, коронаціею короны почтить ее намѣрены“. Сей священный обрядъ положено было отправить зимою. Болѣзнь царя воспрепятствовала распоряженію.

Но болѣзнь его не останавливала дѣлъ. Встрѣчая ботикъ свой, выводя въ море флотъ, пируя въ маскарадахъ, онъ неукоснительно продолжалъ свои предпріятія въ Персіи.

Опасеніе, что занятіе русскими персидскихъ областей возбудитъ подозрѣніе и сомнѣніе турокъ, оправдалось. Турція хотѣла воспользоваться смятеніями Персіи и отнять у персидскаго шаха нѣсколько смежныхъ съ ея владѣніями областей. Въ Грузіи турки владычествовали невозбранно, и сношенія грузинскаго царя съ императоромъ, а особливо появленіе русскихъ войскъ за Кавказомъ не могли не обезпокоить султана. Мы видѣли, что уже въ Астрахань являлся къ императору турецкій посолъ. Его увѣрили, что Россія не думаетъ занимать Грузіи, и поддержитъ союзъ и дружбу съ султаномъ, не препятствуя предпріятіямъ турокъ противъ персіянъ. Между тѣмъ Миръ-Махмутъ довершилъ свои успѣхи, взялъ Испагань, и шахъ Гуссейнъ погибъ въ тюрьмѣ. Юный, слабый и неспособный ни къ войнѣ, ни къ дѣлу государственному, сынъ его Тахмасибъ былъ объявленъ шахомъ немногими вѣрными персіянами. Видя угрожавшую имъ отвсюду гибель, они

рѣшились прибѣгнуть къ помощи русскихъ. Еще при жизни шаха Гуссейна отправился къ императору персидскій посолъ умолять о пособіи, соглашаясь уступить за то области на каспійскихъ берегахъ. Между тѣмъ Шиповъ и Соймоновъ заняли Рящъ, несмотря на споръ противниковъ Россіи. Весною 1723 года мятежники собрались толпами и напали на русскихъ. Шиповъ уничтожилъ ихъ ночною вылазкою, отнялъ у нихъ пушки и разогналъ толпы ихъ. Въ іюнѣ Матюшкинъ отправился въ Баку и занялъ сей городъ послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ по крѣпостнымъ стѣнамъ. Полковникъ Зимбулатовъ овладѣлъ Сальянскою областью. Пока русскіе распространяли завоеванія, посолъ персидскій смиренно кланялся въ Петербургѣ императору, величая его „превзошедшимъ славою Искендера, милостью Феридуна, счастіемъ Мериха", Важнѣе возгласовъ его былъ трактатъ, заключенный сентября 12-го, по коему императоръ обѣщалъ послать войско свое противъ афганцевъ, а шахъ Тахмасибъ уступалъ ему въ вѣчное владѣніе Дербентъ, Баку, Гилянь, Астрабатъ и Мазандеранъ. Съ новыми возгласами, уподобляя императора „солнцу, отъ коего все получаетъ жизнь", говоря, что онъ „звѣзда среди всѣхъ царей свѣтлѣйшая, и тотъ Богу противится, кто ему противится", посолъ персидскій оставилъ Петербургъ. Императоръ могъ послѣ сего дѣйствовать въ уступленныхъ Персіею областяхъ, какъ въ своемъ законномъ владѣніи. Встрѣтились новыя и важныя затрудненія. Всѣ туземные и мелкіе тираны готовы были возмутиться, слыша о подчиненіи ихъ Россіи, ибо тѣмъ отнималась своевольная власть тамошнихъ персидскихъ правителей, чиновниковъ и ихъ войскъ, которые властвовали надъ всѣмъ и безпощадно терзали бѣдныхъ жителей. Неудовольствія съ оттоманскою Портою умножило подчиненіе султану Сурхуя и Дауда, не видѣвшихъ другого спасенія отъ силы русскихъ. Объявляя ихъ своими подданными, султанъ потребовалъ отъ Россіи немедленнаго очищенія областей каспійскихъ. Неосторожный поступокъ Волынскаго возбудилъ новыя опасенія, когда Волынскій позволилъ царю Вахтангу, отвсюду гонимому, переѣхать въ Астрахань, съ его дворомъ и отрядомъ грузинскихъ войскъ. Наконецъ и самъ несчастный шахъ Тахмасибъ, не видя нисколько надежды къ спасенію, обольщаемый турками, окруженный мятежными вельможами, отрекся отъ договора съ Россіею. Войска персидскія, вопреки трактату, посланы были изгнать русскихъ.

Возмущенія туземцевъ укротили легко. Только княгиня сальянская Ханума успѣла измѣннически уничтожить небольшой отрядъ Зимбулатова; онъ и офицеры его были перерѣзаны на пирѣ, куда пригласила ихъ Ханума. Появленіе другого русскаго отряда заставило Хануму бѣжать. Важнѣе было возстаніе Шамхала. Съ 25,000-ми горцевъ окружилъ онъ Аграханское укрѣпленіе, но былъ отбитъ. Русскіе мстили ему страшнымъ опустошеніемъ его владѣній. Несчастный Шамхалъ принужденъ былъ просить пощады и отдаться въ руки русскихъ. Онъ былъ перевезенъ въ Россію и его достоинство уничтожено. Дагестанъ покорился. Не болѣе труда стоило уничтожить покушенія персіянъ въ Гиляни и Мазандеранѣ: 4000 русскихъ разогнали толпы ихъ

въ 1724 году, отнимали у нихъ крѣпости, и въ 1725 году разбили открытымъ боемъ 20,000-е персидское войско. Непріятель тревожилъ послѣ сего русскихъ отдѣльными нападеніями, но тревоги сіи такъ мало уважали, что противъ нѣсколькихъ тысячъ персіянъ высылали отрядъ драгунъ, и они гнали робкихъ непріятелей при первомъ выстрѣлѣ.

Въ 1472 году императоръ кончилъ договоромъ затруднительныя отношенія съ Турціею. На случай войны велѣно было готовить войско и укрѣпить границы. Но султанъ, незадолго передъ тѣмъ выдержавшій неудачную войну съ Австріею, не думалъ воевать съ русскими, и надѣясь найти болѣе выгодъ въ Персіи, предпочелъ миролюбіе. Ему предоставили Грузію и уступили часть Ширвани и Шамахи. Зато договоромъ, заключеннымъ въ Царьградѣ, 12-го іюня, 1724 года, султанъ утвердилъ за Россіею уступленныя ей шахомъ области, даже съ тѣмъ, что если шахъ Тахмасибъ продолжитъ свое несогласіе, порта оттоманская обязывается принудить его къ уступкѣ, а при согласіи его, вмѣстѣ съ Россіею, будетъ помогать ему противъ афганцевъ.

Разумѣется, что помогать несчастному шаху Тахмасибу никто не думалъ. Онъ бѣжалъ въ Шпразъ и оставался тамъ до 1730 года, когда сабля смѣлаго разбойника, Тахмаса Кулы-хана возвратила ему персидскій престолъ. Дальнѣйшія событія въ Персіи и участь пріобрѣтенныхъ Россіею персидскихъ областей при преемникахъ императора не относится къ нашему повѣствованію. При кончинѣ Петра Великаго Россія прочно владѣла всѣмъ западнымъ и южнымъ прибрежьемъ Каспійскаго моря.

Успѣхъ увѣнчалъ также старанія царя исполнить обѣщаніе, данное имъ голштинскому герцогу. Предназначая вручить ему руку старшей дочери своей, императоръ снова потребовалъ отъ Швеціи утвержденія герцога наслѣдникомъ шведскаго престола, а отъ Даніи отдачи ему родовыхъ владѣній его. Тревожимый требованіемъ Россіи и посредничествомъ Австріи, король датскій принужденъ былъ наконецъ уступить. Герцогъ получилъ часть Шлезвига. Объ остальныхъ голштинскихъ областяхъ положено вести переговоры. Данія предлагала за нихъ денежную плату. Гораздо труднѣе было устроить дѣло въ Швеціи, раздираемой смятеніями, управляемой королемъ безъ власти, презираемымъ за его мотовство, мелкое честолюбіе и соблазнительную жизнь. Фридрихъ не только явно жилъ съ своею любовницей, графинею Таубе, но даже обвѣнчался съ нею при жизни своей супруги и хотѣлъ передать престолъ дѣтямъ отъ своего беззаконнаго брака. Отношенія императора въ Европѣ тогда значительно измѣнились. Регентъ Франціи, герцогъ орлеанскій, умеръ въ 1723 году. Преемникъ его, герцогъ Бурбонъ казался другомъ царя. Онъ возобновилъ предложенія о супружествѣ великой княжны Елизаветы съ Людовикомъ XV-мъ, и желая польстить самолюбію императора, просилъ продать ему два русскіе корабля, построенные руками великаго мастера, дабы флотъ французскій могъ гордиться обладаніемъ такой драгоцѣнности. Но перепутанныя отношенія европейской политики все

разрушили. Для окончанія споровъ между Австріею, Испаніею, Франціею и Англіею собранъ былъ конгрессъ въ Камбре (въ 1724 году). Онъ только болѣе перессорилъ всѣхъ государей. Испанія и Австрія заключили союзъ, а къ нимъ присоединилась Пруссія. Съ другой стороны составился союзъ между Франціею, Англіею, Голландіею и Даніею. Персидскія дѣла, по которымъ выходили несогласія съ Турціею, заставили Петра Великаго предпочесть безполезную дружбу Франціи союзу съ Австріею, Испаніею и Пруссіею. Герцогъ Бурбонъ не только прервалъ послѣ того всѣ переговоры, но далъ пристанище во Франціи Станиславу Лещинскому, и въ досаду императору сваталъ за Людовика XV-го дочь его (бракъ сей совершился въ 1725 году). Съ тѣмъ вмѣстѣ Франція старалась увлечь въ союзъ противъ Россіи Швецію, и агенты Франціи начали руководствовать партіею, начальникомъ коей былъ Арведъ Горнъ, возставшій противъ вмѣшательства Россіи въ дѣла Швеціи, передачи наслѣдства герцогу голштинскому и союза съ русскимъ императоромъ. Другая партія составилась подъ предводительствомъ Гилленборга. Она спорила съ Горномъ и потому называлась русскою. Шведскій сеймъ 1723 года былъ бурный и ничего не рѣшилъ. Съ тѣхъ поръ образовались двѣ враждебныя крамолы, терзавшія раздорами Швецію, подъ именами Шляпниковъ и Колпачниковъ, и политика Швеціи увлечена была подъ вліяніе Франціи. Предоставляя рѣшеніе спора вполнѣ будущему времени, императоръ удовольствовался тѣмъ, что герцогу голштинскому опредѣлила Швеція по 25,000 талеровъ пенсіи, и сеймъ шведскій утвердилъ, что при избраніи наслѣднику Фридриху будетъ потребовано согласіе Россіи. Дочери Петра Великаго опредѣлено было впослѣдствіи рѣшить сей вопросъ. Въ 1725 году заключенъ былъ императоромъ съ Швеціею союзный и торговый трактатъ.

Прежнюю политику поддерживалъ императоръ съ Польшею. Король Августъ не смѣлъ и не могъ предпринять противъ него никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Императоръ не изъявлялъ ему ни вражды, ни дружбы. Русскія войска оставались въ Польшѣ подъ разными предлогами, и посолъ русскій защищалъ вольность польскую даже и тогда, когда она переходила за предѣлы умѣренности. Почти каждый сеймикъ и каждый сеймъ оканчивались ссорою—нерѣдко битвою. Въ 1724 году, диссиденты польскіе (такъ называли поляки всѣхъ не-католиковъ), выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями католическаго духовенства, возстали въ Торунѣ, разграбили іезуитскій коллегіумъ и убили нѣсколько солдатъ. Католики жестоко мстили имъ за себя. Бургомистръ Реснеръ, нѣкогда защищавшій Торунь отъ шведовъ, и девять знатнѣйшихъ гражданъ, были казнены, какъ допустившіе своеволіе. Августъ не смѣлъ заступаться за нихъ, ибо императоръ не вступался въ споръ торунскій. Король прусскій сваталъ въ то время герцогиню Анну Іоанновну за родственника своего, герцога саксенъ-вейсенфельскаго, съ тѣмъ, что онъ получитъ за нею въ приданое Курляндію. Сватовство не состоялось, но переговоры объ немъ вели явно, и императоръ не спрашивалъ ни воли короля Августа, ни согласія поляковъ.

Въ 1723 году императоръ готовилъ важную морскую экспедицію: русскіе корабли готовились въ путешествіе кругомъ свѣта. Поводомъ къ тому было предложеніе шведскому королю славнаго флибустьера Моргана. Язва и гибель вестъ-индскихъ морей, гонимые изъ Америки, флибустьеры (такъ называли въ Америкѣ морскихъ разбойниковъ) разбѣжались повсюду. Отважнѣйшій всѣхъ другихъ товарищей, Вилліамъ Морганъ вздумалъ основаться на Мадагаскарѣ, занялъ часть береговъ сего острова, объявилъ себя королемъ его и хотѣлъ отдаться въ покровительство кого-нибудь изъ европейскихъ государей. Онъ избралъ Карла XII-го, предлагая ему свои корабли и своихъ корсаровъ въ войнѣ съ Англіею и Россіею. Карлъ XII-й и Герцъ любили все необыкновенное и вошли въ сношенія съ Морганомъ. Смерть короля шведскаго прервала переговоры. Императоръ хотѣлъ узнать подробности дѣла и предложить Моргану свое покровительство, соединяя съ тѣмъ мысль объ открытіи русской морской торговли въ Индіи. Вице-адмиралу Вильстеру назначались три фрегата и лѣтомъ 1724 г. онъ долженъ былъ отправиться въ путь, нагрузивъ на корабли русскихъ произведеній. Императоръ снабжалъ его грамотами къ великому Моголу, препоручая зайти въ Мадагаскаръ. Болѣзнь императора остановила экспедицію, и онъ отложилъ ее, а безъ того за восемьдесятъ лѣтъ прежде 1803 года русскій флотъ вѣзвѣялсся бы на моряхъ индійскихъ.

Важнѣйшимъ изъ внутреннихъ дѣлъ въ 1723 году были распоряженія императора касательно Малороссіи. Мы видѣли мѣры, принятыя имъ послѣ полтавской битвы. Въ теченіе 14-ти лѣтъ онъ неуклонно продолжалъ свою систему управленія Малороссіи и постепенно привелъ въ исполненіе мысль свою—уравнять Малороссію съ другими русскими областями. Не только не слушалъ онъ представленій гетмана Скоропадскаго, но во всемъ ограничивая его, не позволилъ ему даже избрать супруга дочери между малороссіянами и выдалъ ее за сына любимца своего Толстаго. Зять гетманскій возведенъ былъ послѣ сего въ чинъ полковника нѣжинскаго. Гетманъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1718 году, и отказался дать голосъ по дѣлу царевича Алексѣя, не смѣя, какъ говорилъ онъ, судить отца съ сыномъ. Царь не гнѣвался за его смѣлость и одарилъ гетмана при отъѣздѣ, не выдалъ его потомъ въ тяжбѣ съ Меншиковымъ, но не уважалъ безпрестанной докуки его о вольностяхъ казацкихъ. Многія волости малороссійскія были забраны на государя, подъ предлогомъ укрывательства въ нихъ бѣглыхъ. Казаковъ малороссійскихъ посылали на отдаленныя работы и въ пограничную стражу. Русскіе вмѣсто нихъ отправляли военную службу въ Малороссіи. Грамоты царей были отобраны у гетмана, подъ предлогомъ разсмотрѣнія ихъ, и въ 1721 году открыта въ Малороссіи судебная канцелярія, послѣ чего рѣшительно уничтожилась власть гетмана. Онъ пріѣзжалъ въ Москву въ 1722 году, былъ опять обласканъ, но учрежденіе Малороссійской Коллегіи слѣдовало затѣмъ, и когда Скоропадскій умеръ (іюля 3-го) императоръ не позволилъ никого избирать на его мѣсто. Полковникъ черниговскій, Павелъ Полуботокъ

получилъ временное управленіе Малороссіею, но безъ власти. Доходы гетманскіе были взяты у него. Дѣла производила коллегія. На новыя просьбы о выборѣ гетмана императоръ отвѣчалъ, что онъ „пріищетъ достойнаго человѣка, а какъ въ дѣлахъ остановки нѣтъ, то и докучать ему не надлежитъ.“ Полуботокъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ и представить свои объясненія императору. Ему велѣно было молчать. Полуботокъ не унимался, дерзнулъ явиться къ императору и смѣло заговорилъ ему о прежнихъ правахъ и льготахъ малороссійскихъ казаковъ. Разгнѣванный императоръ велѣлъ заключить его въ крѣпость. Несчастный Полуботокъ жестоко заболѣлъ. Императоръ самъ посѣтилъ его въ заключеніи, уговаривая отступиться отъ неумѣстныхъ требованій и обѣщая за то милости и награды. „Онѣ не нужны мнѣ,“ отвѣчалъ умирающій Полуботокъ, „и если я неправъ, то насъ разсудитъ не судъ человѣческій, но Тотъ передъ Которымъ нѣкогда станутъ Петръ и Павелъ, не какъ подданный и царь, но какъ равные человѣки, и кіиждо отъ дѣлъ своихъ прославится или постыдится!“ Полуботокъ умеръ въ крѣпости—безполезная и ненужная жертва того, что прошло и не могло, и не должно было возвратиться. Императоръ искренно жалѣлъ объ немъ, но можно ли было ему думать о нелѣпыхъ вольностяхъ казацкихъ при тогдашнемъ состояніи Россіи? Система императора строго продолжалась. Корпусъ русскихъ войскъ расположился въ Малороссіи. Малороссійскихъ полковниковъ смѣнили русскіе. Подозрѣваемые въ несогласіи на распоряженія императора были удаляемы. Сообщники Полуботка оставались въ заключеніи. Исторія казачества была кончена въ Россіи, хотя еще сорокъ лѣтъ потомъ Малороссія дѣлилась на полки и сохраняла названія прежнихъ чиновъ своихъ. Рука Екатерины II-й уничтожила сіи безполезныя формы.

Начало 1724 года ознаменовалось распоряженіемъ императора, которое также суждено было довершить Екатеринѣ II-й черезъ 40 лѣтъ по кончинѣ его: изданнымъ 31-го января указомъ всѣ монастырскія и духовныя имѣнія отобраны въ вѣдѣніе особенной коллегіи при Синодѣ и управленіе ими отнято у духовенства. Число монастырей въ Россіи и монаховъ въ нихъ долженствовало быть ограничено и опредѣлено штатомъ, какъ равно и содержаніе ихъ. Всякое хозяйственное распоряженіе имѣніями предоставлялось коллегіи. Кромѣ небольшой выдачи на содержаніе монашествующихъ, остальные доходы велѣно обращать на заведеніе при монастыряхъ больницъ и богадѣленъ. Указъ императорскій основывался на цѣли, съ какою получило начало иноческое житіе, и императоръ доказывалъ въ немъ несообразность мірскихъ попеченій объ имѣніяхъ съ назначеніемъ инока. Опредѣлено было устроить двѣ семинаріи, въ коихъ должны были обучаться люди, предназначаемые для занятія высшихъ духовныхъ степеней. Кончина императора остановила дальнѣйшее распоряженіе.

Января 22-го императоръ осуществилъ еще одинъ изъ проектовъ Лейбница—учрежденіе Академіи Наукъ. На содержаніе ея опредѣлялось 25,000 рублей, и съ цѣлью распространять ученые труды посредствомъ занятій ака-

демиковъ, императоръ соединялъ болѣе практическую пользу, ибо при академіи предположена была академическая гимназія, гдѣ приготовлялись ученики къ высшимъ познаніямъ лекціями профессоровъ. Онъ хотѣлъ даже соединить съ академіею особенное отдѣленіе изящныхъ художествъ—живописи, ваянія, зодчества, рѣзьбы, и кромѣ того механическое отдѣленіе для дѣланія оптическихъ инструментовъ, гравированія, точенія, литья и проч. Докторъ Блюментростъ, получившій мѣсто придворнаго медика по смерти Арескина, приглашалъ знаменитыхъ мужей къ занятію каѳедръ, и на его предложеніе согласились многіе ученые люди — Бернулли, Байеръ, Коль, Броссъ, Делиль, Крафтъ, Миллеръ, и другіе. Царь призывалъ даже въ Россію знаменитаго Вольфа и не жалѣлъ ему жалованья. Нашлись люди, осмѣлившіеся порицать мысль императора, и говорившіе ему, что не видятъ пользы давать деньги нѣмцамъ, которые будутъ писать объ ученыхъ предметахъ книги, коихъ въ Россіи читать и понимать некому.—„Правда," отвѣчалъ императоръ, „но они приготовятъ намъ такихъ людей, которые ученыя книги ихъ читать и понимать будутъ. Тогда мы и безъ нѣмцевъ обойдемся, и сами ученыя книги станемъ писать по-русски. Если плохаго начала не дѣлать, то и дождаться добраго конца нельзя. И развѣ ученыя сочиненія академиковъ, если они принесутъ намъ честь въ Европѣ и докажутъ, что уже и мы, русскіе, наукою занимаемся, вы ни во что не цѣните! И у кого же мнѣ обо всемъ до науки касающемся спрашивать, если у меня собранія ученыхъ не будетъ? Могу ли я притомъ вполнѣ постигать то, что нужно Россіи, если она ученымъ образомъ описана не будетъ?"

Въ началѣ 1724 году болѣзнь императора усилилась. Медики успѣли еще разъ помочь императору. Въ январѣ онъ посѣтилъ Кронштадтъ и Сестрорѣцкій заводъ. Для большаго укрѣпленія силъ опять отправился императоръ съ супругою и дворомъ своимъ къ Олонецкимъ Кончезерскимъ водамъ, февраля 3-го. Здѣсь кончилъ онъ въ часы досуга изящное костяное паникадило, и отдалъ его въ находившуюся при Кончезерскихъ источникахъ церковь, приложивъ къ нему собственноручную записку: приносится въ знакъ благодаренія Господу Богу за цѣлебныя воды, а сдѣлано при оныхъ, марта 14-го дня, 1724 года (драгоцѣнное паникадило сіе перевезено потомъ въ Петербургъ и находится въ кунстъ-камерѣ). Съ Олонецкихъ водъ императоръ отправился прямо въ Москву. Дорогою, видя уродливыя хижины и дома крестьянъ въ мѣстахъ мало посѣщаемыхъ, императоръ запретилъ строить сплошныя селенія и велѣлъ составить рисунки для крестьянскихъ строеній по всей Россіи.

Въ Москвѣ ожидали императора герцогъ голштинскій, герцогиня курляндская, герцогиня мекленбургская, губернаторы, знатнѣйшее духовенство и сановники. Какъ будто предчувствуя, что увидятъ своего монарха въ послѣдній разъ, издалека и отовсюду съѣхались въ Москву тысячи людей. Коронованіе императрицы совершилось съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Корону императрицы цѣнили въ полтора милліона рублей. Особая рота ве

ликорослыхъ солдатъ была учреждена для почетной стражи и названа кавалергардскою. Она одѣта была богато и уравнена въ чинахъ съ гвардіею. Императоръ въ день коронаціи былъ въ голубомъ, шелковомъ французскомъ кафтанѣ и въ башмакахъ (сей нарядъ находится нынѣ на восковомъ изображеніи императора въ кунстъ камерѣ) Всѣ кавалеры въ шитыхъ золотомъ кафтанахъ, а дамы въ парчевыхъ робронахъ. Два трона поставлены были посрединѣ Успенскаго собора подъ великолѣпнымъ балдахиномъ. Наканунѣ торжества герольды возвѣстили его Москвѣ звукомъ трубъ.

Мая 7-го изъ Кремлевскаго дворца началась великолѣпная процессія, при звонѣ колоколовъ, среди безсчетной толпы народа и полковъ гвардіи, поставленныхъ на площади. „Вы знаете намѣреніе мое короновать мою супругу,“ сказалъ императоръ громко, сидя въ соборѣ на своемъ тронѣ, окружавшему его духовенству. „Исполните священный обрядъ.“ Онъ самъ надѣлъ корону на главу супруги и вручилъ ей скипетръ. Душа Екатерины такъ переполнилась чувствомъ умиленія, что она заплакала и поверглась на колѣни передъ своимъ державнымъ супругомъ...

Дивный переходъ отъ маріенбургской хижины пастора до престола императорскаго - отъ бѣдной сироты, влекомой въ плѣнъ рукою русскаго солдата, до императрицы, предъ коею преклоняется Россія!...

Столъ былъ отправленъ во дворцѣ со всею церемоніею европейскихъ дворовъ. Столовый приборъ былъ золотой. Пальба гремѣла при заздравныхъ кубкахъ. Народъ угощали на площади. Въ слѣдующіе дни начались маскарады, балы, фейерверки. Милости и награды были объявлены многимъ Въ числѣ награжденныхъ былъ сербскій митрополитъ, пріѣхавшій въ Москву. Ему дали денежное пособіе и одарили его церковною утварью и духовными книгами. Императоръ купилъ тогда Головинскій дворецъ, огромное зданіе подлѣ дворца Лефортовскаго, и велѣлъ перестраивать его... Онъ предполагалъ вскорѣ пріѣхать въ Москву и прожить въ ней нѣсколько времени.

Іюня 16-го 1724 года Москва простилась съ императоромъ навсегда...

По прибытіи въ Петербургъ, императоръ обозрѣлъ флотъ свой въ Кронштадтѣ, чертилъ рисунки фонтанамъ въ Петергофѣ, присутствовалъ при освященіи церкви въ Царскомъ Селѣ и отправился осматривать Ладожскій каналъ. Тамъ ожидалъ его человѣкъ достопамятный—Минихъ.

Сынъ голштинскаго инженера, Минихъ на 18-мъ году пошелъ въ битвы, сопутствовалъ принцу Евгенію и Марлборугу и попался въ плѣнъ при Денеиѣ (1712 года); бывши въ плѣну во Франціи, познакомился и подружился онъ съ Фенелономъ; въ 1716 году перешелъ въ польскую; въ 1721 году, послѣ неудовольствіи съ любимцемъ Августа, Флемингомъ, въ русскую службу. Императоръ скоро отличилъ Миниха, умнаго, ученаго, краснорѣчиваго, поручалъ ему многія инженерныя работы, особливо устройство порта въ Рогервикѣ, весьма его занимавшее, и говорилъ, что „никто такъ хорошо не понимаетъ его мыслей и не исполняетъ ихъ такъ, какъ Минихъ“. Зависть противъ новаго любимца воспользовалась затрудненіемъ Миниха, когда импе-

раторъ передалъ ему окончаніе Ладожскаго канала, начатаго еще въ 1719 году. Издержавъ много денегъ и измучивъ тысячи работниковъ, ничего не могли кончить. Минихъ смѣло объявилъ всѣ прежнія работы негодными и представилъ свой новый планъ. Императоръ изумился представленію Миниха, утверждавшаго, что все сдѣланное прежде никуда не годится. Не слушая клеветы враговъ строителя, императоръ хотѣлъ личнымъ обозрѣніемъ рѣшить споръ на мѣстѣ. Нѣсколько дней бродилъ онъ съ Минихомъ по болотамъ, мѣрилъ, исчислялъ, спалъ на сырой землѣ, убѣдился въ истинѣ словъ Миниха и уполномочилъ его на производство работъ. Но возвратясь въ Петербургъ почувствовалъ онъ пагубныя слѣдствія своей поѣздки. Болѣзнь его страшно усилилась.

Августа 3-го совершена была въ Петербургѣ встрѣча мощей св. Александра Невскаго. Посвятивъ петербургскую обитель иноковъ имени славнаго предка своего, героя въ тяжкую годину монгольскаго ига, побѣдителя шведовъ на берегахъ Невы и угодника Божія послѣ кончины, императоръ повелѣлъ перенесть драгоцѣнную раку съ мощами его изъ Владиміра въ Петербургъ, и самъ выѣхалъ навстрѣчу сей святынѣ на великолѣпной галерѣ. На своихъ рукахъ перенесъ онъ раку на галеру, потомъ въ Александро-Невскую церковь, гдѣ изготовлена была новая, великолѣпная серебряная рака. Христіанское благоговѣніе явилъ императоръ при семъ благочестивомъ обрядѣ. Казалось, предчувствуя близкую кончину, онъ передавалъ угоднику Божію любимый городъ свой и будущую судьбу его.

Усиліе императора переломить болѣзнь свою при семъ торжествѣ учинило ее болѣе прежняго пагубною. Мучительная странгурія, которою страдалъ онъ со времени похода въ Персію, терзала его. Принуждены были прибѣгнуть къ жестокой операціи, нѣсколько облегчившей страданія. Какъ будто вознаграждая двухъ-недѣльное бездѣйствіе, императоръ дѣятельнѣе прежняго принялся за дѣла, присутствовалъ послѣдній разъ при спускѣ 64-хъ пушечнаго корабля, названнаго Дербентъ, и несмотря на осеннее время, велѣлъ своимъ медикамъ собираться съ нимъ въ небольшую прогулку. Напрасно умоляли его отложить поѣздку. Бездѣйствіе болѣе убивало великаго труженика. Небольшую прогулку императора составило обозрѣніе работъ по Ладожскому каналу и обзоръ желѣзныхъ олонецкихъ заводовъ (гдѣ, все еще мощною рукою, онъ выковалъ полосу желѣза). Отсюда онъ проѣхалъ по Волхову и Ильменю и осмотрѣлъ старо-русскія соловарни. По возвращеніи въ Петербургъ чувствовалъ онъ себя лучше и 29-го октября отправился въ небольшомъ суднѣ на сестрорѣцкій заводъ. Бурная погода заставила его пристать къ берегу у Лахты. При наступавшей темнотѣ увидѣли въ морѣ большой ботъ, наполненный солдатами Онъ стоялъ на мели, и погибель угрожала ему. Императоръ послалъ на помощь свою шлюпку, безпокоился, распоряжался, стоя на берегу, и досадуя на нерасторопность посланныхъ, отправился самъ къ утопавшему боту. Не думая о себѣ, онъ бросился въ воду, стоялъ въ ней по поясъ, и радовался, что успѣлъ спасти всѣхъ бывшихъ на ботѣ.

Онъ остался ночевать въ Лахтѣ, но въ ночь оказались у него жестокая простуда и лихорадка такъ, что императоръ принужденъ былъ воротиться въ Петербургъ.

Крѣпкое сложеніе осилило болѣзнь, хотя она возбудила опасенія врачей, тѣмъ болѣе, что неутомимый монархъ не оставлялъ ни своихъ занятій, ни своего образа жизни.

Ноября 24-го совершено было обрученіе герцога голштинскаго съ великою княжною Анною Петровною, и веселье при дворѣ продолжалось нѣсколько дней.

Въ декабрѣ пріѣхалъ въ Петербургъ грузинскій царь Вахтангъ. Императоръ обѣщалъ ему убѣжище въ Россіи и принялъ въ службу всѣхъ бывшихъ при немъ грузиновъ.

Истекалъ 1724 годъ. Здоровье императора слабѣло, но духъ его былъ бодръ и дѣятеленъ на краю могилы. Можно судить о трудахъ его по изданнымъ въ 1724 году указамъ: число ихъ простиралось до 220 и они обнимали всѣ части государственнаго правленія. Императоръ издалъ въ семъ году: инструкцію генералъ-провіантмейстеру, морской торговый уставъ, тарифъ, регламентъ коммерцъ-коллегій, штатъ провіантской канцеляріи, инструкцію магистратамъ. Въ числѣ указовъ были: повелѣніе о переводѣ книгъ; о посылкѣ въ Силезію для обученія овцеводству; о заведеніи метрическихъ книгъ; объ усовершенствованіи выработки пеньки въ Россіи; о посылкѣ миссіонеровъ къ калмыцкіе улусы; о сочиненіи краткаго изложенія объ обязанностяхъ христіанина; о росписаніи полковъ по губерніямъ; объ удаленіи судей отъ сужденія дѣлъ ихъ родственниковъ; объ устройствѣ сибирской линіи; о заведеніи торговой компаніи для торга съ Испаніею; оба устройствѣ бичевниковъ по рѣкамъ; объ устройствѣ дорогъ, и проч. Между тѣмъ безпрерывно помышлялъ императоръ объ изданіи новаго полнаго уложенія и подтвердилъ о собраніи всѣхъ указовъ и законовъ, дабы изъ нихъ составить кодексъ россійскаго законовѣдѣнія—мысль, исполненная черезъ сто лѣтъ по кончинѣ его, въ благословенное царствованіе императора Николая. Собственноручными письмами распоряжалъ императоръ всѣми дѣлами.

Правосудіе его было, какъ всегда, неумолимо. Огорчаемый несправедливыми поступками, пристрастіемъ и особенно мздоимствомъ многихъ высшихъ чиновниковъ, императоръ показалъ въ послѣдніе годы своего царствованія нѣсколько грозныхъ примѣровъ правосудія надъ знатнѣйшими сановниками. Въ 1721 году былъ преданъ казни знаменитый вельможа, князь М. П. Гагаринъ. Двѣнадцать лѣтъ онъ былъ правителемъ Сибири, и надѣясь на родство и связи, забылъ свои обязанности, обогащался неправедно, торговалъ правдою въ судѣ. Вопли угнетенныхъ и страждущихъ дошли до императора. Онъ предалъ Гагарина суду. Напрасно обвиненный не жалѣлъ денегъ и подарковъ. Дружба Меншикова, родство Головкина и Шафирова (сынъ Головкина былъ женатъ на дочери Гагарина, а сынъ Гагарина женатъ на дочери Шафирова), заступленіе императрицы — ничто не спасло преступ-

ника, тѣмъ болѣе, что явно уличаемый, Гагаринъ упорно не сознавался. Онъ былъ повѣшенъ 18-го іюля 1721 года.—Во время отсутствія императора въ Персію безчинная ссора началась въ присутствіи сената между Меншиковымъ и Шафировымъ. Многіе другіе приняли въ ней участіе, и по возвращеніи императора взаимныя улики открыли позорныя дѣла и постыдное мздоимство нѣкоторыхъ сенаторовъ. Заслуги Шафирова не спасли его отъ наказанія. Онъ былъ осужденъ на смертную казнь и 15-го февраля 1723 года возведенъ на эшафотъ. Здѣсь объявлено было ему помилованіе. Императоръ перемѣнилъ казнь на вѣчную ссылку въ Сибирь. Въ январѣ 1724 года казненъ былъ любимецъ императора, оберъ-фискалъ Нестеровъ, обличенный во мздоимствѣ. Въ ноябрѣ того же года отрубили голову любимому камергеру императрицы Монсу-Делакруа, а сестра его, вдова генерала Балка, была сослана въ Сибирь. Пользуясь милостью императрицы, Монсъ и Балкъ преклоняли вѣсы правосудія и обогащались подарками и взятками. Императрица со слезами умоляла за нихъ своего супруга. Онъ гнѣвно велѣлъ ей молчать. Она не хотѣла умолкнуть, просила, плакала, и въ гнѣвѣ ударивъ рукою въ огромное венеціанское зеркало, императоръ разбилъ его. „Видишь ли?“—воскликнулъ онъ.—„Довольно одного удара руки моей, и оно обратилось въ ничтожество, изъ котораго было создано!“—„Воля ваша, государь,“ отвѣтствовала кротко императрица, „но лучше ли сталъ дворецъ вашъ, когда вы уничтожили одно изъ его лучшихъ украшеній?“ — Растроганный императоръ обнялъ супругу свою, но остался непреклоненъ. — Такъ погибла на эшафотѣ красавица Гамильтонъ, фрейлина императрицы, уличенная въ дѣтоубійствѣ. Императоръ обнялъ и поцѣловалъ несчастную, когда она была осуждена. „Мой другъ!“ сказалъ онъ ей—„ты не должна сѣтовать на меня за такое осужденіе. Благодари Бога, что Онъ позволяетъ тебѣ страданіемъ здѣсь искупить твое преступленіе, а я невольный исполнитель моего долга“!

Новый 1725-й годъ императоръ встрѣтилъ обычнымъ празднествомъ, слушалъ литургію и проповѣдь Ѳеофана въ Троицкомъ соборѣ и пировалъ во дворцѣ. Января 3-го онъ имѣлъ еще силы участвовать въ веселомъ маскарадѣ: избирали новаго князя-папу на мѣсто прежняго, незадолго передъ тѣмъ умершаго. Избиратели шли въ кардинальскихъ одеждахъ. Ихъ встрѣтили стукомъ въ пустыя бочки, и запертые въ конклавѣ, они избрали какого-то весельчака, которому опредѣлены были жалованье, квартира, и водки и пива, сколько онъ выпить можетъ. Января 6-го императоръ явился еще передъ своими полками на Іордани. На другой день онъ утвердилъ трактатъ о союзѣ съ Австріею и Испаніею, и въ тотъ же день далъ собственноручное наставленіе капитану Витусу Берингу, назначенному въ ученую экспедицію: ему велѣно было построить въ Камчаткѣ два судна и на нихъ плыть изъ Камчатки къ сѣверу, доколѣ будетъ можно, дабы узнать окончательно: раздѣляется ли Азія отъ Америки проливомъ? Даже 13-го января императоръ разсматривалъ еще представленный ему проектъ вѣчнаго движенія (perpetuum mobile) и чертилъ корабельныя пропорціи...

Но уже рука смерти тяготѣла надъ главою избранника Божія. Вѣчность раскрывалась передъ нимъ.

Болѣзнь императора, безпрерывно усиливаясь, января 16-го достигла ужасающей степени. Мужъ великій былъ побѣжденъ тѣлесными страданіями, и повергнутый на одръ скорби, стеналъ жалостно въ минуты нестерпимой боли. Онъ являлся твердъ въ другія мгновенія, и какъ будто стыдясь своей слабости, сказалъ окружавшимъ его: „Изъ меня познайте, какое бѣдное животное человѣкъ!“ Вскорѣ увидѣли врачи, что исцѣленіе больного было не во власти человѣческой. Но самъ онъ, казалось, не предчувствовалъ близкой кончины, то терзался болѣзнью, то лежалъ въ усыпленіи. Никто не смѣлъ напомнить ему о распоряженіи наслѣдствомъ. Января 22-го поставили походную церковь передъ его спальнею, отслужили обѣдню и императоръ пріобщился св. Тайнъ. Велѣно было отправлять молебствія о здравіи государя. Церкви петербургскія были наполнены молящимся народомъ. Въ смутномъ безмолвіи ожидалъ роковой вѣсти Петербургъ. Января 26-го предложили императору собороваться. Благоговѣйно исполнилъ онъ сей священный обрядъ и впалъ послѣ сего въ совершенное усыпленіе. Знатѣйшіе вельможи и духовенство уже не оставляли дворца. На другой день, какъ будто опомнившись, императоръ велѣлъ подать себѣ бумагу и перо, но слабая рука его чертила только несвязные знаки, гдѣ едва могли разобрать начальныя слова: Отдайте все... Онъ велѣлъ позвать великую княжну Анну Петровну, хотѣлъ диктовать ей и не могъ... Языкъ его коснѣлъ и онъ произносилъ невнятные звуки... Присутствовавшіе не удержали слезъ. Нѣкоторые повергліись передъ нимъ и цѣловали руку его. „Послѣ“! внятно промолвилъ онъ. Всѣ вышли изъ комнаты. Архіепископы Ѳеофилактъ и Ѳеофанъ приступили къ одру умирающаго съ бесѣдою вѣры, надежды и любви. Подъемля кверху уже омертвѣлые глаза и хладѣвшія руки, умирающій едва внятно твердилъ: Едино сіе услаждаетъ меня и жажду мою утоляетъ! Вѣрую и уповаю! Вѣрую, Господи, помози моему невѣрію! Онъ склонился на подушку и не говорилъ ничего болѣе. Слышно было иногда слабое стенаніе. Лѣвая рука, пораженная параличемъ, не двигалась, но правою шевелилъ онъ судорожно. Дыханіе и стонъ стихали. Тогда подступилъ къ императору архіепископъ Ѳеофилактъ и спросилъ: не благоволитъ ли онъ пріобщиться въ напутствіе св. Тайнъ, и если согласенъ, то поднялъ бы правую руку. Радостно взглянулъ умирающій, приподнялъ немного правую руку свою и пріобщенъ былъ св. Причастія. Онъ забылся потомъ, успокоился, стонъ его прекратился — дыханіе постепенно ослабѣвало — тяжкая ночь длилась — въ 6-мъ часу пополуночи, января 28-го 1725 года, Петръ Великій кончилъ земное бытіе. Для него начались жизнь за гробомъ и безсмертіе на землѣ.

Императрицу едва могли уговорить оставить одръ умирающаго супруга, близъ коего провела она сряду нѣсколько дней и ночей. Услышавъ о кончинѣ императора, она лишилась чувствъ. Вопли и рыданія наполнили дворецъ. Народъ и войско рыдали и плакали неутѣшно.

Черезъ нѣсколько часовъ изданъ былъ указъ Синода и Сената, гдѣ, извѣщая о кончинѣ императора, объявляли народу о восшествіи на престолъ супруги его, императрицы Екатерины Алексѣевны.

Въ отдаленныхъ краяхъ Сибири, на берегахъ Каспія, въ древней Москвѣ, вѣсть о кончинѣ императора поразила неутѣшною скорбью товарищей трудовъ его, еще столь недавно видѣвшихъ его неутомимымъ, дѣятельнымъ. Онъ казался безсмертенъ. Сорокъ два года царствованія пріучили всѣхъ видѣть въ Петрѣ Великомъ какое-то провидѣніе Россіи. Многихъ тревожила мысль и о томъ, что будетъ послѣ него.

Петръ Великій скончался 52 лѣтъ, 7 мѣсяцевъ, 20 дней. Отъ вступленія его на престолъ совершилось 42 года, 7 мѣсяцевъ, 3 дня. Самодержавіе его, съ 1689 г., продолжалось около 36 лѣтъ; единодержавіе, съ 1696 года, болѣе 29-ти лѣтъ; царствованіе съ императорскимъ титуломъ около 4-хъ лѣтъ. Императорское семейство по кончинѣ его, кромѣ императрицы Екатерины Алексѣевны, вдовы императора, составляли три дочери; великая княжна Анна (обрученная невѣста герцога голштинскаго) и великія княжны Елисавета (16 лѣтъ) и Наталія (7-ми лѣтъ); внукъ, сынъ царевича Алексѣя, великій князь Петръ (10 лѣтъ); внучка, великая княжна Наталія, и три племянницы, дочери царя Іоанна, Екатерина, герцогиня мекленбургская, Анна, вдовствующая герцогиня курляндская, и великая княжна Прасковія. У герцогини Екатерины была дочь, принцесса Анна Леопольдовна (7 лѣтъ).

Набальзамированное тѣло императора выставлено было въ одной изъ залъ Зимняго дворца, гдѣ онъ скончался. Тысячи приходили къ нему. Отецъ нашъ! оставилъ ты насъ! восклицали многіе, рыдая и лобызая охладѣвшую руку императора. Февраля 13-го перенесли гробъ въ великолѣпно убранную траурную залу; 12-ть сенаторовъ и генераловъ ежедневно дежурили у гроба.

Марта 4-го общая печаль умножилась неожиданною кончиною малолѣтней великой княжны Наталіи Петровны. Гробъ ея поставили рядомъ съ гробомъ великаго родителя ея. Марта 10-го утромъ началось погребеніе императора. Болѣе 12,000 гвардіи и другихъ полковъ стояли на льду Невы. Чиновники несли короны, ордена, регаліи императора — Меншиковъ, Апраксинъ, Головкинъ, Рѣпнинъ, Аллартъ, Толстой шли за гробомъ. Петропавловскій соборъ не былъ еще тогда конченъ. Въ немъ устроили временную крышу, освятили его, и здѣсь отданъ былъ послѣдній долгъ императору.

Архіепископъ Ѳеофанъ взошелъ на каѳедру и произнесъ надгробное слово. „Что се есть?“ воскликнулъ онъ въ началѣ. „До чего мы дожили, о россіяне? Что видимъ? Что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!“ Рыданія пресѣкли рѣчь его.

На медали, выбитой въ память кончины императора, изображались: заходящее солнце; Петръ Великій, несомый въ небеса вѣчностью; Россія, окруженная аттрибутами флота, наукъ и художествъ, съ надписью: Виждь, какову оставилъ тя!

Гробъ Петра Великаго оставался посрединѣ Петропавловскаго собора, подъ балдахиномъ, до 1731 года. Въ сіи немногіе годы смѣнились на престолѣ супруга его и внукъ. Гробъ супруги его былъ поставленъ рядомъ съ его гробомъ. Внукъ умеръ и былъ похороненъ въ Москвѣ. Императрица Анна, вступившая на россійскій престолъ, прислала изъ Москвы указъ предать землѣ бренные останки императора. Минихъ, уже бывшій тогда графомъ, генералъ-губернаторомъ петербургскимъ и президентомъ военной коллегіи, явился въ соборъ съ немногими чиновниками, мая 29-го. Александроневскій архимандритъ Петръ Смѣличъ совершилъ панихиду. Глухо прогремѣли пушки съ валовъ крѣпости, когда въ приготовленный въ соборѣ склепъ тихо опустили гробъ Петра Великаго.

Черезъ сорокъ лѣтъ (29-го августа 1772 г.) у гроба великаго царя совершилось великолѣпное торжество. Екатерина II-я, въ присутствіи своего блестящаго двора, возложила на гробницу его флагъ турецкій, отнятый на водахъ Архипелага. „Возстани, Петръ, и воззри на плоды трудовъ твоихъ!" возглашалъ краснорѣчивый Платонъ.

Прошелъ вѣкъ, смѣнились годы, цари и событія. Въ 1803 году, празднуя столѣтіе Петербурга, императоръ Александръ положилъ на гробницу Петра Великаго медаль, гдѣ изображенъ былъ портретъ его, съ надписью: Отъ благодарнаго потомства.

Императрица Анна хотѣла воздвигнуть памятникъ Петру Великому и заказала его Растрелли. Памятникъ былъ отлитъ изъ бронзы. уже въ 1744 г., и тогда не былъ поставленъ. Императрица Екатерина II-я, чтя память великаго царя, вызвала въ Петербургъ художника Фальконета и препоручила ему сооруженіе памятника болѣе величественнаго. Работа продолжалась около 20-ти лѣтъ. Императрицѣ донесли объ огромномъ гранитномъ камнѣ, лежащемъ на морскомъ берегу близъ Лахты и называемомъ Громъ. Здѣсь, проѣзжая въ Сестербекъ, иногда останавливался Петръ Великій, всходилъ на верхъ громаднаго камня и смотрѣлъ на море. Повелѣно было перевезть сію громаду въ Петербургъ, и на нерукотворномъ подножіи ($7^1/_2$ саж. въ длину, 3 саж. въ ширину, 2 сажени въ вышину) художникъ поставилъ изображеніе Петра Великаго, на конѣ, попирающемъ ногою змія. Съ двухъ сторонъ камня изображены были надписи (сочиненныя Сумароковымъ): Петру Первому Екатерина Вторая, лѣта 1782 — Petro primo Catharina secunda, MDCCLXXXII. Въ 1782 году открытъ былъ сей памятникъ, на площади между Сенатомъ и Адмиралтействомъ. Противъ него, на другомъ краю Сенатской площади, Екатерина опредѣлила воздвигнуть великолѣпный храмъ, въ память дня рожденія Петра Великаго. Ветхая церковь св. Исаакія, стоявшая на мѣстѣ сената, была уничтожена, и новый Исакіевскій соборъ заложенъ былъ въ 1768 году. Но Екатерина не дожила до окончанія его. Императоръ Павелъ велѣлъ поставить противъ своего новаго Михайловскаго дворца памятникъ Петра Великаго, изваянный Растрелли, надписавъ на подножіи его: Прадѣду правнукъ, и приказалъ наскоро достроить, начатый Ека-

териною, соборъ Исакіевскій. Несообразность окончанія внушила императору Александру мысль перестроить его вновь. Въ 1819 году начато было обновленіе достопамятнаго храма въ громадныхъ размѣрахъ. Высота его предположена болѣе 300, ширина до 180-ти, куполъ болѣе 80 футовъ. Мы уже видимъ его нынѣ возникшій въ изумительной красотѣ — 44 столба, изъ цѣльныхъ кусковъ финляндскаго гранита, въ 8 саженъ вышиною каждый, подпираютъ четыре портика его, и лѣсъ колоннъ, взброшенныхъ на высоту, окружаетъ куполъ, издали ярко горящій позолотою. Благодатному вѣку императора Николая, благоговѣющаго къ памяти великаго предка, суждено было увидѣть окончаніе храма, достойнаго памяти Петра Великаго.

По повелѣнію императора Николая воздвигнутъ бронзовый памятникъ Петру Великому въ Кронштадтѣ.

Тщательно хранятся всюду въ Россіи слѣды Петра Великаго—зданія, имъ воздвигнутыя, суда его, оружіе, одежда. Ими наполнено драгоцѣнное отдѣленіе кунсткамеры петербургской, извѣстное подъ именемъ Кабинета Петра Великаго. Преданіе народное указываетъ на мѣста, гдѣ останавливался, отдыхалъ, бывалъ Петръ Великій. Вѣковыя деревья ознаменованы во многихъ мѣстахъ именемъ Петра, начиная съ дуба въ саду коломенскомъ, до дубовой рощи, насажденной его руками въ окрестностяхъ Петербурга. Ветхій, деревянный Троицкій соборъ сохраняется въ Петербургѣ донынѣ въ первоначальномъ видѣ его. Подлѣ него домикъ Петра Великаго.

Если войдете въ Петропавловскій соборъ въ петербургской крѣпости южными дверьми, направо у стѣны храма увидите вы каменное надгробіе, не отличающееся отъ другихъ, рядомъ съ нимъ стоящихъ. Противъ сего надгробія, передъ образомъ апостола Петра, увидите вы костяное паникадило, и на аналоѣ лежитъ костяной рѣзной крестъ, оба изящной работы.

Сердце ваше скажетъ, кто покоится подъ симъ надгробіемъ. Колѣна ваши преклонятся невольно, и святое безмолвіе запечатлѣетъ уста ваши: здѣсь бренные останки того, чье имя не изгладятъ вѣка, чей памятникъ Россія, имъ пересозданная. Молитесь и благоговѣйте: вы видите могилу Петра Великаго.

Разсказъ двадцать пятый.

Петръ Великій, какъ царь, человѣкъ и избранникъ судебъ. Заключеніе.

> ...Размышлялъ я: каковъ Тотъ, Который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море — дхнетъ духъ его — и потекутъ воды, прикоснется горамъ — и дымятся! Но мысли человѣческой положенъ предѣлъ — божества постигнуть мы не можемъ, а если человѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найдти надобно — кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю!..
>
> Ломоносовъ.

> Поднесь вселенну изумляетъ
> Величіе его чудесъ.
> Премудрыхъ умъ не постигаетъ,
> Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?
>
> Державинъ.

Имена великихъ такъ часто, такъ легко были расточаемы современниками, и столь многія изъ нихъ были оспорены потомствомъ у тѣхъ, кому придавали ихъ, и люди такъ извѣрились въ величіе, что мы, потомки Петра, готовы отвергнуть названіе великаго, говоря о нашемъ Петрѣ. Чѣмъ болѣе удаляется отъ насъ исполинскій образъ его, тѣмъ онъ громаднѣе становится, тѣмъ явнѣе спадаетъ съ него все тлѣнное, все земное, все человѣческое, и тѣмъ ярче свѣтитъ въ немъ знаменіе неба, являющее „избранника Божія,“ и названіе „великаго“ кажется намъ для него уже недостаточнымъ.

Повторять исчисленіе подвиговъ его, говорить, что онъ создалъ въ Россіи флотъ и войско, водворилъ просвѣщеніе, возродилъ промышленность, раскрылъ источники силъ и богатствъ, и огриничиться только такимъ исчисленіемъ, было бы недостаточно.

Міровое явленіе вѣковъ, Петръ Великій можетъ быть постигнутъ тогда только, когда постигнута будетъ судьба Россіи и опредѣлится мѣсто ея въ исторіи всемірной.

Громадное явленіе Россіи и ея отдѣльность отъ образованія Европы, когда она принадлежитъ Европѣ, ея религіозная, политическая и нравственная самобытность, ея народность, сліяніе сѣвера съ югомъ, запада съ востокомъ, Европы съ Азіею, ея мѣстность, ея исторія, ея характеръ, умѣющій все принять и все освоить себѣ, сохраняя свою самостоятельность, все показываетъ, что Россіи приготовило провидѣніе великое дѣло въ исторіи человѣчества. Вѣка слагали вещественную громаду силъ Россіи, и когда Россіи должно было двинуться въ Европу, явился Петръ, вдохнулъ жизнь въ вещество, закрылъ промежутокъ времени и пространства своею всемогущею волею, и переставилъ азіатское царство въ среду европейскихъ государствъ.

Не страсть къ войнѣ и ученью, возбужденная чьимъ либо примѣромъ, была источникомъ дѣлъ Петра Великаго, и не теоретическое развитіе опредѣленной въ началѣ мысли была жизнь его. Онъ родился предназначенный, онъ совершалъ предопредѣленіе Божіе, онъ не могъ жить иначе, и бытіе его составлялъ подвигъ его. Потому провидѣніе одарило его изумительными тѣлесными силами къ перенесенію труда его жизни; потому воля его была непобѣдима и умъ его былъ всеобъемлющъ; потому онъ былъ полководецъ и законодатель, создатель идеи и возсоздатель ея въ вещественности. Указывать на ошибки его нельзя, ибо мы не знаемъ: не кажется ли намъ ошибкою то, что необходимо въ будущемъ, для насъ еще не наставшемъ, но что онъ уже провидѣлъ. Дѣла и мысли Петра Великаго были не только на его вѣкъ, но на всю будущую исторію Россіи послѣ него. Потому императрицы Анна и Елисавета, не слѣдуя по стопамъ его, потому императрица Екатерина и императоръ Николай, слѣдуя по стопамъ его, одни не могли разрушить началъ Петра, а другіе развивали начала Петра. Драгоцѣнное твореніе составило бы описаніе и исчисленіе всѣхъ, не только огромныхъ и главныхъ, но и частныхъ дѣлъ, распоряженій, мыслей, замѣтокъ Петра Великаго, все о чемъ намекалъ онъ въ своихъ письмахъ, запискахъ, наставленіяхъ, словахъ. Такая книга была бы зерцаломъ царей русскихъ, завѣтною книгою нашею и нашихъ потомковъ, ибо каждое твореніе генія должно быть предметомъ изученія вѣковъ. Мы только сочувствуемъ истинѣ и благу и стремимся къ нимъ, но въ геніи они самосущны: онъ не можетъ не быть добръ и благъ, какъ солнце не можетъ не свѣтить, вода не можетъ не двигаться, пламя не можетъ не стремиться въ высоту. Потому Петра Великаго, какъ еще другихъ немногихъ — весьма немногихъ, повторимъ — нельзя сравнивать съ кѣмъ либо: онъ самобытенъ, какъ геній, разрѣшающій всѣ предѣлы бреннаго бытія человѣческаго.

Таковъ нашъ Петръ. Но сколь драгоцѣнное, поучительное изученіе представляетъ онъ, когда разсматриваемъ жизнь и дѣла его, какъ человѣка, какъ государя, какъ явленіе, связанное узами жизни. Здѣсь все безцѣнно намъ. Дѣла Петра Великаго изображаютъ его намъ, но умъ человѣческій

любитъ многообразное созерцаніе предмета съ различныхъ, опредѣленныхъ точекъ. Такъ мы созданы — дѣлить недѣлимое, объединять многоразличное.

Мы говорили о внѣшнемъ видѣ Петра Великаго. Красавецъ въ юности, онъ сохранилъ во всю жизнь величественную красоту, пламень взора, тѣлесную силу, хотя лѣта и труды сгорбили нѣсколько его высокій, стройный станъ, и онъ сдѣлался тученъ, лицо его поблѣднѣло, здоровье разстроилось, съ лѣтами усилилось несносное дрожаніе головы, и онъ чаще прежняго подвергался припадкамъ задумчивости, изъ коихъ только шутки любимцевъ и нѣжность супруги могли извлекать его. Но до самой кончины немногіе могли переносить огонь его гнѣвнаго взора, и никто безъ умиленія не могъ внимать его простого, ласковаго привѣта, слушать его дружескую бесѣду и его кроткія наставленія. Рѣчь его, быстрая и порывистая, сверкала умомъ, но онъ былъ краснорѣчивъ и увлекателенъ, если хотѣлъ убѣдить кого либо. Въ русскую рѣчь любилъ онъ вмѣшивать иностранныя слова, но глубоко понималъ онъ силу русскаго слова, изучивъ духъ, характеръ и свойства русскаго народа. Въ тѣлесныхъ занятіяхъ онъ былъ неутомимъ — ловко ѣздилъ на лошади, отлично дѣйствовалъ ружьемъ, и немногіе лучше его стрѣляли, или превосходили его, когда онъ принимался за весло. Безстрашно взбирался онъ на мачту, ходилъ по высотамъ, лазилъ по высокимъ подмосткамъ, бросался въ море съ корабля и смѣло плавалъ въ волнахъ его. По нѣскольку дней могъ онъ переносить голодъ, холодъ, безсонницу.

Умъ Петра Великаго изумлялъ обширностью, глубиною, разнообразіемъ идей. Ему все было доступно—ученая диссертація и грубый чертежъ машины, философическое разсужденіе и рѣчь простолюдина. Каждый предметъ не только обнималъ онъ со всѣхъ сторонъ, но открывалъ новыя стороны его и приспособлялъ ихъ къ общимъ идеямъ, наполнявшимъ его безмѣрное воображеніе. Память его была необыкновенная. Черезъ двадцать лѣтъ узнавалъ онъ человѣка, одинъ разъ имъ видѣннаго, и не забывалъ словъ, мимоходомъ ему сказанныхъ. Любопытство его было неудовлетворимо ничѣмъ. Каждый поражавшій его предметъ обращалъ его вниманіе, были ли то блокъ, новымъ образомъ выточенный, лопата крестьянина, земледѣльческія грабли, проектъ финансовъ, крѣпость, мельница, пушка. Обо всемъ онъ требовалъ объясненія, составлялъ записку, отмѣчалъ размѣръ, бралъ модель и рисунокъ. Но проницательность немедленно показывала ему ничтожность предмета, и никакіе возгласы и хитрости не могли въ такомъ случаѣ увлечь его.

Охота къ ученію была, какъ будто врождена ему, и познанія Петра Великаго были изумительно разнообразны. Кромѣ знаній, необходимыхъ предводителю войскъ и начальнику морскихъ ополченій, Петръ вообще преимущественно любилъ однакожъ знанія математическія, особенно черченіе плановъ, и пріобрѣлъ притомъ обширныя свѣдѣнія въ физикѣ, химіи, астрономіи. Языки изучалъ онъ, какъ пособіе для науки, почитая словесность—собственно забавою, и также смотря на изящныя художества. Полезное было для него всегда цѣлью, и для сей только цѣли изучалъ онъ исторію, гео-

графію, богословіе, и зналъ множество ремеслъ и художествъ механическихъ. Онъ былъ кузнецъ, токарь, плотникъ, каменщикъ, какъ былъ онъ солдатъ и матросъ. Преданіе говоритъ, что онъ не умѣлъ только лаптя сплесть, но онъ самъ починивалъ свои башмаки, былъ довольно искусный хирургъ— рвалъ зубы, пускалъ кровь. Нерѣдко самъ онъ стряпалъ себѣ кушанье въ дорогѣ и въ походѣ. Достигнувъ полезнаго, устроивъ войско и флотъ, Петръ началъ думать и объ изящномъ, пригласилъ къ себѣ Леблона и Растрелли, покупалъ картины и статуи, украшалъ сады фонтанами, и въ наукѣ хотѣлъ уже роскоши, желая передать Европѣ также ученую, а не только воинскую славу Россіи.

Изъ сихъ то тѣлесныхъ качествъ, душевныхъ свойствъ и многосторонняго образованія составился самобытный, огненный, дивный характеръ Петра Великаго, соединеніе противоположностей, великій, какъ ввѣренная ему Богомъ Россія, какъ она едва объемлемый умомъ человѣческимъ.

Въ частной, семейной жизни добродѣтели человѣка и христіанина соединялись въ Петрѣ Великомъ. Онъ былъ добрый сынъ, нѣжный братъ, любящій супругъ, чадолюбивый отецъ, домовитый хозяинъ, тихій семьянинъ, вѣрный другъ. Добродушная простота видна была въ его домашнемъ быту, занятіяхъ, привычкахъ. Благочестіе его было искреннее и глубокое, при ненависти къ суевѣрію. Превосходно зная Священное Писаніе, онъ наизусть зналъ церковный кругъ, любилъ пѣть, читать въ церкви. Забвеніе ошибки и вины было у него готово виновному. Далѣе нѣсколько чертъ введутъ насъ въ частную жизнь безсмертнаго монарха.

Собственно вся жизнь Петра Великаго была трудъ безпрерывный, и только перемѣна занятій составляли у него отдыхъ и досугъ. Не говоря о безпрестанныхъ путешествіяхъ и походахъ, гдѣ все отдавалось труду, живши дома онъ всегда вставалъ въ 3 часа пополуночи. Часъ времени посвящалъ онъ чтенію книгъ и газетъ; въ четыре часа, выпивши рюмку водки, надѣвалъ лѣтомъ свой сѣрый казакинъ, или поношенный мундиръ, и въ цвѣтныхъ чулкахъ, съ кортикомъ на боку, съ дубинкой въ рукѣ, съ простою шляпою или картузомъ на головѣ, а зимою въ шапкѣ изъ сѣрыхъ мерлушекъ, въ красномъ на мѣху казакинѣ и въ длинныхъ сапогахъ, отправлялся пѣшкомъ, или лѣтомъ въ крашеной одноколкѣ, либо на лодкѣ, а зимою въ пошевняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, въ адмиралтейство и на строенія. Въ 6 часовъ утра былъ уже онъ въ сенатѣ и коллегіяхъ. Здѣсь оставался онъ до 11-ти часовъ. Кончивъ трудъ свой, выпивалъ онъ здѣсь, или заѣзжая въ Австерію, рюмку водки, и заѣдалъ ее кренделемъ. По возвращеніи домой наступалъ часъ пріема просителей. Въ 12-ть часовъ пополудни Петръ садился за обѣдъ, съ своею семьею и двумя-тремя гостями. Ему клали особенную ложку, вилку и ножикъ, ставили особую кружку его. Щи, студень, ветчина, каша, жареная утка съ груздями, пирогъ, кусокъ рѣдьки или сыра, рюмка вина, кружка пива, квасъ, вода составляли трапезу. Кушанья подавали прямо съ очага, ибо столовая была подлѣ кухни.

Денщикъ услуживалъ за столомъ. Слугъ не было. Столъ продолжался недолго. Петръ ложился отдыхать и спалъ часъ и два. Проснувшись, въ халатѣ, или канифасной курткѣ, и въ колпакѣ, принимался онъ за дѣла. Къ нему являлись министры, генералы, чиновники. День заключался чтеніемъ книгъ, газетъ, черченіемъ плановъ, рисунковъ, или занятіемъ въ токарной комнатѣ. Въ заключеніе всего Петръ пересматривалъ свои замѣтки, отмѣчалъ исполненное, записывалъ, что надобно было исполнить, и въ 10-ть часовъ вечера ложился спать послѣ легкаго ужина. Костюмъ его никогда не измѣнялся. Только чистое, тонкое бѣлье изъ голландскаго полотна была роскошь, которую онъ позволялъ себѣ. Любимое платье нашивалъ онъ до заплатокъ и императрица сама штопала чулки его. Иногда онъ обѣдывалъ за просто у своихъ любимцевъ, у купцовъ, даже у матросовъ, заѣзжая къ нимъ изъ сената и коллегій. Занятія дѣлами разнообразились у него до безконечности: на верфи принималъ онъ пословъ; въ сенатѣ писывалъ письма и немедленно посылалъ ихъ съ курьерами. Подавать ему прошенія, или объясняться съ нимъ, могли вездѣ, даже встрѣтясь на улицѣ. Иногда важный докладъ министра на работѣ въ адмиралтействѣ прерывался словами: Постой! Петръ бралъ топоръ, пилу, стругъ, указывалъ, какъ дѣлать, работалъ самъ, и обращался опять къ докладчику съ словомъ: Продолжай!—Никто не смѣлъ величать его - говорили просто. Онъ называлъ другихъ: братецъ, братъ, дѣдушка, дядя, или по прозвищу, по имени: Данилычъ, Шафировъ, Петръ, Иванъ. Почувствовавши голодъ, въ гостяхъ, на работѣ, дома, онъ приказывалъ подать себѣ что-нибудь съѣсть или выпить, и былъ доволенъ тѣмъ, что дадутъ—рюмкой сивухи, кускомъ чернаго хлѣба. Супругу свою всегда называлъ онъ Катенькою. Занимаясь большими письменными работами, онъ запирался въ своемъ кабинетѣ и посвящалъ имъ иногда по 14-ти часовъ въ день. Иногда просыпался онъ ночью, требовалъ огня, записывалъ, что ему приходило на мысль и засыпалъ снова. Безчисленное множество писемъ писалъ онъ самъ, и ни одна записка, ни одинъ указъ не проходили безъ отмѣтокъ, помарокъ, прибавокъ его рукою. Важныя бумаги переправлялъ онъ по нѣскольку разъ, и удивительная краткость и точность знаменовали все выходившее изъ рукъ его. Иногда Петръ любилъ повеселиться въ домашнемъ кругу. Сходились у кого-нибудь за-просто. Время проходило въ разговорахъ; кубки и бокалы ходили по рукамъ. Съ трубкой табаку, Петръ садился равно подлѣ фельдмаршала и подлѣ корабельнаго мастера, ибо въ общество его собирались всѣ безъ чиновъ. Онъ любилъ играть въ шахматы, и иногда, шутя, вмѣшивался въ танцы. На ассамблеяхъ, или вечернихъ собраніяхъ, которыя учредилъ онъ въ кругу своихъ приближенныхъ, изгнаны были принужденность и чинность. Увеселенія тогдашнія вообще были просты и могли бы показаться грубыми при дворѣ Людовика XIV-го. Петръ любилъ шутку простую. При дворѣ его были шуты и карлики, хотя онъ не терпѣлъ дураковъ и дуръ, коими набиты были дворы старинныхъ баръ.

Плясали на самыхъ балахъ, кто какъ умѣлъ. Театръ не существовалъ, ибо нельзя назвать театромъ грубыхъ тогдашнихъ сценическихъ зрѣлищъ.

Уничтоживъ недоступность прежнихъ царей, отмѣнивъ азіатскую чинность и великолѣпіе дворское въ жилищахъ, одеждѣ, во всемъ, окружавшемъ его, Петръ не думалъ, что простота его наряда и обращенія могли казаться странностью чужеземнымъ государямъ или министрамъ ихъ. Онъ ни для кого не измѣнялся и въ Парижѣ ходилъ въ своемъ сѣромъ кафтанѣ.

Но если перейдемъ къ характеру Петра, какъ государя, онъ преображается передъ нами. Здѣсь другой Петръ—и какое величіе!

Дѣла его, какъ его умъ, прежде всего поражаютъ насъ обширностью взгляда и всеобъемлемостью воззрѣнія: его ничто не изумляло, ничто не останавливало, на все великое былъ онъ готовъ, и всегда ставилъ онъ цѣль свою далѣе того, что ему представлялось. Таковъ былъ онъ въ юности, еще безъ опыта жизни, таковъ и въ старости, уже прошедшій путь жизни тяжелый и многотрудный.

Онъ играетъ съ потѣшными—и воображеніе его уже представляетъ ему полки воиновъ, предводимые имъ къ побѣдамъ. Едва увидѣлъ онъ ботикъ прадѣдовскій—и уже въ мысли его корабли покрываютъ моря, которыя еще надобно завоевать. Едва есть у него нѣсколько плохихъ кораблей, онъ уже воюетъ на Черномъ морѣ. Онъ чувствуетъ преимущество образованія европейцевъ—и оставляетъ тронъ свой, спѣшитъ за предѣлы Россіи, хочетъ видѣть Европу вблизи. Онъ возвращается съ плодами своихъ наблюденій—и уже заключаетъ союзъ на войну противъ Швеціи, хочетъ отнять у нея Балтійское море. Только что нога его стала на Балтикѣ, онъ уже мыслитъ обладать всѣмъ балтійскимъ приморьемъ. Торжествуя побѣду, ставши между великими государями Европы, онъ не отвергаетъ огромныхъ предложеній императора Іосифа; ведя войну съ Швеціею, онъ спѣшитъ сразиться съ султаномъ; воюетъ моремъ и землею противъ Карла XII-го, увлекая своихъ союзниковъ, и не отрекается отъ предпріятій Герца, готовый подать руку дружбы своему неукротимому врагу. Оканчивая войну съ Швеціею, онъ уже готовитъ походъ въ Персію, мыслитъ покорить Каспійское море и прямо съ торжества мира идетъ на новое дѣло. Едва кончилъ онъ его, и уже въ мысли его возведеніе зятя на шведскій престолъ и новый союзъ съ императоромъ, предпріятіе въ Китай, возобновленіе войны съ Турціею. Такъ для него мало было введенія регулярныхъ войскъ—онъ хочетъ имѣть ихъ грозныя и великія; мало было заведенія флота—онъ хочетъ обладать четырьмя морями, въ Россіи примыкающими; посылаетъ корабли въ Индію, велитъ искать прохода между Азіею и Америкой. Не довольно ему было начать торговлю и промышленность Россіи — онъ хочетъ передать русскимъ торговлю заграничную, открыть пути торговые въ Индію, усвоить Россіи всѣ вѣтви европейской промышленности, извлечь изъ нѣдръ Россіи источники промышленныхъ богатствъ и разработать все, что сокрыто на ея безмѣрномъ пространствѣ. Такъ перенося въ Россію науки и художества, онъ уже мыслитъ

объ ученой славѣ русскихъ. Мысль его всегда впереди настоящаго, всегда далѣе цѣли, имъ достигаемой. Предпринимая реформу законовъ, онъ объемлетъ уставами всѣ части государственнаго управленія. Когда онъ видитъ потребность водяныхъ сообщеній въ Россіи, его не устрашаетъ мысль соединить Волгу съ Дономъ, Донъ съ Окою, или проложеніе Ладожскаго канала на 100 верстъ и водныхъ путей по Балтійскому морю черезъ лѣса и пустыни сѣвера.

Съ обширностью взгляда соединяется у него быстрота исполненія. Все мгновенно переходило у него изъ мысли въ дѣло. Такъ начинались двѣ войны его съ Турціею, война съ Швеціею, война съ Персіею. Но къ сему присовокуплялись у него изумительная твердость и непобѣдимое постоянство въ исполненіи. Никакія препятствія не затрудняли его, и цѣлые годы непреклонно стремился онъ къ исполненію своей мысли. Посмотрите, какъ мужественно переноситъ онъ нарвскую неудачу, двадцать лѣтъ сражается съ Карломъ XII-мъ и Швеціею, и послѣ побѣды принуждаетъ непріятелей къ уступкѣ его завоеваній. Во внутреннихъ преобразованіяхъ тщетно вооружались противъ него преступное честолюбіе Софіи, дикое изувѣрство стрѣльцовъ, темное невѣжество раскольниковъ, возставали родные, кипѣли бунты, крамолы, сверкали ножи окрестъ него—онъ все ниспровергалъ своею всесильною волею.

Какъ царь, соединялъ онъ въ себѣ всѣ необходимыя свойства государя великаго.

Онъ былъ природный воинъ и великій полководецъ. Военныя познанія пріобрѣлъ онъ въ изумительномъ разнообразіи, и—примѣръ едва ли не единственный—соединилъ въ себѣ знанія сухопутнаго и морского воина, адмирала и генерала, самъ испытавъ службу солдата и матроса. Какъ храбрый солдатъ, какъ отважный морякъ, безстрашно шелъ онъ на батарею, взлѣзалъ на непріятельскій корабль съ топоромъ въ рукѣ, шелъ неутомимо въ походѣ, весело плылъ по бурной безднѣ моря. Онъ былъ инженеръ, артиллеристъ, штурманъ, капитанъ корабля, пѣхотинецъ и наѣздникъ, но во главѣ всего онъ былъ великій полководецъ. Разсмотрите планъ войны его послѣ нарвской битвы до вступленія Карла XII-го въ Россію, или съ сего времени до полтавской битвы, и послѣ сей битвы до прутскаго похода; походъ въ Померанію и Голштинію; планъ завоеванія Финляндіи; войну съ 1718 по 1721 годъ; походъ въ Персію, и даже самый походъ прутскій, несмотря на неудачу, смѣлый и превосходно разсчитанный. Перейдите послѣ сего на поле битвы и вспомните искусный выводъ русскихъ войскъ изъ Вильны въ 1705 году, битву подъ Лѣснымъ, битву полтавскую, битвы подъ Тоннингеномъ. Нельзя не удивляться, что русскіе военные писатели до сихъ поръ не раскрыли и не показали намъ дарованій Петра Великаго, какъ полководца.

Онъ былъ великій политикъ. Здѣсь должны мы опровергнуть простолюдинское мнѣніе, которое съ ужасомъ говоритъ о политикѣ Ришельё, Іоанна

III-го, Людовика XI-го, Вильгельма III-го, и проклинаетъ глубокомысленныя творенія Маккіавеля. Тотъ не постигъ обязанностей и долга царей, кто требуетъ въ ихъ государственныхъ дѣлахъ добродѣтелей частнаго человѣка и простого гражданина. Отвергаемъ безчеловѣчіе, коимъ иногда сопровождались дѣла великихъ дѣятелей міра, и безсовѣстность, какую государственная политика считала иногда необходимою. Отвратительна низкая пронырливость своекорыстія дипломатическаго, но едва ли когда бываютъ совмѣстны съ долгомъ государственнаго человѣка простодушіе и совѣстливость простого гражданина.

Мы не будемъ доказывать, что были справедливыя причины къ войнѣ Петра Великаго съ Швеціею, не станемъ оправдывать поступковъ его съ Польшею, или причинъ завоеванія имъ персидскихъ областей. Цѣль великая и успѣхъ должны быть оправданіемъ царя и министра—цѣлью Петра были величіе и благоденствіе Россіи, а успѣхъ доказалъ вѣрность его предпріятій. Когда Петръ оставляетъ безъ возмездія обиды пословъ своихъ въ Царьградѣ и смерть Паткуля, должно ли винить его въ слабости? Назовемъ ли вѣроломствомъ, если онъ ведетъ переговоры съ Герцемъ, отступается отъ союзниковъ для дружбы съ Карломъ XII-мъ, или несправедливостью преслѣдованіе имъ добродѣтельнаго Станислава, жестокостью опустошеніе Швеціи съ 1719 по 1721 годъ? Такихъ поступковъ, такихъ мѣръ требовали отъ него политическіе разсчеты его, и какъ превышаетъ онъ въ семъ случаѣ мелкую интригу, ничтожное своекорыстіе своихъ современниковъ, робкихъ, медленныхъ, близорукихъ! Какое хладнокровіе и твердость въ дѣлахъ съ Польшею, какая ловкость и уклончивость въ дѣлахъ съ Турціею съ 1711 года! Необходимыми жертвами политики во внутреннихъ дѣлахъ были казнь стрѣльцовъ, преслѣдованіе теократизма, уничтоженіе правъ Малороссіи и донцовъ. Могъ ли Петръ Великій увлекаться неумѣстною жалостью, онъ, для блага и счастія Россіи не пожалѣвшій родного сына, приносившій въ жертву отечеству самого себя, свои наслажденія, свое спокойствіе, свою жизнь?

Да, онъ всѣмъ пожертвовалъ Россіи, все отдалъ онъ ей, и никогда не мыслилъ онъ о себѣ, бросаясь въ пылъ битвы, въ утлой ладьѣ плывя по бурнымъ морямъ, подставляя грудь свою подъ ножи убійцъ, забывая санъ и пищу, работая на верфяхъ, стуча молотомъ, копая заступомъ, странствуя безпрерывно, пренебрегая нѣгу и величіе дворское. Ни лѣта, ни болѣзни не укрощали его дѣятельнести. Горести сердца, скорби души, онъ все забывалъ для Россіи.

Здѣсь обращаетъ вниманіе наше то, что многіе ставятъ въ обвиненіе Петра: его стремленіе всюду быть самому и все исполнять самому.

Не будутъ оправдывать его, если скажутъ, что онъ подвергалъ жизнь свою опасности, какъ простой солдатъ или матросъ, забывая, что жизнь его дорога, что на жизни его основывается все будущее Россіи. Здѣсь оправданіе Петра въ тайномъ сознаніи голоса провидѣнія, неслышно вѣщавшаго ему: „Падутъ окрестъ тебя тысячи и тмы одесную тебѣ, но къ тебѣ не

приблизится гибель!“ Но что все принималъ онъ на самого себя, все хотѣлъ самъ исполнить, все мыслилъ поднять на раменахъ своихъ, оправданіе его очевидно: онъ создавалъ Россію, и то состояніе, въ какомъ онъ засталъ ее, не могло дать ему людей, которые вполнѣ понимали бы его мысли, вполнѣ совершали бы дѣла его. Все создавалъ онъ—дѣла, средства, дѣятелей. Вѣкъ его еще не могъ явить Потемкиныхъ, Суворовыхъ, Ломоносовыхъ. Великое свойство государя мудраго является и здѣсь въ умѣньи Петра Великаго узнавать, избирать людей, употреблять ихъ сообразно ихъ дарованію, мирить ихъ страсти, направлять самые недостатки ихъ къ цѣли. Съ нимъ всѣ были хороши, и подъ его рукою, съ его умомъ, какой блестящій рядъ мужей незабвенныхъ заслугами является окрестъ его: Меншиковъ, Долгорукій, Головкинъ, Шереметевъ, Толстой, Шафировъ, Голицынъ, Рѣпнинъ, Румянцевъ, Бестужевъ, Остерманъ, Брюсъ, Минихъ, Геннингъ, Вейде, люди разныхъ свойствъ, и всѣ равно безсильные, едва переставали дѣйствовать ими умъ и воля Петра.

Мы видѣли бережливость, простоту жизни и привычекъ Петра Великаго, какъ человѣка, но не таковъ былъ онъ, какъ царь. На великія предпріятія, флотъ, войско, устройство фабрикъ, заводовъ, каналовъ, дорогъ, городовъ, крѣпостей, портовъ, машинъ, на созданіе всего полезнаго и великаго, онъ не щадилъ денегъ, хотя считалъ каждую копейку. Если бы не знали мы его мудрой экономіи, его искусства финансоваго управленія, постигнуть было бы невозможно, гдѣ находилъ онъ средства вести безпрерывную войну и созидать все то, что созидалъ онъ въ Россіи. Онъ не жалѣлъ денегъ на жалованья, награды, благотворенія, и кромѣ необходимаго, являлъ истинно царскую роскошь тамъ, гдѣ надобно было показать великолѣпіе государя. Чуждый роскоши и тщеславія, онъ являлся въ величіи народу, вводя полки съ тріумфами послѣ побѣдъ, торжествуя завоеванія, миръ, годовщину битвъ, выводя на смотръ флоты. Тогда оставлялъ онъ свою всегдашнюю одежду—являлся окруженный дворомъ, чиновниками, не жалѣлъ угощеній народу, жегъ дорогіе фейерверки, учреждалъ потѣхи, маскарады, забавы.

Правосудіе почиталъ Петръ священною обязанностью государя, и правосудіе его было грозно, неумолимо, безпощадно. Только одно—истинное раскаяніе и исправленіе виновнаго смягчали его. Но зато хитрость, коварство, ухищреніе, закоснѣлость порока были ему нестерпимы. Онъ требовалъ истины и правды, безъ гнѣва внималъ имъ, и ничто не возбуждало гнѣва его такъ, какъ обманъ и неправда.

Таковъ былъ нашъ Петръ, какъ человѣкъ и государь.

Мы сказали, что никто не долженъ осмѣливаться судить дѣла Петра Великаго. Какъ онъ дѣлалъ, говоритъ исторія его. Что онъ сдѣлалъ? Углубитесь въ лѣтописи Европы и Россіи до него и послѣ него, поймите дѣла его и—благоговѣйте! Очертимъ здѣсь только вещественныя, видимыя формы.

Азіатское царство, громада вещественныхъ силъ. Царь, затворникъ въ

чертогахъ, подъ вліяніемъ олигархіи и теократіи. Войско, нестройныя толпы, сотни тысячъ, отступающія отъ крымскихъ татаръ, и избранныя дружины, готовыя возмутиться по слову крамольника или изувѣра. Государство, извнѣ окруженное сильными врагами, когда въ Польшѣ царствуетъ храбрый король, и въ Швеціи вступаетъ на престолъ второй Густавъ-Адольфъ; внутри подвергнутое игу суевѣрія, невѣжества, лишенное науки, просвѣщенія и образованности. Народъ, считающій иностранца проклятымъ бусурманомъ. Торговля бѣдное удовлетвореніе потребностей, или монополія знатныхъ и богачей. Морской силы нѣтъ, ибо русскіе отрѣзаны отъ всѣхъ морей, кромѣ безполезнаго для нихъ Каспійскаго моря. Грубость образованія является въ бытѣ народномъ, подверженномъ порокамъ обществъ полуобразованныхъ. Женщины рабыни отцовъ и мужей. Въ самомъ составѣ государства администрація смѣшеніе судебныхъ формъ и своеволія судей. Малороссіи и Донъ враждебно удерживающія права свои. Сибирь только мѣсто ссылки и добыванія соболей на царя.

И что же черезъ сорокъ лѣтъ?

Вы видите европейское государство, проникнутое порывомъ умственнаго образованія. Царя, окруженнаго величественнымъ дворомъ стройнымъ чиноначаліемъ, сильнымъ, мужественнымъ войскомъ, могущественнымъ, многочисленнымъ флотомъ на трехъ моряхъ. Сосѣди, Швеція и Польша, уничтожены. Недавно перешагнувши за Кавказъ, Россія готова наказать гордыню отдаленнаго Китая, готова снова начать войну съ Турціею и открыть себѣ путь къ Черному морю, уже владѣя Балтійскимъ и Каспійскимъ. На отдаленномъ Тихомъ океанѣ русскіе корабли, они скоро достигнутъ береговъ Америки и предѣловъ Японіи. Россія въ союзѣ со всею Европою, уже видѣвшею вблизи царя русскаго, войско и флотъ его. Русскіе послы при европейскихъ дворахъ и послы европейскихъ государей при дворѣ русскомъ. Другіе властители Европы вступаютъ въ родство съ царемъ, и онъ одинъ изъ двигателей европейской политики, которая скоро будетъ зависѣть отъ рѣшенія Россіи. Внутри крамола уничтожена. Части государства слиты воедино волею царя. Все оживляется наукою, образованіемъ, просвѣщеніемъ. торговлею, которая простирается уже на всю Европу, готова проникнуть въ Азію и достигнуть черезъ моря въ Индію. Внутреннія сообщенія, пути, дороги, каналы пролагаются всюду. Россія владѣетъ торговою Ригою и древнимъ Ревелемъ. Суевѣріе и изувѣрство лишены силъ своихъ. Сила и власть теократіи не существуетъ. Образованность проникла въ бытъ народный. Тысячи русскихъ уже бывали въ чужеземныхъ странахъ. Тысячи иностранцевъ принесли русскимъ свою науку, свое знаніе, свою промышленность. Законы приводятся въ стройную систему. Законъ, а не произволъ судьи и дьяка засѣдаетъ въ судѣ.

Кто осмѣлится судить того исполина, который одинъ, въ сорокъ лѣтъ, такъ пересоздалъ Россію.

Есть умы, одаренные какимъ-то жалкимъ свойствомъ находить всюду зло, тмить клеветою всякое добро, искать пятенъ на солнцѣ, забывая его благотворный свѣтъ, видѣть своекорыстіе въ порывѣ добра, и утверждать, что все могло быть лучше, еслибъ было иначе. Такіе умы, разсматривая исторію Петра Великаго, готовы даже оправдывать царевну Софію и стрѣльцовъ, готовы стоять за полудикій, прежній бытъ русскій, пересозданный Петромъ Великимъ, находятъ недостатки въ дѣлахъ его и слабости въ немъ самомъ.

Недостатки и слабости! Да, онъ человѣкъ былъ, бывши избранникомъ провидѣнія.

Упрекаютъ излишнее пристрастіе его къ воинской славѣ, говоря о первой, безполезной осадѣ Азова, о поспѣшномъ началѣ войны съ Швеціею, походѣ подъ Прутъ, самомъ походѣ въ Персію, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ были потеряны Россіею его завоеванія.

Но чѣмъ могла укрѣпиться Россія, если не оружіемъ? Если, дѣйствительно воинская слава увлекала Петра въ битвы, какъ иначе могъ онъ создать военныя силы Россіи? Если преемники не поняли мысли его покорить Кавказъ, его ли была вина? Прутскій походъ былъ тяжкимъ урокомъ великому, но могъ ли онъ тогда не начинать войны съ Турціею, и не заплатилъ ли онъ успѣхомъ за всѣ свои частныя неудачи?

Говорятъ: онъ не хранилъ истиннаго благоговѣнія къ религіи, разрушая древнія, простыя вѣрованія народа.

Клевета черная и отвратительная! Чистую святую вѣру и благоговѣніе къ уставамъ церкви хранилъ великій, но могъ ли онъ не преслѣдовать суевѣрія и изувѣрства, не стараться отнять орудіе, опасное въ рукахъ злоумышленниковъ, ограждая власть царя отъ притязанія пагубной теократіи?

Упрекаютъ его въ жестокости, приводя въ доказательство казнь стрѣльцовъ и смерть царевича Алексѣя!

Не скрывалъ онъ самъ, и мы не скроемъ, что пылкость характера была недостаткомъ Петра Великаго. Онъ обнажалъ въ гнѣвѣ мечъ на сестру, на Лефорта, на Долгорукаго, когда Долгорукій осмѣлился разодрать царскій указъ и сказать ему: Ты неправъ! Но не всегда ли раскаяніе слѣдовало за порывомъ гнѣва, не восклицалъ ли онъ горестно: „Великій Боже! я въ состояніи править государствомъ, а не могу управлять самимъ собою?“ Сколько разъ сугубою милостью и смиренною просьбою простить его заглаживалъ онъ мгновенные порывы гнѣва? Вспомните дѣла стрѣльцовъ, ихъ буйство, ихъ нераскаянность. Вообразите, что сдѣлали бы закоснѣлые злодѣи при успѣхѣ бунта въ отсутствіе царя. Сообразите нераскаянность ихъ, даже послѣ 1698 года, и увѣрьтесь, что казнь стрѣльцовъ была тяжкая необходимость, жертва вѣку грубому, нравамъ свирѣпымъ, закоснѣлой олигархіи и изувѣрной теократіи. Вспомните, что супруга, сестры, сынъ Петра, ближніе и друзья его возставали противъ него. Отличите и первые годы его царствованія отъ послѣднихъ, ознаменованныхъ кротостью и милосердіемъ.

Осудите ли громы небесные, гремящіе грозою на землѣ? Для чего переносите вы идею нашего вѣка къ вѣку иному? Для чего не вспомните жестокости суда и наказаній тогдашнихъ въ Европѣ, казней стрѣлецкихъ при царѣ Алексѣѣ, котораго называете милосердымъ, или истребленія стрѣльцовъ при Софіи? Мы ужасаемся при словѣ: пытка, а она считалась судебною необходимостью, не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Судъ царевича Алексѣя! Но кто дерзнетъ осудить великаго, если даже онъ рѣшался вознести карающій мечъ правосудія на сына своего? Какъ? Вы не чувствуете грознаго величія его жертвы? Вы забыли, чѣмъ угрожалъ Алексѣй Россіи? Здѣсь Петръ выше человѣка, а вы смѣете осуждать его!

Пристрастіе къ иностранному было въ немъ излишнее, говорятъ порицатели, и стерло съ Руси самобытность ея.

Во-первыхъ, оно не стерло ея, и Русь осталась самобытна во всѣхъ отношеніяхъ, но если она утратила внѣшнія, ничтожныя формы, что же изъ того? Петру потребна была реформа рѣшительная. Онъ могъ слѣдовать только европейскому образованію, а принимая его, могъ ли онъ не принять формъ его? Петръ сбрилъ бороды и обрѣзалъ длиннополые кафтаны русскихъ, но всегда оставался онъ вѣренъ русскому духу, русской вѣрѣ, русскому характеру, тщательно отдѣляя все, что могло перейти въ Россію вредное, и только полезное оцѣнялъ, принималъ, переносилъ онъ въ Россію. Тысячи случаевъ доказываютъ, что никогда не мѣнялъ онъ чужеземца на русскаго, хотя и отдавалъ должное должному, свой ли онъ былъ или чужой. Зло проникло съ добромъ — таковъ законъ всего въ мірѣ, но оно проникло при его преемникахъ, и здѣсь еще вопросъ: зло ли то, что намъ кажется зломъ?

Обращаютъ наконецъ въ упрекъ самыя увеселенія Петра Великаго, и особенно веселыя разгулья его и странные маскарады народные.

Обвиненіе рѣшительно нелѣпое. Римлянинъ былъ великъ и добродѣтеленъ, хотя смотрѣлъ на бой гладіаторовъ. Испанецъ былъ рыцарь безъ страха и порока, хотя утѣшался боемъ быковъ. Увеселенія при всѣхъ европейскихъ дворахъ во времена Петра Великаго носили слѣды грубости, и попойка была всюду въ обыкновеніи. Русскіе кромѣ того были особенно пристрастны къ хмѣльному разгулью. Петръ Великій, всегда строгій и умѣренный, слѣдовалъ обычаямъ своего вѣка, иногда удѣляя время отдыху отъ тяжкихъ трудовъ и любя въ такіе часы русскій разгулъ и братину въ веселой бесѣдѣ. Но и здѣсь самые иностранцы удивлялись впослѣдствіи вкусу и величію русскаго двора, послѣ безчинныхъ оргій короля Августа и герцога орлеанскаго.

И не соединялись ли всѣ замѣчаемыя вами излишества въ быстротѣ дѣлъ, въ пылкости характера, въ самыхъ весельяхъ великаго царя, съ необходимыми свойствами его природы? Отдыхъ Геркулеса не годится Пигмею, и излишество пылкихъ страстей не всегда ли связано съ превышающею другихъ силою генія?

Мы почитаемъ безполезнымъ входить въ опроверженіе мнѣнія тѣхъ, кто утверждаетъ, что дѣла Петра Великаго нарушили естественный, историческій ходъ дѣлъ Россіи. Уже и нынѣ соображеніе исторіи Европы и исторіи Россіи убѣждаетъ насъ въ исторической необходимости Петра Великаго для жизни русской земли, и въ необходимости дѣлъ его такъ именно, какъ они были, а не иначе. Обращаемся къ словамъ людей, говорящихъ о несообразности громадныхъ предпріятій Петра Великаго, когда онъ могъ погибнуть подъ Азовомъ, подъ Полтавою, подъ Прутомъ, зажигая маякъ на Березовыхъ островахъ, являясь въ сонмѣ заговорщиковъ одинъ: тогда, говорятъ намъ, тогда что было бы съ Россіею, гдѣ все было начато и ничто не кончено? Но если провидѣніе хранило его, слѣдственно, онъ и не могъ погибнуть, и крѣпкая увѣренность о томъ была въ душѣ его. Къ чему же наше ничтожное мудрованье? — Гораздо важнѣе вопросъ: кончилъ ли Петръ Великій свои предпріятія? Довершилъ ли онъ мысль свою, развитіемъ коей была вся жизнь его?

Онъ кончилъ, ибо ничто, ни олигархія послѣ его смерти, ни сорокъ лѣтъ, протекшихъ послѣ него до царствованія Екатерины II-й, не сдвинули, не поколебали, не разрушили началъ, имъ положенныхъ.

Онъ не кончилъ ихъ, ибо имъ не было конца, и онъ жилъ жизнью всего прошедшаго, всего настоящаго, всего будущаго бытія Россіи. Уже новые планы были у него на Европу, на Турцію, на Китай. Умирая, онъ утверждалъ за Россіею каспійскія области, посылалъ Вильстера въ Индію, Беринга въ Америку, требовалъ шведскаго престола своему зятю, составлялъ уложеніе, переговаривалъ съ Лавомъ о финансовой системѣ его, думалъ о китовой ловлѣ въ Ледовитомъ океанѣ, караванахъ въ Азію. Укажемъ только на работы, какія тогда предпринималъ онъ: портъ въ Рогервикѣ; высокій фаросъ въ Кронштадтѣ; Ладожскій каналъ; торговая пристань въ Ораніенбаумѣ; корабельная верфь въ Воронежѣ — и кто угадаетъ все, что еще таилось въ творческомъ горнилѣ души Петра Великаго! Слова: невозможно, онъ не зналъ. Вспомните, какъ перетаскивалъ онъ по сушѣ корабли, какъ хотѣлъ перенесть въ Россію безцѣнную святыню, Гробъ Спасителя, какъ въ первый годъ завоеванія Ингерманландіи заложилъ Петербургъ!

Счастливъ ли былъ онъ, безсмертный пересоздатель Россіи?

Если величіе нашихъ подвиговъ, исполненіе предназначенной намъ цѣли, сознаніе мѣры добра, нами восполняемой, не составляетъ нашего высшаго блаженства, неизвѣстнаго тому, „иже не избранъ,“ для Петра Великаго не было счастія, кромѣ немногихъ, хотя и ничѣмъ не замѣняемыхъ минутъ. Но минуты счастія и годы страданій, жертвъ, труда, работы безконечной, даже при дверяхъ гроба, съ горестною мыслью: кому передамъ дѣло мое послѣ меня?

Преклонитесь передъ Петромъ Великимъ, русскіе люди, и благоговѣйте передъ его священною памятью!

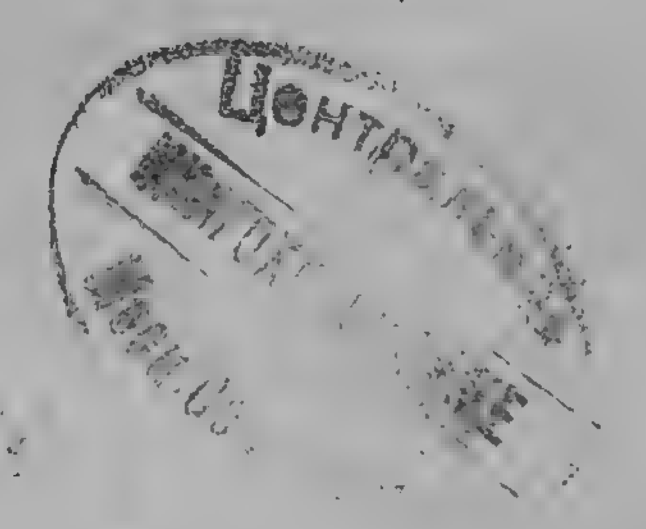
Она святится повѣстью народною, признаніемъ мудрыхъ, умиленіемъ потомковъ, сознаніемъ царей русскихъ, видящихъ въ Петрѣ Великомъ образецъ свой. Историки, законовѣдцы, поэты Россіи, всѣ благоговѣютъ передъ Петромъ Великимъ. Ломоносовы, Державины, Жуковскіе, Пушкины, Петровы, Мерзляковы пѣли гимны памяти Петра Великаго, и въ восторгѣ называли его ангеломъ Божіимъ, нисходившимъ въ образѣ человѣка на русскую землю.

Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія.
Сошедшій къ намъ отъ горнихъ мѣстъ!

Пожелаемъ, да начертитъ намъ просвѣщенный дѣеписатель исторію Петра Великаго, достойную его безсмертной памяти; да истощитъ онъ для сей лѣтописи о великомъ всѣ сокровища, сокрытыя въ архивахъ и хранилищахъ памятниковъ прошедшаго; да сообразитъ онъ все, что осталось о Петрѣ Великомъ у насъ и у чужеземцовъ. Такимъ твореніемъ, да прояснитъ намъ дѣеписатель еще болѣе наши понятія о дѣлахъ Петра Великаго и заградитъ уста невѣждъ? гласовъ, дерзающихъ судить мужа безсмертнаго! Донынѣ были только опыты исторіи Петра Великаго, и всѣ они были недостаточны. Посвящая памяти безсмертнаго царя нашъ краткій очеркъ жизни и дѣлъ его, не исторію его хотѣли мы писать, хотѣли только разсказать народную повѣсть о Петрѣ Великомъ, можетъ быть, достойную нѣкотораго вниманія только по чувству русскаго сердца, какимъ она проникнута. Русскимъ людямъ передаемъ нашу повѣсть, и умолкаемъ, повторяя слова великаго барда нашего:

Неси на небо гласы, вѣтръ —
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!

КОНЕЦЪ.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I-я.

ЧАСТЬ II-я.

ЧАСТЬ III-я.

ЧАСТЬ IV-я.